This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

3 2044 021 941 604

Digitized by Google

P Slav 473.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

P Slav 473.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,
ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
А. П. ПЯТКОВСКАГО.
ГОДЪ XV. ФЕВРАЛЬ. 1896 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

		СТРАН.
I.	Грѣхи отцовъ. Романъ **А. Михайлова**	7
II.	Голубой цвѣтокъ. (Изъ Рудольфа Баумбаха). Стихотвореніе **Л. Н. Трефолева**	46
III.	Народныя повѣрья въ южной Германіи. (Сказанья о свѣтлыхъ дѣвахъ и великанахъ). **В. Э. Фирсова**	48
IV.	Совѣсть. Стихотвореніе **К. М. Фофанова**	60
V.	Кровь. (Изъ записокъ человѣка безъ убѣжденій). Романъ **І. І. Ясинскаго**	61
VI.	Наши государственные крестьяне. (18 января 1866 г.). **Н. П. Дружинина**	99
VII.	Прометеево потомство. Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней независимости Абхазіи. **Д. Л. Мордовцева**	112
VIII.	Лиліи. (Изъ А. Асныка. Съ польскаго). Стих. **И. Бунина.**	146
IX.	Принцесса крови. Романъ **Ярро** (Джуліо Пичино). Переводъ съ итальянскаго	148
X.	Цвѣты на могилу К. Д. Ушинскаго. (По поводу двадцатипятилѣтія со дня его кончины). **М. В. Родевича**	209
XI.	Метаморфоза. (Очеркъ изъ жизни южно-русскаго еврейства). **Д. В. Федорова**	224
XII.	Годъ въ Финляндіи. **В. Мошнина**	247
XIII.	Рождественскія дѣти. Разсказъ миссъ **Брэддонъ** (съ англійскаго)	269
XIV.	На югѣ. Стихотвореніе **С. Кіевскаго**	312
XV.	Что насъ интересуетъ въ журналахъ? (Письмо въ редакцію). **Одного изъ публики**	313
XVI.	Иностранный журналъ новаго типа. **В. В. Чуйко**	321
XVII.	У моря. Стихотвореніе **И. Никулина**	325
XVIII.	На рубежѣ искусства. **С. И. Васюкова**	327
XIX.	Наша журналистика. (Еврейскія притязанія въ русской печати). —**скаго**	350

(См. на оборотѣ).

34-9

№ 2 «Наблюдателя» вышелъ 1-го февраля 1896 года.

Экземпляры журнала за 1895, 1894, 1893 и 1892 гг. разошлись весь, также какъ и 2-ое изданіе монографій А. П. Пятковскаго.

Digitized by Google

Современное обозрѣніе.

СТРАН.

XX. **Политическая хроника** 1

Внутренняя политика европейскихъ державъ въ 1895 году.—Колоніальная политика Англіи. — Венецуэльскій вопросъ. — Вмѣшательство въ этотъ вопросъ Соединенныхъ Штатовъ.—Доктрина Монроэ.—Какъ она возникла? — Ея сущность. — «Америка для американцевъ».—Посланіе президента Соединенныхъ Штатовъ.—Предложеніе рѣшить дѣло третейскимъ судомъ.—Отвѣтъ Англіи.—Второе посланіе.—Какое отношеніе имѣетъ доктрина Монроэ къ венецуэльскому вопросу?—Трансваальскій вопросъ.—Телеграмма императора Вильгельма.—Разоблаченія, касающіяся англійской политики въ южной Африкѣ.—Отзывы французской печати.—Затруднительное положеніе министерства Салисбюри въ виду скораго открытія сессіи англійскаго парламента.

XXI. Новыя книги. 1) **Румынія и тройственный союзъ**. *А. П. Липранди* (А. Волынецъ). С.-Петербургъ, 1896 г., 2) **Отверженный**. Романъ въ двухъ частяхъ, *Д. С. Мережковскаго*. С.-Петербургъ, 1896 г., 3) **Повный сборникъ творивъ**, *М. Л. Кропивницького*. Выданя трете. Харьковъ, 1895 г., 4) *Жоржъ Пелисье*. **Литературное движеніе въ XIX столѣтіи**. Переводъ *Ю. В. Доппельмайеръ*. Москва, 1895 г., 5) **Къ вопросу о сельско-хозяйственномъ кризисѣ**. *В. Е. Варзаръ*. С.-Петербургъ, 1895 г., 6) **Библіографическій обзоръ изданій Центральнаго статистическаго комитета, вышедшихъ по 1-ое августа 1895 года** и 7) *Э. Лависсъ* и *А. Рамбо*. **Культура и цивилизація западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ**. Москва, 1895 г. 18

XXII. **Наши внутреннія дѣла** 29

Высочайшія отмѣтки на «Краткомъ обзорѣ дѣятельности министерства земледѣлія».—Какія части «обзора» удостоились высочайшаго вниманія?—О чемъ главнымъ образомъ должно заботиться наше министерство земледѣлія? — Программа вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ.—Практическіе результаты съѣзда. — Государственная роспись на 1896 годъ. — Экономическіе идеалы С. Ю. Витте.—Высочайшій указъ о присоединеніи тюремнаго управленія къ составу министерства юстиціи.—Сложность задачъ министерства внутреннихъ дѣлъ.—Безпорядки въ нашихъ тюрьмахъ. — Ходатайство императорскаго Вольнаго экономическаго общества объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянскаго населенія.—Въ чемъ заключаются основные мотивы этого ходатайства?—Двадцатипятилѣтіе профессорской дѣятельности А. И. Чупрова.

XXIII. Фонографъ. (Фельетонъ **«Наблюдателя»**). 1) **«И смѣхъ, и горе»**. (Литературныя и общественныя замѣтки). Наша «домашняя фонтанель», именуемая домашней прислугой. — Вопли обывателей и газетная литература по этому предмету.—Общая характеристика нашихъ «личардъ» и «локустъ». — Отсутствіе всякихъ гарантій при наймѣ прислуги и ея полнѣйшая безнаказанность. — Жалобныя письма хозяекъ. — Безвыходное положеніе нанимателей. — Дуга «крѣпостнаго права», перегнутая въ противоположную сторону.—Карикатура, переставшая быть карикатурой и стоящая даже ниже дѣйствительнаго безобразія. — Бродяжничество, возведенное на степень профессіи. **Ефима Простосердова** 45

2) Стихотворенія: **Скептика, Сфинкса** и **Невскаго Жителя** . . . 56

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 2. ФЕВРАЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора помѣщаются въ Пушкинской улицѣ (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1896.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1896 2)

ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ

«УКАЗАТЕЛЬ»

статей, напечатанныхъ въ журналѣ «Наблюдатель» за 12 лѣтъ, съ 1882 по 1894-й годъ (по фамиліямъ авторовъ).

Цѣна: 25 к. безъ перес.; съ перес. 30 к.

Печатаются изданія редакціи:

I.

„ДВА ДРУГА И СОВРЕМЕННИКА".

(Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ).

Историко-біографическіе очерки, *А. П. Пятковскаго*. Изданіе второе, съ приложеніемъ портретовъ кн. Одоевскаго и Веневитинова, и писемъ къ автору отъ современниковъ князя: *барона А. Г. Жомини* и *княгини М. А. Вяземской*.

Первыя изданія внесены въ «Каталогъ ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства народнаго просвѣщенія».

II.

„ПО ОБЩЕСТВЕННЫМЪ ВОПРОСАМЪ"

Сборникъ публицистическихъ статей и этюдовъ. *Его же*. (Сюда войдутъ нѣкоторыя статьи изъ книги: «Живые вопросы», уже давно не имѣющейся въ продажѣ).

III.

„ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ БЕЦКІЙ И ЕГО ВРЕМЯ"

Историческая монографія въ двухъ частяхъ: 1) Біографическій очеркъ Бецкаго, съ изложеніемъ его педагогической системы; 2) С.-Петербургскій Воспитательный Домъ подъ управленіемъ И. И. Бецкаго (по документамъ нѣсколькихъ казенныхъ архивовъ вѣдомства Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи). *Его же*. Къ книгѣ будетъ приложенъ портретъ Бецкаго.

При выпискѣ этихъ книгъ изъ Главной Конторы, подписчики «Наблюдателя» будутъ пользоваться значительною уступкою.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 12 MAR 1971

Digitized by Google

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1896 Г. ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

ГОДЪ XV „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XV

Выходитъ ежемѣсячно 1-го числа, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ.

Вступивъ **въ 15-й годъ** своего существованія, нашъ журналъ будетъ издаваться въ томъ же твердо установившемся направленіи, съ которымъ хорошо знакомы наши постоянные читатели. **«НАБЛЮДАТЕЛЬ»**, прежде всего, стремился быть журналомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько намъ удалось выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли *за прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго и экономическаго благосостоя-*

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ) былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

Digitized by Google

нія—съ сохраненіемъ, притомъ, всѣхъ заслуживающихъ уваженія историческихъ основъ нашего національнаго быта. Мы отрицали и аракчеевщину, идущую сверху, и пугачевщину, поднимающуюся снизу. Слѣдуя этому пути, мы отходили одинаково-далеко и отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «консервативной» прессы, и отъ буржуазно-космополитическаго «либерализма», весьма дружелюбнаго къ еврейству и защищающаго, главнымъ образомъ, его интересы. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно исключили фальшиво-гуманныя еврейскія симпатіи, которыя вторгнулись въ русскую прессу 60-хъ годовъ подъ либеральнымъ флагомъ «религіозной терпимости», благодаря тогдашнему полному невѣжеству относительно настоящаго—антисоціальнаго, а вовсе не религіознаго—смысла еврейскаго ученія; теперь же поддерживаются у насъ однимъ давленіемъ еврейскаго капитала. Разъясненію подлиннаго смысла талмуда и шулханъ-аруха,—этихъ *гражданскихъ* и *политическихъ* кодексовъ еврейства,—а также и способовъ ихъ практическаго примѣненія, мы посвятили цѣлый рядъ изслѣдованій и этюдовъ: проф. *Ѳ. И. Леонтовича*, *А. П. Пятковскаго*, *М. В. Неручева*, *А. А. Быкова*, *А. Н. Котельникова*, *Н. Тембе (Н. А. Туганъ-Барановскаго)*, *С. Трушко* и др. Своими документальными—историческими и статистическими—данными эти изслѣдованія значительно разогнали напущенный евреями туманъ и поставили, такъ называемый, «еврейскій вопросъ» на принадлежащую ему политико-экономическую почву [1]).

Этого *прогрессивно-національнаго направленія* мы намѣрены держаться неуклонно и на будущее время, не смотря на все тайное и явное противодѣйствіе со стороны небезкорыстныхъ служителей якобы «гонимаго племени».

Въ первой книгѣ журнала за 1896 г. начаты романы: **«Грѣхи отцовъ»**, *А. Михайлова* (А. К. Шеллера), **«Кровь»**, *І. І. Ясинскаго*, и **«Прометеево потомство»**, *Д. Л. Мордовцева*.

Фельетоны *Ефима Простосердова*: **«И смѣхъ, и горе»** будутъ помѣщаться въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

---

[1]) См. «*Наблюдатель*» 1882 г. №№ 2, 5 и 6; 1883 г. № 9; 1891 г. №№ 4, 5 и 6; 1892 г. №№ 2, 5 и 11; 1893 г. №№ 5 и 11; 1894 г. №№ 1, 2 и 3; 1895 г. №№ 1 и 11.

Digitized by Google

71 575 X C 55

Воспоминанія А. П. **ПЯТКОВСКАГО** («**Изъ моего прошлаго**») приготовляются авторомъ къ печати.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Безъ доставки	12 р.	6 р.—к.	3 р.—к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
» пересылкою въ другія мѣста Россіи . . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
» » за границу	17 »	9 » — »	5 » — »

Полугодовая и трехмѣсячная подписка, съ доставкой и пересылкой внутри Россіи, разсчитана въ равныхъ доляхъ съ годовой, безъ надбавки.

Для сельскаго духовенства, учителей и учительницъ народныхъ школъ, для студентовъ и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній; для офицеровъ арміи и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній, подписная цѣна: за **годъ** съ перес. **12** руб.; за **полгода—6** руб.; за **три мѣсяца—3** руб. Этою скидкою съ подписной цѣны пользуются только тѣ лица, которыя *дѣйствительно принадлежатъ къ указаннымъ категоріямъ подписчиковъ* и выписываютъ журналъ *на свое имя*, не болѣе одного экземпляра, по мѣсту службы или ученія.

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра. При подпискѣ полугодовой и трехмѣсячной, уступки не полагается. Гг. служащимъ — разсрочка (мѣсячная или по третямъ) за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою и скидкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ**—въ Главной Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго пр., № 11), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 38); въ конторѣ Березовскаго (Поварской пер., № 2), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ (Фену, Вольфа, Рик-

Digitized by Google

кера, Цинзерлинга, Стасюлевича и др.); въ **Москвѣ** — въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи), въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени», и въ конторѣ «Новороссійскаго Телеграфа»; въ **Кіевѣ** — въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ** и **Саратовѣ**—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени», въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной; въ **Варшавѣ**—въ книжн. магазинѣ Карбасникова. Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.

Во избѣжаніе излишней переписки и возвращенія денегъ, Главная Контора считаетъ необходимымъ предупредить, что изданные редакціею въ разное время: 1) **Сборникъ иностранныхъ романовъ**; 2) **Сераписъ**, историческій романъ *Георга Эберса*; 3) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Шпильгагена*; 4) **Князь В. Ѳ. Одоевскій**, литературно-біографическій очеркъ, *А. П. Пятковскаго*; 5) **Живые вопросы**, критическіе очерки и этюды изъ современной жизни, *Его-же*; 6) **Утѣха жизни**, романъ *Эмиля Золя*; 7) **Гражданскіе мотивы**, сборникъ стихотвореній; 8) **Полное собраніе сочиненій Д. В. Веневитинова**, изд. 3-е, подъ редакціей *А. П. Пятковскаго* и 9) **Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія**, монографіи и критическія статьи *А. П. Пятковскаго*, изд. 2-ое—уже распроданы.

Digitized by Google

ГРѢХИ ОТЦОВЪ.

Романъ.

VI.

— По дурацки жилъ, по дурацки и умеръ: совсѣмъ не вò-время!

Такъ помянулъ Николай Николаевичъ Сорко-Туринъ Петра Ивановича Томченка, когда похоронили убитыхъ и дѣло объ убійствѣ приняло обычное теченіе, уже не касавшееся ни Николая Николаевича, ни его имѣнія «Сорковщины», и долженствовавшее, богъ вѣсть въ который разъ, показать обществу, какъ убиваютъ люди людей ни за грошъ, ни за денежку.

Дѣйствительно, эта смерть случилась не вò-время. Лѣтнія и осеннія работы были еще далеко не всѣ окончены, часть рабочихъ, уже исполнившихъ свое дѣло, настоятельно требовала денегъ, изъ-за невыдачи которыхъ собственно и произошло убійство; занять было негдѣ, и обиднѣе всего было для Николая Николаевича сразу пробудившееся въ немъ ясное сознаніе, что лично ему рѣшительно никто не вѣрилъ и не вѣритъ въ денежныхъ разсчетахъ, что вѣрили только этому «голоштанному мѣщанину», какъ онъ презрительно называлъ покойнаго Томченка.

— Сами хамы, потому хаму и вѣрятъ, — злобно ругался онъ и дѣлалъ совершенно ненужныя и лишнія теперь поясненія насчетъ ничтожества значенія покойнаго:—И что онъ такое былъ? Круглый невѣжда, наемный слуга: сегодня я его держалъ—завтра погналъ бы въ шею. Вотъ и все! Своими великими научными познаніями доходность земли могъ онъ поднять, что ли? Капиталами онъ огромными располагалъ?

Digitized by Google

Моими собственными землями владѣлъ онъ, что ли? Да у него гроша за душой не было! Нищимъ бы остался, еслибы я его уволилъ! Десятокъ лѣтъ только тѣмъ и былъ сытъ, что добывалъ у меня...

Онъ забывалъ только, что у Томченка, если и не было гроша за душой, то была всѣми признанная честность...

Оказалось, что обойтись безъ этого наемнаго слуги и нищаго было трудно, особенно при критическихъ денежныхъ обстоятельствахъ и еще въ такую пору, когда, и при большихъ деньгахъ, нелегко найти управляющаго, сидя въ деревнѣ, и когда новому управляющему нелегко бы приняться за дѣло, оставшееся на половину недодѣланнымъ. Смерть старика, такимъ образомъ, не только дѣйствительно случилась не вовремя, но просто, что называется, безъ ножа зарѣзала Николая Николаевича.

Разумѣется, это не могло способствовать хорошему настроенію его духа, и онъ, вѣчно полупьяный, «разносилъ» всѣхъ,—и правыхъ, и виноватыхъ,—нападая на нынѣшніе порядки, когда и дворянинъ, и мужикъ, какъ онъ выражался, скоро пойдутъ по міру, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе глупо запутываясь въ рукахъ ростовщиковъ. Ругалъ онъ новые порядки хуже самаго «краснаго», хуже самаго яраго разрушителя основъ, не думая даже взглянуть, хоть мелькомъ, на свой собственный образъ дѣйствій и только постоянно повторяя, какъ припѣвъ къ своимъ громовымъ рѣчамъ:

— Куда мы идемъ? До чего мы допляшемся?

Первыми козлищами отпущенія являлись, конечно, Маргарита Ивановна и Вадимъ. Любовница не слыхала уже окончательно никакого другаго прозвища, какъ «глупая чухонка»; сынъ только и величался, что «безмозглымъ лодыремъ».

Чтобы избѣжать этихъ оскорбленій, приходилось бѣжать изъ общихъ комнатъ въ свой уголъ. Прежде Вадимъ спасался отъ брани отца къ старикамъ Томченкамъ, или блуждалъ по окрестностямъ. Но теперь стариковъ не было на свѣтѣ, а бродить по окрестностямъ мѣшали начавшіеся осенніе дожди, превращавшіе въ невылазныя болота и топи—степь, поля и мягкія деревенскія дороги. Волей-неволей приходилось забиваться въ свой уголъ, хотя и этотъ уголъ уже потерялъ для Вадима всякую привлекательность: передъ глазами юноши

Digitized by Google

постоянно торчалъ опустѣвшій управительскій флигель, будившій въ воспоминаніи страшную картину обезображенныхъ труповъ, и на душѣ становилось какъ-то жутко...

— А вы что у себя дѣлаете?—неожиданно окликнула однажды Вадима Маргарита Ивановна, появляясь въ его комнатѣ.

До сихъ поръ она еще ни разу не заходила къ нему.

— Да, ничего... Читалъ сейчасъ романъ одинъ, про «Парижскія тайны». Нашелъ въ книжномъ шкапу. Да темно становится,—отвѣтилъ Вадимъ, закрывая книгу.

— Ахъ, эти темній вечера!—воскликнула Маргарита Ивановна, невольно вздрогнувъ.—Мнѣ такъ страшно, такъ страшно здѣсь одной. Домъ такій большой; рѣзать человѣка станутъ, никто и не услышитъ. И эта осень еще вдобавокъ? Дождь это барабанитъ цѣлій день въ оконъ, вѣтеръ въ трубѣ гдѣ-то завываетъ, собакъ все воетъ и воетъ на дворѣ, такъ бы, кажется, и бѣжалъ... А напротивъ, тамъ, у *нихъ*, совсѣмъ темно-темно,—пониженнымъ тономъ проговорила она, испуганными глазами указывая на окна управительскаго флигеля, и закончила:—Я вотъ и пришла къ вамъ посидѣть... все одна, все одна, точно въ тюрьмѣ...

— Милости просимъ,—сказалъ Вадимъ и заторопился.—Я вотъ сейчасъ свѣчи зажгу, и станетъ веселѣе. Самому мнѣ все какъ-то жутко здѣсь... *послѣ того*... Помните?.. Забыть не могу...

— О, я говорилъ тогда, что я засыпать больше не буду!—воскликнула она, понявъ, послѣ чего именно ему жутко въ этомъ домѣ.—И тошно не засыпаю, совсѣмъ не могу засыпать...

— Я тоже, нѣтъ-нѣтъ, да и увижу все это, точно вотъ все это такъ тамъ и осталось по прежнему до сихъ поръ, какъ въ тотъ день,—сказалъ Вадимъ.

Она поёжила плечами, точно отъ холода... Не прошло и получаса, какъ они уже не только разговорились, но и разъоткровенничались, стали жаловаться другъ другу. Оба они были одинаково несчастны.

Она говорила о своихъ бѣдахъ. Развѣ съ Николаемъ Николаевичемъ можно быть кому нибудь счастливымъ? Онъ самъ не знаетъ въ пьяномъ видѣ, что дѣлаетъ. Еслибы она знала,

Digitized by Google

что̀ ее ждетъ въ его домѣ—никогда бы она не переѣхала въ этотъ домъ, хоть озолотили бы ее. Никогда! каторга тутъ, а не жизнь. Въ булочной и кондитерской,—гдѣ она торговала прежде въ губернскомъ городѣ,—ей жилось во сто разъ веселѣе, потому тамъ всегда народъ, есть съ кѣмъ поговорить, посмѣяться,—и никто дурой ее не дѣлалъ. Николай же Николаевичъ только и умѣетъ, что ругаться: и дура она, и чухонка, и уродъ. Точно она виновата въ томъ, какой ее Богъ создалъ? Ужь какимъ создастъ Богъ, такимъ и будетъ человѣкъ. Мы въ этомъ не виноваты: одинъ красивъ, другой—нѣтъ; одинъ уменъ, другой глупъ. Не отъ насъ все это. Осуждать за это грѣхъ. Мало ли есть и горбатыхъ, и кривыхъ,—надъ ними смѣяться стыдно. И развѣ Николай Николаевичъ не зналъ, какая она, когда сманилъ ее сюда въ экономки? Не она навязалась къ нему. На нее многіе охотились. Она только соблюдала себя. Такъ болтала съ людьми, вольничала, а все же соблюдала. Онъ сманилъ обѣщаніями. Теперь вотъ и придется плакаться. Небогато она жила прежде, но концы съ концами все же сводила... И съ каждымъ днемъ онъ становится все невыносимѣе, потому что пьетъ все больше да больше и хмѣлѣетъ уже чуть не съ третьей рюмки. Вотъ говорятъ: «мужики—пьяницы»: онъ хуже всякаго мужика. О, гораздо хуже!..

Вадимъ жаловался въ свою очередь съ неменьшей горечью; онъ тоже не ждалъ, что отецъ таковъ: онъ его почти не зналъ; лѣтомъ, въ прежнее время, отецъ почти постоянно жилъ гдѣ нибудь то въ городѣ, то на водахъ, а не въ Сорковщинѣ, а его оставлялъ въ домѣ на попеченіе стариковъ Томченокъ. Смѣшные они были, но добрые. Старикъ, бывало, хмурится, а самъ душу готовъ отдать, чтобы ему, Вадиму, какое нибудь удовольствіе доставить. Объ Анфисѣ же Петровнѣ и говорить нечего. Она совсѣмъ, какъ насѣдка къ цыплятамъ, съ материнской заботой относилась къ нему. Хорошее житье было тогда... Нынче, за послѣдніе годы, когда отецъ окончательно разорился, — не поѣхалъ ни въ городъ, ни на воды, и такъ сильно пить началъ, что хоть бѣги изъ дому,—тутъ и къ старикамъ Томченкамъ укрываться было трудно. Въ гимназіи было бы въ тысячу разъ лучше остаться. Конечно, инспекторъ и учитель греческаго языка очень при-

Digitized by Google

тѣсняли его за неспособность и шалости, и домой ему очень захотѣлось,—весна тогда начиналась,—вотъ онъ и сбѣжалъ. Но теперь, послѣ жизни дома, и гимназія раемъ бы ему показалась. Сейчасъ бы убѣжалъ отсюда, еслибы туда снова приняли. Да нѣтъ, не примутъ? Отецъ и платить не станетъ. Стращаетъ его военной службой. Что жь, отдалъ бы хоть туда, все же легче было бы...

Она, слушая его, тотчасъ же согласилась, что ее, какъ и его, тянетъ къ бѣгству. Да всѣ и бѣгутъ изъ этого ада. Точно тараканы передъ пожаромъ, бѣгутъ изъ дому. Еще бы! брань слышатъ всегда, а объ деньгахъ, о жалованьѣ нѣтъ и помину. Сама она бѣжала бы хоть сейчасъ, еслибы могла хоть куда нибудь пристроиться. Объ этомъ она каждый день думаетъ. Только теперь ей уже трудно пристроиться, такъ какъ лучшіе годы ушли. На мѣста ищутъ все очень молодыхъ, а она вотъ уже четыре года какъ сманена сюда, знакомыхъ всѣхъ растеряла... А какія прежде у нея предложенія были! Булочникъ одинъ, овдовѣвъ, жениться на ней законнымъ бракомъ хотѣлъ. Тогда бы ей не кололи глазъ, не говорили бы, что она содержанка, не грозили бы, что выгонятъ, какъ собаку. Жена не собака! За нее и законъ стоитъ. Дура она была, что послушалась людей, толковавшихъ о сотняхъ тысячъ Николая Николаевича, о томъ, что у него она въ бархатѣ ходить будетъ, что булочницей работать нужно, что у булочника дѣти отъ первой жены были, что ихъ нужно будетъ обмывать да обшивать, а тутъ только живи и веселись. Вотъ и довеселилась, нечего сказать! И самъ онъ все промоталъ, и ее нищей оставитъ. Вчера ночью чуть не избилъ ее, требуя у нея денегъ въ долгъ. Хорошо еще, что пьянъ былъ и скоро заснулъ. Откуда у нея деньги? Точно, дура она, что прятать да копить не умѣла. Нѣтъ, вотъ мать Вадима та умнѣе была, ушла во-время и не погибла. Николай Николаевичъ ее ругаетъ, а она, какъ никакъ, а все же воспитала и образовала свою дочь безъ его помощи и въ люди ее вывела. Можетъ быть, ночей не спала, куска хлѣба не доѣдала, а дитя свое на ноги поставила. Это мать! Недавно одинъ капитанъ армейскій тутъ былъ, Андрей Ивановичъ Анютинъ, ѣздившій въ Петербургъ на побывку, такъ онъ ей разсказывалъ... конечно, безъ Николая Николаевича,—

Digitized by Google

потому что при немъ боялся разсказывать,—про Анну Николаевну... Говорилъ онъ, что Анна Николаевна въ Петербургѣ богаче всѣхъ теперь живетъ, что на нее пальцами всѣ указываютъ, что по улицѣ ѣдетъ, а всѣ прохожіе говорятъ: «это Сорко-Турина», что у нея первые богачи собираются, что у нея въ карты десятки тысячъ по вечерамъ проигрываютъ, что старички чиновные со звѣздами, изъ холостыхъ, къ ручкѣ ея подходятъ, что ей стоитъ о комъ нибудь попросить, того и на мѣсто сейчасъ же опредѣлятъ и на виду всегда будутъ имѣть. Дойти до нея только трудно. Безъ рекомендаціи и въ домъ не пустятъ. Еще бы! Вѣдь кто ее теперь содержитъ, тотъ такое важное по своему богатству лицо, что страсть. Нынче дѣло не въ чинахъ, а въ деньгахъ. Ахъ, много Андрей Ивановичъ вообще про Петербургъ говорилъ. Тамъ, говоритъ, въ гостинницахъ, и то золотая мебель и зеркала во всю стѣну...

— А вотъ мы тутъ сидимъ и горе горькое терпимъ,—закончила Маргарита Ивановна съ тяжелымъ вздохомъ.—Да еслибы меня теперь, какъ послѣднюю собачонку бездомную, кто бы то ни было пріютилъ и призрѣлъ,—сейчасъ ушла бы отсюда, ей богу, руки стала бы каждому цѣловать за это...

— Поцѣлуешь!—какъ-то особенно рѣзко, тономъ отчаянія рѣшилъ Вадимъ,—отъ петли-то спасутъ, такъ будешь не то что руки, а ноги людямъ цѣловать... Да!.. Смерть-то не сладка... Я вотъ тогда топился отъ страху, такъ знаю...

Съ этого дня Маргарита Ивановна и Вадимъ постоянно проводили вмѣстѣ цѣлые часы, особенно вечеромъ, когда набушевавшійся Николай Николаевичъ засыпалъ, и имъ становилось такъ жутко въ своихъ просторныхъ комнатахъ при воѣ осенняго вѣтра, при звукахъ барабанившаго по крышамъ и окнамъ дождя, при воспоминаніи объ убитыхъ Томченкахъ. Новые друзья сообщали другъ другу всѣ новости дня, жаловались на свою судьбу, создавали волшебные замки. Ничего не знающіе, неразвитые, несчастные, они наивно вѣрили, что гдѣ-то есть страна, гдѣ живется хорошо людямъ, и создавали глупыя сказки объ этой небывалой жизни съ падающими въ ротъ жареными рябчиками и съ полными доброты людскими сердцами. Иногда они негодовали до слезъ; иногда она плакала до того, что припадала къ его плечу, а онъ обнималъ

Digitized by Google

ее, растроганный ея безпомощностью. Нынче, сообщала она, потому бушуетъ особенно сильно Николай Николаевичъ, что поваръ Дмитрій и старшій лакей Павелъ потребовали разсчета и уходятъ. Скоро всѣ слуги разбѣгутся, тогда и совсѣмъ нельзя будетъ жить въ домѣ; жутко и такъ, впотьмахъ, по коридорамъ пройти, а тогда будетъ еще хуже: домъ большой, комнаты, какъ сараи, гулко каждый стукъ, какъ въ пустой бочкѣ, отдается; народу же въ домѣ все убавляется и убавляется; придутъ, глядишь, разбойники и убьютъ, *какъ тѣхъ*. Никто и не услышитъ, сколько ни кричи! Небось, у Анны Николаевны и ея матери слуги не бѣгутъ; въ ногахъ станутъ валяться, если ихъ погонятъ. Еще бы! имъ хорошія деньги платятъ. Да въ столицѣ и вообще не то, что здѣсь: живешь на народѣ; какъ собаку, не убьютъ ни съ того, ни съ сего, среди бѣлаго дня; тамъ на каждомъ шагу «полицей», бережетъ каждаго; всегда есть кому защитить человѣка; здѣсь же, того и гляди, самъ Николай Николаевичъ можетъ убить подъ пьяную руку; разъ ночью и то душилъ ее за горло за то, что она осмѣлилась сказать, что онъ ее погубилъ. Погубилъ и есть! Правды нельзя утаить. При всемъ народѣ она готова кричать объ этомъ. Мало что погубилъ, споить старался. Самъ втянулся—и ее спаивать сталъ. И жену погубилъ бы, еслибы та не ушла; а ушла,—вотъ теперь и благоденствуетъ... И затѣмъ начинались опять толки о столичной жизни, о томъ, что на Анну Николаевну въ Петербургѣ всѣ пальцами показываютъ,—такъ она богата!—о томъ, что тамъ въ каждой гостинницѣ мебель золотая и зеркала во всю стѣну. О, она, Маргарита Ивановна, знаетъ, какъ живутъ въ столицѣ,—не разъ слыхала. Тамъ у нея одна знакомая, изъ Пернавы же родомъ, жила; сперва тоже по булочнымъ и кондитерскимъ служила; потомъ съ хорошими молодыми людьми знакомство свела; а затѣмъ такого старикашку подцѣпила, что онъ ей домъ каменный подарилъ и, выдя тайнымъ совѣтникомъ въ отставку, женился на ней. Теперь она—полная генеральша. Всѣ такъ и зовутъ «ваше превосходительство», даромъ, что онъ по статской службѣ служилъ. Важные люди къ ручкѣ подходятъ... «Что же будетъ дальше»? воскликнула она въ другой разъ, завернувъ въ комнату Вадима и жалуясь на свои невзгоды. Чуть не избилъ ее нынче Николай Николаевичъ,

Digitized by Google

требуя, чтобы она отдала ему всѣ свои золотыя вещи, такъ какъ онъ сдѣлаетъ оборотъ, заложитъ или продастъ ихъ, а потомъ, когда поправитъ дѣла, отдастъ ей все съ процентами. Она не дала, потому что онъ обманетъ, а у нея и безъ того вещей мало. Самой онѣ нужны на черный день. И какіе-такіе обороты на эти гроши можно сдѣлать? Вретъ онъ все! Нѣтъ, Анна Николаевна и ея мать, поди, вещей не закладываютъ и не продаютъ. Капитанъ Анютинъ, что изъ Петербурга заѣзжалъ въ Сорковщину, говорилъ, какіе брилліанты-то у Анны Николаевны и на пальцахъ, и на рукахъ, и на шеѣ, и въ ушахъ. Да чего говорить: разъ явилась въ театрѣ словно въ коронѣ: діадема такая на головѣ была, вся изъ брилліантовъ. Двадцать тысячъ ея обожатель на это бросилъ. Ему можно—человѣкъ богатый, ни отца, ни матери нѣтъ... Здѣсь-то не только въ глаза ничего такого не увидишь, а послѣдняго лишишься,—грабители съ большой дороги не оберутъ, такъ Николай Николаевичъ отниметъ, послѣднія крохи отниметъ. Что самъ подарилъ, то самъ и отниметъ. А развѣ онъ даромъ давалъ? Бахвалится, бахвалится, что дворянинъ стараго рода, что образованный, а самъ хуже воришки послѣдняго сталъ. Право! Какъ ни думаетъ она о будущемъ, а, видно, одно только и можно сдѣлать: взять да и уѣхать отсюда на послѣдніе гроши въ городъ, авось, тамъ что нибудь удастся найти. Капитанъ Анютинъ, что заѣзжалъ сюда, обѣщалъ: «Я васъ, Маргарита Ивановна, съ офицерствомъ нашимъ познакомлю»...

— А какъ же я?—воскликнулъ съ испугомъ Вадимъ, и вдругъ понялъ, что безъ Маргариты Ивановны онъ дня здѣсь не можетъ остаться. Прежде врагами были, а теперь, уйди она, и онъ уйдетъ; онъ такъ и признался ей:—Вы уѣдете—и я сбѣгу, непремѣнно сбѣгу.

— Ахъ, бѣдній, бѣдній мальшикъ!—пожалѣла она его.—Куда же вы сбѣжите?

— У меня сестра, мать въ Петербургѣ. Я къ нимъ сбѣгу.

— Это такъ далекъ!

— Ничего, доберусь какъ нибудь.

Съ этой минуты начались обсужденія плана побѣга. Это были счастливые дни мечтаній объ освобожденіи изъ ада. Онъ иногда хлопалъ въ ладоши отъ восторга, предвкушая будущую

Digitized by Google

счастливую жизнь. Мать не то, что̀ отецъ: она добрая, она сестру воспитала, какъ за сырымъ яйцомъ за ней ходила. Единственное средство спастись—это бѣжать: ему къ матери; Маргаритѣ Ивановнѣ — къ Андрею Ивановичу Анютину. Устроить побѣгъ было нетрудно. Правда, у нея, у Маргариты Ивановны, было денегъ почти въ обрѣзъ, чтобы доѣхать на лошадяхъ до губернскаго города, но въ городѣ она надѣялась первое время прожить при помощи заклада и продажи кое-какихъ вещей, если даже капитанъ Анютинъ не сдержитъ слова насчетъ офицерства. Капитанъ же Анютинъ человѣкъ благородный и не доведетъ ея до послѣдней крайности, познакомитъ съ товарищами. Она и ему самому нравится, это она знаетъ. Но онъ содержать ее самъ не въ состоянiи. Онъ бѣдный, хотя и добрый. Она говорила обо всемъ этомъ просто, какъ говорятъ рабочiе о прiисканiи работы, о томъ, гдѣ хозяинъ богаче, гдѣ добрѣе... У него, у Вадима, не было и этихъ скудныхъ средствъ на побѣгъ, но ему казалось, что онъ кое-какъ доберется по желѣзной дорогѣ до столицы отъ губернскаго города, куда онъ думалъ доѣхать на счетъ Маргариты Ивановны на лошадяхъ. Вѣдь все равно, что̀ одной ей ѣхать, что̀ вдвоемъ съ нимъ. Свои бумаги онъ возьметъ у отца изъ ящика. Онъ знаетъ, гдѣ онѣ лежатъ. Погòни отецъ не пошлетъ за ними. Плюнетъ и напьется—вотъ и все...

Онъ сразу оживился, повеселѣлъ отъ одной мысли, что они сбѣгутъ отсюда. Опять его забавляло это предстоящее бѣгство, какъ школьническая продѣлка. Они, какъ утопающiе, на обломкѣ корабля, завидѣвшiе берегъ, цѣловались и обнимались отъ избытка счастiя. И какъ эта мысль не пришла имъ раньше въ голову! Вѣдь здѣсь же нельзя дольше жить, а тамъ—у нея въ губернскомъ городѣ капитанъ Анютинъ и молодое офицерство, а у него въ Петербургѣ мать, сестра...

VII.

Пассажиры въ желѣзнодорожномъ вагонѣ втораго класса были взволнованы громкимъ восклицанiемъ и потомъ всхлипываньемъ юноши лѣтъ шестнадцати-семнадцати. Это былъ высокiй, стройный и замѣчательно красивый блондинъ, нѣсколько женоподобный, нѣсколько кукольный. Сѣвъ въ вагонъ,

Digitized by Google

онъ, когда уже тронулся поѣздъ, началъ торопливо шарить въ карманахъ пальто, жакетки и брюкъ, чего-то искать подъ скамейкой и, наконецъ, послѣ тщетныхъ поисковъ, по дѣтски расплакался. Его лицо невольно подкупало въ его пользу во время плача, дѣлаясь такимъ симпатичнымъ, такимъ трогательнымъ, такимъ дѣтски-безпомощнымъ. Это былъ настоящій ребенокъ, котораго обидѣли какіе-то злые, невѣдомые забіяки. Сосѣди приступили къ нему съ разспросами, и онъ прерывающимся голосомъ, сильно заикаясь, объявилъ имъ, что вотъ сейчасъ онъ пересѣлъ съ другаго поѣзда на этотъ, а между тѣмъ оказывается, что у него украли его бумажникъ, гдѣ были деньги и билетъ на проѣздъ. Денегъ было, положимъ, очень немного,—какъ онъ самъ поспѣшилъ заявить,—всего тринадцать рублей и, кажется, сорокъ пять копѣекъ. Но, главное, билетъ на проѣздъ! Вѣдь его за мошенника могутъ счесть.

— Я... я... я даже не могу безъ денегъ телеграфировать въ Петербургъ къ сестрѣ и матери... Да я и не помню ихъ новаго адреса, такъ какъ и онъ былъ въ бумажникѣ,—разсказывалъ онъ слушателямъ, сильно заикаясь.—Получилъ отъ нихъ пригласительное письмо и даже не прочиталъ его хорошенько впопыхахъ, торопясь въ путь...

— А вы къ матери и сестрѣ туда ѣдете?—спросилъ кто-то участливо.

— Да... моя мать Сорко-Турина,—отвѣтилъ юноша, продолжая всхлипывать.—Мою сестру всѣ знаютъ въ Петербургѣ, она занимаетъ тамъ такое видное положеніе... въ газетахъ о ней пишутъ...

Оказалось, однако, что въ вагонѣ сидѣли настоящіе провинціалы, и никто не зналъ его сестры, занимающей такое видное положеніе въ Петербургѣ, что о ней пишутъ въ газетахъ. Тѣмъ не менѣе всѣ приняли въ немъ участіе, всѣ вступились за него, когда оберъ-кондукторъ пришелъ провѣрять билеты. Кто-то даже счелъ долгомъ полиберальничать и началъ громить тѣхъ, которые не умѣютъ услѣдить за желѣзнодорожными карманниками.

— Въ Бѣлостокѣ выйти изъ вагона нельзя, не поставивъ носильщика на стражу у ручнаго багажа. Это чортъ знаетъ что такое!

Другой пассажиръ, изъ болѣе безпристрастныхъ, вступился за Россію.

Digitized by Google

— Ну, насчетъ этого и за границей не лучше! Вездѣ надписи, предостерегающія противъ карманныхъ воровъ...

Но все же оберъ-кондукторъ заявилъ, что на слѣдующей станціи безбилетнаго пассажира высадятъ, такъ какъ безъ билетовъ нельзя ни въ какомъ случаѣ возить пассажировъ, даже обворованныхъ.

— Господи,—почти рыдалъ юноша,—что же я буду дѣлать? что я буду дѣлать? Хоть бы до большой станціи довезли! Тамъ навѣрное кто нибудь знаетъ мою сестру и мать—ихъ тысячи людей знаютъ—и дастъ мнѣ возможность добраться до нихъ. Онѣ съумѣютъ отблагодарить за это. Мы не проходимцы какіе нибудь, а столбовые дворяне... Ахъ, еслибы это знали мать и сестра!..

На слѣдующей станціи юношу не высадили, такъ какъ нѣсколько пассажировъ сложились между собою и купили ему билетъ до большой станціи, гдѣ была продолжительная остановка, и онъ могъ, хоть какъ нибудь, устроить свое дѣло. Онъ въ слезахъ усѣлся на свое мѣсто, горячо благодаря принявшихъ въ немъ участіе спутниковъ и повторяя, что его мать и сестра съумѣютъ отблагодарить каждаго, кто помогъ ему.

Немного успокоившись наконецъ, онъ охотно и не безъ сознанія своего собственнаго достоинства отвѣчалъ на вопросы сосѣдей по вагону:—онъ дворянинъ; гостилъ въ деревнѣ; теперь ѣдетъ въ Петербургъ кончать образованіе; однимъ домашнимъ образованіемъ нельзя же ограничиться; конечно, его сестра занимаетъ такое видное положеніе въ Петербургѣ, что можетъ выхлопотать ему сейчасъ же мѣсто, имѣя связи среди богачей; но ему рано еще служить и онъ долженъ учиться; изберетъ онъ, вѣроятно, военную карьеру, такъ какъ всѣ его предки были военными—и Сорко, и Туринъ, родоначальники Сорко-Туриныхъ. Онъ говорилъ развязно, тономъ полной искренности, переставъ даже заикаться, и вполнѣ вошелъ въ свою роль юнаго принца крови, попавшаго случайно въ дорогѣ въ затруднительное положеніе, чисто по школьнически радуясь въ душѣ, что ему до сихъ поръ удается, не платя за дорогу, все ближе и ближе подвигаться къ Петербургу,—къ своей завѣтной цѣли. То ѣхалъ онъ даромъ на лошадяхъ съ бѣжавшей, подобно ему, изъ деревни Маргаритой Ивановной; то удалось ему разжалобить того армейскаго капитана Анютина, который

Digitized by Google

наивно удивлялся богатству его сестры и матери, и занять у него десятокъ рублей на дальнѣйшій путь, говоря, что сестра и мать съумѣютъ отблагодарить его; то при помощи слезъ и жалобъ, спрятавъ на случай добытыя отъ капитана деньги за голенище сапога, успѣвалъ онъ пробираться безбилетнымъ пассажиромъ, какъ и теперь. Въ душѣ онъ ощущалъ ту же радость, то же веселье, которыя испытывалъ прежде, разрисовавъ усами и бакенбардами лицо уснувшей дѣвчонки-служанки или подмѣнивъ одеколонъ чернилами въ будуарѣ Маргариты Ивановны.

«О! я хи-трый!—повторялъ онъ мысленно, лукаво подмигивая глазами.—Другой на моемъ мѣстѣ давно спасовалъ бы»!..

Доѣхавъ при помощи своихъ спутниковъ до одной изъ большихъ станцій, онъ тотчасъ же обратился къ начальнику станціи и жандармскому офицеру съ заявленіемъ о потерѣ своего бумажника съ деньгами и билетомъ на проѣздъ. Весь красный отъ волненія, онъ тѣмъ не менѣе храбро отвѣчалъ, какого цвѣта былъ у него бумажникъ; опредѣлилъ съ точностью, сколько рублей и копѣекъ и какіе еще предметы были въ этомъ бумажникѣ; сказалъ потомъ, что онъ ѣдетъ изъ такого-то города отъ армейскаго капитана Андрея Ивановича Анютина, у котораго гостилъ вмѣстѣ со своей бывшей гувернанткой, Маргаритой Ивановной Пиконенъ, — ѣдетъ въ Петербургъ къ своей матери и сестрѣ, и снова передавалъ, что сестра его занимаетъ очень видное положеніе въ Петербургѣ и, конечно, отблагодаритъ того, кто поможетъ ея брату.

Жандармскій офицеръ, молодой, франтоватый, съ манерами вчерашняго гвардейца, еще брезгливо исполняющаго свою новую жандармскую роль, слушалъ его молча, но, при словахъ о видномъ положеніи его сестры, онъ слегка усмѣхнулся.

— Хорошо-съ, — проговорилъ онъ, — въ Петербургъ мы поможемъ доставить васъ. Но только, молодой человѣкъ, вы ужь поменьше говорите о *видномъ* положеніи вашей сестры. Это, знаете, лишнее...

И ужь совсѣмъ иронически замѣтилъ начальнику станціи, насмѣшливо подмигнувъ ему:

— Бываютъ положенія видныя, да не завидныя.

Начальникъ станціи счелъ нужнымъ улыбнуться въ отвѣтъ на остроту, но все же, видимо, недоумѣвалъ. Тогда офицеръ

Digitized by Google

отвелъ его немного въ сторону и началъ шопотомъ что-то объяснять ему.

— Да неужели? — удивился начальникъ станціи, широко открывъ глаза.—Публично, значитъ?

— Я васъ увѣряю! — утверждалъ офицеръ. — Объ этомъ весь Петербургъ говорилъ, когда я уѣзжалъ оттуда. Рюминъ-Ростовскій — извѣстный богачъ, изъ сермяжниковъ, можетъ бросать тысячи.

— Да, такъ оно и точно не только видное положеніе, но, пожалуй, и завидное,—заговорилъ начальникъ станціи, искоса поглядывая на юношу и, можетъ быть, въ душѣ завидуя его близости къ той, которая занимала такое видное положеніе содержанки богача.

— Ну-у, все же она не болѣе, какъ простая кокотка изъ шансонетныхъ пѣвичекъ,—замѣтилъ небрежно офицеръ.

— Такъ-то оно такъ, но какія деньги, какія бѣшеныя деньги!—вздохнулъ начальникъ станціи.

— Но вѣдь это нѣчто скоропреходящее, — разсуждалъ жандармскій офицеръ.—Женится,—а ее въ отставку!

— А что же вѣчно подъ луною?—спросилъ меланхолично начальникъ станціи, можетъ быть, съ отчаяніемъ думая о томъ, что вѣчно только его пребываніе въ должности начальника станціи гдѣ-то въ глуши, и то, пока его не погонятъ съ этого мѣста, и прибавилъ: — А все же старая любовь не ржавѣетъ... Можетъ быть, и женится на дѣвушкѣ высшаго круга, а къ ней вернется, еще тысячи просадитъ на нее...

И, совсѣмъ предупредительно, не только нашелъ возможность отправить юношу въ дальнѣйшій путь, но и справился любезнымъ тономъ, не голоденъ ли онъ и не нужно ли ему взаймы нѣсколько рублей до Петербурга. Юноша не отказался ни отъ ѣды, ни отъ денегъ, опять завѣряя начальника станціи,—какъ онъ завѣрялъ и другихъ лицъ, помогавшихъ ему,—что его мать и сестра съумѣютъ вполнѣ отблагодарить каждаго за услугу, оказанную ему, Вадиму Николаевичу Сорко-Турину.

Вадимъ чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какимъ не бывалъ никогда. Онъ не только могъ доѣхать до Петербурга даромъ, но даже имѣлъ въ карманѣ пятнадцать рублей: десять, занятыхъ у армейскаго капитана, и пять—у начальника станціи.

*

Digitized by Google

«А какъ я хорошо себя держалъ! — мысленно разсуждалъ онъ, довольный собой. — Начальникъ станціи десять рублей предлагалъ, а я говорю: «помилуйте, мнѣ только нужно до Петербурга... Тамъ же сейчасъ все будетъ готовое. Что жь, я не нищій какой нибудь, не попрошайка. Мнѣ нужно попасть въ Петербургъ, нужно прокормиться на первыхъ порахъ — вотъ и все. Мать и сестра заплатятъ эти гроши»... О письмѣ сестры тоже хорошо я навралъ, что она звала меня, и что оно вмѣстѣ съ бумажникомъ пропало... Что жь, сестра и точно написала бы мнѣ, еслибы знала, каково мнѣ у отца было, особенно послѣ этого убійства. Маргарита—и та не вынесла этой жизни... А вѣдь капитанъ Анютинъ покраснѣлъ даже отъ удовольствія, увидавъ ее. Не ждалъ, что она изъ такихъ хоромъ, какъ наши, пріѣдетъ къ нему, на его холостую квартиру... И не подозрѣваетъ, каково жить-то въ нашихъ хоромахъ!.. Вѣрно, она у него и останется на время, пока денегъ у него хватитъ... Ну, и Богъ съ ней. Она не злая. Глупая только... Какъ-то вотъ я устроюсь? Только бы скорѣй разыскать мать и сестру, а тамъ все пойдетъ хорошо. Капитанъ опять разсказывалъ, какъ сестра живетъ: домъ точно дворецъ, важныя особы бываютъ у нея, мѣста она достаётъ... Можетъ, онъ отчасти и привираетъ... Съ чего этотъ жандармъ посовѣтовалъ мнѣ не говорить о ея видномъ положеніи? «Бываютъ, говоритъ, видныя положенія, да не завидныя»... Что-то шопотомъ тоже разсказывалъ начальнику станціи... Однако, билетъ-то дали. Такъ-то, первому встрѣчному не дали бы»...

И въ сладкихъ думахъ о томъ, что онъ «не первый встрѣчный», онъ безпечно забылся сномъ, предчувствуя близкій конецъ своимъ мытарствамъ.

«Сюда, сюда пожалуйте»! — приглашаетъ его ливрейный лакей и ведетъ среди двухъ рядовъ цвѣтовъ и ярко горящихъ лампъ по мраморной лѣстницѣ, а впереди все зеркала и зеркала во всю стѣну въ золотыхъ рамахъ. И видитъ онъ себя въ этихъ зеркалахъ, но не въ жалкомъ, поношенномъ гимназическомъ мундирѣ, въ какомъ онъ ходилъ зимой, и не въ легкой статской одеждѣ, какъ ходилъ лѣтомъ и осенью, а въ какомъ-то вышитомъ золотомъ одѣяніи, съ золотыми шнурами и пуговками, и хочется ему спросить у лакея, что̀ это за форма на немъ,—гусарская или какая нибудь еще болѣе бле-

Digitized by Google

стящая, а лакей, ничего не отвѣчая на его вопросы, только торопитъ его и все повторяетъ докучное: «Пожалуйте, пожалуйте»!

Онъ открылъ глаза и увидалъ кондуктора, будившаго его. Вагонъ былъ уже совершенно пустъ.

— Ну, баринъ, и заспались же вы!—говорилъ, улыбаясь, кондукторъ. — Не мудрено, что у васъ вытащили бумажникъ! Васъ и самихъ-то вынести можно, — не услыхали бы. А бумажникъ и того проще было украсть!..

— Какъ? что?—съ ужасомъ воскликнулъ Вадимъ, хватаясь за карманы.

Кондукторъ засмѣялся.

— Да, нѣтъ же, не теперь,—пояснилъ онъ и добавилъ:— Второй разъ не украдутъ, довольно и одного!.. Въ Петербургъ мы пріѣхали...

— А-а!—протяжно вздохнулъ Вадимъ и вдругъ ему стало страшно, безотчетно страшно.

Гдѣ-то тамъ, за стѣнами дебаркадера, что-то сотнями голосовъ, сотнями колесъ грозно и немолчно шумѣло, кричало, громыхало во мракѣ подъ холоднымъ осеннимъ дождемъ, ливнимъ, какъ изъ ведра. Сквозь залитыя потоками дождя окна дебаркадера была видна сплошная, движущаяся, казавшаяся совсѣмъ черной въ вечерней темнотѣ, сплошная масса людей, лошадей, экипажей. Всѣ точно готовы были задавить другъ друга, лѣзли одинъ на другаго, торопясь напроломъ къ своей цѣли, спѣша въ то же время укрыться отъ холода и дождя.

VIII.

— Какой сынъ? Какой сынъ? Это еще что за новости? Никакого сына у меня нѣтъ! Гоните, гоните его! Ахъ, Боже мой, подсылаетъ это онъ, разбойникъ; самъ разорился, теперь меня разорить хочетъ! — кричалъ сварливый, немолодой и довольно непріятный женскій голосъ.

— Ха, ха, ха! Нѣтъ, ты меня уморишь со смѣху, мама! Какъ же у тебя нѣтъ сына? Съ которыхъ это поръ? А Вадимъ-то куда же дѣвался? Ха, ха, ха!—заливался искреннимъ смѣхомъ другой серебристый молодой голосокъ.

Вадимъ въ это время стоялъ въ большой комнатѣ, смеж-

Digitized by Google

ной съ тою, гдѣ говорили женщины, и не зналъ, что̀ ему дѣлать, идти ли дальше, вернуться ли обратно.

Онъ смутился съ той самой минуты, какъ, одѣтый во фракъ и бѣлый галстукъ, лакей госпожи Сорко-Туриной открылъ ему входную дверь одной изъ квартиръ бэль-этажа въ большомъ каменномъ домѣ на Большой Московской, и при заявленіи посѣтителя, что онъ якобы сынъ Ольги Павловны, нѣсколько нахально осмотрѣлъ съ ногъ до головы его слишкомъ легкій костюмъ наглыми, чисто холопскими глазами, предложивъ ему подождать, пока объ его приходѣ онъ доложитъ Ольгѣ Павловнѣ. Не зная, нужно ли ждать выхода матери и сестры въ передней, или надо идти въ гостинную, Вадимъ рѣшилъ, что надо сдѣлать послѣднее, и, вступивъ въ гостинную, былъ изумленъ ея обстановкою.

Въ ихъ усадьбѣ все было, пожалуй, болѣе цѣнно, болѣе солидно, болѣе стильно, но тамъ все было старо; позолота слиняла, штофныя обивки мебели порвались; ничто не бросалось въ глаза яркостью, ничто не било на эффектъ и, главное, ничто не было нагромождено по лавочному, по рыночному, а стояло чинно и степенно у стѣнъ, не загораждая дороги въ комнатахъ, какъ здѣсь. Это была не комната, а лабиринтъ, устроенный изъ всякихъ ненужностей: ничего не прикрывающія, крошечныя ширмы изъ прошитой золотомъ индѣйской кисеи въ причудливыхъ черныхъ рамкахъ, съ золочеными колокольчиками; черные стулья съ затѣйливыми инкрустаціями и золотыми украшеніями, которые непремѣнно должны были бы подломиться подъ грузнымъ или неосторожнымъ человѣкомъ; фарфоровыя собачки разныхъ породъ и величинъ на полу, только мѣшавшія на пути; пестрые плюшевые вѣера съ фотографическими карточками на стѣнахъ, маккартовскіе букеты въ вазахъ, имѣющіе видъ пестрыхъ метелъ изъ перьевъ и травы, точно для того и выдуманные, чтобы собирать пыль; безчисленные пестрые ковры и коврики, портьеры и драпировки, салфетки и салфеточки, вазы и вазочки, и зеркала,—зеркала всюду, удваивающія, удесятеряющія эту пестроту рынка, выставки. Все это, черное, красное, зеленое, золотое, перемѣшивалось здѣсь, рябило въ глазахъ, не давало возможности сразу оріентироваться: откуда вошелъ, куда надо идти, гдѣ окна, гдѣ двери, на чемъ бы отдохнуть глазамъ. У Вадима слегка

Digitized by Google

кружилась голова, точно все это вертѣлось и прыгало передъ нимъ. Онъ не нашелъ бы теперь сразу выхода, сронилъ бы какую нибудь ширмочку, разбилъ бы какую нибудь собачку, еслибы ему пришлось поспѣшно удалиться отсюда.

Онъ былъ красенъ, какъ вареный ракъ, и какъ-то растерянно озирался кругомъ, когда уже надъ самымъ его ухомъ опять раздался тотъ же звонкій, заразительный смѣхъ, который только что раздавался въ сосѣдней комнатѣ.

— Такъ это вы?.. ха-ха-ха!.. это ты, мой братъ?.. Ахъ, какой ты смѣшной... Красный, точно изъ бани... Повернись-ка, повернись! Да ты давно выросъ изъ всего этого платья. Ха-ха-ха! Ну, что жь ты не цѣлуешь меня?—звучало въ ушахъ Вадима, и чьи-то губки уже цѣловали его.

— Ахъ, глупая, глупая дѣвчонка! Пришелъ первый встрѣчный, съ неба свалился, назвался братомъ, а она уже и цѣлуется съ нимъ! Еще богъ вѣсть, кто онъ, откуда? — остановилъ хохотушку строгій голосъ той женщины, которая за минуту передъ тѣмъ бранилась въ сосѣдней комнатѣ.

Только спустя полчаса, всѣ пришли въ себя. Мать, обрюзгнувшая, расплывшаяся, огрубѣвшая и лицомъ, и манерами, старая кокотка въ яркомъ, пестромъ платьѣ, съ подрумяненными по старой привычкѣ щеками, съ крашеными рыжими волосами, съ крупными вставными зубами ослѣпительной бѣлизны, съ массой колецъ на толстыхъ пальцахъ, давно уже перешедшая на роли ростовщицы, посредницы между молодежью и содержательницы игорнаго дома, дѣловито убѣдилась по метрическому свидѣтельству, что пришедшій молодой человѣкъ, дѣйствительно, ея сынъ, небрежно дала ему поцѣловать свою крупную руку и накрашенную щеку, и стала безцеремонно ругать его злодѣя-отца, пьяницу и разорителя, мѣсто котораго не въ деревнѣ, а на каторгѣ. Дочь, бѣлокурая красавица съ синими глазами, въ скромномъ платьѣ изъ бѣлаго кашемира, съ крупными брилліантами въ ушахъ, вполнѣ пригодная быть натурщицей для изображенія Маргариты или Офеліи, когда она не хохотала,—что, впрочемъ, случалось съ нею очень рѣдко,—уже безцеремонно поворачивала во всѣ стороны юношу, осматривая его, какъ вещь, и также безцеремонно вышучивала мать, передразнивая, какъ та прежде всего—не опечалилась, не обрадовалась, узнавъ о пріѣздѣ сына,

Digitized by Google

а только испугалась, что ее хотятъ грабить. Сынъ, все еще красный отъ смущенія, не зная, что̀ слушать: брань ли матери, или легкомысленный хохотъ сестры, чувствовалъ только одно, что онъ теперь спасенъ — спасенъ отъ перспективы умереть съ голоду и холода, гдѣ нибудь на улицѣ.

— У тебя есть какой нибудь другой костюмъ?—спросила Нини.

— Нѣтъ,—началъ Вадимъ.

— Ну да, такъ и сталъ бы его экипировать этотъ злодѣй, — съ него стянулъ бы, еслибы было что стянуть! Ему только бы другихъ разорять,—перебила со злобой мать.

— Ахъ, какъ жаль, а то бы я сегодня же взяла его на прогулку. Это весь городъ заставило бы ломать голову надъ вопросомъ, съ кѣмъ я каталась, — объявила Нини и захохотала.

Ее такъ восхищала эта мысль, что она посмотрѣла на часы:

— Еще рано, кажется; онъ успѣетъ все купить, что̀ надо; въ Петербургѣ все есть готовое. Какой нибудь часъ времени— и онъ будетъ франтомъ. Это прелестно.

— Да ты съ ума сошла! Онъ ничего не съумѣетъ купить. Развѣ онъ знаетъ Петербургъ? Деревенщина! Переплатитъ за все! Да и на спѣхъ покупать—всегда дороже обходится, даже если человѣкъ опытенъ. У насъ деньги не бѣшеныя! — вступилась мать, протестуя противъ затѣи Нини.

— Я хочу сегодня, сегодня ѣхать съ нимъ! — капризно настаивала Нини, сознавая, что въ качествѣ ребенка она должна быть и капризной, и настойчивой: это такъ прелестно!

— Мало ли чего ты хочешь. Да я не позволю бросать даромъ деньги! Сегодня посидитъ онъ и дома, а тамъ, когда все купимъ, тогда и покажешь его кому угодно!—рѣшила мать нетерпящимъ возраженій тономъ.

— А я хочу сегодня или... я не поѣду сегодня кататься. Я нездорова. Нездорова, и никуда не ѣду, никого не принимаю! Сегодня къ тебѣ пріѣдутъ играть, а я нездорова, нездорова! — Серебристый голосокъ звенѣлъ неумолкающимъ колокольчикомъ, а маленькія ножки капризно топали по ковру.— Не стану же я цѣлую недѣлю скрывать отъ всѣхъ, что ко мнѣ пріѣхалъ братъ? Нѣтъ, я нездорова, нездорова на цѣлую недѣлю...

Digitized by Google

Быстро, какъ молнія, упорхнула изъ комнаты Нини, должно быть, для того, чтобы слечь въ постель, а мать набросилась на сына:

— Нашелъ тоже день, когда пріѣхать! Субботу выбралъ? Что я теперь буду безъ нея дѣлать? Это нашъ день. Мы по субботамъ принимаемъ. Гости пріѣдутъ, а она велитъ отказывать по нездоровью. Отъ нея всего ждать можно: набалована! Да если и не велитъ отказывать, то кто останется безъ нея? На меня смотрѣть станутъ, что ли? Сладко мнѣ это? Дуракъ эдакій! Одѣвайся сейчасъ же. Я поѣду покупать тебѣ платье. Поди-ка, ни вкуса нѣтъ, ни знанія цѣнъ. Выросъ провинціальнымъ болваномъ! Тоже пріѣдутъ, чортъ знаетъ откуда, а ты тутъ бейся изъ-за нихъ...

И мимоходомъ, надѣвъ уже шляпку и проходя мимо комнаты Нини, мать объявила, насколько могла, сладкимъ голоскомъ:

— Мы сейчасъ вернемся съ Вадимомъ, Нини. Это вѣдь недолго!

— Не вздумай только тряпья какого нибудь ему купить на Толкучкѣ. Я тогда не поѣду,—капризно откликнулась дочь.

— Ахъ, какая ты!—упрекнула ее мать.

— Ну да, вѣдь я тебя знаю,—отвѣтила Нини.—Всегда гроши разсчитываешь...

— Ну да, разсчитываю, разсчитываю!—заговорила Ольга Павловна, уже спускаясь съ лѣстницы.—Не разсчитывала бы, такъ подохли бы съ голоду давно, не могли бы теперь капризничать, да швырять деньги...

И всю дорогу Вадимъ только и слышалъ о томъ, какъ билась и копила его мать, и о томъ, какъ разорялся его злодѣй-отецъ...

Въ четыре часа «весь Петербургъ», то есть всѣ праздные люди, показывающіе свои наряды и глазѣющіе на наряды другихъ на Невскомъ проспектѣ и на Дворцовой набережной, толковали о томъ, что Нини Сорко-Турина явилась на прогулкѣ не одна, не съ матерью, а съ какимъ-то никому неизвѣстнымъ красавцемъ-юношей. Всѣ, дѣйствительно, ломали себѣ головы, кто онъ, откуда явился, какъ познакомился съ ней, неужели такой юнецъ уже настолько самостоятеленъ и настолько богатъ, что могъ отбить ее у щедраго покровителя, у самого

Digitized by Google

Виктора Алексѣевича Рюмина - Ростовскаго? Что же будетъ дѣлать Рюминъ-Ростовскій, — примирится ли съ совершившимся фактомъ, или станетъ тягаться съ нежданнымъ соперникомъ? Это было тѣмъ интереснѣе, чѣмъ больше было у всѣхъ зависти, нерасположенія и даже ненависти къ «выскочкѣ» Рюмину-Ростовскому.

Эта суббота была однимъ изъ самыхъ удачныхъ назначенныхъ дней въ году у Сорко-Туриныхъ. Не пріѣхали къ нимъ изъ ихъ знакомыхъ только тѣ, которые не волочили ногъ. Ольга Павловна, еще не забывшая, какъ дорого деруть за готовое платье всѣ эти marchands-tailleurs, не пропустила удобнаго случая поговорить о своемъ добромъ сердцѣ, зная, что въ свѣтѣ, исполненномъ чувства справедливости, добродѣтель всегда награждается, а порокъ наказуется.

— Я просто ночей не спала, зная, что мой благовѣрный разорился, и чувствуя, подъ какимъ вліяніемъ находится мой несчастный Вадимъ. Наконецъ, не утерпѣла и выписала его сюда,—разсказывала она трогательныя сказки.

Трогательнымъ сказкамъ никто не вѣрилъ въ душѣ, и потому всѣ громко удивлялись ея истинно-материнской добротѣ. Всѣ чувствовали, что она не выписывала сына, но въ то же время всѣ видѣли, что она его не выгоняла. Это не могло не удивлять. Другіе просто шутливо поздравляли ее съ новорожденнымъ. Въ отвѣтъ на это, она тяжело вздыхала:

— Нѣтъ, новорожденнымъ хоть «на зубокъ» приносятъ, а этотъ, кромѣ расходовъ, ничего мнѣ не принесетъ.

— Господа, господа, это мама на подарокъ напрашивается!—наивничая, хохотала ея дочь.

Нѣкоторые тотчасъ же приняли это къ свѣдѣнію и развязно вторили смѣху Нини, не безъ выгоды для Ольги Павловны, которую называли роженицей. Шутка шла далѣе: говорили о крестинахъ, о томъ, кто будетъ кумомъ и кто кумою, какія будутъ ризки. Ольга Павловна очень любила, когда въ ея домѣ шутятъ. Это всегда обѣщало барышъ, такъ какъ шутники всегда тароваты. Правда, бывали случаи, что шутники вымазывали дегтемъ бѣдныхъ людей, но все же вымазанные дегтемъ бѣдные люди могли радоваться въ душѣ: «по крайней мѣрѣ, не дадутъ имъ умереть съ голоду». Деготь легко отмывается, а хлѣбъ насущный добывается съ трудомъ.

Digitized by Google

«Новорожденный» сдѣлался героемъ дня и, на шумномъ ужинѣ, за его здоровье то и дѣло выкрикивались тосты, поднимались бокалы съ шампанскимъ. Онъ, чокаясь своимъ бокаломъ съ бокалами гостей, чувствовалъ себя въ такомъ настроеніи, что ему казалось, будто все и всѣ кругомъ него неудержимо вертятся и кружатся въ безумной бѣшеной пляскѣ, и самъ онъ тоже вертится и кружится съ громкимъ смѣхомъ среди громко смѣющихся людей... Ему было такъ весело, онъ былъ такъ счастливъ, что ему хотѣлось обнимать и цѣловать и сестру, и мать, и всѣхъ этихъ людей, именъ которыхъ онъ даже не зналъ. Сестра всегда готова была обниматься и цѣловаться съ кѣмъ угодно. Уже съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ мать учила ее: «поцѣлуй дядю, онъ добрый», и дѣвочка цѣловала «дядю», какъ назывались у нихъ въ домѣ всѣ мужчины, и всѣ дяди послѣ ея поцѣлуевъ, дѣйствительно, оказывались «добрыми». Какъ прежде цѣловала она охотно каждаго дядю, такъ теперь охотно цѣловала брата, протягивавшаго къ ней губы. Мать же, когда сынъ порывисто бросился обнимать ее, поняла этотъ порывъ совершенно своеобразно и, пожимая плечами, спокойно и сухо замѣтила:

— Мальчишка совсѣмъ пьянъ!

IX.

Анна Николаевна Сорко-Турина была ужасно рада—она именно такъ и выразилась: «ужасно» рада—пріѣзду Вадима. Братъ избавлялъ ее отъ необходимости выѣзжать съ мамой: мама всегда нестерпимо надоѣдала ей разговорами о деньгахъ, объ экономіи, о необходимости беречь и копить деньги, а Анна Николаевна слышать ничего не хотѣла объ этихъ «противныхъ вещахъ». Было бы ошибкою заключить изъ этого, что Анна Николаевна была безсребреницею и съ наивностью ребенка не знала, что безъ денегъ вовсе нельзя жить. Нѣтъ, она просто не хотѣла ничего слышать объ этихъ противныхъ вещахъ, требуя только одного,—чтобы на ея содержаніе, на ея капризы, на ея причуды всегда находились средства. Мама же, толковавшая постоянно объ этихъ противныхъ вещахъ, даже и теперь, когда всего было съ избыткомъ, или смѣшила, или сердила ее. Всякое удовольствіе перестаетъ быть удовольствіемъ, какъ только

Digitized by Google

поднимается вопросъ: «а чего это стоитъ»? Вслѣдствіе этого, Аннѣ Николаевнѣ было такъ пріятно ѣздить на прогулки не съ мамою, а съ Вадимомъ. Они все время могли говорить обо всякихъ пустякахъ, могли отъ души смѣяться, не думая ни о чемъ, что отравляетъ жизнь человѣка: ни о работѣ, ни о деньгахъ, ни о завтрашнемъ днѣ, ни о чемъ, чего они оба одинаково не хотѣли знать. Они оба по натурѣ принадлежали къ породѣ тѣхъ людей, которые очень любятъ лакомиться цыплятами и съ содроганіемъ говорятъ о тѣхъ, кто колетъ этихъ цыплятъ безъ сожалѣнія въ сердцѣ. Нини очень хорошо знала, что для думъ о деньгахъ, объ этихъ противныхъ вещахъ, слишкомъ достаточно и одной мамы, которая, когда вопросъ заходилъ о деньгахъ, одна за десятерыхъ отвѣтитъ и постоитъ. А мама эта принадлежала къ породѣ людей, сознающихъ, что если хочешь ѣсть цыплятъ, то умѣй и колоть ихъ,—и научилась артистически дѣлать это дѣло...

Дѣйствительно, Ольга Павловна Сорко-Турина была настоящимъ практикомъ, настоящимъ счетчикомъ, настоящимъ биржевикомъ въ юбкѣ. Тяжелый жизненный опытъ научилъ ее наживать, беречь и умножать деньги правдою и неправдою,—впрочемъ, она была убѣждена, что ихъ можно наживать не талантомъ, не трудолюбіемъ, не честностью, а только неправдою, самою грубою и беззастѣнчивою неправдою, и не стѣснялась ею, такъ какъ этимъ способомъ, по ея мнѣнію, наживаются и всѣ другіе люди безъ исключенія. Недаромъ же и народъ пришелъ къ тому выводу, что «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». Другіе тоже знаютъ эту пословицу, но дѣлаютъ видъ, что не вѣрятъ ей; она же, какъ человѣкъ прямолинейный до грубости, знала ее и говорила откровенно, что только ей и вѣритъ. Это была ея одиннадцатая заповѣдь; или, вѣрнѣе сказать, другихъ заповѣдей она какъ-то не помнила, можетъ быть, даже вовсе не знала. Она твердо была убѣждена, что безъ денегъ человѣкъ хуже вора, хуже подлеца, хуже разбойника, что богатаго подлеца такъ или иначе терпятъ и принимаютъ въ обществѣ, даже окружаютъ хоть внѣшнимъ уваженіемъ, а честнаго нищаго гонятъ отовсюду, смотрятъ брезгливо на его лохмотья, осуждаютъ за грязь. Нравственно-грязному человѣку пожимаютъ руку; отъ грязной же руки честнаго чернорабочаго отдергиваютъ свою: пахнетъ

Digitized by Google

она дурно. Ольга Павловна такъ хорошо знала это, что приходила въ ярость, въ неистовство, когда ей противорѣчили по этому вопросу, и переходила на личности въ подобныхъ спорахъ, кричала, зачѣмъ люди фарисействуютъ, зачѣмъ сознательно лгутъ, зачѣмъ безсовѣстно притворяются,—что̀ и заставляло постоянно умолкать тѣхъ лицемѣровъ, которые безстыдно утверждаютъ, что уважаются выше денегъ добродѣтель и высокая нравственность.

— Такъ что же вы не гоните отъ себя подлецовъ?—кричала она и перечисляла поименно этихъ извѣстныхъ подлецовъ, крайне шокируя слушателей своей неделикатностью.— Потому что они богаты, потому что они въ чинахъ, потому что у нихъ власть? Да? Ну, такъ что жь вы мнѣ и толкуете о добродѣтеляхъ! Красивыхъ-то этихъ словъ я еще и у моего злодѣя наслушалась, по самое горло насытилъ онъ меня! Тоже хорошо пѣлъ, собака!

И, переводя духъ, она кончала словами:

— Ужь говорили бы прямо о томъ, что̀ есть на свѣтѣ, а не о томъ, что̀ хотѣлось бы видѣть. Я вонъ, можетъ быть, желала бы, чтобы у Нинюши ангельскія крылышки были, а нѣтъ ихъ, ну, и говорить объ этомъ нечего. Человѣкъ—скотъ, скотомъ и останется.

Эта была вообще своеобразная, самостоятельная и дѣловитая женщина. Циникъ въ юбкѣ, по мнѣнію однихъ; существо безъ сердца—по мнѣнію другихъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ замужства, которое она называла «каторгой», она, захвативъ свою дочь и бросивъ только что отнятаго отъ груди сына, бѣжала отъ мужа.

— Лучше умереть съ голоду, чѣмъ терпѣть брань, побои и униженія отъ пьянаго подлеца,—рѣшила она, возмущенная до глубины души.

Въ его домъ она вошла молоденькой нѣвичкой, «Периколой» провинціальной сцены; отъ него же ушла жестоко униженной и озлобленной на всѣхъ женщиной.

— Краснобаи, сладкопѣвцы, брехунцы!—ругала она всѣхъ, кто говорилъ о чести, о нравственности, о добродѣтели.

Иначе она не называла людей, которые, подобно ея супругу, говорили объ идеяхъ, традиціяхъ, благородныхъ чувствахъ. Она была твердо увѣрена, что всѣ они подлецы...

Digitized by Google

— Красивымъ мундиромъ потому и прикрываются, чтобы никто не замѣтилъ, что они грязнѣе навозной кучи,—рѣшала она.—Плевать я хочу на то, что̀ говорятъ люди,—кричала она.—Я на дѣло смотрю, а красно-то говорить и мой злодѣй умѣлъ.

Ей было очень трудно прокормить себя и дочь, но ей помогли въ этомъ случаѣ ея особенные, ею самой созданные нравственные взгляды,—я говорю: «нравственные», потому что и безнравственность есть своего рода нравственность, то есть modus vivendi. Отвѣчать согласіемъ на ухаживанья она считала дѣломъ самымъ обыкновеннымъ.

— Я собой, кажется, могу распоряжаться, какъ хочу,—съ откровеннымъ цинизмомъ говорила она.—Слава богу, не крѣпостная чья нибудь, не раба!

Брать деньги съ ухаживателей ей казалось еще болѣе естественнымъ.

— Люби кататься, люби и саночки возить; хочешь жить въ свое удовольствіе, умѣй и платить,—не менѣе откровенно говорила она.

Съ теченіемъ времени, какъ только явилась возможность существовать безъ ухаживателей, всякія любовныя шашни были отброшены въ сторону. Нравственныя соображенія тутъ были непричемъ; она просто хотѣла пожить на покоѣ. Удовольствія въ любовныхъ похожденіяхъ она и прежде находила немного, какъ въ тяжеломъ трудѣ.

— Довольно было и одного моего злодѣя, чтобы не гоняться за мужчинами безъ крайности,—объясняла она.

И, дѣйствительно, когда «крайность» прошла, она перестала обольщать мужчинъ, принялась за разныя вѣрныя аферы, ссужала сыновей богатыхъ родителей деньгами подъ двойные векселя, допускала устраивать въ своей квартирѣ игорные вечера, позволяла въ своемъ домѣ «случайно» встрѣчаться влюбленнымъ другъ въ друга женщинамъ и мужчинамъ, и только по старой привычкѣ продолжала красить волосы въ желтый цвѣтъ, румянить лицо и носить яркіе туалеты и красные зонтики. Послѣднее дѣлалось не для того, чтобы прельщать кого нибудь, а потому, что это нравилось ей самой.

Дочь, которой даже въ тяжелые дни давалось очень сносное, то есть пригодное для добыванія хлѣба и для жизни въ

Digitized by Google

свѣтскомъ обществѣ, образованіе, а на танцы, пѣніе и музыку,—такъ какъ для дѣвушки это своего рода «капиталъ»,—обращалось серьезное вниманіе,—она и баловала, и держала ее въ то же время въ строгости. Шалить, капризничать, привередничать дѣвочка могла сколько угодно, лишь бы она не выросла съ видомъ угнетенной жертвы, плаксой и нытикомъ, которыхъ ждутъ въ жизни скверная доля и гибель; но Ольга Павловна всегда поддерживала въ ней сознаніе, что безъ матери она, какъ собачонка, околѣла бы на улицѣ, что въ каждомъ практическомъ вопросѣ она должна предоставить матери дѣйствовать и рѣшать, если не желаетъ погибнуть на мостовой; что худшаго бѣдствія, чѣмъ гибель на мостовой, и быть не можетъ. О возможности этой гибели говорилось при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, такъ что матери стоило бы хоть въ шутку сказать, что онѣ разорятся, чтобы съ дочерью сдѣлался чуть не обморокъ. И дѣвушка, которую всѣ звали наивнымъ ребенкомъ, рѣзвою хохотушкой, безпечнымъ мотылькомъ, въ сущности, отлично знала, когда ей нужно укрыться за спину мамы, когда нужно выдвинуть впередъ маму, такъ любившую говорить «о противныхъ вещахъ», тогда какъ она, Нини, ровно ничего, ничего въ нихъ не понимаетъ. «Она у меня настоящее дитя въ практическихъ дѣлахъ», говорила мать о дочери и знала, что это составляетъ одну изъ прелестей ея дочери. «Маргарита» можетъ желать много-много брилліантовъ, должна долго-долго любоваться ихъ игрой, но она никогда не должна даже подозрѣвать, что они стоютъ дорого. Выходъ Нини на сцену загороднаго театра былъ одной изъ биржевыхъ операцій Ольги Павловны: Нини пробыла на сценѣ ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы ее перевидалъ «весь Петербургъ», чтобы о ней написали десятокъ замѣтокъ-рекламъ, чтобы гдѣ-то распустили слухъ, что изъ-за нея кто-то застрѣлился и кто-то отравился,—чуть не цѣлые романы писались объ этомъ,—и чтобы нашелся, наконецъ, тотъ покупатель, который могъ дать больше другихъ, а, главное, «обезпечить» Нини. Безъ обезпеченія нечего было и подходить къ Нини. Покупатель на этомъ публичномъ аукціонѣ нашелся и обезпечилъ дѣвушку крупной суммой, независимо отъ того, что сталъ давать ей ежемѣсячно на содержаніе. Вся эта биржевая операція сдѣлалась быстро, нося

Digitized by Google

чисто дѣловой характеръ, и теперь Нини была вполнѣ обезпечена и могла не являться на сценѣ, за исключеніемъ разныхъ любительскихъ спектаклей въ пользу какихъ нибудь вдовъ и сиротъ, преступниковъ и арестантовъ. Ольга Павловна такъ и говорила:

— Теперь я хоть глаза спокойно закрою. Нинюша, по крайней мѣрѣ, обезпечена и не придется ей, какъ мнѣ, отъ крайности броситься на шею какому нибудь злодѣю, въ родѣ моего благовѣрнаго. Что же касается Виктора Алексѣевича, такъ будетъ она пускать его къ себѣ, пока онъ не надоѣстъ да покоренъ ей будетъ, а тамъ и маршъ за дверь! Слава богу, не мужъ!

Ея опытный глазъ предвидѣлъ, что дочь, можетъ быть, очень скоро захлопнетъ дверь передъ Викторомъ Алексѣевичемъ Рюминымъ-Ростовскимъ.

— Тоже идолъ!—коротко отзывалась она объ этомъ молодомъ человѣкѣ, почувствовавъ къ нему—и не безъ основанія—съ перваго же дня его появленія въ ихъ домѣ глухую вражду.

Объ этой связи заговорилъ весь Петербургъ, и Нини сдѣлалась, подъ вліяніемъ Ольги Павловны, предметомъ зависти для сотенъ дѣвушекъ, которыя еще не пристроились къ такимъ же богачамъ...

Въ это время явился, какъ снѣгъ на голову, Вадимъ. Ольга Павловна не видала его чуть не со дня рожденія и материнскихъ чувствъ къ нему не питала никакихъ, тѣмъ болѣе, что это не дѣвочка, а мальчишка, то есть будущій мужчина, а они всѣ «подлецы». Но все же она не выгнала его изъ дому, какъ хотѣла сдѣлать сначала, сказавъ:

— Пусть убирается къ отцу.

Убираться къ отцу, когда тотъ самъ, вѣроятно, скоро по міру пойдетъ! Вадимъ разсказалъ ей, до какого состоянія дошелъ отецъ: промоталъ все и спился съ кругу.

— А! нищимъ изъ богача дѣлается, съ кругу спился, злодѣй! Нѣтъ, я ушла отъ него безъ всякихъ средствъ, сдуру-то чуть не оставила ему даже своихъ золотыхъ вещей, съ дитятей ушла, а, слава богу, не ходила по міру, не запила съ горя,—злорадствовала и, въ то же время, хвалилась она.

Какъ всѣ люди, не погибшіе среди своихъ собратьевъ-

Digitized by Google

людей и пробившіе сами себѣ дорогу, на которую эти собратья накидывали только камни преткновенія и колючія терніи, она любила похвалиться тѣмъ, что одна съумѣетъ одолѣть сотни враговъ.

— Солоно мнѣ тоже было добывать хлѣбъ,—разсказывала она съ гордостью,—а добывала; ни сама не подохла, ни Нинюшу не бросила... Не голодала у меня Нинюша ни разу... даромъ что ни наслѣдственныхъ капиталовъ, ни имѣній, ни крестьянъ не было...

— Да, а у него все было и все спустилъ,—говорилъ Вадимъ и распространялся еще болѣе о положеніи отца.

Жалобы сына на отца немного примирили съ нимъ мать. Ругать ея мужа—значило косвенно хвалить ее или, по крайней мѣрѣ, оправдывать. Сынъ же не щадилъ темныхъ красокъ для изображенія отца. Ее радовало и то, что ея мужъ въ послѣднее время пробавлялся,—какъ вульгарно выразилась она,—глупой и некрасивой «чухонкой», и то, что даже эта дрянь сбѣжала отъ него, и то, что у него погибъ единственный человѣкъ, оберегавшій его умѣлой рукой отъ разоренья, и то, что у него стали сбѣгать и послѣдніе слуги, видѣвшіе его близкое разореніе.

— Одинъ сдохнетъ, одинъ сдохнетъ, какъ собака. Людей, какъ собакъ, билъ, вотъ ему и награда въ собачьей смерти будетъ!—опять шумно злорадствовала она.

Ее словно жегъ еще тотъ рубецъ, который остался, какъ клеймо каторжника, на ея бѣломъ тѣлѣ отъ арапника Николая Николаевича. Этотъ бѣлый шрамъ на разсѣченной когда-то груди она въ тяжелыя минуты нерѣдко показывала въ слезахъ дочери и говорила ей:

— Вотъ, Нинюша, что̀ мужъ-то значитъ? Вотъ, Нинюша, отъ чего я ушла!

И дѣвочка цѣловала этотъ бѣлый шрамъ и нѣжно шептала:

— Бѣдная, бѣдная мамочка!

Эти минуты были единственными свѣтлыми минутами въ жизни Ольги Павловны, хотя онѣ наступали всегда послѣ того, какъ кто нибудь «надувалъ» или «объегоривалъ» Ольгу Павловну, вызывая ея желчь. Радуясь всѣмъ бѣдствіямъ брошеннаго мужа, она разспрашивала теперь сына о всѣхъ мелочахъ быта въ деревнѣ, о безобразіяхъ пьянства Николая Николае-

Digitized by Google

вича, о причинѣ, вызвавшей убійство Томченка, о кличкѣ, данной отцомъ самому Вадиму. Среди этихъ разсказовъ Вадима, проходили тѣ тихіе, семейные вечера, когда Сорко-Турины не ѣхали въ театръ или на балъ и когда у нихъ не собирались гости. Они втроемъ усаживались въ гостинной: мать, никогда не сидѣвшая безъ дѣла, вязала пестрые шерстяные платки; Нини наигрывала и напѣвала что нибудь или просто лѣниво лежала на кушеткѣ; Вадимъ разсказывалъ о житьѣ-бытьѣ въ Сорковщинѣ. Кругомъ все тихо, точно все уснуло въ домѣ; слышно только, какъ часы отбиваютъ на каминѣ тикъ-такъ, да кто-то на улицѣ кричитъ: «извощикъ»! Вадимъ полюбилъ эти вечера, ему даже стало казаться, что мать начала теплѣе относиться къ нему. Въ теплотѣ ея чувствъ къ нему онъ ошибался, но его участь начала озабочивать ее.

— А вѣдь мальчишка и точно лодырь! Ему только бы слоновъ продавать да жить на всемъ готовомъ!—задумчиво замѣтила она однажды Аннѣ Николаевнѣ, когда Вадимъ вышелъ изъ комнаты, отправившись спать.—Взять-то мы взяли эту обузу на себя, а что дѣлать съ нею еще не придумали.

— Только я впередъ тебя предупреждаю, мама, что онъ учиться не можетъ. Этотъ поганый греческій языкъ ему совсѣмъ не дается,—рѣшительнымъ тономъ объявила Нини.

— Ужь что тамъ говорить объ ученьѣ! — вставила Ольга Павловна.

— Ахъ, какія слова уморительныя тамъ,—продолжала наивничать Нини.—Онъ мнѣ часто говоритъ, какъ и что по гречески называется. Совсѣмъ дико! И представь себѣ: на этомъ языкѣ сами греки не хотятъ теперь говорить. Ей богу. Вадя не обманываетъ меня. Онъ божился.

— Не объ этомъ ученьѣ дурацкомъ я говорю, а о томъ, куда его пристроить, чтобы онъ на своихъ ногахъ стоялъ,— проговорила мать, пропуская мимо ушей лишнюю болтовню дочери.

— Ахъ, мама, Вадя очень бы хотѣлъ быть военнымъ; когда будетъ возможно, онъ поступитъ вольноопредѣляющимся въ полкъ, а потомъ и офицеромъ будетъ,—пояснила Нини.

— Гранить мостовую? Мало развѣ этой голи? У него ни капиталовъ, ни имѣній! А ѣсть-то что будетъ? Или мы его и содержать, и одѣвать будемъ?—съ иронiей возразила мать.

Digitized by Google

И совсѣмъ озабоченно закончила:

— Не разорялъ еще никто, такъ недостаетъ, чтобы онъ по міру пустилъ!

Нини испугалась. Ей вовсе не хотѣлось идти по міру. Не на мостовой же умирать изъ-за него! Положимъ, онъ ей братъ, а все же... Нѣтъ, нѣтъ, по міру она ни изъ-за кого не пойдетъ!

X.

Вопросъ о будущности Вадима сразу рѣшить было нелегко.

Отъ ученья онъ давно отсталъ, да и прежде, въ бытность свою въ гимназіи, учился достаточно плохо. Древніе языки ему положительно не давались, а изъ окружающихъ никто не могъ выяснить мальчику, на что ему пригодятся познанія этихъ языковъ, ради чего нужно принудить себя и преодолѣть это препятствіе. Этого не могли выяснить ни отецъ, презрительно говорившій о древнихъ языкахъ,—о которыхъ самъ, конечно, и понятія не имѣлъ,—что «это все безмозглые кутейники выдумали»,—ни Петръ Ивановичъ Томченко, безтолково объяснявшій, какъ-то испуганно разводя въ стороны руками, что «это такъ ужь отъ высшаго начальства постановлено»,—ни тѣмъ менѣе Анфиса Петровна Томченко, сокрушавшаяся своимъ любвеобильнымъ сердцемъ болѣе всего не отъ того, что Вадимъ засиживался въ классахъ изъ-за этихъ языковъ, а отъ того, что «заморили совсѣмъ эти изверги рода человѣческаго нашего Вадичку». Желаніе самого Вадима и полное—сначала—согласіе съ нимъ его легкомысленной сестры, насчетъ поступленія юноши вольноопредѣляющимся куда нибудь въ гвардейскій полкъ, не могло покуда осуществиться, такъ какъ онъ былъ для этого еще молодъ, да притомъ тутъ пришлось бы не на шутку бороться и съ Ольгой Павловной, знавшей очень хорошо, чего стоютъ эти гвардейскіе «вольноопредѣляющіеся гранители мостовой», какъ она презрительно называла всѣхъ юнкеровъ. Она была твердо убѣждена, что существовать на свои средства эти гранители мостовой не могутъ, а разорить и пустить по міру хоть кого съумѣютъ, такъ какъ самый скромный мальчуганъ, надѣвъ мундиръ, считаетъ своимъ долгомъ кутить и швырять деньгами, давить прохожихъ рысаками

Digitized by Google

и содержать любовницу. Разувѣрить ее въ этомъ было невозможно. Впрочемъ, и сама Анна Николаевна, послѣ разговора съ матерью о поступленіи брата въ военную службу, стала не такъ горячо стоять за это дѣло, подумывая о томъ, что, пожалуй, онъ и точно пуститъ ихъ по міру. Чего не бываетъ въ жизни! Мама все это хорошо знаетъ...

Какъ женщина вполнѣ практичная, Ольга Павловна остановилась на мысли найти Вадиму мѣсто гдѣ нибудь въ банкѣ. Этихъ притоновъ недоучекъ и бездарностей такъ много! Правда, онъ былъ еще очень молодъ, но она резонно разсуждала, что «есть же и въ банкахъ какіе нибудь мальчишки на побѣгушкахъ, на грошевыхъ мѣстахъ», и что «стоитъ только пристроить мальчишку на мѣсто, а ужь тамъ отъ него будетъ зависѣть дальнѣйшее. Мало ли теперешнихъ директоровъ правленій чуть не изъ артельщиковъ вышло. Иные и грамоты-то почти не знаютъ; не скажутъ, гдѣ *е*, гдѣ *ъ* нужно поставить. Да этого и не нужно, чтобы ловко обдѣлывать денежныя дѣла». Съ этой мыслью, она начала справляться, то у тѣхъ, то у другихъ знакомыхъ, нельзя ли пристроить, «приткнуть» ея мальчишку, хоть на грошевый окладъ, «лишь бы онъ не продавалъ слоновъ» и «не болтался бы передъ ея носомъ». Бѣльмо на глазу! Но дѣло съ его опредѣленіемъ не шло на ладъ, не исполнялось по щучьему велѣнью, какъ можно было бы ожидать, согласно фантастическимъ разсказамъ армейскаго капитана Анютина. Впрочемъ, живя въ домѣ матери и сестры, Вадимъ на опытѣ узналъ, что капитанъ Анютинъ, какъ и всякіе другіе армейцы, побывавшіе въ столицѣ и удостоившіеся видѣть на улицѣ разныхъ модныхъ кокотокъ, многое въ жизни Анны Николаевны создалъ своимъ пылкимъ воображеніемъ и, во всякомъ случаѣ, часто дѣлалъ изъ мухи слона...

Неудача въ дѣлѣ хлопотъ о мѣстѣ для Вадима сердила Ольгу Павловну.

— На несчастье и морду-то далъ ему Богъ совсѣмъ ребячью,—съ досадой говорила она, когда ей указывали, что онъ еще слишкомъ молодъ для службы.—И замашки всѣ у него точно у уличнаго несмысленочка. Просто бѣда! На дняхъ «гусара» въ носъ запустилъ задремавшему въ передней лакею!.. Лодырь!

Время же шло незамѣтно и весело: выѣзды съ сестрой на

Digitized by Google

гулянья, посѣщенія театровъ и концертовъ, присутствіе на пирахъ дома, два-три пикника зимою, лѣтомъ переѣздъ на дачу въ Петергофъ, ежедневное катанье на музыку,—все это проходило, какъ свѣтлый, разнообразный сонъ. Денегъ на свои прихоти Анна Николаевна не жалѣла, такъ какъ ея Викторъ Алексѣевичъ, отличаясь множествомъ другихъ недостатковъ, менѣе всего страдалъ «мѣщанской» скупостью. А веселилась Анна Николаевна—веселился и Вадимъ. Безпечный юноша становился еще безпечнѣе, всегда окруженный блестящей молодежью, прожигавшею жизнь. Вертясь около его матери и сестры, эти люди пожимали мимоходомъ и ему руку, кланялись, какъ знакомому, на улицѣ:

— А! молодой человѣкъ, здравствуйте! Какъ здоровье Анны Николаевны и Ольги Павловны? Въ субботу собираемся къ нимъ сражаться...

Къ горькой дѣйствительности возвращали его только иногда возгласы грубаго и непріятнаго голоса матери:

— Ты что это пестрые галстучки-то мѣняешь чуть не каждый день? Для тебя, пожалуй, скоро нужно будетъ открыть отдѣльный магазинъ галстуковъ! Наживать-то ихъ научился? Нѣтъ еще? не научился? Ну, такъ ты научись прежде, а потомъ и франти. Франтить никому не запрещено, франти, сколько въ душу влѣзетъ, только надо изъ своихъ денегъ это дѣлать. Изъ чужихъ-то не приходится. Попросятъ и попридержаться. Мы вотъ наживаемъ деньги,—мы и можемъ франтить, если есть охота, а не умѣли бы наживать и должны были бы ходить въ затрапезной одежонкѣ. На нѣтъ и суда нѣтъ!

Вадимъ скоро узналъ, какъ она умѣла «пилить», спокойно, холодно, настойчиво и всегда съ своей своеобразной логикой.

— Живаго на кусочки распилитъ,—жаловался онъ, вздыхая, сестрѣ.

— Это для нашей же пользы!—коротко поясняла та.

Или напоминалась ему та же горькая дѣйствительность, иногда за ужиномъ когда кто нибудь изъ юныхъ кутилъ дружески подливалъ ему въ рюмку вина, а съ конца стола слышался короткій, но строгій возгласъ скрипучаго, какъ несмазанное колесо, голоса:

— Ва-а-димъ!

И, обернувшись въ сторону матери, онъ встрѣчалъ стро-

Digitized by Google

гіе, строгіе глаза нарумяненой, обрюзгнувшей женщины съ рыжими волосами, выразительно устремленные на него и на налитую ему рюмку. Протянутая къ рюмкѣ рука опускалась, точно внезапно пораженная параличемъ...

Тѣмъ не менѣе, онъ,—какъ она выражалась,—все еще «продавалъ слоновъ», то есть ничего не дѣлалъ, годъ слишкомъ ничего не дѣлалъ, если не считать работой тѣ безчисленныя порученія, которыя давали ему мать и сестра. Ему поручалось купить въ Гостинномъ дворѣ шерсти для вязанья; онъ, по дорогѣ, долженъ былъ къ кому нибудь забросить письмо; ему приказывали взять ложу въ театръ; его посылали утромъ, въ субботу, въ Милютинъ рядъ забрать по списку закуски и вина; онъ долженъ былъ помогать въ укладкѣ вещей при переѣздѣ на дачу и при оплатѣ таможенной пошлины, когда получались черезъ сухопутную таможню вещи сестры изъ-за границы. Мальчику на побѣгушкахъ иногда не давалось ничего, иногда давались деньги на извощика. Порой онъ любилъ развалиться въ экипажѣ лихача, одинъ, безъ сестры, воображая, что всѣ проходящіе на него смотрятъ; порой онъ приберегалъ деньги, чтобъ зайти къ Доминику,—посмотрѣть, какъ играютъ на бильярдѣ, вступить съ кѣмъ нибудь въ разговоры о бильярдной игрѣ, разыгрывая роль знатока этого великаго искусства. Подчасъ его ругала мать за то, что онъ переплатилъ за какую нибудь покупку, «такъ какъ только такого дурака и могли такъ надуть, содравъ съ него втридорога»; подчасъ мать пристально вглядывалась въ него, при его слишкомъ позднемъ возвращеніи домой, и какъ-то особенно подозрительно втягивала раздувшимися ноздрями воздухъ, желая уловить запахъ вина и закуски, чтобы уличить его, что онъ забѣгалъ въ ресторанъ.

— Ты у меня смотри, если я что нибудь замѣчу!—съ угрозой говорила Ольга Павловна, принимая отъ него принесенный счетъ.—Ты хоть и сынъ мнѣ, а я не потерплю, чуть замѣчу, что ты по стопамъ батюшки пошелъ...

И потомъ, оставаясь одна съ дочерью, она раздражительно замѣчала:

— Негодяй, пеперменты сталъ сосать, чтобъ запахъ вина отбивать!

А онъ, на прогулкѣ съ сестрою, какъ школьникъ, хохо-

Digitized by Google

талъ, разсказывая свою продѣлку: мать все хочетъ уличить его, что онъ по ресторанамъ бѣгаетъ; вотъ онъ сегодня и купилъ мятныхъ лепешекъ, чтобы ее обмануть—пусть думаетъ, что это онъ ѣлъ лепешки, чтобы заглушить запахъ вина и закуски, тогда какъ онъ никуда-никуда не заходилъ. Нини и смѣялась надъ тѣмъ, какъ онъ «провелъ» маму, и журила его:

— А все же не серди ея!

— А зачѣмъ она шпіонитъ?

— Она тебѣ добра желаетъ! Она знаетъ, что̀ такое нищета, что̀ значитъ на мостовой остаться.

— Ого! я-то не останусь на мостовой.

— Ну, да, ужь если отецъ отъ богатства нищимъ остался, такъ ты-то... Ну, что ты станешь дѣлать? что?

Онъ смущался, но старался казаться храбрымъ и отдѣлывался общими фразами:

— Воду буду таскать, дрова носить.

— Да ты и не поднимешь вязанки дровъ! — дразнила она.

— А вотъ стащу!

— Никогда, никогда не стащишь.

— Ну, вотъ еще!—отдѣлывался онъ ничего не значущимъ восклицаніемъ, прекращая споръ и сознавая, что онъ и половины вязанки дровъ не стащитъ.

Такъ подошла новая весна, на этотъ разъ ранняя, чудесная весна, какими природа иногда даритъ даже Петербургъ, отплачивая ему, впрочемъ, за это холодами, ладожскимъ льдомъ и морозами въ концѣ мая и чуть не въ іюнѣ. Въ концѣ изумительно теплаго апрѣля и въ началѣ мая, такъ называемый «весь Петербургъ», не успѣвъ еще разъѣхаться по дачамъ и за границу, сталъ уже по вечерамъ, до заката солнца, появляться на Елагиномъ островѣ, на «Стрѣлкѣ»; и, разумѣется, безъ Нини Сорко-Туриной эти прогулки не обходились. Среди цвѣта высшей аристократіи она щеголяла особенно кричащими модными туалетами, выписанными изъ Парижа, и всѣ знали, что именно на ней появляются послѣднія новости сезона по части модъ. Это была своего рода живая реклама парижскихъ модистокъ, шляпницъ, ювелировъ.

Въ одинъ изъ такихъ апрѣльскихъ дней, когда Анна Ни-

Digitized by Google

колаевна сошла уже съ лѣстницы и хотѣла, въ сопровожденіи щегольски одѣтаго Вадима, сѣсть въ коляску, къ подъѣзду подкатилъ на взмыленномъ рысакѣ «самъ онъ», какъ звали, съ оттѣнкомъ ироніи, въ семьѣ Анны Николаевны Виктора Алексѣевича Рюмина-Ростовскаго. «Самъ онъ» давалъ крупныя деньги на содержаніе все этой семьи и стоялъ въ то же время поперекъ горла всѣмъ ея членамъ. Это былъ совсѣмъ юный, безусый гвардеецъ. Красивый, какъ фарфоровая куколка, и граціозный, какъ женщина, онъ походилъ на дѣвочку, переодѣтую въ военный мундиръ. Но сходство съ куколкой, съ дѣвочкой, съ женщиной, и ограничивалось только внѣшностью. Трудно было встрѣтить болѣе, чѣмъ въ немъ, сухости, черствости, безсердечія. Онъ былъ самъ для себя идоломъ и кумиромъ, и считалъ всѣхъ другихъ обязанными поклоняться ему. Избалованный въ качествѣ ни отъ кого независѣвшаго съ дѣтства богача, имѣвшаго огромныя связи въ биржевомъ мірѣ, и сдѣлавшійся нестерпимо капризнымъ съ самой ранней юности,—какъ это бываетъ часто со слабенькими и малорослыми людьми, раздражающимися отъ сознанія, что всѣ люди сильнѣе ихъ физически, — этотъ выскочка не возбуждалъ симпатіи ни въ комъ, хотя ухаживали за нимъ всѣ. Съ первой же встрѣчи съ Вадимомъ, онъ отнесся къ послѣднему свысока и непріязненно, мелькомъ, насмѣшливо спросивъ у Анны Николаевны:

— А папаша когда нибудь тоже явится?

Купивъ ее за крупную сумму, изъ желанія перебить эту вещь у другаго богатаго покупателя-старика, бросая на нее безъ счету свои шальныя деньги и не будучи вовсе скупымъ, онъ, въ то же время, иногда привередничалъ и капризничалъ изъ-за того, что бросаетъ эти деньги не только на нее, но и на «мамашу»; онъ сильно и откровенно,—какъ дѣлалъ все изъ пренебреженія къ людямъ,—не долюбливалъ ея и насмѣшливо повторялъ Аннѣ Николаевнѣ:

— Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой длинный хвостъ!

Анна Николаевна иронически усмѣхалась и пожимала плечами, такъ какъ была убѣждена, что онъ и ея не любитъ, а только держитъ на содержаніи, и, быть можетъ, не ошибалась. Ему до женитьбы нужно было держать какую нибудь жен-

Digitized by Google

щину, какъ онъ держалъ повара, кучера, жокея, собакъ, лошадей. Разумѣется, онъ желалъ, чтобы его поваръ считался за лучшаго въ Петербургѣ, чтобы его лошади были призовыя, чтобы его собаки отличались на сàдкахъ, чтобы его женщина была отбита на аукціонѣ у десятка другихъ богатыхъ и важныхъ покупателей. И, можетъ быть, только потому, что за Нини гонялось уже слишкомъ много людей, онъ, хотя и морщась, согласился даже терпѣть въ квартирѣ ея «мамашу». А теперь неожиданно явился еще и «братецъ»,—какой-то, никуда не пристроившійся, мальчишка. Не раздражиться было трудно, и онъ раздражился. Первымъ уколомъ былъ его вопросъ о «папашѣ»: не пріѣдетъ ли и тотъ?

— Нѣтъ, папаша не явится, а бабушка да двѣ двоюродныя тетки собираются пріѣхать! — также насмѣшливо отвѣтила Нини на его капризную выходку.

— Развѣ ты думаешь открыть въ своей квартирѣ звѣринецъ Сорко-Туриныхъ?—спросилъ онъ съ гримасой.

Она прищурилась и, едва сдерживаясь отъ вспышки, холодно сказала ему:

— Я очень рада, что узнала наконецъ, какъ ты смотришь на меня...

— То есть какъ?—переспросилъ онъ, недоумѣвая.

— Конечно, судя по твоимъ словамъ, какъ на одинъ экземпляръ изъ звѣринца,—еще болѣе сухо и холодно пояснила она и закусила губы.

— Я думаю, я вправѣ требовать...—началъ онъ.

Она обрѣзала его:

— Требовать отъ меня никто и ничего не вправѣ!

Онъ что-то заговорилъ еще,—она сказала, что у нея болитъ голова и, повернувшись къ нему спиною, ушла.

Это была первая серьезная размолвка между ними, показавшая ему, что Нини никому не позволитъ наступить себѣ на ногу и что она не только не считаетъ его своимъ идоломъ, но даже вовсе не дорожитъ имъ. Ея «мамаша» знала, что дѣлала, когда требовала не только опредѣленнаго ежемѣсячнаго содержанія для дочери, но и обезпеченія. Обезпеченіе давало смѣлость. Кончилась размолвка для Нини поднесеніемъ ей новыхъ бриллiантовъ, новыми увѣреніями въ любви и даже унизительными мольбами со стороны Рюмина-Ростовскаго. Поло-

Digitized by Google

жимъ, онъ могъ бы обойтись и безъ этого, просто бросивъ Нини и замѣнивъ другою, какой нибудь Ольгой, Вѣрой,—вообще какимъ нибудь любымъ женскимъ именемъ изъ календаря всѣхъ святыхъ,—но смѣна любовницъ вовсе ему не улыбалась, ни ради здоровья, ни ради толковъ и сплетень, да къ тому же въ близкомъ будущемъ предстояла ему женитьба. Они помирились. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не забылъ, что, платя за женщину такъ много денегъ, онъ долженъ былъ молить ее о примиреніи, и что эта размолвка, показавшая ему, какъ мало дорожитъ имъ Нини, вышла именно изъ-за этого «лодыря». Онъ мысленно назвалъ Вадима именно этимъ прозвищемъ, прежде чѣмъ Нини объяснила ему злоключенія брата и причину, почему онъ бѣжалъ отъ отца,—назвалъ такъ, потому что это не гимназистъ, не кадетъ, не вольноопредѣляющійся, не юнкеръ, не офицеръ, не чиновникъ, но просто не имѣющій занятій братъ его любовницы, мальчишка, живущій на содержаніи у содержанки-сестры, слѣдственно, «лодырь». Потомъ онъ былъ очень радъ, когда Нини, говоря, какъ много терпѣлъ ея братъ у отца, сказала, что мальчикъ въ родительскомъ домѣ даже не зналъ другаго имени, какъ «лодырь».

— Да вѣдь согласись, что онъ и есть лодырь,—съ гримасой замѣтилъ Викторъ Алексѣевичъ.

— Развѣ онъ виноватъ, что обстоятельства его жизни такъ сложились?—сказала она.

— Я думаю, и разбойники на большой дорогѣ не виноваты, что обстоятельства дѣлаютъ ихъ разбойниками,—проговорилъ онъ гадливо.

— Съ кѣмъ ты сравниваешь его? Ты, кажется, забылъ, что это мой братъ,—напомнила ему она, готовясь снова къ вспышкѣ.

Онъ замолчалъ.

Увидавъ теперь у подъѣзда франтовато одѣтаго Вадима, готоваго сѣсть въ коляску съ сестрою, Викторъ Алексѣевичъ вдругъ покраснѣлъ отъ прилива какого-то безотчетнаго раздраженія и, поддаваясь мимовольному, «мѣщанскому» мелкому чувству злобы на этого голоштанника, на этого лодыря, сказалъ Аннѣ Николаевнѣ:

— Очень радъ, что захватилъ тебя еще здѣсь; я ѣду съ тобою...

Digitized by Google

Подсадивъ ее въ экипажъ, онъ сѣлъ рядомъ съ нею и опять, не удержавшись отъ мелочнаго «мѣщанскаго» чувства, охватившаго его, мелькомъ, небрежно бросилъ Вадиму:

— Вамъ, молодой человѣкъ, ужь придется сегодня остаться дома!

Коляска понеслась. За нею слѣдомъ поѣхалъ рысакъ Рюмина-Ростовскаго. Все это случилось такъ неожиданно, что Вадимъ остался стоять у подъѣзда, какъ остолбенѣвшій. Очнувшись, онъ случайно встрѣтился глазами съ насмѣшливымъ взглядомъ стоявшаго тутъ же швейцара, какъ бы говорившаго: «что, братъ, видно, на чужой каравай рта не разѣвай, съ чужаго коня среди грязи долой».

Сконфуженный и раздосадованный, Вадимъ вернулся домой и въ передней столкнулся съ Ольгой Павловной.

— Ты что это не поѣхалъ съ сестрой?—спросила она.

— Ви-Викторъ Алексѣевичъ поѣхалъ съ ней, — отрывисто пояснилъ Вадимъ, заикаясь.

— Викторъ Алексѣевичъ? Да онъ же никогда никуда не выѣзжаетъ съ ней! — удивленно воскликнула Ольга Павловна.

— Не... не... выѣзжаетъ, а сегодня поѣхалъ,—хмуро сказалъ Вадимъ.

— Это что-то новое. Странно!—въ раздумьѣ проговорила мать.

Въ душѣ она этому обрадовалась. Ее, какъ и Анну Николаевну, всегда немного раздражало, что Викторъ Алексѣевичъ Рюминъ-Ростовскій, хотя и тратитъ бѣшеныя деньги на Нини, но никогда не удостоиваетъ показываться съ нею въ одномъ экипажѣ на публичныхъ гуляньяхъ, или въ одной и той же ложѣ въ театрѣ, за исключеніемъ загородныхъ кабачныхъ театровъ, куда можно ѣздить всѣмъ и со всѣми, и ограничивается на Невскомъ, на Дворцовой набережной, на Стрѣлкѣ только тѣмъ, что раскланивается съ нею во время ея прогулокъ или на минуту подъѣзжаетъ верхомъ къ ея экипажу, а въ Маріинскомъ и Михайловскомъ театрахъ удостоиваетъ ее только легкаго кивка головы или обмѣна взглядами. Кажется, могъ бы онъ и поделикатнѣе быть. Вѣдь и Сорко-Турины не мѣщанки какія нибудь, а родовитыя дворянки...

Но не прошло и получаса, какъ вернулась сама Анна

Digitized by Google

Николаевна, и уже по ея разгорѣвшемуся лицу сразу можно было угадать, что она сильно раздражена. Она тотчасъ же скорой походкой прошла въ комнату матери и, въ волненіи, раздражительно заговорила, нетерпѣливо стягивая съ рукъ и бросая на кушетку перчатки:

— Вообразите, что за сцену сдѣлалъ мнѣ этотъ наглецъ! Подъѣхалъ къ нашему дому, увидалъ, что я ѣду кататься съ Вадимомъ, сѣлъ самъ со мною, оставивъ мальчика на мостовой, а потомъ, перекинувшись со мною нѣсколькими незначительными словами, сказалъ, что онъ поѣдетъ куда-то одинъ, подозвалъ ѣхавшаго за нами своего кучера и, какъ ни въ чемъ не бывало, простившись со мною, унесся на своей эгоисткѣ... Нѣтъ, ты не понимаешь, для чего это было сдѣлано?

— Онъ ненавидитъ нашего лодыря, — пояснила серьезно мать,—я это замѣтила сразу...

Она хмуро сдвинула брови.

— О! я ему еще сдѣлаю за это сцену! — строптиво проговорила Анна Николаевна.

— Не натягивай возжей изъ-за пустяковъ,—посовѣтовала мать.

— Пустяки? пустяки? Это ты называешь пустяками? Нѣтъ, это не пустяки, потому что этотъ наглецъ вообще начинаетъ мнѣ надоѣдать своими капризами и заносчивыми выходками,— запальчиво проговорила Нини, тревожно ходя по комнатѣ.

Она засмѣялась вызывающимъ нервнымъ смѣхомъ:

— Мнѣ стоитъ только захотѣть, и на смѣну ему явятся десятки людей!

— Удобно ли мѣнять? — спросила многозначительно старуха. — Порвется все само собою — тогда другое дѣло... всѣ будутъ знать, что это просто неизбѣжность...

И мать, и дочь давно знали, что въ городѣ говорили о близкой женитьбѣ Рюмина-Ростовскаго. Но онѣ не заговаривали объ этомъ между собою, тщательно избѣгая всякихъ поводовъ къ такому разговору.

— Я вовсе не говорю,—продолжала Ольга Павловна,—что надо быть пришитой къ нему, какъ бы онъ ни ломался надъ тобою... Я отъ законнаго мужа ушла, именно потому, что онъ ломался надо мною, а отъ любовника подавно и можно, и слѣдуетъ уйти... Но все же изъ-за пустяковъ не ссорься!..

Digitized by Google

И она пояснила:

— Онъ не любитъ Вадима и имѣетъ на это право: лишній свидѣтель, лишній соглядатай между вами!.. Я — мать, а стараюсь не показываться ему на глаза. Вѣдь ему нужна только ты, а вовсе не твоя родня... да притомъ, что̀ и за роль нашего мальчишки: братъ содержанки, содержащійся насчетъ ея любовника! Викторъ Алексѣевичъ вправѣ презирать мальчишку... Опредѣлить лодыря надо, вотъ и все... Пережду это лѣто,—къ осени же, хоть въ лакеи поступить ему придется, а все же на мѣстѣ будетъ... помяни мое слово!

А. Михайловъ.

Digitized by Google

Голубой цвѣтокъ.

(Изъ Рудольфа Баумбаха).

Три мальчика, когда-то, пришли въ зеленый лѣсъ
И вскорѣ задремали подъ пологомъ небесъ.
Тамъ, на лѣсной лужайкѣ, ихъ сонъ былъ сладокъ, тихъ:
Онъ, словно, паутинку свою соткалъ для нихъ.

Приснился имъ чудесный цвѣточекъ голубой;
Онъ цвѣтъ небесъ далекихъ напоминалъ собой,
И росъ онъ на свободѣ въ таинственной красѣ,
Сверкая чуднымъ блескомъ при утренней росѣ.

Очнувшися, всѣ трое искать его пошли,
Но не было цвѣточка ни близко, ни вдали.
За нимъ они блуждали, забывъ свой дѣтскій страхъ,
Въ тѣни дубовъ и сосенъ, въ долинахъ и горахъ.

И *первому* на свѣтѣ жилось свѣтло, тепло:
На ивѣ онъ замѣтилъ огромное дупло,
Оттуда вынулъ ящикъ, а тамъ—алмазовъ... страсть!
(Не грѣхъ у старой ивы сокровище украсть).

Нашъ воръ построилъ замокъ. Онъ жилъ въ немъ много лѣтъ;
О немъ гремѣла слава на весь подлунный свѣтъ.
Его не возмущала народная нужда,
И онъ забылъ цвѣточекъ свободный навсегда.

Второму не случилось сокровища найти,
Но дѣвушку онъ встрѣтилъ на жизненномъ пути,
Влюбился, обвѣнчался... Нѣжна, свѣжа, бѣла,—
Красивое потомство она произвела.

Digitized by Google

Какъ рыцарь кровожадный, онъ не терзалъ народъ;
Капустою и рѣпой украсилъ огородъ,—
А на цвѣтокъ чудесный, храня въ душѣ покой,
Какъ подлый рабъ, смиренно навѣкъ махнулъ рукой.

А *третій*?.. Бѣдный третій! Онъ не пришелъ домой;
Онъ все цвѣточекъ ищетъ—дорогою прямой.
Надъ нимъ смѣются люди, измученъ онъ судьбой...
...О, гдѣ ты, цвѣтъ волшебный, какъ небо, голубой?

Л. Трефолевъ.

Digitized by Google

НАРОДНЫЯ ПОВѢРЬЯ ВЪ ЮЖНОЙ ГЕРМАНІИ.

«Чтобы узнать народъ, изучайте его повѣрья. Ни въ чемъ другомъ его идеалы не отражаются такъ ярко и наглядно».

Карлейль.

(Сказанья о свѣтлыхъ дѣвахъ и великанахъ [1]).

I.

Среди всѣхъ существъ, созданныхъ фантазіей древнихъ германцевъ, наиболѣе яркими и поэтическими безпорно являются *свѣтлыя дѣвы* (wilde Fräulein, Waldfrauen, Bergfrauen, Schneefräulein, но чаще всего selige Fräulein или просто die Seligen). Въ образѣ этихъ свѣтлыхъ дѣвъ народъ стремился выразить свой идеалъ женской добродѣтели и въ то же время — олицетвореніе красотъ природы. Тотъ же поэтическій образъ повторяется въ легендахъ всѣхъ германскихъ народовъ и даже у славянъ; но, по мѣрѣ удаленія отъ южной Германіи, становится все блѣднѣе и неопредѣленнѣе, а — главное — утрачиваетъ свое аллегорическое значеніе, постепенно превращаясь въ нашу русалку,—которая является уже существомъ враждебнымъ человѣку, — продолжая, однако, служить олицетвореніемъ красотъ природы. Въ южно-германскихъ повѣрьяхъ такого противорѣчія нѣтъ и свѣтлыя дѣвы выражаютъ вполнѣ опредѣленную идею.

Королевой этихъ дѣвъ считается *Гульда*, — одинъ изъ самыхъ значительныхъ образовъ народной поэзіи. Во всей Германіи Гульда признаётся покровительницей добродѣтельныхъ женщинъ и, такъ сказать, богиней льноводства и прядильнаго искусства, какъ чисто

[1]) Главнѣйшіе источники: *Ritter von Alpenburg,* Mythen u. Sagen Tirols. *S. L. Bechstein,* Deutsches Sagenbuch. *Dr. Ignatz Singerle,* Sagen aus Tirol. *D-to*, Bräuche, Sitten u. Meinungen des Tiroler Volkes. *Brüder Ign. u. Ios. Singerle*, Tirols Volksdichtung u. s. w. *A. I. Hammerle*, Sagen u. Mythen. *I. Grimm*, Deutsche Mythologie.

Digitized by Google

женскихъ занятій. Сама Гульда является идеаломъ чистоты, непорочности и женственности. Ни въ одномъ сказаніи она не является разгнѣванной или карающей. Подчиненныя ей свѣтлыя дѣвы иногда борются со зломъ и караютъ преступныхъ; но сама Гульда только печально отворачивается отъ зла и никогда не измѣняетъ своей кротости. Живетъ она въ нѣдрахъ тирольскихъ горъ, въ дивномъ замкѣ, построенномъ изъ горнаго хрусталя и самоцвѣтныхъ камней. Крышей этому чудному замку служатъ прозрачные льды глетчеровъ, черезъ которые солнечные лучи проникаютъ въ самый замокъ и разсыпаются по его стѣнамъ, переливаясь всѣми цвѣтами радуги. Самый замокъ такъ великъ, что въ его залахъ разбиты цѣлые сады, въ которыхъ растутъ никогда неувядающіе цвѣты и рѣзвятся всевозможныя животныя, живущія здѣсь въ мирѣ и согласіи, какъ въ ветхозавѣтномъ раю. Чудное пѣніе свѣтлыхъ дѣвъ никогда не умолкаетъ въ этомъ замкѣ и вѣчная весна царитъ подъ сводами изъ горнаго льда.

Во время цвѣтенія льна, королева Гульда выходитъ потайнымъ ходомъ изъ своего замка и, съ сіяющимъ тихой радостью лицомъ, носится надъ полями, благословляя человѣческій трудъ. Иногда она выходитъ и въ другое время, чтобы утѣшить какого нибудь страдальца или наградить хорошую женщину какимъ нибудь неожиданнымъ счастьемъ. Но чаще она посылаетъ съ такими порученіями приближенныхъ ей свѣтлыхъ дѣвъ. Видѣть королеву удавалось лишь очень немногимъ счастливцамъ, такъ какъ видима она бываетъ только вполнѣ непорочнымъ людямъ, а такихъ, какъ извѣстно, почти не встрѣчается. О замкѣ же ея знаютъ только по разсказамъ простыхъ свѣтлыхъ дѣвъ, которыя несравненно доступнѣе человѣку. Къ замку ведетъ множество потайныхъ ходовъ изъ разныхъ долинъ Тироля; но всякій разъ, когда люди находили такой ходъ, онъ немедленно разрушался какъ бы отъ землетрясенія, и никакія раскопки уже не могли его обнаружить. Остается прибавить, что королева Гульда—единственное безсмертное существо въ повѣрьяхъ германцевъ. Всѣ прочія свѣтлыя дѣвы, какъ и остальныя миѳическія существа, долговѣчны, но смертны. Это нежеланіе германцевъ допускать какое либо безсмертіе на землѣ очень характерно. Даже о королевѣ Гульдѣ ни въ одномъ преданіи не говорится категорически, какъ о безсмертной; только изъ того, что въ преданіяхъ она является неизмѣнно тою же въ продолженіе тысячелѣтій, тогда какъ прочія свѣтлыя дѣвы умираютъ и замѣняются другими,—можно заключить, что она предполагается безсмертной. Надо замѣтить еще одну черту, а именно, что свѣтлыя дѣвы никогда не старѣютъ и умираютъ всегда молодыми, тогда какъ великаны, фанги и прочія миѳическія суще-

Digitized by Google

ства доступны старости и даже дряхлости. Въ этой аллегоріи неувядаемости добра и временности зла много глубины и поэтической смѣлости.

Подвластныя королевѣ Гульдѣ свѣтлыя дѣвы живутъ частью въ ея замкѣ, частью въ отдѣльныхъ хрустальныхъ дворцахъ въ различныхъ горахъ Тироля, Форальберга, Зальцбургскаго округа, Штиріи и Каринтіи. Въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ Германіи свѣтлыя дѣвы уже не считаются исключительной принадлежностью горъ и допускаются повѣрьями во всякой живописной или особенно плодородной мѣстности, причемъ жилищами имъ могутъ служить не только подземные дворцы, но и простыя лѣсныя хижины, даже бѣдныя землянки и дупла старыхъ деревьевъ.

Одѣяніе свѣтлыхъ дѣвъ заключается въ длинномъ серебристомъ платьѣ, стянутомъ у тальи золотымъ поясомъ. Ткань для такихъ платьевъ онѣ изготовляютъ сами изъ пряжи, «которая тонка и нѣжна, какъ лучи луннаго свѣта». Всѣ дѣвы прекрасны, какъ ангелы; у всѣхъ бѣлокурые вьющіеся волосы и голубые глаза. Гульда одѣта также, какъ и прочія свѣтлыя дѣвы, но имѣетъ на головѣ корону изъ самоцвѣтныхъ камней. Платья свѣтлыхъ дѣвъ имѣютъ особенное свойство издавать мягкій свѣтъ; этимъ и объясняется лучезарность, сопровождающая всякое появленіе свѣтлой дѣвы. Съ утратой своего волшебнаго платья, дѣва становится похожей на обыкновенную крестьянскую дѣвушку и выдѣляется только красотой и душевными качествами.

Дѣятельность свѣтлыхъ дѣвъ довольно разнообразна, но главнымъ образомъ заключается *въ покровительствѣ угнетеннымъ и слабымъ*. Онѣ охотно посѣщаютъ горюющихъ или больныхъ пастуховъ и всячески оберегаютъ ихъ семьи. Послѣ посѣщенія свѣтлой дѣвы, хотя бы только во снѣ, человѣкъ всегда выздоравливаетъ или утѣшается. Однако, такое посѣщеніе надо заслужить, такъ какъ дурныхъ людей свѣтлыя дѣвы избѣгаютъ. Онѣ очень любятъ дѣтей и горько плачутъ, когда не могутъ спасти отъ смерти какого нибудь ребенка; могилки дѣтей онѣ украшаютъ дикими цвѣтами и обметаютъ отъ сухихъ листьевъ. Одною изъ постоянныхъ заботъ свѣтлыхъ дѣвъ является обереганіе отъ охотниковъ альпійскихъ животныхъ,—главнымъ образомъ, горныхъ козъ, альпійскихъ зайцевъ и куропатокъ. Домашнихъ животныхъ онѣ тоже страстно любятъ и всячески защищаютъ ихъ отъ дурнаго обращенія злыхъ людей. Охотниковъ онѣ недолюбливаютъ, а особенно свирѣпыхъ гонителей горныхъ козъ; онѣ даже губятъ ихъ, заманивая на опасныя тропинки. Зато мирнымъ пастухамъ, если они хорошо обращаются со скотомъ, свѣтлыя дѣвы оказываютъ всякое покровительство. Могуществен-

Digitized by Google

нымъ оружіемъ въ ихъ рукахъ служатъ горные потоки, которыми онѣ распоряжаются почти произвольно. Залить горнымъ наводненіемъ или засыпать обваломъ жилище дурнаго человѣка—для нихъ дѣло нетрудное. Но этимъ оружіемъ онѣ не злоупотребляютъ, и надо сильно провиниться, чтобы побудить ихъ къ такой строгой мѣрѣ. Вотъ почему нѣмецкіе горцы склонны приписывать суду горныхъ дѣвъ всякое стихійное несчастіе въ горахъ и, предполагая, что у погибшихъ было на душѣ какое нибудь необнаруженное, но очень дурное дѣло, мало сочувствуютъ потерпѣвшимъ.

Гульда и ея свѣтлыя дѣвы больше всего любятъ пѣнье, музыку и звонъ альпійскихъ колокольчиковъ; менѣе чистые горные духи, наоборотъ, готовы покинуть мѣстность, гдѣ стада снабжены мелодическими колокольчиками, а пастухи хорошо поютъ и играютъ на цитрѣ или на флейтѣ.

Не смотря на языческую окраску повѣрья о свѣтлыхъ дѣвахъ и вопреки противодѣйствію католическаго духовенства, южные нѣмцы примиряютъ представленіе объ этихъ благихъ существахъ съ христіанствомъ, отнюдь не смѣшивая, однако, свѣтлыхъ дѣвъ съ ангелами. Весьма распространено повѣрье, что во время богослуженія свѣтлыя дѣвы незримо приближаются къ церквямъ, главнымъ образомъ, чтобы послушать церковное пѣнье и звуки органа. Вообще крестъ и освященное мѣсто не только не удаляютъ ихъ, какъ прочихъ духовъ, а, наоборотъ, могутъ служить имъ защитой. Такъ, во время преслѣдованія «дикими великанами», свѣтлыя дѣвы постоянно находили защиту у придорожныхъ крестовъ, на окропленныхъ святой водой поляхъ и подъ деревьями, на стволѣ которыхъ благочестивые пастухи съ молитвой зарубили три креста; и дикіе великаны принуждены были оставлять ихъ въ покоѣ, потому что не смѣли близко подходить къ священнымъ предметамъ. Даже въ настоящее время тирольцы любятъ зарубать на деревьяхъ маленькіе кресты, которыми въ случаѣ бѣды обезпечивается пріютъ кроткимъ покровительницамъ пастуховъ отъ всякой нечисти [1]). Кстати и человѣку не мѣшаетъ заготовлять себѣ побольше оградъ отъ злыхъ духовъ, потому что великаны еще не окончательно вывелись, да есть и помимо ихъ чего опасаться.

Зимой, когда наступаетъ время заготовленія пряжи и полотенъ,

[1]) Насколько упорно это повѣрье, можетъ показать слѣдующій случай. Пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ возлѣ Инсбрука, какъ молодой интеллигентный тиролецъ украдкой зарубилъ на стволѣ дерева своимъ перочиннымъ ножемъ три еле замѣтныхъ крестика. Когда его суевѣрный поступокъ былъ обнаруженъ, онъ покраснѣлъ, смутился, но затѣмъ храбро заявилъ, что съ дѣтства привыкъ вѣрить въ свѣтлыхъ дѣвъ и ни въ какомъ случаѣ не намѣренъ отрекаться отъ этого краснваго вѣрованья.

Digitized by Google

свѣтлыя дѣвы подкрадываются по вечерамъ къ тирольскимъ избамъ и заглядываютъ въ окна, чтобы знать, которая изъ дѣвушекъ прядетъ лучше всѣхъ. Иногда думаешь, что въ окно свѣтитъ проглянувшая между тучъ луна, и не обращаешь на это вниманія; а на повѣрку оказывается, что заглядывала въ окно свѣтлая дѣва и свѣтилось ея платье, а вовсе не луна, которая по прежнему была за тучей! Но взрослые люди вѣдь бываютъ такіе ненаблюдательные... Маленькія дѣти и домашнія животныя,—тѣ все видятъ, даромъ что не говорятъ; нужды нѣтъ, что когда ребенокъ подрастетъ, онъ уже не помнитъ того, что̀ видѣлъ въ младенчествѣ.

Особенно прилежныхъ и искусныхъ прядильщицъ свѣтлыя дѣвы щедро награждаютъ, но берутъ съ нихъ клятву никому не говорить о полученной наградѣ. Были случаи, что онѣ дарили дѣвушкамъ рубашки собственнаго издѣлія. Такія рубашки бываютъ до такой степени тонки, что, смятыя въ комокъ, могутъ помѣститься въ горсточкѣ ребенка; тѣмъ не менѣе полотно неизносимо. Главнымъ же достоинствомъ такой рубашки является ея волшебное свойство—осуществлять всѣ хорошія желанія той, которая ее носитъ.

Когда въ какой нибудь крестьянской семьѣ люди становятся порочными или нарушаютъ старинные обычаи, или, наконецъ, просто живутъ между собой слишкомъ несогласно,—свѣтлыя дѣвы отворачиваются и скорбятъ о такой семьѣ. Тѣмъ не менѣе, пока есть хоть малѣйшая надежда на исправленіе людей, а—главное—пока есть въ семьѣ хоть одинъ неиспорченный членъ, свѣтлыя дѣвы остаются милосердными. Если же зло охватываетъ всю семью поголовно, она предается уничтоженію, помощью наводненія или снѣжнаго обвала.

По мнѣнію старыхъ тирольскихъ сказателей, свѣтлыя дѣвы еще существуютъ, но ихъ стало очень мало. Объясняютъ они это общимъ упадкомъ нравовъ и добродѣтели среди людей. «Свѣтлымъ дѣвамъ пришлось бы теперь ежедневно карать людей и съ отвращеніемъ отъ насъ отворачиваться»,—поясняютъ они.—«А это несвойственно такимъ кроткимъ существамъ, и онѣ предпочитаютъ скрываться въ самую глубь своего волшебнаго царства, подъ горами. Вотъ почему теперь рѣдко кому удается увидѣть свѣтлую дѣву».

II.

Преданія о *великанахъ*, какъ олицетвореніи стихійныхъ силъ природы и ея враждебности человѣку, еще не обуздавшему ее культурой, повторяются у всѣхъ народовъ Европы и Азіи. Но наибольшаго поэтическаго развитія такія преданія достигли въ Тиролѣ и

Digitized by Google

нѣмецкой Швейцаріи, гдѣ величіе альпійской природы отразилось и на внушаемыхъ ею образахъ.

Тирольскіе *дикіе великаны* (Riese, Wilder Mann, Salwang u. s. w.) созданы народной фантазіей не только для олицетворенія враждебныхъ человѣку силъ природы, но также для выраженія всюду царящей борьбы между зломъ и добромъ, для очень меткихъ аллегорій варварства во всѣхъ его видахъ, а въ нѣкоторыхъ легендахъ и для изображенія періода кулачнаго права, особенно тяжело отразившагося на исторіи южной Германіи.

Дикіе великаны — существа свирѣпыя, во всѣхъ отношеніяхъ ужасныя, но главнымъ образомъ лишь вслѣдствіе своей крайней дикости, а потому иногда доступныя смягченію и исправленію. Въ большинствѣ легендъ они являются ненавистниками всего хорошаго и потому жестоко преслѣдуютъ свѣтлыхъ дѣвъ. Къ людямъ они относятся различно: большею частью очень дурно, не останавливаясь даже передъ людоѣдствомъ, но иногда съ величайшимъ презрѣніемъ, какъ къ жалкимъ букашкамъ, изъ-за которыхъ не стоитъ даже безпокоиться, а въ рѣдкихъ случаяхъ даже благосклонно, признавая людей «полезными козявками».

Въ легендахъ сѣверной Германіи великаны почти всегда изображаются предводителями грозныхъ полчищъ и завоевателями; въ южно-германскихъ легендахъ это просто свирѣпые охотники, живущіе въ одиночку или отдѣльными семьями и постоянно враждующіе между собой. Лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ тирольскіе великаны являются полководцами и рѣшительно никогда не бываютъ завоевателями.

Дикій великанъ изображается существомъ неимовѣрнаго роста, съ добрую гору, и страшной силы. Это совершенный дикарь, даже не имѣющій какихъ либо опредѣленныхъ нравовъ. Но это не чародѣй и отнюдь не духъ; съ нечистой силой онъ не имѣетъ ничего общаго. Тѣмъ не менѣе онъ боится креста, не смѣетъ прикоснуться къ человѣку, у котораго въ карманѣ священныя четки, и никогда не рѣшается появляться въ мѣстности, огражденной придорожными крестами или обойденной крестнымъ ходомъ. Однако, и эта черта исчезаетъ, какъ только великанъ раскается, просвѣтится и рѣшится приложить свои исполинскія силы къ доброму дѣлу.

Въ Тиролѣ, до сихъ поръ, во многихъ мѣстахъ показываютъ «слѣды великановъ», «камни великановъ» и другіе предметы, сдѣлавшіеся какъ бы вещественными памятниками повѣрья. «Слѣды» представляютъ собой большія углубленія на какой либо плоской скалѣ, по формѣ напоминающія человѣческіе слѣды, но въ нѣсколько тысячъ разъ больше. «Камни великановъ», въ большинствѣ слу-

Digitized by Google

чаевъ, простыя отдѣльныя глыбы не той породы, какъ окрестныя скалы, и потому очевидно заносныя. По гипотезѣ геологовъ, такіе отдѣльные камни заносились на склоны Альпъ въ подводный періодъ на большихъ льдинахъ. Но мѣстные жители увѣрены, что эти камни заброшены великанами во время ихъ междоусобицъ или на состязаніяхъ, и каждый камень имѣетъ свою исторію. Таковы Wildemannstein у Клоцена и Riesenstein въ Вильтенѣ возлѣ Инсбрука, согласно преданію, оба брошенные великаномъ Хаймономъ, и таковъ же хорошо извѣстный путешественникамъ камень великана Росмозера въ Кобенталѣ.

Въ изображеніи дикихъ великановъ народная фантазія доходитъ до чудовищности и немногимъ уступаетъ такого же рода легендамъ Индіи и средней Азіи. Тѣло великана покрыто сѣро-зелеными, иногда черными и даже сѣдыми волосами, до такой степени длинными и густыми, что великанъ представляется какъ бы укутаннымъ въ лохматую, мшистую ткань. Въ дѣйствительности онъ совершенно нагъ и только на его исполинской спинѣ болтается короткій плащъ изъ медвѣжьихъ шкуръ, обшитый окаменѣлыми рогами или огромными раковинами вмѣсто пуговицъ. При всякомъ движеніи великана, такія пуговицы громыхаютъ и позвякиваютъ Это большое счастье, такъ какъ этими звуками возвѣщается приближеніе чудовища и пастухи имѣютъ время принять мѣры предосторожности, т. е. зарубить на деревѣ, а то и на своей палкѣ, три крестика, положить въ карманъ четки или просто сотворить молитву и осѣнить себя крестомъ. Все это никогда не мѣшаетъ сдѣлать, заслышавъ приближеніе великана, потому что многіе изъ нихъ—свирѣпые людоѣды.

Голова великана покрыта сбитыми въ густую шапку волосами и обрамлена большой щетинистой бородой. Глаза у него на выкатѣ и во время гнѣва загораются, какъ плошки; гнѣвается же великанъ почти безпрестанно. Въ рукѣ онъ всегда держитъ дубину, сдѣланную изъ цѣлой ели. Безъ медвѣжьяго плаща и дубины великанъ никогда не является. Живетъ онъ чаще всего одиноко, въ какой нибудь мало доступной горной трущобѣ; повѣствуется иногда и о цѣлыхъ семьяхъ великановъ, а также о замкахъ и крѣпостяхъ, построенныхъ великанами, но такія легенды составляютъ исключенія. Обыкновенно жилищемъ великану служитъ большая пещера, или имъ же вырытое въ горѣ логовище, или, наконецъ, землянка, представляющая собой цѣлый оврагъ, покрытый крышей изъ огромныхъ бревенъ, заваленныхъ землей. Изъ такого логовища великанъ выходитъ на охоту за всякими звѣрями, которыхъ ловитъ руками или убиваетъ дубиной, а затѣмъ пожираетъ цѣликомъ. Домашній скотъ,

Digitized by Google

дѣти пастуховъ тоже становятся его добычей, если у него нѣтъ какихъ либо особыхъ причинъ щадить мѣстное населеніе и если пастбища не ограждены крестами. Но больше всего онъ гоняется за свѣтлыми дѣвами, которыхъ раздираетъ на части, когда онѣ попадаются ему въ руки. Впрочемъ, случается, что искусство пѣть спасаетъ жизнь свѣтлымъ дѣвамъ, такъ какъ нѣкоторые великаны, при всей своей дикости, умиляются, слушая такое пѣнье. Но и въ подобныхъ случаяхъ великанъ не выпускаетъ пойманной дѣвы на свободу, а чаще всего сажаетъ ее въ клѣтку и оставляетъ у себя вмѣсто канарейки.

Голосъ великана подобенъ раскатамъ грома или грохоту горнаго обвала и бываетъ такъ силенъ, что великану стоитъ только крикнуть, чтобы съ горъ посыпались цѣлые утесы, а стѣны самыхъ крѣпкихъ замковъ дали трещины. Этимъ великанъ пользуется, когда хочетъ разорвать горную цѣпь: онъ начинаетъ неистово ревѣть, а когда скалы отъ такого крика трескаются пополамъ, запускаетъ руки въ трещины и разрываетъ скалы, какъ надтреснутыя тыквы. Зато великанъ неспособенъ говорить тихо, а иной даже тяготится своимъ могучимъ голосомъ, такъ какъ отъ этого страдаетъ его жилище и никто не въ состояніи слушать его. Вотъ почему многіе великаны чрезвычайно молчаливы.

Какъ уже сказано, ни свѣтлыя дѣвы, ни великаны не обладаютъ безсмертіемъ, хотя первыя не старѣютъ. Великаны же и этого преимущества не имѣютъ и съ лѣтами становятся стариками, но живутъ по нѣскольку сотъ лѣтъ.

Живя каждый особнякомъ, великаны ненавидятъ другъ друга и постоянно воюютъ между собой. Слѣды, показываемые на плоскихъ скалахъ, большею частью образовались во время борьбы двухъ великановъ, когда они схватывались и давили другъ друга, съ невѣроятной силой упираясь ногами въ скалу. Въ этихъ случаяхъ, самый твердый гранитъ продавливался ногой великана, какъ глина.

Пищей великанамъ служитъ сырое мясо всякихъ добытыхъ на охотѣ звѣрей, а, за неимѣніемъ мяса, всевозможныя коренья, листва деревьевъ и даже мягкая глина. Не пренебрегаютъ они и болѣе вкуснымъ кушаньемъ, но слишкомъ грубы и слишкомъ нетерпѣливы, чтобы готовить себѣ пищу какъ слѣдуетъ. Когда имъ попадается что нибудь лакомое, они ѣдятъ съ жадностью, но чаще всего сами не знаютъ, что̀ ѣдятъ. Одного, завтракавшаго на лугу, великана пастухъ спросилъ, что̀ онъ ѣстъ.—«Коровій пометъ и подгорѣлую саранчу»!—ворчливо отвѣтилъ неразговорчивый великанъ. Оказалось однако, что онъ ѣлъ козье мясо, зажаренное на прекрасномъ ко-

Digitized by Google

ровьемъ маслѣ, но самъ этого не зналъ, такъ какъ отнялъ эту пищу у ограбленныхъ имъ людей.

Жены великановъ называются въ тирольскихъ легендахъ *фангами* (Fanggen), а въ прочей Германіи—просто великаншами (Reisenweibe). Объ этихъ фангахъ существуютъ самостоятельныя легенды, причемъ отдѣльно живущія фанги еще отвратительнѣе самихъ великановъ и являются уже существами «нечистыми», т. е. изъ той же породы приспѣшниковъ сатаны, какъ лѣшіе, вѣдьмы, колдуньи и проч. Въ сожительствѣ же съ великанами онѣ, наоборотъ, оказываются нѣсколько добрѣе своихъ супруговъ, несравненно домовитѣе и не чужды даже нѣкоторымъ хорошимъ чувствамъ. Такъ, онѣ заступаются иногда за свѣтлыхъ дѣвъ или за людей изъ чистой жалости, а—главное—способны на самоотверженные поступки изъ любви къ своимъ дѣтямъ. Такъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда великанъ до такой степени дикъ, что хочетъ пожрать своихъ собственныхъ дѣтей, фанга обыкновенно спасаетъ ихъ, отдавая на воспитаніе крестьянамъ, а глупому мужу подсовываетъ какое нибудь мясо, которое онъ и съѣдаетъ, думая, что это мясо его дѣтей. Такимъ образомъ, распространились среди людей особаго рода существа, т. е. дѣти великановъ, вскормленныя людьми и въ этой обстановкѣ не достигшія роста своихъ родителей. Это просто люди огромнаго роста, которые обладаютъ невѣроятной для человѣка силой и становятся полезными работниками или замѣчательными охотниками. Однако, ихъ всегда можно отличить по врожденной дикости характера и по особенной склонности проводить время въ разныхъ горныхъ трущобахъ, гоняясь за дикими животными. Такіе люди всегда бываютъ очень вспыльчивы и суровы, но вовсе не злы и, большею частью, не особенно далеки.

Кстати, надо замѣтить, что только въ древнѣйшихъ легендахъ великаны изображаются людоѣдами. Въ позднѣйшихъ сказаніяхъ эта черта постепенно исчезаетъ: великаны становятся менѣе дикими и, наконецъ, являются уже покровителями людей (въ особенности охотниковъ), а подчасъ даже славными и полезными героями. Такіе герои неустанно борются съ драконами, съ исполинскими змѣями, съ дикими животными и съ болѣе злыми великанами. Есть даже немало преданій о раскаявшихся великанахъ, изъ которыхъ одни приняли христіанство и являлись потомъ благочестивыми строителями монастырей; другіе же до такой степени терзались мученіями совѣсти, что съежились, постепенно умаляясь ростомъ, и превратились въ уродливыхъ, вѣчно стонущихъ, карликовъ. Таковы: легенда о великанѣ, построившемъ, еще понынѣ существующее, Вильтенское аббатство возлѣ Инсбрука, и легенда о великанѣ Глункерѣ, сдѣлавшемся карликомъ.

Digitized by Google

Въ большинствѣ легендъ, однако, великаны сохраняютъ свою роль грозныхъ гонителей мирныхъ людей и свѣтлыхъ дѣвъ, оставаясь ненавистниками всего хорошаго и красиваго. Характерно въ германскихъ легендахъ и то, что наизлѣйшіе великаны всегда являются и наибольшими. По своей громадности, самый большой великанъ, дикій Серлесъ, былъ такъ золъ, что потребовалось вмѣшательство провидѣнія, и Серлесъ былъ обращенъ въ утесистую гору того же названія (около 10,000 фут.).

Вслѣдствіе непреодолимаго отвращенія къ добрымъ нравамъ, никогда нельзя было побудить великановъ одѣваться прилично. Самое бо́льшее, если они соглашались украсить шею чудовищнымъ ожерельемъ изъ раковинъ и опоясаться какой нибудь змѣиной кожей. Зато свой коротенькій медвѣжій плащъ, прикрывающій только его плечи, великанъ не снимаетъ никогда. Одного великана въ Унирсталѣ спросили, почему онъ не снимаетъ своей шубы въ зной. На это онъ отвѣтилъ:—«Я ношу плащъ въ хорошую погоду, чтобъ онъ былъ на мнѣ и въ дурную»! Этотъ наивный отвѣтъ могли бы дать и теперь многіе тирольскіе горцы, которые «на всякій случай» круглый годъ одѣваются одинаково и потому лѣтомъ задыхаются отъ зноя, а зимой недостаточно защищены отъ холода.

Огонь великаны добываютъ очень просто. Для этого они выдергиваютъ изъ земли два сухихъ дерева и трутъ ихъ одно о другое. Мгновенно деревья вспыхиваютъ, какъ спички, и тогда великанъ безъ церемоніи суетъ ихъ въ лѣсную чащу, а потомъ грѣется у лѣснаго пожара. Къ счастію, великаны не зябки и огонь имъ почти никогда не требуется, такъ какъ пищу себѣ они не готовятъ, а ѣдятъ сырьемъ. Счастьемъ можетъ считаться и то, что фанги, которыя варятъ себѣ похлебку, гораздо осторожнѣе съ огнемъ. Фанги терпѣть не могутъ лѣсныхъ пожаровъ и въ своихъ логовищахъ настолько осторожны, что устраиваютъ даже печки.

Въ заключеніе этой главы приведемъ нѣсколько чертъ, свидѣтельствующихъ о ростѣ и силѣ великановъ. Однажды послали изъ Галля батрака въ лѣсъ за дровами. Волы попались ему лѣнивые и, возвращаясь съ возомъ дровъ, онъ такъ замѣшкался въ пути, что его застигла ночь. Впотьмахъ онъ сбился съ дороги, но не остановился, а продолжалъ ѣхать наудачу. Погоняя и ободряя воловъ, медленно тащившихъ тяжелый возъ, онъ ѣхалъ какими-то дебрями и, наконецъ, въѣхалъ на холмикъ, котораго никогда еще въ этихъ мѣстахъ не примѣчалъ. Среди холма возвышался утесъ, но въ утесѣ было два провала, черезъ которые, какъ показалось мужику впотьмахъ, можно было проѣхать въ какое-то ущелье. Надѣясь, что въ ущельѣ, какъ это часто бываетъ, окажется до-

Digitized by Google

рога, онъ прикрикнулъ на своихъ воловъ и бойко въѣхалъ черезъ лѣвый провалъ. Однако, скоро ему пришлось остановить воловъ, такъ какъ ущелье оказалось входомъ въ какую-то постепенно съуживавшуюся пещеру и вдобавокъ было непроходимо вслѣдствіе росшаго въ немъ густаго и колючаго тростника... Такъ онъ думалъ, но въ дѣйствительности онъ въѣхалъ въ ноздрю великана, который спалъ. Великану стало щекотно и, прежде чѣмъ волы успѣли повернуть возъ, онъ сильно чихнулъ... Нечего и прибавлять, что при этомъ злополучный мужикъ, его волы и весь его тяжелый возъ вылетѣли изъ ноздри далеко въ пространство.

Въ Циллерталѣ былъ великанъ, имѣвшій привычку сильно храпѣть во время сна. Храпъ его походилъ на раскаты грома; когда онъ вдыхалъ въ себя воздухъ, ближайшія деревья склонялись до самой земли, а когда онъ выдыхалъ—съ силой отпрядывали къ верху. Отъ всего этого шумъ происходилъ такой, точно надъ лѣсомъ разразилась сильнѣйшая гроза.

Великанъ Глункеръ выкопалъ себѣ землянку съ добрую милю въ поперечникъ и такой же глубины. Эта землянка помѣщалась въ нѣдрахъ горы, до сихъ поръ называющейся Глункербергъ. Великанъ этотъ былъ раздражителенъ и постоянно ворчалъ, не умѣряя своего голоса даже у себя дома. Отъ этого вся гора понемногу растрескалась и теперь разваливается.

Въ горахъ, возлѣ Мерана, жила семья довольно добродушнаго стараго великана. Однажды меньшая изъ его дочерей, едва начинавшая ходить и говорить, сползла въ долину и, играя на поляхъ, наловила какихъ-то понравившихся ей жучковъ. Этихъ жучковъ она принесла домой въ горсточкѣ и показала отцу.

— Ахъ ты глупая, глупая!—сказалъ старый великанъ, покачивая головой.—Да вѣдь это вовсе не жуки. Это добрые тирольскіе мужички, очень полезные люди, хотя и такіе маленькіе! Собери же ихъ опять акуратно въ горсточку и отнеси сейчасъ же назадъ. Да смотри, не раздави ихъ.

Великаны, не смотря на свой исполинскій ростъ, неоднократно женились въ старину на обыкновенныхъ дѣвушкахъ. Были также случаи, что люди рѣшались жениться на дочеряхъ великановъ. Но подобные браки рѣдко бывали счастливы, и на эту тему есть прелюбопытныя легенды. Повѣствуется, между прочимъ, объ одномъ росломъ и сильномъ парнѣ, который такъ гордился своимъ богатырскимъ сложеніемъ, что не хотѣлъ жениться на обыкновенной дѣвушкѣ и сталъ подыскивать себѣ великаншу. Вскорѣ онъ нашелъ, что̀ искалъ, и крѣпко влюбился въ молоденькую дочь сосѣдняго великана. Старикъ и фанга не стали противиться свадьбѣ, когда

Digitized by Google

узнали, что ихъ дочь отвѣчала на любовь парня взаимностью. Но дѣло кончилось плохо: когда юная великанша обняла жениха, чтобы поцѣлуемъ запечатлѣть обрученіе,—къ общему удивленію, онъ выпалъ изъ ея рукъ мертвымъ. Оказалось, что она нечаянно раздавила его въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. Бѣдная невѣста долго была неутѣшна.

Изложивъ главнѣйшія свѣдѣнія о свѣтлыхъ дѣвахъ и великанахъ, мы приведемъ наиболѣе характерныя изъ легендъ о нихъ.

В. Фирсовъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

Совѣсть.

Зарница по нёбу змѣится,
Въ аллеяхъ томительный сонъ;
Въ окно мое призракъ стучится —
И сердцемъ тотъ стукъ повторенъ.

И, очи отъ страха зажмуря,
Я въ область мечтаній лечу,
И самъ, окрыляясь, какъ буря,
Волшебною лирой бренчу.

И вотъ, усыпленный мечтою,
Я замеръ,—а призракъ вопи́тъ
И въ сердце костлявой рукою, —
Какъ прежде въ окошко, — стучитъ!

К. Фофановъ.

Digitized by Google

КРОВЬ.

(Изъ записокъ человѣка безъ убѣжденій).

Романъ.

IX.

Философія любви.

Впрочемъ, мое мѣднолобіе не всегда выражалось въ поступкахъ дурнаго тона. Скорѣе, я былъ мѣднымъ лбомъ хорошаго тона. Все же я недаромъ Бѣлоглазовъ. Однимъ словомъ, я наклеветалъ на себя, будто я съ большимъ трудомъ удержался отъ того, чтобъ не взять Лизету за руку. У меня было это побужденіе, но я не особенно боролся съ нимъ, и меня остановила возможность и даже большая вѣроятность, что мнѣ самому это показалось бы смѣшнымъ, потому что все неприличное прежде всего смѣшно. Я готовъ стать въ трагическое положеніе, но никогда не въ смѣшное.

Затѣмъ маленькое отступленье. Что такое любовь? Я тысячу разъ спрашивалъ себя, что̀ такое любовь, и до послѣдняго времени не могъ отвѣтить, то есть отвѣтъ не удовлетворялъ меня. Меньше всего удовлетворяли меня сочиненія о любви, разбирающія этотъ предметъ съ подобающей серьезностью и глубокомысліемъ. Помнится мнѣ одинъ трактатъ, посвященный любви и разсматривающій ее, словно какой нибудь химическій процессъ. Теченье любви разбивалось на множество періодовъ. Дойдя до періода, носившаго названіе «кристализаціоннаго», я бросилъ книгу подъ столъ. Должно быть, всѣ серьезныя книги пишутся почтенными людьми въ родѣ ученаго сморчка. Но точно также и романы, спеціально развивающіе передъ читателемъ разнообразныя стадіи любви, не уяснили мнѣ сущности вопроса. Чтобы понять любовь, надо испытать ее са-

Digitized by Google

мому. Каждый любитъ по своему и, можетъ быть, совсѣмъ нѣтъ типической любви. Моя, ваша, его любовь есть исключенье изъ установленнаго на этотъ счетъ правила, и отъ того такъ трудно отвѣтить, что̀ такое любовь. Въ шестнадцать лѣтъ любовь одна, въ тридцать другая, въ пятьдесятъ—третья, и хотѣлъ бы я знать, какая любовь бываетъ въ семьдесятъ или въ восемьдесятъ лѣтъ? Гёте былъ влюбленъ въ преклонныхъ годахъ, и предметомъ его страсти была пятнадцатилѣтняя особа. Что это была за любовь? Пусть объяснятъ мнѣ ученые сморчки всего міра, на какой подкладкѣ развилась эта любовь геніальнаго старца? А въ чемъ заключалась суть любви, которую питалъ Петрарка къ пресловутой Лаурѣ? Если, по мнѣнію ученѣйшихъ физіологовъ и мудрѣйшихъ психологовъ, любовь есть та или другая маска чувственности, то что̀ сказать о такихъ случаяхъ, когда чувственность отсутствуетъ и сердце лелѣетъ и преслѣдуетъ своимъ благоговѣніемъ безплотный образъ? Безуміе,—не правда ли? Но синедріонъ ученыхъ сморчковъ, собранныхъ со всѣхъ каѳедръ Россіи, Германіи и Китая—обладаетъ ли онъ въ своихъ приговорахъ и психо-физіологическихъ рѣшеніяхъ бо̀льшимъ здравомысліемъ и величавою мощью духа, чѣмъ Дантъ? Знаю, что съ нѣкоторыхъ поръ фельдшера, медики и профессора, преподающіе искусство, какъ штопать изношенные человѣческіе организмы, и, быть можетъ, заслуживающіе въ этомъ отношеніи достодолжныхъ одобрительныхъ отзывовъ и даже славы, вздумали вскрывать геніальность и увѣрять насъ, что мѣсто геніевъ—въ сумашедшемъ домѣ. Но пока ихъ слушаютъ только недоумки. Благодарю судьбу за то, что она создала меня мѣднымъ лбомъ, не понимающимъ языка ученыхъ сморчковъ!

Однако, что же такое любовь? Не знаю. Это я твердо знаю. Любовь—конечно, чувство, и очень глубокое, но также и мелкое, въ высшей степени пошлое,—потому что всѣ любятъ, начиная отъ геніальнаго Гёте и кончая военнымъ писаремъ Ивановымъ,—и, въ то же время, въ высшей степени благородное, такъ какъ люди, движимые этимъ чувствомъ, способны совершать подвиги самоотверженія. Впрочемъ, ничего не можетъ быть и эгоистичнѣе любви, такъ какъ подъ ея вліяніемъ влюбленные убиваютъ соперниковъ и соперницъ, устраняютъ съ дороги тѣхъ, кто имъ мѣшаетъ, и при этомъ не разбираютъ

Digitized by Google

средствъ, а, поднявшись сегодня до небесъ на крыльяхъ своего поэтическаго порыва, завтра шлепаются въ грязь. Месть, ненависть, гнѣвъ, ревность, сладострастіе, въ союзѣ съ преданностью, самозабвеніемъ, идеальнымъ благоговѣніемъ предъ красотою формъ тѣлесныхъ и духовныхъ, составляютъ свиту любви, и оттого кто любитъ, тотъ страдаетъ. Только что мы любовались на свое сердце и радовались, что въ глубинѣ его растетъ какой-то чудесный цвѣтокъ и наполняетъ насъ сладостной истомой свѣтлыхъ порывовъ къ чему-то далекому и высокому, какъ—глядь—на цвѣткѣ сидитъ змѣя, страшная, какъ химера, и гложетъ его, и обливаетъ ядомъ. Развѣ можно опредѣлить чувство, въ которомъ столько различныхъ сторонъ и движеній? Любовь есть любовь или, вѣрнѣе, неизвѣстно, что̀ такое.

Но если я не знаю, что̀ такое любовь вообще, и если даже, испытавъ наконецъ это чувство, я все таки не въ силахъ его опредѣлить, а могу только описать, и если все, что̀ я сейчасъ сказалъ о любви, представляетъ собою сплошную ересь, такъ не похожую на существующія мнѣнія объ этомъ предметѣ,—то мудрено ли, если я самъ ошибся, не распознавъ зародившагося чувства? Не я ли подумалъ, что этому никогда не бывать? Любовь можетъ начинаться какъ угодно. Вѣдь бывали же случаи, когда первое знакомство возникало при крайне печальныхъ обстоятельствахъ (предоставляю испорченнымъ читателямъ догадаться, при какихъ именно; а цѣломудренные читатели и читательницы могутъ пропустить эти строки и не ломать себѣ надъ ними напрасно головы). Начиналось печально, а кончалось бракомъ по любви. Точно также немало случаевъ—увы, ихъ громадное большинство!—когда утро любви было ясно, но зато вечеръ грозенъ и мраченъ.

Къ чему, бишь, все это отступленіе?

А къ тому, что когда скрипнула дверь и съ порога послышался слегка осипшій, но исполненный сознанія власти, голосъ: «А что вы здѣсь дѣлаете, господа, въ темнотѣ? что̀ за странная фантазія сидѣть безъ огня?.. Волшебный фонарь, что ли, Никита Панкратьевичъ показываетъ»?—Лизета, все время державшаяся за спинку моего стула, вдругъ отпрянула въ сторону, и я почувствовалъ словно свое сиротство; мнѣ какъ-то стало досадно, что эта блѣдная бѣлокурая Лизета отшатнулась

Digitized by Google

отъ меня. Само собой разумѣется, досада моя была маленькая и умѣрялась она, къ тому же, удовольствіемъ при мысли, что, вѣроятно, Лизета не испугалась бы властнаго голоса, еслибы ручка ея покоилась случайно на спинкѣ моего стула. Это я теперь такъ подробно останавливаюсь на этихъ мелочахъ, а тогда я не успѣлъ и подумать о нихъ, потому что при свѣтѣ, лившемся въ отворенную дверь изъ коридора, я увидѣлъ госпожу Шипову въ ея любимомъ красномъ платьѣ и съ папироской въ рукѣ.

Кому же другому могъ принадлежать такой властительный голосъ?

X.

Мадамъ Шиповъ.

— Никита Панкратьевичъ, не десятый ли разъ вы показываете самосвѣтящіеся предметы? Или вы что нибудь новенькое пріобрѣли?—начала хозяйка дома, удобно усаживаясь на диванѣ, между тѣмъ какъ снова была зажжена лампа.—Чудакъ! Онъ большой чудакъ,—обратилась ко мнѣ госпожа Шипова,—но очень хорошій человѣкъ,—прибавила она, съ оттѣнкомъ довѣрія ко мнѣ, замѣнившаго еще недавнюю холодность и сухость ея при встрѣчахъ со мной въ коридорѣ.

Звали ее Настасьей Карповной. У меня дурная, а, можетъ быть, и хорошая привычка смотрѣть прямо въ глаза своему собесѣднику. Это оттого, что я въ основѣ своей откровенный человѣкъ. Надѣюсь, вы ужь могли составить обо мнѣ представленіе, какъ о дурномъ, но откровенномъ человѣкѣ (согласитесь сами, вѣдь отъ меня же зависѣло расписать себя самыми плѣнительными красками). Итакъ, я откровенно и прямо смотрѣлъ въ лицо Настасьѣ Карповнѣ. Лицо не въ моемъ вкусѣ, не потому, что ему за сорокъ лѣтъ, а потому что оно было квадратное. Нѣкоторыя круглыя лица становятся со временемъ четырехъугольными—выступаютъ скулы, а углы нижнихъ челюстей раздвигаются къ ушамъ. Такія раздвинутыя челюсти были и у Настасьи Карповны, хотя еще довольно свѣжая кожа обтягивала ихъ, складываясь только на шеѣ въ морщины, какія бываютъ у дамъ, предающихся частому раздраженію и проклинающихъ свою судьбу изъ-за каждой сло-

Digitized by Google

манной иголки. Глаза портилъ окаймляющій ихъ свинецъ; вѣки увяли. Впрочемъ, ничего-выдающагося не было на лицѣ особы, которую я такъ пристально разсматривалъ, выслушивая ея похвалы Никитѣ Панкратьевичу. Нѣкую особенность представлялъ только проборъ, сдѣланный на боку; разумѣется, со свойственной мнѣ проницательностью, я догадался,—и догадка моя скоро подтвердилась,—что Настасья Карповна мѣстами оплѣшивѣла. Когда отъ движенія или отъ наклона ея головы смѣщались пряди волосъ, я видѣлъ ясно подъ ними гладкое пространство, лишенное растительности. Настасья Карповна дѣлала, какъ говорится, заемъ у лѣвой половины своей головы. Это, однако, не мѣшало ей въ разговорѣ, нѣкоторымъ образомъ, клясться своими волосами. «Сколько волосъ у меня на головѣ, столько разъ я имѣла случай убѣдиться, что Никита Панкратьевичъ не только хорошій, но и добрый человѣкъ».

Вообще я сдѣлалъ цѣлый рядъ наблюденій надъ внѣшностью Настасьи Карповны. Но не думайте, что я ограничился только внѣшностью. Я воспользовался случаемъ составить посильное представленіе и объ ея характерѣ. Конечно, мнѣ не было бы дѣла до ея характера, еслибы Лизета не стала при матери тише воды, ниже травы. Настасья Карповна произвела на меня впечатлѣніе лицемѣрной и крайне себялюбивой особы. Ей хотѣлось первенствовать во всемъ. Она не преминула принести мнѣ «искреннюю и горячую» благодарность за то, что я проводилъ съ «ученымъ сморчкомъ» цѣлые часы (какъ будто я дѣлалъ это для нея), но заявила, что, однако, надѣется теперь на болѣе рѣдкія свиданія мои съ Елизаромъ Викторовичемъ, такъ какъ, можетъ быть, я иногда не прочь буду поболтать и съ нею или съ Никитой Панкратьевичемъ (достойнѣйшимъ и благороднѣйшимъ человѣкомъ). О томъ, что мнѣ было бы пріятнѣе общество ея дочерей, она даже не упомянула. Или это само собой разумѣлось, или же она была твердо увѣрена въ моей склонности къ престарѣлымъ особамъ. Отсюда я вывелъ заключеніе, что Настасья Карповна,—хотя и прищуривала одинъ глазъ,—была, пожалуй, хитра, но не догадлива.

Никита Панкратьевичъ, понялъ, что мнѣ смертельно надоѣла болтовня Настасьи Карповны: онъ нѣсколько разъ, съ самой благородной рѣшимостью, вмѣшивался и давалъ бесѣдѣ другое

Digitized by Google

направленіе. Но это помогало только на одну минуту. Всѣ, и домашніе, и гости, должны были внимательно слушать, что говоритъ Настасья Карповна о своихъ вкусахъ, о взглядахъ на жизнь, о семейномъ очагѣ, объ интригахъ профессоровъ, которые будто бы хотѣли погубить ученаго сморчка и добились таки его отставки; о направленіи, въ какомъ слѣдуетъ воспитывать дѣтей, объ исключительномъ положеніи своемъ, потому что весь домъ—на ея плечахъ, а Елизаръ Викторовичъ ни во что не вмѣшивается уже много лѣтъ, о...

— Но что же вы выросли вотъ эдакія... право, выше меня головой!—а не подумаете, что надо же чѣмъ нибудь угостить Эраста Харитоновича?!—вскричала она.

— Прошу не распоряжаться,—шутливо возразилъ Одуровъ.—Сегодня вы всѣ у меня въ гостяхъ и особливо мой гость Эрастъ Харитоновичъ—мой, мой, я не уступлю его даже тебѣ, Лизета. Закусочка у меня найдется и винцо тоже, а барышни помогутъ собрать на столъ. Письменный столъ—онъ же и обѣденный.

— Какіе пустяки!—возразила Настасья Карповна.—Что за счеты, надо позвонить Соню и пусть она подастъ, что̀ есть въ буфетѣ... остались рубленыя котлеты.—Ахъ, чудакъ!—опять обратилась ко мнѣ Настасья Карповна.—Я говорю, днемъ съ огнемъ поискать такого человѣка!

XI.

Гдѣ тенденція?

Было бы странно, еслибы вы потребовали отъ меня полной откровенности относительно всего того, что̀ я нарочно и нечаянно выслушалъ отъ госпожи Шиповой. Я откровененъ, но не болтливъ же я до безконечности. Есть мелочи, о которыхъ лучше всего умолчать. Пишу я не для гонорара. Мнѣ незачѣмъ наполнять страницы размазываніемъ какого нибудь одного скуднаго художественнаго штриха. Меньше всего я претендую на роль присяжнаго романиста и меньше всего ухаживаю за любезными читательницами и читателями. Я — мѣдный лобъ и, кажется, имѣю право презирать судъ толпы. Не лучше ли выслушать отъ меня нѣсколько поучительныхъ замѣчаній и размышленій хотя бы по поводу выѣденнаго яйца.

Digitized by Google

Ничего не значитъ, что я мѣдный лобъ. Я отлично знаю тѣхъ учителей, которые бесѣдуютъ съ вами и поучаютъ васъ жизни, политикѣ, эстетикѣ и морали. Многіе изъ нихъ обладаютъ глиняными лбами. И развѣ вы не пресмыкаетесь передъ всякимъ, кто держитъ надъ вами палку въ видѣ указки?

У меня явилось желаніе сорвать на васъ сердце, любезнѣйшія читательницы и читатели, за то, что въ вашъ мозгъ только тогда проникаетъ какой нибудь лучъ свѣта, когда его направятъ на васъ изъ волшебнаго фонаря, называющагося романтическимъ, реалистическимъ, натуралистическимъ, сатирическимъ, философскимъ или историческимъ романомъ. Но и этотъ жалкій лучъ, съ такимъ усиліемъ вводимый въ вашъ косный мозгъ, не всегда воспринимается вами, и вы требуете, чтобы авторъ распилилъ вамъ черепъ, снялъ, какъ крышку, темя съ вашего чердачка и безъ церемоніи помѣшалъ въ вашихъ мозгахъ указательнымъ перстомъ. Вы сами не любите деликатности и требуете жестокаго обращенія съ вами. Иначе гармоничные узоры и нѣжныя краски волшебнаго фонаря произведутъ на васъ впечатлѣніе чего-то непонятнаго. Гдѣ же тенденція? скажете вы, поднеся руку къ темени и съ тоскою убѣдившись въ его цѣлости. Щедринъ недаромъ говорилъ: «Нашего читателя надо бить дубиной, чтобъ почувствовалъ». Вотъ почему я безъ малѣйшаго сожалѣнія посмотрѣлъ бы на ваши окровавленные затылки, милостивыя государыни и государи. Быть можетъ, и мнѣ суждено было родиться художникомъ и писать чудеснѣйшія акварели, на которыхъ зеленѣютъ деревья, плывутъ розо-желтыя облака и щиплютъ травку кудрявые барашки. Но вы виноваты, что я долженъ былъ стать мѣднымъ лбомъ прежде, чѣмъ начать откровенный разговоръ съ вами о томъ, что̀ слѣдуетъ и чего не слѣдуетъ дѣлать. Мало того, вы заставили меня макать мое перо въ чернильницу, наполненную кровью!.. Я намекаю этимъ на совершонное мною убійство. А что, если я и убилъ за тѣмъ, чтобы вы выслушали меня? Повторяю, мнѣ все равно, что̀ вы скажете обо мнѣ; но вамъ-то не должно быть все равно, что̀ я скажу о васъ.

Къ тому же, я рѣшилъ записать все, что̀ произошло со мною. А такъ какъ нѣтъ никакой возможности помнить шагъ за шагомъ и звукъ за звукомъ свое прошлое, за исключеніемъ

Digitized by Google

только выдающихся моментовъ, и такъ какъ лгать, хотя бы и искусно, я совсѣмъ не намѣренъ, то не вправѣ ли я ограничить мой разсказъ о событіяхъ того вечера, когда впервые я заинтересовался тайнами дома Шиповыхъ,—упоминаніемъ лишь о безсонницѣ, вдругъ постигшей меня. Оттого ли не спалось мнѣ, что надъ моимъ изголовьемъ рѣялъ чей-то воздушный образъ и со змѣиной граціей приникалъ къ моему лицу своими губами, а потомъ со смѣхомъ отпрядывалъ отъ меня; оттого ли, что мадамъ Шиповъ красовалась въ моемъ взбудораженномъ воображеніи, какъ существо, надѣленное истинно-материнскими чувствами, которыхъ такъ много, что ихъ хватаетъ и на долю благороднаго Никиты Панкратьевича; оттого ли, что я не могъ забыть повязанную мокрымъ полотенцемъ голову одинокаго Елизара Викторовича? Вы хотите спросить, не повліяли ли на меня рубленыя котлеты и не страдалъ ли я изжогою? Не буду спорить, но дѣло въ томъ, что главнымъ образомъ меня безпокоила рука Никиты Панкратьевича и это именно—я твердо помню. Рука, мистически мохнатая и безцѣльно дерзкая, всю ночь высовывалась изъ сумрака и будила мое сознаніе. Касалось ли меня непосредственно весьма возможное обстоятельство, что объясненіе Одурова выдумано имъ отъ начала до конца? Надо замѣтить, что я тогда еще не зналъ, всѣ ли дочери принадлежали Елизару Викторовичу, хотя отсюда не слѣдовало, чтобы онѣ или часть ихъ принадлежали Никитѣ Панкратьевичу. Поэтому мысль моя блуждала, какъ бабочка, еще не освободившая своихъ крыльевъ отъ липкаго кокона, и съ недоумѣніемъ останавливалась среди ночнаго мрака на мохнатой рукѣ, какъ на цвѣткѣ чертополоха.

XII.

Сумашедшій идеалистъ.

У меня болѣла голова. Всталъ я поздно (еще бы!) и не пошелъ на службу. Какъ водится, меня посѣтилъ Елизаръ Викторовичъ.

— Не посвятимъ ли мы свободныхъ часовъ размышленію вслухъ?—справился онъ, входя и потирая руки.

Я указалъ ему на кресло и придвинулъ стаканъ кофе.

Digitized by Google

Глаза его смотрѣли на меня, какъ двѣ свѣчки—можно было бы подивиться энергичной духовной жизни этого человѣка, доживающаго седьмой десятокъ.

— А какъ ваше здоровье? (вѣроятно, я предложилъ этотъ вопросъ).

— Какъ видите, совершенно здоровъ (вѣроятно, отвѣтилъ онъ въ такихъ выраженіяхъ).

— А я вчера перезнакомился съ вашими дочерьми, съ Никитой Панкратьевичемъ и съ Настасьей Карповной.

Профессоръ ничего не сказалъ, но по глазамъ его было видно, что онъ ждетъ отъ меня продолженія.

— Признаюсь,—продолжалъ я поэтому,—у меня разболѣлась голова и меня очень заинтересовала мадмуазель Лизета.

Совершенно неожиданно продолговатое лицо Елизара Викторовича сжалось въ комокъ, съежилось въ кулачокъ и изъ центра перекрестныхъ морщинъ выставился только носъ, а глаза исчезли. Во всякомъ случаѣ, это было великолѣпное зрѣлище, и еслибы Настасья Карповна не опередила меня, я бы самъ назвалъ Елизара Викторовича ученымъ сморчкомъ. Съ любопытствомъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, слѣдилъ я за перемѣнами, которыя совершались на почтенной физіономіи профессора. Носъ краснѣлъ, скулы синѣли. Наконецъ, раскрылась трехугольная яма,—ротъ,—выскочили на свѣтъ божій глаза, въ которыхъ не было уже ни ума, ни ласковости, и Елизаръ Викторовичъ, пренепріятнымъ старческимъ дискантомъ, произнесъ:

— Дрянь-дѣвчонка.

— Какой рѣзкій приговоръ,—вскричалъ я.

— Всѣхъ сестеръ портитъ!

— Значитъ, сильная дѣвушка.

— Э, милѣйшій мѣдный... я хотѣлъ сказать: господинъ Бѣлоглазовъ! Вы какъ будто радуетесь, что нарвались на...

— Вы въ такомъ необычномъ настроеніи, Елизаръ Викторовичъ,—прервалъ я его,—что поддерживать съ вами объективный разговоръ на эту тему, кажется, нельзя. Подобно Канту, о которомъ вы на дняхъ прочитали мнѣ такую длинную и скучную лекцію, могу сказать теперь, что вы съ большой невѣжливостью готовы доказывать мнѣ то, въ чемъ сомнѣваться мнѣ и не приходило на умъ.

Digitized by Google

— Я же и говорю!—опять весь сморщившись, пропищалъ Елизаръ Викторовичъ.

— Вы упустили изъ виду всѣ мои предъидущія признанія,—началъ я.—Меньше всего я могъ ожидать отъ васъ подобнаго отзыва о прелестной дѣвушкѣ и въ такой полемической формѣ. Но, разъ это случилось, примемъ за фактъ, что м-ль Лизета есть именно то, въ чемъ я съ удовольствіемъ не сомнѣваюсь. Такъ какъ вамъ я нѣсколько уже извѣстенъ въ психологическомъ и въ моральномъ отношеніяхъ, то, милѣйшій ученый... я хотѣлъ сказать: Елизаръ Викторовичъ, что же непослѣдовательнаго въ томъ, что я заинтересовался именно ею? Мнѣ нравятся молоденькія дѣвушки съ блѣдными ручками.

Но ученый сморчокъ ничего не хотѣлъ слышать, качалъ головой, махалъ руками, фыркалъ и въ заключеніе опрокинулъ стаканъ съ кофеемъ.

— Громадная ошибка, что вы поселились въ нашемъ домѣ!—вскричалъ онъ и никогда еще такъ враждебно никто не смотрѣлъ на меня.

Положительно я былъ смущенъ и выбѣжалъ вслѣдъ за чудакомъ въ коридоръ.

— Елизаръ Викторовичъ! Елизаръ Викторовичъ!

Онъ хлопнулъ дверью и скрылся, а изъ своего апартамента показалась Настасья Карповна.

— Зачѣмъ вамъ Елизаръ Викторовичъ?—понизивъ голосъ, тревожно освѣдомилась она.

Я объяснилъ ей, что поведеніе Елизара Викторовича показалось мнѣ довольно страннымъ, что онъ какъ будто поссорился со мною, что меня это обезпокоило и я искалъ примиренія, а потому и гнался за нимъ.

— Войдите на минутку сюда,—пригласила меня Настасья Карповна, и я долженъ былъ войти въ обширную квадратную комнату, съ цвѣтами на окнахъ и съ узорчатыми занавѣсками, съ банальной мебелью, съ піанино, съ дешевымъ нѣмецкимъ ковромъ на полу и съ олеографіями въ толстыхъ багетныхъ рамахъ («Король-женихъ», «Лѣсъ» Шишкина, «Гадалка» Маковскаго—все то, что вамъ такъ нравится и за что вы платите ежегодно сотни тысячъ).—Присядьте,—сказала Настасья Карповна.—Неужели же вы до сихъ поръ не замѣтили, что Елизаръ Викторовичъ ненормаленъ? На него подѣйствовали

Digitized by Google

интриги профессоровъ, которымъ непремѣнно хотѣлось лишить каѳедры этого достойнѣйшаго лектора... Какъ онъ читалъ—заслушаться можно было! Его возненавидѣли за идеализмъ. Матеріалисты взяли верхъ. Съ тѣхъ поръ, по временамъ, на нашего ученаго с... на Елизара Викторовича,—быстро поправилась она и невинно заморгала глазами,—находитъ... Онъ становится угрюмъ, говоритъ все, что̀ думаетъ,—а думаетъ ужасъ что такое!—и клевещетъ на дѣтей, на меня и на этого благороднаго Никиту Панкратьевича. Что̀ я терплю, одному Богу извѣстно. Я такая несчастная женщина, и немудрено, если я цѣню всякое проявленіе участія ко мнѣ. Только вы не бойтесь, онъ пока... тихій. Ничего дурнаго вамъ не сдѣлаетъ. Мой совѣтъ—удаляйтесь отъ него и поменьше толкуйте съ нимъ, а въ особенности не поднимайте вопроса о дочеряхъ и... и вообще избѣгайте интимностей... Всѣ знакомые удивляются, почему я держу его дома.

«Никиту Панкратьевича»?—чуть не вслухъ, спросилъ я.

— Однако, согласитесь сами,—продолжала г-жа Шипова,—надо нести крестъ, и затѣмъ спеціалисты утверждаютъ, что подобнаго рода помѣшательство такъ тѣсно граничитъ съ ученымъ глубокомысліемъ, что нельзя этого... разграничить, и вотъ почему онъ здѣсь. А никто не обратитъ вниманья на то, что онъ, можно сказать, развращаетъ дѣвочекъ!

— Неужели?—изумился я.

— Я запретила имъ видаться и ходить къ отцу. Своими разспросами и ѣдкими замѣчаніями чисто сумашедшаго характера онъ сбивалъ ихъ съ толку... это ли не развращеніе? Я мать и готова жизнь отдать за своихъ дѣтей... глаза каждому выцарапаю... Послушайте, Эрастъ Харитоновичъ, вы свободны сегодня — поэтому не отобѣдаете ли съ нами? Неужели вамъ весело сидѣть одному? Приходите, дѣвочки будутъ рады.

«Такъ вотъ оно что»! — думалъ я, разставшись съ Настасьей Карповной. Ученый сморчокъ,—онъ же и сумашедшій идеалистъ. Его считаютъ сумашедшимъ, а, можетъ, и впрямь онъ сумашедшій. А только почему же мнѣ кажется, что его сейчасъ посадили бы въ желтый домъ и нисколько не пожалѣли бы, еслибы онъ былъ дѣйствительно сумашедшимъ?

Digitized by Google

XIII.

Семейный обѣдъ.

Нелогичность моего поведенія не будетъ требовать другихъ доказательствъ, если я скажу, что, печалясь объ одинокомъ Елизарѣ Викторовичѣ, я въ то же время какъ бы стыдился чувства, которое онъ возбуждалъ во мнѣ, и, разумѣется, принялъ приглашеніе Настасьи Карповны. Она пообѣщала выцарапать глаза за своихъ дочерей,—это правда. Но она сообщила, что дочери обрадуются мнѣ. Не значило ли это, что глаза мои будутъ пощажены? Впрочемъ, я никому не позволилъ бы выцарапать себѣ глаза и поэтому, вмѣстѣ съ Никитой Панкратьевичемъ, я очутился въ четыре часа въ столовой Настасьи Карповны.

Я воображалъ, что Лизета сядетъ рядомъ со мной; но ея совсѣмъ не было. Старшія барышни, Антигона и Лариса, облеченныя въ скромныя шерстяныя платья, смотрѣли на меня и принимали участье въ разговорѣ съ тою солидною развязностью, которая свойственна дѣвицамъ неопредѣленнаго возраста, еще разсчитывающимъ выйти замужъ, но уже отрѣшившимся отъ наивныхъ заблужденій первоначальныхъ лѣтъ.

Полагаю, что Никита Панкратьевичъ началъ говорить о любви. Господа его склада любятъ заводить подобныя бесѣды. Не помню, однако, что̀ послужило поводомъ къ этому, да это и не важно.

Антигона и Лариса тотчасъ прервали Никиту Панкратьевича, и одна изъ нихъ вскричала:

— Любовь—пошлость.

— Теперь даже въ романахъ избѣгаютъ любви,—замѣтила Настасья Карповна, бросивъ дочери одобрительный взглядъ.

— А по моему, ничего не можетъ быть выше любви, — возразилъ Никита Панкратьевичъ и возвелъ глаза къ потолку.

— Вы устарѣли,—сказала ему Лариса.—Съ такими взглядами въ наше время далеко не уйдете.

— А что, если мое время не далеко ушло отъ вашего?— несовсѣмъ вѣжливо произнесъ Одуровъ и сталъ приготовлять салатъ. Вѣроятно, онъ былъ мастеромъ этого дѣла и во всякомъ случаѣ своимъ человѣкомъ за столомъ.—Надо испытать,

Digitized by Google

что такое любовь, и тогда толковать объ этомъ чувствѣ. Старики могутъ еще возставать противъ любви, потому что они пресыщены удовольствіями сердца, имъ надоѣла одна и та же пѣсня. Но мы должны платить дань... Убейте меня, а я не стану читать романа, если вы предупредите меня, что въ немъ нѣтъ любви. Что это за романъ? Да и мыслимъ ли романъ безъ любви?

— Мы съ вами никогда не споемся, Никита Панкратьевичъ,—кротко возразила Настасья Карповна.—Вы прекраснѣйшій человѣкъ безспорно, но взгляды у васъ дикіе... Слава богу, Эрастъ Харитоновичъ, не смотря на вліяніе того *господина*, о которомъ я давеча вамъ говорила...

— Какого господина?—спросилъ я.

— Ну, который такъ ненормаленъ.

— Вы хотите сказать...

— Ахъ, пожалуйста, не называйте его при нихъ!.. Не смотря на вліяніе этого господина, дѣвочки мои совершенно чужды всѣхъ этихъ теорій любви.

— Но, кажется, Никита Панкратьевичъ проповѣдуетъ любовь?—весело возразилъ я.

— О, онъ всегда говоритъ то, что вы слышали. Въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ толкуетъ *тотъ* господинъ, это такъ невинно! Вашу руку, Никита Панкратьевичъ... не сердитесь на меня, добрый и хорошій! Но что же вы скажете намъ, Эрастъ Харитоновичъ?

— Эрастъ Харитоновичъ навѣрно признаётъ любовь, — рѣшительно проговорила Косточка.

Всѣ засмѣялись; одна только Настасья Карповна обдала младшее чадо свое взоромъ василиска.

— Я не знаю, что такое любовь,—сказалъ я, ничего не имѣя противъ того, чтобы бойкій подростокъ принималъ участіе въ обсужденіи щекотливаго предмета.

— Но вы допускаете, что любовь есть?—приставала Косточка.

Я посмотрѣлъ на пустое кресло, назначенное для отсутствующей Лизеты, и проговорилъ:

— Допускаю.—Тутъ, кстати, я почувствовалъ легкую тоску, какое-то ущемленіе сердца:—то незримое, неопредѣленное, невѣдомое и отрицаемое существо, которое называется любовью,

Digitized by Google

протянуло незримую руку и двумя незримыми пальчиками прикоснулось къ моему сердцу. Не рубленыхъ же котлетъ испугалось оно, тѣмъ болѣе, что я отказался отъ нихъ и предпочелъ ограничиться однимъ салатомъ, что̀ послужило предлогомъ для разговора о вегетарьянствѣ, которое тогда только что входило въ моду.

Настасья Карповна, уничтожая котлеты, начала приблизительно такую рѣчь:

— А въ самомъ дѣлѣ, бѣдныя животныя! Какъ нравственны тѣ люди, которые ихъ не ѣдятъ! Вѣдь не ѣдимъ же мы лошадей («и собакъ»,—вставила Косточка).—Не довольно ли съ насъ, если мы будемъ пить молоко животныхъ, ѣсть ихъ сыръ, ихъ масло?

— Что вы такъ смотрите на мою руку?—спросилъ меня Никита Панкратьевичъ.—Васъ интересуетъ мое колечко?

— Нѣтъ, не то,—шепнулъ я.—Я вспомнилъ, какъ вы вчера...

— А, полноте!—остановилъ меня Одуровъ и покраснѣлъ до бровей.—Повѣрьте, Настасья Карповна, что мы сами отчасти животныя, и потому должны питаться животными, — громко сказалъ онъ.

— Вы, право, безподобны,—вскричала Настасья Карповна.—О чемъ вы думаете, когда я говорю? Ѣдятъ ли лошади и коровы мясную пищу—вы сообразите хорошенько!?

— Гдѣ-то я читала о лошади, которая была пріучена къ мясу,—замѣтила Александра, въ первый разъ раскрывъ ротъ.

Это была та дѣвушка, которая должна была мнѣ понравиться, если не плѣнитъ меня Лизета. Такъ этого вчера хотѣлось Никитѣ Панкратьевичу. Я пристальнѣе взглянулъ на нее. Но хотя я тогда старался разсмотрѣть ее и затѣмъ много разъ видѣлъ, я такъ и не могу припомнить ея лица. Совершенно безразличное выраженіе стерло всѣ его краски и особенности.

Обѣдъ кончался—не сложный и скорѣе скверный, чѣмъ хорошій, и кончались пустые разговоры о любви и о животныхъ, когда я спросилъ, какъ будто только теперь замѣтивъ, что кого-то не хватаетъ за столомъ:

— А гдѣ же Лизета Елизаровна? Если не ошибаюсь, я такъ назвалъ вашу сестру?—лицемѣрно обратился я къ Косточкѣ.

Digitized by Google

Дѣвчонка, чрезвычайно польщенная моимъ вопросомъ, какъ птичка, завертѣла головой и закричала:

— Совершенно вѣрно—какъ то, что меня зовутъ Константиной Елизаровной!

— Она у знакомыхъ,—томно протянула Настасья Карповна.

— Катается со студентами по Днѣпру,—откровенно пояснила Косточка.

XIV.

Послѣ обѣда.

Я разсмѣялся бы, еслибъ мнѣ сказали, что я могу полюбить. Какъ Антигонѣ и Ларисѣ, мнѣ казалось, что я ужь вышелъ изъ дѣтскаго возраста или изъ возраста любви. Отчего же я чуть не ударилъ Никиту Панкратьевича кулакомъ по макушкѣ, когда узналъ пріятную вѣсть о томъ, что молодая особа предается въ обществѣ студентовъ опасному удовольствію въ такое время года, когда катанье на лодкѣ сопряжено со всевозможными простудами и можетъ быть причислено къ геройскимъ подвигамъ? Я не зналъ, что это ревность. Я подумалъ, что это просто досада на пошлѣйшимъ образомъ проведенный обѣдъ или острое чувство презрѣнія, внезапно вызванное во мнѣ личностью Никиты Панкратьевича.

Весьма возможно, что въ эту самую минуту находятся въ обществѣ предпріимчивыхъ молодыхъ людей гораздо болѣе очаровательныя дѣвушки и подвергаютъ опасности не только свою жизнь, но и честь, которую въ наше время, на самомъ дѣлѣ, никто не цѣнитъ, кромѣ двухъ-трехъ сумасбродовъ (я въ ихъ числѣ). Я представляю себѣ этихъ рискующихъ дѣвицъ, но душа моя холодна и сердце бьется спокойно; мнѣ до нихъ нѣтъ дѣла; пусть онѣ пользуются жизнью сами и помогаютъ наслаждаться ею другимъ. При мысли о нихъ, я не испытываю желанія, въ припадкѣ бѣшенаго презрѣнія, разбить кому нибудь голову.

Я думалъ объ этомъ, направляясь послѣ обѣда на обрывъ, къ памятнику князя Владиміра, и молчалъ, стараясь развязными шутками заглушить болѣзненную работу сердца. Впереди меня шелъ Никита Панкратьевичъ съ Александрой Елизаров-

Digitized by Google

ной, позади Антигона и Лариса и, въ качествѣ курсистокъ, совершенно серьезно разговаривали о психо-физикѣ Фехнера. Увѣряю васъ. Еслибы эти увядающія умницы катались со студентами вмѣсто Лизеты!

Я имѣлъ, правда, мужество шутить. Мужество мое заслуживало особеннаго удивленія, потому что дамой моей была даже не милая Косточка (оставленная дома), а Настасья Карповна. Знакомые могли увидѣть меня съ нею или, вѣрнѣе, съ ея красной шляпкой и пурпурнымъ шолковымъ ватерпруфомъ. Ложный стыдъ—конечно; и, сама по себѣ, госпожа Шипова—почтенная особа, жена профессора, мать взрослыхъ барышень и подруга Никиты Панкратьевича. Но я предпочелъ бы двухъ кокотокъ одной честной дамѣ, лишь бы только на нихъ были приличныя шляпки. Очевидно, у меня было сильное стремленье къ Настасьѣ Карповнѣ, если я согласился подвергнуть себя несносной пыткѣ этого безсмысленнаго гулянья. Меня тянуло къ ней, и я ждалъ, что заговоритъ же она, наконецъ, о Лизетѣ.

Заходило солнце и посылало обнаженнымъ деревьямъ прощальную улыбку, въ родѣ той, съ какою сорокапятилѣтніе жуиры смотрятъ на надоѣвшихъ имъ женщинъ. Ни тепло, ни холодно, скорѣе—холодно. Подъ ногами шуршали сухіе листья. Поднимался рѣзкій вѣтерокъ. Блѣдно-малиновые лучи скупо сыпалъ закатъ, и внизу темно-свинцовой лентой извивался Днѣпръ, а по ту сторону его таяли перламутровыя дали въ холодномъ туманѣ, который сгущался на сѣверѣ и грозилъ городу—скоро забросать его снѣгомъ. Князь Владиміръ высоко поднималъ надъ обрывомъ чугунный крестъ. У подножья его мы и другіе гуляющіе копошились, какъ муравьи.

— Вамъ должна нравиться вода, вы петербуржецъ,—сказала Настасья Карповна.

— Не знаю почему, сейчасъ я ненавижу воду,—проговорилъ я.—Адскій вѣтеръ! Въ Петербургѣ въ такую пору гуляютъ по Невскому.

— Ахъ, Петербургъ!—мечтательно начала Настасья Карповна.—Молодость свою я провела въ Петербургѣ. То было время замѣчательныхъ увлеченій.

— Замѣчательныхъ?

— Я увлекалась подобно другимъ, но, понятно, въ моихъ

Digitized by Google

увлеченіяхъ не было ничего дурнаго. Я благоговѣла передъ Костомаровымъ, слушала публичныя лекціи въ Пассажѣ. Мы заводили мастерскія, артели, коммуны.

— Вы были коммунисткой?

— Была и, какъ видите, осталась сама собой. Много значитъ порода. Я—рожденная Столбухина. Слабыя погибали, сильныя закалялись, закалилась и я. У меня была удивительная коса, и мнѣ отрѣзали ее,—сказала Настасья Карповна.

— Но зачѣмъ же?

— Такъ было принято. Вмѣстѣ съ косой мы отрѣшались отъ предразсудковъ. Уже въ то время любовь презиралась и называлась въ насмѣшку «любвою». Случались, понятно, браки, но они носили гражданскій характеръ.

— А правда, что въ коммунѣ женщина принадлежала всѣмъ?..

— Не правда... это зависѣло, наконецъ, отъ ея желанія. Женщина пользовалась уваженіемъ и ея воля играла большую роль. Никто не смѣлъ пальцемъ прикоснуться ко мнѣ.

— А вотъ все же вы вышли замужъ.

— Не въ пошломъ смыслѣ.

— Не понимаю!

— Елизаръ Викторовичъ не вѣнчался со мною.

— Настасья Карповна, послушайте, вы шутите?

— Не шучу. Пошлость эту онъ выкинулъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ. Онъ уже былъ связанъ, когда познакомился со мною. Хотя тогда господствовалъ матерьялизмъ, но идеализмъ Елизара Викторовича носилъ въ себѣ столько прогрессивныхъ началъ, что молодежь примирилась съ его метафизикой. Жаль, не знали вы его тогда. Онъ былъ красавецъ и говорилъ вдохновенно. Я сдѣлала то, на что ужь неспособны теперешнія дѣвушки. А именно отдала себя въ награду за его умъ. Понятно, что онъ поступилъ такъ, какъ требовала справедливость. Прогналъ жену—совлекъ съ себя, что называется, ветхаго человѣка—и нѣсколько лѣтъ былъ счастливъ со мною. Довольно съ него.

— А что сталось съ женой «этого господина»?

— У васъ, Эрастъ Харитоновичъ, необыкновенно ѣдкій язычекъ,—благосклонно пошутила Настасья Карповна, и бросила на меня изъ-подъ красной шляпки непріязненный взглядъ.—

Digitized by Google

А что сталось со мною? Съ людьми дѣлается то, что они сами съ собою дѣлаютъ. Я держусь того принципа, какъ мать, что можете дѣлать, что вамъ угодно, мои любезныя дочери, но помните одно: будьте со мной откровенны и не скрывайте ничего, что бы ни случилось съ вами. Я, какъ волчица, кинусь на всякаго и выцарапаю ему глаза!

— Кажется, волчицы не обладаютъ этимъ искусствомъ,— замѣтилъ я.—Но вы не отвѣтили на мой вопросъ. Я предложилъ его потому, что ваше семейство представляетъ собою такое оригинальное явленіе... наконецъ, вы сами посвятили меня въ свою тайну.

— Я не дѣлаю изъ этого тайны.

— Такъ что ваши дочери...

— Онѣ знаютъ, что я не вѣнчана съ ихъ отцомъ. Но онѣ пользуются его именемъ.

— Тѣмъ любопытнѣе мнѣ знать, гдѣ законная,—если смѣю выразиться,—жена Елизара Викторовича, такъ какъ отъ нея многое зависитъ—во всякомъ случаѣ, спокойствіе ваше и вашихъ дѣтей.

— Представьте, она до сихъ поръ жива — безсмертная корга—и получаетъ двѣ пенсіи: одну отъ меня, другую отъ того, кто наслѣдовалъ Елизару Викторовичу и тоже разстался съ ней.

— Она могла бы получать семь пенсій, и это было бы очень выгодно.

— Безчестная старуха!—произнесла Настасья Карповна и при этомъ странно раздулось ея горло, какъ у свирипѣющей лягушки.

— Нельзя ли ее отравить, или утопить, или какъ нибудь иначе отдѣлаться отъ нея?—предложилъ я.

— Вы шутите, а у меня сердце болитъ; мнѣ жаль денегъ, бросаемыхъ этой чертовкѣ.

— И у меня сердце болитъ,—сказалъ я.

На самомъ краю обрыва, вѣтеръ дохнулъ съ такою силою, что сорвалъ проклятую красную шляпку, и она покатилась по крутому склону. Какъ на зло, она не зацѣпилась ни за одинъ кустъ. Я былъ кавалеромъ Настасьи Карповны и долженъ былъ побѣжать за ея шляпкой. Внизъ вела деревянная лѣсенка, врытая въ гору. Безконечное множество ступе-

Digitized by Google

некъ я оставилъ позади себя, а шляпка все спускалась ниже, гонимая вѣтромъ, какъ сухой листъ лопуха. Она кувыркалась впереди меня съ изумительной ловкостью. Я остановился и посмотрѣлъ вверхъ. Памятникъ Владиміра казался какимъ-то чернымъ пятнышкомъ; пурпурный плащъ Настасьи Карповны—точкой, похожей на кошенильнаго паучка. До меня доносился грохотъ мостовой, находившейся у подошвы горы, и, слѣдовательно, я очутился въ другой части города. Еще нѣсколько шаговъ, и я на этой мостовой.

Слава богу, я совершенно одинъ, и шляпки нѣтъ. Она точно сквозь землю провалилась. Я вздохнулъ съ облегченіемъ и рѣшилъ не возвращаться назадъ. Перспектива провожать даму съ открытой головой и въ пурпурномъ ватерпруфѣ была не изъ пріятныхъ. Нѣтъ, покорно благодарю!

А куда же дѣвалась шляпка въ самомъ дѣлѣ? Думаю, что ее унесло въ Днѣпръ. Но ее могъ подхватить легковой извощикъ, проѣзжавшій по мостовой въ роковую минуту. Онъ пропьетъ ее въ кабакѣ или же подаритъ своимъ дѣтямъ, которыя повѣсятъ ее на бичевкахъ, какъ зыбку, и станутъ качать въ ней слѣпыхъ котятъ. Если это такъ, благословляю изобрѣтательныхъ малютокъ.

Все же я, для очищенія совѣсти, нашелъ нужнымъ сдѣлать еще сотню шаговъ до берега. На пристани я спросилъ у лодочника:

— А что, много катающихся?

— Есть дурни,—флегматично отвѣчалъ человѣкъ съ цвѣтомъ лица, напоминающимъ трубочную глину.

— Скажи-ка, братецъ, студенты поѣхали сегодня?

— Эге!

— Сколько ихъ?

— Семь.

— А барышня съ ними?

— Развѣ жь я знаю!

— Нѣтъ, ты мнѣ навѣрно скажи, не возвращались они?

— Была съ ними барышня, — вмѣшался другой лодочникъ, на которомъ была военная фуражка съ разорваннымъ козырькомъ,—и еще не вернулись. Какъ бы не опрокинулись они на Чертороѣ! Я слышалъ великій крикъ въ обѣдъ.

Digitized by Google

— Тебѣ представилось,—возразилъ первый.—То вѣтеръ былъ.

— Не представилось, потому что я престолу и отечеству служилъ и мнѣ не можетъ представиться. У насъ сейчасъ за это строго! Покорно благодарю, ваше благородіе,—проговорилъ онъ, подхвативъ налету двугривенный. — Они отправились въ полдень; разыгралась буря,—началъ онъ живѣе.— Точно, въ это самое время лежалъ я подъ лодкой, и вдругъ, какъ будто изъ-подъ земли, простонало: «Спасите! Эй!»

— Я тоже слышалъ, но только то былъ вѣтеръ,—стоялъ на своемъ маленькій лодочникъ.

— Что такое Черторой?—спросилъ я.

— Двѣ воды встрѣчаются,—Десна и Днѣпръ. Въ тихую погоду еще ничего, а когда хвиля,—храни Богъ.

— Садись въ лодку, я хочу посмотрѣть на Черторой.

Слуга отечества потупился и сталъ почесывать въ затылкѣ, а человѣчекъ встряхнулъ плечами и пытливо воззрился въ меня. Первымъ движеніемъ его души было слупить съ меня, сколько влѣзетъ. Такъ онъ и сдѣлалъ.

...Прочитывая нѣкоторыя мои замѣчанія и сужденія, вы навѣрно негодовали на меня по временамъ за то, что я называю себя мѣднымъ лбомъ. Вамъ великодушно казалось, что для мѣднаго лба я слишкомъ уменъ. Но вникните въ мои поступки. Утромъ я и не гадалъ, что буду обѣдать у Настасьи Карповны. Обѣдая у Настасьи Карповны, я даже и не думалъ, что буду гулять у памятника св. Владиміра. У памятника св. Владиміра я еще не предполагалъ, что мнѣ придется стремглавъ спускаться по крутой горѣ въ погонѣ за адскимъ украшеніемъ плѣшивой головы. Вступивъ на помостъ пристани, я еще не зналъ, что мнѣ предстоитъ путешествовать на Черторой.

Право, самое мѣднолобое поведеніе!

XV.

Опасное предпріятіе.

Лодку подбрасывало на волнахъ. Онѣ трясли, какъ упряжныя лошади, которыхъ вдругъ осѣдлали. Черезъ пять минутъ мое пальто было насквозь промочено брызгами. Вѣтеръ дулъ

Digitized by Google

въ лицо, въ уши, въ затылокъ, въ горло, въ рукава, и умудрялся ходить съ фамильярностью вокругъ всего моего туловища. Казалось, будто лодка качается на одномъ мѣстѣ, ложится направо, налѣво, и старается зачерпнуть воды то носомъ, то килемъ. Но кое-какъ она подвигалась противъ теченія и, когда я оглядывался, высокій берегъ, съ памятникомъ св. Владиміра и съ кошенильной точкой у его пьедестала,—удалялся.

— Не опрокинетъ?—полюбопытствовалъ я послѣ одного неожиданнаго прыжка.

— Если опрокинетъ, то насъ съѣдятъ раки,—отвѣчалъ глиняный человѣчекъ, и я долженъ былъ согласиться съ глубиною этого умозаключенья.

Между тѣмъ, и самъ я предавался глубокимъ размышленіямъ. Думалъ я о шляпкѣ... но не о той, которая такъ благополучно пропала, а о той, которая была на Лизетѣ. Утромъ я видѣлъ изъ окна, какъ шла Лизета. На ней была темная фетровая шляпка съ синимъ перомъ. Еслибы на поверхности воды вдругъ показалась эта скромная шляпка, я былъ бы очень огорченъ. Но все таки я увидѣлъ бы въ этомъ и нѣкоторую хорошую сторону. Это обстоятельство было бы вмѣстѣ съ тѣмъ залогомъ, что дѣвушка, возбудившая во мнѣ острую любознательность своимъ загадочнымъ поведеніемъ и своими блѣдными ручками, больше не существуетъ на свѣтѣ и что, значитъ, любовь моя,—если только это любовь,—погасла въ самомъ началѣ отъ естественной и роковой причины. Но пустынны были волны. Мысли мои могли поэтому мчаться дальше. Съ крайней нескромностью онѣ проникали въ то затишье, гдѣ отдыхала отважная дѣвушка, переплывшая Черторой. Она окружена поклонниками. Все это—такіе же нахалы, какъ и я. Но они тѣмъ хуже меня, что я Бѣлоглазовъ, а они кухаркины дѣти,—какъ выражаются теперь нѣкоторые публицисты, говоря объ учащейся молодежи,—и въ ихъ нахальствѣ нѣтъ благородства и великодушія. Нѣтъ соли въ ихъ остротахъ, нѣтъ ума въ ихъ шуткахъ. Воображаю, какого дурнаго тона ихъ короткость и съ какимъ дряннымъ чувствомъ относятся они къ «испорченности» Лизеты.

— Что, за Чертороемъ есть какая нибудь деревушка?

— Есть, нѣсколько хатъ.

Digitized by Google

— А далеко еще?

— Вотъ Черторой. Вотъ и вода другая. Вотъ плотина.

Дѣйствительно, мы приближались къ отлогому берегу, и одно время лодка выставляла весь носъ изъ воды, словно карабкаясь куда-то вверхъ.

— Пристанемъ, передыхнемъ минутку и надо поспѣшать назадъ, пока не стемнѣло.

Я не видѣлъ передъ собой и признаковъ жилья. Трава мѣстами высохла, мѣстами еще зеленѣла. Вороны прыгали на бугоркѣ. Солнце совсѣмъ зашло, и изъ-за темно-лиловой черты горизонта виднѣлась только полоска огненно-краснаго свѣта. Она же отражалась въ изломахъ волнъ. Я глядѣлъ...

Какая счастливая случайность! Не думайте, что я нашелъ шляпку, но на землѣ я увидѣлъ клочокъ конверта и, поднявъ его, прочиталъ всего одно слово: «Елизаровнѣ». Не было сомнѣнія, что одна изъ Елизаровенъ была здѣсь. Естественно, что эта Елизаровна была Лизета. Уподобляясь краснокожему дикарю, я открылъ за клочкомъ конверта слѣды башмачковъ на полувлажномъ берегѣ и, рядомъ съ ними, сапожищъ. Слѣды направлялись къ тому пригорку, гдѣ скакали воронѣ, и я потревожилъ почтенныхъ птицъ, сдѣлавъ тридцать или сорокъ шаговъ въ эту сторону.

За пригоркомъ открылась лощина, и на днѣ ея стояла хата подъ соломенной крышей, обнесенная плетнемъ, на кольяхъ котораго просыхали тряпки и глиняные кувшины—глечики. Войти въ хату было дѣломъ одной минуты. Хозяйка вышла ко мнѣ изъ-за перегородки,—толстая, сонная, апатичная баба.

— А вамъ молока?—спросила она.

— Водка есть?

— А вы не акцизникъ?

— Скорѣе водки, я озябъ.

Хозяйка нашла за перегородкой порцію водки и вынесла мнѣ стаканчикъ. Отвратительная водка, но она согрѣла меня.

— Заѣзжали къ вамъ студенты съ барышней?

— Заѣзжали.

— Что они у васъ дѣлали?

— Я ничего не видѣла,—боязливо косясь на меня, сказала баба.

Digitized by Google

— Не бойтесь меня, я изъ ихъ компаніи. Гдѣ они теперь? Не случилось ли несчастья?

— Храни Боже. Ничего не случилось. Я имъ зажарила двухъ куръ и они скушали у меня всѣ яйца. Съ ними было вино—коньякъ называется. Послѣ обѣда, они стали ссориться и половина вернулась въ городъ, а двое взяли барышню и посадили на подводу. Тутъ мужика договорили. Поѣхали сушею.

— Но въ какую сторону?

— Въ Никольскую слободку и потомъ на Цѣпной мостъ.

— А въ Никольской слободкѣ не могли они остановиться?

— Отчего же не могли?

— Я спрашиваю, не слыхали ли вы; можетъ быть, они сговаривались объ этомъ?

— Нѣтъ, не слыхала—не мое дѣло, баринъ.

Я заплатилъ ей деньги за водку и не взялъ сдачи.

— Нѣтъ, не слыхала,—продолжала она искреннѣе.—Зачѣмъ имъ останавливаться въ Никольской слободкѣ? Въ городѣ больше квартиръ и отличныя гостинницы со всѣми удобствами,—прибавила она, усмѣхнувшись.

— А вы знаете барышню?—лихорадочно приставалъ я.—Она бывала у васъ раньше?

— Можетъ, и бывала, не помню; гдѣ же всѣхъ упомнить?..

— Ей нездоровилось?

— Не замѣтила. Съ чего ей быть больной?

— Прощайте.

— Прощайте, заѣзжайте въ другой разъ.

Еще не было темно, но закатъ уже погасъ совершенно и на пасмурныхъ волнахъ не дрожало больше ни одного багрянаго отблеска. Свѣжѣло, и съ сѣвера дулъ такой вѣтеръ, что, казалось, сейчасъ оледенѣютъ всѣ эти брызги и лодка наша замерзнетъ среди Днѣпра.

Не смотря на выпитую водку, я не попадалъ зубъ на зубъ. Помчались мы внизъ по теченію со страшной быстротой. Только на обратномъ пути я понялъ, что для нервныхъ людей спускъ съ Черторoя долженъ представлять большое удовольствіе, съ которымъ не сравняется и удовольствіе, доставляемое русско-американскими горами. Лодку подбрасывало, и вдругъ

Digitized by Google

она ныряла въ воду, какимъ-то чудомъ удерживаемая въ равновѣсіи глинянымъ человѣчкомъ. Я не испытывалъ страха; въ душѣ моей ныла досада на самого себя, и руки мои и ноги коченѣли отъ холода.

Смеркалось. Вотъ я опять на пристани. Пришлось идти пѣшкомъ въ гору. За нѣсколько шаговъ передъ домомъ, я вообразилъ себѣ, какое впечатлѣніе я долженъ былъ произвести на моихъ хозяекъ, и невольно разсмѣялся.

Я подошелъ, наконецъ, къ своему подъѣзду. Подъ навѣсомъ стояла Косточка—я узналъ ее при свѣтѣ уличнаго фонаря—и поджидала меня.

XVI.

Предчувствіе горя.

На дѣвочкѣ былъ накинутъ большой теплый платокъ. Маленькое личико ея показалось мнѣ блѣднымъ при неопредѣленномъ освѣщеніи.

— Что вы дѣлаете? — спросилъ я, вкладывая ключъ въ замокъ двери.

— Гдѣ вы пропадали? Не входите, постойте, я хочу съ вами поговорить!

Косточка начала допрашивать меня такимъ тономъ, какъ будто я былъ «свой человѣкъ», въ родѣ Никиты Панкратьевича, и не вчера познакомился съ ними, а лѣтъ десять тому назадъ.

— У меня такая манера говорить, — отвѣчала Косточка на мое шутливое замѣчаніе. — Въ домѣ несчастье, а вы придираетесь къ выраженіямъ!

— Она утонула?—съ тихимъ испугомъ спросилъ я.

— Вы про шляпку? — переспросила Косточка. — Самое ужасное, что мама въ ярости. Она кричала, еще на улицѣ, что выгонитъ васъ!

— Такъ вы это считаете несчастьемъ? За что же выгонитъ меня мама?

— За то, что вы убѣжали отъ нея и бросили ея шляпку на произволъ судьбы.

— Она у извощика...

— Нѣтъ-съ, извините...

— У извощика и я разскажу вамъ, какъ...

Digitized by Google

— Врете же вы! — съ провинціальнымъ простодушіемъ вскричала Косточка.—Шляпка попала на дерево, а вы идете къ пристани, тутъ мама послала Никиту Панкратьевича достать шляпку. Онъ сталъ доставать, сломалъ сучокъ и упалъ, да такъ, что боленъ. Поняли теперь, какое несчастье и почему мама въ такой претензіи на васъ? Она вамъ приписываетъ паденіе бѣднаго Никиты Панкратьевича!

— Я могу только сожалѣть, что на самомъ дѣлѣ не я былъ причиною...

— У, какой злой! Васъ не стоило бы предупреждать послѣ этого. Не идите, я говорю вамъ. Мама сцѣпится съ вами. Когда что нибудь случится съ Никитой Панкратьевичемъ, она сама не своя... Чего вы такой мокрый! Развѣ идетъ дождь?

— Я нырялъ.

— Вамъ хотѣлось знать, гдѣ Лизета? Вы бы лучше спросили меня. Я вчера догадалась, что она вамъ понравилась... Послушайте, къ вамъ Никита Панкратьевичъ очень хорошо расположенъ, поэтому вы не будьте противъ него. О Лизетѣ я вамъ могу разсказать рѣшительно все, кромѣ нѣсколькихъ тайнъ, такъ какъ поклялась ей... Она вернулась, когда вы ходили гулять, и тоже мокрая. Она мокрая курица, а вы — мокрый пѣтухъ. Ступайте, поиграйте на бильярдѣ, пока пройдетъ домашняя буря.

— Иногда я люблю испытать что нибудь поучительное и ничего не буду имѣть противъ того, чтобы мама выгнала меня.

— Вы не серьезный человѣкъ,—сказала Косточка, поправила платокъ и, пробѣжавъ по панели, шмыгнула въ ворота.

Но предсказаніе Косточки не оправдалось. Я вошелъ къ себѣ и позвонилъ Соню. Она подала самоваръ и прислуживала мнѣ, правда, съ убитымъ видомъ, но съ исполнительностью, которая ее всегда отличала. Я хотѣлъ спросить ее, что̀ съ барыней, но, по бѣлоглазовской манерѣ презирать чернь, не сдѣлалъ ни одного вопроса. Къ тому же, горничная была прехорошенькая—лучше всѣхъ барышень Шиповыхъ—и могла бы, что называется, «вообразить».

Пить чай одному при такихъ условіяхъ, когда надъ головой ходятъ тучи и атмосфера насыщена электричествомъ, крайне скучно. Я отправился къ профессору и привелъ его къ себѣ.

Digitized by Google

— Елизаръ Викторовичъ, будьте спокойны. Я не стану возбуждать вопроса объ особѣ, которая мнѣ такъ нравится,— сказалъ я.—Напротивъ, я въ высшей степени склоненъ потолковать теперь о тѣхъ удивительныхъ случаяхъ, которые интересуютъ васъ по преимуществу. Помните, намъ что-то помѣшало и бесѣда о безголовыхъ людяхъ была прервана на самомъ любопытномъ мѣстѣ.

— Едва ли мы говорили о безголовыхъ людяхъ, — началъ ученый сморчокъ, усаживаясь противъ меня на диванѣ и озираясь по сторонамъ.—Мы говорили о безголовыхъ лягушкахъ. Опыты, которые производились въ этомъ направленіи, весьма цѣнны для метафизики мозга.

— Такъ, вотъ, давайте продолжать.

Мы смотрѣли другъ на друга и мнѣ пришло въ голову,— пока Елизаръ Викторовичъ развивалъ передо мною какое-то глубокомысленное ученіе,—что я пригласилъ его къ себѣ изъ страха. Взрослые люди, обладающіе трусливой душой, храбро идутъ въ темную комнату въ обществѣ крошечнаго ребенка и не боятся привидѣній. Такъ и я не боялся Настасьи Карповны...

— А любятъ ли безголовые люди?

Ученый сморчокъ окинулъ меня пронизывающимъ взглядомъ и спросилъ въ свою очередь:

— А вамъ случалось когда нибудь любить?

— Никогда.

Послѣ этого отвѣта, онъ краснорѣчиво замолчалъ и занялся размѣшиваніемъ сахара въ чаѣ. Разумѣется, я понялъ остроту профессора, но я вообще не обидчивъ. Я умѣю цѣнить остроты и эпиграммы, даже если онѣ направлены противъ меня.

...Почему же я, однако, боялся Настасьи Карповны? Вѣдь я же не трусъ, на самомъ дѣлѣ. Я и чорта не испугался бы. А я вспомнилъ, какъ вчера Лизета стала при матери тише воды, ниже травы. Неопредѣленное предчувствіе горя, которое принесетъ мнѣ эта женщина, стѣснило мнѣ сердце.

XVII.

Не выгнала.

Прошло нѣсколько дней, а я остался у Шиповыхъ и Настасья Карповна не выгнала меня, можетъ быть, потому,

Digitized by Google

что на деньги, получаемыя съ меня, можно было ежемѣсячно покупать хоть по три шляпки. Но отношенія наши, завязавшіяся послѣ продолжительнаго выжиданія съ обѣихъ сторонъ, внезапно охладились, и опять при встрѣчахъ мы обмѣнивались безмолвными поклонами или самыми незначительными дѣловыми фразами. Никита Панкратьевичъ посматривалъ на меня снисходительно и вмѣстѣ добродушно, какъ бы говоря: «мы сойдемся съ тобой». Что же касается профессора, то, признаюсь, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Лизета стала занимать мое воображеніе, онъ потерялъ для меня интересъ. Мнѣ хотѣлось говорить съ нимъ о ней, а онъ выходилъ изъ себя, когда я только заикался о Лизетѣ. Мнѣ надоѣли абстрактныя бесѣды съ шутовскимъ оттѣнкомъ и сталъ надоѣдать ученый сморчокъ. Въ глубинѣ души я сочувствовалъ ему и находилъ, что съ нимъ поступаютъ несправедливо. Но мое великодушіе не простиралось дальше — оно не всплывало на поверхность и рѣдко проявляло себя. Профессоръ только кивалъ головой и укоризненно смотрѣлъ на меня. Впрочемъ, — я увѣренъ, — онъ огорчился бы, еслибы я сталъ вести себя иначе. Развѣ тогда я былъ бы мѣднымъ лбомъ—и какая путаница началась бы въ его запискахъ, посвященныхъ мнѣ!

Но какъ же случилось, что я видался со старшими барышнями и съ Косточкой, а Лизеты не видѣлъ ровно двѣ недѣли подъ рядъ? Быть можетъ, г-жа Шипова, лучше чѣмъ кто нибудь, поняла истинный смыслъ моей внезапной прогулки на Черторой: въ самомъ дѣлѣ, нельзя же было назвать *ея* шляпку золотымъ руномъ. Быть можетъ, еще и то, что она проникла въ черный замыселъ, не моего ума,—нѣтъ!—а сердца. Сердце желаетъ только добра или зла. Я говорю о добрѣ и злѣ въ пошломъ смыслѣ — въ такъ называемомъ абсолютномъ. Надо вамъ знать, что къ этимъ выраженіямъ больше всего идетъ относительный смыслъ. То, что намъ кажется добродѣтелью, не всегда будетъ казаться и, навѣрно, на многихъ пунктахъ земнаго шара не кажется и теперь. Чего мы стыдимся въ сѣверномъ полушаріи, того не стыдятся въ южномъ. На войнѣ убиваютъ безъ всякой пощады. Между тѣмъ, убійство — вы знаете—карается уголовными законами!.. Во всякомъ случаѣ, безусловно дурное и относительно доброе намѣреніе сказывались въ моемъ сердцѣ — вспыхивала любовь, надъ которой я

Digitized by Google

смѣялся и смѣюсь, такъ какъ мнѣ всегда было досадно, что это «абсолютно» нехорошее чувство (а «относительно», можетъ быть, и прекрасное) лишаетъ человѣка воли и дѣлаетъ его рабомъ, а Настасья Карповна могла догадываться объ этомъ и, догадавшись, припрятать отъ меня Лизету. Мнѣ это подсказала моя подозрительность — одна изъ фрейлинъ, составляющихъ свиту дурной совѣсти. Не былъ же я мальчикомъ и хорошо понималъ, что когда начинается, съ перваго же момента знакомства съ дѣвушкой, и сближеніе съ ней, хотя бы въ незначительной степени, то тѣмъ самымъ опредѣляется отрицательный характеръ этого сближенія. Не святостью же и недоступностью привлекла меня къ себѣ Лизета; я такихъ не люблю. Святыя и недоступныя непремѣнно выходятъ замужъ, рожаютъ каждый годъ, быстро полнѣютъ, носятъ при себѣ ключи и всегда готовы бросить камнемъ въ грѣшную подругу. Пусть мечтаютъ о нихъ нотаріусы, учителя, бухгалтеры и пивовары. Впрочемъ, мысль о женитьбѣ на Лизетѣ тоже, разумѣется, не приходила мнѣ въ голову. Только образамъ нужны кіоты, а картинки, подвергающіяся осужденію съ точки зрѣнія ходячей морали, совсѣмъ не слѣдуетъ обрамлять, потому что, будучи на виду, онѣ, какъ и все, становятся прѣсными. Ужь если началась любовь и соединенное съ нею рабство, то чтобъ объ этомъ никто не зналъ...

Мать припрятала отъ меня Лизету, опасаясь моего недозволительнаго ухаживанья за нею, а между тѣмъ, не она ли была совершенно равнодушна къ ея участи, когда молодая дѣвушка въ холодный осенній день отправилась кататься по Днѣпру, одна, въ обществѣ какихъ-то студентовъ? Она грозила отказать мнѣ отъ квартиры—правда за глаза,—а безъ всякаго замѣчанія приняла отъ меня плату за мѣсяцъ впередъ, и даже прислала расписку. Все это было непослѣдовательно. Нѣтъ, должно быть, я совсѣмъ непроницателенъ, и не разскажетъ ли мнѣ чего нибудь болтливая Косточка?

XVIII.

Съ Косточкой.

Я остановилъ дѣвочку, когда она утромъ, въ барашковой шапочкѣ, въ недлинномъ платьѣ и съ сумкой въ рукѣ, торопилась въ гимназію.

Digitized by Google

День былъ ясный, но уже морозный, и щоки ребенка раскраснѣлись. Косточка непремѣнно хотѣла снять перчатку, чтобы подать мнѣ руку; но перчатка не повиновалась.

— Ну, все равно,—сказала Косточка.

— Не опоздаете, если я васъ задержу на нѣсколько минутъ?—спросилъ я.

— Можно пройтись вмѣстѣ черезъ городской садъ. Что вы хотите сказать?

На лицѣ Косточки показались ямочки, и она лукаво засмѣялась.

— Мнѣ хотѣлось бы знать, наконецъ,—сказалъ я,—почему вы идете въ гимназію безъ сестры?

— Про какую сестру вы спрашиваете?

— Про Лизету.

— А!

— Гдѣ она?

— А вамъ на что? Скоро состаритесь.

— Я и такъ старъ.

— Не правда,—сверкнувъ глазами, вскричала Косточка.— Мужчины до 50 лѣтъ не старѣются, а, вамъ, пожалуй, и тридцати нѣтъ. Надо беречь молодость и не быть такимъ любопытнымъ,—заключила она.

— Вообще вы благоразумны, Косточка.

— Я уже большая,—серьезно проговорила она, и въ это время мы свернули съ улицы и вошли въ ограду городскаго сада, который былъ раскинутъ на крутомъ берегу Днѣпра. Деревья давно были обнажены и словно дремали, ожидая, когда зима одѣнетъ ихъ своимъ пушистымъ покрываломъ. Дорожки шумѣли отъ сухихъ листьевъ, которые кружились тамъ и здѣсь — гонимые порывистымъ холоднымъ вѣтеркомъ. Лучи солнца, встрѣчая мертвый листъ клена, вспыхивали, какъ золото, и погасали на тусклыхъ и пасмурныхъ вѣткахъ корявыхъ дубовъ. Вообще пейзажъ былъ поэтическій. На его блѣдномъ и угрюмомъ фонѣ, какъ улыбка на лицѣ старика, выдѣлялась веселая и бойкая фигурка хорошенькой дѣвочки.

— Я большая,—повторяла Косточка и, оттопыривъ губки, окинула взглядомъ всю себя до самыхъ ботинокъ.—Скоро мнѣ пятнадцать лѣтъ. Пожалуйста, сядемъ на эту скамейку—идетъ

Digitized by Google

Багрѣльская и пусть она подумаетъ, что вы ухаживаете за мною.

Багрѣльская прошла мимо, кивнувъ шляпкой Косточкѣ. Косточка такъ и заволновалась отъ радости.

— У насъ въ классѣ все такія сплетницы,—сказала она.— Еслибы вы знали, что происходитъ! Представьте себѣ, эта самая Багрѣльская... какъ вы думаете, сколько ей лѣтъ? на видъ моложе меня, а ужь семнадцатый годъ, и увѣряетъ, что у нея три жениха: купецъ, адвокатъ, и...—Косточка поперхнулась отъ смѣха:—псаломщикъ!

— Все это очень забавно въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я.— Но, милая Косточка, отчего же вы молчите о Лизетѣ?

— Ахъ, да! Мама нашла, что она крайне дурно ведетъ себя—это между нами—и отвезла ее въ пансіонъ m-me Цвѣтковской. Тамъ большія строгости и даже мечтать не позволяютъ. Постоянно заставляютъ работать; и писемъ нельзя получать, потому что начальница все равно прочитаетъ.

— Пансіонъ въ родѣ острога?—спросилъ я.—Онъ имѣетъ исправительный характеръ?

— Горбатаго могила исправитъ,—сказала на это Косточка.—Лизета всегда останется такою же и ничто не измѣнитъ ея взглядовъ и убѣжденій.

— Вы видаетесь съ нею?

— Нѣтъ. Еще не соскучилась по ней. Къ тому же, при ней я не играю никакой роли, и она затмѣваетъ меня... Однако, взгляните, который часъ? Положительно, я пропущу нѣмецкій... Можно въ перчаткѣ? не обидитесь? или вы, можетъ быть, проводите меня до конца парка? Еще идетъ одна наша ученица. Самофалова... Не надо — отстаньте — какъ будто бы я испугалась и меня застали на мѣстѣ свиданія.

Косточка сунула мнѣ свою большую руку, непропорціональную, какъ лапа породистаго щенка, и, оглядываясь въ мою сторону, отбѣжала къ подругѣ.

А мнѣ захотѣлось побыть одному. Я вышелъ на крутой берегъ и долго смотрѣлъ вдаль,—туда, гдѣ голубоватые опалы утренняго тумана одѣвали собою горизонтъ и куда улетала съ протяжнымъ печальнымъ крикомъ запоздалая станица журавлей.

Digitized by Google

XIX.

Вводная глава.

Въ старину идеалы были проще и гораздо легче осуществлялись, чѣмъ въ наше время. Для мужчинъ была отведена особая область человѣческихъ и нечеловѣческихъ отношеній, называвшихся «подвигами», причемъ подъ подвигами разумѣлось рѣшительно все: покореніе непріятеля, разбой, грабежъ, многоженство, пьянство, шулерство, возстаніе противъ предержащихъ властей, хула на небеса, поклоненіе сатанѣ. Женскіе идеалы помѣщались исключительно въ спальнѣ и на кухнѣ. Еще до сихъ поръ интересные преступники, въ родѣ пресловутыхъ червонныхъ валетовъ, встрѣчаютъ со стороны нѣкоторой части нашего общества живописное сочувствіе и на аукціонахъ, по дорогой цѣнѣ, дамы раскупаютъ ихъ туалетныя вещицы на память о «душкахъ», сосланныхъ въ мѣста не столь отдаленныя. Женскіе идеалы зато сильно упали въ оцѣнкѣ, и строгія, суровыя матроны и искусныя хозяйки стали называться просто самками. Обыкновенная добродѣтельная замужняя дама перестала мало по малу интересовать не только захолустныхъ донъ-жуановъ, но и своего супруга. Пониженіе ли это нравственности, или нѣтъ—мнѣ рѣшительно все равно. Нравственностью я называю извѣстную совокупность нравовъ и утвердительно могу сказать только одно: нравы сильно измѣнились за послѣднее время. Правда, мужчины еще вызываютъ удивленіе прекраснаго пола шулерствомъ и хулой на небеса, но уже отъ нихъ требуется и побольше денегъ. На это жалуются даже газетные фельетонисты. А въ наше безденежное время такое требованіе является черезчуръ идеальнымъ. Денегъ требуютъ на шляпку, на платье, на модное бѣлье, на обувь, на коляску, на оперу, на благотворительность, на обстановку, на дачу, на тройку, на «заграницу»—и несчастный шулеръ пускаетъ себѣ пулю въ лобъ! Разбойничать и грабить нельзя—это надо дѣлать иначе, чѣмъ дѣлалось сорокъ лѣтъ назадъ. На каждомъ шагу страшныя неудачи и непреодолимыя препятствія! Поклоненіе сатанѣ ничего не вызываетъ, кромѣ презрительной улыбки. Кого этимъ удивишь теперь? Урядниковъ такъ много, что нѣтъ даже ни-

Digitized by Google

какой возможности возстать противъ становаго. Отношеніе къ пьянству вышло изъ фазы восторженнаго одобренія и замѣнилось отвращеніемъ. Тянутъ еще винцо, но у кого есть человѣческій образъ, тотъ ужь его не теряетъ,—не принято больше. Пьянствуютъ, развѣ, еще въ Москвѣ и въ разныхъ медвѣжьихъ углахъ. Однимъ словомъ, подвиги добраго стараго времени становятся чѣмъ-то немыслимымъ.

Борьба женщинъ съ мужчинами за идеалы началась, я думаю, въ то самое время, когда Настасья Карповна посѣщала въ шестидесятыхъ годахъ вольный университетъ, помѣщавшійся въ Пассажѣ. Съ тѣхъ поръ прекрасный полъ успѣлъ добиться всего... и ничего. Кавалеръ начинаетъ ухаживанье за барышней съ того, что удивляется пошлости ея родителей, заставляющихъ ее рано вставать и дежурить на кухнѣ; а когда добьется своего и женится, онъ самъ требуетъ, чтобы молодая жена его держала ключи у пояса, выговариваетъ, когда щи выкипѣли и долиты водою, а пирогъ отводянѣлъ, и, въ отвѣтъ на разныя прогрессивныя заявленія ея, съ досадой говоритъ: «Ахъ, матушка, отстань пожалуйста! Старо! выкинь дурь изъ головы».

Женщины несомнѣнно обмануты нами. Мы наговорили имъ комплиментовъ, посулили полную равноправность, увѣрили ихъ, что онѣ могутъ быть прелестными врачами, адвокатами и даже мировыми судьями, и что быть нашими любовницами и женами для нихъ вовсе не важно: это второстепенное дѣло. Но въ то время, какъ мы, мужчины, дѣйствительно всѣ одинаково свободны, женщины претерпѣваютъ столько формъ гнета и рабства, сколько есть у насъ семей. Мы зависимъ отъ самихъ себя, будучи даже мальчиками, и знакомимся съ жизнью и ея очарованіями, когда намъ заблагоразсудится. А женщины до сѣдыхъ волосъ составляютъ собственность ихъ родителей, ихъ мужей, ихъ любовниковъ, даже ихъ дѣтей, и, кромѣ того, общественное мнѣніе съ любопытствомъ Аргуса слѣдитъ за малѣйшимъ ихъ шагомъ. Ни за что не хотѣлъ бы я родиться женщиной! Бѣдненькія, онѣ принуждены лицемѣрить и надѣвать на себя броню долга въ то время, какъ ихъ тяготитъ даже корсетъ. Мы имѣемъ право быть откровенными, а онѣ всегда должны разыгрывать святошъ. Мы наслаждаемся, а онѣ страдаютъ. Право, мы виноваты, что такъ неравномѣрно

Digitized by Google

распредѣлили между ними дары эмансипаціи и отняли сегодня то, что̀ подарили вчера. Теперь онѣ рождаются уже недовольныя своимъ поломъ,—и такъ какъ мы не хотимъ подѣлиться съ ними хорошимъ, онѣ заимствуютъ отъ насъ дурное. Съ той минуты, какъ кара дѣторожденія утратила свой грозный смыслъ, современная Ева, всячески угнетаемая нами, только и мечтаетъ о томъ, какъ бы, не снимая маски цѣломудрія и не отрывая фиговаго листка, превзойти насъ по части вкушенія запретнаго плода. Ей ничего не остается—тутъ единственное слабое мѣсто нашего деспотизма—и она этимъ путемъ старается овладѣть крѣпостью, въ другихъ пунктахъ, неприступною для нея. Все взвѣшено ею—сознательно или безсознательно, это другой вопросъ — и она идетъ напроломъ къ побѣдѣ, которая тогда будетъ въ ея рукахъ, когда современный семейный строй станетъ инымъ.

Я понимаю, почему женщина такъ хитра и, если она умна, то — непроницаема. И такъ какъ я другъ женщинъ — это не значитъ, однако, что я другъ дуръ—то мнѣ нравятся тоскующія по свободѣ, задумчивыя, т. е. глядящія далеко впередъ, не влюбленныя въ мужчинъ, но влюбляющія ихъ въ себя, коварныя, прекрасныя и непорочныя дамы.

Но что̀ общаго между этими дамами и семнадцатилѣтней дѣвочкой съ блѣдными ручками?

На этотъ вопросъ я отвѣчу со временемъ.

XX.

Длинный разговоръ.

Враждебныя дѣйствія кончились. Я встрѣтился съ Настасьей Карповной въ коридорѣ, и она освѣдомилась о моемъ здоровьѣ.

— Благодарю васъ, я совершенно здоровъ.

— У васъ, вообще, прекраснѣйшій цвѣтъ лица; но сегодня вы смотрите блѣднѣе... Вы пожелтѣли, Эрастъ Харитоновичъ!

— Пожелтѣлъ.

— Отчего же вы пожелтѣли?

— Оттого что плохо спалъ ночь.

— Злой! Вы даже не ночевали дома. Не прислать ли вамъ квасу?

Digitized by Google

— Я не пьянствовалъ.

— Заходите къ намъ обѣдать! Что вы все одни обѣдаете?

«Ни за что не пойду къ вамъ обѣдать»... чуть было не сказалъ я, но не сказалъ; вмѣсто этого я отвѣтилъ, со свойственной мнѣ откровенностью:

— Искренно признателенъ за приглашеніе.

И поклонился. Конечно, я очень откровененъ, и даже болѣе, чѣмъ надо. Но нѣтъ совершенства на землѣ; и въ концѣ концовъ, я—не совершенство. Сквозь основную черту моего характера—откровенность, доходящую до наглости—нѣтъ-нѣтъ и проглянетъ какая-то посторонняя примѣсь—что-то чрезвычайно дрянное: напр., я могу быть трусливъ; ложный стыдъ скуетъ мой языкъ; острое любопытство зажжетъ мое воображеніе; и тогда я кажусь—самъ себѣ, по крайней мѣрѣ—совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Какъ я презираю себя тогда!

Послѣ обѣда, въ которомъ принимали участіе: и барышни съ греческими именами, и скромница Александра, и Косточка (толкавшая меня подъ столомъ ножкой, такъ какъ уже считала своимъ другомъ; и, когда Настасья Карповна черезчуръ увлекалась, критически настроенный ребенокъ этимъ путемъ обращалъ мое вниманіе на поведеніе своей родительницы); и, разумѣется, Никита Панкратьевичъ,—послѣ обѣда зашелъ разговоръ слѣдующаго содержанія.

— Что вы думаете о дѣтяхъ, Эрастъ Харитоновичъ?—спросила меня Настасья Карповна.

— Я ничего не думаю, по обыкновенію, или же, если вамъ угодно, я думаю, что дѣти — большое бремя, въ особенности нез...

— Что вы говорите?!. Неужели вамъ хотѣлось сдѣлать недостойный намекъ?..

— Ничего подобнаго и въ головѣ не было, точно также, какъ никогда не было у меня дѣтей, и, надѣюсь, не будетъ.

— Вы несносный.

— Во всякомъ случаѣ, вы поставили вопросъ на общую почву. О дѣтяхъ можно думать, что̀ угодно.

— Знаете, кто вы? Въ наше время такихъ называли нигилистами.

— А въ наше никакъ не называютъ. Супругъ же вашъ

Digitized by Google

называетъ ихъ мѣдными лбами. Только этимъ мѣднымъ лбамъ все равно, какъ ихъ называютъ. Къ чему, однако, все это?— освѣдомился я.

— А вотъ—видите ли—къ тому, что мнѣ хотѣлось бы пожаловаться вамъ на своихъ дочерей.

— А вашимъ дочерямъ пріятно будетъ, если я стану ихъ судьею?

— Я мать!

— Онѣ дочери. Законы третейскаго суда не различаютъ степеней родства. Но извольте, такъ и быть, я готовъ... Въ чемъ провинились ваши дочери? Или нѣтъ, я самъ скажу: онѣ не слушаются васъ.

— И грубятъ.

— А конкретные факты? Подавайте намъ конкретные факты!

— Эрастъ Харитоновичъ, кромѣ шутокъ, мнѣ надо было бы серьезно поговорить съ вами объ этомъ предметѣ, тѣмъ болѣе, что вы, кажется, не смотря на вашу сухость... просто прикидываетесь сухимъ и надѣваете на себя ледяную маску... Я говорю, что, не смотря на сухость, вы относитесь сердечно къ нашему дому... Я была недовольна на васъ, но догадалась, что вы поступили изъ добраго порыва...

— Благодарю васъ. О какомъ порывѣ вы изволите упоминать?

— Вы знаете. О путешествіи на Черторой. Я тогда не подавала виду, какъ болитъ моя душа. Могла ли я допустить, что и вы встревожены тѣмъ же?.. Еслибы вы мнѣ сказали все откровенно, у меня нашлась бы точка соприкосновенія съ вами. Но мнѣ вообразилось сначала, что вы просто хотѣли быть нелюбезнымъ, а для женщины даже моихъ лѣтъ нелюбезность оскорбительна... Дайте вашу руку.

— Самая обыкновенная рука. Извольте. По ней вы ничего не угадаете.

— Нѣтъ ничего легче, какъ обмануть меня,—томно произнесла Настасья Карповна.—Я такъ довѣрчива.

— Ну, вы не такъ просты. Но какое уголовное преступленіе совершила Лизавета Елизаровна?

— Разумѣется, кто же другой! Она—мое воплощенное огорченіе. Эта противная дѣвчонка...

Digitized by Google

— Но вы начали съ жалобы на всѣхъ дочерей,—прервалъ я сердобольную мать.

— Тѣ тоже хороши! Когда-то была принципіальная рознь между отцами и дѣтьми,—начала она свысока.—Но теперь нѣтъ принциповъ—они разрушены.

— Подорваны, но не разрушены, и, къ сожалѣнію, здравствуютъ, поскрипывая, доселѣ.

— Но все же была борьба благородная, и мы не повиновались родителямъ, потому что того требовалъ Бюхнеръ.

— Вотъ какъ?

— Не Бюхнеръ, такъ Бокль.

— Вы очень образованы, и свѣдѣній у васъ тьма.

— Тогда не было необразованныхъ дѣвушекъ и мы всѣ трудились и умѣли на все находить время. Мы много читали. По Черторіямъ мы не носились, какъ безумныя. Я говорю, что ненависть къ родителямъ приняла въ поколѣніи, которому мы дали жизнь, уродливыя формы. Вы требуете конкретныхъ фактовъ. Напримѣръ, Лизета. Она забрала себѣ въ голову, что уже совершеннолѣтняя и что я не имѣю на нее никакихъ правъ: мнѣ двадцать разъ приходилось лгать, чтобы выгородить ее и избавиться отъ нареканія въ томъ, что я потворствую безнравственности... Вотъ слово! Нынѣшнія дѣти безнравственны.

— Слава богу, что я бездѣтенъ.

— Лизета, — продолжала Настасья Карповна, — не стѣсняется ходить къ студентамъ, даже—ужасно сказать—къ офицерамъ. Правда, эти офицеры приходятся ей кузенами. Но и кузеновъ надо бояться, когда они носятъ эполеты!

— Кузены, такъ сказать, въ полной парадной формѣ,— замѣтилъ я.

— Въ послѣдній разъ, какъ вамъ извѣстно, она уѣхала кататься по Днѣпру... Представьте, въ эдакій холодъ. И съ кѣмъ? Какіе-то мальчишки! Я понимаю, что васъ это тоже должно было возмутить.

— Нисколько!

— Не вѣрю вамъ... А если не возмутило, то вы стоите другъ друга,—разсмѣявшись, сказала Настасья Карповна, и послала мнѣ огненный взглядъ, полный какой-то граціозной

Digitized by Google

укоризны.—Однимъ словомъ, могла ли я быть равнодушной? Я, признаюсь, позволила себѣ наказать ее.

— Поставили въ уголъ?

— Она слишкомъ велика—жаль—я бы распорядѝлась съ нею иначе. Но я просто ударила ее, потому что вышла изъ себя.

— Недаромъ вы внушаете мнѣ страхъ,—произнесъ я.—На мѣстѣ вашей дочери я бы совершенно пересталъ уважать васъ, послѣ первой же затрещины.

Глаза Настасьи Карповны блеснули непріятнымъ огонькомъ.

— Какъ вы выражаетесь! Я ударила ее чуть-чуть. Это было невольно—уже послѣ того, какъ она... Она сказала, что я должна сначала сама научиться быть хорошею!

— И за это вы посадили ее въ смирительный домъ?

— Отвезла въ пансіонъ. Съ тѣхъ поръ каждый день я получаю отъ нея такія письма... Полюбуйтесь.

Она достала бархатный мѣшочекъ и вынула оттуда пачку писемъ.

— Пожалуйста, пробѣгите вотъ хоть это.

Письмо, которое позволила мнѣ прочитать госпожа Шипова, было коротко и, должно быть, изъ числа самыхъ «преступныхъ». Другихъ писемъ она мнѣ не передала. «Если,—писала Лизета,—ты не возьмешь меня изъ этого осинаго гнѣзда, гдѣ всѣ норовятъ ужалить меня, то я натворю страшныхъ вещей. Выброшусь изъ окна на мостовую или заколюсь ножницами, какъ это ни смѣшно. Я рѣшилась воевать. Знай, мама, я вяну здѣсь въ неволѣ и столько накипаетъ злости на душѣ, что самой становится жутко, что̀ со мною будетъ? Бери же меня поскорѣе»!

Я сложилъ почтовый листикъ и молча возвратилъ Настасьѣ Карповнѣ.

— Ну?

— Хорошенькое письмо! Конечно, вы кругомъ виноваты. Развѣ можетъ мать доводить дочь до такихъ писемъ?!

Госпожа Шипова разсердилась не на шутку. Я видѣлъ, какъ по ея лицу промелькнуло что-то въ родѣ молніи. А, можетъ быть, то была змѣя, быстро сорвавшаяся съ языка и снова имъ подхваченная. Бѣдная мать даже привстала и, ка-

Digitized by Google

жется, готова была указать мнѣ на дверь. Но не знаю, почему худой миръ со мною она предпочла доброй ссорѣ. Улыбка кислаго благоволенія засіяла на ея тонкихъ губахъ и она только махнула рукой.

— Нашла съ кѣмъ говорить! Развѣ вы можете понять меня? Но, конечно, и я могу не понимать васъ, господа. Дайте же совѣтъ—что мнѣ дѣлать съ Лизетою?

— Выпустите ее изъ тюрьмы или изъ осинаго гнѣзда, какъ она выражается, это прежде всего!

— А потомъ?

— А потомъ—будьте послѣдовательны.

— То есть?

— То есть, если вы хотите, чтобы васъ любили дѣти, уважайте и любите ихъ сами.

— Чтобы я уважала свою дочь! Дѣвчонку!

— Мы получаемъ то, что даемъ,—продолжалъ я, впадая въ наставительный тонъ.—Скорѣе мы должны терпѣть, чѣмъ заставлять терпѣть другихъ. Отчего же не попросить прощенья у Лизеты Елизаровны, хотя бы вамъ?—сказалъ я, и когда я это говорилъ, глаза мои навѣрно были безстыдны—я самъ чувствовалъ, что они крайне не привлекательны.

Настасья Карповна на этотъ разъ даже не разсердилась.

— По всей вѣроятности, вы счастливый человѣкъ,—сказала она,—потому что серьезный разговоръ съ вами поддерживать нельзя, и вы настроены шутовски. Однако, я возьму Лизету, но только вы должны поручиться за нее.

— Я поручусь.

І. Ясинскій.

(*Продолженіе будетъ*).

Digitized by Google

НАШИ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ.

(18 января 1866 г.).

Въ мѣстностяхъ, гдѣ введено положеніе о земскихъ начальникахъ, на значкахъ должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго общественнаго управленія отмѣчены два числа: «12 іюля 1889 г.» (день утвержденія названнаго законоположенія) и—всѣмъ извѣстное, многознаменательное «19 февраля 1861 г.». Такое сопоставленіе можетъ подавать поводъ къ предположенію, что сельское населеніе Россіи пережило одну и ту же исторію, съ одинаково знаменательными числами... Но русская крестьянская масса далеко не однообразна съ точки зрѣнія чиселъ, которыми обозначаются, для краткости, различные законодательные акты. Напротивъ, она дѣлится въ этомъ отношеніи на двѣ совершенно различныя половины. Дѣло въ томъ, что, благодаря начавшимся съ конца прошлаго столѣтія мѣропріятіямъ, преградившимъ нѣкоторые пути къ распространенію крѣпостной зависимости, въ особенности же благодаря прекращенію въ 1801 г. обычая жаловать населенныя имѣнія,—не все наше крестьянское населеніе было подчинено помѣщичьей власти. Такимъ образомъ, ко времени 19 февраля 1861 г. крѣпостное населеніе составляло лишь тридцать четыре процента общаго населенія и равнялось почти половинѣ всего числа сельскихъ обывателей страны [1]). Остальную половину составляли свободные сельскіе обыватели, главнымъ же образомъ—*государственные крестьяне.*

Что же, однако, означаетъ, и означаетъ ли что либо число «19 февраля 1861 г.» на значкахъ должностныхъ лицъ изъ среды всегда свободныхъ сельскихъ обывателей? Слѣдуетъ сказать, что 19 февраля 1861 г., дѣйствительно, имѣетъ значеніе и для этихъ послѣднихъ обывателей, хотя нѣсколько иное, особое. Но для того чтобы понять это, необходимо указаніе на другія числа, обозначающія различные законодательные акты. Главнымъ же образомъ, нужно для этого имѣть въ виду «*18 января 1866 г.*». Нелишне вспомнить съ этимъ числомъ и нѣкоторыя другія, сюда относящіяся. Къ тому же, *18 января 1896 г.* исполняется тридцать лѣтъ со дня реформы, имъ обозначаемой. Въ виду этого, сдѣлаемъ краткій обзоръ исторіи свободныхъ сельскихъ обывателей. Она у насъ весьма мало

---

[1]) *Троинцкій.* «Крѣпостное населеніе Россіи по даннымъ десятой народной переписи», 89 и 91 с.

Digitized by Google

принимается во вниманіе и очень часто совершенно забывается [1])... Между тѣмъ, здѣсь,—какъ всегда и вездѣ,—исторія поучительна: она объясняетъ настоящее и наставляетъ относительно будущаго.

I.

Несомнѣнно, что въ древности нѣкоторые крестьяне,—какъ оказавшіеся впослѣдствіи укрѣпленными въ частную зависимость, такъ и оставшіеся лично свободными,—имѣли свои собственныя земли. На это существуютъ многочисленныя указанія [2]). Право пріобрѣтенія земельной собственности обыкновенными способами ничѣмъ и и ни для кого не было тогда преграждено. Крестьяне могли имѣть къ этому и матеріальныя средства. Кромѣ того, при массѣ свободныхъ земель, могли получать въ то время широкое примѣненіе и первоначальные всѣмъ доступные способы пріобрѣтенія земельной собственности: заимка и овладѣніе. Но впослѣдствіи земли, никѣмъ незанятыя, и даже отчасти земли, занятыя уже крестьянами, какъ бы признаны были княжескою собственностью. Часть такихъ земель была раздана, затѣмъ, въ помѣстья служилымъ людямъ; часть составила дворцовыя имущества, предназначавшіяся для содержанія царскаго дворца, а остальная часть образовала собою тяглыя земли съ крестьянами, имъ крѣпкими. Крестьяне эти въ XVII столѣтіи стали называться «государевыми», а въ 1714 г. имъ придано было названіе «государственныхъ». При этомъ же, изъ ихъ состава были выдѣлены крестьяне дворцовые и до извѣстной степени сравнены съ помѣщичьими. Такимъ образомъ, въ этомъ году была проведена въ самомъ законодательствѣ раздѣльная черта между свободными и прочими сельскими обывателями [3]). Далѣе, въ 1724 г., къ государственнымъ крестьянамъ отнесены были: однодворцы, татары ясачные, пашенные сибирскіе крестьяне, прежнихъ службъ низшіе служилые люди и «другіе имъ подобные». Съ тѣхъ поръ, въ разрядъ государственныхъ крестьянъ стали входить: крестьяне, освобождавшіеся отъ владѣльческой зависимости (напр., свободные хлѣбопашцы); крестьяне, отбиравшіеся отъ разныхъ установленій, въ родѣ церквей и монастырей (экономическіе), и лично

[1]) Для выясненія значенія закона и обычая въ исторіи крестьянскаго сословія, обзоръ этотъ послужитъ дополненіемъ къ статьѣ нашей: «Закрѣпощеніе и освобожденіе крестьянъ», напечатанной въ №№ 5 и 6 «Наблюдателя» за 1895 г.

[2]) Указанія этого рода дѣлаетъ, между прочимъ, Бѣляевъ («Крестьяне на Руси»). Далѣе, Сперанскій. съ своей стороны, высказалъ: «Свободные крестьяне, по силѣ добровольныхъ условій, не только могли съ одной земли переходить на другую, но могли и сами покупать земли и угодья на собственное имя и пользоваться ими также, какъ и прочіе владѣльцы». («Обозрѣніе измѣненій въ правѣ поземельной собственности»,—въ кн. 2 «Архива» Калачова 1859 г.).

[3]) Заблоцкій-Десятовскій—«Графъ Киселевъ и его время», томъ II; Калмыковъ—«Обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классовъ сельскихъ обывателей», въ кн. 3 «Архива» Калачова 1859 г.; Сводъ законовъ, изд. 1832, 1842 и 1857 гг.

Digitized by Google

свободные крестьяне постепенно присоединившихся къ Россіи областей (цараны, сельскіе обыватели Закавказья и пр.). Такимъ же образомъ, въ этомъ разрядѣ оказалась цѣлая масса лицъ сельскаго состоянія разныхъ «именованій», одно перечисленіе которыхъ въ IX томѣ Свода законовъ разныхъ изданій занимаетъ четыре страницы, образно и ярко доказывающія все разнообразіе и многочисленность оттѣнковъ въ исторіи русскаго крестьянскаго сословія.

Положеніе дворцовыхъ крестьянъ (раздѣленныхъ въ 1797 г. на крестьянъ удѣльныхъ имѣній, предназначавшихся для содержанія членовъ императорскаго дома, и на крестьянъ имѣній собственно дворцовыхъ и принадлежавшихъ, на правахъ личной собственности, государю)—всегда было лучше положенія крестьянъ помѣщичьихъ: они менѣе зависѣли отъ частнаго интереса. Когда же стала ослабляться самая крѣпостная зависимость, а нѣкоторыя гражданскія права, въ родѣ права пріобрѣтенія земельной собственности,—отнятыя въ XVIII вѣкѣ у всѣхъ свободныхъ сельскихъ обывателей,—съ конца того же вѣка и въ слѣдующемъ столѣтіи начали возвращаться крестьянамъ дворцовымъ вмѣстѣ съ государственными,—то первые до извѣстной степени вновь приблизились къ состоянію свободныхъ сельскихъ обывателей. По своду законовъ 1857 г., они именно и признавались свободными, въ прямую противоположность помѣщичьимъ, крѣпостнымъ, которымъ наиболѣе соотвѣтствовали въ XVIII вѣкѣ. Однако, управленіе дворцовыми крестьянами и въ текущемъ столѣтіи носило характеръ вотчинный, помѣщичій. Весьма немногія постановленія о нихъ входили въ общій сводъ законовъ. Составленный же въ этомъ столѣтіи «сводъ удѣльныхъ постановленій» не былъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе, какъ бы по отсутствію въ немъ общаго государственнаго интереса, и сдѣлался, нѣкоторымъ образомъ, секретомъ... Отсюда—характеристика положенія удѣльныхъ крестьянъ, какъ основаннаго въ значительной степени на *обычаѣ*. Общеобязательнымъ *закономъ* положеніе ихъ не было опредѣлено точно и ясно. Въ виду этого, за 19-мъ февраля 1861 г. неизбѣжно должно было послѣдовать преобразованіе положенія крестьянъ удѣльныхъ, дворцовыхъ и государевыхъ имѣній. Оно и состоялось именно 26 іюня 1863 г. (число, которое и должно было бы отмѣчаться на значкахъ должностныхъ лицъ изъ этой среды), но — не въ смыслѣ перевода ихъ въ положеніе государственныхъ крестьянъ, также не въ смыслѣ распространенія на нихъ устройства, существовавшаго между послѣдними, какъ слѣдовало ожидать, а въ смыслѣ примѣненія къ нимъ тѣхъ же, *несвободныхъ еще отъ обычая*, началъ, на которыхъ были устроены освобожденные крестьяне въ переходное время... А такъ какъ крестьяне удѣльные считались свободными сельскими обывателями, то въ новомъ узаконеніи не пришлось говорить объ отмѣнѣ, относительно ихъ, какой либо зависимости,—какъ было сказано относительно крѣпостныхъ крестьянъ 19 февраля 1861 г. На крестьянъ имѣній удѣльныхъ, государевыхъ и дворцовыхъ распространено было собственно общественное устройство освобожденныхъ крестьянъ, а также одинаковое съ послѣдними надѣленіе землею (но съ обязательнымъ выкупомъ съ самаго начала), и они были подчинены также дѣйствію мѣстныхъ сословно-дворянскихъ учреж-

Digitized by Google

деній по дѣламъ освобожденныхъ крестьянъ. Поэтому, между прочимъ, среди нихъ перестали существовать отдѣльныя селенія, какъ особыя сельскія общества съ правами юридическихъ лицъ, и образовались сложныя, состоящія изъ нѣсколькихъ селеній, сельскія общества, со всею неопредѣленностью и невыгодами обычно-правоваго положенія для составныхъ частей (отдѣльныхъ селеній), лишенныхъ естественной, необходимой самостоятельности. Что же касается до гражданскихъ правъ, то разсматриваемые крестьяне имѣли ихъ не менѣе, чѣмъ освобожденные крестьяне, и потому о нихъ и не упоминалось съ особою точностью въ законѣ 26 іюня 1863 г. Если же ст. 90 тома II свода удѣльныхъ постановленій ставила уплату оброка «первѣйшимъ» долгомъ удѣльнаго крестьянина и, стало быть,—выводитъ отсюда Заблоцкій-Десятовскій («Гр. Киселевъ», т. II, 176)—«исполненіе этого долга ставила выше всѣхъ обязанностей семейныхъ и гражданскихъ, и такимъ образомъ въ уплатѣ оброка видѣла предназначеніе всей жизни удѣльнаго крестьянина»,—то вѣдь и среди распространенныхъ на удѣльнаго крестьянина обязанностей крестьянина освобожденнаго, за двухсторонне-обязательнымъ надѣленіемъ послѣдняго помѣщичьею землею, трудно отыскать такую обязанность, которая стояла бы на первомъ планѣ и болѣе поглощала бы его, чѣмъ обязанность платить оброкъ помѣщику... Исполненіе удѣльнымъ крестьяниномъ «первѣйшаго» долга было обезпечено въ новомъ положеніи не менѣе, и прочія его семейныя и гражданскія обязанности (и права) не получили передъ этимъ долгомъ особыхъ преимуществъ... Весьма важнымъ новымъ явленіемъ въ жизни удѣльнаго крестьянина былъ тогда только переходъ его прямо на выкупъ, хотя и со столь же непредѣленными правами «собственности» на землю, какъ неопредѣленны были эти права «крестьянина-собственника» изъ числа бывшихъ крѣпостныхъ.

II.

Финансовое, служебное, вообще подчиненное значеніе—составляетъ, чуть не съ самаго начала нашей исторической жизни, преобладающую черту въ положеніи крестьянина,—черту, обусловливавшую собою возникновеніе цѣлаго ряда *обычаевъ*, подъ дѣйствіяхъ которыхъ онъ живетъ. Не говоря о входившихъ въ составъ государственныхъ крестьянъ различныхъ разрядахъ, самыя наименованія которыхъ проистекали отъ какихъ либо, возлагавшихся на нихъ, особыхъ повинностей (коннозаводскіе, заводскіе, засѣчные сторожа, солеломщики, солевозчики, ямщики и пр.), главнѣйшая масса собственно государственныхъ крестьянъ, номинально свободныхъ сельскихъ обывателей, вплоть до 1838 г., была свободною лишь въ томъ смыслѣ, что не была укрѣплена ни въ чью *частную* собственность. *Законъ* не опредѣлялъ ея положенія съ надлежащею твердостью и ясностью; *по обычаю же*, и она считалась принадлежащею государству на правахъ нѣкоторой *собственности*, подобно помѣщичьимъ крестьянамъ... Это были крестьяне «казенные», какъ ихъ называли иногда. Отсюда — прямая раздача государственныхъ крестьянъ частнымъ лицамъ, прекратившаяся только въ началѣ

Digitized by Google

нынѣшняго столѣтія; отсюда—состоявшееся въ текущемъ же вѣкѣ переименованіе значительнаго числа государственныхъ крестьянъ въ военные поселяне и перечисленіе около трехсотъ тысячъ—въ крестьяне удѣльные; отсюда же—взглядъ на нихъ, вообще, какъ на источникъ государственныхъ доходовъ.

Могло ли и быть иначе? Могло ли положеніе одной половины сельскаго населенія характеризоваться началомъ государственности, законности и равенства съ прочими гражданами — въ то время какъ положеніе другой половины отмѣчено было преобладающимъ вліяніемъ частнаго интереса, обычая, произвола? Между различными сторонами государственной жизни существуетъ извѣстное взаимодѣйствіе, и крѣпостная зависимость не могла не отражаться на положеніи не только свободной части собственно сельскаго населенія, но и на положеніи всѣхъ прочихъ гражданъ, не пользовавшихся особыми привилегіями.

Господство частнаго интереса обусловливается и поддерживается—отсутствіемъ точно и ясно опредѣленныхъ правъ и недостаткомъ надлежащей защиты ихъ. До окончательнаго обособленія отъ другихъ сословій, съ развитіемъ послѣднихъ, государственные крестьяне раздѣляли въ древности, вмѣстѣ съ прочими гражданами, общее положеніе неопредѣленности и беззащитности. Выгоды и невыгоды ихъ положенія были сравнительно общими. Относительно государственныхъ крестьянъ дѣйствовали—общій судъ, общее управленіе, общіе законы, общія правовыя начала. Обычай могъ развиваться среди нихъ въ такой же мѣрѣ, какъ и среди другихъ гражданъ. Но вслѣдствіе бо́льшаго обремененія государственныхъ крестьянъ налогами по основанію наилегче уловимому, какова земля, и отсюда вслѣдствіе бо́льшаго обѣдненія, равно по отдаленности ихъ отъ участія въ управленіи—тѣмъ легче могли быть попираемы различныя права ихъ, не выраженныя ясно въ законѣ и опиравшіяся на одни обычаи,—тѣмъ легче одни обычаи могли быть замѣняемы другими, противоположными по своему юридическому содержанію. Въ XVIII вѣкѣ, въ эпоху сословныхъ привилегій и гражданскаго неравенства, вмѣстѣ съ полнымъ обезличеніемъ помѣщичьихъ крестьянъ, можно наблюдать и значительное умаленіе личности крестьянъ государственныхъ, переходившее даже изъ обычая въ законъ,—уменьшеніе ихъ общихъ гражданскихъ правъ. Земледѣльцы по своему быту, они были лишены даже права пріобрѣтать орудіе своего главнѣйшаго, исключительного труда—землю...

Очень естественно, поэтому, что вмѣстѣ съ первыми предположеніями объ облегченіи участи крѣпостныхъ крестьянъ должны были явиться предположенія и объ упроченіи *закономъ* положенія крестьянъ государственныхъ. Со второй половины XVIII столѣтія, и дѣлаются нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи. Въ 1760 г. узаконяется положительно выборъ старостъ самими крестьянами; въ 1761 г. утверждается въ законѣ *мірской сходъ* съ нѣкоторыми правами по разрѣшенію собственныхъ дѣлъ; учрежденіе о губерніяхъ 1775 г. вводитъ представителей отъ государственныхъ крестьянъ, подъ именемъ «засѣдателей», въ составъ цѣлаго ряда мѣстныхъ установленій; въ 1779 г. издается постановленіе о томъ, что государственные крестьяне не могутъ быть наказываемы иначе, какъ

Digitized by Google

по суду. Далѣе, въ 1787 г. учреждается сельское управленіе въ казенныхъ имѣніяхъ екатеринославскаго намѣстничества; въ 1790 г. установляется раздѣленіе государственныхъ крестьянъ на волости въ ярославской и вологодской губерніяхъ; въ 1797 г. создается уже повсемѣстное распредѣленіе казенныхъ имѣній по волостямъ и извѣстное внутреннее управленіе ими. За этимъ слѣдуютъ законы 1805, 1811, 1812 и 1817 гг.—о сельскомъ общественномъ управленіи, о разбирательствѣ мірскими сходами дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ государственныхъ крестьянъ и о наложеніи на виновныхъ извѣстныхъ взысканій и пр. При всемъ томъ, Екатерина II и Александръ I имѣли въ виду упрочить положеніе государственныхъ крестьянъ *особыми грамотами*, подобно тому какъ дарованы были грамоты дворянству, городскому сословію и пр. (*Заблоцкій*—т. II, 31—33).

Всѣ состоявшіяся, такимъ образомъ, постановленія о государственныхъ крестьянахъ представлялись, однако, неполными, разрозненными. Общая юридическая идея не соединяла ихъ. Они оставляли еще весьма много мѣста произволу, обычаю. Служебное, финансовое значеніе государственныхъ крестьянъ выступало еще также весьма ярко. Среди изданныхъ постановленій были проникнутыя исключительно фискальнымъ духомъ. Таково было, напримѣръ, постановленіе отъ 1769 г., установлявшее для государственныхъ крестьянъ круговую поруку въ платежахъ.—причемъ воспроизводился обычай, существовавшій во всей силѣ среди помѣщичьихъ крестьянъ. При круговой же порукѣ, недоимки взыскивались съ безпощадною строгостью Между тѣмъ, земельное устройство государственныхъ крестьянъ было крайне неудовлетворительно. До шестисотъ тысячъ государственныхъ крестьянъ вовсе не имѣли земли; между остальною же массою земля распредѣлялась такъ неравномѣрно, что у однихъ было по двадцати и болѣе десятинъ на душу, а у другихъ едва было и по полудесятинѣ. Платежи не находились, при этомъ, въ какомъ либо соотвѣтствіи съ доходами отъ земли или промыслами крестьянъ,—они лежали прямо на «душахъ».

Не только иные, но и чисто финансовые результаты такого порядка вещей—не могли быть удовлетворительными. Но, вмѣсто систематическаго улучшенія положенія государственныхъ крестьянъ, въ 1826 г. былъ сдѣланъ опытъ распространить порядокъ управленія удѣльными имѣніями — на казенныя селенія петербургской и псковской губерній. При этомъ имѣлись въ виду преимущественно фискальныя цѣли, которыя отчасти и достигались. Вслѣдствіе же этого, черезъ нѣсколько лѣтъ, явилось предположеніе о распространеніи указываемаго опыта еще на десять губерній... Къ счастію, въ 1836 г. на дѣло устройства государственныхъ крестьянъ было обращено особое вниманіе императора Николая I, и оно было возложено на одного изъ просвѣщеннѣйшихъ государственныхъ дѣятелей—на П. Д. Киселева, впослѣдствіи графа.

Плодомъ трудовъ Киселева, основанныхъ какъ на глубокомъ теоретическомъ изученіи предмета, такъ равно на мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ особо командированными лицами, и на личномъ подробномъ изслѣдованіи въ нѣсколькихъ губерніяхъ (по двѣ волости),—явился въ 1838—1839 гг. замѣчательный памятникъ крестьянскаго

Digitized by Google

законодательства, рѣдкій, по своей ясности, стройности и согласованности многочисленныхъ его частей: учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ, губернскаго, окружнаго, волостнаго и сельскаго управленій, и рядъ различныхъ уставовъ, имѣвшихъ въ виду благоустройство крестьянъ и охраненіе ихъ юридическихъ интересовъ. Врагъ всякаго произвола, человѣкъ, одушевленный благороднѣйшими стремленіями, государственный дѣятель, убѣжденный въ томъ, что «*законность*, — какъ онъ выразился въ одномъ изъ своихъ писемъ,—есть *единое* прочное основаніе всякаго порядка и благосостоянія» (Заблоцкій—т. II, 125), и глубоко сознавшій особую необходимость оградить закономъ права именно крестьянской массы, столь попиравшіяся существовавшими обычаями,—Киселевъ провелъ со строжайшей послѣдовательностью *идею законности* чрезъ всѣ свои предположенія.

Государственные крестьяне поступали изъ министерства финансовъ въ вѣдѣніе особаго министерства государственныхъ имуществъ, какъ центральнаго установленія. На мѣстахъ образовались палаты государственныхъ имуществъ (въ губерніяхъ) и окружныя управленія (въ уѣздахъ). Рядомъ съ нимъ получало широкое развитіе и твердую постановку крестьянское самоуправленіе, волостное и сельское [1]). Помимо точнаго и яснаго опредѣленія правъ и обязанностей между различными установленіями и указанія порядка ихъ дѣйствій,—для каждаго учрежденія и лица составлены были особые наказы, утвержденные законодательнымъ путемъ. Министръ, какъ и сельскій писарь, поставлены были въ строгіе предѣлы точнаго и яснаго закона. Государственнымъ крестьянамъ даны были широкія права — общія и особенныя. Права эти были вмѣстѣ съ тѣмъ ограждены закономъ отъ нарушенія, поскольку это было возможно при существованіи въ странѣ крѣпостной зависимости и всесильнаго помѣщичьяго вліянія. Не только упрочено было юридическое положеніе государственныхъ крестьянъ, но устроено было и экономическое ихъ положеніе. Въ губерніяхъ многоземельныхъ они были надѣлены пятнадцатью десятинами на каждую ревизскую душу мужескаго пола, а въ малоземельныхъ — восьмью. Всѣ прочія казенныя земли считались запаснымъ фондомъ для тѣхъ же государственныхъ крестьянъ. Свободные участки и оброчныя статьи сдавались имъ же, безъ торговъ, за умѣренную плату. На случай же недостатка земли въ данной мѣстности, организованы были переселенія въ многоземельныя мѣстности съ цѣлымъ рядомъ льготъ и пособій для переселяющихся. При этомъ земли были, большею частью, точно обмежеваны и оцѣнены, подати же—переложены съ душъ на землю и соразмѣрены съ ея цѣнностью и доходностью. Правильному веденію хозяйства оказывалось должное содѣйствіе. Государственные крестьяне перестали служить узкимъ и кратковременнымъ финансовымъ цѣлямъ—ежегоднаго выбиранія съ нихъ возможно бо́льшихъ окладовъ. Достиженіе финансовыхъ цѣлей предполагалось правильно, какъ слѣдствіе развитія среди крестьянъ просвѣщенія, благосостоянія,

[1]) По вѣрному замѣчанію Заблоцкаго-Десятовскаго («Гр. Киселевъ»,—т. II, 72),—заслуга Киселева по отношенію къ крестьянскому самоуправленію заключалась «въ устройствѣ общины на юридическихъ основаніяхъ».

Digitized by Google

и юридической обезпеченности [1]). При такихъ же условіяхъ, общее положеніе государственныхъ крестьянъ въ короткое время сдѣлалось настолько удовлетворительнымъ, что результатомъ извѣстныхъ домогательствъ явилось дозволеніе вступать въ составъ государственныхъ крестьянъ дѣтямъ личныхъ дворянъ, имѣвшимъ право на потомственное почетное гражданство, и лицамъ, получившимъ по своему чину личное почетное гражданство (ст. 619 тома IX Свода законовъ, изд. 1857 г.). Слѣдовательно, тогда могла существовать не только *всесословная волость*, о которой теперь являются только нерѣшительныя предположенія, но даже *всесословное сельское общество*, о которомъ нынѣ не возникаетъ и представленій...

III.

Казалось бы, что, при указанномъ устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ и при упроченіи его во время восемнадцатилѣтняго управленія Киселева министерствомъ государственныхъ имуществъ,—крестьяне помѣщичьи, если не при самомъ освобожденіи и вступленіи въ состояніе временнообязанныхъ, то при переходѣ на выкупъ, должны бы быть прямо переведены въ составъ государственныхъ крестьянъ, съ распространеніемъ на нихъ всѣхъ учрежденій и правъ послѣднихъ. Легче всего было подчинить такимъ образомъ крѣпостныхъ крестьянъ дѣйствію *закона*, вмѣсто *обычая* и *произвола*, до сихъ поръ ихъ угнетавшаго. Не инымъ путемъ могли быть и ограждены права новаго разряда свободныхъ сельскихъ обывателей. Подобная мѣра естественнѣйшимъ образомъ представлялась даже тогда, когда не было еще устроено положеніе самихъ государственныхъ крестьянъ. Въ законодательной комиссіи 1767 г., созванной Екатериною II, такую мѣру предлагалъ относительно помѣщичьихъ крестьянъ депутатъ Масловъ (*Сергѣевичъ* — «Лекціи и изслѣдованія», 649 с.). Въ 1827 г. Сперанскій доказывалъ, что «первою мѣрою» преобразованія крѣпостной зависимости должно быть устройство государственныхъ крестьянъ, — съ тѣмъ чтобы перевести въ него помѣщичьихъ («Архивъ» Калачова, кн. 3 за 1859 г.). Значеніе такой «первой мѣры» и придано было, дѣйствительно, устройству государственныхъ крестьянъ по проэктамъ Киселева. Утрачивая надежду ввести возможно больше существенныхъ улучшеній въ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ,—вслѣдствіе крайняго противодѣйствія, встрѣченнаго со стороны дворянства,—императоръ Николай именно выдѣлилъ изъ общаго вопроса о крестьянахъ дѣло объ устройствѣ крестьянъ государственныхъ, какъ дѣло, относительно котораго «нельзя было ожидать многосторонней и упорной оппозиціи» (Заблоцкій,—т. II, 11, 138). «Мало по малу,—говорилъ онъ Киселеву, собираясь вести «*войну противъ рабства*»,—кругъ нашего дѣйствія расширится»... Словомъ, мысль о переводѣ

[1]) Школьное дѣло получило, между прочимъ, весьма прочную организацію среди государственныхъ крестьянъ. Въ послѣдній (1856) годъ управленія министерствомъ гр. Киселевъ насчитывалъ уже въ своемъ вѣдомствѣ 2,434 училища (Заблоцкій—т. II, 194). Были особыя профессіональныя школы писарей.

Digitized by Google

въ составъ государственныхъ крестьянъ всѣхъ прочихъ полусвободныхъ и закрѣпощенныхъ сельскихъ обывателей была естественною, необходимою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень старою.

Устройство государственныхъ крестьянъ, и по своей конечной цѣли, ни для кого не составлявшей тайны, и по непосредственному своему значенію, было борьбою съ частными интересами. Какъ справедливо указывалъ, между прочимъ, Киселевъ—«интересы помѣщиковъ были тѣсно связаны съ *неустройствомъ* по управленію государственными имуществами; земли и лѣса, мало охраняемые, составляли какъ бы часть ихъ достоянія, а неуравнительность натуральныхъ повинностей между казенными и владѣльческими крестьянами сдѣлалась обычною и едва ли не почиталась правомъ, котораго при устройствѣ новаго управленія они должны лишиться». Самое существованіе *свободныхъ* сельскихъ обывателей было ненавистно помѣщикамъ, напоминая о *несвободныхъ* крестьянахъ, находившихся въ зависимости отъ нихъ. Лучшее устройство этого разряда крестьянъ тѣмъ сильнѣе кололо глаза помѣщичьей власти. Власть же эта и соединенные съ нею частные интересы были еще столь сильны и вліятельны, что въ то самое время, когда осуществлялась киселевская реформа,—именно въ сороковыхъ годахъ,—могли возникнуть предположенія о раздачѣ казенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ кореннымъ русскимъ дворянамъ, въ видѣ майоратовъ, и о «нивелировкѣ» всѣхъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, путемъ учрежденія—изъ казенныхъ земель съ государственными крестьянами—особаго рода феодальныхъ имѣній для высшаго дворянства, въ видахъ упроченія аристократическаго элемента (*Заблоцкій*, — т. II, 138 и 146 с.). Предположенія эти настолько усилились, что породили даже волненія среди государственныхъ крестьянъ (*Романовичъ-Славатинскій*—«Дворянство въ Россіи», 524). Киселевъ, съ его вліяніемъ и при довѣріи, которымъ онъ пользовался у государя, составлялъ неопреодолимую преграду, стоявшую на дорогѣ для всѣхъ подобныхъ стремленій и частныхъ интересовъ. Онъ въ свое время мужественно возражалъ самому императору Николаю — и «былъ отъ буйнаго стрѣльца предъ нимъ отличенъ Долгорукій». Голосъ Киселева былъ единственнымъ—противъ перевода государственныхъ крестьянъ въ составъ удѣльныхъ и въ положеніе военныхъ поселянъ, причемъ онъ выставлялъ то начало, что нужно безправнымъ давать права, а не наоборотъ. Киселевъ былъ вообще однимъ изъ самыхъ горячихъ, непреклонныхъ и послѣдовательныхъ *дѣятелей освобожденія крестьянъ*: онъ подавалъ записку по этому предмету еще императору Александру I въ 1816 г.; содѣйствовалъ освобожденію и устройству быта несвободнаго сельскаго населенія въ княжествахъ Молдавіи и Валахіи во время управленія ими въ 1829—1834 гг.; принималъ живое участіе во всѣхъ, безъ исключенія, частныхъ освободительныхъ мѣропріятіяхъ, принимавшихся при императорѣ Николаѣ; былъ, между прочимъ, составителемъ проэкта закона 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, причинившаго огромную тревогу въ помѣщичьей средѣ, такъ какъ, по первоначальнымъ его предположеніямъ, имѣлось въ виду: отпускъ крестьянъ на волю въ порядкѣ, установленномъ закономъ, сдѣлать обязательнымъ для помѣщиковъ, а не предоставлять это исключи-

Digitized by Google

тельно на ихъ добрую волю (въ какомъ смыслѣ и былъ, въ концѣ концовъ, измѣненъ проэктъ, вслѣдствіе встрѣченнаго противодѣйствія). И — теперь, когда явились упомянутыя стремленія къ «нивелировкѣ», Киселевъ сталъ принимать мѣры противъ ихъ осуществленія. Такою мѣрою могло служить, по его мнѣнію, *подтвержденіе* въ какой либо формѣ правъ государственныхъ крестьянъ. Въ этихъ видахъ, всѣ узаконенія о послѣднихъ, входившія въ Сводъ законовъ, были изданы въ особомъ обширномъ трехтомномъ «Сборникѣ», который предполагалось преподать въ руководство при особомъ высочайшемъ указѣ. «Замыслы ниспровергнуть настоящее положеніе государственныхъ крестьянъ — думалъ онъ — будутъ, при торжественномъ его признаніи, невозможны или, по крайней мѣрѣ, затруднительны»... (*Заблоцкій*—т. II, 146—147).

Очень естественно, что, при такихъ условіяхъ, и устройство государственныхъ крестьянъ, и самъ Киселевъ—сдѣлались предметомъ непримиримой ненависти для крѣпостническихъ силъ. Никакая ложь, клевета и козни не считались здѣсь непозволительными. Всѣ усилія направлялись на то, чтобы устранить Киселева отъ крестьянскихъ дѣлъ и погубить его учрежденія...

Въ 1856 г., въ началѣ царствованія императора Александра II, серьезное положеніе политическихъ дѣлъ потребовало назначенія посломъ въ Парижъ такого лица, какимъ былъ Киселевъ. Съ болью въ сердцѣ, онъ принялъ это назначеніе, подчинившись необходимости разстаться съ любимымъ дѣломъ, которое далеко не считалъ еще оконченнымъ. Преемникомъ ему, по его собственному избранію, назначенъ былъ В. А. Шереметевъ. Но послѣдній скоро умеръ. Тогда же враги Киселева добились назначенія министромъ государственныхъ имуществъ главнаго порицателя его дѣйствій, М. Н. Муравьева, и — стройное зданіе учрежденій 1838 — 1839 гг. начало тотчасъ же разрушаться... Не удивительно, что и въ послѣдовавшихъ затѣмъ предположеніяхъ объ освобожденіи и устройствѣ крѣпостныхъ крестьянъ, вырабатывавшихся при существенномъ участіи помѣщиковъ, не могло быть и рѣчи о распространеніи на этихъ крестьянъ постановленій о крестьянахъ государственныхъ. Губернскіе дворянскіе комитеты и представители отъ нихъ въ редакціонныхъ комисіяхъ по составленію положеній 19 февраля 1861 г., — далекіе отъ подобныхъ предположеній и, напротивъ того, опасаясь заимствованій, — дѣлали рѣзкія нападки на киселевскіе уставы и учрежденія. Непримиримое отношеніе къ послѣднимъ и не скрывалось. Притомъ же, на первое время, для освобожденія крестьянъ приходилось почти неизбѣжно создавать особое переходное состояніе, со значительнымъ ограниченіемъ ихъ правъ въ виду не прекращавшихся отношеній къ помѣщикамъ по землѣ, поступавшей въ пользованіе, а не въ собственность крестьянъ, за непринятіемъ съ самаго начала обязательнаго выкупа угодій. Весьма настойчиво предлагалось также возложеніе на помѣщиковъ широкихъ правъ «вотчинной полиціи» и пр. Передача освобожденныхъ крестьянъ прямо въ вѣдѣніе министерства государственныхъ имуществъ не согласовалось съ этими соображеніями. Матеріальные и нравственные интересы помѣщиковъ были бы слишкомъ нарушены, и ихъ раздраженіе было бы слишкомъ велико. Прямой, непосредственный

Digitized by Google

переходъ отъ крѣпостной зависимости къ тому твердому и вполнѣ обезпеченному положенію, которымъ пользовались крестьяне государственные,—былъ бы слишкомъ рѣзокъ, создавалъ бы слишкомъ крутой поворотъ. Не болѣе легкимъ оказалось распространеніе киселевскихъ учрежденій и въ послѣдующее время. Вскорѣ за 19 февраля 1861 г. наступила *реакція* въ крестьянскомъ дѣлѣ. Для самихъ государственныхъ крестьянъ, еще ранѣе того колебавшіяся, упомянутыя учрежденія заколебались еще сильнѣе... И вотъ, не далѣе какъ *18 января 1866 г.* послѣдовала реформа, *исключительная* по своему значенію въ лѣтописяхъ крестьянскаго дѣла... Произошла, хотя и въ иномъ видѣ, та «нивелировка», которая угрожала государственнымъ крестьянамъ въ сороковыхъ годахъ. Они сами были изъяты изъ вѣдѣнія министерства государственныхъ имуществъ и подчинены сословно-дворянскимъ учрежденіямъ, образованнымъ для завѣдыванія дѣлами освобожденныхъ крестьянъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, на нихъ было распространено общественное устройство, созданное для послѣднихъ, со всѣми условіями переходнаго времени. Государственные крестьяне вступили мѣстами въ составъ находившихся подъ вотчинно-полицейскою властью помѣщика волостей и сельскихъ обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ. Руководствомъ во многихъ отношеніяхъ стали служить для нихъ законы, въ которыхъ постоянно упоминалось о крѣпостныхъ крестьянахъ, помѣщикахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Никакой особой обработкѣ законы эти не были даже подвергнуты. Доселѣ вполнѣ опредѣленное и прочное, юридическое положеніе государственныхъ крестьянъ — измѣнилось разомъ... Реформа сопровождалась необходимымъ поясненіемъ, что и съ нею — «сохраняются государственнымъ крестьянамъ всѣ права, коими они доселѣ пользовались»... Но—это были слова, не оправдывавшіяся существомъ преобразованія. Содержаніе ихъ и въ частныхъ случаяхъ могло затемняться. Законовъ, на которыхъ основывались эти права,—не стало. Законы эти стали почитаться отмѣненными, и не столько въ законодательномъ, сколько въ кодификаціонномъ порядкѣ, дѣйствительно, были потомъ показаны отмѣненными въ изданіяхъ и продолженіяхъ Свода законовъ. Прямо вопреки приведенному поясненію, закономъ 31 марта 1867 г. отмѣнено было и существеннѣйшее право государственныхъ крестьянъ на увеличеніе земельныхъ надѣловъ съ возрастаніемъ населенія. «Послѣ выдачи владѣнныхъ записей—постановлялось въ этомъ законѣ—ни размноженіе въ какомъ либо обществѣ народонаселенія, ни другія обстоятельства *не могутъ дать сельскому обществу права домогаться впослѣдствіи увеличенія надѣла,* предоставленнаго оному во владѣніе»... Государственные крестьне ставились къ казеннымъ землямъ въ такое же точно положеніе, въ какомъ стояли освобожденные крестьяне къ помѣщичьимъ землямъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ, переселенія на казенныя земли,—которыя Киселевъ предполагалъ усиливать, въ видахъ лучшаго устройства государственныхъ крестьянъ, — прекратились надолго, возабновившись, силою крайней необходимости, лишь въ 1889 г., но уже на другихъ началахъ, въ другомъ порядкѣ, съ соблюденіемъ иныхъ правилъ, весьма мало напоминавшихъ прежнія. Государственные крестьяне сдѣлались «крестьянами-собственниками», но какъ права ихъ на землю, такъ

Digitized by Google

и многія другія стороны ихъ положенія,—остались неопредѣленными, неясными [1]) ...

За преобразованіемъ положенія государственныхъ крестьянъ вскорѣ послѣдовало преобразованіе, на такихъ же точно «нивелирующихъ» началахъ, положенія поселянъ бессарабской области, колонистовъ и пр. Всѣ сельскіе обыватели слились въ однообразную массу «крестьянъ-собственниковъ», съ правами, основанными въ значительной степени на законахъ, созданныхъ для бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, безъ всякой ихъ переработки, безъ всякаго приспособленія къ совершенно различнымъ экономическимъ, юридическимъ и этнографическимъ особенностямъ. Всѣ разнообразные оттѣнки исторіи русскаго крестьянскаго сословія стерты разомъ, — хотя, конечно, никогда не исчезнутъ на дѣлѣ. Чтобы выяснить отношенія къ законодательству 19 февраля 1861 г. всѣхъ другихъ разрядовъ сельскихъ обывателей, — кромѣ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ,—и нужно, такимъ образомъ, указаніе на числа: 26 іюня 1863 г.; 18 января 1866 г.; 14 іюля 1868 г.; 4 іюня 1871 г.. и пр., и пр.

IV.

Каковы именно свойства самыхъ законоположеній 19-го февраля 1861 г., получившихъ столь широкое общее значеніе? Кажется. они достаточно извѣстны. Мы не одинъ разъ подвергали ихъ точному изслѣдованію на страницахъ «Наблюдателя». Могли ли быть удовлетворительны эти законоположенія? Безъ сомнѣнія, нѣтъ,— такъ какъ составлялись они для переходнаго состоянія, въ которомъ сохранялись еще различныя черты состоянія, пережитаго крѣпостными крестьянами. 19-ое февраля 1861 г. славно разрѣшеніемъ важнѣйшей задачи, какъ день принятія болѣе или менѣе *общей* освободительной мѣры, въ отличіе отъ многочисленныхъ *частныхъ* мѣръ, дотолѣ принимавшихся. Второстепенная задача устройства быта освобожденныхъ крестьянъ, безъ перевода ихъ прямо въ положеніе государственныхъ, не могла быть осуществлена разомъ тогда же. Въ этомъ отношеніи, было сдѣлано много *относительно*-хорошаго сравнительно съ тѣмъ, что было при существованіи крѣпостной зависимости, но весьма мало *безотносительно*, или сравнительно съ тѣмъ, что имѣлось для государственныхъ крестьянъ. Законоположенія 19-го февраля необходимо подлежали дальнѣйшему правильному развитію, и въ непродолжительномъ времени.

[1]) Нельзя не указать, кстати, какъ неблагодарна память русскаго образованнаго общества по отношенію къ П. Д. Киселеву,—*этому* энергичному поборнику идеи законности и *первому* дѣятелю освобожденія. Умершіе враги его могли бы порадоваться, — могутъ порадоваться и оставшіеся въ живыхъ: его учрежденія не поняты, не оцѣнены до сихъ поръ; самъ онъ почти забытъ, и ему не оказалось, напримѣръ, мѣста въ біографической библіотекѣ г. Павленкова!.. Нимало не сомнѣваемся, однако, что забвеніе это будетъ непродолжительно, и что созданные по его проэктамъ уставы и учрежденія будутъ возстановлены въ первое же время, когда возникнутъ *серьезныя* предположенія о *систематическомъ* и *общемъ* упроченіи юридическаго и экономическаго быта сельскихъ обывателей.

Digitized by Google

Но этого развитія они не получили до сихъ поръ. Юридическое и экономическое положеніе всей, одинаково поставленной нынѣ, массы крестьянскаго сословія—все еще представляется шаткимъ. Оно настоятельнѣе и настоятельнѣе требуетъ вниманія къ себѣ. Не сознана еще вполнѣ необходимость *общаго* упроченія и улучшенія крестьянскаго быта. Дѣлаются лишь предположенія о различныхъ *частныхъ* измѣненіяхъ. Въ разныхъ губерніяхъ работали и работаютъ, въ текущемъ году, надъ этими вопросами мѣстныя комисіи; въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ образовывается особая центральная комисія. Скоро должны составляться окончательные проэкты новыхъ законоположеній. Весьма важно въ такомъ случаѣ направленіе, которое будетъ избрано для этихъ преобразованій, хотя и частныхъ, но несомнѣнно, силою вещей, могущихъ перейти въ общее, систематическое преобразованіе. Какая идея должна бы ихъ проникать? Что желательно, какъ основаніе для реорганизаціи различныхъ сторонъ положенія крестьянъ,—*обычай* ли, характеризовавшій положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, или *законъ*, утверждавшій права и обязанности крестьянъ государственныхъ? Едва ли могутъ быть какія либо сомнѣнія по этому предмету. Законъ сказался уже однажды въ замѣчательномъ, до сихъ поръ неизгладившемся, устройствѣ быта государственныхъ крестьянъ; съ нимъ соединяли всегда свои желанія объ устройствѣ и освобожденіи крестьяне помѣщичьи и всѣ истинные поборники ихъ интересовъ. Вмѣстѣ съ прочими гражданами, крестьянство должно желать, и желаетъ упроченія не обычая, а закона со всѣми его гарантіями. Государственная власть, поставленная на стражѣ общихъ интересовъ, не можетъ стоять на иной точкѣ зрѣнія, и—можно имѣть увѣренность, что именно идея *законности*, установляемая въ нашихъ «основныхъ законахъ», будетъ проникать предполагаемыя преобразованія въ положеніи крестьянъ. Новѣйшая реформа 12-го іюля 1889 г. дала, кстати, своими *отрицательными* сторонами, возможность правильно сознать общіе важнѣйшіе недостатки нынѣшняго положенія крестьянъ и средства къ ихъ уврачеванію. По первоначальнымъ предположеніямъ, земскіе начальники должны были въ весьма значительной степени освободиться отъ руководства закономъ и получить болѣе широкое право развивать «обычные» порядки въ сельской средѣ; право наказанія крестьянъ «безъ всякаго формальнаго производства» доводилось, по этимъ предположеніямъ, до примѣненія розогъ; даже и судебную дѣятельность земскихъ начальниковъ не имѣлось въ виду обставить достаточно подробными правилами закона. Предположенія эти, къ счастію, не осуществились вполнѣ. Но всѣ согласны, кажется, въ томъ, что обычай и въ той степени, въ какой онъ допущенъ неясностью, неопредѣленностью и краткостью законоположеній 12-го іюля и 29-го декабря 1889 г.,—не можетъ служить руководящимъ началомъ и въ сельской средѣ. Идея законности, подвергшаяся нарушенію, получила весьма яркое, единодушное признаніе, и—отступленіе отъ нея можно уже считать невозможнымъ...

Н. Дружининъ.

Digitized by Google

ПРОМЕТЕЕВО ПОТОМСТВО.

Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней независимости Абхазіи.

Часть первая.

XI.

Что же дѣлала въ это время Эсма-ханумъ, изъ-за которой пролито было столько крови?

Въ своей невинности она ничего этого не знала и не подозрѣвала. Она оставалась въ осажденной крѣпости. Смутно тянулись дни за днями, не принося никакого утѣшенія. Каждый день съ утра до ночи она слышала только грохотъ пушекъ за стѣнами крѣпости и такіе же отвѣты на этотъ грохотъ съ крѣпостныхъ стѣнъ. Лицо ея отца съ каждымъ днемъ становилось все сумрачнѣе и сумрачнѣе. Каждый день въ крѣпости хоронили кого нибудь изъ ея защитниковъ, а иной день по десяти и болѣе труповъ и раненыхъ сносили со стѣнъ укрѣпленій, и ряды защитниковъ ея роднаго города убывали съ каждымъ днемъ. Лѣто давно миновало, и наступила осень съ ея дождями и туманами. Прежде дѣвушка любила кататься по морю на разукрашенномъ и расцвѣченномъ катерѣ ея отца, или скакать верхомъ по живописнымъ окрестностямъ Поти; а теперь и это все кончено:—всѣ они заперты въ стѣнахъ крѣпости, какъ въ тюрьмѣ. Прежде она была бы счастлива присутствіемъ своей пріятельницы, Дады; но теперь, послѣ ихъ разговора на берегу моря, теперь... Дада была колючимъ терніемъ въ ея сердцѣ.

Въ душѣ ея, однако, глубоко таилось одно утѣшеніе—это присутствіе въ крѣпости Арсланъ-бея. Чѣмъ больше она думала о немъ, чѣмъ чаще встрѣчалась съ нимъ, тѣмъ болѣе заполонялъ ея юную душу образъ этого молодаго героя Абхазіи, который, послѣ восторженныхъ разсказовъ о немъ ничего не подозрѣвавшей Дады, выросталъ въ душѣ ея до чего-то недосягаемаго. Быть близко къ этому недосягаемому божеству, заслужить его вниманіе, а потомъ... потомъ... Да отъ одной мысли объ этомъ у хорошенькой тур-

Digitized by Google

чанки голова кружилась, сердце замирало въ мучительно-сладостной истомѣ...

Отъ зоркой и опытной Дады—она была старше своей пріятельницы лѣтъ на пять—не могло скрыться это новое душевное настроеніе юной дочери Кучукъ-бея. Она видѣла происшедшую въ ней перемѣну; но сначала ничѣмъ не могла объяснить ее.—«Старше становится—перестала быть дѣвочкой»,—думалось ей:—«она сама еще не знаетъ, что въ ней проснулась женщина... Только поздно какъ-то... Ей ужь четырнадцать лѣтъ, а я въ десять лѣтъ была женщиной... Помню ту нашу пещеру... помню, какъ я по ночамъ ждала его тамъ... помню даже прикосновеніе его рукъ... я вся дрожала... Это было въ полнолуніе... «Тебѣ, Дада, сегодня ужь десять лѣтъ»,—сказалъ онъ, и взялъ мою руку... Тутъ я въ первый разъ почувствовала что-то такое, чего прежде не чувствовала, когда онъ даже цѣловалъ меня... а тутъ только руку взялъ... Душа Эсма-ханумъ проситъ того же, но сама она не знаетъ этого»...

Нѣтъ, Эсма-ханумъ теперь узнала это. Прежде, когда она знала Арсланъ-бея только по слухамъ, она просто восторгалась имъ, какъ восторгалась героемъ Автандиломъ въ «Барсовой шкурѣ». У нея и тогда сердце жаждало чего-то. Но теперь она поняла источникъ и предметъ этой жажды. Теперь каждый взглядъ, брошенный на нее Арсланъ-беемъ, зажигалъ кровь во всемъ ея тѣлѣ. Теперь она понимала эти взгляды, и трепетала не то отъ страха, не то отъ счастья... Да, отъ счастья, только отъ счастья. Ей страшно было, что вотъ онъ подойдетъ къ ней, возьметъ ее и унесетъ... Страшно, а въ то же время какъ хотѣлось этого!

И это скоро случилось. Однажды, наблюдая за стрѣльбой орудія по русской батареѣ, Арсланъ-бей былъ раненъ осколкомъ камня, отбитымъ отъ крѣпостной стѣны мѣднымъ ядромъ «тещи». Ударъ былъ хотя и не смертельный, но настолько сильный, что Арсланъ-бей потерялъ сознаніе. Его тотчасъ же перенесли въ домъ Кучукъ-бея и уложили въ постель. Дада, при видѣ его, хотя и поблѣднѣла и зашаталась, готовая упасть въ обморокъ, но тотчасъ же мужественно побѣдила свою слабость и стала ухаживать за раненымъ. Зато Эсма-ханумъ, увидѣвъ, что несутъ Арсланъ-бея, страшно вскрикнула и потеряла сознаніе, хотя вскорѣ и приведена была въ чувство. Дада всю ночь потомъ не отходила отъ постели своего раненаго молочнаго брата, а къ утру ее смѣнила Эсма-ханумъ. Арсланъ-бей спалъ, когда дѣвушка усѣлась около его постели съ приготовленнымъ ея старою рабынею-лѣкаркой успокоительнымъ и ободряющимъ питьемъ. Долго, съ глубокой нѣжностью, смотрѣла она на спящее, нѣсколько поблѣднѣвшее отъ потери крови, лицо моло-

Digitized by Google

даго абхазца. На этомъ энергическомъ лицѣ теперь разлита была какая-то мягкость, что-то въ родѣ тихой задумчивости. Глядя на него, Эсма-ханумъ не хотѣла вѣрить, чтобы этотъ безконечно дорогой ей человѣкъ убилъ своего отца и братьевъ... «Нѣтъ,—ихъ убилъ Бежанъ Шервашидзе»... При этомъ дѣвушка нагнулась и нѣжно прильнула губами къ свѣсившейся рукѣ спящаго... Вѣки Арсланъ-бея дрогнули... Онъ открылъ глаза, которые сверкнули безумной радостью... «Эсма—дѣва рая»!—Онъ приподнялся, обвилъ руками станъ дѣвушки—и она уже трепетала въ его объятіяхъ... «О, моя жизнь,—душа души моей! Эсма моя, Эсма»!

Все это случилось такъ неожиданно, что дѣвушка, казалось, потеряла сознаніе. Она, не помня себя, вся отдалась безумному порыву, и только все крѣпче и крѣпче прижималась къ чему-то безконечно ей дорогому. Но въ то же время ей казалось, что она умретъ со стыда, если глянетъ ему въ глаза. Она задыхалась. Но все это продолжалось нѣсколько мгновеній — блеснуло и исчезло, какъ молнія. Эсма-ханумъ очнулась, услыхавъ какія-то, какъ будто непонятныя ей, слова.

— Я увезу тебя къ себѣ, въ Абхазію, въ горы!—я спрячу тебя въ своемъ сердцѣ. Я не позволю отдать тебя ему, въ его гаремъ!

Тутъ только она начала что-то понимать,—и ей стало страшно.

— Меня отдать! кому?—съ испугомъ спросила она.

— Развѣ ты не знаешь, дитя мое, что отецъ твой обѣщалъ отдать тебя Шерифу-пашѣ?—тихимъ, но страстнымъ шопотомъ спросилъ Арсланъ-бей.

— Шерифу-пашѣ! О, Аллахъ, Аллахъ!—съ ужасомъ прошептала дѣвушка.

— Да, дитя мое:—поэтому сераскиръ и идетъ съ войскомъ къ Поти... Онъ скоро придетъ—я знаю отъ лазутчиковъ.

Эсма-ханумъ въ отчаяніи заломила руки.

— Но я не отдамъ тебя никому, дитя души моей!—шепталъ Арсланъ-бей.—Я похищу тебя—ты со мною бѣжишь въ Сухумъ, въ Абхазію... Ты будешь моей женой, моею владычицей—владычицей Абхазіи... Я надѣну золотой царскій вѣнецъ на твою золотую головку, посажу тебя на тронъ,—и будешь ты царицей Абхазіи, моей царицей!

— А Дада?—робко спросила дѣвушка и чувствовала, что краска заливала ей щоки.

— Дада—моя молочная сестра, моя рабыня, а ты одна будешь царицей въ моемъ дворцѣ.

Эсма-ханумъ молчала. Она была слишкомъ потрясена въ теченіе

Digitized by Google

нѣсколькихъ минутъ—потрясена и счастьемъ, которое, какъ молнія, обожгло ея душу, и страшнымъ извѣстіемъ, что ее хотятъ отдать, какъ вещь, какъ овцу, ненавистному сераскиру.

— Я увезу тебя,—продолжалъ Арсланъ-бей:—ты моя невѣста, а у насъ, въ Абхазіи, освящено обычаемъ похищать невѣстъ... Я похищу тебя.

Рѣшеніе быстро созрѣло въ молоденькой, пылкой головкѣ. Дитя знойнаго юга, она думала не головой, а сердцемъ, и велѣнія сердца у нея быстро передавались золотоволосой головкѣ. При одномъ упоминаніи о Шерифъ-пашѣ и его гаремѣ, сердце ея сжималось ужасомъ, болью и отвращеніемъ. А слова Арсланъ-бея:—«моя царица, дѣва рая, дѣва души моей»—эти слова заставляли таять ея сердце. Бросить отца? Но онъ самъ бросалъ ее, отдавая въ неволю сераскиру. Матери у нея нѣтъ. Мать не захотѣла бы разбить ея сердце. А отецъ?—онъ даже ничего не сказалъ ей; онъ тайно замыслилъ продать ее. Скорѣе въ Петербургъ, чѣмъ въ трапезондскій гаремъ!

— Но какъ же мы уйдемъ изъ крѣпости, когда кругомъ русскіе и мингрельцы?—робко спросила она.

— Объ этомъ не безпокойся, дитя мое,—отвѣчалъ Арсланъ-бей.—Я ужъ заранѣе все подготовилъ... Прости меня, чистая жемчужина,—я давно рѣшилъ похитить тебя силою. Но ты теперь сама согласна—да?—Говори!—пусть сверкаютъ твои перламутровые зубки! играй твоимъ голоскомъ на струнахъ моей души!

Въ это время послышались орудійные выстрѣлы.

— Слышишь, дитя мое?—сказалъ Арсланъ-бей.—Если Шерифъ-паша не успѣетъ скоро явиться на помощь къ Поти, все равно русскіе возьмутъ крѣпость, и ты будешь плѣнницей или какого нибудь русскаго казака, или Шерифа-паши, если онъ явится раньше.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—съ испугомъ проговорила дѣвушка.—Но какъ мы выдемъ отсюда?

— Слушай,—торопливо проговорилъ Арсланъ-бей.—Пока никто не пришелъ, я все разскажу тебѣ. Изъ крѣпости есть тайный ходъ. Объ немъ знаетъ только твой отецъ да—я. Въ задней стѣнѣ мечети, влѣво отъ минарета, есть тайная дверь, которая отворяется, если нажать одинъ мѣдный гвоздь у самаго пола. Дверь ведетъ въ подземный коридоръ, что̀ выходитъ прямо къ морю, и выходъ изъ коридора заваленъ большимъ камнемъ, который легко сдвигается въ сторону тоже особой пружиной. Камень этотъ закрывается густымъ кустомъ боярышника. Я уже посылалъ моего вѣрнаго Тутшуга въ Сухумъ къ князю Бежану, чтобъ онъ ночью завтра, около полуночи, съ лодкою и гребцами явился у стѣнъ Поти въ условленномъ мѣстѣ. Лодка эта и приметъ насъ.

Digitized by Google

Эсма-ханумъ замѣтно дрожала, слушая сообщеніе Арсланъ-бея.

— А Дада съ нами поѣдетъ?—спросила она послѣ нѣкотораго раздумья.

— Да, она воротится въ свой аулъ.

— Но ты такъ слабъ... твоя рана не зажила еще.

— Нѣтъ, дитя,—я сегодня же встану.

Въ это время послышались чьи-то шаги. Они замолчали. Въ комнату тихо вошелъ Кучукъ-бей. Онъ былъ взволнованъ.

— Аллахъ-керимъ!—сказалъ онъ.

— Аллахъ-акберъ!—отвѣчалъ Арсланъ-бей.

— Какъ твое здоровье?—спросилъ пришедшій.

— Я сегодня же встану... Пророкъ прислалъ ко мнѣ гурію изъ рая, и она исцѣлила меня,—сказалъ Арсланъ съ улыбкой.

Эсма-ханумъ всплыхнула. Отецъ нагнулся и нѣжно погладилъ ея золотистые волосы.

— Я получилъ невѣроятныя вѣсти,—сказалъ онъ, чрезвычайно озабоченный.—Князь Орбеліани даетъ мнѣ знать черезъ гонца, будто войско Шерифа-паши, которое шло къ намъ на помощь, разбито и уничтожено между Молтаквой и Григолети. Но это вздоръ! русскіе хотятъ обмануть меня, чтобъ я сдалъ крѣпость. Этому не бывать! У меня еще очень много снарядовъ, и я дождусь помощи Шерифа-паши... Сераскиръ не такой человѣкъ, чтобъ отказаться отъ того, что̀ его ждетъ здѣсь.

Онъ взглянулъ украдкой на дочь, которая при его послѣднихъ словахъ сильно поблѣднѣла.

— Ты, я вижу, очень устала, моя золотая козочка,—сказалъ онъ ласково, снова гладя головку дочери.—Поди къ себѣ—отдохни. А мы съ княземъ поговоримъ о дѣлѣ. Онъ смотритъ молодцомъ, и сегодня же отблагодаритъ урусовъ за ударъ.

Эсма-ханумъ, взглянувъ украдкой на Арсланъ-бея, молча удалилась.

— Такъ Орбеліани извѣщаетъ, что разбилъ войско сераскира?—спросилъ Арсланъ, приподнимаясь на постели.—Можно ли этому вѣрить? Девяти или десятитысячное войско!

— И я не вѣрю,—въ раздумьѣ сказалъ Кучукъ-бей.—Между тѣмъ, этотъ казакъ въ юбкѣ, эта княгиня Дадіанъ, строитъ что-то похожее на земляную башню противъ крѣпости. Вѣроятно, хочетъ обстрѣливать внутренность цитадели... Проклятая баба! Не будь ея колоколовъ, собакамъ-урусамъ нечѣмъ было бы стрѣлять,—хоть булыжникомъ заряжай орудія. А теперь я вижу, что она готовитъ и штурмовыя лѣстницы... Вездѣ эта баба! Ужь не полѣзетъ ли сама на штурмъ?

Digitized by Google

— Я жду своего вѣрнаго Тутшуга,—сказалъ Арсланъ-бей.—Онъ змѣей проползетъ въ крѣпость и принесетъ намъ вѣрныя вѣсти о сераскирѣ.

Въ это время вошла Дада, и разговоръ прекратился.

Тутшугъ явился въ ту же ночь и тайно сообщилъ своему воспитаннику объ окончательномъ пораженіи сераскира. Глаза Арсланъ-бея сверкнули злобною радостью.

— Ты эту вѣсть спрячь пока въ глубинѣ твоего сердца,—сказалъ онъ.—Кучукъ-бею мы скажемъ, что русскіе отбиты на всѣхъ пунктахъ, и сераскиръ идетъ къ Поти. А между тѣмъ готовься къ отплытію въ Сухумъ. Князь Бежанъ, — ты самъ знаешь, — завтра около полуночи будетъ ждать насъ на берегу.

— А золотая головка?—спросилъ таинственно Тутшугъ.

— Золотая головка съ нами:—она все знаетъ... Она боится сераскира, какъ ласточка боится коршуна; а ко мнѣ льнетъ, какъ виноградная лоза къ тычинкѣ.

XII.

Прошло нѣсколько дней. Въ ясное ноябрьское утро, отъ русскаго лагеря, стоявшаго уже третій мѣсяцъ подъ стѣнами Поти, отдѣлилась небольшая группа всадниковъ и направилась къ главнымъ крѣпостнымъ воротамъ, увѣнчаннымъ башнею съ амбразурами, изъ-за которыхъ выглядывали темныя жерла орудій. Впереди группы можно было узнать Сеферъ-Али-бея по его богатому пунцовому одѣянію и маленькой черной папахѣ съ брилліантовой звѣздой, которая горѣла на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги.

Недалеко отъ воротъ, по знаку Сеферъ-бея, трубачъ подалъ сигналъ. Съ крѣпости отвѣчали рѣзкимъ звукомъ рожка, и крѣпостныя ворота отворились съ грохотомъ и лязгомъ цѣпей. Группа всадниковъ вступила подъ ворота, которыя и закрылись снова съ прежнимъ грохотомъ и лязгомъ. Сеферъ-бея, соскочившаго съ сѣдла, почтительно встрѣтилъ адъютантъ Кучукъ-бея и провелъ прямо въ покои коменданта. На лицѣ Кучукъ-бея замѣтно было глубокое уныніе.

— Миръ и благословеніе Предвѣчнаго да почіетъ надъ домомъ твоимъ!—сказалъ владѣтель Абхазіи, подходя къ Кучукъ-бею. — Князь нездоровъ?

— О! великое горе обрушилось на мою одинокую голову и на домъ мой, — отвѣчалъ Кучукъ-бей. — Нѣтъ у меня больше дочери: исчезла отъ меня радость очей моихъ.

— Какъ! прекрасная Эсма-ханумъ?—съ теплымъ сочувствіемъ спросилъ Сеферъ-бей.

Digitized by Google

— Да! волкъ похитилъ мою золоторунную овечку... проклятый Арсланъ-бей, котораго я пріютилъ у себя.

Сеферъ-бей былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ.

— О, чего же другаго можно было ожидать отъ проклятаго отцеубійцы и втораго Каина!—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Сеферъ-бей.—Но какъ онъ могъ это сдѣлать, когда крѣпость была въ осадѣ?

— Онъ зналъ тайный ходъ отсюда къ морю... Я ему, какъ союзнику, довѣрилъ эту тайну,—и онъ похитилъ мое сокровище.

— Давно это случилось?

— Нѣсколько дней тому назадъ... Этотъ злодѣй усыпилъ мою бдительность:—онъ ложно сообщилъ мнѣ, будто русскіе были разбиты сераскиромъ, тогда какъ Шерифъ-паша уже потерпѣлъ пораженіе у Молтаквы... Въ ту же ночь онъ и похитилъ жемчужину моего сердца, всю усладу моей одинокой старости... Ночью часовые видѣли, какъ отъ берега отплывала лодка, направляясь къ сѣверу, но не братили на это вниманія. Теперь для меня нѣтъ счастья на землѣ, нѣтъ славы... Что мнѣ слава безъ моего солнца? На что я стану охранять Поти? для кого? Зачѣмъ я буду лишать жизни храбрыхъ воиновъ моего гарнизона?

И убитый горемъ старикъ заплакалъ. Сеферъ-бей глядѣлъ на него съ глубокой жалостью.

— Берите мою крѣпость... владѣйте ею... Тутъ у меня ничего не останется, кромѣ могилы моей жены,—горестно продолжалъ старый турокъ.—Еслибъ еще остались здѣсь на землѣ слѣды маленькихъ ножекъ моей Эсмы,—я бы не отдалъ Поти... Но нѣтъ больше слѣдовъ этихъ крошечныхъ ножекъ—морскимъ вѣтромъ замело ихъ... Мнѣ остается одно—съ позоромъ явиться у воротъ Стамбула и ждать заслуженной награды отъ моего падишаха—тонкаго, крѣпкаго шнурка, который врѣзался бы въ мою шею и лишилъ бы мою бѣдную голову способности думать, страдать, вспоминать и все вспоминать... Гдѣ она теперь, моя малютка? вспоминаетъ ли обо мнѣ? Охъ, берите, берите мою крѣпость! на что она мнѣ?

— Но мы возьмемъ ее на почетныхъ условіяхъ,—кротко замѣтилъ Сеферъ-бей.—Вы храбро ее защищали—мы уважаемъ достойнаго противника. Вы и вашъ гарнизонъ выдете съ почетомъ — съ оружіемъ въ рукахъ:—мы оставляемъ при васъ ваше оружіе. Пусть падишахъ знаетъ, что мы съ почтеніемъ преклоняемся передъ врагомъ, который только по волѣ Предвѣчнаго долженъ былъ уступить силѣ.

— Благодарю,—сказалъ Кучукъ-бей какъ-то безучастно:—и съ оружіемъ, и безъ оружія—все равно!

— Нѣтъ! въ древности у нашихъ предковъ, мать, провожая

Digitized by Google

сына на войну и передавая ему копье и щитъ, говорила:—«или со щитомъ, или на щитѣ». Это значило: «возвращайся ко мнѣ или побѣдителемъ—со щитомъ, или честно павшимъ въ бою—на своемъ щитѣ». Защитники Поти возвратятся къ своему падишаху со щитомъ,—говорилъ Сеферъ-бей въ утѣшеніе убитому горемъ старику.

— Это условія князя Орбеліани?—спросилъ Кучукъ-бей.

— Да, и мои,—отвѣчалъ Сеферъ-бей.

— Но я ставлю еще одно условіе, не предусмотрѣнное ни тобою, бей Абхазіи, ни княземъ Орбеліани, — съ грустною улыбкой проговорилъ Кучукъ-бей.

— Какое же? Мы согласимся на него, если оно не противно нашей воинской чести.

— О, нисколько! Я прошу дозволить мнѣ взять съ собою, кромѣ моего личнаго оружія, оставшіяся платьица моей бѣдной дѣвочки, всѣ ея вещицы, игрушки, куклы...

— О! князь, ты и меня заставишь плакать!—воскликнулъ Сеферъ-бей, обнимая плачущаго старика. — Проклятіе отцеубійцѣ и Каину, стократное проклятіе! Вѣрь, благородный князь, я постараюсь возвратить тебѣ похищенную дочь—я найду ея похитителя хоть на днѣ морскомъ. Мои счеты еще не сведены съ нимъ.

На это Кучукъ-бей могъ отвѣчать только:—«о, моя голубка чистая»!

— Вы куда намѣрены отправить отсюда гарнизонъ Поти?-спросилъ Сеферъ-бей послѣ небольшаго молчанія.—Въ какую крѣпость?—въ Анапу или въ Трапезондъ?

— Я думаю—въ Трапезондъ, къ сераскиру,—отвѣчалъ какъ-то разсѣянно Кучукъ-бей:—къ сераскиру... Онъ шелъ ко мнѣ—не дошелъ, такъ теперь я пойду къ нему... Я звалъ къ себѣ гору—гора не шла ко мнѣ, а пошла—и споткнулась на дорогѣ... Такъ теперь я пойду къ горѣ, которая родила мышь, — добавилъ онъ, горько улыбнувшись. — Только у меня нѣтъ судовъ, на которыхъ я могъ бы отплыть отсюда съ моимъ несчастнымъ гарнизономъ, почти половину котораго унесли ваши мѣдныя ядра, благодаря княгинѣ Дадіанъ:—мои храбрые товарищи покоятся въ землѣ, и у меня осталось въ живыхъ всего 272 человѣка.

— Вы отплывете отсюда на мингрельскихъ судахъ,—сказалъ Сеферъ-бей.—Мы уже объ этомъ говорили въ совѣтѣ, и княгиня Дадіанъ можетъ предоставить въ ваше распоряженіе десять помѣстительныхъ морскихъ лодокъ и одинъ баркасъ, но съ тѣмъ, чтобы, по минованіи надобности, вы возвратили ихъ въ Поти.

— Конечно, конечно... Нищему даютъ костыль въ руки, и онъ возвратитъ его...

Digitized by Google

На слѣдующій день, утромъ 15-го ноября 1809 года, тяжелыя желѣзныя ворота Поти съ грохотомъ и лязгомъ цѣпей медленно отворились, и Кучукъ-бей, со всѣмъ своимъ небольшимъ гарнизономъ и знаменами, выступилъ изъ своей крѣпости. Рядомъ съ нимъ вышелъ его старшій адьютантъ, неся на серебряномъ блюдѣ массивные золотые ключи отъ уступаемой Россіи, одной изъ первоклассныхъ крѣпостей Блистательной Порты. Покорившійся русскому оружію гарнизонъ выстроился у стѣнъ своей крѣпости.

Въ то же время, отъ русскаго и союзнаго лагеря отдѣлилась блестящая группа всадниковъ. Это были—генералъ-майоръ князь Орбеліани, Сеферъ-Али-бей, княгиня Нина Георгіевна Дадіанъ, сынъ ея, князь Леванъ Дадіанъ, князь Маміа Гуріели, майоръ князь Орбеліани и нѣсколько офицеровъ и князей абхазскихъ, мингрельскихъ и гурійскихъ. За ними, съ распущенными знаменами, слѣдовали — часть русской пѣхоты и часть милицій абхазской, мингрельской и гурійской.

Едва побѣдители приблизились къ побѣжденнымъ, какъ тѣ, по мановенію Кучукъ-бея, опустили, въ знакъ покорности, и знамена свои, и ружья:—побѣжденное оружіе преклонялось предъ побѣдоноснымъ.

Тогда Кучукъ-бей, взявъ блюдо и крѣпостные ключи изъ рукъ своего адьютанта, приблизился къ князю Орбеліани.

— Всемогущему Богу угодно было даровать побѣду храброму русскому воинству и его союзникамъ, — со слезами въ голосѣ проговорилъ комендантъ Поти:—и эти доселѣ дѣвственные ключи, никогда не знавшей пораженія, крѣпости я, по волѣ Аллаха, передаю счастливому побѣдителю:—это ключи отъ Чернаго моря!

Потомъ, быстро оборотившись къ крѣпости, онъ воскликнулъ съ горечью:

— Прощай, моя гордость! прощай, колыбель утраченной мною дочери!—И старикъ заплакалъ.

Тогда князь Орбеліани, передавъ ключи своему адьютанту, обратился съ слѣдующими словами къ Кучукъ-бею и къ гарнизону крѣпости:

— Доблестный комендантъ города Поти и его храбрые сподвижники! Вы честно исполнили свой долгъ передъ вашимъ повелителемъ и отечествомъ. Въ теченіе всей осады крѣпости, вы ни на минуту не покидали оружія, и я оставляю его вамъ неприкосновеннымъ:—продолжайте носить его съ честью. Я отпускаю васъ въ ваше отечество.

По знаку Кучукъ-бея, раздалась глухая дробь турецкаго барабана, и гарнизонъ Поти, словно подъ унылый похоронный маршъ,

Digitized by Google

стройно двинулся къ морскому берегу,—къ ожидавшимъ его лодкамъ.

— И въ самомъ дѣлѣ будто кого хоронятъ,—тихо замѣтилъ Кудряшовъ.—Легко ли имъ!

— Да, хоть на кого доведись,—согласился старый суворовецъ, смахивая слезу съ рѣсницы.—Эхъ, служба!..

Въ это время, по командѣ князя Орбеліани и начальниковъ отдѣльныхъ частей, прозвучали сигнальныя трубы и заиграла музыка.

— Пѣсенники впередъ!—послышалась новая команда.

Пѣсенники выступили.

— Какую прикажете, ваше сіятельство?—спросилъ адьютантъ.

— «Громъ побѣды»!—отвѣчалъ Орбеліани.

Забилъ барабанъ, завыли трубы, зазвенѣли литавры, и пѣсенники грянули:

Громъ побѣды раздавайся,
Веселися, храбрый россъ!..

Колонны одна за другой, съ развѣвающимися въ воздухѣ знаменами, двинулись въ широко раскрытыя ворота крѣпости, которая и поглотила своихъ новыхъ хозяевъ.

XIII.

Сегодня только, 24-го ноября, Тормасовъ воротился въ Тифлисъ. Онъ ѣздилъ осматривать пограничныя съ Персіей крѣпости. О взятіи Поти до него еще не дошли вѣсти, такъ какъ не знали, куда, за быстротою его переѣздовъ и за частою перемѣною маршрута, посылать ему депеши.

Онъ только что переодѣлся и вошелъ въ свой кабинетъ.

— О, старость, старость!—кто-то окликнулъ его у окна.

— А — это ты, попка, — подошелъ онъ къ клѣткѣ, по которой, цѣпляясь клювомъ за перекладины, возился попугай.—Здравствуй, старый дружище!

— О, старость, старость!—повторяла глупая птица.

— Что ты врешь, попка дуракъ!—улыбнулся генералъ.—Я вовсе не старъ. Это Гудовичъ научилъ тебя твердить: «о, старость, старость»! А я совсѣмъ бодръ: видишь, попка дуракъ?

— Царь Соломонъ дуракъ!—вдругъ выпалилъ попка.

— Это правда,—засмѣялся генералъ:—тебя, вѣрно, Могилевскій научилъ ругаться? А, легокъ на поминѣ!—сказалъ онъ, увидавъ Могилевскаго, который въ это время входилъ въ кабинетъ съ серебрянымъ подносомъ въ рукахъ.—Что это за подносъ?

— Ключи, ваше высокопревосходительство,—почтительно улыбнулся правитель дѣлъ главнокомандующаго.

Digitized by Google

— Какіе ключи? отъ чего?

— Отъ Чернаго моря и... и отъ Константинополя.

Тормасовъ отъ удивленія не зналъ, что̀ подумать.

— Отъ Чернаго моря? отъ Константинополя?

— Отъ Константинополя... впослѣдствіи; а теперь только отъ Чернаго моря: крѣпостъ Поти взята. Вотъ-съ и донесенія.

— Слава богу, наконецъ-то!—И Тормасовъ перекрестился.

— Ха-ха-ха-ха!—засмѣялся попугай и захлопалъ крыльями...

Могилевскій погрозилъ ему пальцемъ.

— Побѣда блестящая, ваше высокопревосходительство! — продолжалъ онъ.—И, главное дѣло, обошлось безъ штурма... Въ донесеніяхъ князя Орбеліани есть интересныя подробности. Въ дѣло замѣшанъ и романъ, и прелестная золотая головка, и похищеніе сабинянки—виноватъ: прелестной турчанки, какъ сообщаютъ мнѣ въ частномъ письмѣ. Что утѣшительно: въ крѣпости найдено тридцать пять орудій и множество снарядовъ... Кучукъ-бей былъ человѣкъ запасливый.

— А что самъ онъ?—спросилъ Тормасовъ.

— Его отпустили съ остатками гарнизона.

— Ну, объ этомъ послѣ; а теперь надо тотчасъ же посылать курьера къ государю императору съ радостной вѣстью.

— Я ужь заготовилъ проэктъ, ваше высокопревосходительство.— И Могилевскій положилъ на столъ бумаги рядомъ съ подносомъ, на которомъ блестѣли массивные золотые ключи.

— Солидные ключи!—проговорилъ Тормасовъ, любуясь ими.— Должно быть, изъ стариннаго золота.

— Золото Колхиды-съ,—улыбнулся Могилевскій:—изъ шерстки того золоторуннаго барашка, на которомъ Фриксъ и Гелла улепетывали отъ своей второй мамаши.

— Какой барашекъ?—не сообразилъ сразу генералъ.

— А по исторіи-съ: «золотое руно», «походъ аргонавтовъ», Язонъ, Медея-съ...

— А! понимаю... Точно, точно... теперь Колхида—наша... Язонъ, что̀ похитилъ Медею...

— И теперь, ваше высокопревосходительство, тоже похитили Медею.

— Это кого же?

— Дочку Кучукъ-бея, хорошенькую Эсма-ханумъ, а похитилъ ее новый Язонъ—Арсланъ-бей.

Тормасовъ не слушалъ. Онъ пробѣгалъ проэктъ донесенія государю и проэктъ прокламаціи, изготовленные Могилевскимъ.

— Благодарю васъ,—сказалъ наконецъ генералъ, просмотрѣвъ

Digitized by Google

бумаги:—вы похитили мою мысль—точно подслушали меня... Вотъ это мѣсто особенно хорошо въ прокламаціи: «Такимъ образомъ, сія крѣпость, важнѣйшая по своему мѣстоположенію и укрѣпленіямъ, связующая безпрепятственное сообщеніе Мингреліи съ Тавридою и пресѣкшая всѣ пути туркамъ въ томъ краю увлекать въ плѣнъ утѣсненный ими мингрельскій народъ, исповѣдующій христіанскую вѣру, и обращаться въ богопротивномъ плѣнопродавствѣ, повергла себя въ вѣчное подданство всероссійской имперіи». Отлично, весьма выразительно!

— Я очень радъ,—скромно отвѣчалъ «хитрый Талейранъ».

— А какова княгиня Нина Дадіанъ!—сказалъ Тормасовъ:—настоящая героиня.

— Да, если вѣрить древнимъ историкамъ, такъ Колхида и нынѣшняя Мингрелія были царствомъ амазонокъ. Онѣ были прародительницами и княгини Нины, которая ѣздитъ верхомъ лучше любаго кавалериста; я самъ это видѣлъ,—сказалъ Могилевскій.—А именно такъ и описываютъ амазонокъ древніе историки. Лизій, жившій за 400 лѣтъ до Христа, говоритъ, что амазонки—первыя, конечно—были дочери бога войны, Марса, и жили на берегахъ Фазиса-Ріона; что онѣ были единственныя изъ всѣхъ окружавшихъ ихъ народовъ, которыя носили желѣзное оружіе и первыя стали ѣздить верхомъ. При помощи лошадей—говоритъ Лизій—амазонки брали въ плѣнъ убѣгавшихъ отъ нихъ противниковъ, которые еще не знали верховой ѣзды. По своему мужеству—амазонки скорѣе считались мужчинами... Такова и княгиня Нина.

— Да, объ ней надо особо донести государю,—сказалъ Тормасовъ.—Но теперь надо ковать желѣзо, пока горячо: остынетъ—ничего не выкуешь. Теперь ключъ къ Черному морю въ нашихъ рукахъ; однако—не весь берегъ нашъ. Сухумъ—вотъ наше бѣльмо. Пока тамъ сидитъ Арсланъ-бей—Абхазія далеко не наша. Надо, во что бы то ни стало, взять Сухумъ. А его взять можно только съ моря. Покуда Шерифъ-паша, послѣ заданной ему встрепки, не очухался и у него нѣтъ войска, — надо торопиться. Пока что въ Петербургѣ, а я снесусь съ Крымомъ. Тамъ у насъ сильный флотъ. Я вытребую оттуда небольшую эскадру, и мы разгромимъ Сухумъ съ моря. Съ суши его трудно взять—у него сильный гарнизонъ—я говорю объ Арсланъ-беѣ, да и во всей Абхазіи у него больше сторонниковъ, чѣмъ у Сеферъ-бея. На сушѣ, подъ стѣнами Сухума, намъ трудно будетъ бороться и съ гарнизономъ, и съ озлобленнымъ населеніемъ. Абхазцы—это самое строптивое племя:—я его знаю. Они гораздо неподатливѣе, чѣмъ чеченцы, дагестанцы, акушинцы или казикумухи. Это сплошь головорѣзы. Надо дѣйствовать, пока въ

Digitized by Google

Константинополѣ будутъ переваривать потерю Поти да собирать войско для Арслана. А этотъ мальчикъ ужь давно, я увѣренъ, послалъ слезницу султану. Докажемъ имъ, что Сухумъ ближе къ Крыму, чѣмъ къ Босфору.

Тормасовъ говорилъ съ жаромъ, торопливо. Удачное пріобрѣтеніе Поти воодушевляло его, раздражало завоевательные апетиты. Онъ уже чувствовалъ себя героемъ. Едва взявъ въ руки бразды правленія, онъ уже отхватилъ отъ султанскаго пирога добрую краюху. У царя Соломона весь шашлыкъ отнялъ.

— Такъ, пожалуйста, немедленно заготовьте всѣ нужныя бумаги,—говорилъ Тормасовъ, отпуская Могилевскаго.—Надо поскорѣе ковать желѣзо.

Но желѣзо ковалось довольно медленно. Пока шла переписка съ Петербургомъ, Сухумъ успѣли снабдить новыми орудіями, и крѣпость оказалась совершенно неприступною съ суши. Но съ моря?—Объ этомъ Арсланъ-бей не подумалъ, весь поглощенный своею безумною страстью къ Эсма-ханумъ и тайною войной съ ревнивою Дадой, которая возненавидѣла свою счастливую соперницу.

Такъ шли дѣла до 9-го іюля 1810 года. Эсма-ханумъ, живя послѣдніе годы у отца въ Поти, очень пристрастилась къ морю, и любимымъ ея времяпровожденіемъ было—кататься на военномъ катерѣ или въ парусной лодкѣ. Этимъ она развлекалась и въ Сухумѣ, иногда въ обществѣ самого Арсланъ-бея и Дады, а иногда вдвоемъ съ Дадой на изящномъ парусномъ каикѣ.

9-го іюля былъ ясный, нѣсколько вѣтряный день, вполнѣ благопріятный для катанья. Дада, пользуясь этимъ, предложила ничего не подозрѣвавшей Эсма-ханумъ покататься. Та съ радостью согласилась. Послѣ ранняго завтрака, дѣвушки вышли изъ крѣпости и, пройдя къ рейду, гдѣ находилась ихъ купальня съ прикованнымъ тамъ же на цѣпи каикомъ, взяли у сторожа ключъ, отомкнули каикъ, сѣли въ него и отплыли сначала на веслахъ,—потому что обѣ умѣли хорошо грести,—а потомъ, выбравшись изъ рейда, подняли косой парусъ, на которомъ ярко сверкалъ, подъ лучами солнца, вышитый золотою битью полумѣсяцъ. Парусомъ и рулемъ и Дада и Эсма-ханумъ заправляли поперемѣнно.

— Знаешь, ханумъ, куда мы поѣдемъ въ гости?—смѣясь, сказала Дада.

— Куда? въ Поти за моими куклами?—тоже смѣялась Эсма.

— Нѣтъ, въ Трапезондъ, къ твоему отцу и къ Шерифу-пашѣ.

— О, нѣтъ, Дада! лучше ужь въ Стамбулъ, къ самому падишаху.

— Въ Стамбулъ, такъ въ Стамбулъ,—проговорила Дада какъ-то машинально.

Digitized by Google

Въ душѣ у нея происходила страшная драма. Она давно задумала злодѣяніе и давно привела бы его въ исполненіе. Но какъ?—чѣмъ выгородить себя отъ подозрѣнія?—что придумать?.. Море должно помочь ей въ злодѣяніи и оно же должно укрыть ея тайну... «Утонула—упала... но она хорошо плаваетъ... А я чего смотрѣла?—отчего я не спасла ея, не вытащила изъ воды?.. Вѣдь не могла же она камнемъ пойти ко дну... Это *онъ* непремѣнно скажетъ... Что я *ему* отвѣчу»?..

Берегъ все болѣе и болѣе удалялся изъ глазъ. Чайки кричали все зловѣщѣй и зловѣщѣй. У Эсма-ханумъ, между тѣмъ, отъ радостнаго волненія разгорѣлись щечки и большіе дѣтскіе глаза блистали возбужденіемъ. Она была необыкновенно хороша. Дада это видѣла, и ревность, и зависть къ чужой красотѣ душили ее.

«Знаю»,—кипѣло, между тѣмъ, въ этой помраченной ревностью душѣ:—«она разомъ пошла ко дну... Я не успѣла схватить ее... Ее ударило мачтой въ голову... вѣтеръ рвалъ парусъ... мы вынимали мачту—ее рвануло съ парусомъ—и мачтой убило ханумъ... Ханумъ свалилась за бортъ и, какъ ключъ, пошла ко дну... Я хотѣла за ней броситься—утопиться... Такъ скажу *ему*:—ее мачтой убило... *Онъ* повѣритъ... а не повѣритъ—убьетъ меня. Пусть убьетъ—все лучше—только бъ ея не было...

— Смотри, смотри, Дада!—вдругъ закричала Эсма-ханумъ, указывая впередъ:—корабли!

На горизонтѣ, къ сѣверо-западу, дѣйствительно вырисовывались остовы громадныхъ кораблей, которые шли подъ парусами по направленію къ Сухуму.

— Это урусы,—сказала Дада, вглядываясь:—это русскіе корабли. Намъ надо бѣжать, пока они насъ не увидѣли... Иди скорѣй къ рулю, а я возьму парусъ... Скорѣй, скорѣй!

Эсма-ханумъ поднялась и торопливо пошла къ рулю. Но едва она поровнялась съ Дадой, какъ та изо всѣхъ силъ толкнула ее за бортъ каика. Каикъ чуть не опрокинулся и отпрянулъ въ сторону. Эсма-ханумъ, не вскрикнувъ даже, исчезла подъ водой. Дада, блѣдная, какъ полотно, стиснувъ зубы, подняла багоръ и ждала, когда ея жертва покажется изъ воды.

Въ этотъ моментъ на поверхности моря, на сажень или менѣе отъ каика, показалась золотистая головка юной дочери Кучукъ-бея.

— Дада! Дада!—захлебываясь, закричала она.

Злодѣйка, замахнувшись багромъ, хотѣла ударить имъ утопающую, но багоръ не досталъ до головы Эсма-ханумъ и отъ усиленнаго взмаха вырвался изъ рукъ злодѣйки.

— Дада! Дада!—молила утопающая.

Digitized by Google

— А!—злорадно засмѣялась злодѣйка:—плыви теперь къ отцу или въ Стамбулъ... а скорѣе—къ шайтану.

И, торопливо наладивъ парусъ и руль, стрѣлою понеслась къ Сухумъ-Кале.

XIV.

Въ то время, когда Эсма-ханумъ и Дада плыли на своемъ хорошенькомъ каикѣ въ открытое море, навстрѣчу имъ, дѣйствительно, показалась русская эскадра, которая шла изъ Севастополя для блокады Сухумъ-Кале. Эскадрою командовалъ капитанъ-лейтенантъ Додтъ.

Въ этотъ день, 9-го іюля на разсвѣтѣ, они замѣтили на горизонтѣ неизвѣстный корабль, и, заподозривъ въ немъ или турецкій крейсеръ, или пиратскій бригъ съ контробандою, а то и еще хуже: съ живымъ товаромъ—съ русскими и горскими плѣнницами, предназначенными для гаремовъ пашей и самого султана,—пустились за нимъ въ погоню. Корабль, дѣйствительно, оказался турецкимъ крейсеромъ, который, замѣтивъ погоню, подъ всѣми парусами понесся по направленію къ Трапезонду. Но онъ не могъ спастись отъ быстроходныхъ русскихъ кораблей и былъ настигнутъ. Нѣсколько ядеръ, пущенныхъ ему въ догонку, изъ которыхъ одно пробило обшивку крейсера у самой ватеръ-линіи, принудили его сдаться военноплѣннымъ. Капитанъ крейсера и небольшой экипажъ были арестованы, а у капитана отобраны всѣ бумаги. Между ними обратили на себя вниманіе два пакета, изъ которыхъ въ одномъ была копія султанскаго фирмана къ трапезондскому сераскиру, Шерифу-пашѣ, а въ другомъ—письмо Шерифа-паши къ коменданту крѣпости Анапы, куда, какъ оказалось, и направлялся крейсеръ изъ трапезондскаго санджака. Капитанъ Додтъ тотчасъ же попросилъ мичмана, князя Яшвиля, хорошо говорившаго по турецки, перевести эти бумаги на русскій языкъ.

— Ну что, князь, перевели?—спросилъ Додтъ, когда мичманъ вышелъ изъ каюты, гдѣ онъ занимался переводомъ бумагъ.

— Есть,—отвѣчалъ онъ языкомъ моряка:—документы, капитанъ, важные и прекурьезные.

— А ну, давайте,—протянулъ было за бумагами руку капитанъ.

— Нѣтъ, капитанъ,—сказалъ Яшвиль:—вы не разберете—я очень торопился и написалъ дьявольски неразборчиво. Позвольте, я ихъ самъ вамъ прочитаю.

— Хорошо,—согласился Додтъ, отходя къ борту.

Digitized by Google

— Вотъ султанскій фирманъ трапезондскому сераскиру,—сказалъ Яшвиль. — Онъ гласитъ: «По полученіи сего нашего повелѣнія, имѣешь ты вѣдать, что, подвинутые гнѣвомъ, мы намѣрены послать, при помощи Аллаха и милости нашего святаго пророка, моремъ и сухимъ путемъ войска противъ враговъ нашего закона—московскихъ гяуровъ, вынуть ихъ жилы»...

— Вынуть жилы?—удивился Додгъ,—это еще что?

— Да, капитанъ, буквально такъ выражено,—сказалъ Яшвиль:—«вынуть жилы»...

— Посмотримъ!—улыбнулся Додгъ:—а еще что вынуть?

— Только жилы, капитанъ,—улыбнулся и Яшвиль:—«и выручить завладѣнныя ими земли наши. Нынѣ хотя Кучукъ-бей принужденъ былъ покориться московскимъ войскамъ чрезъ большія драки, но сила ихъ въ тѣхъ мѣстахъ не болѣе нашихъ силъ, и они надѣются на помощь грузинскаго и мингрельскаго народа, который извѣстно, что прежде сего былъ къ нашему высочайшему двору покоренъ и какъ подданный былъ, а русскіе изъ многихъ своихъ ухищреній привели ихъ подъ свое покровительство и считаютъ Грузію, Имеретію и Мингрелію своими. Посему, для вырученія турецкихъ земель, въ Абхазіи и Гуріи находящихся, долженъ ты идти съ разъяреннымъ сердцемъ»...

— Батюшки, какъ страшно!—засмѣялся Додгъ:—съ разъяреннымъ сердцемъ!

— И съ пѣною у рта,—пошутилъ Яшвиль.

— Да? съ пѣною у рта?—спросилъ Додгъ.

— Нѣтъ, капитанъ, я шучу,—отвѣчалъ Яшвиль,—а разъяренное сердце есть въ самомъ дѣлѣ.

— Ну, а дальше что?

— Дальше пишетъ:—«и вытѣснить ихъ. Въ такомъ случаѣ народъ грузинскій, и имеретинскій, и мингрельскій, и гурійскій, и абхазскій, по прежнему, будетъ намъ покоренъ, а русскимъ непріятель; въ противномъ же случаѣ будетъ наказанъ. Ты же, сераскиръ и капучи-баши, по полученіи сего нашего фирмана, имѣешь писать письма къ первостатейнымъ особамъ въ Абхазіи и послать людей, чтобъ они отъ русскихъ отказались и были бы намъ по прежнему покорны».

— Очень грозно и самоувѣренно,—сказалъ Додгъ, пожимая плечами:—только еще что бабушка скажетъ?.. Все?

— Да, капитанъ, здѣсь все, а вотъ еще что пишетъ Шерифъ-паша коменданту Анапы:—«Противъ враговъ нашей религіи, московскихъ гяуровъ, моремъ и сушею предназначено принять походъ, а потому сановники высокой державы въ настоящемъ священномъ году со всѣхъ сторонъ, засучивъ рукава возможности»...

Digitized by Google

— Что! что?—остановилъ Додгъ:—«засучивъ рукава возможности»?

— Да, капитанъ, именно такъ: «засучивъ рукава возможности»...

— И подобравъ фалды невозможности!—хохоталъ Додгъ.—Ну, утѣшилъ... Что жь еще сановники должны засучить?

— Только рукава, капитанъ... А дальше пишетъ:—«засучивъ рукава возможности, съ громадною арміею двинутся противъ названныхъ гяуровъ, съ цѣлью истребленія и уничтоженія ихъ, и отторженія крѣпостей, владѣній и земель мусульманскихъ, покоренныхъ ими. Теперь, во вниманіе къ тому, что жители Грузіи, Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи съ незапамятныхъ временъ считались зависящими отъ высокой державы шехинъ-шаха, т. е. султана, почти въ качествѣ его подданныхъ, и во вниманіе къ тому, что тѣ гяуры насмѣхаются надъ ихъ эмирами, завладѣли ихъ владѣніями и причинили униженіе ихъ фамиліямъ,—въ настоящее радостное время, по высочайшему повелѣнію шехинъ-шаха, отовсюду предпринимается движеніе противъ тѣхъ гяуровъ:—на Тифлисъ пойдетъ эрзерумскій вали и сераскиръ восточной части, счастливѣйшій Эминъ-паша; черезъ Ахалцыхъ идетъ начальникъ чалдырскій, счастливѣйшій Мамедъ-паша, со значительною арміею; отъ моря мы, сераскиръ прибрежья Чернаго моря, управляющій прибрежными санджаками Чернаго моря вплоть до Анапы и далѣе, со множествомъ приготовленій и походныхъ потребностей и большою арміею, выступимъ изъ Трапезонда и, по милости Аллаха и его пророка, въ близкое время прибудемъ къ Абхазіи и оттуда двинемся на истребленіе русскихъ гяуровъ въ Поти и во всей Абхазіи и очищеніе отъ нихъ всего побережья Чернаго моря».

— Ого! широко задумано,—покачалъ головою Додгъ.—Да лгутъ они! Турки вѣдь—всесвѣтные лгунишки.

— Человѣкъ, кажись; въ морѣ потопаетъ!—раздался вдругъ голосъ съ вахты.

Додгъ схватился за зрительную трубу. Всѣ на кораблѣ засуетились, бросились къ бортамъ, иные полѣзли по снастямъ.

— Въ какомъ направленіи?—закричалъ Додгъ.

— На зюдъ-вестъ, вашескородіе!—вонъ тамъ.

— Вижу, вижу!—закричалъ помощникъ капитана, глядя въ зрительную трубу.

— Шлюпку!—скомандовалъ Додгъ:—живой рукой!

— Есть,—послѣдовалъ отвѣтъ нѣсколькихъ голосовъ.

— Живѣй, живѣй!

— Есть, есть!

Digitized by Google

— И какъ онъ очутился въ открытомъ морѣ?—удивились офицеры.

Шлюпка уже неслась, какъ стрѣла. Она казалась птицей съ гигантскими крыльями, съ которыхъ сыпались въ море брильянты. Въ шлюпкѣ находился и князь Яшвиль, правившій рулемъ.

— Ломай весла, соколики!—нервно говорилъ онъ матросамъ.— Я вижу теперь... это женщина, почти ребенокъ. Она руку поднимаетъ... Налягъ, братцы, налягъ!

Матросы опрокидывались почти навзничъ, забирая веслами бирюзовую влагу.

— Еще разъ!—еще разъ, братцы,—а то пойдетъ ко дну... Она обезсилѣла.

Шлюпка у цѣли. Яшвиль дѣлаетъ искусное движеніе рулемъ, весла матросовъ какъ бы упираются въ воду, и шлюпка почти моментально останавливается въ нѣсколькихъ линіяхъ отъ утопающей, которая вотъ-вотъ готова скрыться подъ водой. Но Яшвиль перевѣшивается за бортъ и быстро подхватываетъ утопающую подъмышки. Еще одно усиліе—и Эсма спасена. Но тутъ силы оставили ее, и она лишилась чувствъ, упавъ на руки своего спасителя.

— Бѣдная дѣвочка!—жалобно проговорилъ онъ.—Въ бурку, въ бурку кутайте ее—она окоченѣла.

Ее тотчасъ же всю, почти бездыханную, окутали теплой буркой, изъ которой выглядывало только ея мертвенно блѣдное личико съ закрытыми глазами.

— Багоръ, ребята, захвати,—сказалъ одинъ изъ матросовъ.— Ее, вишь, багоръ-то и спасъ — она за багоръ держалась, а то бъ давно пошла ко дну.

Яшвиль, между тѣмъ, хлопоталъ около утопленицы. Онъ осторожно приподнялъ ея головку, еще осторожнѣе разжалъ ей ротъ, и изъ висѣвшей у него черезъ плечо фляжки влилъ въ него нѣсколько капель рому. Эсма поперхнулась и открыла свои большіе прелестные глаза, полные ужаса.

— Не бойтесь, ханумъ, — нѣжно сказалъ Яшвиль: — вы спасены.—Онъ говорилъ по турецки.

По одеждѣ, по богатымъ украшеніямъ и по нѣжной, благородной красотѣ личика онъ догадался, что это не простая турчанка, а дѣвушка изъ знатнаго рода, и потому назвалъ ее «ханумъ»—нѣчто въ родѣ барышни, княжны.

Но Эсма снова закрыла глаза. Тогда Яшвиль вновь влилъ ей въ ротъ нѣсколько капель рому. Это подѣйствовало на нѣжный, непривычный организмъ. На мертвенно-блѣдномъ личикѣ стала выступать краска, длинныя шелковистыя рѣсницы дрогнули, и дѣвушка

Digitized by Google

снова открыла глаза, но теперь уже болѣе осмысленно. Всѣ матросы глядѣли на нее съ видимымъ участіемъ.

— Маленько очувствовалась, бѣдная,—послышался шопотъ.

Яшвиль снова заговорилъ съ ней.

— Выпейте, ханумъ, еще нѣсколько капель. Это лѣкарство—оно согрѣетъ васъ—вы не простудитесь.

Эсма безмолвно повиновалась, хотя и на этотъ разъ закашлялась, потомъ приподнялась немного, плотно кутаясь въ бурку.

— Кто вы, ханумъ? скажите мнѣ,—снова заговорилъ Яшвиль, видя, что дѣвушка смотритъ уже сознательно.

— Я дочь Кучукъ-бея,—тихо сказала она, и заплакала.

Яшвиль былъ пораженъ. Какъ могла дочь такого турецкаго сановника попасть въ открытое море, далеко отъ Поти и даже Сухума!

— Но какъ вы очутились здѣсь, въ морѣ?—спросилъ онъ.

— Я каталась съ Дадой,—былъ отвѣтъ; но при этомъ Эсма вся затряслась.

— Съ Дадой? Кто жь эта Дада?

— Молочная сестра Арсланъ-бея... мы катались...

— Арсланъ-бей! — съ изумленіемъ воскликнулъ Яшвиль. — Но вѣдь онъ въ Сухумѣ... А гдѣ же вашъ батюшка?

— Я не знаю... онъ въ Поти...

Отвѣты ея казались странными, не имѣвшими, повидимому, смысла. Она не знаетъ, гдѣ ея отецъ, когда извѣстно, что съ прошлаго года Поти находится въ русскомъ владѣніи, а Арсланъ-бей укрѣпился въ Сухумъ-Кале. Развѣ и Кучукъ-бей въ Сухумѣ? Но Яшвиль не рѣшился спрашивать ее далѣе, потому что это походило бы на допросъ военноплѣннаго. Невинную ни въ чемъ дѣвушку они спасли отъ смерти, и она не подлежитъ допросу.

— Куда же васъ доставить, ханумъ?—снова рѣшился спросить Яшвиль:—къ батюшкѣ?

— Нѣтъ... въ Сухумъ,—былъ слабый отвѣтъ, поставившій вопрошавшаго въ еще большее недоумѣніе.

«Не къ отцу, а въ Сухумъ»,—разсуждалъ онъ въ умѣ:—«значитъ, Кучукъ-бея нѣтъ въ Сухумѣ».

— Хорошо, ханумъ, мы васъ сегодня же отвеземъ въ Сухумъ, только вы должны прежде обсохнуть и оправиться у насъ на кораблѣ. У насъ же тамъ и докторъ есть. За весла, молодцы! Назадъ!—скомандовалъ онъ.

— Есть! — былъ дружный отвѣтъ. И шлюпка понеслась къ кораблю.

Digitized by Google

XV.

— Какую прелесть мы добыли, господа!—кричалъ Яшвиль, когда шлюпка приблизилась къ передовому кораблю эскадры, на палубѣ котораго, у борта, стояли офицеры, заинтересованные неожиданнымъ приключеніемъ.

— Кого спасли?—спросилъ Додтъ.

— Русалочку, капитанъ, царицу русалокъ съ золотою косой... Красота—не земная!

— Да кто она?—любопытствовали съ борта.

— Говоритъ—дочь Кучукъ-бея... Каталась по морю, — а какъ очутилась она въ морѣ, съ однимъ багромъ, хоть убейте—не понимаю... А божественно хороша.

Шлюпка пристала, наконецъ, къ площадкѣ опущеннаго съ фрегата трапа. Эсма-ханумъ, съ удивленіемъ и боязнью, глядѣла своими расширенными глазами на бортъ корабля, откуда смотрѣло на нее столько любопытныхъ глазъ. Подъ вліяніемъ нѣсколькихъ глотковъ рому, она настолько окрѣпла, что могла стоять на ногахъ. Но длинная бурка мѣшала ей двигаться, а взбираться по отвѣсному трапу она положительно не могла.

— Спустить люльку!—скомандовалъ капитанъ.

«Люлькой» назывался родъ стула, который спускался по блоку съ борта, какъ это практикуется каменщиками и штукатурами во время окраски наружныхъ стѣнъ высокихъ домовъ. Люлька была спущена къ самой шлюпкѣ, и Яшвиль, бережно усадивъ въ нее свою «русалочку», все еще закутанную въ бурку, сѣлъ рядомъ съ нею и осторожно сталъ придерживать ее одною рукой.

— У васъ можетъ голова закружиться, ханумъ,—и я позволю себѣ придерживать васъ,—говоритъ молодой мичманъ съ такою деликатною вѣжливостью, точно онъ приглашалъ барышню на мазурку.—Готово, подымай!

И «люлька» плавно стала подниматься вверхъ. На палубѣ дочь Кучукъ-бея была встрѣчена съ самою утонченною почтительностью, чему немало способствовала красота дѣвушки, всѣхъ поразившая типичной оригинальностью. Капитанъ-лейтенантъ Додтъ и офицеры его корабля сдѣлали глубокій поклонъ, едва Эсма вступила на палубу. Старичокъ-докторъ, беззубый и плѣшивый «Пёсъ Песо́вичъ», какъ его въ шутку называли офицеры,—потому что, за отсутствіемъ зубовъ, онъ самъ произносилъ свое имя и отчество—Петръ Петровичъ—какъ Пёсъ Песо́вичъ,—почтительно протянулъ къ хорошенькой паціенткѣ руку, чтобъ пощупать ея пульсъ, и нашелъ, что «у

Digitized by Google

малютки маленькій фебрисъ» и что ей тотчасъ же слѣдуетъ перемѣнить мокрую одежду на все сухое.

— Все мокрое надо съ малютки снять и немедленно просушить на солнцѣ или, еще скорѣе,—въ поварской,—заключилъ онъ свою рѣчь.

— Но гдѣ же мы найдемъ для нея женское бѣлье и все остальное?—озабоченно спросилъ капитанъ.

— Пустяки! — возразилъ докторъ: — на малютку можно надѣть вашу чистую ночную сорочку и халатъ: этого будетъ достаточно, пока не просохнетъ ея костюмъ.

Капитанъ бросился въ свою каюту, чтобъ лично приготовить очаровательной гостьѣ и бѣлье, и постель.

— Но у насъ нѣтъ горничной, которая раздѣла бы и одѣла хорошенькую «малютку»,—вполголоса пошутилъ одинъ офицеръ.

— Тебѣ самому, какъ я вижу, хотѣлось бы быть этой горничной,—ехидно и тоже вполголоса замѣтилъ князь Яшвиль.

— Да, не отказался бы.

Въ это время, изъ каюты выбѣжалъ капитанъ.

— Все готово,—торопливо сказалъ онъ. — Будьте столь добры, князь, — обратился онъ къ Яшвилю: — объясните нашей милой гостьѣ, что она должна сдѣлать. Пусть немедленно сниметъ съ себя все мокрое... Пусть не боится—никто въ мою каюту не взойдетъ... Я и окна завѣсилъ плотно шторками... А потомъ пусть все мокрое выброситъ изъ каюты для просушки.

Дѣвушка сидѣла на складномъ табуретѣ. Щоки ея пылали отъ волненія и застѣнчивости, а также и отъ выпитаго съ непривычки рому.

— Вы давали малюткѣ рому, князь?—спросилъ докторъ, взглянувъ на фляжку въ рукахъ Яшвиля.

— Давалъ, докторъ.

— Optime! Aqua vitae — лучшій помощникъ Эскулапу на морѣ и на сушѣ. А когда малютка переодѣнется, тогда и я дамъ ей своего снадобья.

Яшвиль объяснилъ Эсмѣ, что она должна дѣлать.

— Мы всѣ умоляемъ васъ, ханумъ, сдѣлать все, что предписываетъ почтенный докторъ,—говорилъ онъ. — Если вы заболѣете, это будетъ лежать на нашей совѣсти. Вашъ почтенный батюшка и ваши соотечественники будутъ тогда вправѣ осудить насъ: — скажутъ, что русскіе офицеры не позаботились о беззащитной дѣвушкѣ, которую постигло несчастіе. Это ляжетъ пятномъ на нашу совѣсть. А какъ только ваше платье просохнетъ и вы одѣнетесь, я обязуюсь честнымъ словомъ русскаго офицера сегодня же отвезти васъ въ

Digitized by Google

Сухумъ, или куда вы прикажете. Идите же въ каюту—не медлите ни минуты, и возьмите эту фляжку съ лѣкарствомъ:—выпейте еще нѣсколько капель этого лѣкарства и имъ же натрите себя хорошенько, дóсуха, все тѣло, особенно же ноги.

Видя, что всѣ такъ ласковы съ нею, что глаза окружающихъ ее офицеровъ смотрятъ на нее съ такою участливою нѣжностью, Эсма-ханумъ снова расплакалась и послушно ушла въ каюту.

— Какое прелестное созданіе!—сдержанно проговорилъ Додтъ.

— А что за глаза! глаза ангела!

— Но какъ малютка попала въ море?—спросилъ докторъ.

— Ничего не понимаю, — отвѣчалъ Яшвиль. — Я узналъ отъ нея только то, что она каталась съ какою-то молочною сестрою Арсланъ-бея, а какъ очутилась въ морѣ — не знаю! Могла по неосторожности вывалиться изъ лодки; но почему та, другая, не вытащила ея, а бросила утопать?

— Развѣ онѣ увидѣли насъ, испугались, и поторопились спасаться, а эта выпала изъ лодки?—сдѣлалъ предположеніе Додтъ.

— Можетъ быть, и такъ,—согласились офицеры.

Пока все это происходило, паруса, по приказанію Додта, были убраны на всей эскадрѣ, и она ошвартовалась въ виду Сухума. Сѣрыя стѣны крѣпости, ея башни и бойницы, плоскія кровли домовъ, высокіе минареты и темные игловидные кипарисы отчетливо вырисовывались на фонѣ высившихся за городомъ гигантскихъ горъ Кавказскаго хребта. На рейдѣ виднѣлись мачты турецкихъ судовъ, но большихъ военныхъ кораблей не было замѣтно.

Пользуясь остановкой эскадры, нѣкоторые офицеры съ другихъ кораблей пріѣхали на лейтенантскій фрегатъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. Имъ объяснили.

— Такъ она хороша, какъ гурія пророка?—спросилъ молоденькій гардемаринъ Боря Перелешинъ, общій любимецъ всей эскадры.— Это хорошее предзнаменованіе — такой очаровательный воинскій трофей. Хоть бы однимъ глазкомъ взглянуть на нее... Счастливчикъ этотъ Яша-виля!—на рукахъ держалъ такую цыпку.

— А вонъ смотрите, господа, она что-то выбросила изъ каюты.

— Какая ручка! Я успѣлъ замѣтить ея ручку.

Это Эсма-ханумъ выбросила свое мокрое одѣяніе. Князь Яшвиль и докторъ взяли его, чтобъ отдать просушить. Всѣ бросились смотрѣть на костюмъ хорошенькой турчанки.

— А! и штанишки, и рубашечка!—болталъ Боря Перелешинъ:— дайте перецѣловать.

— Пошелъ ты, мальчишка!—огрызнулся на него Яшвиль.

— Нижнія одежды невинной дѣвушки — святыня, — настави-

Digitized by Google

тельно проговорилъ старый докторъ, унося мокрый костюмъ «малютки».

Додтъ, между тѣмъ, приказалъ прислугѣ сервировать въ каютъ-компаніи роскошное угощеніе съ шампанскимъ. Всѣ были возбуждены и такъ торжественно настроены, точно въ самомъ дѣлѣ одержали блистательную побѣду. И не удивительно:—на военномъ фрегатѣ, готовящемся блокировать турецкую крѣпость, женщина — да еще такое прелестное созданіе!

Яшвиль и докторъ суетились въ поварской, развѣшивая у огня мокрыя принадлежности костюма юной турчанки, которыя очень быстро просыхали:—бурка, косматая и мягкая, всосала въ себя почти всю влагу. Скоро костюмъ былъ готовъ. Эсма-ханумъ, между тѣмъ, одѣтая въ ночную, тонкаго голландскаго полотна, сорочку Додта и въ его шолковый съ иголочки халатъ, вся раскраснѣвшаяся отъ нѣсколькихъ глотковъ рому, который она принимала за лѣкарство,—приподнявъ осторожно уголокъ шторки, съ любопытствомъ поглядывала украдкой на палубу, на группу офицеровъ, оживленно и весело разговаривавшихъ объ удивительномъ «найденышѣ», котораго подарило имъ Черное море. Ужасныя минуты, которыя пережила Эсма въ морѣ, точно задернулись какою-то дымкой. Онѣ казались ей сномъ, бредомъ, чѣмъ-то невѣроятнымъ. Неужели Дада хотѣла ее утопить, убить?—Да, она толкнула ее съ каика въ море и хотѣла убить багромъ. Она давно ревнуетъ ее къ Арсланъ-бею, хотя въ послѣднее время тщательно скрывала свои чувства и усиленно, по старому, ласкалась къ Эсмѣ, оказывая прежнюю нѣжность. И вотъ чѣмъ все это кончилось!.. Какъ-то онѣ теперь встрѣтятся? Что скажетъ вѣроломная подруга въ свое оправданіе? Какъ приметъ это Арсланъ-бей? А скрыть этого нельзя...

«Какіе они всѣ добрые,—мысленно говорила себѣ «малютка», украдкой поглядывая на офицеровъ.—Съ ними не страшно, а только стыдно... Какъ я одѣта»!

И краска стыда заливала ея нѣжныя щочки. Но во всемъ тѣлѣ она чувствовала благосостояніе и пріятную теплоту, хотя голова ея какъ будто немножко кружилась. Ужасныхъ минутъ, проведенныхъ въ морѣ, точно не существовало. Не будь она хорошимъ пловцомъ и не имѣй подъ рукою багра, который ее нѣсколько поддерживалъ, она давно была бы на днѣ моря. А теперь скоро увидитъ Арслана. Какое счастье!.. Ромъ нѣсколько туманилъ ея юную головку. Она даже ѣсть захотѣла.

Но вотъ старенькій евнухъ—докторъ представлялся ей старенькимъ евнухомъ батумскаго паши, пріѣзжавшимъ зачѣмъ-то въ Поти,—несетъ что-то на огромномъ подносѣ. Да, это ея одежда.

Digitized by Google

Какъ тщательно сложены и ея бѣлая съ золотомъ чадра, и ея красныя чевяки, и зеленыя шальварцы... Она снова покраснѣла.

И старенькій евнухъ, и тотъ красивый «грузинъ», что̀ вытащилъ ее изъ воды,—оба идутъ къ ея каютѣ. Кто-то постучалъ въ дверь.

— Не тревожьтесь, ханумъ,—услыхала она ласковый голосъ «грузина»:—это докторъ несетъ вамъ ваше одѣяніе. Впустите его къ себѣ.

Дверь отворилась, и докторъ вошелъ въ каюту.

— Вотъ вамъ, дитя мое, ваши одежды—онѣ хорошо просохли,—заговорилъ онъ по русски, стараясь придать и своимъ словамъ, и голосу такое выраженіе, какъ будто бы онъ говорилъ съ ребенкомъ.—Переодѣньтесь, малютка. А что ваша головка?—Докторъ дотронулся, точно до раскаленнаго желѣза, до головы дѣвушки.—Головка ничего — натуральная теплота... фебрисъ покинулъ васъ... Якши, якши!—говорилъ онъ, улыбаясь беззубымъ ртомъ:—optime, совсѣмъ якши!

И Эсма не могла не улыбнуться, глядя на добродушную физіономію старенькаго «евнуха»:—«ну, совсѣмъ батумскій евнухъ»! Ей даже не стыдно было съ нимъ.—«Точно наша старая ключница».

Докторъ любезно расшаркался и вышелъ.

XVI.

Столъ въ каютъ-компаніи былъ сервированъ на славу. Хрусталь и серебро такъ и сверкали. Изъ большой вазы со льдомъ выглядывали засмоленныя головки бутылокъ. Додтъ самъ осмотрѣлъ все и вышелъ на палубу.

— Ну, что наша милая гостья?—спросилъ онъ князя Яшвиля.

— Думаю, капитанъ, что она уже переодѣлась.

— Такъ пойдемте приглашать ее въ каютъ-компанію.

Они постучались въ дверь капитанской каюты.—Это я, ханумъ,—сказалъ Яшвиль:—можно войти?—Дверь отворилась, и они оба вошли въ каюту. Эсма стояла съ опущенной на лицо прозрачной чадрой.

— Позвольте вамъ представиться, ханумъ:—князь Яшвиль,—сказалъ молодой мичманъ, почтительно кланяясь.—Капитанъ-лейтенантъ Додтъ, начальникъ русской эскадры,—продолжалъ онъ, церемонно представляя юной турчанкѣ своего начальника.

Додтъ также молча поклонился.

— Позвольте просить васъ, ханумъ, въ наше общество—предложить вамъ русское гостепріимство,—продолжалъ Яшвиль.—Вы—

Digitized by Google

наша почетная гостья... Капитанъ проситъ васъ принять его скромное угощеніе—проситъ пожаловать въ каютъ-компанію.

Эсма-ханумъ безмолвно слушала, въ волненіи теребя края чадры. Казалось, она ничего не понимала, хотя Яшвиль говорилъ на чистомъ турецкомъ языкѣ—на языкѣ ея родины.

— У васъ это не принято, ханумъ,—появляться дѣвушкѣ въ обществѣ незнакомыхъ мужчинъ,—началъ снова Яшвиль.—Но вы теперь—на русскомъ кораблѣ, въ Россіи, и мы почтительно просимъ васъ уважить на этотъ разъ наши обычаи. Вы этимъ окажете намъ большую честь и доставите величайшее удовольствіе. У насъ, въ Россіи, женщина пользуется большимъ уваженіемъ: она—царица общества. Будьте же, ханумъ, нашею царицею хоть на одинъ часъ!

Молодой мичманъ вошелъ въ роль и говорилъ съ неподдѣльнымъ жаромъ. Юной турчанкѣ все еще казалось, что она продолжаетъ видѣть сонъ:—коварная Дада, паденіе въ страшную пучину, ужасъ смерти среди безбрежнаго моря, сковывавшій ея члены холодъ морской воды, жалобно кричащія надъ ея головою чайки, словно провожавшія ея въ холодную могилу похоронною пѣснью, голубое безжалостное небо надъ нею,—и потомъ благодѣтельныя руки вотъ этого добраго, ласковаго господина, выхватывающія ее изъ объятій смерти,—этотъ ласковый голосъ, этотъ нѣжный взглядъ... Сонъ, сонъ, сонъ,—но теперь такой радостный, такой волшебный, какіе она слышала въ дѣтствѣ, въ аулѣ Чичи, въ сказкахъ кормилицы. Это—духи моря, которые спасли ее, чтобъ возвратить Арслану... Они къ нему ведутъ ее—она должна имъ повиноваться въ ихъ сказочномъ царствѣ.

И когда Додтъ, видя, что она молчитъ, подошелъ къ ней и просунулъ ея маленькую ручку подъ свой правый локоть, чтобъ церемоніально вести ее къ столу, она машинально послѣдовала за нимъ въ сопровожденіи молодаго мичмана, ея спасителя. На палубѣ, передъ каютъ-компаніей, ее встрѣтили всѣ офицеры эскадры и, образовавъ шпалеры, встрѣчали и провожали ее поклонами до самой каютъ-компаніи. Развѣ видѣла она что-либо подобное раньше, у себя на родинѣ?—Да, это сонъ изъ волшебной сказки, событіе въ волшебномъ царствѣ...

Такъ они вошли въ каютъ-компанію, и Додтъ посадилъ свою прелестную гостью на почетное мѣсто, во главѣ богато-сервированнаго стола. Недоставало только букета передъ ея приборомъ. Но гдѣ взять цвѣтовъ въ открытомъ морѣ? Скоро всѣ офицеры заняли свои мѣста, а Додтъ и князь Яшвиль помѣстились: одинъ—съ правой, другой съ лѣвой стороны своей хорошенькой гостьи, и служители начали разносить кушанья.

Digitized by Google

— Ханумъ будетъ такъ любезна, что подниметъ чадру, чтобы кушать,—вѣжливо обратился Яшвиль къ своей сосѣдкѣ, которая сидѣла точно очарованная; да ей и казалось все это чарами. Она, дѣйствительно, откинула чадру, и присутствовавшимъ показалось, что на нихъ глянуло солнышко: — такъ прелестно было ея личико съ глазами ангела.

Вначалѣ всѣ сохраняли молчаніе, но всѣ видѣли, что очаровательная «малютка», проголодавшаяся порядкомъ, кушала исправно. Это прежде всѣхъ замѣтилъ докторъ, наблюдавшій за нею, какъ за своей паціенткой.

«У «малютки» хорошій апетитъ, — подумалъ онъ. — Значитъ— она здорова: homo id est, quomodo ille est, или, можетъ быть, я совралъ: homo talis est, quo modo est».

— Простите, очаровательная ханумъ,—уже смѣлѣе заговорилъ молодой мичманъ:—вы наша почтенная гостья, и мы еще не знаемъ вашего имени: скажите, какъ васъ зовутъ?

— Эсма... Эсма-ханумъ,—тихо отвѣчала она.

— Какое прелестное имя и какой восхитительный голосокъ!— не выдержалъ Боря Перелешинъ съ пирожкомъ въ рукѣ, моментально застывшей въ воздухѣ.

Эсма взглянула на юнаго гардемарина и улыбнулась: — до того наивнымъ показался ей его возгласъ и его восторженное лицо.

— Что за прелесть!—Что за восхитительное существо!—послышался уже болѣе смѣлый шопотъ среди офицеровъ.

— Но спросите, голубчикъ князь, какъ она очутилась въ морѣ?— обратился Додтъ къ Яшвилю.—И почему она не съ отцомъ, а, повидимому, въ Сухумѣ?

— Я стѣсняюсь, капитанъ.

— Почему же?—удивился Додтъ.

— Это будетъ что-то въ родѣ допроса, какъ будто шпіонство съ моей стороны; а, впрочемъ, я спрошу только, какъ она очутилась въ морѣ и почему не спасла ея какая-то Тата, что ли.—И Яшвиль заговорилъ объ этомъ.

— Мы съ Дадой катались вдвоемъ на нашемъ маленькомъ каикѣ,—несмѣло заговорила Эсма.—Потомъ мы увидѣли вдали ваши корабли... и очень испугались... Дада велѣла мнѣ перейти къ рулю, чтобъ повернуть каикъ назадъ, къ Сухуму. Я проходила мимо Дады и... упала въ море... Она меня столкнула...

— Столкнула?—спросилъ Яшвиль:—нечаянно?

— Нѣтъ... нарочно столкнула...

— Ахъ, гадина!—вырвалось у молодаго мичмана.—А багоръ?

— Она багромъ хотѣла ударить меня по головѣ и уронила багоръ.

Digitized by Google

— Боже, какое злодѣяніе! За что же это она, злодѣйка?

— За Арсланъ-бея... за то, что... Арсланъ-бей... добръ ко мнѣ... любитъ меня...

— А, понимаю! изъ ревности... Вообразите, господа,—обратился Яшвиль къ товарищамъ:—эту бѣдную дѣвочку хотѣла утопить изъ ревности молочная сестра Арсланъ-бея и столкнула ее въ море, а сама уплыла на каикѣ въ Сухумъ.

— Ахъ, растреклятая! и эдакую-то цыпочку!—снова не удержался Боря Перелешинъ.—О, только бы намъ взять Сухумъ, я самъ ту вѣдьму собачьимъ хвостомъ удавлю, ежа ей засуну... — Но тутъ онъ спохватился и зажалъ себѣ ротъ рукою.

— Такъ вы, дорогая Эсма-ханумъ, живете въ Сухумъ-Кале?— снова спросилъ Яшвиль.

— Да, въ Сухумъ-Кале.

— И батюшка вашъ тамъ?

— Нѣтъ, отецъ въ Трапезондѣ.

— Ну, господа! — громко сказалъ Яшвиль: — я больше допрашивать не могу — это будетъ уже шпіонство, свинство по отношенію къ этому очаровательному созданію. Знаю только теперь, что она живетъ въ Сухумѣ, а отецъ ея, Кучукъ-бей, въ Трапезондѣ. Догадываюсь, что Арсланъ-бей любитъ ее или она его жена...

— Не можетъ быть!—снова прорвался Боря Перелешинъ:—эдакая-то цыпочка и тотъ чортъ. Чортъ съ младенцемъ!

Въ это время начали разносить шампанское. Додгъ, взявъ свой бокалъ и поднявшись съ мѣста, громко сказалъ:

—Господа, провозглашаю тостъ за здоровье нашей милой гостьи, нашего очаровательнаго найденыша, который своимъ присутствіемъ осчастливилъ на краткій мигъ нашу эскадру: — пусть съ этой минуты она считается нашей дочерью—«дочерью эскадры». Здоровье благородной Эсма-ханумъ, «дочери эскадры»!

— Ура!—грянулъ общій возгласъ, а громче всѣхъ выкрикнулъ Боря Перелешинъ:—ура божественной цыпочкѣ!

Князь Яшвиль объяснилъ своей сосѣдкѣ значеніе тоста и возгласовъ. Эсма еще болѣе раскраснѣлась и взяла свой бокалъ. Всѣ стали подходить къ ней. Но она не рѣшалась пить. Къ ней подошелъ докторъ.

— Выкушайте, дорогая малютка,—сказалъ онъ отеческимъ тономъ:—это оживитъ ваши жизненныя силы—vis vitalis.

Яшвиль перевелъ ей слова доктора, и она послушно отпила изъ своего бокала. Подошелъ и Боря Перелешинъ со своимъ бокаломъ. Юное лицо его свѣтилось восторгомъ, глаза блестѣли. Онъ чокнулся

Digitized by Google

съ Эсмой, которая не могла не улыбнуться при видѣ глупо-восторженнаго лица юноши.

— Ахъ, теперь бы заорать: «горько» и расцѣловать губки, щечки, глазки и ножки,—сказалъ онъ, чокаясь съ княземъ Яшвилемъ и называя его «крестнымъ отцомъ цыпочки».

— Полно тебѣ, сумашедшій мальчишка! — остановилъ его послѣдній.

Какъ только встали изъ-за стола, Эсма начала просить Яшвиля, чтобъ онъ отвезъ ее въ Сухумъ.

— Я далъ вамъ, дорогая ханумъ, честное слово доставить васъ, куда прикажете, и долженъ исполнить его, хотя съ величайшимъ сожалѣніемъ,—сказалъ Яшвиль.—Вы, какъ солнышко, освѣтили нашъ фрегатъ, и теперь это солнышко покидаетъ насъ. Да будетъ воля Аллаха!

И онъ просилъ Додта тотчасъ же приготовить самую лучшую шлюпку фрегата—капитанскую. Всѣ стали протестовать, упрашивать, чтобъ хоть часокъ еще осталась у нихъ дорогая гостья; но Яшвиль настоялъ на своемъ. Черезъ нѣсколько минутъ, шлюпка-катеръ отчалила отъ фрегата. На рулѣ сидѣлъ Яшвиль, а Эсма помѣстилась на скамейкѣ рядомъ съ докторомъ. Предательскій и спасительный багоръ тоже взяли съ собой. Отъѣзжающимъ офицеры махали платками, посылая вслѣдъ «дочери эскадры» самыя лучшія пожеланія. Эсма дружески кивала головой и весело улыбалась. Катеръ летѣлъ, какъ птица, подъ стройные взмахи двѣнадцати веселъ. Вотъ скоро и рейдъ Сухума. Минуя стоявшія на рейдѣ турецкія фелюги и кочермы, катеръ ловко причалилъ къ берегу и сбросилъ сходни. Эсма птичкой выпорхнула на берегъ, а за нею Яшвиль и докторъ. Ихъ окружили любопытные сухумцы и турки. Навстрѣчу имъ изъ воротъ крѣпости торопливо вышелъ Арсланъ-бей со свитой. Эсма бросилась къ нему, а онъ поднялъ ее, какъ маленькаго ребенка, и, не помня того, что они не одни, сталъ осыпать ее поцѣлуями.

— Вотъ мой спаситель,—вырвавшись изъ его объятій, указала она на князя Яшвиля:—а вотъ онъ, этотъ добрый старичокъ, лѣчилъ меня.

Арсланъ-бей протянулъ было руки, чтобъ обнять и молодаго мичмана; но тотъ отступилъ назадъ.

— Берегите это милое дитя, укройте ее отъ нашихъ ядеръ и бомбъ,—сказалъ онъ, указывая на Эсму:—мы сейчасъ же станемъ блокировать вашу крѣпость.

— Да, берегите малютку,—пробормоталъ и докторъ:—она слишкомъ была потрясена.

— Прощайте, ханумъ! да пошлетъ вамъ Аллахъ благополучіе и

Digitized by Google

счастье!—растроганнымъ голосомъ сказалъ Яшвиль.—Я никогда васъ не забуду!

Въ это время послышались крики въ толпѣ:—«Женщина, женщина упала со стѣны»!

— Дада моя! Дада! дочь моя!—раздался отчаянный вопль мужчины.

Арсланъ-бей узналъ этотъ голосъ:—то былъ отецъ Дады, старый Тутшугъ. Арсланъ-бей и Эсма-ханумъ торопливо приблизились къ Тутшугу, судорожно ломавшему руки надъ распростертымъ на землѣ тѣломъ. То была Дада. Увидавъ съ крѣпостной стѣны, что ея соперница и жертва ея злодѣянія спасена, она вонзила въ свое ревнивое сердце кинжалъ по самую рукоятку и грохнулась съ крѣпостной стѣны.

— О, Дада! ты не избѣгла гнѣва Аллаха,—тихо сказала Эсма-ханумъ, съ ужасомъ глядя на трупъ своего врага.

XVII.

Лишь только князь Яшвиль и докторъ возвратились на фрегатъ, какъ эскадра, выстроившись въ боевую линію, двинулась къ Сухуму. Въ три часа пополудни открытъ былъ огонь по всей линіи. Не смотря на то, что крѣпость отвѣчала эскадрѣ шестьюдесятью орудіями, огонь русскихъ дѣйствовалъ такъ убійственно, что стѣны крѣпости, казалось, дрожали и таяли. Орудійный дымъ, правда, мѣшалъ русскимъ видѣть, что творилось на стѣнахъ крѣпости, но въ рѣдкія мгновенія, когда дымъ относило вѣтромъ, въ зрительныя трубы можно было разсмотрѣть, что стѣны Сухума, дѣйствительно, таяли: это разрушались и обсыпались одна амбразура за другою, и бо́льшая часть крѣпостныхъ орудій съ подбитыми лафетами или умолкали совсѣмъ, или посылали свои ядра къ небу, задернутому облаками дыма, какъ бы взывая къ Аллаху о помощи, или же бросали ихъ такъ неудачно, что они ложились въ самомъ рейдѣ и топили свои собственныя суда и кочермы. Отъ зданій крѣпости уже поднимались къ небу огненные языки и, при наступавшихъ сумеркахъ, освѣщали и горы, и море багровымъ заревомъ. Что-то стихійное слышалось въ неумолкаемомъ грохотѣ, въ трескѣ и завываніи пожарной бури.

— Какая иллюминація въ честь божественной цыпочки!—восторженно говорилъ юный гардемаринъ Перелешинъ.

— Гдѣ-то она теперь, бѣдненькая малютка?—сокрушался докторъ.—Еще простудятъ ее!

Все слабѣе и слабѣе отвѣчали съ крѣпости, и тѣмъ дружнѣе дѣйствовали орудія русской эскадры. Додъ отдавалъ приказанія ров-

Digitized by Google

нымъ и спокойнымъ голосомъ, иногда же посылалъ въ рупоръ нервное слово команды то на тотъ, то на другой корабль, и всѣ орудія флотиліи, словно стройный оркестръ, разражались адскою музыкой. Во мракѣ ночи, освѣщаемой заревомъ пожара, съ рейда неслись по временамъ дикіе крики и проклятія, заглушаемые ревомъ орудій: то были крики и проклятія погибавшихъ вмѣстѣ съ своими судами турокъ. Тревожимыя постоянной пальбой, морскія чайки съ жалобнымъ крикомъ метались въ ночномъ воздухѣ или летѣли на свѣтъ пожарнаго зарева и погибали въ огнѣ. Всю ночь не умолкала канонада, и, когда вмѣстѣ съ заревомъ пожара стало загораться зарево восхода, крѣпость казалась мертвою: ни одно орудіе не подавало голоса со стѣнъ крѣпости и на стѣнахъ не видно было ни одного защитника.

— Совершилася!—сказалъ докторъ, глядя на побѣжденный городъ, и набожно перекрестился.—А что-то бѣдная малютка?

Когда окончательно умолкла канонада, слышенъ былъ только трескъ догоравшихъ и разрушавшихся домовъ, да нестройный гулъ голосовъ и выкрики команды на эскадрѣ. Это происходила посадка на мелкія суда десанта, который долженъ былъ занять оставленную непріятелемъ крѣпость. Солнце уже выглянуло изъ-за горъ, когда двѣ роты 4-го морскаго полка, высадившись на берегъ, съ распущеннымъ знаменемъ и съ музыкой вступали въ осиротѣвшую крѣпость. Вездѣ видны были слѣды разрушенія: на стѣнахъ — опрокинутыя и поврежденныя орудія, которыхъ оказалось ровно шестьдесятъ; полуразрушенные и догоравшіе дома; мертвыя тѣла, которыхъ не успѣли ни убрать, ни похоронить. На паперти мечети лежало мертвое тѣло молодой прекрасной женщины. Это была Дада, брошенная, съ кинжаломъ въ груди, на общее поруганіе, и, съ уходомъ Арсланъ-бея вмѣстѣ съ турецкимъ гарнизономъ, валявшаяся теперь, какъ никому не нужная падаль. Князь Яшвиль и докторъ замѣтили ее.

— Вотъ она, печальная жертва ревности,—покачалъ головою «Пёсъ Песовичъ»:—во истину—homo hominі lupus.

— А вѣдь она тоже была красавица,—замѣтилъ Яшвиль.

— Охъ, ужь эта красота!—вздохнулъ докторъ:—много она зла творитъ во всей вселенной.

— Зато «Пёсъ Песовичъ» никому не причинилъ зла своею красотой,—ехидно шепнулъ повѣса Перелешинъ своему другу, гардемарину Нахимову.

— А вы, Петръ Петровичъ, были когда нибудь влюблены?—спросилъ Нахимовъ.

— Homo, hominis filius sum, юноша,—отвѣчалъ старикъ и вздох-

Digitized by Google

нулъ.—Однако, надо бы похоронить эту бѣдняжку, хоть она и намѣревалась погубить нашу малютку. Гдѣ-то теперь Эсма?

— Въ горахъ, конечно,—отвѣчалъ Яшвиль.—Въ самомъ дѣлѣ, надо напомнить капитану, чтобъ онъ приказалъ убрать тѣла. Пойдемте, господа.

Они прошли въ ту часть Сухума, которая упиралась въ горы и которой не коснулась блокада. Тамъ, за мечетью, на площади, ихъ поразило странное зрѣлище. На толстомъ чинаровомъ брусѣ, въ три обхвата не менѣе, лежалъ навзничъ, привязанный къ брусу по рукамъ и ногамъ, и притомъ совсѣмъ голый, какой-то молодой абхазецъ. Около него стоялъ старикъ. Но что болѣе всего поразило пришедшихъ, это то, что лежащаго лизали собаки—лизали ему грудь, лицо, животъ и ноги, въ то время когда онъ скрежеталъ безсильно зубами и плевался. Увидавъ незнакомцевъ, и притомъ русскихъ офицеровъ, старикъ поклонился имъ, прикладывая руку ко лбу и къ груди.

— Что это такое, старичокъ?—спросилъ его князь Яшвиль.

Старикъ оказался тугъ на ухо, и пришлось повторить вопросъ.

— Этотъ человѣкъ, господинъ, оказался измѣнникомъ, и господинъ нашъ, Арсланъ-бей, приказалъ вчера подвергнуть его прежде публичному поруганію черезъ собакъ, пока не покроетъ его собою тѣнь отъ минарета, а потомъ отвязать и привести къ бею для казни. А какъ Арсланъ-бей и его воины оставили городъ еще ночью, а тѣнь отъ минарета уже покрыла половину тѣла измѣнника, то я жду, пока не покроетъ его всего Аллахъ своею тѣнью, и тогда развяжу его.

Пока старикъ говорилъ, Перелешинъ и Нахимовъ отогнали собакъ отъ несчастнаго

— Да онъ весь облитъ кислымъ молокомъ, кажется,—замѣтилъ Нахимовъ.

— Это такой обычай у абхазцевъ и у персіянъ,—сказалъ Яшвиль:—виновному обмазываютъ лицо и бороду кислымъ молокомъ, сажаютъ на осла или на лошадь, лицомъ къ хвосту, и водятъ по городу: это считается публичнымъ поруганіемъ. А высшее поруганіе—это раздѣваютъ виновнаго, вотъ какъ этого, донага, обливаютъ все его тѣло кислымъ молокомъ, привязываютъ къ брусу или тяжелой доскѣ и предоставляютъ собакамъ лизать его.

— Фу, какая мерзость! — воскликнулъ Перелешинъ: — отвяжи его, старикъ, скорѣй! Аллахъ уже покрылъ его.

Старикъ продолжалъ смотрѣть на несчастнаго, и едва тѣнь отъ минарета немного передвинулась къ югу, такъ что правая рука привязаннаго и правое плечо его стали выходить изъ тѣни,—какъ

Digitized by Google

онъ торопливо сталъ развязывать ремни, которыми стянуты были руки и ноги осужденнаго.

— Чѣмъ же провинился этотъ несчастный передъ Арсланъ-беемъ?—спросилъ Яшвиль.

— Да онъ, господинъ, тайно далъ знать, вчера вечеромъ, старшему брату Арсланъ-бея, Сеферъ-Али-бею, что урусы бомбардируютъ Сухумъ-Кале и, вѣроятно, скоро возьмутъ его, — отвѣчалъ старикъ.

— О! такъ онъ нашъ союзникъ, этотъ несчастный!—весело воскликнулъ Боря Перелешинъ.—Его не казнить надо, а наградить.

— Правда, юноша, правда,— подтвердилъ докторъ. — Sepheri-beji amicus—noster amicus! А какъ онъ тебѣ приходится, старина?

Старикъ молчалъ, не понимая по русски. Князь Яшвиль повторилъ вопросъ доктора.

— Онъ мнѣ сынъ, господинъ,—отвѣчалъ старикъ.

— Такъ вы оба—наши друзья и союзники,—сказалъ Яшвиль, хлопая по плечу старика, который торопливо развязывалъ затекшія посинѣвшею кровью руки и ноги несчастнаго сына.

Съ помощью отца, несчастный съ трудомъ приподнялся и сѣлъ на брусѣ. Стать на ноги онъ еще не могъ.

— Что жь ты его раньше не развязалъ, старичокъ, когда Арсланъ-бея давно уже нѣтъ въ Сухумѣ?—спросилъ Яшвиль.

— А по закону, господинъ, по корану: мулла говоритъ, что пока тѣнь Аллаха отъ минарета не покроетъ собою осужденнаго, до тѣхъ поръ его нельзя отвязывать, а то Аллахъ убьетъ его солнечною стрѣлой.

Въ это время послышались звуки рожковъ, призывавшіе команду къ сбору. Князь Яшвиль и оба гардемарина поспѣшили къ своимъ мѣстамъ, а докторъ остался около сидѣвшаго на брусѣ голаго абхазца, чтобъ подать ему помощь, какая понадобится. Обѣ роты морскаго полка, занявшія Сухумъ, выстраивались, между тѣмъ, на главной площади Сухума. Какъ только онѣ выстроились, въ городъ со стороны Кодора, съ музыкой и барабаннымъ боемъ, громыхая слѣдовавшими за отрядомъ двумя орудіями, вступила рота бѣлевскаго полка. Впереди ѣхали князь Орбеліани и Сеферъ-Али-бей, а около его стремени, на небольшомъ бѣломъ конѣ, ѣхалъ прелестный мальчикъ семи или восьми лѣтъ, въ богатомъ красномъ бешметѣ и въ бѣлоснѣжной папахѣ, вооруженный по всѣмъ правиламъ горскихъ военныхъ обычаевъ. Это былъ старшій сынишка Сеферъ-бея, Димитрій, будущій владѣтель Абхазіи, а пока—наслѣдникъ своего отца. Рядомъ съ мальчикомъ, не спуская съ него грустнаго любящаго взгляда, ѣхала молодая женщина въ богатомъ гор-

Digitized by Google

скомъ одѣяніи. Это была княгиня Тамара, мать прелестнаго мальчика и жена Сеферъ-бея, урожденная княжна Дадіанъ. Тутъ же слѣдовала небольшая свита изъ наиболѣе знатныхъ князей Абхазіи.

Когда вступили на площадь,—гдѣ расположены были герои вчерашней блокады Сухума,—двѣ роты морскаго полка со своими командирами и знаменемъ, вновь прибывшіе князь Орбеліани и Сеферъ-Али-бей со свитою, а за ними рота бѣлевцевъ съ двумя орудіями и сотнею абхазцевъ-пѣхотинцевъ, и съ полусотнею нашихъ линейныхъ казаковъ,—то въ ту же минуту, по отданіи вновь прибывшимъ воинской чести по статуту, послѣдніе сошли съ коней, и князь Орбеліани, приказавъ поставить посереди̇нѣ круга, образованнаго войсками, два большихъ турецкихъ барабана одинъ на другой, положилъ на верхъ ихъ высочайшую грамоту и знаки инвеституры, присланные изъ Петербурга, а равно ленту и знаки ордена Анны 1-й степени. Въ то же время, отъ свиты князя отдѣлился въ полномъ облаченіи старенькій священникъ, съ крестомъ и евангеліемъ, и положилъ эти священные предметы на высочайшую грамоту и на орденскую ленту.

Тогда, по знаку князя Орбеліани, Сеферъ-бей приблизился къ импровизированному аналою изъ двухъ барабановъ и поднялъ правую руку съ перстнымъ сложеніемъ.

— Я, Сеферъ-Али-бей, владѣтельный князь Абхазіи, во святомъ крещеніи Георгій, князь Шервашидзе, предъ всемогущимъ Богомъ и святымъ Его евангеліемъ обѣщаюсь и клянусь, и т. д.—старческимъ дребезжащимъ голосомъ возглашалъ священникъ, а за нимъ, гортаннымъ речитативомъ, повторялъ слова присяги Сеферъ-бей.

— Во свидѣтельство чего цѣлую крестъ и слова Спасителя моего,—заключилъ присягавшій, и поцѣловалъ распятіе и раскрытую страницу евангелія.

Въ это время князь Орбеліани, подойдя къ аналою и снявъ съ него крестъ и евангеліе, передалъ ихъ священнику, а самъ, развернувъ высочайшую грамоту, громко прочиталъ ее и вручилъ Сеферъ-бею, который благоговѣйно приложился къ собственноручной подписи государя Александра Павловича.

— Поздравляю васъ, ваша свѣтлость, князь Георгій Келешевичъ, съ монаршею милостію,—торжественно произнесъ князь Орбеліани и возложилъ на новаго подданнаго Россіи орденскую ленту Анны 1-й степени.—Съ сего момента вы—не Сеферъ-Али-бей, а свѣтлѣйшій князь Георгій Шервашидзе.—И они поцѣловались.

Въ ту же минуту, изъ обоихъ орудій бѣлевскаго полка, въ знакъ торжества, сдѣланы были выстрѣлы, и имъ отвѣчали такими же салютами съ эскадры, стоявшей на рейдѣ.

Digitized by Google

— А наша «тёшша» позаористѣй ихнихъ водяныхъ пушчонокъ,—самодовольно замѣтилъ молодой запѣвала, Кудряшовъ.

— Знамо дѣло,—улыбнулся старый «Сукачъ»:—наша говоритъ по суворовски, что твой протодьяконъ.

Князь Орбеліани подошелъ къ маленькому Димитрію, который расширенными зрачками смотрѣлъ на невиданную церемонію, и ласково взялъ его за руку.

— Теперь, мой милый мальчикъ,—сказалъ князь,—подойди, поздравь папу съ монаршей милостью, и простись съ нимъ.

Димитрій подошелъ къ отцу. Тотъ нѣжно его обнялъ, долго цѣловалъ, три раза перекрестилъ и подвелъ къ матери. Княгиня Тамара страстно обхватила мальчика и съ воплемъ стала цѣловать его. Съ трудомъ князю Орбеліани удалось вырвать сына изъ объятій обезумѣвшей отъ горя матери.

Его тотчасъ же увели, чтобъ отправить въ Петербургъ въ качествѣ аманата—въ залогъ вѣрности Россіи его отца и всей Абхазіи.

Д. Мордовцевъ.

Конецъ первой части.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

Лиліи.

(Изъ А. Асныка. Съ польскаго).

Золотыя кудри въ косы
Панночка плететъ;
Заплетаючи, въ раздумьѣ
Пѣсенку поетъ:

— Темной ночью, бѣлыхъ лилій
Сонъ неясный тихъ;
Вѣтерокъ ночной прохладный
Колыхаетъ ихъ.

Ночь ихъ чашечки закрыла,—
Ночь хранитъ цвѣты
Въ одѣяніи невинной,
Чистой красоты,—

И сказала: «спите, спите
Въ этотъ тихій часъ!
День настанетъ—солнца пламень
Сгубитъ, сгубитъ васъ!..

Дня не ждите—безконеченъ
Знойный день, а сонъ—
Счастья сонъ—не долговѣченъ
И умчится онъ»!..

Но, таинственно впивая
Холодокъ ночной,
Къ солнцу тянутся, къ востоку,
Лиліи съ тоской;

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

Въ 1897 году ежемѣсячный журналъ

IV г. „БИБЛІОТЕКА ВРАЧА" г. IV

будетъ выходить въ объемѣ не менѣе **двадцати** листовъ въ мѣсяцъ, при участіи гг. профессоровъ:

В. Ф. Грубе, А. Я. Кожевникова, С. С. Корсакова, Л. Л. Левшина, И. И. Нейдинга, А. А. Остроумова, А. И. Поспѣлова, В. К. Рота, В. М. Тарновскаго, В. А. Тихомирова, Н. Ѳ. Филатова, А. Б. Фохта и Ѳ. Ѳ. Эрисмана.

I. Въ отдѣлѣ «Оригинальныхъ сочиненій» редакція намѣрена помѣстить, кромѣ другихъ статей, слѣдующія работы: 1) Д-ръ Орловскій. — Сифилитическія заболѣванія спиннаго мозга (съ хромолитографич. таблицами и фототипіями); 2) Проф. Л. Л. Левшинъ.—Руководство по частной хирургіи (продолженіе).

II. Въ отдѣлѣ «Переводныхъ сочиненій» предполагается помѣстить слѣдующія руководства: 1) Проф. Karl Stoerck. — Болѣзни носа, зѣва и гортани (съ 89 рис.); 2) Проф. E. Nicaise.—Антисептика въ обыденной хирургической практикѣ (съ 88 рис.); 3) Проф. H. Oppenheim.—Сифилитическія заболѣванія головн. мозга. Перев. д-ра Л. А. Говсѣева подъ редакц. проф В. [illegible]та.

Кромѣ того, редакція имѣетъ въ виду начать въ 1897 году печатаніе обширнаго **«Руководства по частной патологіи и терапіи»**, выходящее въ Парижѣ подъ редакціей проф. P. Brouardel'я, A. Gilbert'a и J. Girode'a при содѣйствіи лучшихъ медицинскихъ силъ Франціи. Въ 1897 г. будутъ помѣщены два тома этого руководства, обнимающіе собою **инфекціонныя болѣзни** и представляющія полный сводъ современныхъ знаній по этому отдѣлу патологіи. Въ составленіи этихъ двухъ томовъ участвовали такія силы, какъ Girode, Grancher, Netter, Galliard, Thoinot, Straus, Hallopeau, Widal, Landouzy, Gilbert, Balzer, Brouardel и пр. Каждый томъ будетъ содержать около 50 печатныхъ листовъ. Редакція предлагаетъ въ послѣдующіе годы дать переводъ всего руководства, по мѣрѣ появленія его во Франціи (пока вышло только три тома). Постоянные подписчики нашего журнала получатъ, такимъ образомъ, современемъ цѣнный вкладъ въ свою медицинскую библіотеку въ видѣ 10-томнаго руководства, обнимающаго собою всю частную патологію и терапію въ ея современномъ состояніи.

III. **Монографіи и лекціи.** — IV. **Рефераты.** Этотъ отдѣлъ значительно расширенъ и будетъ заключать въ себѣ сжатое изложеніе текущей литературы и отчеты спеціальныхъ корреспондентовъ о засѣданіяхъ иностранныхъ ученыхъ обществъ. — V. **Обзоры.** Сюда войдутъ «Обозрѣнія» и «Вопросы современной медицины», съ характеромъ которыхъ уже знакомы подписчики прошлыхъ лѣтъ. — VI. **Новыя книги.** Критическій разборъ важнѣйшихъ сочиненій и монографій, русскихъ и иностранныхъ,—VII Труды ученыхъ обществъ.—VIII Объявленія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой **десять рублей** въ годъ (за границу **12** р.). Допускается разсрочка: 5 руб. при подпискѣ, остальн. къ 1-му мая.

Полные экземпляры журнала за 1894 и 1895 г. продаются по 10 руб. съ пересылкой.

Подписка принимается въ книжномъ магазинѣ А. А. Карцева (Москва, Мясницкая, Фуркасовскій пер., д. Обидиной).

Издатель *А. А. Карцевъ.* Редакторъ *Д. П. Дубелиръ.*

29

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 Г. НА ЖУРНАЛЪ

XVII годъ. „ОСКОЛКИ“ годъ XVII.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ И ПРИ ПОСТОЯННОМЪ УЧАСТІИ

Н. А. ЛЕЙКИНА.

Еженедѣльный (52 нумера въ годъ) иллюстрированный юмористическій журналъ «Осколки» съ карикатурами, вступая въ СЕМНАДЦАТЫЙ годъ своего существованія, будетъ издаваться въ 1897 году подъ той же редакціей и по той же программѣ, какъ и въ 1896 году.

Журналъ «Осколки» издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій. Редакція старается, по мѣрѣ силъ и возможности, откликаться въ легкой и живой формѣ: карикатурами, юмористическими стихами, фельетонными очерками, сценками, шаржами и пародіями, на всѣ явленія текущей жизни, какъ столичной, такъ и провинціальной. Рисунки печатаются частью черными, частью ВЪ КРАСКАХЪ. Въ 1897 году редакція обратитъ вниманіе на всестороннее улучшеніе журнала.

ЦѢНА ЗА ЖУРНАЛЪ:

СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ:		БЕЗЪ ДОСТАВКИ И ПЕРЕСЫЛКИ:	
На годъ	9 р.	На годъ	8 р. —
На полгода	5 »	На полгода	4 » 50
На три мѣсяца	3 »	На три мѣсяца	2 » 50
За границу на годъ	10 »		
» » » ½ года	6 »		

Допускается разсрочка подписной платы черезъ господъ казначеевъ или по личному соглашенію подписчика съ Главной Конторой журнала «Осколки».

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала «Осколки» въ С.-Петербургѣ (Спасская улица, д. № 17).

Редакторы-Издатели: Н. Лейкинъ и Р. Голике.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА ГАЗЕТУ:

ЦѢНА НА ГОДЪ **3 руб.** СЪ ДОСТ. И ПЕРЕС.

„ОТГОЛОСКИ“

АДРЕСЪ: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 6-я РОЖДЕСТВЕНСКАЯ, 10.

(годъ изданія 2-й).

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ новостей въ области политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всѣхъ выдающихся и интересныхъ новинкахъ русской литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до извѣстной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается преимущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и ежемѣсячными журналами и разбираться въ массѣ даваемаго ими матеріала. Изданію придана серьезная постановка. Особенное вниманіе обращено на сообщенія изъ провинціи, силами которой питаются наши центры, умственный и моральный ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни.

Газета выходитъ еженедѣльно, нумерами обычнаго формата еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданій. — Условія подписки: на годъ съ дост. и пер. 3 руб. За границу на годъ 5 р.—Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, 6-я Рождественская ул., д. 10.

Редакторъ-издатель И. В. СКВОРЦОВЪ.

Digitized by Google

1835. ОТКРЫТА ПОДПИСКА. 1897.

БОЛЬШОЙ СЕМЕЙНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

ШЕСТЬДЕСЯТЪ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Возрастающая съ каждымъ годомъ распространенность журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, даетъ возможность въ 1897 году сдѣлать ВАЖНЫЯ и СУЩЕСТВЕННЫЯ УЛУЧШЕНІЯ въ изданіи, не бывалыя до сихъ поръ ни въ одномъ журналѣ, заключающіяся въ увеличеніи литературнаго матеріала для чтенія въ ЧЕТЫРЕ РАЗА БОЛѢЕ противъ прежнихъ лѣтъ и въ усовершенствованіи внѣшняго вида до изящества дорогихъ заграничныхъ изданій, НЕ ВОЗВЫШАЯ ПРЕЖНЕЙ СКРОМНОЙ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ, что въ общемъ дастъ гг. подписчикамъ—

ДВА САМОСТОЯТЕЛЬНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗДАНІЯ

1) еженедѣльный, семейный и художественно-литературный журналъ

52 иллюстрированныхъ нумера изящной литературы исключительно извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Каждый нумеръ состоитъ, въ общемъ, изъ 2½—3 листовъ большого формата, отпечатанныхъ на роскошной бѣлой бумагѣ съ 7—10 рисунками.

При нумерахъ журнала, между прочимъ, въ теченіе года выдается: I. 52 нумера—«Хроника событій за недѣлю».—II. 12 нумеровъ «Парижскихъ новѣйшихъ модъ» съ рисунками.—III. 12 Раскрашенныхъ картинъ (модные дамскіе костюмы и рукодѣлія).—IV. Рисунки для вышивки бѣлья, платьевъ, костюмовъ, шерстью, снурками, шолкомъ, золотомъ и проч.—V. 12 выкроекъ въ натуральную величину.—VI. Рисунки для выпиливанія (оригинальные) разныхъ изящныхъ предметовъ, полезныхъ въ хозяйствѣ. — VII. 12 новѣйшихъ музыкальныхъ пьесъ (романсы, танцы и проч.). — VII. Стѣнной календарь, отпечатанный цвѣтными красками и золотомъ.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ НОВОСТЬ ПРИ ЖУРНАЛѢ

ежемѣсячно будетъ выданъ одинъ нумеръ журнала

СЪ КАРТИНАМИ ИЗВѢСТНЫХЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

ОТПЕЧАТАННЫХЪ ВЪ НѢСКОЛЬКО ТОНОВЪ ЦВѢТНЫМИ КРАСКАМИ

(по образцу дорогихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ изданій).

2) ежемѣсячное литературное приложеніе

ДВѢНАДЦАТЬ БОЛЬШИХЪ ТОМОВЪ

Въ составъ которыхъ входятъ: *новые историческіе, этнографическіе и современные романы, повѣсти, разсказы русскихъ и иностранныхъ писателей*, а также *стихотворенія, научныя, сельско-хозяйственныя статьи, смѣсь и проч.*

Ежемѣсячно выходитъ ОДИНЪ ТОМЪ (между 1 и 10 числами), изящно отпечатанный, въ формѣ книгъ «Вѣстника Европы» и другихъ большихъ дорогихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, въ размѣрѣ отъ 20 до 25 листовъ. Къ каждомъ томѣ помѣщаются только НОВЫЯ литературныя произведенія, а не ПЕРЕПЕЧАТКА старыхъ сочиненій. Въ каждомъ томѣ помѣщается обязательно ОДИНЪ или ДВА законченныхъ романа изъ коихъ нѣкоторые будутъ съ иллюстраціями и портретами.

ПОДПИСНАЯ ГОДОВАЯ ЦѢНА ПРЕЖНЯЯ.

На годъ съ доставкой и по Имперіи: 8 р. — Безъ доставки въ Спб. 7 р. — въ Москвѣ 7 р. 75 к. На полгода (съ доставкою по Имперіи) 4 р.—На три мѣсяца 2 р.—За границу: на годъ 16 р. Разсрочка взносовъ на другіе сроки допускается, но по соглашенію съ Главною конторою.

Годовые подписчики журнала „ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“, желающіе пріобрѣсти новое художественное изданіе — „Библія въ картинахъ знаменитаго художника Г. Дора“ (200 картинъ съ текстомъ и въ обертцѣ), уплачиваютъ 1 р. 50 к. за экземпляръ съ доставкою, а за прежнія изданія: портреты Ихъ Величествъ, „Бурлаки на Волгѣ“, „Аѳонъ“ и проч.. уплачиваютъ за экземпляръ картины (съ доставкою)—ОДИНЪ РУБЛЬ. Безъ доставки въ Спб.—75 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: СПБ., НЕВСКІЙ ПРОСП., Д. № 68—40.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ изданій высылается безплатно.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА.

Большая ежедневная политическая и литературная газета

(Безъ предварительной цензуры).

„СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

1812. Годъ изданія 85-й. **1897.**

Печатается ежедневно въ двухъ изданіяхъ: первое изданіе выходитъ ежедневно листами большаго формата, съ еженедѣльными иллюстрированными приложеніями.

Въ ежедневныхъ нумерахъ газеты, кромѣ статей по современнымъ вопросамъ, сообщается о всѣхъ выдающихся событіяхъ въ придворной, духовной и военной сферахъ, а также всѣ важныя новости дня столичной, внутренней и иностранной жизни, по свѣдѣніямъ спеціальныхъ корреспондентовъ газеты и телеграммъ—одновременно съ другими дорогими изданіями, а потому газета «Сынъ Отечества» въ первомъ (большомъ) изданіи вполнѣ замѣняетъ дорогое ежедневное изданіе.

Кромѣ ежедневныхъ нумеровъ газеты, годовые подписчики получатъ:

1) **52 №№ воскресныхъ приложеній**, печатаемыхъ на веленевой глазированной бумагѣ, въ видѣ еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала, гдѣ помѣщаются романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія и болѣе 300 художественныхъ рисунковъ; 2) **12 №№ «Моды и Рукодѣлія»**, замѣняющія «Модный Журналъ»; 3) **Стѣнной Календарь** разсылается, какъ прибавленіе при первомъ нумерѣ газеты. Въ числѣ 52 безплатныхъ приложеній всѣ годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» (первое изданіе), въ 1897 г., получатъ: большой томъ избранныхъ литературныхъ произведеній **А. Михайлова** — «Грѣхи прошлаго», большой романъ, не вошедшій въ «Полное собраніе сочиненій».

Подписная цѣна на первое изданіе (съ доставкою): на годъ **8** р., на полгода—**4** р., на три мѣсяца—**2** р., на одинъ мѣсяцъ—**1** р. Разсрочка взносовъ допускается, но по соглашенію съ главною конторою.

Второе изданіе газеты «Сынъ Отечества»: въ нумерахъ газеты помѣщаются всѣ выдающіяся новости, а также придворныя, административныя, военныя и научныя извѣстія и телеграммы — одновременно со всѣми другими дорогими изданіями.

Каждый воскресный нумеръ въ 1897 г. будетъ выходить въ размѣрѣ отъ 12 до 16 страницъ, отпечатанныхъ на глазированной бумагѣ съ художественно-выполненными портретами Высочайшихъ Особъ, современныхъ государственныхъ дѣятелей (русскихъ и иностранныхъ), а также иллюстраціями торжествъ и событій, сосредоточивающихъ на себѣ, въ извѣстный моментъ, особое вниманіе русскаго общества.

Подписная цѣна на второе изданіе (съ доставкою и пересылкою по Россіи): на годъ—**4** руб., на полгода—**2** руб., на три мѣсяца—**1** руб.

Годовые подписчики газеты «Сынъ Отечества» въ 1897 г. могутъ получить новое роскошное изданіе, необходимое для каждой семьи, а именно-новый большой художественный альбомъ—

Библія въ картинахъ знаменитаго художника г. Доре.

(200 картинъ съ поясненительнымъ текстомъ и въ изящной оберткѣ). Цѣна для подписчиковъ (съ доставкою) **1** р. **50** к.

Желающіе пріобрѣсти, вмѣсто премій, художественныя изданія (портреты Ихъ Императорскихъ Величествъ, «Аѳонъ», «Бурлаки на Волгѣ», «Жертва Волги» и другіе за прежніе года), уплачиваютъ за каждый экземпляръ, съ доставкою—**1** руб. Безъ доставки—**75** коп.

Иллюстрированное объявленіе и списокъ художественныхъ изданій высылаются безплатно.

Digitized by Google

„РУСАЛКА“ въ СИЛУЭТАХЪ,

или подпишитесь въ 1897 году на юмористическій журналъ

„БУДИЛЬНИКЪ“.

ФЕЕРІЯ

ВЪ ОДНОМЪ ЯВЛЕНІИ.

Подписчикъ *(безпомощно разсматривая журналы)*: — Журналы, журналы, очень много журналовъ!.. На какой только подписаться?

Мефистофель (*появляясь изъ массы журналовъ*): — Если ищете нѣчто серьезно-юмористическое, то подпишитесь на журналъ «Будильникъ». **Ежедѣльно обозрѣваетъ Москву, Петербургъ, особенно провинцію и заграницу;** все смѣшное и заслуживающее осмѣянія изображаетъ въ стихахъ, въ прозѣ, въ рисункахъ, перомъ карандашемъ и краскою.

Подписчикъ. — Ба, знакомый! я видѣлъ тебя на всероссійской выставкѣ... А какая премія на 1897 годъ?

(*Шумъ и трескъ. Появляется «Русалка» въ силуэтахъ*).

Подписчикъ.—Что вижу? О, чудное созданье! (*Мефистофелю*). Ты опять за старыя шутки; Фауста соблазнилъ Маргаритой, а меня—русалкой...

Мефистофель.—Но какой русалкой!.. Вѣдь это «Русалка» А. С. Пушкина, въ 12 силуэтахъ художника Изенберга, съ полнымъ текстомъ поэмы великаго поэта ..

Подписчикъ.—Неужели, какъ Фаусту, мнѣ нужно душу отдать?

Мефистофель. — Нынѣче души не въ цѣнѣ. Обойдется дешевле: подпишитесь на журналъ «Будильникъ». Подписка принимается **въ Москвѣ, въ редакціи «Будильника». За годъ съ преміей и пересылкой 10 руб.** Живущимъ въ Москвѣ—на 1 рубль дешевле.

Подписчикъ.—Нельзя-ли въ разсрочку?

Мефистофель.—Если такъ скупы, уплатите 5 руб. при подпискѣ, а 5 руб. въ іюнѣ 1897 года.

Подписчикъ. — Шучу, не нуждаюсь. Уплачу 10 руб. Гораздо больше тратимъ часто на одинъ обѣдъ или ужинъ, а тутъ за 10 рублей я буду «питаться» цѣлый годъ и еще получу «Русалку», въ силуэтахъ...

Мефистофель. — Разумныя рѣчи пріятно слушать!.. Не забудьте адресъ: **Москва, редакція «Будильника».**

Открыта подписка на **1897** годъ

на ежедневную газету въ Ростовѣ на Дону

„ЮЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФЪ“.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ 4 руб., за 3 мѣсяца 1 руб.

Такса за объявленія: за строку петита или занимаемое ею мѣсто: впереди текста по 10 коп., послѣ текста—5 коп. за каждый разъ.

За приложенія при газетѣ 6 руб. съ 1,000 экземпляровъ.

Объявленія и подписка адресуются въ Ростовъ на-Дону, въ контору газеты «Южный Телеграфъ».

Редакторъ-издатель **М. Я. АЛЕКСАНОВЪ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ТРИ ИЗДАНІЯ
на 1897 годъ:

I.

НОВОСТИ ДНЯ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XV-ый.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА

СЪ ПОРТРЕТАМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ И ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ВЪ МОСКВѢ И НА ГОРОДА: съ доставкою на годъ—8 р., на шесть мѣсяцевъ—5 р. 50 к., на три мѣсяца—3 р., на одинъ мѣсяцъ—1 р.

II.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Выходятъ ежемѣсячными книжками и даютъ въ русскомъ переводѣ лучшія произведенія иностранныхъ писателей: французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ, итальянскихъ, шведскихъ и проч.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годъ 8 р. Вмѣстѣ съ еженедѣльнымъ литературнымъ приложеніемъ «СЕМЬЯ», на годъ 2 руб.

III.

Еженедѣльное иллюстрированное литературное приложеніе

СЕМЬЯ

ВЫХОДИТЪ ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

изящная литература (романы, повѣсти, разсказы, очерки, стихотворенія, драматическія произведенія—оригинальныя и переводныя); научныя обозрѣнія, литературная, театральная, музыкальная и художественная критика; историческіе очерки и путешествія; біографіи; спортъ всѣхъ видовъ; изобрѣтенія, хозяйственныя свѣдѣнія, моды, смѣсь; задачи, шарады, ребусы, игры, музыкальныя ноты; почтовый ящикъ; иллюстраціи ко всѣмъ отдѣламъ, портреты выдающихся дѣятелей, рисунки, объясненія къ рисункамъ, виньетки и премія.

Подписная цѣна 2 руб. въ годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ВСѢ ТРИ ИЗДАНІЯ
12 рублей.

За эту сумму подписчикъ, слѣдовательно, получаетъ: 1) годовой экземпляръ газеты **«Новости Дня»**; 2) ежемѣсячный журналъ **«Новости Иностранной Литературы»**; 3) еженедѣльное иллюстрированное приложеніе **«Семья»**.

«Новости Дня» и «Новости Иностранной Литературы» въ годъ—11 р.
«Новости Дня» и «Семья»—10 р.

Адресъ: **Москва, «Новости Дня».**

Digitized by Google

Открыта подписка на 1897 г.

Годъ изданія XIII.

ВОКРУГЪ СВѢТА

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ путешествій и приключеній на сушѣ и на морѣ

ВЪ ТЕЧЕНІЕ ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ

50 еженедѣльныхъ иллюстрирован. №№, содержаніе которыхъ составляютъ романы, повѣсти, путешествія, популярно-научныя статьи и многочисленные рисунки.

БЕЗПЛАТНО

12 ТОМОВЪ, иллюстрированныхъ знамен. худож.: Эмилемъ Байяромъ, Невилемъ, Piy и другими, и содержащихъ въ себѣ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЖЮЛЯ ВЕРНА.

Собраніе это будетъ состоять изъ 12 томовъ большаго формата, и въ него войдутъ восемь слѣдующихъ романовъ, переведенныхъ съ полныхъ французскихъ изданій безъ всякихъ измѣненій и сокращеній:

I. 80,000 верстъ подъ водою 2 т.
II. Дѣти капитана Гранта 2 тома.
III. Таинственный островъ 3 тома.
IV. Воздушный корабль.
V. Зеленый лучъ.
VI. Вокругъ свѣта въ 80 дней.
VII. Вверхъ дномъ.
VIII. Путешеств. къ центру земли.

Кромѣ того, подписчики, при доплатѣ 1 р., получатъ **2 РОСКОШНЫЯ ПРЕМІИ,** состоящія изъ 2-хъ художествен. картинъ (олеографій)

Картины, размѣромъ 20¼ вер. въ длину и 13½ вер. въ ширину, исполнены въ артистическомъ заведеніи бр. Кауфманъ въ Берлинѣ съ оригиналовъ художника Кондратенко.

1) Южный берегъ Крыма съ видомъ Ялты.
2) Видъ Днѣпра у Кіева.

Оригиналы этихъ картинъ спеціально заказаны для премій 1897 года.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ЖУРНАЛЪ ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ.

НА ГОДЪ съ собран. соч. Жюля Верна съ доставк. и пересылкою **4 Р.**

Допускается разсрочка: при подпискѣ 2 р., къ 1-му апрѣля и 1-му іюля по 1 р.—За премію—при послѣднемъ взносѣ.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ: Москва, Валовая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

КРОМѢ ТОГО, ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и другихъ городовъ Россіи.

Журналъ издается Высочайше утвержденнымъ Т-вомъ И. Д. Сытина.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 1-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Смѣна поколѣній. Романъ А. Михайлова (А. К. Шеллера). 7
II. Фигляры. Стихотвореніе Аполлона Коринфскаго . . . 58
III. Либеральныя стремленія и практическая дѣятельность императора Александра I. Проф. Ѳ. В. Благовидова. . . . 60
IV. Монологъ. Стихотвореніе М. М. Гербановскаго 89
V. Путевыя наблюденія. С. Ѳ. Шарапова. 91
VI. Отравленная совѣсть. Романъ А. В. Амфитеатрова . . 112
VII. Два стихотворенія П. Петровскаго. 164
VIII. Мюратъ и жена его Каролина Бонапартъ. П. А. Висковатова. 166
IX. Крокодилъ Павловичъ. Разсказъ В. Э. Фирсова. . . . 182
X. За четверть вѣка. (Изъ воспоминаній). М. Скавронской. 201
XI. Хаосъ. Стихотвореніе Б. Никонова 228
XII. Пафнутьичъ. Разсказъ С. Елеонскаго 229
XIII. Страдальческая тѣнь. Стихотвореніе Л. Афанасьева . . 255
XIV. Неорганизованное представительство общественныхъ силъ въ государственномъ управленіи. Н. П. Дружинина . . . 257
XV. Отцы и дѣти въ современной деревнѣ. А. И. Фаресова . 278
XVI. Вьюнокъ. (Изъ Франсуа Коппэ). Стихотвореніе А. Гангелина. 297
XVII. Разбитыя сердца. Романъ Андрэ Тёрье 298
XVIII. Главнѣйшія теченія русской литературной критики. В. Е. Чешихина. 351
XIX. Д. М. Сольскій. (*Съ портретомъ*). 374

Современное обозрѣніе.

XX. Политическая хроника. 1
XXI. Новыя книги 27
XXII. Наши внутреннія дѣла 37
XXIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова. 52
2) Стихотворенія: графа Лимбургскаго, Невскаго Жителя и Фланера 59
XXIV. Объявленія о подпискѣ на газеты и журналы на 1897 г. 1—15

Digitized by Google

Ждутъ, чтобъ солнце блескомъ алымъ
И тепломъ своимъ
Нѣжно-бѣлые бокалы
Растворило имъ;

И напрасно ночь лелѣетъ
Каждый лепестокъ,—
Грезитъ дѣвушка о миломъ,
Солнца ждетъ цвѣтокъ!

Ив. Бунинъ.

Digitized by Google

ПРИНЦЕССА КРОВИ.

Романъ **Ярро** (Джуліо Пичино).

(Переводъ съ итальянскаго).

Часть II.

III.

Теперь мы должны возвратиться къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ этого романа, а именно къ маркизу Піетро ди-Трапани, о которомъ мы не вспоминали съ того самаго вечера, какъ онъ узналъ о похищеніи ребенка, которому предстояло въ глазахъ свѣта замѣнить его умершую дочь.

Со времени этого событія, Марко Альбони вступилъ на службу къ маркизу.

По наружному виду, человѣкъ этотъ сталъ неузнаваемъ. Весь въ черномъ, съ бѣлымъ галстукомъ, онъ важно и торжественно завѣдывалъ всѣмъ штатомъ маркиза; что же касается до этого послѣдняго, то онъ былъ въ полной зависимости отъ своего сообщника, въ рукахъ котораго бережно хранилось обличительное письмо вѣнскаго спеціалиста. Этотъ зловѣщій и таинственный человѣкъ былъ истиннымъ хозяиномъ въ домѣ маркиза ди-Трапани. Онъ обращался къ остальной прислугѣ съ краткими и сухими приказаніями; обѣдалъ и ужиналъ всегда за отдѣльнымъ столомъ; часы отдохновенія проводилъ въ саду или въ прихожей, всегда на виду у всѣхъ, съ молитвенникомъ или библіею въ рукахъ.

Этотъ бывшій каторжникъ усердно посѣщалъ церковныя богослуженія, раздавая при этомъ щедрую милостыню, и строго соблюдалъ посты, положенные церковью. Приходское духовенство молча преклонялось предъ этимъ строгимъ праведни-

Digitized by Google

комъ, не рѣшаясь даже обратиться съ рѣчью къ нему. Прежній человѣкъ проявлялся только въ общеніи съ маркизомъ Трапани. Тихо, неслышными шагами, какъ бы боясь обезпокоить своего господина, входилъ онъ къ маркизу, уже знавшему впередъ, чему онъ обязанъ этимъ посѣщеніемъ.

Марко Альбони поступалъ относительно маркиза ди-Трапани точно также, какъ поступала Христина Брако относительно принцессы Горрева:—много денегъ стоило маркизу молчаніе его сообщника!

Богатыя родственницы покойной маркизы высылали щедрое вспомоществованіе на содержаніе оставшейся послѣ нея дочери, но деньги эти были каплей въ морѣ для стараго кутилы, спустившаго на своемъ вѣку нѣсколько состояній. Частыя требованія денегъ со стороны Марко выводили изъ терпѣнія маркиза, находившагося постоянно въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Не разъ пробовалъ онъ, въ довольно рѣзкой формѣ, отказывать своему сообщнику.

— Развѣ вы уже забыли,—отвѣчалъ ему на это Марко,—что говорили мнѣ въ тотъ вечеръ, когда была похищена дѣвочка? Тогда, по вашимъ словамъ, я спасъ вамъ жизнь и честь. Теперь вы забываете, что мнѣ, одному мнѣ, обязаны вы роскошью, которая окружаетъ васъ. Намъ не приходится скрываться другъ отъ друга и потому будемъ откровенны. Признайтесь,—вы разсчитываете эксплуатировать красоту вашей дочери. Что же, мысль эта недурна! Я знаю, что объ этомъ поговариваютъ даже при дворѣ... Фаворитка, пользующаяся въ настоящее время милостями короля, не смотря на свою красоту, уже немного перезрѣла—ваша дочь вполнѣ достойна замѣнить ее! Присланное королемъ молодой дѣвушкѣ, дорогое жемчужное ожерелье ко дню ея именинъ обѣщаетъ многое въ будущемъ, въ особенности же принимая во вниманіе всѣмъ извѣстную скупость короля. Вы напрасно хотѣли утаить отъ меня этотъ подарокъ,—продолжалъ Марко,—не забывайте, что мы съ вами союзники, и что вы не должны и не смѣете предпринимать что либо, не посовѣтовавшись со мною. Я хочу участвовать въ барышахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ знать и чѣмъ мы рискуемъ.

— А чѣмъ мы рискуемъ?—спросилъ маркизъ, преклонявшійся предъ умѣніемъ Марко обдѣлывать темныя дѣла.

Digitized by Google

— Какъ чѣмъ рискуемъ?.. А вотъ чѣмъ. Не знаю, насколько это справедливо, но всѣ говорятъ, что принцесса ди-Капренна пользуется особымъ вниманіемъ короля... Изъ этого не слѣдуетъ, что она его любовница, но, безъ сомнѣнія, женщина эта имѣетъ сильное вліяніе при дворѣ. Нетрудно понять, что появленіе молодой и красивой соперницы приведетъ принцессу въ бѣшенство, и тогда месть ея можетъ обрушиться на васъ и на вашу дочь. Доведенная до крайности, она въ состояніи будетъ сдѣлать публичный скандалъ молодой дѣвушкѣ. Король, какъ вамъ извѣстно, избѣгающій огласки въ дѣлахъ такого рода, никогда не рѣшится послѣ этого...

Въ эту минуту, разговоръ маркиза съ его наперсникомъ былъ прерванъ появленіемъ дѣвушки, о которой шла рѣчь.

Дочь маркиза была идеально-прелестное существо. Высокая, стройная, съ нѣжными чертами лица и роскошными бѣлокурыми волосами, эта дѣвушка производила на всѣхъ чарующее впечатлѣніе.

— Діана!—произнесъ маркизъ, идя на встрѣчу дочери и холодно цѣлуя ее въ лобъ.

Дѣвушка отвѣтила ему такимъ же холоднымъ поцѣлуемъ.

— Папа,—сказала она равнодушно, и въ словахъ ея не звучалой обычной нѣжности, съ которою дѣти обращаются къ родителямъ.—Я ѣду съ визитомъ къ принцессѣ Горрева—сегодня ея пріемный день.

— Ну, что жь, и прекрасно,—отвѣтилъ маркизъ,—поѣзжай, другъ мой. Поклонись отъ меня принцессѣ...

Молодая дѣвушка удалилась въ сопровожденіи женщины лѣтъ сорока, дальней родственницы маркиза. Не смотря на свои почтенные годы, эта достойная особа, не имѣвшая вообще никакихъ предразсудковъ, наряжалась и молодилась, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Ея постоянной заботой было—нравиться мужчинамъ. И такую-то женщину маркизъ выбралъ въ наставницы своей дочери!

На пріемѣ у принцессы Горрева собралось человѣкъ шестьдесятъ. Это были, по большей части, знатнѣйшіе неаполитанскіе вельможи и ихъ жены.

Энрика, какъ любезная хозяйка, занимала всѣхъ. Для каждаго у нея были наготовѣ ловкая фраза и подходящее словечко. Она знала, кому польстить, кому выказать вниманіе, съ

Digitized by Google

кѣмъ пококетничать, а кого при случаѣ и уколоть. Бо́льшая часть свѣтскихъ женщинъ считаютъ эти обязанности тяжелыми и утомительными. Многія изъ нихъ не въ силахъ выносить эту постоянную необходимость говорить, двигаться, предугадывать чужія мысли, налету схватывать намеки, искусно отпарировать приторно-ядовитыя шуточки пріятельницъ и при всемъ томъ оставаться съ виду спокойной и безстрастной, глубоко затаивъ собственныя чувства и мысли.

На подобныхъ пріемахъ Энрика чувствовала себя въ своей сферѣ. Ея желѣзное здоровье и крѣпкіе нервы не легко поддавались усталости. Діана пріѣхала во дворецъ принцессы Горрева къ семи часамъ, когда всѣ гости уже разъѣхались и въ салонахъ наступила тишина, замѣнившая оживленные разговоры мужчинъ и болтовню женщинъ. Діана вошла одна въ домъ Энрики, такъ какъ сопровождавшая ее старая дѣва спѣшила куда-то, ссылаясь на неотложныя дѣла. Въ дѣйствительности же ее ждалъ двадцатилѣтній юноша, воспитаніемъ котораго она занималась. Въ гостинной принцессы молодая дѣвушка застала хозяйку дома въ обществѣ красиваго и изящнаго молодаго человѣка. Это былъ Адольфъ Веноза, сынъ очень богатыхъ родителей. Адольфа Венозу любили и высоко цѣнили въ обществѣ за его научныя познанія, серьезный умъ и большую скромность. Наивный, какъ ребенокъ, онъ не зналъ ни жизни, ни людей, увлекаясь наукою и посвящая ей все свое существованіе. Съ Діаной они встрѣтились впервые въ монастырѣ св. Клары, гдѣ молодая дѣвушка воспитывалась вмѣстѣ съ сестрою Адольфа Венозы.

Когда дочь маркиза Трапани вышла изъ монастыря, молодые люди, при первомъ же свиданіи, чистосердечно признались другъ другу въ любви. Съ дѣтской наивностью они рѣшили, что были предназначены свыше одинъ для другаго. Между тѣмъ, Діана вскорѣ замѣтила, что маркизъ съ недоброжелательствомъ смотритъ на ихъ взаимное чувство:—честный, открытый характеръ Адольфа не могъ снискать расположенія такого человѣка, какимъ былъ отецъ Діаны. Адольфъ Веноза также замѣтилъ нерасположеніе, которое онъ внушалъ отцу любимой дѣвушки. Не ускользнула отъ него и антипатія, ощущаемая Діаною къ человѣку, котораго она называла отцомъ. Молодые люди тщательно скрывали отъ всѣхъ зародив-

Digitized by Google

шееся въ нихъ чувство, но для многихъ оно уже не было тайною.

При входѣ въ гостинную принцессы, Діана поблѣднѣла и мгновенно остановилась — сердце ея болѣзненно сжалось. Адольфъ Веноза сидѣлъ на подушкѣ у ногъ Энрики и что-то оживленно разсказывалъ. Принцесса близко наклонилась къ своему собесѣднику и, улыбаясь, слушала его повѣствованіе.

При появленіи молодой дѣвушки, Энрика быстро встала и съ радостной улыбкой направилась навстрѣчу къ ней, но, при видѣ блѣдности и смущенія Діаны, слова замерли у нея на устахъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, дочь маркиза остановилась среди комнаты и стала пристально вглядываться въ лица принцессы и ея гостя: это былъ робкій испытующій взглядъ, искавшій истины и въ то же время страшившійся ея. Принцесса была въ недоумѣніи—она не могла объяснить себѣ ни смущенія молодой дѣвушки, ни страданій, отражавшихся на ея лицѣ.

— Что съ тобой, дитя мое?—спрашивала она Діану, лаская и цѣлуя ее.

Въ это мгновеніе, взглядъ дѣвушки случайно упалъ на маленькій столикъ, стоявшій посреди комнаты, на которомъ лежало развернутое письмо... письмо было писано рукою Адольфа. Итакъ, они были даже въ перепискѣ!

Не будучи въ силахъ перенести этотъ новый ударъ, бѣдная дѣвушка, заливаясь горькими слезами, упала на грудь принцессы, которая до глубины души были растрогана этимъ неподдѣльнымъ горемъ. Молодая женщина чувствовала къ этому ребенку непреодолимое влеченіе, непонятное для нея самой, никого не любившей въ своей жизни. Ее охватывало какое-то странное чувство необъяснимаго блаженства при видѣ этой милой дѣвушки, присутствіе которой успокоивало и смиряло буйную натуру принцессы. Діана, съ своей стороны, платила принцессѣ за ея любовь безграничнымъ обожаніемъ и, считая молодую женщину совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, преклонялась предъ нею; по мнѣнію дѣвушки, всѣ должны были боготворить эту красавицу, всѣ—кромѣ одного.

Маркизъ Трапани, состоявшій въ числѣ паразитовъ, окружавшихъ принцессу Горрева, съ удовольствіемъ замѣчалъ возраставшую привязанность обѣихъ женщинъ. Діана была пред-

Digitized by Google

ставлена ко двору подъ покровительствомъ Энрики—появленіе ея было замѣчено и произвело впечатлѣніе. Молодая дѣвушка была милостиво принята королемъ и королевою. Принцесса, опытная въ придворныхъ интригахъ, пробовала давать Діанѣ различные совѣты относительно манеры держать себя при дворѣ, но это было напрасное стараніе: слова ея пропадали даромъ, такъ какъ, не смотря на постоянное общеніе съ людьми, не отличавшимися строгою нравственностью, дочь маркиза была чиста и непорочна.

Когда Діана, вдоволь наплакавшись, наконецъ стала немного успокоиваться, принцесса усадила ее на диванъ рядомъ съ собою.

— Скажи мнѣ, что̀ тебя опечаливаетъ, моя милочка,—заботливо говорила дѣвушкѣ Энрика, лаская и обнимая ее.—Если хочешь, я провожу тебя въ мою спальню, гдѣ ты можешь отдохнуть и успокоиться.

При этихъ ласковыхъ словахъ, лицо Діаны просіяло. Ей уже не разъ случалось входить въ спальню красавицы-принцессы, и всякій разъ какое-то непонятное чувство нѣжности и благоговѣнія овладѣвало дѣвушкою. Она съ любовью прикасалась ко всѣмъ элегантнымъ бездѣлушкамъ, находившимся въ этой комнатѣ: черепаховые гребешки, серебряные и золотые флаконы, щеточки, пилочки, коробки съ пудрою—все это приводило въ умиленіе Діану. Когда же, однажды, она случайно увидѣла богатое дезабилье, которое принцесса имѣла обыкновеніе надѣвать по утрамъ, въ дѣвушкѣ проснулось страстное, неудержимое желаніе поцѣловать эту интимную часть туалета женщины, которую она боготворила. Странное таинственное чувство влекло дочь маркиза къ красивой и изящной принцессѣ Горрева. Въ своемъ юношескомъ воображеніи именно такою рисовала она себѣ свою покойную мать, которую никогда не знавала.

Въ то время какъ принцесса ухаживала и хлопотала около молодой дѣвушки, Адольфъ Веноза не зналъ, что̀ дѣлать и какъ̀ держать себя. Видя безполезность своего присутствія, онъ выжидалъ удобнаго момента, чтобы удалиться подъ благовиднымъ предлогомъ. До глубины души огорченный отчаяньемъ Діаны, молодой человѣкъ считалъ себя невправѣ, въ присутствіи третьяго лица, выказать свои чувства къ любимой дѣ-

Digitized by Google

вушкѣ. Онъ издали любовался этими двумя прелестными женщинами. Принцесса съ нѣжнымъ взглядомъ держала въ объятіяхъ плакавшую дѣвушку, бѣлокурые волосы которой выбились изъ-подъ шляпки и падали шелковистыми, густыми прядями почти до самаго полу.

«Можно предположить, что это двѣ сестры»—подумалъ удивленный молодой человѣкъ: «такое сходство между ними».

И, дѣйствительно, Энрика была такъ еще свѣжа и молода, что ее смѣло можно было принять за старшую сестру Діаны, тѣмъ болѣе что сходство между ними было поразительное. Понемногу молодая дѣвушка пришла въ себя и успокоилась. Желая скрыть отъ присутствовавшихъ настоящую причину своихъ слезъ, она сослалась на легкое недомоганіе, вызвавшее этотъ нервный припадокъ. Видя, что дѣвушка вполнѣ оправилась, принцесса, чтобы изгладить неловкое впечатлѣніе, произведенное предшествовавшей сценой, стала весело болтать и смѣяться. Бѣдная Діана терзалась, но употребляла всевозможныя усилія, чтобы казаться веселой и скрыть свои мученія.

Неклеившійся разговоръ былъ внезапно прерванъ появленіемъ лакея, доложившаго, что изъ замка Монтроне прибылъ управляющій, который по важному дѣлу долженъ немедленно видѣть принцессу. Получивъ приказаніе впустить прибывшаго, лакей удалился. Черезъ нѣсколько минутъ, въ гостинную вошелъ управитель принцессы Горрева.

— Ваша свѣтлость,—произнесъ онъ съ глубокимъ поклономъ,—у насъ случилось большое несчастіе.

— Что такое?—надменно спросила Энрика, даже не взглянувъ на говорившаго.

— Прошу вашу свѣтлость приготовиться выслушать печальную вѣсть.

— Говорите же, наконецъ, въ чемъ дѣло!—гнѣвно воскликнула Энрика.

— Сегодня утромъ,—произнесъ взволнованнымъ голосомъ управитель,—мы нашли человѣка, повѣсившагося на рѣшеткѣ сада. Въ карманѣ у него было вотъ это письмо,—продолжалъ управитель, подавая принцессѣ запечатанный конвертъ.

— Письмо адресовано на имя вашей свѣтлости,—произнесъ управляющій, видя, что Энрика не рѣшается взять его.

Digitized by Google

— Какъ звали этого человѣка?—небрежнымъ тономъ спросила Энрика, беря конвертъ.

— Сициліо Джонаконе!

При этомъ имени, принцесса быстро поднялась съ мѣста. По счастію, уже наступили сумерки, и въ комнатѣ было почти совсѣмъ темно, такъ что никто не замѣтилъ выраженія ужаса, отразившагося на ея лицѣ.

— Я не хочу наводить на тебя страхъ подробностями этого происшествія,—сказала Энрика, обращаясь къ Діанѣ голосомъ, который напрасно старалась сдѣлать спокойнымъ,—и потому удалюсь, чтобы покончить этотъ разговоръ, разсчитывая вполнѣ на любезность синьора Венозы, чтобы занять тебя во время моего отсутствія.

Говоря это, принцесса любезно кивнула головою молодымъ людямъ и направилась къ двери. Выходя изъ комнаты, она встрѣтилась съ маркизомъ ди-Трапани, пріѣхавшимъ за дочерью. Печальное извѣстіе, полученное изъ замка Монтроне, уже было ему извѣстно.

— Какъ я сочувствую принцессѣ,—произнесъ маркизъ, здороваясь съ Адольфомъ Венозою.

— Безъ сомнѣнія, извѣстіе это было ей очень непріятно,—замѣтила Діана:—я заключила это по ея измѣнившемуся голосу.

Въ эту минуту, двое слугъ внесли канделябры съ зажженными свѣчами. Между тѣмъ, Энрика, въ сопровожденіи управляющаго, прошла въ свой кабинетъ. Она сѣла въ кресло и произнесла взволнованнымъ голосомъ:

— Продолжайте!

— За послѣднее время старикъ совершенно помѣшался,—началъ свой разсказъ управляющій, стоя въ почтительной позѣ передъ принцессою.—Ничего не дѣлая, бродилъ онъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ въ окрестностяхъ парка, какъ дикій звѣрь, избѣгая общества людей. Иногда его видѣли сидѣвшимъ на крыльцѣ того домика, гдѣ онъ жилъ съ сыномъ еще въ то время, когда они оба служили у вашего покойнаго батюшки. Нѣсколько разъ онъ чуть-чуть не былъ растерзанъ собаками, которыхъ мы спускаемъ на ночь въ паркъ. Бѣдняга былъ уже такъ дряхлъ и такъ опустился за послѣднее время, что дни его, и безъ того, были сочтены!.. У насъ всѣ оплаки-

Digitized by Google

ваютъ несчастнаго старика, проклиная сына, причинившаго столько горя и стыда своему отцу...

Говоря это, управляющій зарыдалъ. При видѣ этихъ слезъ, страшная ярость исказила красивыя черты принцессы Горрева; невнятныя слова вырывались изъ ея пересохшаго горла, глаза метали молніи... она была похожа на тигрицу, которая готовится броситься на свою жертву.

— Я отказываю вамъ отъ мѣста!—произнесла она наконецъ, немного овладѣвъ собой,—и чтобъ завтра же вашего духу не было въ моемъ имѣніи. На что вы годны, если не съумѣли предотвратить подобнаго скандала въ моемъ домѣ?

Молодая женщина вся дрожала отъ злобы. Оторопѣвшій управляющій, не находя словъ отъ испуга, молча упалъ на колѣни, какъ бы моля о прощеніи. Гнѣвнымъ движеніемъ руки Энрика указала ему на дверь. Когда онъ вышелъ, принцесса позвонила. Явился дворецкій.

— Я отказала управляющему... Вы примете отъ него всѣ счеты, пока я найду ему замѣстителя.

Съ этими словами Энрика вышла въ ярко освѣщенную столовую. Столъ былъ накрытъ на десять персонъ. Взглянувъ съ удивленіемъ на часы, она увидала, что черезъ четверть часа гости начнутъ уже съѣзжаться къ обѣду—ужасная новость, полученная ею, заставила ее все забыть.

Она смотрѣла на богатую сервировку стола, убраннаго живыми цвѣтами, сверкавшаго серебромъ и дорогими хрустальными вазами, и мысленно сравнивала свое пышное существованіе съ горькою кончиною старика Джонаконе. Между тѣмъ, въ гостинной шелъ разговоръ, вызванный этою смертью.

— Никогда я не забуду,—говорилъ маркизъ, обращаясь къ Адольфу Венозѣ,—тяжелаго впечатлѣнія, произведеннаго на всѣхъ, а въ особенности на покойнаго герцога Монтроне и на его дочь, убійствомъ вашего кузена, графа Скуираче.

Адольфъ Веноза тяжело вздохнулъ.

— Простите меня,—продолжалъ маркизъ,—что я неосторожно вспомнилъ о событіи, такъ близко касающемся васъ.

— Повѣрьте, маркизъ,—отвѣтилъ юноша,—что мнѣ достаточно было услышать одно имя Джонаконе, чтобы это печальное происшествіе вновь предстало предо мною. Знаете ли мое мнѣніе по поводу этого процесса, надѣлавшаго въ свое

Digitized by Google

время столько шуму? Я убѣжденъ въ невинности Роберто Джонаконе и думаю, что графъ Скуираче, по собственной неосторожности, упалъ въ пропасть.

Діана съ напряженнымъ вниманіемъ слушала слова молодаго человѣка.

— Если васъ не затруднитъ,—обратилась она къ нему,—я попрошу васъ разсказать мнѣ подробности этого дѣла.

— Мой кузенъ,—началъ Адольфъ взволнованнымъ голосомъ—былъ красивый и изящный молодой человѣкъ, котораго зналъ весь Неаполь...

— А убійца?—перебила разсказчика Діана.

— Убійца извѣстенъ былъ всѣмъ, какъ добрый и честный малый. Онъ служилъ во флотѣ, гдѣ удостоился чина и награды за примѣрное поведеніе и рѣдкую храбрость. Товарищи любили его за тихій и кроткій нравъ.

— Но какъ же могъ этотъ прекрасный человѣкъ совершить такое ужасное преступленіе?—воскликнула Діана.

— Въ этомъ-то и заключается вся тайна,—отвѣтилъ молодой человѣкъ;—по моему мнѣнію, Роберто Джонаконе былъ скорѣе жертвою, чѣмъ убійцею... Я убѣжденъ, что между нимъ и графомъ Скуираче не могло быть повода ко взаимной непріязни, такъ какъ это были люди, не имѣвшіе между собою ничего общаго. Когда семья наша рѣшила отъ общаго имени послать на процессъ гражданскаго истца, мой отецъ возсталъ противъ этого, но ничего не могъ сдѣлать. Онъ находилъ, что мы были невправѣ выступать, какъ обвинители, противъ этого несчастнаго юноши, и былъ убѣжденъ, что въ этомъ дѣлѣ крылась какая-то тайна, въ которой была замѣшана женщина.

— Никогда не считалъ я вашего отца способнымъ на подобныя фантазіи,—насмѣшливо замѣтилъ маркизъ.

Наступило молчаніе. Доброе, отзывчивое сердце Діаны страдало по несчастномъ юношѣ, безвинно осужденномъ. Въ эту минуту вошла принцесса Горрева.

— Мы сейчасъ говорили о сынѣ этого бѣднаго старика,—сказала дѣвушка, довѣрчиво обращаясь къ вошедшей.—Какъ я жалѣю этого молодаго человѣка, котораго осудили, не имѣя на это положительныхъ данныхъ.

— Другъ мой,—сухо возразила Энрика,—ты еще слишкомъ молода и неопытна, для того чтобы судить объ этомъ;

Digitized by Google

впрочемъ, я думаю, что ты повторяешь чужія слова и, въ простотѣ душевной, вѣришь имъ.

Маркизъ сердито взглянулъ на Діану—онъ вовсе не желалъ, чтобы принцесса заподозрила его въ томъ, что онъ внушаетъ подобное мнѣніе своей дочери. Адольфу Венозѣ было не по себѣ—слова молодой женщины задѣли его за живое. Немного погодя, онъ всталъ и откланялся. Вскорѣ, вслѣдъ за нимъ, удалился и маркизъ съ дочерью. По уходѣ гостей, Энрика стала поспѣшно одѣваться къ обѣду. Поправляя передъ зеркаломъ складки своего богатаго туалета, принцесса вдругъ поблѣднѣла и быстро выбѣжала изъ комнаты—она увидѣла въ зеркалѣ, рядомъ съ собою, съ одной стороны фигуру старика-самоубійцы, съ другой — мрачное, отчаянное лицо Роберто...

Принцесса, любезно улыбаясь, принимала своихъ приглашенныхъ и, конечно, никто не могъ угадать, что̀ таилось подъ этою веселою, безпечною наружностью. По окончаніи обѣда, не будучи болѣе въ силахъ владѣть собою, молодая женщина, извиняясь нездоровьемъ, удалилась въ свою комнату.

Въ тотъ же вечеръ, за обѣдомъ, въ домѣ маркиза Трапани снова зашелъ разговоръ о самоубійствѣ старика Джонаконе; Синьора Теодора,—та самая бѣдная родственница маркиза, которая состояла при его дочери въ качествѣ наставницы,—стала припоминать во всѣхъ подробностяхъ драму, свершившуюся много лѣтъ тому назадъ въ паркѣ Монтроне.

— Какъ жаль графа Скуираче!—восклицала старая дѣва, умильно закатывая глаза,—это былъ прелестный молодой человѣкъ... А тотъ... другой, котораго приговорили, вотъ-то былъ красавецъ! Что за ростъ, что за плечи! Теперь не встрѣчаешь болѣе такихъ людей. Я вполнѣ убѣждена, что юноша этотъ былъ невиненъ.

Маркизъ сомнительно покачалъ головою.

— О, въ то время это говорили многіе!

Оставшись наединѣ со своею компаньонкою, Діана съ живымъ участіемъ стала разспрашивать ее о судьбѣ Роберто Джонаконе.

— Онъ невиненъ, я въ этомъ убѣждена,—говорила восторженнымъ голосомъ старая дѣва.—Я всегда мечтала, что этому бѣдному юношѣ удастся бѣжать изъ тюрьмы. Быть осужден-

Digitized by Google

нымъ навѣки, не сознавая за собой вины... Это ужасно! Будемъ надѣяться, что онъ предпринялъ побѣгъ и что побѣгъ этотъ удался ему.

— О, да!—воскликнула Діана, со слезами на глазахъ.—Я буду теперь ежедневно молиться за этого несчастнаго человѣка!

Необъяснимое чувство влекло дѣвушку къ этому приговоренному преступнику.

IV.

Заключенный въ одну изъ тюремъ Калабріи, Роберто Джонаконе постепенно привыкъ къ своему тяжелому положенію. Онъ хорошо сознавалъ, что только покорностью и примѣрнымъ поведеніемъ возможно было снискать расположеніе начальства, отъ котораго зависѣло смягчить участь заключеннаго.

Начальникъ тюрьмы, Филиппъ Карделло, былъ простой, добрый человѣкъ, уроженецъ Искіи. Въ молодости онъ, также, какъ и Роберто, служилъ во флотѣ, но, будучи однажды раненъ въ ногу во время бури на морѣ, не могъ уже продолжать службы и вышелъ въ отставку. Не смотря на то, что вслѣдствіе этой раны Филиппъ Корделло сталъ хромать, это былъ все таки сильный и ловкій человѣкъ, котораго слушались и боялись.

Первые три года, которые Роберто провелъ въ заключеніи, онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ не слыхалъ живаго слова. Всѣ его желанія и помыслы сводились къ одному: бѣжать изъ тюрьмы, и, разыскавъ опозорившую его женщину, жестоко наказать ее, Мало по малу сторожъ, приставленный къ Роберто, видя тихій и безобидный нравъ этого заключеннаго, сталъ охотно раздѣлять съ нимъ кой-какія работы. На четвертый годъ пребыванія Роберто въ тюрьмѣ, умеръ одинъ изъ заключенныхъ. Это былъ семидесятилѣтній старикъ, содержавшійся уже около сорока лѣтъ въ заключеніи за тяжкое преступленіе. Въ награду за примѣрное поведеніе, заключенный уже давно состоялъ секретаремъ при Филиппѣ Карделло. Тридцать пять лѣтъ, изо дня въ день, сидѣлъ онъ съ утра и до поздняго вечера, занимаясь перепиской бумагъ въ конторѣ. Акуратный и безотвѣтный, онъ забылъ, казалось, о возможности инаго существованія и не желалъ ничего лучшаго.

Digitized by Google

Однажды утромъ старикъ запоздалъ явиться въ контору на десять минутъ. Это казалось почти невѣроятнымъ. Когда послали къ нему узнать, что̀ случилось, онъ уже былъ мертвъ. Старикъ лежалъ на постели въ своей каморкѣ, сложивъ на груди руки, съ серьезнымъ и спокойнымъ лицомъ, и скорѣе имѣлъ видъ праведника, нежели человѣка, на совѣсти котораго было злодѣйское преступленіе. Съ этого дня Роберто были переданы обязанности умершаго по конторѣ. Наконецъ-то, послѣ трехъ лѣтъ, онъ могъ пользоваться относительною свободою!

Упорное желаніе бѣжать изъ тюрьмы не покидало его. Теперь, благодаря тому, что прежній строгій надзоръ за нимъ былъ немного ослабленъ, ему представлялась возможность осмотрѣть зданіе, въ которомъ онъ находился, и изучить всѣ тѣ препятствія, которыя могли представиться въ случаѣ побѣга. Чѣмъ болѣе знакомился Роберто съ расположеніемъ тюрьмы, тѣмъ болѣе убѣждался въ непреодолимыхъ трудностяхъ, которыя его ожидали. Во всякомъ случаѣ, бѣгство должно было бы приготовляться годами тяжелой работы. Убѣжденіе это нисколько не пугало Роберто, такъ какъ принятое имъ рѣшеніе было твердо и неизмѣнно.

Медленно и однообразно тянулся годъ за годомъ. Высокая стѣна, окружавшая тюремное зданіе, желѣзные ворота съ тяжелыми висячими замками, часовые, сторожившіе всѣ входы и выходы и стоявшіе на разстояніи пяти шаговъ другъ отъ друга,—все это, казалось, оставляло мало надежды на удачное бѣгство. И все таки мысль эта не оставляла узника!

Въ стѣнахъ тюрьмы былъ хорошій, большой дворъ, куда выпускали заключенныхъ посреди дня подышать воздухомъ. По вечерамъ, на этомъ дворѣ собиралось семейство управляющаго, состоявшее изъ его жены и двоихъ дѣтей. Въ одномъ углу двора былъ узкій, глубокій колодезь. Воду изъ этого колодезя никогда не употребляли, такъ какъ существовало преданіе, что много лѣтъ тому назадъ въ немъ утонулъ одинъ изъ заключенныхъ, тѣло котораго, не смотря на всѣ старанія, не удалось вытащить изъ воды. Возлѣ колодезя былъ придѣланъ блокъ съ канатомъ, на одномъ концѣ котораго съ давнихъ поръ былъ привязанъ большой камень, служившій прежде для измѣренія глубины колодезя. По словамъ многихъ, до дна

Digitized by Google

колодезя было невозможно добраться, такъ какъ камень, опущенный на глубину нѣсколькихъ метровъ, невидимою силою выбрасывался обратно на поверхность воды. Вообще, о колодезѣ этомъ ходили различные суевѣрные слухи.

Заглянувъ какъ-то въ глубь колодезя, Роберто увидѣлъ на одной изъ его стѣнъ небольшое свѣтящееся отверстіе. Откуда проникалъ этотъ свѣтъ? По мнѣнію Роберто, за этимъ отверстіемъ долженъ былъ быть или гротъ, или же ходъ подъ землею,—одинъ изъ тѣхъ ходовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ гористыхъ мѣстностяхъ. Открытіе это могло дать Роберто путь къ спасенію и онъ рѣшилъ воспользоваться имъ при первомъ же удобномъ случаѣ. Случай этотъ не заставилъ себя ждать.

Былъ жаркій лѣтній день. Послѣ обѣда, когда всѣ отдыхали, за исключеніемъ часовыхъ, Роберто тайкомъ вышелъ изъ конторы, озираясь по сторонамъ, подошелъ къ колодезю и сталъ пристально смотрѣть въ его глубину. Когда глаза его освоились съ темнотою, онъ различилъ камни, уступами выдававшіеся по стѣнамъ колодезя. Взявъ въ руки конецъ каната, противоположный тому, къ которому привязанъ былъ камень, онъ сталъ осторожно спускаться въ колодезь, цѣпляясь за выступавшіе по стѣнамъ камни. Безъ особыхъ затрудненій, онъ достигъ отверстія, изъ котораго выходилъ свѣтъ. Оно казалось настолько велико, что Роберто могъ свободно пролѣзть въ него. Тогда онъ очутился въ узкомъ и низкомъ коридорѣ, выложенномъ кирпичами, которые кое-гдѣ уже начинали осыпаться. По коридору ему пришлось пробираться ползкомъ, но онъ зналъ, что этотъ узкій проходъ заканчивается толстою желѣзною рѣшеткою, чрезъ которую виднѣлись поля, луга и деревья. По ту сторону рѣшетки Роберто услыхалъ мѣрные шаги часоваго, который, подойдя къ рѣшеткѣ, остановился и опустилъ на землю прикладъ ружья. Черезъ нѣсколько времени послышались приближающіеся шаги втораго часоваго. Оказалось, что выходъ изъ коридора стерегли двое караульныхъ—по одному съ каждой стороны рѣшетки. Нечего было и думать о бѣгствѣ этимъ путемъ!

Роберто возвратился къ колодезю, осторожно выкарабкался изъ него и чрезъ нѣсколько времени, никѣмъ незамѣченный, вернулся въ контору. Его неудачное подземное путешествіе продолжалось всего около двухъ часовъ.

Digitized by Google

Не переставая измышлять способъ бѣгства, Роберто пришелъ къ заключенію, что существуетъ только одна возможность вырваться на свободу: надо подпилить рѣшетку у окна той комнаты, гдѣ онъ помѣщался, и спуститься внизъ по веревочной лѣстницѣ. Но это было не такъ легко, какъ казалось съ виду. Откуда достать напильникъ и веревочную лѣстницу?

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ.

Какъ-то разъ вечеромъ на тюремномъ дворѣ собралась вся семья управляющаго — его жена, дѣти и онъ самъ. Молодая женщина сидѣла съ работой въ рукахъ, наблюдая за бѣгавшими и рѣзвившимися дѣтьми.

Вдругъ раздался потрясающій душу крикъ, вслѣдъ за которымъ молодая женщина, подбѣжавъ къ колодезю, стала отчаяннымъ голосомъ звать на помощь. На ея крики сбѣжались бывшіе по близости служащіе и нѣкоторые изъ заключенныхъ.

— Спасите, спасите дитя мое!—кричала несчастная мать, заливаясь слезами и указывая на колодезь. За мгновеніе передъ этимъ, она видѣла, какъ одинъ изъ ея сыновей, неосторожно перегнувшись за край колодезя, оборвался и полетѣлъ въ бездонную пропасть.

Отецъ ребенка, прибѣжавшій однимъ изъ первыхъ на крики жены, безпомощно смотрѣлъ въ колодезь — больная нога лишала его возможности броситься и спасти сына. Присутствовавшіе, подъ впечатлѣніемъ суевѣрнаго страха, не трогались съ мѣста: по мнѣнію ихъ, ребенокъ былъ привлеченъ на край бездны непонятною, сверхъестественною силою. Все это произошло въ нѣсколько секундъ.

Во время катастрофы, Роберто находился въ конторѣ, окна которой выходили на дворъ.

Быстро выбѣжавъ изъ комнаты, онъ бросился къ колодезю и, недолго думая, сталъ осторожно спускаться на дно его, захвативъ въ руки канатъ и придерживаясь за выступавшіе камни. Затаивъ дыханіе, всѣ ждали исхода этого смѣлаго подвига. Всѣ понимали, что, желая спасти ребенка, Роберто рисковалъ собственною жизнью! Но вотъ Роберто вскрикнулъ. Изъ-подъ его ноги сорвался камень, который, ударяясь о стѣнки, полетѣлъ внизъ и съ шумомъ и плескомъ упалъ въ

Digitized by Google

воду. Этотъ камень могъ лишить жизни ребенка. При крикѣ Роберто и паденіи камня, изъ груди всѣхъ вырвался вопль ужаса, на который откликнулось эхо со стороны тюремнаго зданія. У всѣхъ мелькнула мысль, что Роберто сорвался и упалъ въ бездонную пропасть. Но нѣтъ! Канатъ продолжалъ тихо скользить по краю колодезя, слѣдовательно и человѣкъ, державшійся за него, также медленно спускался внизъ.

Прошло четверть часа мучительнаго ожиданія — въ колодезѣ все было тихо. Управляющій, не будучи въ состояніи выносить долѣе неизвѣстности, рѣшился потянуть къ себѣ канатъ, лежавшій въ теченіе нѣсколькихъ секундъ неподвижно на краю колодезя, и ему удалось сдѣлать это безъ всякаго затрудненія: ничто не задерживало канатъ на днѣ. Страхъ все болѣе охватывалъ присутствовавшихъ. Кровь стыла въ жилахъ несчастнаго отца. Мать ребенка лежала въ обморокѣ у края колодезя, но никто и не думалъ подать ей помощь: какое-то тревожное оцѣпененіе лишало всѣхъ способности размышлять и дѣйствовать.

— Тридцать девятый! Тридцать девятый!—раздался наконецъ, прерывавшійся отъ волненія, голосъ управляющаго.

Наклонясь надъ колодеземъ, онъ нѣсколько разъ повторилъ нумеръ, подъ которымъ въ тюрьмѣ былъ извѣстенъ Роберто.

Отвѣта не послѣдовало. Роберто погибъ, стараясь спасти ребенка.

Слабая надежда, поддерживавшая несчастныхъ родителей, была утрачена.

Безъ чувствъ отнесли молодую женщину въ ея помѣщеніе; въ безпредѣльномъ горѣ послѣдовалъ за нею управляющій. Въ ночь прибыли на мѣсто несчастія докторъ и судебный слѣдователь, на обязанности которыхъ лежало засвидѣтельствовать смерть ребенка и заключеннаго.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, вниманіе часовыхъ, занимавшихъ караулъ во дворѣ, было привлечено какимъ-то страннымъ шорохомъ, вслѣдъ за которымъ они увидѣли человѣка, вылѣзающаго изъ колодезя.

— Тридцать девятый нумеръ!—воскликнулъ одинъ изъ часовыхъ, не вѣря глазамъ.—Ты ли это?

Предъ нимъ стоялъ Роберто, держа на рукахъ сына управляющаго.

Digitized by Google

— Да, это я!—просто отвѣтилъ спаситель ребенка.

Въ одинъ мигъ радостная вѣсть облетѣла все зданіе тюрьмы.

Роберто окружили со всѣхъ сторонъ, закидывая его вопросами. Онъ сдѣлался предметомъ общаго восторга и удивленія.

— Съ этой минуты,—говорилъ растроганный управляющій, обнимая его со слезами на глазахъ,—ты пріобрѣтаешь во мнѣ вѣрнаго друга, который съумѣетъ при случаѣ отблагодарить тебя за спасеніе своего сына!

Для всѣхъ было непостижимо, какимъ образомъ Роберто и ребенокъ, пробывъ столько времени въ колодезѣ, остались цѣлы и невредимы. Но это была тайна, которую Роберто хотѣлъ скрыть отъ всѣхъ.

Теперь положеніе Роберто совершенно измѣнилось. Онъ пользовался полнѣйшею свободою. При видѣ его, караульные и часовые дружески здоровались съ нимъ, не препятствуя ему расхаживать по всему тюремному зданію. Иные преступники боялись его, другіе преклонялись предъ нимъ, словомъ, такъ или иначе, но всѣ относились къ нему съ уваженіемъ,—слѣдуя примѣру начальника тюрьмы, который не зналъ, чѣмъ отблагодарить спасителя своего ребенка. Опять потянулись годъ за годомъ скучно и однообразно. Много времени надо было, чтобы сплести лѣстницу, необходимую для побѣга. Роберто бережно собиралъ все, что могло послужить ему для этой цѣли—лоскутья, тряпки, шнурки, кусочки веревокъ.

Все это сносилъ онъ къ себѣ въ комнату. и по ночамъ, когда засыпала вся тюрьма, принимался за свой кропотливый трудъ, наградою котораго могла быть желанная свобода. Когда плетеніе лѣстницы стало приближаться къ концу, у Роберто явилась новая забота—надо было добыть напильникъ, чтобы подпилить оконную рѣшетку. Бесѣдуя однажды съ Филиппомъ Карделло, Роберто сталъ совѣтовать ему задѣлать совсѣмъ колодезь изъ опасенія возможности вторичнаго несчастія. Совѣтъ былъ одобренъ управляющимъ и онъ рѣшилъ немедленно придѣлать къ колодцу желѣзную крышку на петляхъ. Ни одинъ изъ преступниковъ не соглашался взяться за эту работу,—такъ какъ колодезь болѣе чѣмъ когда либо внушалъ всѣмъ суевѣрный страхъ.

Роберто предложилъ свои услуги. Черезъ два дня спѣшной,

Digitized by Google

лихорадочной работы колодезь былъ задѣланъ. Когда Робертó сдалъ инструменты, съ помощью которыхъ онъ исполнилъ эту работу, никто не замѣтилъ, что въ числѣ ихъ не хватало двухъ большихъ стальныхъ напильниковъ. А между тѣмъ вся цѣль работы и заключалась въ пріобрѣтеніи этихъ инструментовъ, безъ которыхъ планъ побѣга не могъ быть приведенъ въ исполненіе. Роберто торжествовалъ: хитрость его увѣнчалась полнымъ успѣхомъ.

Въ слѣдующую же ночь, рѣшетка его камеры была подпилена. Теперь оставалось только выждать удобнаго случая для бѣгства. Ждать пришлось недолго. Однажды вечеромъ, возвратясь къ себѣ, онъ услышалъ раскаты грома. Небо заволакивало тучами, вѣтеръ бушевалъ въ вершинахъ деревьевъ.

«Сегодня я долженъ бѣжать»! подумалъ Роберто. «Чрезъ нѣсколько минутъ пойдетъ проливной дождь, часовые спрячутся въ будки и не увидятъ, когда я буду спускаться».

Въ это мгновеніе, ему показалось, что кто-то скребется за стѣною его камеры. На цыпочкахъ приблизился онъ къ мѣсту, откуда доносился шумъ. Приложивъ ухо къ стѣнѣ, онъ ясно различалъ тяжелое дыханіе человѣка, занятаго трудною, непосильною работою. Въ ту же минуту, изъ стѣны, возлѣ которой стоялъ Роберто, вывалилось нѣсколько камней, и въ образовавшееся отверстіе выглянуло худое изможденное лицо.

— Не выдавайте меня!—съ ужасомъ воскликнулъ несчастный, обращаясь къ Роберто и глядя на него молящими глазами.

— Братъ,—кротко отвѣтилъ Роберто,—я такой же заключенный, какъ и вы...

— Да, но навѣрно я несчастнѣе васъ,—отвѣтилъ слабый, едва слышный голосъ, въ которомъ звучали слезы.—Моя камера находится на разстояніи ста шаговъ отъ вашей. Когда меня водили гулять, я замѣтилъ, что помѣщеніе мое примыкало къ высокому земляному валу, смежному съ глубокимъ рвомъ; по ту сторону рва зеленѣютъ поля, шумятъ деревья...

Слова замолкли, слышался только плачъ, тихій, точно дѣтскій плачъ.

— Одиннадцать лѣтъ тружусь я надъ этой работой, цѣлыя ночи роюсь въ землѣ. Взгляните, на кого я сталъ похожъ, а когда-то я былъ сильный, здоровый человѣкъ! Вырытую землю

Digitized by Google

я выносилъ понемногу на себѣ во время ежедневныхъ прогулокъ и незамѣтно разбрасывалъ ее. Не разъ падалъ я въ изнеможеніи отъ этой непосильной работы, думая, что наступилъ конецъ мой... И что же? Послѣ такого ужаснаго труда, послѣ такихъ мученій, въ тотъ самый мигъ, когда я думалъ достичь того, къ чему стремился столько лѣтъ,—я убѣждаюсь, что все было напрасно... О, Боже, Боже!..

Роберто съ грустью смотрѣлъ на говорившаго; сердце его сжималось при видѣ отчаянія товарища.

— Послушайте,—произнесъ онъ,—не отчаивайтесь. Мы поговоримъ съ вами сегодня послѣ ужина, такъ какъ ночью въ эту часть тюрьмы никто не заглядываетъ—вашъ болѣзненный видъ не можетъ внушить опасенія, ко мнѣ же имѣютъ полное довѣріе...

Роберто остановился—ему казалось, что онъ сказалъ слишкомъ много: кто могъ поручиться, что подъ видомъ этого несчастнаго существа не скрывается шпіонъ? Но нѣтъ! не коварство и не измѣна выражались въ чертахъ этого убитаго горемъ человѣка.

Вдругъ въ коридорѣ послышались чьи-то шаги.

— Спрячьтесь, спрячьтесь скорѣе!—произнесъ Роберто, поспѣшно закладывая вывалившимися камнями отверстіе въ стѣнѣ.

Дверь комнаты отворилась, вошелъ Филиппъ Карделло. Лицо его выражало искреннее, глубокое огорченіе. При видѣ Роберто, онъ сочувственно протянулъ къ нему обѣ руки.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу вошедшему, Роберто инстинктивно бросился въ протянутыя ему объятія.

— Мужайтесь, — произнесъ смотритель, едва сдерживая слезы.—Я долженъ сообщить вамъ печальное извѣстіе. Вашъ отецъ...

— Умеръ!—воскликнулъ, зарыдавъ, Роберто и опустилъ голову на плечо друга.

Смотритель изъ чувства состраданія скрылъ отъ сына, при какихъ ужасныхъ условіяхъ послѣдовала смерть его отца. Прежде чѣмъ удалиться, Филиппъ Карделло произнесъ, обращаясь къ Роберто:

— Мой долгъ, какъ служащаго, былъ—скрыть отъ васъ это извѣстіе... Таковы приказанія, которыя мы получаемъ.

Digitized by Google

Слѣдуя имъ, мы должны обращаться съ вами, какъ съ существами, лишенными всякаго человѣческаго чувства... Но какъ другъ, я не могъ утаить отъ васъ этого извѣстія... Помните, однако, что вы не должны выказывать ни передъ кѣмъ своего горя, иначе я рискую подвергнуться тяжелой отвѣтственности...

Смотритель и заключенный обнялись, а вслѣдъ затѣмъ Карделло вышелъ.

V.

Оставшись одинъ, Роберто бросился на свою жесткую постель, зарылся головою въ подушки и долго, долго плакалъ.

Между тѣмъ, за стѣной снова послышался неясный шорохъ. Тутъ только вспомнилъ Роберто о своемъ товарищѣ по заключенію, рѣшивъ при этомъ скрыть свое собственное горе и постараться, напротивъ, по мѣрѣ возможности облегчить тяжелую участь своего сосѣда. Приблизясь къ стѣнѣ, онъ вынулъ вложенные камни, причемъ безъ всякаго затрудненія ему удалось настолько расширить отверстіе, что сосѣдъ Роберто свободно проникъ къ нему въ комнату.

— Теперь вы должны знать, съ кѣмъ имѣете дѣло.—При этихъ словахъ, оба товарища по несчастію сѣли на постель, за неимѣніемъ другой мебели, и вновь пришедшій такъ началъ свою грустную повѣсть:

— Я механикъ и граверъ. Много лѣтъ тому назадъ, я былъ осужденъ подъ именемъ инженера Аморетти. Въ Неаполѣ меня мало кто знаетъ, такъ какъ я болѣе всего работалъ въ Римѣ для богатыхъ иностранцевъ. Возвратясь въ Неаполь, я получилъ заказъ вырѣзать нѣсколько символическихъ знаковъ. Это были знаки одного общества; если не ошибаюсь, оно называлось обществомъ карбонаріевъ... Одинъ изъ моихъ учениковъ предалъ меня, желая отмстить моей женѣ, въ которую онъ былъ влюбленъ и которая, какъ честнѣйшая и благороднѣйшая женщина, съ негодованіемъ отвергла его дерзкое ухаживанье. Я былъ арестованъ и осужденъ на вѣчное заключеніе. Жена не перенесла этого удара и умерла отъ разрыва сердца. За годъ передъ этимъ, у насъ родился сынъ, и появленіе его было встрѣчено радостными надеждами...

Подъ бременемъ тяжелыхъ воспоминаній, узникъ замолкъ на мгновеніе; затѣмъ снова продолжалъ:

Digitized by Google

— За что меня осудили, я не знаю! Я былъ невиненъ, такъ какъ ни душою, ни тѣломъ не принадлежалъ къ заговору. Вырѣзывая заказанные мнѣ эмблематическіе знаки, я даже не зналъ, что дѣлаю что либо запрещенное... Я подавалъ прошеніе о помилованіи на имя короля, но, вѣроятно, король не внялъ моей просьбѣ, такъ какъ до сихъ поръ я не получилъ никакого отвѣта. Что сталось съ моимъ малюткой? Живъ ли онъ? Въ какихъ рукахъ онъ находится? Не научили ли его люди ненавидѣть несчастнаго отца? Вотъ вѣчныя муки сомнѣнія, раздирающія мою душу! Годы и годы я провожу въ безъисходномъ горѣ... О сынъ мой, сынъ мой! Можетъ быть, и у васъ также были дѣти?

Роберто отвѣтилъ отрицательно.

— Тогда вы не можете понять моихъ страданій... Но провидѣніе не хочетъ дать мнѣ счастья снова увидѣть моего сына. Довести до конца такой тяжкій, почти нечеловѣческій трудъ и быть принужденнымъ отказаться отъ надежды, поддерживавшей меня столько лѣтъ! Этого я не въ силахъ перенести... Мнѣ остается одинъ исходъ—повѣситься на рѣшеткѣ моего окна,—произнесъ съ отчаяніемъ Аморетти.

Какъ ничтожно казалось Роберто его собственное горе въ сравненіи съ несчастіемъ этого человѣка. Теперь, когда онъ лишился отца, у него не существовало ни одной привязанности на свѣтѣ. Для какой цѣли онъ такъ долго и съ такимъ терпѣніемъ подготовлялъ свой побѣгъ? Съ цѣлью удовлетворить жажду мести къ недостойной женщинѣ? Роберто въ мигъ принялъ геройское рѣшеніе.

— Вы не сдѣлаете этого, — рѣшительно произнесъ онъ, обращаясь къ Аморетти.—Я дамъ вамъ средство бѣжать, чтобы видѣть вашего сына!..

— Что вы сказали?—воскликнулъ механикъ, вскакивая съ мѣста. Увѣренность, съ которою говорилъ Роберто, потрясла его—предъ нимъ снова мелькнулъ лучъ надежды.

— Я тоже подготовилъ для себя возможность побѣга,—сказалъ Роберто, указывая на подпиленную рѣшетку и на бережно спрятанную плетеную лѣстницу.—Въ три часа утра смѣняются часовые. Караульный, находящійся подъ моимъ окномъ, отходитъ на пятьдесятъ шаговъ навстрѣчу пикету и передаетъ пароль новому часовому, который черезъ десять

Digitized by Google

минуть приходить на мѣсто прежняго. Въ этотъ промежутокъ времени надо успѣть отогнуть полосы рѣшетки и спуститься по плетеной лѣстницѣ. Для побѣга надо выбрать темную и бурную ночь, въ родѣ сегодняшней...

— Мы можемъ бѣжать вмѣстѣ,—произнесъ граверъ.

— Нѣтъ, это невозможно!—отвѣтилъ Роберто,—только одинъ человѣкъ и то едва-едва успѣетъ спуститься по лѣстницѣ во время отсутствія часоваго; вдвоемъ же это совершенно немыслимо:—одинъ задержитъ другаго, и тогда оба погибнутъ.

— Но въ такомъ случаѣ...—произнесъ механикъ, впадая снова въ отчаяніе.

— Вы должны бѣжать одни,—перебилъ его Роберто,—у меня нѣтъ такихъ важныхъ причинъ, какъ у васъ, чтобы желать свободы.

— Когда я могу привести въ исполненіе этотъ планъ?—воскликнулъ Аморетти, бросаясь цѣловать руки своего благодѣтеля.

— Я предполагалъ бѣжать сегодня ночью, такъ какъ погода вполнѣ благопріятствовала этому намѣренію, — сказалъ Роберто, выглядывая въ окно.

Противъ всякаго ожиданія, небо прояснилось и дождь прекратился.

— Судьба противъ насъ,—произнесъ Роберто, видя эту перемѣну:—вамъ придется отложить, конечно, не надолго, вашъ побѣгъ.

— Благодарю васъ... Благодарю васъ!—восклицалъ растроганный Аморетти.—Господь наградитъ васъ за вашу доброту!

VI.

Весь слѣдующій день Роберто не выходилъ изъ своей комнаты. Смотритель тюрьмы не освѣдомлялся о немъ, уважая желаніе заключеннаго остаться нѣкоторое время наединѣ съ самимъ собой, послѣ полученнаго наканунѣ печальнаго извѣстія.

Весь день Роберто пролежалъ на своемъ твердомъ ложѣ, предаваясь грустнымъ размышленіямъ. Подъ вечеръ онъ услыхалъ, что дверь его комнаты растворилась и кто-то вошелъ. Это былъ сторожъ, принесшій заключенному его вечернюю

Digitized by Google

порцію и немного вина, которое начальство разрѣшало сторожамъ въ небольшомъ количествѣ продавать преступникамъ.

— Здѣсь, кажется, тридцать девятый нумеръ?—произнесъ вошедшій веселымъ голосомъ.

Это былъ новый служитель, недавно замѣнившій прежняго, уволеннаго за пьянство.

При звукѣ этого голоса, Роберто вздрогнулъ и быстро поднялся съ постели.

Сторожъ, между тѣмъ, поставилъ на столъ скудный ужинъ и корзинку съ виномъ.

Взглянувъ на заключеннаго, онъ попятился.

— Доменико, садовникъ герцога Монтроне?—прошепталъ Роберто съ удивленіемъ.

Доменико продожалъ смотрѣть на Роберто, разинувъ ротъ и выпучивъ глаза. Отрывочныя фразы срывались у него съ языка.

— Кто ты? Вѣдь я тебя прежде гдѣ-то видѣлъ?.. навѣрно видѣлъ... Я хорошо помню эти глаза... но остальныя черты мнѣ что-то незнакомы. Да кто же изъ моихъ знакомыхъ могъ попасть въ тюрьму? — бормоталъ бывшій садовникъ, уставясь во всѣ глаза на Роберто. — Ахъ!—воскликнулъ онъ, ударяя себя рукою по лбу,—да это глаза Роберто...

— Ты отгадалъ—я Роберто Джонаконе!

— Роберто — убійца, какъ тебя всѣ зовутъ въ нашемъ краю.

Роберто вздрогнулъ.

— Но какъ же ты измѣнился,—продолжалъ Доменико,—тебя только и можно узнать по глазамъ...

Говоря это, Доменико доставалъ изъ корзины бутылки и стаканы и разставлялъ ихъ на столѣ.

— Вотъ что, Роберто!.. Выпьемъ-ка за нашу встрѣчу и потолкуемъ о старинѣ.

— Что же? Я не прочь!—отвѣтилъ Роберто, который хотѣлъ воспользоваться этою неожиданною встрѣчею и разузнать кое о чемъ у бывшаго садовника.—Разскажи-ка мнѣ, какимъ образомъ ты попалъ въ Калабрію,—продолжалъ Роберто, садясь за столъ противъ Доменико и чокаясь съ нимъ полнымъ стаканомъ.

— Мнѣ отказали отъ мѣста у герцога Монтроне. Тогда,

Digitized by Google

по совѣту Христины, камеристки молодой герцогини, я перекочевалъ въ Калабрію... Славная была эта Христина! «Тебѣ—говоритъ—лучше уѣхать куда нибудь подальше, а то въ нашихъ краяхъ ты слывешь за горькаго пьяницу и хорошее мѣсто достанешь не скоро, а будешь опять шляться отъ одного хозяина къ другому». По правдѣ сказать, я и здѣсь недолго усидѣлъ у однихъ господъ, и кончилъ тѣмъ, что попалъ сюда...—Онъ долилъ свой стаканъ.

— А слыхалъ ли ты, какія перемѣны произошли въ Монтроне?

При этихъ словахъ, у Роберто ёкнуло сердце.

— Самъ-то старикъ померъ, а дочь вышла замужъ за принца Горрева. Живетъ теперь въ Неаполѣ. Поговариваютъ кой-что про нее...

— А что же именно?

— Да какъ же, даже сюда, въ Калабрію, слухъ дошелъ... сказываютъ: она въ большой дружбѣ съ королемъ.

— Ну, а мужъ-то что?

— Ну, мужъ, конечно, одинъ изъ первыхъ людей въ Неаполѣ. Теперь посланникомъ гдѣ-то за границею... извѣстное дѣло, нарочно и услали его — и ему выгодно, и женѣ свободно. А какъ богато живетъ принцесса! Настоящая королева... Зато и сказываютъ, что отъ отцовскаго состоянія почти ничего не осталось... ну, а король-то, видно, не помогаетъ ей; говорятъ, очень онъ скупъ!..

Слушая болтовню сторожа, Роберто мысленно сравнивалъ убогую обстановку своей тюремной жизни съ роскошнымъ существованіемъ женщины, погубившей его.

— А есть у нея дѣти? — спросилъ Роберто изъ простаго любопытства.

— Дѣти-то? Гмъ!.. какъ бы тебѣ сказать?..

На этихъ словахъ болтливый Доменико замялся и принялъ таинственный видъ.

— Это, другъ мой, тайна... а тайна, довѣренная Доменико, должна умереть вмѣстѣ съ нимъ.

— Я тебя не понимаю,—произнесъ Роберто.

— Да и понимать нечего! Что толковать? Засидѣлся я у тебя, вотъ что! Пора мнѣ идти.

— Погоди, успѣешь еще! Давай-ка разопьемъ еще бутылочку, тогда и иди себѣ.

Digitized by Google

— Ну, что же! Я, пожалуй, не прочь... — произнесъ Доменико, раскупоривая новую бутылку.

Оба друга чокнулись.

— Да, признаюсь, — началъ словоохотливый сторожъ нетвердымъ голосомъ,—стоило бы мнѣ только захотѣть: немало хлопотъ надѣлалъ бы я кой-кому этой тайной, да и заплатили бы мнѣ хорошо, чтобъ только заставить молчать... но я человѣкъ честный и не нуждаюсь въ чужихъ деньгахъ!..

— Что и говорить?—подхватилъ, поддакивая пьяницѣ, Роберто:—такихъ людей, какъ ты, поискать надо.

— Вѣрно!—подтвердилъ Доменико съ достоинствомъ.—Я тебѣ скажу насчетъ этой тайны, что я поклялся Христинѣ никому не выдавать ея и до сихъ поръ свято храню свою клятву. Тебѣ, по дружбѣ, я могу открыться; знаю, что ты меня не выдашь и не вынесешь тайны изъ этой тюрьмы, гдѣ ты обреченъ просидѣть до конца дней твоихъ. Видишь ли, шестнадцать лѣтъ тому назадъ, у герцогини родилась дочь...

— Что?..—закричалъ Роберто, судорожно схватывая руку своего собесѣдника.

Доменико, перепуганный, вскочилъ съ мѣста и, не говоря ни слова, сталъ поспѣшно собирать въ корзину пустые бутылки и стаканы, намѣреваясь поскорѣе улизнуть.

— Умоляю тебя,—произнесъ Роберто,—не уходи, не сказавъ мнѣ всего... взгляни, какъ я страдаю.

Дѣйствительно, по блѣдному лицу его катились крупныя капли пота, губы дрожали, какъ въ припадкѣ лихорадки; съ мольбою сложивъ руки, онъ стоялъ на колѣняхъ предъ Доменико.

При видѣ этого человѣка, такъ униженно и съ такимъ страданіемъ взывавшаго къ нему, въ душѣ Доменико шевельнулось какое-то мягкое чувство. Онъ не понималъ, что могло причинить Роберто такое сильное страданіе, но, видя искреннее горе заключеннаго, рѣшился исполнить его просьбу, тѣмъ болѣе, что былъ убѣжденъ, что тайна умретъ вмѣстѣ съ Роберто въ стѣнахъ тюрьмы.

— Ну, слушай же,—сказалъ Доменико, поднимая Роберто съ колѣнъ и усаживаясь съ нимъ рядомъ на постели. — За нѣсколько дней до возвращенія герцога Монтроне, Христина позвала меня... я обожалъ въ то время Христину и, признаться

Digitized by Google

сказать, пользовался ея особымъ вниманіемъ, что̀ удавалось не всякому, такъ какъ дѣвушка эта была строгой нравственности... Итакъ, Христина, позвавъ меня, приказала разыскать немедленно надежную семью, которая могла бы пріютить новорожденнаго ребенка, за котораго будутъ платить хорошія деньги. Я тотчасъ же отправился на поиски и черезъ два дня сговорился съ однимъ семействомъ, которое съ радостью бралось за воспитаніе ребенка. Въ тотъ самый день, когда праздновалось возвращеніе герцога, Христина, подъ величайшимъ секретомъ, передала мнѣ дитя, родившееся два дня тому назадъ, и приказала тотчасъ же везти его, куда слѣдуетъ. «Я поручаю тебѣ тайну одной бѣдной женщины», — добавила она, вручая мнѣ кошелекъ съ золотыми деньгами. «Гмъ! Бѣдной женщины»! — подумалъ я: — «не очень-то я этому вѣрю, — откуда взять бѣдной женщинѣ такое тонкое бѣлье, въ какое былъ завернутъ ребенокъ, и кошелекъ, набитый дукатами»? Я живо смекнулъ, въ чемъ тутъ дѣло... Къ тому же, за послѣднее время молодая герцогиня все прихварывала и никуда не показывалась. Съ трудомъ вышла она на нѣсколько часовъ изъ своихъ апартаментовъ для пріема отца и тотчасъ же снова заперлась у себя. Одного понять не могу, что̀ ей могло понадобиться на окраинѣ парка въ день твоего ареста?..

Роберто сидѣлъ, какъ убитый. Отъ времени до времени тяжелый вздохъ вырывался у него изъ груди—онъ былъ подъ гнетомъ невыносимо-горькаго чувства.

— Доменико, умоляю тебя, скажи мнѣ: что̀ сталось съ этимъ ребенкомъ?—произнесъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Въ тотъ же самый день, какъ мнѣ передала его Христина, я бережно уложилъ его въ нарочно приготовленную карету и отправился въ путь. Признаюсь, Христина совѣтовала мнѣ не останавливаться по дорогѣ въ трактирахъ, но, согласись самъ, вѣдь отъ этого ничего особеннаго не могло приключиться съ дѣвочкой?

— Такъ это была дѣвочка? — перебилъ разсказчика Роберто, причемъ въ тонѣ его прозвучала необыкновенная нѣжность.

— Да, дѣвочка... День былъ жаркій, я страшно усталъ. Проѣзжая мимо одного трактирчика, я рѣшился завернуть въ

Digitized by Google

него, чтобы хоть немножко промочить горло. Дѣвочка осталась въ каретѣ. Когда чрезъ нѣсколько времени я собрался продолжать путь далѣе, прежде чѣмъ взлѣзть на козлы, я заглянулъ въ карету... къ моему удивленію, дѣвочка была мертва!

— Да благословитъ тебя Господь!—воскликнулъ Роберто, обнимая Доменико.

— Что-то я въ толкъ не возьму, за что ты сулишь мнѣ божеское благословеніе — вѣдь не за то же, что дѣвочка-то померла?

— Ты, конечно, разсказалъ Христинѣ о смерти ребенка,— медленно произнесъ Роберто, не отвѣчая на вопросъ сторожа.

— Разумѣется, вѣдь я тутъ былъ непричемъ, — отвѣтилъ, не колеблясь, Доменико. — Однако, мнѣ пора, — продолжалъ онъ, снова берясь за свою корзину.—Дня черезъ три я опять зайду къ тебѣ покалякать... Нечего сказать, — произнесъ онъ, поглядывая на опорожненныя бутылки,—изрядно мы съ тобой приложились. Ну, до свиданья!

— Прощай, Доменико,—отвѣтилъ Роберто.

Когда Роберто остался одинъ въ своей конторѣ, на него напалъ точно припадокъ радостнаго безумія: онъ пѣлъ, плясалъ, хлопалъ въ ладоши... Ему казалось, что счастье душитъ его! Онъ зналъ теперь, что у него есть дочь, зналъ, гдѣ ее найти. Ему припоминался теперь весь разговоръ между маркизомъ Трапани и Марко Альбони, подслушанный однажды вечеромъ... Теперь не могло быть сомнѣнія, кому принадлежало дитя, о которомъ тогда шла рѣчь.

VII.

«Жива ли дѣвочка, а если жива, что̀ сталось съ нею въ рукахъ тѣхъ плутовъ, къ которымъ она попала»? Вотъ вопросы, которые не давали Роберто покоя и мучили его и днемъ, и ночью.

Онъ помнилъ до единаго слова весь разговоръ маркиза и его наперсника — ни на одно мгновеніе не могъ онъ сомнѣваться въ вѣрности своихъ предположеній. Теперь снова всѣ помыслы его стремились къ свободѣ—и желаніе бѣжать болѣе чѣмъ когда либо овладѣвало имъ. Онъ сожалѣлъ, что такъ легкомысленно сообщилъ другому планъ побѣга и обѣщалъ

Digitized by Google

отказаться въ пользу другаго отъ возможности бѣжать. Но какъ взять назадъ обѣщаніе, данное товарищу по несчастію? У Роберто никогда не хватило бы духу на это.

Между тѣмъ, онъ снова принялся за свои занятія въ тюремной конторѣ. Управляющій, за послѣднее время, сталъ относиться къ нему съ еще большей теплотою и заботой. Онъ видѣлъ въ Роберто несчастнаго, преслѣдуемаго судьбою, человѣка.

Нетерпѣніе вырваться на свободу все болѣе и болѣе охватывало Роберто—онъ рѣшилъ бѣжать вмѣстѣ съ механикомъ и теперь ожидалъ только подходящей погоды для приведенія въ исполненіе своего намѣренія.

Однажды вечеромъ разразилась страшная буря. Роберто началъ приготовляться къ побѣгу—наконецъ-то наступала минута, которую онъ ждалъ съ такимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ въ теченіе столькихъ лѣтъ! Вдругъ изъ отверстія въ стѣнѣ появилась, какъ привидѣніе, блѣдная исхудалая фигура инженеръ-механика Аморетти.

— Я буду вамъ обязанъ жизнью,—произнесъ онъ, падая на колѣни и простирая къ Роберто руки.

— Встаньте,—произнесъ Роберто,—чувствуете ли вы въ себѣ достаточно силы?

— О, я чувствую такой приливъ энергіи, что въ состояніи рѣшиться на какой угодно подвигъ!

Наступило торжественное молчаніе. Ночь была темная, проливной дождь хлесталъ въ тюремныя окна; отъ времени до времени мелькала молнія. На тюремныхъ часахъ пробило три часа.

— Скорѣй! надо торопиться,—произнесъ Роберто, поспѣшно отгибая полосы рѣшетки. Теперь часовой отошелъ отъ окна. Аморетти быстро влѣзъ на подоконникъ и чрезъ нѣсколько секундъ началъ спускаться по плетеной лѣстницѣ.

— Теперь моя очередь,—произнесъ Роберто. И оба бѣглеца повисли надъ бездною.

Вдругъ, при свѣтѣ ярко блеснувшей молніи, Роберто увидалъ внизу кучку часовыхъ.

— Пли!—послышалась команда, и вслѣдъ затѣмъ раздалось четыре выстрѣла.

Въ мигъ вся тюрьма была на ногахъ. Прежде всѣхъ, на

Digitized by Google

мѣсто происшествія прибѣжалъ управляющій. Онъ услыхалъ выстрѣлы какъ разъ въ то время, когда спѣшилъ къ Амеретти съ радостною вѣстью: только что была получена бумага о его помилованіи!

VIII.

Яркій контрастъ представлялъ съ бурною ночью прекрасный свѣтлый день, когда мы снова встрѣчаемъ Діану и Адольфа Венозу.

Молодые люди, пользуясь чудной лѣтней погодой, гуляли по саду, прилегавшему ко дворцу маркиза ди-Трапани. Между влюбленными царило полное согласіе. Дѣвушка, казалось, забыла всѣ подозрѣнія, терзавшія ее, или же убѣдилась въ несправедливости ихъ.

— Я не понимаю, — говорилъ Адольфъ, обращаясь къ Діанѣ—почему ты всегда такъ грустна? У тебя есть все, чтобы быть счастливой... Ты богата, живешь въ роскоши, стоитъ тебѣ пожелать чего нибудь,—твое желаніе исполняется немедленно.

— Какъ ты думаешь, Адольфъ: можетъ ли быть вполнѣ счастлива дѣвушка, никогда не знавшая матери? Ты не можешь себѣ представить, какъ горько видѣть другихъ дѣтей, окруженныхъ ласками и заботами матери, и знать, что ты навѣки лишена этого счастія... Бѣдная мама!.. говорятъ, она скончалась въ ту минуту, какъ я явилась на свѣтъ...

Діана заплакала.

— А мало ли, кромѣ этого, у меня есть причинъ, чтобы горевать?—произнесла дѣвушка, и въ ея голосѣ прозвучала раздражительная нотка.

— Почему же ты скрываешь отъ меня то, что огорчаетъ тебя?—сказалъ Адольфъ недовольнымъ тономъ.

— Я до сихъ поръ ничего не говорила тебѣ, такъ какъ надѣялась убѣдиться въ несправедливости моихъ подозрѣній и антипатій. Но теперь я считаю долгомъ довѣриться тебѣ въ полной увѣренности, что ты ободришь меня и дашь мнѣ хорошій совѣтъ.

— Говори же, милая,—произнесъ молодой человѣкъ, сжимая руку молодой дѣвушки, которая покоилась въ его рукѣ.

Digitized by Google

— Мнѣ страшно въ этомъ домѣ,—сказала Діана, понижая голосъ.—По вечерамъ я замыкаюсь въ моей комнатѣ, какъ будто окружена врагами: я чувствую, что противъ меня замышляютъ что-то недоброе. Въ особенности страшитъ меня маркизъ. Его ласки, его поцѣлуи внушаютъ мнѣ какое-то непреоборимое отвращеніе; у меня нѣтъ къ нему чувства дочери, точно также какъ въ его нѣжности ко мнѣ проглядываетъ что-то притворное. Недавно я вошла въ кабинетъ маркиза и застала его въ оживленной бесѣдѣ съ Марко Альбони... Я слышала, какъ этотъ противный человѣкъ произнесъ мое имя! Съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился у насъ въ домѣ, онъ распоряжается рѣшительно всѣмъ по своему произволу, и даже маркизъ покоряется ему. Вѣрь мнѣ, Адольфъ,—добавила дѣвушка,—что въ этомъ домѣ кроется какая-то ужасная тайна!

Слова дѣвушки сильно встревожили Адольфа, но что̀ могъ предпринять для ея защиты этотъ неопытный юноша, колебавшійся между двумя чувствами? Онъ любилъ Діану со всею силою первой юношеской страсти, но, по странной случайности, находясь въ присутствіи дѣвушки, онъ чувствовалъ себя совершенно спокойнымъ, тогда какъ одно приближеніе принцессы приводило его въ невыразимое смущеніе.

Энрика, опытная въ любовныхъ интригахъ, давно замѣтила впечатлѣніе, которое она производила на молодаго человѣка. Ей нравилось играть съ нимъ, завлекая его въ свои сѣти и разжигая въ немъ страсть, точно также какъ ея развращенной натурѣ доставляло наслажденіе теряться иногда въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ города, населенныхъ чернымъ людомъ, слышать вокругъ себя восторженныя похвалы, выраженныя въ грубой формѣ, и чувствовать желанія, возбужденныя ея красотой. Ей удалось безъ особеннаго труда разжечь страсть въ Адольфѣ. При одномъ взглядѣ, при одномъ прикосновеніи къ рукѣ молодой женщины, юноша дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Теперь онъ молча сидѣлъ возлѣ Діаны, не зная, чѣмъ помочь дѣвушкѣ.

Діана встала.

— Итакъ, мнѣ кажется, что я напрасно обратилась къ тебѣ за помощью!

— Но что же мнѣ дѣлать, другъ мой?—отвѣтилъ молодой

Digitized by Google

человѣкъ.—Къ тому же, согласись сама, всѣ твои опасенія не основываются ни на какихъ положительныхъ данныхъ. Съ какого права вступлюсь я за тебя?

— Я вижу теперь, что ты не любишь меня,—съ силою произнесла дѣвушка,—иначе ты, не медля, просилъ бы моей руки у маркиза. Я не навязываюсь тебѣ, но ты долженъ это сдѣлать въ непродолжительномъ времени... Ты сталъ ухаживать за мною, увѣрять меня въ своей любви и клясться въ вѣрности. Я повѣрила твоимъ словамъ и отдала тебѣ мое сердце. Но если ты не рѣшишься на этихъ дняхъ сдѣлать мнѣ официальное предложеніе, я перестану видаться съ тобою и снова возвращусь въ монастырь, въ которомъ выросла.

— Но, Діана...

— Мое рѣшеніе неизмѣнно!

— Я бы давно это сдѣлалъ, но боюсь, что попытка моя будетъ неудачна, такъ какъ маркизъ уже не разъ открыто намекалъ мнѣ, что не желаетъ этого брака.

— Ты долженъ тѣмъ не менѣе просить моей руки!—воскликнула рѣшительнымъ тономъ Діана.

Эта настойчивость поразила Адольфа. Ему начинало казаться, что у дѣвушки должны быть болѣе вѣскія причины, чѣмъ тѣ, которыя она высказала ему, для того чтобы въ ней зародилось такое неотразимое желаніе покинуть домъ отца.

— Я убѣдительно прошу тебя переговорить съ маркизомъ,—продолжала Діана, смягчаясь.—Я люблю тебя и чувствую, что смѣло могу довѣриться тебѣ на всю жизнь.

— Обѣщаю тебѣ, моя милочка, что при первомъ же удобномъ случаѣ буду говорить съ маркизомъ... Надѣюсь, что случай этотъ не замедлитъ представиться,—поспѣшно добавилъ молодой человѣкъ, видя нетерпѣливое движеніе Діаны.

Внутренно онъ еще колебался: предъ нимъ заманчиво носился соблазнительный образъ красавицы-принцессы.

Разговаривая, молодые люди приблизились къ дому, у одного изъ оконъ котораго стояли маркизъ и Марко Альбони.

— Опять этотъ мальчишка тутъ,—сердито замѣтилъ Марко.

— Что же мнѣ дѣлать?—отвѣтилъ маркизъ.—Не могу же я выгнать его изъ дому безъ причины. Я съ давнихъ поръ друженъ со всей его семьей и вдобавокъ Адольфъ Веноза слыветъ во всемъ Неаполѣ за порядочнаго молодаго человѣка.

Digitized by Google

А подумалъ ли ты, что̀ скажетъ Діана, если я попрошу этого юношу прекратить свои посѣщенія? Если ты считаешь Діану дѣвушкой кроткой, которая будетъ послушнымъ орудіемъ въ нашихъ рукахъ, то ты, мой другъ, жестоко ошибаешься.

— Но вѣдь Адольфъ помѣшаетъ исполненію нашихъ плановъ! Если только король узнаетъ...

— Самая большая помѣха явится со стороны Діаны, будь въ этомъ увѣренъ,—возразилъ маркизъ.—Склонность ея къ этому молодому человѣку есть ничто иное, какъ дѣтская привязанность, но стоитъ ей замѣтить протестъ съ моей стороны—чувство это превратится въ страсть, съ которою будетъ очень трудно бороться.

— Не будемъ терять времени въ пустыхъ словахъ. Я думаю, вы понимаете, что наше общее благоденствіе находится теперь въ зависимости отъ добраго расположенія короля къ дѣвушкѣ, которая такъ мила и прелестна, что безъ труда завлечетъ короля въ руки и водворится при дворѣ на мѣстѣ принцессы...

— Одна изъ причинъ,—произнесъ маркизъ,—вслѣдствіе которой я не мѣшаю юношѣ ухаживать за Діаной—это надежда усыпить подозрѣнія принцессы.

На этихъ словахъ разговоръ сообщниковъ былъ прерванъ появленіемъ молодыхъ людей.

IX.

Два дня спустя, рано утромъ маркизъ писалъ у себя въ кабинетѣ. Онъ имѣлъ обыкновеніе два раза въ недѣлю извѣщать богатыхъ родственницъ покойной жены о состояніи здоровья Діаны, о заботахъ, которыя онъ прилагалъ къ ея воспитанію, и объ успѣхахъ дѣвушки при дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ.

Онъ не забывалъ добавить нѣсколько словъ о своемъ родительскомъ попеченіи, благодаря которому дѣвушка строго оберегалась отъ опасностей, угрожавшихъ ей на скользкомъ свѣтскомъ пути, добавляя, что онъ, маркизъ, изъ любви къ дочери, вполнѣ излѣчился отъ своихъ прежнихъ слабостей. Старухи и вѣрили, и не вѣрили ему—изъ старческаго эгоизма, не добираясь до сути дѣла; онѣ довольствовались тѣмъ, что

Digitized by Google

посылали крупныя суммы денегъ, обѣщая въ случаѣ замужства Діаны дать въ приданое дѣвушкѣ каждая по полъ-милліона. Эта перспектива ничуть не прельщала маркиза, такъ какъ въ случаѣ брака дочери онъ терялъ постоянные доходы, получаемые на ея содержаніе.

— Могу я войти?—послышался въ дверяхъ робкій голосъ, и на порогѣ кабинета появилась фигура бывшаго каторжника. Онъ на цыпочкахъ приблизился къ маркизу.

— Правда ли, что я узналъ сейчасъ: говорятъ, вы даете на этихъ дняхъ балъ?

— Правда,—отвѣтилъ маркизъ.

— Кого же вы приглашаете?

— Весь Неаполь... Приглашенія будутъ разосланы отъ имени Діаны и отъ моего. Балъ будетъ маскированный.

— Ого!

— Такъ пожелалъ король. Но тсс... объ этомъ никто не долженъ знать. Король войдетъ потайнымъ ходомъ на мою половину, смежную съ половиною Діаны. На столѣ, въ комнатѣ Діаны, должно быть приготовлено черное атласное домино съ голубыми кистями и черная же атласная маска.

— А принцесса Горрева будетъ также на балу?

— Безъ сомнѣнія... Ее обойти невозможно. Она, конечно, не преминетъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы показаться въ одномъ изъ классическихъ костюмовъ и выставить на показъ свое обнаженное тѣло... Не зная того, она будетъ присутствовать при торжествѣ соперницы, такъ какъ король желаетъ сохранить полное инкогнито на балу, на которомъ онъ разсчитываетъ вполнѣ очаровать Діану... Онъ выразилъ желаніе ужинать вмѣстѣ съ нею въ отдѣльномъ помѣщеніи. Само собою разумѣется, что Діана должна быть заранѣе предупреждена о высокой чести, выпадающей ей на долю. Я не сомнѣваюсь, что королю легко достанется эта побѣда...

На самомъ дѣлѣ, Діана разсчитывала на помощь короля, чтобы склонить маркиза на бракъ свой съ Адольфомъ Венозою...

— Извѣстна ли вамъ,—произнесъ Марко Альбони,—слухи, которые носятся про принцессу и которые сообщены мнѣ моей тайной полиціею?

— Какіе такіе слухи?

Digitized by Google

— Говорятъ, что этой Мессалинѣ грозитъ полнѣйшее разореніе.

— Не можетъ быть?

— Роскошь, которою принцесса старается затмить даже королеву, не соотвѣтствуетъ ея состоянію; расточительность ея дошла до безумія и, въ довершеніе, ее обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ. Прекрасное имѣніе Монтроне все заложено и перезаложено... И, не смотря на все это, принцесса продолжаетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, веселиться, выѣзжать, принимать у себя... Меня поражаетъ эта женщина, которая ничего не страшится. Еслибы, силою обстоятельствъ, она не была нашимъ врагомъ,—до чего можно было бы дойти, имѣя на своей сторонѣ подобную союзницу!

— Я всегда испытывалъ какой-то страхъ въ присутствіи принцессы,—сказалъ маркизъ.—Я помню ее еще совсѣмъ молоденькою дѣвушкою—тогда уже въ ней была какая-то особенная притягательная сила: она властвовала надъ мужчинами своею развращенностью и своимъ знаніемъ человѣческихъ страстей...

Марко Альбони говорилъ, нисколько не преувеличивая, что принцесса находилась наканунѣ полнѣйшаго разоренія, главнымъ виновникомъ котораго былъ Уэль-Мотъ. Мстительный американецъ рѣшилъ отплатить Энрикѣ за то презрѣніе, которое она выказала ему, оттолкнувъ съ насмѣшкою его страстныя завѣренія въ любви. Банкиръ, располагавшій милліонами, могъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, удовлетворить свою жажду мести. Читатель, вѣроятно, не забылъ, что уже однажды принцесса получила, при посредствѣ одного служащаго въ банкѣ Уэль-Мота, крупную сумму денегъ; это повторилось нѣсколько разъ—при всякой получкѣ Энрика выдавала расписки за своей подписью. По совѣту того же служащаго, она стала предпринимать различные финансовые обороты. Вначалѣ все шло прекрасно и молодая женщина получала крупные барыши отъ своихъ спекуляцій; но разъ, когда она рискнула на большую сумму, оказалось, что дѣло это невыгодно и деньги ея пропали. Принцесса, однако, не унывала, она надѣялась такъ или иначе выпутаться изъ своего затруднительнаго положенія.

Христина уже давно не показывалась и не безпокоила

Digitized by Google

Энрику. По смерти старика-священника, она купила невдалекѣ отъ Неаполя дачу, гдѣ и поселилась вмѣстѣ съ бывшимъ сторожемъ, къ которому продолжала пылать неудержимою страстью.

Молчаніе Христины не предвѣщало ничего хорошаго, и Энрика рѣшилась сама провѣдать ее и, во что бы то ни стало, повидать, наконецъ, свою дочь. Уже нѣсколько разъ появлялось у нея желаніе видѣть своего ребенка, но мысль эта также скоро исчезала, какъ и приходила. Теперь въ молодой женщинѣ неудержимо проснулось чувство матери; ей казалось, что улыбка, звукъ голоса, поцѣлуи ея дочери утѣшатъ и успокоятъ ее.

Порывшись немного въ своихъ бумагахъ, принцесса нашла адресъ Христины и рѣшила въ тотъ же день посѣтить свою бывшую камеристку.

«Но какъ поѣду я одна въ такой дальній путь»?—спрашивала себя эта избалованная женщина, начиная уже колебаться. Мысль пригласить съ собою дочь маркиза пришла ей въ голову. «Такимъ образомъ, въ обществѣ моей молоденькой подруги, поѣздка эта будетъ имѣть видъ прогулки и никто не удивится моему желанію навѣстить женщину, которая столько лѣтъ служила мнѣ». При этихъ словахъ, циничная улыбка исказила черты принцессы.

«Кому, какъ не ей, обязана я этимъ страстнымъ огнемъ, вѣчно пожирающимъ меня! Благодаря Христинѣ, познала я всѣ наслажденія любви. Съ тѣхъ поръ какъ я прилагаю на дѣлѣ ея совѣты, мнѣ ни разу не приходилось раскаиваться, и сколько блаженныхъ минутъ выпало мнѣ на долю»!

Энрика быстро набросала нѣсколько словъ Діанѣ. Часъ спустя, вмѣсто отвѣта, дѣвушка явилась сама. Она нѣжно обняла и поцѣловала принцессу. При этомъ поцѣлуѣ, чело Энрики прояснилось: присутствіе дѣвочки разгоняло мрачныя и тяжелыя мысли молодой женщины. Черезъ нѣсколько минутъ, коляска быстро мчала ихъ по направленію къ Торре Анунціата, гдѣ жила Христина.

X.

Экипажъ остановился у рѣшетки прелестнаго домика, принадлежащаго бывшей наперсницѣ принцессы. Узенькая дорожка, усыпанная пескомъ и обсаженная съ обѣихъ сторонъ кустами розъ и олеандровъ, вела къ дому.

Digitized by Google

Христина, увѣдомленная о пріѣздѣ принцессы, поспѣшила удалиться въ свою комнату, съ намѣреніемъ пріодѣться, поручивъ своему возлюбленному принять гостей.

При первомъ же взглядѣ на Эмиліо, Энрика тотчасъ же узнала его; ей припомнилась сцена, свидѣтельницею которой она была въ замкѣ Монтроне, еще въ своемъ раннемъ юношествѣ, и при этомъ воспоминаніи она обдала страстнымъ, жгучимъ взглядомъ красавца-сторожа. Въ скоромъ времени появилась сама хозяйка дома, разряженная въ черное атласное платье съ браслетами и кольцами на рукахъ.

При видѣ Діаны, она остановилась, какъ вкопанная; сходство дѣвушки съ принцессою поразило ее.

Тотчасъ же, однако, овладѣвъ собою, эта бывшая горничная начала съ достоинствомъ разыгрывать роль хозяйки дома.

«Какое превращеніе, — думала Энрика, — совершилось посредствомъ моихъ денегъ! И сколько людей обогатилось такимъ же образомъ на мой счетъ... Впрочемъ, всѣ они служили для удовлетворенія моихъ страстей и были рабами моихъ желаній»!

Она забывала, что съ теченіемъ времени подпадала сама подъ власть тѣхъ, кто прежде рабски пресмыкался передъ нею.

Между тѣмъ принцесса, не забывая главной цѣли своего путешествія, выразила желаніе сказать наединѣ нѣсколько словъ своей бывшей камеристкѣ.

— Эмиліо, — обратилась Христина къ своему возлюбленному,—проводи синьорину въ садъ и нарви ей букетъ самыхъ лучшихъ цвѣтовъ.

— Гдѣ моя дочь?—произнесла принцесса, какъ только обѣ женщины остались вдвоемъ.—Ты уже давно не сообщала мнѣ о ней...

— Не сообщала, потому что вы не спрашивали,—дерзко отрѣзала Христина.

— Я желаю видѣть ее,—сухо произнесла принцесса.

— Ваше желаніе неисполнимо.

— Это почему?—гнѣвно воскликнула молодая женщина.

— Потому что дѣвочка умерла, — не колеблясь, отвѣтила Христина.

— Умерла?!.

— Да, умерла, давно умерла,—еще тогда, когда ее везли къ кормилицѣ.

Digitized by Google

Христина съ наслажденіемъ мучила свою жертву.

— Ты лжешь!—закричала въ бѣшенствѣ принцесса, бросаясь къ ней.

— Нѣтъ, не лгу... — продолжала Христина съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ. — Вы можете кричать на меня, можете оскорблять, но не забывайте одного, что въ моихъ рукахъ два документа, которыми я могу навѣки погубить васъ. Я ненавижу и презираю васъ, и мнѣ доставляетъ несказанное наслажденіе видѣть, когда вы терзаетесь.

— Чѣмъ могла я возбудить твою ненависть, — я, которая всегда осыпала тебя благодѣяніями?

— Вы забываете, что благодѣянія ваши доставались мнѣ недаромъ: я должна была служить посредницею въ вашихъ романахъ, помогать вамъ, скрывать васъ и при всемъ этомъ выносить ваше высокомѣрное и жестокое обращеніе со мной. Да, я ненавижу васъ за все то зло, которое кроется въ васъ, и успокоюсь только тогда, когда, униженная и опозоренная, вы будете валяться у меня въ ногахъ, прося пощады. Теперь вамъ приходится служить посредницею въ моихъ наслажденіяхъ; знайте, что чрезъ недѣлю мнѣ необходимы двадцать тысячъ лиръ, изъ которыхъ пятнадцать пойдутъ для округленія моего капитала, а на остальныя пять тысячъ я собираюсь предпринять вмѣстѣ съ Эмиліо путешествіе по Европѣ. Намъ уже надоѣло сидѣть здѣсь... и вамъ, по справедливости, слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы мой возлюбленный не скучалъ со мною.

— Не выводи меня изъ терпѣнія! — воскликнула Энрика, блѣдная, какъ смерть, и скрежеща зубами. Затѣмъ, мгновенно мѣняя тонъ, она произнесла:

— Будемъ лучше друзьями.

— Какъ можете вы унижаться до дружбы со мною?—сказала насмѣшливо Христина, пожимая плечами.—Гдѣ ужь вамъ дружить съ простыми смертными, когда самъ король — вашъ лучшій другъ и пріятель.

— Змѣя!—прошипѣла Энрика.

— Ну, а теперь я бы желала знать, когда могу получить мои двадцать тысячъ лиръ,—продолжала Христина, нагло подбочениваясь,—а не то вѣдь я прямо пойду къ королю и сообщу ему кой-какія интересныя подробности изъ жизни его пріятельницы.

Digitized by Google

— Знаешь ли,—ледянымъ тономъ произнесла принцесса,—что я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы заставить тебя молчать...

— Напрасно будете трудиться—я уже сдѣлала всѣ необходимыя распоряженія на случай моей внезапной смерти.

Между обѣими женщинами наступило молчаніе.

— Итакъ,—произнесла, немного спустя, Энрика мрачнымъ голосомъ,—дочь моя умерла?

— Да,—отвѣтила Христина.

— Къ чему же было столько времени скрывать отъ меня истину? Какая была твоя цѣль при этомъ? Ты хотѣла пользоваться моими деньгами?

— Разумѣется!—безстыдно отвѣтила Христина.—Я должна была скрывать отъ васъ смерть дѣвочки до тѣхъ поръ, пока не достала документы о вашемъ бракѣ съ каторжникомъ и о рожденіи отъ него ребенка. Теперь, благодаря этимъ бумагамъ, вы болѣе чѣмъ когда либо въ моихъ рукахъ... Кстати приходило ли вамъ когда нибудь въ голову, что̀ станется съ вами въ томъ случаѣ, если Роберто Джонаконе удастся вырваться на свободу?..

Въ то время какъ разговоръ этотъ шелъ между принцессою и Христиною, Діана гуляла по саду въ сопровожденіи Эмиліо.

Дѣвушка приходила въ восторгъ отъ прелестныхъ, пышно разросшихся, цвѣтовъ. Нѣсколько разъ она украдкой взглядывала на своего проводника: — добродушный видъ и честные глаза этого колосса скоро расположили Діану въ его пользу. Постепенно между ними завязался оживленный разговоръ.

— Я зналъ принцессу,—говорилъ Эмиліо,—когда она была еще совсѣмъ молоденькою дѣвушкою. Вся наша семья съ давнихъ поръ служила у герцога. Хорошій былъ баринъ, что̀ и говорить! Дочка-то вотъ вышла большая озорница!

— Вы, значитъ, хорошо знали принцессу, что рѣшаетесь такъ говорить про нее,—удивленно сказала Діана.

—Кому же и говорить, какъ не мнѣ, если она выросла на моихъ глазахъ, если я видѣлъ всѣ ея выходки и причуды. Какъ теперь, вижу я ее несущеюся верхомъ черезъ паркъ на бѣшеной лошади, съ ружьемъ въ рукѣ; надо вамъ сказать, что она ѣздила верхомъ и стрѣляла не хуже любаго изъ насъ. Иногда

Digitized by Google

она появлялась нежданно, какъ снѣгъ на голову, въ крестьянскихъ избахъ и всякій разъ, бывало, натворитъ что нибудь недоброе... зато и не любили же ее у насъ на деревнѣ! Помню я, какъ она однажды, для потѣхи, сожгла желѣзнымъ раскаленнымъ прутомъ руки Роберто Джонаконе, который постоянно вертѣлся возлѣ молодой герцогини.

— Роберто Джонаконе! А вы также знали и его?—воскликнула Діана.

— Какъ же; мы были даже одно время пріятелями и проводили вмѣстѣ всѣ праздники. Но когда онъ сталъ гулять съ дочерью герцога, онъ вдругъ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

— Но почему?

— Право, не знаю; онъ сталъ какимъ-то мрачнымъ, злымъ, избѣгалъ товарищей.

— Дальше, дальше!

— Нѣтъ, я не буду вамъ разсказывать того, что было дальше, чтобы не напугать васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорите,—настоятельно требовала дѣвушка.

— Онъ столкнулъ въ пропасть графа Скуираче, который, по мнѣнію всѣхъ, былъ женихомъ принцессы.

— А вы какъ думаете: сдѣлалъ онъ это нарочно или нечаянно?—спросила дѣвушка, съ напряженнымъ вниманіемъ глядя на своего собесѣдника.

— Какъ вамъ сказать?—отвѣтилъ, разводя руками, Эмиліо,— по моему, Роберто не разсчиталъ своей силы; много ли надо для такого франтика, какимъ былъ графъ? Роберто чуть толкнулъ его, а онъ и полетѣлъ въ пропасть...

Изъ простой, нѣсколько грубой рѣчи этого человѣка предъ дѣвушкой ясно вырисовывалась истина.

«Какъ просто все объясняется», думала Діана, «теперь легко понять присутствіе обоихъ мужчинъ и Энрики въ сосѣдствѣ Адскаго мостика:—безъ сомнѣнія между соперниками произошла ссора, во время которой Роберто Джонаконе неумышленно столкнулъ графа въ бездну. Значитъ, предположеніе Адольфа Венозы и многихъ другихъ о невиновности молодаго моряка было вполнѣ справедливо! Но какимъ образомъ Энрика, бывшая свидѣтельницею случившагося несчастія, не вступилась за осужденнаго, виновнаго развѣ только въ томъ, что онъ лю-

Digitized by Google

билъ молодую герцогиню? Какъ могла принцесса прожить столько лѣтъ, имѣя такую тяжесть на совѣсти»!—Принцесса, между тѣмъ, закрывъ лицо руками, сидѣла возлѣ Христины и горько плакала. Это не были обычныя притворныя слезы, которыя молодая женщина проливала при каждомъ подходящемъ случаѣ. На этотъ разъ она искренно оплакивала смерть своей дочери. Христина равнодушно смотрѣла на эти слезы. Наконецъ, Энрика подняла свою красивую голову—слезы ея высохли.

— Тяжелыя минуты пришлось мнѣ пережить сейчасъ,—сказала она,—одна, вѣчно одна! Какой толкъ мнѣ отъ той страсти, которую я внушаю моимъ поклонникамъ? Ни одинъ изъ нихъ не чувствуетъ ко мнѣ искренней привязанности!

— Никто и не станетъ любить васъ,—произнесла Христина равнодушно,—такъ какъ вы не умѣете заставить полюбить себя. Впрочемъ, что̀ тратить время на пустыя слова—не забудьте, принцесса, выраженнаго мною желанія.

— Да... ты опять просишь денегъ... но у меня нѣтъ въ эту минуту такой суммы. Подожди немного, и я постараюсь достать.

Она снова надѣялась на Уэль-Мота, въ полной увѣренности, что банкиръ не откажетъ ей въ подобной бездѣлицѣ. Черезъ нѣсколько мгновеній, мысль объ утраченной дочери совершенно вылетѣла у Энрики изъ головы—стоило ли печалиться и омрачать свою жизнь? Немного спустя, обѣ женщины были на обратномъ пути въ Неаполь. Принцесса ѣхала молча—она думала о своемъ будущемъ визитѣ къ Уэль-Моту, безъ помощи котораго обойтись было немыслимо. Переходя отъ одной мысли къ другой, она постепенно дошла до цѣли, вызвавшей ея сегодняшнюю поѣздку. Съ какой стати вздумалось ей освѣдомляться о дѣвушкѣ, о которой она столько лѣтъ не заботилась—теперь ей же приходилось платиться за минутное доброе побужденіе!

— Что съ тобой?—спрашивала нѣсколько разъ принцессу Діана, видя ея задумчивость.

— Меня утомила эта прогулка, — уклончиво отвѣтила Энрика.

Возвратясь домой, молодая женщина нашла письмо отъ мужа, извѣщавшаго ее о своемъ скоромъ прибытіи. Погружен-

Digitized by Google

ная въ чтеніе полученнаго письма, принцесса совершенно забыла о присутствіи Діаны. Вдругъ ей стало какъ-то не по себѣ. Поднявъ голову, она увидѣла, что дѣвушка смотритъ на нее какимъ-то страннымъ испытующимъ взглядомъ.

— Что ты такъ смотришь на меня?—спросила Энрика.

— А что? Развѣ на тебя нельзя смотрѣть?

— Останься обѣдать у меня,—предложила принцесса.

— Съ удовольствіемъ, если я тебя не стѣсню.

— Не только не стѣснишь, но доставишь мнѣ этимъ большое удовольствіе. Мы пошлемъ сейчасъ же извѣстить объ этомъ маркиза.

— Скажи мнѣ, Энрика,—произнесла дѣвушка задумчиво:—помнишь ли ты нашъ разговоръ, въ этой самой гостинной, о Роберто Джонаконе?

Энрика вздрогнула и молча, широко раскрывъ глаза, смотрѣла на Діану.

— Мнѣ думается,—смѣло продолжала дѣвушка, пристально глядя на принцессу,—что тебѣ должны быть извѣстны нѣкоторыя подробности этого дѣла?

Смущеніе Энрики увеличивалось. Дѣвушка, между тѣмъ, объяснила по своему видимое волненіе молодой женщины: ей думалось, что воспоминаніе о человѣкѣ, который нравился принцессѣ въ ея юные годы, смутило и взволновало ее.

Энрика дрожала всѣмъ тѣломъ. Не будучи въ силахъ сдержаться, она поспѣшно вышла изъ комнаты, прошептавъ измѣнившимся голосомъ:

— Подожди меня, я сейчасъ вернусь.

Ей хотѣлось хоть на одну минуту остаться наединѣ съ самой собой, чтобы собраться съ мыслями. Слова Діаны потрясли Энрику до глубины души и нанесли ей ударъ, къ которому она не была подготовлена.

«Неужели — думала Энрика — это наивное дитя угадало истину»?

Мысли Энрики были прерваны приходомъ дворецкаго.

— Сегодня,—произнесъ онъ,—два раза являлся какой-то неизвѣстный человѣкъ и настоятельно требовалъ видѣть вашу свѣтлость, причемъ онъ ни за что не хотѣлъ объяснить: кто онъ и откуда явился. Судя по виду, это долженъ быть какой нибудь бандитъ. Уходя, онъ объявилъ, что снова явится.

Digitized by Google

— Онъ не сказалъ вамъ, зачѣмъ ему понадобилось видѣть меня?

— Нѣтъ; но вообще наружность этого человѣка крайне подозрительна и не внушаетъ довѣрія: волосы и борода его въ безпорядкѣ, драпируется онъ въ какой-то дырявый плащъ, а лицо скрываетъ подъ шляпой съ большими полями. Незнакомецъ этотъ страшно худъ, черты его такъ осунулись, какъ будто ему пришлось перенести долгія страданія. Если ваша свѣтлость позволитъ,—продолжалъ дворецкій,—я скажу мое мнѣніе объ этомъ человѣкѣ.

— Говорите!

— Мнѣ кажется, что это какой нибудь бѣглый каторжникъ, явившійся по порученію Роберто Джонаконе просить васъ похлопотать за его товарища.—Съ этими словами, видя, что принцесса не отвѣчаетъ, дворецкій удалился.

Энрика осталась одна. Взволнованная и нервная, она стала ходить быстрыми шагами по комнатѣ.

— Это онъ,—шептала она,—навѣрно онъ!

Ей припомнились слова Христины, сказанныя нѣсколько часовъ назадъ, и ее поразило странное совпаденіе обстоятельствъ.

«Ну, что же? если это онъ, посмотримъ, что будетъ дальше! Во всякомъ случаѣ, нечего унывать, надо веселиться и пользоваться жизнью»!

XI.

Мы оставили Роберто Джонаконе и его товарища въ тотъ моментъ, когда оба бѣглеца, спускавшіеся по плетеной лѣстницѣ, были замѣчены караульными, стоявшими внизу. Въ тотъ же мигъ раздался, по командѣ, ружейный залпъ, направленный въ нихъ.

Управляющій тюрьмою, направлявшійся къ инженеру Аморетти съ вѣстью о свободѣ, былъ пораженъ этими выстрѣлами. Что могло случиться? Давно уже не было случаевъ ночныхъ побѣговъ.

— Въ кого стрѣляли?—поспѣшно спросилъ Филиппъ Карделло перваго попавшагося часоваго.

— Въ тридцать девятый нумеръ, — отвѣтилъ взволнован-

Digitized by Google

нымъ голосомъ часовой.—Онъ вздумалъ бѣжать, но его замѣтили и выстрѣлили... Онъ умеръ мгновенно.

Извѣстіе это совершенно ошеломило управляющаго; слезы навернулись у него на глазахъ, горло сдавило отъ сдержанныхъ рыданій.

Въ одинъ мигъ, не помня себя, онъ очутился передъ помѣщеніемъ, которое занималъ Роберто.

Дрожащею рукою отперъ онъ дверь.

Посреди комнаты стоялъ Роберто, блѣдный и дрожащій.

— Вы... здѣсь?—воскликнулъ управляющій, не вѣря глазамъ.—Что же значитъ слухъ, разнесшійся о вашей смерти? Ого! рѣшетка подпилена и отогнута,—продолжалъ онъ, взглянувъ на окно.—Что все это означаетъ?

— Мы хотѣли бѣжать вмѣстѣ съ моимъ сосѣдомъ,—отвѣтилъ Роберто прерывающимся голосомъ.—Мы уже стали спускаться по плетеной лѣстницѣ—вдругъ раздались выстрѣлы... Я видѣлъ, какъ онъ сорвался и полетѣлъ внизъ... Это ужасно!—воскликнулъ Роберто, всплеснувъ руками.—Не знаю, какимъ чудомъ я снова очутился здѣсь...

— Умершій былъ инженеръ Аморетти?—быстро спросилъ Филиппъ Карделло?

— Да, онъ такъ называлъ себя.

— Роберто Джонаконе,—торжественно произнесъ управляющій.—Провидѣніе даетъ мнѣ возможность достойнымъ образомъ отблагодарить тебя за спасеніе нашего сына. Я нарушу свои обязанности по службѣ, но выполню священный долгъ благодарности: отнынѣ ты становишься инженеромъ Аморетти. Вотъ указъ о его помилованіи. Роберто Джонаконе не существуетъ болѣе... Идемъ, намъ надо спѣшить.

Быстро пройдя нѣсколько коридоровъ, управитель втолкнулъ Роберто въ какую-то комнату и заперъ его на ключъ. Не успѣлъ онъ этого сдѣлать, какъ цѣлая толпа любопытныхъ нахлынула въ помѣщеніе, которое столько лѣтъ занималъ тридцать девятый нумеръ. При видѣ подпиленной рѣшетки и лѣстницы, висѣвшей за окномъ, никому не пришла въ голову мысль усомниться въ томъ, что жертвою катастрофы былъ именно тридцать девятый нумеръ. Между тѣмъ, Аморетти, упавшій съ высоты и раненый четырьмя пулями, изъ которыхъ двѣ попали въ голову, былъ неузнаваемъ. Жалко было смо-

Digitized by Google

трѣть на это разможженное лицо. По приказанію управляющаго, мертвеца немедленно положили въ гробъ и черезъ нѣсколько часовъ предали землѣ.

Изо всѣхъ служащихъ въ тюрьмѣ одинъ Доменико не проснулся при общемъ переполохѣ. Окончивъ свою ежедневную службу, онъ заснулъ непробуднымъ сномъ,—сномъ пьяницы, котораго не могутъ нарушить ни шумъ, ни суета. Волненіе въ тюрьмѣ постепенно успокоилось. Нѣкоторое время еще слышались разговоры между караульными у главныхъ воротъ—затѣмъ и тутъ все замолкло. Убѣдясь, что вся тюрьма спитъ, Филиппъ Карделло отправился къ Роберто.

Предусмотрительный управляющій тюрьмою уже успѣлъ возвѣстить всѣмъ о помилованіи инженера Аморетти, прибавляя при этомъ о своемъ намѣреніи выпустить заключеннаго на свободу рано утромъ.

— Настала минута освобожденія! — произнесъ Филиппъ Карделло, входя въ комнату, гдѣ находился Роберто.—Мужайся, другъ мой!—Пріятели крѣпко обнялись.

— Дай Богъ тебѣ счастья,—продолжалъ смотритель.—Ты такъ измѣнился за эти шестнадцать лѣтъ, что можешь смѣло быть увѣреннымъ въ томъ, что тебя никто не узнаетъ. Теперь скажи мнѣ откровенно, вслѣдствіе какихъ причинъ подготовлялъ ты столько лѣтъ планъ бѣгства, сопряженный съ такими опасностями? Имѣлъ ли ты цѣлью свидѣться съ кѣмъ нибудь? Тебя ожидаютъ, можетъ быть, сынъ, любимая женщина?

— Я долженъ видѣть тѣхъ, кто оклеветалъ меня,—мрачно отвѣтилъ Роберто.—Кромѣ того, мнѣ предстоитъ разыскать дочь, похищенную у меня въ самый день ея рожденія.

Въ эту минуту пробили тюремные часы.

— Спѣши,—сказалъ Филиппъ Карделло,—не теряй ни минуты. Утренняя заря должна застать тебя далеко отсюда. Прощай, Роберто; кто знаетъ, свидимся ли мы еще когда нибудь? Прими отъ меня этотъ кошелекъ,—продолжалъ управляющій, украдкой утирая слезу,—малое, что въ немъ заключается, пригодится тебѣ на первое время.

— Да наградитъ васъ Господь за все, что вы дѣлаете для меня,—отвѣтилъ растроганный Роберто.

Они вышли. Управляющій велъ за руку своего друга. Про-

Digitized by Google

ходя мимо часовыхъ, Филиппъ Карделло сказалъ пароль, прибавивъ: инженеръ Аморетти.

При видѣ управляющаго, караульные безпрекословно отперли главные ворота. Тюремный экипажъ ожидалъ Роберто.

— Синьоръ Аморетти, — шутливымъ тономъ произнесъ управляющій, настолько громко, чтобы быть услышаннымъ караульными и кучеромъ,—надѣюсь, вы не въ претензіи на меня за ваше долгое пребываніе здѣсь? Вина въ этомъ не моя... Не поминайте насъ лихомъ!

Съ этими словами онъ заперъ ворота. У Роберто сжалось сердце. Отъ этой шутки вѣяло чѣмъ-то грустнымъ: чувствовалось, что у стараго служаки не легко было на сердцѣ.

Лошади тронулись.

XII.

Принцессѣ необходимы были деньги—она ожидала съ минуты на минуту появленія Христины и потому, не видя другаго исхода, рѣшила обратиться къ Уэль-Моту.

Американецъ ежедневно, съ восьми часовъ утра, работалъ у себя въ банкѣ. Въ половинѣ девятаго, у подъѣзда банка остановился элегантный экипажъ, изъ котораго вышла принцесса Горрева. На молодой женщинѣ былъ туалетъ, искусно выказывавшій всѣ ея прелести. Руки, до самыхъ плечъ, сквозили сквозь тонкіе кружевные рукава; такое же кружево едва скрывало ея роскошную шею и часть пышной груди. Юбки изъ мягкой матеріи красивыми складками падали вдоль ея сильной, здоровой фигуры. Женщина эта была такъ хороша, что вполнѣ олицетворяла въ себѣ красоту Минервы или Юноны. Поднявшись по лѣстницѣ, Энрика остановилась передъ дверью, обитой зеленымъ сукномъ. На двери была прибита дощечка изъ толстаго стекла съ золотою надписью: «Уэль-Мотъ».

Толкнувъ незапертую дверь, принцесса очутилась въ коридорѣ, изъ котораго виднѣлись направо и налѣво большія комнаты съ высокими перегородками. На перегородкахъ можно было прочесть слѣдующія надписи: «касса», «учетъ векселей», «экспортъ», «текущій счетъ», и другія. Нигдѣ не было ни души, не слышалось ни одного звука. Энрика стояла въ недо-

Digitized by Google

умѣніи, не зная, куда обратиться. Вдругъ ей показалось, что гдѣ-то двинули стуломъ; она направилась въ ту сторону. Пройдя комнату въ родѣ большой прихожей, она открыла тяжелую дверь и очутилась въ присутствіи самого хозяина банка.

Уэль-Мотъ сидѣлъ въ большемъ креслѣ, погруженный въ чтеніе «Times'a»; масса англійскихъ, французскихъ и американскихъ газетъ были раскиданы повсюду — на стульяхъ, на столахъ, даже на полу. Комната, служившая кабинетомъ американцу, была въ строго выдержанномъ вкусѣ. Потолокъ, стѣны и двери были изъ чернаго дерева. У каждой стѣны стояло по шкафу такого же дерева, тонкой, изящной работы. Мебель, обитая чернымъ атласомъ, соотвѣтствовала всему остальному. На столахъ и этажеркахъ были разставлены бронзовыя статуэтки работы извѣстныхъ художниковъ. Дорогія картины немного оживляли слишкомъ строгій стиль этой комнаты. Услыша, что кто-то вошелъ, Уэль-Мотъ оглянулся. Узнавъ принцессу, онъ быстро всталъ ей навстрѣчу—на лицѣ его мелькнуло выраженіе торжества.

— Дорогой Уэль-Мотъ!—произнесла Энрика; она хотѣла сказать: «дорогой Густавъ», но побоялась этими словами открыть свою игру.

— Вы, принцесса... и въ такой ранній часъ? Могу я узнать, какое дѣло привело васъ сюда?

Онъ произнесъ слово: «дѣло» съ особеннымъ удареніемъ. Хитрый американецъ сразу замѣтилъ бьющій на эффектъ туалетъ молодой женщины, и хотѣлъ дать ей понять, что не былъ расположенъ испытывать сцену искушеній. Принцесса пріѣхала въ полной увѣренности, что ей удастся обольстить и одурачить американца, и затѣмъ безъ труда выманить необходимыя ей деньги, которыя она разсчитывала со временемъ возвратить банкиру, прибавивъ къ капитальной суммѣ приличные проценты.

— Я хотѣла видѣть васъ по одному пустяшному дѣлу,— сказала Энрика съ улыбкой, бросая кокетливый взглядъ на своего собесѣдника.

— Я къ вашимъ услугамъ, — отвѣтилъ любезно Уэль-Мотъ.—Давно уже вы не сообщали мнѣ ничего о вашихъ дѣлахъ. Мой служащій, который по неопытности давалъ вамъ

Digitized by Google

неподходящіе совѣты, сообщилъ мнѣ на дняхъ, что, благодаря вашей сметливости, совѣты эти не имѣли дурныхъ послѣдствій.

— О, объ этихъ мелочахъ не стоитъ и говорить!—отвѣтила Энрика, какъ бы мимоходомъ.

Она старалась принять веселый, непринужденный тонъ, чтобы не дать банкиру времени догадаться о грозившемъ ей, въ непродолжительномъ времени, полномъ разореніи. Принцесса не могла предвидѣть, что Уэль-Моту лучше ея самой было извѣстно положеніе ея финансовъ.

— Мнѣ приходится, — продолжала молодая женщина,— снова просить васъ о небольшомъ одолженіи.

— Надѣюсь, принцесса, что я буду имѣть удовольствіе исполнить ваше желаніе. Вы знаете, какъ я преданъ вамъ!

— Это пустяки, совершенные пустяки для васъ,—произнесла Энрика. — Мнѣ нужно на дняхъ шестьдесятъ тысячъ лиръ.

На лицѣ банкира отразилось глубокое огорченіе.

— Вы не можете обойтись безъ этихъ денегъ?—медленно спросилъ онъ.

— Еслибы могла, я не пріѣхала бы просить васъ,—отвѣтила Энрика, высокомѣрно взглянувъ на банкира.

— Эти деньги положительно необходимы вамъ?—настоятельно повторилъ Уэль-Мотъ.

— Говорю вамъ ясно, что не могу обойтись безъ нихъ,— запальчиво вскрикнула Энрика. Уэль-Мотъ задумался. Глубокая складка легла между его бровями. Не говоря ни слова, онъ всталъ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ бы измышляя что-то. Мстительный американецъ не довольствовался тѣмъ, что ускорилъ разореніе женщины, нѣкогда оттолкнувшей его любовь:—онъ изыскивалъ теперь средство, чтобы опозорить и унизить свою жертву. Какъ бы рѣшившись на что-то, онъ быстро подошелъ къ молодой женщинѣ и, глядя на нее въ упоръ, слѣдя за малѣйшимъ измѣненіемъ ея лица, онъ сказалъ:

— Я въ глубокомъ отчаяніи, принцесса; мнѣ приходится на этотъ разъ отказать вамъ; но чтобы вы не сомнѣвались въ моей дружбѣ, я сообщу вамъ нѣчто такое, что должно остаться между нами.

Digitized by Google

Энрика утвердительно кивнула головой.

— Я наканунѣ полнѣйшаго банкротства!

— О!—воскликнула Энрика, вставая,—этого не можетъ быть!

— Одинъ изъ богатѣйшихъ банкировъ въ Нью-Іоркѣ хочетъ погубить меня. Вотъ уже два мѣсяца, какъ между нами идетъ денежная война на жизнь и смерть, и, кажется, я буду побѣжденъ...

Трудно описать отчаяніе, охватившее Энрику при этихъ словахъ—всѣ ея надежды, всѣ ея разсчеты рушились! Она слушала банкира, безцѣльно глядя въ пространство.

— Но вѣдь я прошу у васъ только шестьдесятъ тысячъ лиръ,—произнесла молодая женщина, стараясь овладѣть собою.—Для васъ это ничто. Вы должны достать эти деньги для меня!—добавила она повелительнымъ тономъ.

— Это немыслимо, принцесса,—отвѣтилъ Уэль-Мотъ голосомъ, не допускавшимъ никакихъ возраженій.

Глаза Энрики наполнились слезами. При видѣ невѣроятныхъ усилій, которыя употребляла молодая женщина, чтобы сдержать свое волненіе, взглядъ американца невольно обратился къ желѣзному шкафу, въ которомъ хранились бумаги и звонкая монета на сумму въ десять разъ бо́льшую той, о которой шла рѣчь.

Злобная улыбка искривила губы Уэль-Мота—онъ торжествовалъ.

Теперь она была въ его власти,—эта женщина, оттолкнувшая его! Стоило открыть шкафъ, показать ей богатства, хранившіяся въ немъ... что̀ сталось бы тогда съ ея высокомѣріемъ? Но нѣтъ, никогда! Онъ долженъ выйти побѣдителемъ изъ этой борьбы. Не подъ силу этой женщинѣ бороться съ такимъ человѣкомъ, какимъ былъ американецъ Уэль-Мотъ!

Желая нарушить наступившее неловкое молчаніе, банкиръ произнесъ съ притворнымъ сочувствіемъ:

— Мнѣ очень грустно, принцесса, что я не могу исполнить вашей просьбы; но вѣрьте, это выше моихъ силъ, такъ какъ я самъ нахожусь въ крайне стѣсненномъ положеніи. Впрочемъ, изъ уваженія къ вамъ, я постараюсь достать у третьяго лица эти деньги. Если у меня явится малѣйшая надежда, я не замедлю тотчасъ же явиться къ вамъ.

Digitized by Google

Съ этими словами банкиръ всталъ, какъ бы давая понять своей посѣтительницѣ, что болѣе говорить не о чемъ. Видя, что дальнѣйшія просьбы не поведутъ ни къ чему, Энрика удалилась. Прощаясь съ американцемъ, она подарила его одною изъ самыхъ обворожительныхъ своихъ улыбокъ.

Принцесса Горрева не принадлежала къ тѣмъ женщинамъ, которыя падаютъ духомъ при малѣйшей неудачѣ. Напротивъ: препятствія придавали ей силу и желаніе бороться.

«Въ концѣ концовъ, — думала она по дорогѣ къ своему великолѣпному дворцу, — американецъ обѣщалъ постараться достать мнѣ эти деньги. Будемъ надѣяться на него! Какъ все мѣняется на свѣтѣ, — философствовала принцесса:— мы, великіе міра сего, принадлежащіе къ знатнѣйшимъ фамиліямъ, находимся въ полной зависимости отъ какихъ-то авантюристовъ. Въ данную минуту мы возлагаемъ на нихъ всѣ наши надежды... мы прибѣгаемъ къ нимъ, пресмыкаемся предъ ними, подчиняемся ихъ капризамъ... Въ лицѣ ихъ возникаетъ новая аристократія, алчная къ деньгамъ и наживѣ, но обладающая двумя великими двигателями: практическимъ разумомъ и умѣньемъ трудиться»!..

Размышляя такимъ образомъ, молодая женщина незамѣтно для нея доѣхала до дому.

Немедленно послѣ разговора съ принцессою, Уэль-Мотъ отправилъ одного изъ своихъ служащихъ за нѣкимъ де-Карло, который слылъ лучшимъ ювелиромъ въ Неаполѣ и былъ постоянно въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ банкиромъ. Часъ спустя, де-Карло явился къ американцу.

— Чѣмъ могу служить вамъ, синьоръ Уэль-Мотъ?—спросилъ онъ, входя въ кабинетъ банкира.

— Есть у васъ въ работѣ какіе нибудь бриллианты принцессы Горрева?

— Въ настоящее время, нѣтъ никакихъ.

— Какая досада! Надо бы придумать предлогъ, чтобы вамъ повидаться съ нею.

— Нѣтъ ничего легче! Я могу зайти къ принцессѣ показать ей кой-какія новости, недавно полученныя мною. Она охотно покупаетъ у меня и платитъ, не жалѣя денегъ.

— Она ничего не должна вамъ?

— Рѣшительно ничего.

Digitized by Google

Наступило краткое молчаніе—банкиръ думалъ о массѣ денегъ, растраченныхъ этою безумною женщиною.

— Вы отправитесь сегодня же къ принцессѣ,—произнесъ Уэль-Мотъ, обращаясь къ де-Карло.

— Съ удовольствіемъ!—Предложеніе это улыбалось ювелиру, такъ какъ онъ ожидалъ, что ему будетъ поручено передать принцессѣ какой нибудь драгоцѣнный подарокъ отъ имени банкира.

— И скажете ей,—продолжалъ американецъ,—что желаете показать вещь рѣдкой работы. Вѣдь у васъ, конечно, найдется что нибудь подходящее?

— О, безъ сомнѣнія!

— Затѣмъ, — говорилъ банкиръ, задумчиво разглядывая свои красивыя руки,—вы постараетесь незамѣтно навести разговоръ на постоянно повышающуюся цѣнность бриллiантовъ... Какъ бы мимоходомъ, вы сообщите принцессѣ, что многія изъ вашихъ покупщицъ замѣнили въ своихъ парюрахъ настоящіе камни фальшивыми, которые такъ хорошо поддѣланы, что нѣтъ почти никакой возможности отличить ихъ съ виду отъ настоящихъ.

— Затѣмъ?—произнесъ де-Карло, не понимая, къ чему клонится весь разговоръ.

— Вы увидите, что принцесса тотчасъ же предложитъ вамъ купить нѣкоторые изъ ея фамильныхъ бриллiантовъ или же изъ бриллiантовъ ея мужа.

— Но они мнѣ не нужны!..

— Вы отберете на сто тысячъ драгоцѣнностей,—продолжалъ банкиръ, не обращая вниманія на слова де-Карло,—и тотчасъ же принесете ихъ мнѣ. Вотъ деньги, которыми вы уплатите принцессѣ за ея бриллiанты.

Говоря это, Уэль-Мотъ отперъ желѣзный шкафъ и отсчиталъ ювелиру сто тысячъ франковъ.

— Прекрасно!—произнесъ де-Карло, пряча деньги.—Теперь я понимаю, въ чемъ дѣло. Вы хотите помочь принцессѣ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не желаете, чтобы она знала о вашемъ благородномъ поступкѣ.

— Ну, положимъ! Я вовсе не такъ великодушенъ,—усмѣхаясь, произнесъ американецъ.—Но вы, милѣйшій, не заботьтесь о томъ, что я дѣлаю... Исполните только всѣ мои при-

Digitized by Google

казанія въ точности и, главное, когда будете у принцессы, не упоминайте обо мнѣ.

— Какъ вамъ угодно,—произнесъ съ недоумѣніемъ де-Карло.

Съ этими словами онъ откланялся и вышелъ.

Между тѣмъ Энрика съ нетерпѣніемъ цѣлый день ждала Уэль-Мота. Но часъ проходилъ за часомъ, а банкиръ все не являлся. Молодая женщина уже начинала терять надежду на помощь, обѣщанную имъ. Въ отчаяніи бродила она по своимъ богато-убраннымъ комнатамъ, не зная, что предпринять и на что рѣшиться. Мысли путались у нея въ головѣ, тоска давила грудь, члены цѣпенѣли. Она нервно прислушивалась къ малѣйшему шуму, ожидая всякую минуту, что ей доложатъ о пріѣздѣ банкира. На это-то мучительное состояніе и разсчитывалъ Уэль-Мотъ, обѣщая молодой женщинѣ заѣхать къ ней въ теченіе дня. Мстительный американецъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы терзать свою жертву.

Вошелъ лакей и доложилъ принцессѣ о приходѣ ювелира.

«Какая горькая иронія, — подумала Энрика, — де-Карло навѣрно пришелъ съ предложеніемъ купить у него что нибудь»!

Тѣмъ не менѣе она велѣла принять его. Ей доставляло удовольствіе поговорить отъ времени до времени съ этимъ человѣкомъ, который велъ торговлю съ какими-то отдаленными сказочными странами. Отъ словъ старика у Энрики всегда немного захватывало духъ. Какъ очарованная, прислушивалась она къ разсказамъ де-Карло, толковавшаго о брилліантахъ, рубинахъ, сафирахъ, жемчугахъ съ такою небрежностью, точно дѣло шло о простыхъ камешкахъ.

На этотъ разъ де-Карло принесъ фермуаръ рѣдкой, по изяществу, работы.

— Вашей свѣтлости необходимо пріобрѣсти эту вещь,— сказалъ онъ,—передавая Энрикѣ открытый футляръ.

— Вы напрасно трудитесь предлагать мнѣ этотъ фермуаръ,—возразила принцесса:—у меня такъ много брилліантовъ, что я рѣшила больше не покупать ничего.

— Это весьма понятно, тѣмъ болѣе что красота вашей свѣтлости не нуждается въ украшеніяхъ,—отвѣтилъ хитрый старикъ.

Digitized by Google

— Дѣйствительно,—произнесла съ самодовольною улыбкою молодая женщина,—замѣтили ли вы, что съ нѣкоторыхъ поръ я почти не ношу драгоцѣнностей!

— Нѣкоторыя дамы стали подражать вашей свѣтлости, но только гдѣ же имъ соперничать съ первою красавицею въ Неаполѣ?—льстиво добавилъ де-Карло.

Какъ бы ни была груба лесть и отъ кого бы ни исходила, она всегда пріятно щекотала самолюбіе принцессы.

— Кстати,—продолжалъ ювелиръ, — за послѣднее время въ Неаполѣ стали носить много фальшивыхъ брилліантовъ. Многія знатныя особы, находясь въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, замѣнили въ своихъ фамильныхъ парюрахъ драгоцѣнные камни фальшивыми, которые такъ искусно поддѣланы, что почти нѣтъ возможности отличить ихъ отъ настоящихъ.

Энрика вся превратилась въ слухъ.

— Я знаю двухъ придворныхъ дамъ, которыя на этихъ дняхъ такимъ же способомъ продали брилліантовъ на четыреста тысячъ.

— Кто это такія?—поспѣшно спросила Энрика.

— Это тайна, которую я не могу выдать!

— И что же, неужели никто не догадывается, что брилліанты поддѣльные?

— Я прошу вашу свѣтлость не сомнѣваться въ томъ, что я говорю: самый привычный глазъ, и тотъ едва можетъ отличить настоящіе камни отъ фальшивыхъ,—такъ тонка поддѣлка.

Энрика, не говоря ни слова, прошла въ свою спальню. Она вернулась, нѣсколько минутъ спустя, неся въ рукахъ множество футляровъ различныхъ величинъ. Небрежно бросивъ ихъ на столъ, молодая женщина стала раскрывать одинъ футляръ за другимъ, любуясь игрою драгоцѣнныхъ камней.

— Что, по вашему мнѣнію, стоютъ эти брилліанты?—обратилась она къ де-Карло. Старикъ, не торопясь, досталъ изъ кармана лупу и, придерживая ее одною рукою у праваго глаза, сталъ молча и внимательно разсматривать драгоцѣнные камни. Энрика, опираясь колѣномъ на кресло и положивъ оба локтя на столъ, съ трепетомъ слѣдила за старикомъ.

— Все это брилліанты большой цѣнности,—произнесъ наконецъ де-Карло,—какъ по ихъ величинѣ, такъ и по чистотѣ воды. Одно это колье стоитъ двѣсти тысячъ лиръ... за эту

Digitized by Google

брошку можно дать никакъ не менѣе пятидесяти тысячъ дукатовъ...

— Тѣмъ лучше, де-Карло, если эти камни такъ хороши! Я хочу ихъ продать... но при этомъ разсчитываю на вашу скромность и надѣюсь, что вы не выдадите меня,—произнесла Энрика съ непривычной ей фамильярностью.

— Продать... но кому же, ваша свѣтлость?—холодно спросилъ старикъ.

Въ первую минуту, вопросъ этотъ смутилъ молодую женщину. Но она тотчасъ же внутренно посмѣялась надъ собой: было несомнѣнно, что де-Карло, со свойственною всякому торговцу разсчетливостью, хотѣлъ этимъ вопросомъ сбить цѣну съ вещей.

— Не бойтесь,—произнесла поспѣшно Энрика,—я не стану просить у васъ той цѣны, въ которую вы оцѣнили эти камни.

— О, я ни къ какомъ случаѣ не согласился бы взять эти вещи за меньшую сумму! — съ благороднымъ негодованіемъ воскликнулъ старикъ.—Прошу васъ быть увѣренной въ моей честности. Я честенъ со всѣми, а тѣмъ болѣе съ вами, принцесса, которой я такъ много обязанъ. Я спросилъ только: кому желаете вы продать эти камни, такъ какъ трудно найти сразу покупателя, могущаго располагать такою крупною суммою. Впрочемъ, я могу предложить эти бриллианты одной богатой иностранкѣ: насколько мнѣ извѣстно, она еще недавно выражала желаніе пріобрѣсти камни въ этомъ родѣ. Боюсь только, чтобы это не было слишкомъ дорого для нея.

— Я уступлю вамъ дешевле,—произнесла Энрика, снова садясь въ кресло.

— Но, ваша свѣтлость, я вовсе не желаю быть посредникомъ въ дѣлѣ, въ которомъ вы такъ много теряете: это было бы съ моей стороны чѣмъ-то въ родѣ ростовщичества!.. Во сколько, примѣрно, цѣните вы эту діадему и этотъ браслетъ?

— Подождите, я сейчасъ вамъ скажу, что они стоили: у меня сохранились счеты отъ этихъ вещей.

Говоря это, Энрика поспѣшно прошла въ свою спальню. Де-Карло слышалъ, какъ она лихорадочно рылась въ комодахъ. Черезъ минуту принцесса вернулась, держа въ рукѣ старинные счеты, пожелтѣвшіе отъ времени.

— Вотъ!.. двадцать... тридцать... восемь... всего на сорокъ

Digitized by Google

шесть тысячъ, — медленно говорила Энрика, подводя вслухъ итоги подъ счетами.

—Прекрасно!—произнесъ ювелиръ.—Прибавимъ къ этимъ вещамъ еще что нибудь, если ваша свѣтлость твердо рѣшились продать часть своихъ драгоцѣнностей...

— Я уже сказала вамъ, что желаю сохранить только оправы, для того чтобы вставить въ нихъ поддѣльные камни.

— Какъ вамъ угодно!—отвѣтилъ старикъ, откладывая въ сторону еще браслетъ и двѣ брошки. — Я могу предложить вашей свѣтлости за все это сто тысячъ франковъ.

— О!—радостно вскрикнула Энрика, у которой отлегло отъ сердца. — Но нѣтъ... вы даете мнѣ слишкомъ много. Я хочу, чтобы вы имѣли выгоду также и съ моей стороны. Оставьте себѣ тысячъ пять, шесть...

Медленно и систематично раскладывалъ старикъ на столѣ сто билетовъ, по тысячѣ франковъ каждый, полученные незадолго передъ тѣмъ отъ американца. Энрика поспѣшно собрала деньги въ одну пачку, причемъ положила возлѣ де-Карло обѣщанную сумму за комисію.

Старикъ съ достоинствомъ оттолкнулъ отъ себя эти деньги, говоря:

— Я довольствуюсь тѣмъ, что могу оказать эту ничтожную услугу вашей свѣтлости, и не желаю другой награды.

— Въ такомъ случаѣ, я куплю принесенный сегодня вами фермуаръ,—произнесла Энрика, не будучи въ состояніи воздержаться отъ своей страсти бросать деньги на-вѣтеръ.

Ювелиръ досталъ изъ кармана фермуаръ и молча положилъ его передъ принцессою.

— Сколько вы хотите за эту вещь?

— Шесть тысячъ франковъ,—отвѣтилъ старикъ, не колеблясь.

Фермуаръ не стоилъ и половины этой цѣны. Получивъ деньги, де-Карло бережно спряталъ ихъ въ свой бумажникъ.

— Если вашей свѣтлости представится когда либо опять необходимость въ моихъ услугахъ,—произнесъ хитрый старикашка,—прошу вполнѣ располагать мною и быть увѣренной въ моей скромности.

Надменнымъ кивкомъ головы отвѣчала Энрика, отпуская

Digitized by Google

ювелира. Де-Карло вышелъ, отвѣсивъ принцессѣ низкій поклонъ.

Не успѣлъ онъ исчезнуть за дверью, какъ молодая женщина поспѣшно прошла въ свою спальню. Она ликовала:—благодаря этимъ деньгамъ, ей была дана возможность просуществовать нѣкоторое время весело и беззаботно. Снова всѣ непріятности отошли на задній планъ—оставалось только жить и наслаждаться жизнью. Но радость эта была непродолжительна—ее отравляло невольное сознаніе того, что деньги эти были добыты способомъ,—на который могла рискнуть только какая нибудь куртизанка, но никакъ не женщина, занимавшая въ свѣтѣ такое положеніе, какъ принцесса Горрева!

Впрочемъ, испорченная натура тотчасъ же снова взяла верхъ надъ минутнымъ чувствомъ. Улыбнувшись и презрительно пожавъ плечами, Энрика проговорила вполголоса:

«Теперь Христина можетъ прійти, когда ей вздумается:—у меня есть чѣмъ заплатить ей. Эти деньги дадутъ мнѣ возможность унизить ее и потѣшиться надъ нею, сколько мнѣ вздумается»!

Дѣйствительно, Христина не заставила себя долго ждать. На другой день, передъ самымъ обѣдомъ, Энрикѣ доложили о ея приходѣ. Пройдя въ свою спальню, принцесса приказала провести туда и посѣтительницу.

— На, получай!—произнесла Энрика, отсчитывая обѣщанныя двадцать тысячъ лиръ вошедшей женщинѣ.

— Вотъ и прекрасно!—произнесла та, пряча деньги въ карманъ.—На дняхъ, значитъ, мы отправимся съ Эмиліо путешествовать на ваши денежки!

Слова эти сопровождались дерзкой улыбкой.

— Итакъ, мы теперь снова друзья по старому,—сказала Энрика, цѣлуя съ притворной лаской Христину.—Ахъ!—слегка вскрикнула принцесса, взглянувъ на коверъ, гдѣ лежала подвязка, украшенная лентами и кружевами.—Я и не замѣтила, какъ она упала у меня съ ноги!

Говоря это, принцесса сѣла на диванъ и, слегка приподнявъ край платья, выставила ногу; Христина, по старой привычкѣ, поднявъ подвязку и держа ее въ рукѣ, стала на колѣни передъ своей бывшей госпожей.

Тогда Энрика, какъ бы неловкимъ движеніемъ, откинула,

Digitized by Google

болѣе чѣмъ слѣдовало, край платья и обнажила передъ колѣнопреклоненной женщиной бѣлую, какъ мраморъ, ногу... Четверть часа спустя, обѣ женщины вышли въ гостинную. Энрика торжествовала, глаза ея ярко горѣли. Обратясь къ Христинѣ, она произнесла съ насмѣшливой улыбкой:

— Какъ бы то ни было, но ты навѣки моя раба! Стоитъ мнѣ только пожелать и ты снова будешь стоять передо мной на колѣняхъ, какъ стояла нѣсколько минутъ тому назадъ!..

— А вы вѣчно будете моей жертвой. Подумайте, что̀ стоютъ вамъ ваши прихоти и капризы—почти все состояніе вашего отца уже перешло въ мои руки! Повѣрьте, что этимъ достаточно оплачиваются униженія и оскорбленія, которыя я выношу отъ васъ...

Христина задыхалась въ безсильной злобѣ. «Я ненавижу тебя,—прошипѣла она,—и буду вѣчно тебя преслѣдовать, до той минуты, когда одна изъ насъ падетъ жертвою другой»!..

Съ этими словами Христина, не прощаясь, вышла изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью.—«Проклятое существо»!—пробормотала Энрика вслѣдъ выходившей.

Въ тотъ же вечеръ, принцесса отправилась въ оперу, гдѣ давали «Донъ-Жуана», для дебюта новой артистки. Во время представленія, въ ложѣ молодой женщины безпрерывно толпились ея поклонники. Тутъ были и Адольфъ Веноза, и адвокатъ Котелла, и даже прибывшій недавно изъ Туниса Гуманамъ-паша въ своей національной фескѣ.

— Почему,—произнесла Эприка, когда замерли послѣдніе звуки знаменитой аріи Моцарта: «Giovinetti, che fate del amore»...—почему ни одинъ изъ писателей не взялъ для своего сюжета героиню съ характеромъ и наклонностями Донъ-Жуана? Это было бы прелестно и оригинально,—продолжала принцесса съ своей очаровательной улыбкой.—Какъ вы думаете, синьоръ Веноза, найдется ли между женщинами типъ, похожій на героя моцартовской оперы? Женщина страстная, жаждущая наслажденій, для которой вся прелесть любви заключалась въ непостоянствѣ и перемѣнчивости этого чувства?

Адольфъ Веноза не отвѣчалъ. Какъ околдованный, стоялъ онъ возлѣ Энрики, не отрывая восторженныхъ глазъ отъ роскошныхъ, сильно декольтированныхъ, плечъ молодой женщины. Замѣтивъ, что принцесса смотритъ на него, юноша потупился

Digitized by Google

въ смущеніи. Казалось, онъ ждалъ только одного мановенія этой страстной красавицы, для того чтобы пасть къ ея ногамъ. Сознаніе своего могущества льстило принцессѣ и доставляло ей несказанное наслажденіе.

— Я слышала,—обратилась Энрика къ маркизу Трапани, незадолго передъ тѣмъ вошедшему въ ложу,—что въ скоромъ времени вы даете балъ?

— Какой же это балъ!—съ притворною скромностью отвѣтилъ маркизъ.—Просто небольшой вечеръ... Я не смѣю надѣяться, принцесса, что вы удостоите меня честью вашего посѣщенія!

— Почему же нѣтъ?—поспѣшно возразила Энрика, пользовавшаяся всякимъ случаемъ, чтобы показываться въ обществѣ и пріобрѣтать новыхъ поклонниковъ.

— Мнѣ сообщили, что на дняхъ пріѣзжаетъ вашъ супругъ...

— Дѣйствительно, я его ожидаю... но что же изъ этого?

— Знаете ли, принцесса, когда два супруга не видались столько времени, весьма понятно, что они ищутъ уединенія.

Энрика съ презрительной усмѣшкой пожала плечами:

— Кто знаетъ, можетъ быть, вы и правы. Во всякомъ случаѣ, мнѣ будетъ очень досадно, если придется отказаться отъ вашего бала.

Въ эту минуту маркизъ обернулся, чувствуя на себѣ чей-то пристальный взглядъ—это былъ Марко Альбони, стоявшій невдалекѣ и наблюдавшій за своей жертвой, стараясь угадать по выраженію лица маркиза, о чемъ онъ разговариваетъ съ принцессой Горрева.

Бесѣда маркиза съ молодой женщиной была прервана появленіемъ новаго лица. Маркизъ Трапани всталъ и откланялся. Вновь пришедшій былъ Уэль-Мотъ.

— Добрый вечеръ, дорогой Уэль-Мотъ!—съ легкой ироніей въ голосѣ сказала Энрика,—я проскучала вчера весь день, напрасно поджидая васъ... Думаю, что вы не будете въ претензіи на меня, если я скажу вамъ, въ наказаніе за несдержанное обѣщаніе, что вы прекрасно сдѣлали, что не пріѣхали вчера—мнѣ удалось обойтись безъ вашей помощи въ томъ дѣлѣ, о которомъ я говорила вамъ. Я рѣшила, что лучше не полагаться на... ваши обѣщанія.

Digitized by Google

Слова эти, заключавшія въ себѣ столько язвительной злобы и скрытой ироніи, были поняты только тѣмъ, для кого они назначались: — для всѣхъ же остальныхъ это были обычныя свѣтскія фразы, не имѣвшія никакого серьезнаго значенія.

Уэль-Мотъ потѣшался въ душѣ надъ задоромъ молодой женщины, прекрасно понимая, чѣмъ вызвано ея удовольствіе.

Передъ самымъ отъѣздомъ въ оперу, банкиръ успѣлъ повидаться съ де-Карло. Когда ему доложили о приходѣ ювелира, онъ велѣлъ немедленно принять его. Де-Карло вошелъ какъ разъ въ ту минуту, когда банкиръ, стоя передъ зеркаломъ, вкалывалъ брилліантовую булавку въ искусно завязанный галстукъ.

— Ну, что?—спросилъ Уэль-Мотъ, не оборачиваясь, едва только заслышалъ шаги брилліантщика.

Старикъ былъ большой любитель театральныхъ эффектовъ. Онъ молча подошелъ къ банкиру и торжественно подалъ ему брилліанты, пріобрѣтенные у принцессы Горрева. Дьявольская улыбка появилась на губахъ американца.

— Сто тысячъ франковъ,—лаконически сказалъ старикъ,— все обдѣлано чисто: принцесса и не подозрѣваетъ, чьи это деньги...

— И не должна никогда подозрѣвать этого, — коротко отрѣзалъ Уэль-Мотъ.

Поблагодаривъ де-Карло за труды, банкиръ отпустилъ старика.

«Теперь я могу быть доволенъ»!—сказалъ себѣ Уэль-Мотъ, пряча въ шкатулку полученныя драгоцѣнности.

— Вамъ извѣстно, принцесса, — спокойно отвѣчалъ американецъ на всѣ сарказмы молодой женщины, — что я принадлежу къ самымъ вѣрнымъ вашимъ слугамъ. Если я не сдержалъ своего слова, то это только вслѣдствіе неудачно сложившихся обстоятельствъ. Къ тому же, принцесса, что можетъ значить для васъ общество такого ничтожнаго человѣка, какъ я, не обладающаго способностью блестящаго разговора и не могущаго, слѣдовательно, заинтересовать васъ!

Принцесса, повѣрившая на слово въ разореніе банкира, отвѣтила ему съ видомъ царицы, снисходящей до своего раба:

— Мой бѣдный Уэль-Мотъ! Зная ваше затруднительное

Digitized by Google

финансовое положеніе и разореніе, грозящее вамъ въ скоромъ времени, я прекрасно понимаю, что все ваше время должно быть посвящено исключительно стараніямъ хоть сколько нибудь привести въ порядокъ ваши запутанныя дѣла... Вѣрьте, другъ мой, что никто не отнесется къ вамъ съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ я, — докончила Энрика, снисходительно улыбаясь.

Банкиръ блаженствовалъ.

«Кто бы сказалъ,—думалъ онъ, разсѣянно слѣдя за происходившимъ на сценѣ, — что эта женщина, на которую всѣ смотрятъ, какъ на какое-то божество, находится въ моей полной власти... что съ каждымъ днемъ я толкаю ее все ближе и ближе къ пропасти, въ которую она должна неизбѣжно пасть? Скоро, скоро, я отомщу тебѣ, гордое существо»!

Въ этотъ вечеръ, Энрика была особенно въ ударѣ — ни одна докучная мысль не омрачала чела этой бездушной женщины. Могло ли кому нибудь прійти въ голову, что эта красавица, весело улыбавшаяся направо и налѣво, была причиною смерти графа Скуираче и что вслѣдствіе ея же хитросплетенной клеветы невинный человѣкъ былъ осужденъ на вѣчное заточеніе.

Уже нѣсколько времени, въ одномъ изъ верхнихъ ярусовъ театра появился человѣкъ, старательно скрывавшій свое лицо подъ полями большой шляпы, и съ особеннымъ вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ происходившимъ въ ложѣ принцессы Горрева. Вскинувъ случайно глаза, Энрика замѣтила упорный взглядъ, устремленный на нее. Въ первую минуту молодая женщина не обратила особеннаго вниманія на этого человѣка: она такъ привыкла вызывать общій восторгъ. Но когда, точно поддаваясь какой-то магнетической силѣ, она снова взглянула наверхъ, то невольно вздрогнула и легкій крикъ сорвался съ ея губъ: человѣкъ, такъ пристально смотрѣвшій на нее, неловкимъ движеніемъ открылъ часть своего лица...

— Что съ вами, принцесса? — удивленно спросилъ Адольфъ Веноза.

— О, ничего особеннаго!—отвѣтила Энрика, стараясь казаться спокойной. — Представьте себѣ, что съ нѣкоторыхъ поръ меня преслѣдуетъ какой-то неизвѣстный человѣкъ. По цѣлымъ часамъ стоитъ онъ подъ моими окнами... Куда бы я

Digitized by Google

ни отправлялась, онъ всюду попадается мнѣ на пути; при этомъ онъ такъ странно смотритъ на меня... Удивительнѣе всего, что лицо его мнѣ знакомо, но при всемъ желаніи мнѣ не удается вспомнить, гдѣ и когда я его видѣла! Вотъ онъ сидитъ въ четвертомъ ярусѣ направо, въ пятой ложѣ съ краю...

Глаза всѣхъ поднялись на незнакомца. Онъ сидѣлъ въ полъ-оборота, прикрываясь плащемъ и полями шляпы. Замѣтивъ, что въ ложѣ принцессы на него обратили вниманіе, незнакомецъ всталъ и началъ пробираться къ выходу.

— Мнѣ бы хотѣлось знать, кто это можетъ быть?—сказала Энрика.

— Ничего не можетъ быть легче,—отвѣтилъ Адольфъ Веноза, быстро выходя изъ ложи.

Менѣе чѣмъ черезъ полчаса, молодой человѣкъ вернулся назадъ.

— Я прослѣдилъ вашего незнакомца,—произнесъ онъ.— Выдя изъ театра, этотъ человѣкъ направился въ Европейскій кафе, гдѣ просидѣлъ минутъ десять за кружкой пива. Затѣмъ онъ вышелъ. Замѣтивъ, что онъ довольно долго разговаривалъ съ однимъ изъ лакеевъ, я обратился къ этому лакею съ просьбою сообщить мнѣ имя вашего незнакомца. Но оказалось, что имени его никто не знаетъ, и въ кафе онъ извѣстенъ подъ прозвищемъ «инженера».

— Извѣстно ли вамъ, принцесса,—сказалъ адвокатъ Котелла, подавая Энрикѣ ея бархатную накидку,—кто умеръ на этихъ дняхъ?

Энрика быстро взглянула на говорившаго.

— Помните ли вы того юношу, который много лѣтъ назадъ надѣлалъ такой переполохъ въ паркѣ Монтроне и который впослѣдствіи былъ осужденъ на вѣчное заключеніе. Недавно онъ хотѣлъ бѣжать изъ тюрьмы, но былъ замѣченъ часовыми и палъ жертвою своей смѣлости.

— Несчастный! — произнесла Энрика вслухъ, опуская кружево на лицо. Мысленно она добавила:

«Теперь, по крайней мѣрѣ, я освобождена отъ моего перваго мужа».

Возвратясь домой въ этотъ вечеръ, принцесса впала въ глубокое раздумье.

Digitized by Google

«Какое счастье,—думала безсердечная женщина,—что Роберто пытался бѣжать изъ тюрьмы... Благодаря его неудавшемуся побѣгу, я могу теперь хоть въ этомъ отношеніи быть вполнѣ спокойной. Христина можетъ говорить, что ей угодно; мнѣ нечего бояться ея злаго языка»!

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

ЦВѢТЫ НА МОГИЛУ К. Д. УШИНСКАГО.

(По поводу двадцатипятилѣтія со дня его кончины).

I.

Въ самое послѣднее время, въ нашемъ педагогическомъ мірѣ произошли два событія — повидимому — весьма разнородныя, но имѣющія между собою внутреннее соотношеніе. 22 декабря 1895 г. Педагогическій Музей военно-учебныхъ заведеній чествовалъ память знаменитаго русскаго педагога Константина Дмитріевича Ушинскаго, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія со дня его смерти, — а 28 того же декабря въ Москвѣ его императорское высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ лично открылъ второй Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію для всесторонняго обсужденія вопросовъ нашей школы и образованія, причемъ открытіе съѣзда сопровождалось знаменательною и весьма симпатичною рѣчью министра народнаго просвѣщенія. Графъ И. Д. Деляновъ торжественно приглашалъ членовъ съѣзда «высказываться съ полной откровенностью, руководствуясь пользой дѣла, по указанію ихъ совѣсти и житейской опытности», свидѣтельствуя напередъ, что это высказываніе (тщетно раздававшееся въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ) *не будетъ безплоднымъ*. «Могу увѣрить васъ,—говорилъ уважаемый маститый министръ,—что для администраціи голосъ вашъ не будетъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ; высказывайтесь»... и проч. Такимъ образомъ, чествованіе памяти знаменитаго педагога К. Д. Ушинскаго лучшими дѣятелями нашей школы (въ томъ числѣ и изъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія)—педагога, который составляетъ собою украшеніе и гордость Россіи, но которому неоднократно, — какъ увидимъ ниже, — не только заграждались уста, но воспрещалась, какъ вредному члену, самая служба горячо любимому имъ отечеству, — это чествованіе совпадаетъ съ рѣшительнымъ и торжественнымъ разрѣшеніемъ офиціальной власти—свободно, «съ полною откровенностью» обсуждать многостороннее дѣло народнаго обра-

Digitized by Google

зованія,—и совпадаетъ не только съ разрѣшеніемъ, а съ прямымъ призывомъ, закрѣпленнымъ къ тому же ручательствомъ за его несомнѣнную и скорую пользу! Это ли не соотношеніе двухъ событій? Это ли не знаменательное и счастливое ихъ совпаденіе? Какъ бы возрадовалась дѣятельно-любящая, страстная душа незабвеннаго русскаго педагога, еслибы ему привелось дожить до знаменательной и симпатичной рѣчи нынѣшняго главы русскаго школьнаго дѣла! Вѣдь цѣлую жизнь К. Д. Ушинскій служилъ этому дѣлу столь самоотверженно и съ такою обидою для себя! Да, рѣчь графа И. Д. Делянова есть лучшій цвѣтокъ на могилу знаменитаго русскаго педагога...

Мы не имѣемъ цѣли входить здѣсь въ разборъ сочиненій Ушинскаго, ни разсказывать его біографію, такъ какъ это уже сдѣлано; мы желали бы только припомнить его мнѣнія о насущныхъ коренныхъ потребностяхъ нашего воспитанія и образованія, и тѣ знаменія времени, которыя объявились нынѣ, очевидно благодаря импульсу, данному Ушинскимъ.

II.

Ушинскій былъ глубоко-убѣжденнымъ поборникомъ *національнаго* воспитанія и образованія, но, конечно, прогрессивнаго. Идею *народности* въ школьномъ дѣлѣ онъ проводилъ со страстностью Ѳ. М. Достоевскаго, отстаивавшаго ту же народность въ литературѣ и жизни вообще. Всѣ труды Ушинскаго, а въ особенности его «Письма», «Собраніе педагогическихъ сочиненій» и «О народности въ общественномъ воспитаніи»—свидѣтельствуютъ объ этомъ. «Воспитаніе и образованіе—говоритъ онъ — должно брать всего человѣка, какъ онъ есть». Но вѣдь сколько людей, столько и характеровъ, а сколько характеровъ, столько наклонностей и особенностей, съ которыми неизбѣжно и прежде всего нужно имѣть дѣло. Поэтому необходимо, и удобнѣе всего отыскать между ними одну общую, главную, сильнѣйшую прирожденную наклонность, а это именно и есть то, что́ мы называемъ *народностью*. «Какъ нѣтъ человѣка безъ самолюбія, — говоритъ Ушинскій, — такъ нѣтъ человѣка безъ любви къ отечеству, и эта любовь даетъ вѣрный ключъ къ сердцу человѣка и могущественную опору для борьбы съ его дурными природными, личными, семейными и родовыми наклонностями. Обращаясь къ народности, воспитаніе всегда найдетъ отвѣтъ и содѣйствіе въ живомъ и сильномъ чувствѣ человѣка, которое дѣйствуетъ гораздо сильнѣе убѣжденія, принятаго однимъ умомъ, или привычки, вкорененной страхомъ наказаній... Чувство народности такъ сильно

Digitized by Google

въ каждомъ, что, при общей гибели всего святаго и благороднаго, оно гибнетъ послѣднее. Взяточникъ, истачивающій, какъ червь, силы своей родины, сочувствуетъ ея славѣ и горю; въ злодѣѣ, въ которомъ потухли всѣ благородныя человѣческія чувства, можно еще доискаться искры любви къ отечеству: поля родины, ея языкъ, ея преданія никогда не теряютъ непостижимой власти надъ сердцемъ человѣка. Есть примѣры ненависти къ родинѣ; но сколько любви бываетъ иногда и въ этой ненависти! Народъ безъ народности—тѣло безъ души, которому остается только подвергнуться закону разложенія. («Сочиненія» стр. 112—113)».

Какія прекрасныя слова и мысли! Но какой слабый голосъ вопіющаго въ пустыни представляли они для своего еще недавняго времени! Вспомнимъ, что почти одновременно — въ 1859 году — задуманная тогда реформа нашего средняго образованія, предпринятая по голосу иностранныхъ и преимущественно нѣмецкихъ педагоговъ (а не національныхъ честныхъ голосовъ), завершилась въ самомъ крайнемъ направленіи, именно—ярымъ классицизмомъ, приниженіемъ чрезъ то школы реальной и національной, и водвореніемъ въ русскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ цѣлыхъ полчищъ чеховъ и нѣмцевъ. Послѣдніе, само собою, какъ наемники, ничѣмъ не связанные съ родною намъ Русью и ея юношествомъ, воздѣлывая классицизмъ, больше всего воздѣлывали свое личное благосостояніе, выслуживаясь передъ начальствомъ, а своимъ формализмомъ и бездушіемъ внесли новое сильное разложеніе въ русскія педагогическія сферы, гдѣ и безъ того уже было достаточно чиновничества и канцелярщины. Именно отъ нихъ, главнѣйшимъ образомъ, и пошли въ нашей школѣ—ремесленничество, буквализмъ, равнодушіе, дошедшіе нынѣ до апогея,—до самоубійствъ учащихся,—на каковыя явленія обратилъ свой взоръ даже сердобольный князь Мещерскій, а мы лично писали о нихъ еще въ 1862 году въ журналѣ «Время» братьевъ Достоевскихъ, въ статьѣ: «Кущы—реформаторы гимназій». И вотъ—возвратить нашей школѣ *народность* и ея *національную основу* было бы выполненіемъ перваго завѣта К. Д. Ушинскаго, первымъ цвѣткомъ на его могилу, ибо это значило бы — возвратить нашей школѣ народную душу, давно уже отъ нея отлетѣвшую.

Полагая *народность* въ основу воспитанія и образованія, Ушинскій краеугольнымъ камнемъ среди общеобразовательныхъ предметовъ всякаго школьнаго курса признавалъ *родное слово*,—отечественный русскій языкъ, а не какой либо иной предметъ, напр., математику или языки древности. Это выходитъ, въ мышленіи знаменитаго педогога, и строго логически, ибо языкъ есть первое и

Digitized by Google

сильнѣйшее выраженіе народности, главнѣйшее воплощеніе и одухотвореніе ея. «Въ сокровищницу роднаго слова,—говоритъ онъ,—складываютъ одно поколѣніе за другимъ плоды глубокихъ сердечныхъ движеній, плоды историческихъ событій, вѣрованія, воззрѣнія, слѣды прожитаго горя и прожитой радости—словомъ, весь слѣдъ своей духовной жизни народъ бережно сохраняетъ въ народномъ словѣ. Пока живъ языкъ народный въ устахъ народа, до тѣхъ поръ живъ и народъ. Отнимите у народа все, и онъ все можетъ воротить, но отнимите языкъ и онъ уже никогда не создастъ его». («Сочиненія», стр. 201—202). Въ другомъ мѣстѣ Ушинскій восклицаетъ: «Боже мой! Сколько у насъ людей, мыслящихъ по татарски, но не иначе, какъ на французскомъ языкѣ! И не лучше ли, чтобы человѣкъ на своемъ родномъ языкѣ выражалъ сколько нибудь порядочныя мысли, чѣмъ на трехъ выражалъ свою крайнюю глупость (тамъ же 214—215)». Намъ могутъ замѣтить, что считать главнымъ и центральнымъ предметомъ школьнаго образованія отечественный языкъ—значитъ также строить и утверждать школу на филологической основѣ, съ тою разницею, что русскій языкъ еще развивается, а латинскій, напримѣръ, окончательно выработанъ и законченъ; стало быть, и умственная гимнастика на немъ полезнѣе и дѣйствительнѣе. Далась же намъ эта пресловутая «умственная гимнастика»! Нашей среднеобразовательной школѣ она надѣлала бѣды не меньше наемничества чеховъ и нѣмцевъ, не меньше бездушія и ремесленничества педагоговъ-чиновниковъ. Вѣдь гимнастика на языкѣ древнемъ, мертвомъ, даетъ и изощряетъ только *форму* мышленія, а соотвѣтственнаго содержанія уму не даетъ или даетъ очень мало; къ тому же молодые умы еще не могутъ его ни воспринять, ни усвоить, ибо и древній міръ, и человѣкъ имъ чужды и непонятны. Развивать же въ юношахъ одну остроту ума, безъ соотвѣтственнаго содержанія и просвѣщенія всей души въ ея цѣлости—прямо значитъ готовить изъ нихъ будущихъ фразеровъ, нигилистовъ и дешевыхъ мефистофелей. Другое дѣло—языкъ родной, отечественный. На немъ (какъ и на всякомъ другомъ общеобразовательномъ предметѣ) можно продѣлывать тоже какую угодно гимнастику, но съ тою громадною и существенною разницею, что она будетъ давать уму учащихся и извѣстное содержаніе, а, кромѣ того, напитывать ихъ душу святыми преданіями и завѣтами родины. Такую именно роль и играетъ латинскій языкъ въ европейской классической школѣ, ибо тамъ онъ — если не родной, то родоначальникъ роднаго языка учащихся; притомъ же для католиковъ онъ есть языкъ ихъ религіи, богослуженія, библіи. Для насъ же, русскихъ, такую центральную роль въ образованіи можетъ и дол-

Digitized by Google

женъ играть только языкъ отечественный съ его церковно-славянскою основою. Къ тому же, сколько ни изучай древній мертвый языкъ, а усвоить его вполнѣ, въ совершенствѣ, невозможно и для взрослыхъ. Самый глубокій и патентованный латинистъ все таки не мыслитъ по латыни. Въ совершенствѣ, т. е. въ полномъ соотвѣтствіи съ содержаніемъ и мыслью, можно изучить только свой родной, а много—родственный языкъ. Владѣть же чужими языками, даже и живыми, современными,—дѣло вообще весьма полезное и часто необходимое, но все же оно напоминаетъ ношеніе платья съ чужаго плеча, хотя бы это платье было прекрасно и даже лучше своего роднаго. Въ частности, и по этому предмету мы находимъ у Ушинскаго прекрасныя строки. «Не односторонность ли филологическаго образованія — говоритъ онъ—пустила въ ходъ безчисленное множество чужихъ плохо переваренныхъ фразъ, которыя, обращаясь теперь между людьми вмѣсто дѣйствительныхъ, глубоко сознанныхъ идей, затрудняютъ оборотъ человѣческаго мышленія, какъ фальшивая монета затрудняетъ обороты торговли? Сколько глубокихъ идей древности пропадаетъ теперь даромъ именно потому, что человѣкъ заучиваетъ ихъ прежде, чѣмъ въ состояніи бываетъ ихъ понять, и *такъ пріучается употреблять ихъ ложно и безсмысленно, что потомъ рѣдко добирается до ихъ истиннаго смысла. Такія великія, но чужія мысли несравненно безполезнѣе хотя и маленькихъ, да своихъ.* Не отъ того ли и самый языкъ современной литературы уступаетъ въ точности и выразительности языку древнихъ, что мы учимся говорить почти единственно изъ книгъ и пробавляемся чужими фразами, тогда какъ слово древняго писателя выростало изъ его собственной мысли, а мысль—изъ непосредственнаго наблюденія надъ природою, другими людьми и самимъ собою... *Слово хорошо тогда, когда оно вѣрно выражаетъ мысль; а вѣрно выражаетъ оно мысль тогда, когда выростаетъ изъ нея, какъ кожа изъ организма*, а не надѣвается, какъ перчатка, сшитая изъ чужой кожи. Языкъ—одинъ изъ могущественнѣйшихъ воспитателей человѣка; но онъ не можетъ замѣнить собою знаній, извлекаемыхъ прямо изъ наблюденій и опытовъ. Правда, языкъ ускоряетъ и облегчаетъ пріобрѣтеніе такихъ знаній; но онъ же можетъ и помѣшать ему, если вниманіе человѣка слишкомъ рано и преимущественно было обращено не на содержаніе, а на форму мысли, да притомъ еще мысли чужой, до пониманія которой, можетъ быть, еще и не дорось учащійся» (тамъ же). Такимъ образомъ, Ушинскій не былъ вообще противникомъ русскаго классицизма, а только—сильнымъ и неумолимымъ противникомъ его крайняго направленія.

Digitized by Google

III.

Точно также Ушинскій никогда не былъ не только противникомъ внесенія въ школу *живыхъ христіанскихъ началъ*, ни даже попустителемъ индифферентизма въ этомъ отношеніи,—а, напротивъ, считалъ эти начала главнѣйшею основою школы. Доказательство—слѣдующія подлинныя его слова. «Есть только одинъ идеалъ совершенства, предъ которымъ преклоняются всѣ народности, это — *идеалъ, представляемый намъ христіанствомъ*. Все, чѣмъ человѣкъ, какъ человѣкъ, можетъ и долженъ быть, выражено вполнѣ въ божественномъ ученіи, и воспитанію остается только прежде всего и въ основу всего вкоренить вѣчныя истины христіанства. Оно даетъ жизнь и указываетъ высшую цѣль всякому воспитанію; оно же должно служить для воспитанія каждаго христіанскаго народа источникомъ всякаго свѣта и всякой истины! Это неугасаемый свѣточъ, идущій вѣчно, какъ огненный столбъ пустыни, впереди человѣка и народовъ; за нимъ должно стремиться развитіе всякой народности и всякое истинное воспитаніе, идущее вмѣстѣ съ народностью» («Сочиненія»—стр. 112—113). Это ли не убѣжденіе, твердое, ясное, непоколебимое, выраженное притомъ столь категорически, что не допускаетъ никакого спора и сомнѣнія?! Казалось бы такъ, а между тѣмъ извѣстно, что сочиненія и идеи Ушинскаго нѣсколько разъ офиціально запрещались, какъ вредныя, антирелигіозныя, способныя развивать въ учащихся матеріалистическій духъ! И все это, разумѣется, только по *докладамъ*... по стараніямъ разныхъ приспѣшниковъ, карьеристовъ, прихлебателей, держащихъ носы по вѣтру и не задумывающихся вносить ложь и смуту даже въ святое дѣло воспитанія молодыхъ поколѣній. Но перемѣняется вѣтеръ, являются новый капралъ и новая палка,—являются и новые прихлебатели и карьеристы... дѣло перемѣняется... и все по тѣмъ же *докладамъ*... Такъ, не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ, какъ книги Ушинскаго: «Родное слово» и «Дѣтскій міръ», пропитанныя будто бы матеріализмомъ, офиціально же были признаны полезными, и именно какъ сочиненія, «способныя воспитать въ сердцѣ дитяти благоговѣніе предъ Тѣмъ, кто такъ чудно, такъ гармонично создалъ міръ». Охъ, ужь эти «доклады»! Хорошо еще, что 10 милліоновъ экземпляровъ «Роднаго Слова» и «Дѣтскаго міра» Ушинскаго, разошедшихся уже по Руси, могутъ свидѣтельствовать, помимо докладовъ, о пользѣ и благотворности идей и убѣжденій ихъ автора, какъ свидѣтельствовали о томъ же лично нѣкоторые участники торжества 22 декабря изъ воспитавшихся уже на этихъ его книгахъ. Не мѣшало бы тому

Digitized by Google

вѣдомству, въ практикѣ котораго можно отыскать не одинъ примѣръ незаслуженно-суроваго «докладнаго» отношенія къ лучшимъ дѣятелямъ-педагогамъ, прежде всего провѣрять самихъ докладчиковъ, больше всего подрывающихъ авторитетъ вѣдомства включеніемъ въ свои доклады завѣдомыхъ подтасовокъ и побочныхъ низменныхъ стремленій. А единственнымъ средствомъ противъ этого можетъ служить все та же широкая гласность, за которую столь убѣжденно, но тщетно стоялъ Ушинскій, и которую столь торжественно обѣщали намъ 28 декабря въ Москвѣ. Гласность,—подъ условіемъ, конечно, ея полной широты и свободы,—повѣетъ самой сильной и благотворной струей въ застоявшейся сферѣ нашей школы и прольетъ свѣтъ на такія стороны нашего школьнаго, безконечно-разнообразнаго міра, до которыхъ были безсильны добраться доселѣ цѣлыя полчища инспекторовъ и ревизоровъ... тоже, вѣдь, въ большинствѣ занимающихся сочиненіемъ однихъ лишь докладовъ. Такъ, напримѣръ, долго существовала, да, кажется, и теперь существуетъ, особая комисія, именующая себя «комисіею по изысканію главнѣйшихъ основаній для лучшей постановки женскаго образованія въ имперіи на иныхъ болѣе правильныхъ основаніяхъ». Извиняемся, если не вполнѣ точно передаемъ это названіе: такъ оно длинно, что и не выговоришь... Но еще длиннѣе тянется самое дѣло этой комисіи, т. е. предположенная реформа, которая никакъ не можетъ ни закончиться своей выработкой, ни осуществиться на практикѣ, хотя комисія давно начала свои труды. Смѣемъ увѣрить, что гласность, доселѣ совсѣмъ не коснувшаяся столь кореннаго, животрепещущаго и вполнѣ назрѣвшаго вопроса русской жизни, какъ постановка женскаго образованія, была бы самымъ скорымъ и дѣйствительнымъ средствомъ для его разрѣшенія. Извѣстно, что эта самая комисія призывала многихъ компетентныхъ и даже некомпетентныхъ людей, выслушала губернаторовъ и чуть не исправниковъ и, конечно, офиціально на бумагѣ составила неизбѣжный докладъ. Главное же, ни печать, ни общество,—а среди ихъ, можетъ быть, и новый Ушинскій,—не были выслушаны... А почему?

IV.

Между тѣмъ, и по вопросамъ *женскаго воспитанія и образованія* есть у К. Д. Ушинскаго спеціальныя вѣскія мнѣнія, достойныя полнѣйшаго вниманія со стороны всѣхъ занимающихся этими вопросами. Притомъ же, Ушинскому и на практикѣ пришлось быть реформаторомъ учебной части въ весьма видномъ казенномъ учебномъ заведеніи — Смольномъ институтѣ. Въ воспитаніи, по мнѣнію

Digitized by Google

Ушинскаго, женщинѣ принадлежитъ первая роль. «Я желалъ бы,—говоритъ онъ,—чтобы русская женщина, испытавъ глубокое наслажденіе самой учить и развивать своего ребенка, не уступала этого наслажденія никому безъ необходимости». А упомянутая комисія не могла не разсуждать, напримѣръ, о томъ: кому стоять во главѣ женской гимназіи или прогимназіи—начальницѣ или директору?.. Ушинскій настаивалъ на соединеніи образованія и воспитанія въ однѣхъ рукахъ и на концентраціи разныхъ учебныхъ предметовъ у одного преподавателя (*классная* система преподаванія); онъ былъ вообще противъ существованія особыхъ цеховъ—учителей и учительницъ, воспитателей и воспитательницъ,—а упомянутая комисія, сколько извѣстно изъ отрывочныхъ газетныхъ замѣтокъ, первымъ дѣломъ признала существующія три женскія учительскія званія—начальной учительницы, домашней учительницы и домашней наставницы—недостаточными, и много потрудилась надъ изобрѣтеніемъ новыхъ, дробныхъ учительскихъ званій: учительницы сельской, учительницы гимназіи, учительницы языковъ, учительницы предметовъ (чуть не каждаго въ отдѣльности), воспитательницы домашней, воспитательницы гимназій и проч., и проч., и проэктировала даже особое положеніе обо всѣхъ этихъ званіяхъ. Ушинскій первымъ дѣломъ сократилъ въ Смольномъ институтѣ учебный курсъ съ 9 лѣтъ на 7; за нимъ время и жизнь все больше оправдываютъ требованіе: non multa sed multum, — а комисія рѣшительно требуетъ прибавленія даже въ гимназіяхъ, не состоящихъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, восьмаго класса, да, кажется, еще съ двухлѣтнимъ курсомъ. Ушинскій, опредѣляя истинное женское воспитаніе, слѣдующимъ образомъ иронизируетъ надъ тѣмъ, что сплошь и рядомъ принимается у насъ за хорошее воспитаніе. «Воспитанная дѣвушка должна умѣть пустить пыль въ глаза, пробѣжать небрежно трудную арію, соединять наивность съ холоднымъ разсудкомъ, подъ ласковой улыбкой скрывать самыя неласковыя движенія души и т. п. Скажите, какъ назвать тѣхъ воспитателей, которые рѣшаются удовлетворять такимъ требованіямъ? Называйте, какъ угодно, только ради бога—не воспитателями»! («Сочиненія», 237 стр.). Вообще трудно, да едва ли и возможно, быть реформаторомъ женскаго образованія и воспитанія на Руси, не изучивши основательно Ушинскаго и не посчитавшись съ нимъ.

V.

Для жизненности школьнаго дѣла, для его успѣха и поступательнаго движенія впередъ, неизбѣжнаго и непреложнаго, Ушинскій требовалъ кровной *его связи съ народомъ и обществомъ, и постоян-*

Digitized by Google

нагo взаимодѣйствія между ними. У насъ такого взаимодѣйствія не только нѣтъ и не было, но не было и единенія между семьею, обществомъ, литературою—съ одной стороны и школою и учебною администраціей—съ другой. Мало того, между этими двумя сторонами всегда стоялъ разладъ, антагонизмъ и—грустно припоминать—всегда по винѣ заправителей школы, но никакъ не общества, постоянно рвавшагося и доселѣ рвущагося къ такому единенію и взаимодѣйствію. Иначе не могло и не можетъ быть. Вѣдь учащіяся дѣти—это почти то же, что само общество, его плоть и кровь; вѣдь юношество—это будущая слава, честь и гордость общества и государства. Если родителямъ безразлично,—кто сидитъ въ полицейскомъ участкѣ, или кто разбираетъ корреспонденцію въ почтовомъ отдѣленіи, то далеко не безразлично, кто сидитъ въ школахъ, гдѣ учатся ихъ дѣти и гдѣ иной разъ заправилы напоминаютъ будочниковъ (да и то старинныхъ), излюбленная тенденція которыхъ: всячески оборвать, ограничить, запретить, согнуть въ бараній рогъ, а излюбленныя словечки: молчать! не разсуждать! нельзя ни подъ какимъ видомъ! и пр. Общество, публика, не смотря на всѣ запреты, не можетъ не стремиться знать, что происходитъ въ школѣ, какіе эксперименты продѣлываются надъ дѣтьми, даже второстепенными дѣятелями школы. Но доселѣ все было напрасно. Даже когда возникали офиціальныя попытки къ сближенію,—напримѣръ, когда поднятъ былъ вопросъ о допущеніи родителей и близкихъ родственниковъ къ участію только въ выпускныхъ экзаменахъ гимназистовъ, то наши школьные представители почти поголовно возстали противъ этого. Женскія, такъ называемыя, *министерскія* гимназіи составляли и пока еще составляютъ у насъ рѣдкое и счастливое исключеніе, гдѣ къ нѣкоторому участію въ дѣлахъ (чрезъ попечительные совѣты) привлечены, по высочайше утвержденному положенію 24 мая 1870 года, и представители мѣстныхъ обществъ и сословій,—и ничего, кромѣ благотворнаго и полезнаго, отсюда не происходило въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ, если не считать мелочныхъ и ничтожныхъ препирательствъ кое-гдѣ между членами попечительныхъ совѣтовъ и представителями учебной администраціи, нигдѣ и никогда не склонныхъ измѣнять упомянутымъ выше своимъ девизамъ. Но вотъ является спеціальная, авторитетная, съ весьма длиннымъ заглавіемъ, комисія для производства реформы въ нашемъ женскомъ образованіи, и первымъ дѣломъ,—если, опять таки, вѣрить газетнымъ замѣткамъ, вѣроятно, неточнымъ и неполнымъ, — стремится измѣнить положеніе 24 мая 1870 г., именно путемъ урѣзыванія въ дѣлахъ гимназій участія членовъ попечительствъ, ограниченіемъ ихъ права выбирать начальницъ, классныхъ дамъ (право избранія учи-

Digitized by Google

телей отнято было задолго ранѣе), уменьшеніемъ самаго числа этихъ членовъ... И что же? вѣдомство, столь ревниво оберегающее «средостѣніе» между школою и обществомъ, выиграло ли что нибудь черезъ это? Не только ничего не выиграло, а само потеряло всякую жизненность, утрачивая часто всякое мѣрило справедливости. Краснорѣчивымъ и несомнѣннымъ тому доказательствомъ служатъ многочисленныя постановленія съѣзда дѣятелей по профессіональному и промышленному образованію въ Москвѣ,—того самаго съѣзда, на которомъ провозглашена полная свобода въ обсужденіи вопросовъ школьнаго дѣла, изъ чего одного уже выходитъ, что доселѣ свободнаго обсужденія не было... Этотъ съѣздъ, въ числѣ не менѣе 1,500 членовъ, — не только интеллигентныхъ членовъ, но, можно сказать, цвѣта интеллигенціи,—прямо и открыто призналъ учебныя программы нашихъ учебныхъ заведеній несоотвѣтствующими времени, да и все школьное дѣло—неудовлетворительнымъ, если вѣрить газетнымъ корреспонденціямъ, изъ которыхъ самыя обстоятельныя принадлежали Ѳ. Э. Ромеру въ «Новомъ Времени». Въ № 7,135 этой газеты г. Ромеръ пишетъ въ своей восьмой корреспонденціи, что съѣздъ рѣшительно высказался *противъ безправія и безвыходнаго положенія «реалистовъ»*, противъ «инвалидности» учебныхъ программъ, противъ обереганія молодежи отъ знакомства съ лучшими отечественными писателями послѣднихъ десятилѣтій, противъ неправильнаго, вреднаго для здоровья, распредѣленія учебнаго времени и матерьяла, и пр. и пр.

А между тѣмъ, какъ краснорѣчиво и убѣжденно говорилъ противъ *отчужденности школы отъ жизни* Ушинскій, еще цѣлыхъ тридцать лѣтъ тому назадъ! «Школѣ не опрокинуть жизни,—читаемъ у него,—но *жизнь легко опрокидываетъ дѣятельность школы, которая становится поперекъ ея пути*. Школа, противящаяся жизни, сама виновата, если не внесетъ въ нее тѣхъ благодѣтельныхъ умѣряющихъ вліяній, которыя можетъ и обязана внести, тѣхъ *разумныхъ* элементовъ, подъ сѣнью которыхъ должны обезпечиваться отъ ѣдкой остроты жизни и ея безпрестанныхъ временныхъ увлеченій—какъ нѣжное беззащитное дѣтство, такъ и неокрѣпшая еще пылкая юность». Общество всего болѣе и чувствительнѣе заинтересовано именно въ школьномъ дѣлѣ, которое и не можетъ быть, по[illegible]му, дѣломъ исключительно одной учебной администраціи. Ушинскій прямо требовалъ допущенія родителей къ участію въ дѣлахъ тѣхъ школъ, гдѣ воспитываются ихъ дѣти, и къ участію не фиктивному, а дѣятельному, которое бы обнимало, въ той или иной формѣ, даже назначеніе воспитателей и наставниковъ, устройство учебныхъ заведеній и надзоръ за ними. Такое участіе больше всего предотвра-

Digitized by Google

щало бы отъ тѣхъ печальныхъ явленій разнаго рода, которыя постоянно имѣютъ мѣсто въ жизни заведеній—и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Даже въ народныхъ школахъ общество и самъ простой народъ должны принимать не одно лишь пассивное участіе, состоящее въ разнородныхъ жертвахъ, а и дѣятельное, при помощи представителей земства. «Только одно земство, находясь въ ближайшемъ отношеніи къ народу и имѣя въ своей средѣ и образованныхъ людей, можетъ содѣйствовать этому дѣлу, да и то, естественно, путемъ разъясненія, убѣжденія, вспомоществованія, а не путемъ какихъ либо насильственныхъ мѣръ или регламентацій». Для правильнаго развитія народныхъ школъ, немыслимаго безъ хорошихъ учителей, Ушинскій требовалъ учрежденія возможно-бо́льшаго числа *учительскихъ семинарій*, въ чемъ одномъ его надежды отчасти и осуществились, хотя нынѣшнее устройство нашихъ учительскихъ семинарій далеко не соотвѣтствуетъ ихъ цѣли; для подготовки же воспитателей и наставниковъ для среднихъ школъ—онъ требовалъ учрежденія при университетахъ *педагогическихъ факультетовъ*, о чемъ доселѣ не возникало и рѣчи, и учители гимназій еще долго будутъ учиться преподавать на нашихъ дѣтяхъ, подвергая ихъ всяческимъ экспериментамъ. Вообще, о несоотвѣтствіи большинства нашихъ педагоговъ своему званію краснорѣчивѣе всего говорятъ каждому собственныя воспоминанія о школьныхъ годахъ и порядкахъ: изъ всѣхъ припоминаемыхъ лицъ, лишь къ двумъ-тремъ удерживается въ нашей душѣ искренняя симпатія и сохраняется благодарная, часто неизгладимая память; большинство же проходитъ передъ нами въ образахъ далеко непривлекательныхъ, часто чудовищныхъ. О томъ же свидѣтельствуютъ и всяческія литературныя школьныя воспоминанія.

VI.

Обращаясь *къ судьбѣ и жизни* К. Д. Ушинскаго, мы видимъ, что и безкорыстная жажда служить отечеству и общественному дѣлу, и его сочиненія, составляющія истинно-цѣлительный елей на раны нашего воспитанія и образованія,—доставляли ему одни мученія и обиды. Будучи истинною солью своей земли, онъ раздѣлилъ и печальную участь всѣхъ тѣхъ лучшихъ нашихъ людей, надъ словомъ которыхъ, а тѣмъ болѣе надъ дѣятельностью, съ самаго начала повисаетъ тяжелый молотъ судьбы, готовый раздавить ихъ благородныя усилія и дѣйствительно или пришибающій ихъ сразу, или обрекающій на постоянное вынужденное молчаніе... И Ушинскій, подобно многимъ другимъ нашимъ страстотерпцамъ, подтвердилъ со-

Digitized by Google

бою, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ и... вѣдомствѣ. Нашъ педагогъ *служилъ* и службу началъ даже блестяще, ибо, по окончаніи курса въ гимназіи (изъ которой не удостоился аттестата) и въ московскомъ университетѣ, получилъ въ 1844 году, на 23-мъ году жизни, профессорскую каѳедру въ ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ. Но рѣчь, сказанная имъ на актѣ 18-го сентября 1848 г. и оспариваніе разныхъ формальностей, которыми начальство хотѣло связать и ограничить его ученую дѣятельность (представленіе заранѣе подробныхъ программъ чтеній, распредѣленіе курса преподаванія чуть не по днямъ и по часамъ, и проч.) вынудили Ушинскаго въ 1850 году оставить службу и учебное вѣдомство. Краснорѣчивый и талантливый профессоръ, котораго заслушивались ученики (какъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ нихъ, г. Ю. Рехневскій въ «Вѣстникѣ Европы»—февраль 1871 г.), забылъ или не взялъ во вниманіе, что и пользѣ дѣла подчиненный можетъ служить лишь чрезъ попечительное начальство, которое одно все знаетъ, все можетъ,—ни въ насъ, ни въ нашихъ указаніяхъ не нуждается и никакихъ оспариваній и даже обсужденій не допускаетъ, хотя при каждомъ случаѣ само заявляетъ и жалуется, что на Руси нѣтъ способныхъ людей, рѣшительно нѣтъ! Выброшенный со службы на улицу, Ушинскій прибылъ въ Петербургъ, гдѣ долго, по его собственному признанію, «таскался безъ хлѣба», долго существовалъ грошами, платимыми за мелкія работы въ журналахъ, тщетно выпрашивая мѣста даже уѣзднаго учителя и изъ нужды поступивъ опять въ чиновники... на сей разъ министерства внутреннихъ дѣлъ по департаменту иностранныхъ исповѣданій, на 400 рублей годоваго жалованья. Но бюрократія едва ли не во всѣхъ нашихъ вѣдомствахъ одинаково исполнена явной непріязни къ мыслящимъ людямъ и самой узкой нетерпимости къ свободному, хотя бы искреннему и правдивому, слову, и этими фатальными качествами весьма скоро пропитывается самый гуманный и образованный русскій администраторъ. И вотъ нашему педагогу вторично приходится пережить позорное изгнаніе со службы и за что?.. за одно неосторожное замѣчаніе о своемъ начальникѣ, извѣстномъ впослѣдствіи насадителѣ русскаго классицизма... Вторично изгнанный со службы чиновникъ опять обращается къ литературной дѣятельности и въ 1852 году становится постояннымъ сотрудникомъ лучшихъ въ то время журналовъ: «Современника» и «Библіотеки для чтенія». Однако жажда педагогической дѣятельности не утоляется въ немъ и въ 1855 году, по приглашенію того самаго начальника, при которомъ онъ былъ удаленъ со службы въ Демидовскомъ лицеѣ (П. В. Голохвастова), онъ поступаетъ на должность преподавателя словесности и законовѣдѣнія

Digitized by Google

въ Гатчинскій сиротскій институтъ, будучи прельщенъ богатою педагогическою библіотекою института, которую тщательно и штудируетъ. Послѣ недолгаго редакторства въ 1859 — 1861 годахъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія», который изъ скучнаго сухо-офиціальнаго органа превращается Ушинскимъ въ журналъ живой, занимательный,—гдѣ въ пятомъ нумерѣ за 1861 годъ появляется его знаменитая статья «Родное слово», изъ которой выросла впослѣдствіи знаменитая книга «Родное слово»,—мы видимъ нашего педагога опять въ родной ему педагогической сферѣ—въ должности преподавателя и инспектора классовъ «Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ», иначе называемаго Смольнымъ институтомъ. Здѣсь онъ получаетъ болѣе свободы прилагать свои педагогическія воззрѣнія къ дѣлу и ему предоставляется даже преобразовательная дѣятельность по институту. Это сейчасъ же создаетъ ему враговъ (рутина—наша исконная обычная сфера!) и такъ какъ энергія Ушинскаго равнялась всегда силѣ его убѣжденій, а слово никогда не расходилось съ дѣломъ, то онъ не останавливается ни передъ чѣмъ и твердо идетъ къ намѣченнымъ цѣлямъ. Тогда враги и рутинеры измышляютъ всякаго рода побочныя обвиненія, между которыми слышится и самое невѣроятное и невозможное въ отношеніи личности Ушинскаго—обвиненіе въ «неблагонадежности», противъ котораго нѣтъ спасенія на Руси. Преступникъ и убійца не иначе караются у насъ, какъ только по суду, гласно и тщательно обслѣдывающему ихъ дѣла, и даже послѣ осужденія могутъ быть помилованы,—но чиновникъ, обозванный «неблагонадежнымъ» чиновною бюрократіей, погибаетъ безслѣдно и окончательно, въ силу одного лишь произнесенія этого роковаго слова. Но великъ Богъ земли русской, пославшій намъ опору и защиту отъ бюрократизма въ самодержавіи и милосердіи нашего Трона, высокое покровительство котораго спасло у насъ не одного достойнаго слугу отечества. И въ дѣлѣ Ушинскаго понадобилось, для спасенія его и его дѣла, заступничество и высокое покровительство покойной императрицы Маріи Александровны, по порученію которой онъ былъ отправленъ за границу—въ Германію, Швейцарію и другія иностранныя государства, для изученія въ нихъ учебно-воспитательнаго дѣла. Это изученіе помогло ему окончательно провести реформу учебной части въ Смольномъ институтѣ, положивъ въ основу ея принципы, на которыхъ дѣло женскаго образованія и воспитанія существуетъ у насъ до сего времени и которые комисія о женскомъ образованіи усиливается замѣнить *иными лучшими*...

Оставивъ службу въ Смольномъ институтѣ, Ушинскій не выступалъ уже на поприще практической педагогики, а весь отдался разработкѣ теоретическихъ вопросовъ воспитанія и обученія, кото-

Digitized by Google

рые, послѣ знаменитыхъ «Вопросовъ жизни» Пирогова, стали возникать во множествѣ и со всѣхъ сторонъ, ибо русская педагогика еще только нарождалась, и именно благодаря этимъ двумъ знаменитымъ людямъ. Ушинскій издалъ свои «Письма изъ-за границы», составилъ «Родное Слово» (для учащихся) и «Руководство къ Родному Слову (для учащихъ), написалъ обширную статью «О народности въ общественномъ воспитаніи» и началъ свою «Педагогическую антропологію», или: «Человѣкъ, какъ предметъ воспитанія». Послѣднее сочиненіе не пришлось ему окончить. Расшатанное трудами и огорченіями, его здоровье требовало отъѣзда на югъ, гдѣ онъ и умеръ въ Одессѣ, 21 декабря 1870 года.

VII.

Двадцатипятилѣтіе со дня кончины Ушинскаго застаетъ насъ почти наканунѣ введенія всеобщаго *обязательнаго начальнаго обученія*, необходимость котораго можно признать уже сознанною, и хотя въ дѣйствительности общеобязательное обученіе послѣдуетъ еще и не такъ скоро, но самое сознаніе это есть, опять таки, достойный цвѣтокъ на могилу высоко-даровитаго педагога. Многіе не признаютъ его «Роднаго Слова» книгою, пригодною собственно для народной крестьянской школы, и сомнѣваются, чтобы онъ былъ настоящимъ народникомъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія. Первое справедливо, хотя въ самой малой мѣрѣ, ибо Ушинскій писалъ первую часть своего «Роднаго Слова» для собственныхъ дѣтей, а дѣтскій міръ семьи интеллигентной и семьи крестьянской, конечно, совершенно различны, но лучшей книги для обученія и въ народной школѣ доселѣ еще не явилось. Что же касается послѣдняго, т. е. сомнѣнія въ народничествѣ Ушинскаго, то мы не лишнимъ считаемъ разсѣять его слѣдующими собственными разсужденіями нашего знаменитаго педагога, весьма пригодными, къ тому же, при неизбѣжно предстоящемъ разрѣшеніи вопроса: въ чьи руки отдать общеобязательное обученіе народа.

Ушинскій спрашиваетъ: кто болѣе сохранилъ въ себѣ типическихъ чертъ русской народности?—И отвѣчаетъ: несомнѣнно русскій крестьянинъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ:

«Мы были бы очень близоруки, еслибы подмѣтили въ характерѣ нашего простаго народа одинъ только патріархальный оттѣнокъ. Нѣтъ, мы видимъ въ немъ много могучихъ задатковъ честной гражданственности, полной силы народности и безкорыстной человѣчности. Начало товарищества, проявляющееся въ дружинахъ, новгородскихъ ватагахъ, малороссійскомъ казачествѣ и нынѣшнихъ артеляхъ, не показываетъ ли, что высокое чувство дружбы глубоко коренится въ

Digitized by Google

славянской природѣ?.. Удалимъ отъ себя навсегда ту ложную мысль, что простой мужикъ очень грубъ, необразованъ и глупъ. Положимъ, онъ грубъ и необразованъ, но онъ вовсе не глупъ и притомъ имѣетъ еще очень твердыя и ясныя убѣжденія; да, кромѣ того, въ груди его бьется горячее родительское сердце, которое чутко ко всякой опасности, угрожающей дѣтямъ. Не забудемъ, что если мы многому хотимъ учить простой народъ, *то есть многое, чему мы сами отъ него научамся.* Не забудемъ, что этотъ народъ создалъ тотъ самый глубокій языкъ, глубины котораго мы до сихъ поръ не могли измѣрить, что этотъ *простой народъ создалъ ту поэзію, которая спасла насъ отъ забавнаго дѣтскаго лепета, на которомъ мы подражали иностранцамъ*, что именно *изъ народныхъ источниковъ мы обновили всю нашу литературу* и сдѣлали ее достойною этого имени,—что *этотъ простой народъ создалъ, наконецъ, и эту державу, подъ сѣнію которой мы живемъ.* Кто хорошо знакомъ съ исторіею Россіи, тотъ ни на минуту не задумается вручить народное образованіе самому же народу». («Сочиненія», стр. 566—567).

К. Д. Ушинскій умеръ 21 декабря 1870 года, всего 47 лѣтъ отъ роду, и, слѣдовательно, въ наше время могъ бы еще жить. И еслибы этому было суждено, то, повторяемъ, какъ возрадовалась бы и успокоилась его любящая, благородная, не знавшая покоя, душа, видя, что весьма многое, о чемъ онъ только *мечталъ*, начинаетъ *осуществляться*,—что отъ формализма, бездушія и карьеризма начинаютъ освобождаться—не только наши школы, но даже и канцеляріи, что общество и печать не только допускаются: первое къ участію, а второе—къ свободному обсужденію школьнаго дѣла, но какъ бы и призываются; что мгла мертворожденнаго классицизма сильно рѣдѣетъ и прямо таки начинаетъ разсѣиваться; что позоръ вынужденнаго молчанія, принижающій человѣка до безсловеснаго созданія, не только становится анахронизмомъ въ русской литературѣ, но самое званіе литератора признаётся съ высоты Трона и возводится на подобающую ему высоту *служенія государственнаго*—наравнѣ съ тѣми самыми бюрократами, которые одни привыкли у насъ рѣшать все безапеляціонно; что теперь трудно уже заградить уста литератору, ибо говорить онъ не только *можетъ*, но и *долженъ*,—и что вообще надъ нашей школой и гражданственностью занимается уже *заря правды и прогресса!* Всѣ эти отрадныя и знаменательныя явленія служатъ живыми цвѣтами на безвременную могилу нашего знаменитаго педагога, а общеобязательное обученіе,—наканунѣ котораго мы находимся,—послужитъ ему нерукотворнымъ памятникомъ, хотя не мѣшало бы подумать, вмѣстѣ съ тѣмъ, и о памятникѣ обычномъ.

Мих. Родевичъ.

Digitized by Google

МЕТАМОРФОЗА.

(Очеркъ изъ жизни южно-русскаго еврейства)

I.

По берегу одной незначительной и мелководной рѣчки Новороссійскаго края, верстахъ въ десяти отъ уѣзднаго городка А., раскинулось довольно обширное мѣстечко Шилохвостовка. Какъ большинство южно-русскихъ поселеній подобнаго рода, оно, въ силу извѣстныхъ соціально-экономическихъ условій, состояло почти исключительно изъ однихъ евреевъ. Впрочемъ, достаточно было издали взглянуть на это мѣстечко, чтобы сразу догадаться, какимъ элементомъ оно было населено. Кажется, ни одинъ народъ въ мірѣ не способенъ обезображивать такъ любую мѣстность, придавая ей своеобразно-національный и притомъ крайне грязный оттѣнокъ, какъ это умѣютъ дѣлать потомки славнаго нѣкогда Израиля... Есть у насъ на югѣ Россіи нѣмецкія и болгарскія колоніи, малорусскія и великорусскія села, есть и весьма убогіе хутора обездоленныхъ мѣщанъ-чиншевиковъ, встрѣчаются здѣсь и вновь возникающіе на казенныхъ земляхъ поселки разныхъ выходцевъ изъ центральныхъ и сѣверо-западныхъ губерній,—но увѣряю васъ, что нѣтъ среди нихъ грязнѣе, бѣднѣе и вообще унылѣе мѣстъ, обитаемыхъ «іерусалимскими дворянами». Обыкновенно въ такихъ пунктахъ вы не найдете ни мало-мальски живописнаго пейзажа, ни садика или цвѣтничка подлѣ дома, ни даже чего нибудь похожаго на огородъ или палисадникъ; наоборотъ, вамъ повсюду бросаются въ глаза одни голыя и обожженныя солнцемъ пространства или невѣроятно мрачные, ободранные домики, на половину безъ крышъ, лишенные всякой изгороди и биткомъ набитые многочисленными семействами. На улицахъ такихъ мѣстечекъ царитъ постоянно,—за исключеніемъ базарныхъ дней,—какая-то гнетущая тишина, отнюдь не похожая на тотъ поэтическій покой, который такъ часто приходится встрѣчать по русскимъ и другимъ поселеніямъ, въ особенности лѣтомъ, въ страдную пору. Безъисходная бѣдность и патріархальная грязь — вотъ

Digitized by Google

характеристическія черты обывателей всѣхъ нашихъ еврейскихъ мѣстечекъ. И одинъ Господь вѣдаетъ, какъ существовали, да и теперь существуютъ здѣшніе бѣдняки-евреи, все таки продолжающіе быстро размножаться, не смотря на страшныя опустошенія, производимыя среди нихъ разными эпидемическими болѣзнями. За исключеніемъ базаровъ и субботнихъ дней, вы въ остальное время не найдете въ Шилохвостовкѣ почти ни одного взрослаго мужчины, если не считать многочисленныхъ мастеровъ кузнечнаго, бочарнаго, колеснаго, сапожнаго и прочихъ ремеслъ. По домамъ находятся въ такіе дни только дряхлые старики, женщины и дѣти; всѣ же Янкели, Ицки и прочіе представители мужскаго пола старше пятнадцатилѣтняго возраста занимаются разными гешефтами, шныряя по окрестнымъ помѣщикамъ и скупая у нихъ скотскія шкуры, шерстяные отбросы, смушки, овчины и т. п. «шпаргалы», какъ они называютъ на своемъ жаргонѣ всѣ сырые кожевенные товары, находящіеся въ избыткѣ по большимъ и малымъ «экономіямъ» нашего края. Не знаю, что́ дѣлали бы южно-русскіе сельскіе хозяева съ подобнымъ хламомъ, еслибы на свѣтѣ не существовало этихъ самыхъ Ицекъ и Янкелей? Вѣдь, откровенно говоря, только настойчивость, неутомимость и доходящая нерѣдко до нахальства назойливость евреевъ-скупщиковъ давали и даютъ въ большинствѣ случаевъ движеніе такимъ предметамъ, какъ залежавшіяся у инаго богача-землевладѣльца, изъѣденныя молью и полуистлѣвшія овчины, конскія кожи и т. п. товаръ. Сколькимъ поруганіямъ, оплеваніямъ, а то и заушеніямъ подвергнется иной Сруль со стороны барской прислуги и дворни, прежде чѣмъ предстанетъ передъ грозныя очи какого нибудь русскаго «лэндъ-лорда»; послѣдній, зная «мизерность» скупщика, не желаетъ даже торговаться съ нимъ и назначаетъ цѣну на покупаемый товаръ, вовсе не сообразуясь съ состояніемъ рынка въ данный моментъ, а руководясь лишь принципомъ: «хочешь, молъ, бери, не хочешь—нѣтъ». И, не смотря на такія трудности, еврей, въ концѣ концовъ, достигаетъ таки своей цѣли, покупаетъ намѣченный товаръ. Увѣряю васъ, что ни одинъ изъ русскихъ скупщиковъ не дойдетъ до подобнаго низкопоклонства и обезличенія, какъ это умѣютъ дѣлать наши неутомимые торгаши Сруль и Мошки. Не мудрено, что вы здѣсь сплошь и рядомъ услышите, что евреи совсѣмъ отбили торговлю у нашего мужика... Посмотрите, напримѣръ, съ какой настойчивостью и феноменальной неутомимостью разъѣзжаютъ изо дня въ день эти мелкіе собиратели разнаго сельскохозяйственнаго старья по обширнымъ степямъ Новороссіи, питаясь нерѣдко по цѣлымъ мѣсяцамъ исключительно чернымъ хлѣбомъ, лукомъ и водой. Не одну сотню верстъ приходится каждому изъ

Digitized by Google

нихъ проѣхать, прежде нежели онъ умудрится заработать какой нибудь десятокъ рублей, что, впрочемъ, всецѣло зависитъ еще отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ цѣнъ на товаръ, сбываемый гдѣ нибудь въ Балтѣ, Харьковѣ или Полтавѣ... Говорятъ, что всѣ такіе торговцы превращаются, будто бы, впослѣдствіи въ богачей. Не знаю, насколько это вѣрно, но съ своей стороны могу лишь сказать, что если кто изъ евреевъ и богатѣетъ быстро, то ужь ни въ какомъ случаѣ не описываемые мною скупщики, разъ они всю жизнь придерживаются одного этого дѣла. Я лично знаю нѣкоторыхъ изъ подобныхъ торгашей, ведущихъ свои операціи въ теченіе 30 и даже 40 лѣтъ и все таки оставшихся понынѣ прежними бѣдняками, какими они были, по всей вѣроятности, и до начала своей торговли. При какихъ условіяхъ прежде прозябали ихъ семьи, такъ точно и теперь ихъ дѣтвора влачитъ въ голодѣ и холодѣ свое жалкое существованіе. Если вы хотите убѣдиться въ этомъ, то являйтесь въ любое изъ нашихъ мѣстечекъ на базарную площадь въ свободный отъ торговли день, и вы увидите, какъ 4—5 и 7-лѣтнія дѣти, чуть ли не въ адамовскихъ костюмахъ, ползаютъ на четверенькахъ по пыльной землѣ, усердно сгребая въ мѣшки всякій соръ, валяющійся подлѣ стоящихъ здѣсь возовъ и животныхъ. Это они занимаются заготовленіемъ топлива до слѣдующаго базара. И любопытно видѣть, съ какимъ рвеніемъ и даже азартомъ тянутъ эти малыши по дорогѣ нагруженные всякимъ соромъ мѣшки! Не успѣетъ у кого либо изъ нихъ опрокинуться мѣшокъ, какъ десятки дѣтскихъ рукъ спѣшатъ на помощь своему товарищу и съ лихорадочной торопливостью собираютъ разсыпавшееся топливо... Не усматриваете ли вы, читатель, уже и въ этомъ ничтожномъ фактѣ зародыша той коллективности и единства, которыя всегда составляли и составляютъ главный секретъ живучести и самобытности еврейскаго народа?

II.

Современное положеніе Шилохвостовки,—какъ я уже замѣтилъ выше,—въ общемъ мало чѣмъ отличалось отъ положенія другихъ, подобныхъ ей, мѣстечекъ; но ея прошлое, о чемъ я отчасти и хочу говорить въ настоящемъ очеркѣ, было несравненно хуже, особенно въ ту отдаленную пору, когда мѣстечко принадлежало извѣстному въ нашемъ краѣ самодуру и богачу, Виталію Петровичу Бузиновичу. Воспоминанія о безпримѣрныхъ жестокостяхъ этого человѣка живы еще въ памяти не только мѣстнаго еврейства, но и всего здѣшняго православнаго населенія. Не знаю, что сталось бы съ

Digitized by Google

обитателями нашей Шилохвостовки въ ту мрачную эпоху, еслибы ихъ не спасли кагальный духъ единенія и фанатическая преданность вѣрѣ и обычаямъ своихъ предковъ. Я думаю, что еслибы подобныя пытки выпали на долю любой русской общины, то она, пожалуй, давно прекратила бы свое существованіе; а, между тѣмъ, наши шилохвостовскіе евреи не только съумѣли пережить всѣ бѣды, сохранивъ свою самобытность, но нѣкоторые изъ нихъ ухитрились таки, при помощи разнообразныхъ гешефтовъ, выбраться въ люди, сдѣлаться настоящими богачами и въ концѣ концовъ оставить своимъ дѣтямъ или хорошо поставленныя въ Одессѣ торговыя дѣла, или огромныя и прекрасно устроенныя помѣстья въ лучшихъ уголкахъ Новороссійскаго и Юго-западнаго края. Возьмемъ къ примѣру хоть извѣстнаго на всю z—скую губернію Іосифа Менделевича. Онъ въ настоящее время играетъ здѣсь роль такого важнаго барина, которому съ неподдѣльнымъ чувствомъ радушія и уваженія жмутъ руку лучшіе дворяне-землевладѣльцы; его уже неоднократно приглашалъ къ себѣ въ гости уѣздный предводитель дворянства, а съ предсѣдателемъ мѣстной земской управы и прочими властями уѣзда Менделевичъ живетъ, какъ первый другъ и пріятель. Оно, конечно, Іосифъ Наумовичъ (какъ его величаютъ по отчеству) ни по своему наружному виду, ни по образованію (онъ окончилъ высшее агрономическое заведеніе) почти совсѣмъ не похожъ на еврея, а его поведеніе и обращеніе со служащими въ принадлежащихъ ему обширныхъ помѣстьяхъ могло бы быть поставлено въ примѣръ даже русскимъ землевладѣльцамъ,—однако, у всѣхъ еще слишкомъ свѣжо воспоминаніе о томъ, изъ какой нищеты, грязи и мрака поднялся на свѣтъ божій и достигъ богатства его покойный отецъ Нухимъ Менделевичъ, которому Іосифъ былъ обязанъ своимъ выдающимся положеніемъ и почетомъ. А сколько пришлось старому Нухиму перенести всякаго рода лишеній, гоненій и униженій, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выйти на торную дорогу,—объ этомъ даже жутко и вспомнить!.. Вотъ этотъ-то самый Нухимъ и началъ свою коммерческую карьеру въ Шилохвостовкѣ при названномъ выше Бузиновичѣ. Какъ большинство обитателей мѣстечка, онъ сначала также занимался скупкою разныхъ сельско-хозяйственныхъ отбросовъ по крупнымъ и малымъ помѣщичьимъ экономіямъ; но, кромѣ того, Нухимъ торговалъ еще рогатымъ скотомъ и лошадьми, что нерѣдко приносило ему довольно крупные барыши. Къ сожалѣнію, значительная часть его доходовъ поступала ежегодно въ помѣщичью контору въ видѣ чинша за право жительства на землѣ Бузиновича; размѣръ этого налога всецѣло зависѣлъ отъ прихоти и потребностей самодура-владѣльца. «Вольные» обитатели Шилохвостовки никогда

Digitized by Google

не могли знать, сколько имъ придется уплачивать чинша въ слѣдующемъ году, такъ какъ Виталій Петровичъ, не желая себя связывать какими либо долгосрочными контрактами, предпочиталъ опредѣлять и взимать ежегодно новую чиншевую плату, руководясь въ данномъ случаѣ исключительно личными соображеніями. И горе бывало тому еврею, который оказывался, по какимъ бы то ни было причинамъ, неисправнымъ плательщикомъ. Такого субъекта ожидали по истинѣ средневѣковыя пытки, и если на помощь ему не являлся во-время кагалъ, то бѣднягѣ приходилось послѣ всей исторіи собирать свои пожитки и, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, отправляться изъ мѣстечка на всѣ четыре стороны. Подобная штука чуть-чуть не случилась однажды и съ самимъ Нухимомъ Менделевичемъ. Однако, прежде нежели разсказывать объ этомъ, я долженъ буду сообщить нѣкоторыя подробности относительно страшнаго для шилохвостовцевъ «острога», находившагося въ усадьбѣ Бузиновича и предназначеннаго, главнымъ образомъ, для наказанія провинившихся въ чемъ нибудь крестьянъ. Это ужасное по своему назначенію и мрачное по наружности зданіе было расположено на краю мѣстечка, рядомъ съ барскими конюшнями и неподалеку отъ берега рѣки. Стѣны «узилища» были сдѣланы изъ жженаго кирпича и въ нихъ не было ни одного окна; для пропуска же свѣта въ дверяхъ острога существовало маленькое четырехъугольное отверстіе. На земляномъ полу всегда валялось нѣсколько сноповъ полуистлѣвшей и грязной соломы, которая предназначалась главнымъ образомъ для свиней, загоняемыхъ сюда на ночь въ холодную погоду. На этой вонючей подстилкѣ было разбросано около полудюжины довольно страннаго устройства колодокъ для забиванія въ нихъ ногъ попадавшихъ сюда узниковъ. Каждая изъ этихъ колодокъ представляла собою разрѣзанный пополамъ въ продольномъ направленіи стволъ толстаго дерева; въ обѣихъ половинахъ сдѣланы были углубленія для вкладыванія въ нихъ одной или двухъ ногъ преступника; послѣ этого колодка свинчивалась особаго рода винтомъ, что́ не только не позволяло человѣку свободно переходить съ одного мѣста на другое, но, даже при малѣйшемъ движеніи ногами, причиняло колоднику невыносимую боль. Въ такомъ положеніи «арестанты» проводили иногда въ этомъ острогѣ по нѣскольку сутокъ, подвергаясь въ то же время настоящей пыткѣ со стороны безчисленнаго множества насѣкомыхъ, которыя кишмя-кишили въ разостланной на полу соломѣ... Не удивительно поэтому, что крестьяне боялись острога хуже розогъ, хуже солдатчины, и всѣми мѣрами старались избѣгать подобнаго наказанія. Что же касается евреевъ, то достаточно было одного напоминанія о наполненномъ свиньями узилищѣ, чтобы за-

Digitized by Google

ставить неисправнаго плательщика продать свое послѣднее имущество и спѣшить со взносомъ слѣдуемаго чинша...

III.

Не знаю, по какимъ причинамъ, но однажды нашъ Нухимъ Менделевичъ очутился въ такомъ затруднительномъ положеніи, что рѣшительно не могъ уплатить въ указанный срокъ слѣдуемаго Бузиновичу чинша. Случилось это какъ разъ въ ту пору, когда почти все взрослое еврейское населеніе мѣстечка находилось на бывшей въ А. ярмаркѣ. Въ довершеніе бѣды, самъ баринъ былъ въ прескверномъ настроеніи духа, когда управляющій доложилъ ему о несостоятельности Менделевича. Разгнѣванный Бузиновичъ велѣлъ немедленно отправить за Нухимомъ старосту и нѣсколько человѣкъ крестьянъ. Можете себѣ представить весь ужасъ Менделевича, когда ему сообщили, что если онъ не уплатитъ чрезъ часъ чинша, то будетъ заключенъ на цѣлыя сутки въ острогъ вмѣстѣ со свиньями. Въ домѣ Нухима поднялось при этомъ извѣстіи настоящее столпотвореніе вавилонское, и барскимъ людямъ немало труда стоило оторвать уцѣпившихся въ своего кормильца жену и дѣтей. Самъ Менделевичъ отбивался руками и ногами отъ тащившихъ его къ усадьбѣ мужиковъ; однако, въ концѣ концовъ, ему пришлось таки очутиться предъ очами грознаго Виталія Петровича.—«Что же это ты, пархъ эдакій, не думаешь платить мнѣ чинша, а»?—встрѣтилъ Нухима сердитымъ голосомъ баринъ.—Ой, вай, вай, вай,—завопилъ дрожащій отъ страха и волненія еврей:—гдѣ же я возьму для вашей милости «грошей», коли у меня нѣтъ теперь и десяти копѣекъ, чтобы купить къ завтрашнему шабашу свѣжаго хлѣба для дѣтей?—«Врешь, врешь, собачій сынъ»,—кричалъ на всю горницу Бузиновичъ:—«знаю я твои жидовскія штуки! Навѣрное отправилъ всѣ деньги на ярмарку, чтобы тамъ заработать рубль на рубль, а»?!—О, нѣтъ, нѣтъ, добрый, милостивый баринъ! Клянусь вамъ своею жизнью, дѣтьми, чѣмъ угодно, что говорю истинную правду,—продолжалъ Нухимъ, валяясь уже у ногъ Виталія Петровича. Но тотъ брезгливо оттолкнулъ отъ себя сапогомъ еврея и, направляясь въ кабинетъ, промолвилъ хладнокровно стоявшимъ тутъ же людямъ:—«Посадите его до завтрашняго дня въ острогъ,—авось тогда деньги у него найдутся»... При этихъ словахъ, Менделевичъ моментально вскочилъ на ноги и съ какимъ-то изступленнымъ визгомъ бросился мимо стоявшихъ подлѣ него мужиковъ въ дверь; насилу могли его удержать. Послѣ этого, скрутили Нухиму крѣпкими веревками руки

Digitized by Google

и ноги, забили ротъ тряпками и, при громкомъ хохотѣ и насмѣшкахъ многочисленной дворни, потащили его въ мрачную тюрьму. Не прошло и четверти часа, какъ неисправный чиншевикъ очутился уже въ обществѣ барскихъ свиней, которыя на первыхъ порахъ встрѣтили новаго квартиранта довольно благодушнымъ хрюканьемъ. Между тѣмъ, обезумѣвшій отъ ужаса Нухимъ метался по острогу изъ угла въ уголъ, какъ бѣшеный, то и дѣло натыкаясь впотьмахъ на спокойно дремлющихъ свиней, чѣмъ произвелъ, въ концѣ концовъ, среди нихъ страшный переполохъ. Въ крайнемъ недоумѣніи эти животныя подняли въ свою очередь неистовое хрюканье и также стали бѣгать по темницѣ, какъ бы отыскивая виновника, нарушившаго ихъ покой... Въ довершеніе нравственныхъ мукъ узника, присоединились еще физическія страданія, причиняемыя укушеніями обитавшихъ въ соломенной подстилкѣ насѣкомыхъ, которыя при каждой остановкѣ еврея взбирались сотнями на его разгоряченное тѣло. Въ дикомъ отчаяніи Менделевичъ оборвалъ на себѣ всю верхнюю одежду и даже часть бѣлья, но ничего не помогало: паразиты буквально облѣпили узника съ ногъ до головы, заставляя его выдѣлывать невѣроятные курбеты; онъ царапалъ стѣны, стучалъ кулаками и ногами въ окованную желѣзомъ дверь, издавая безпрестанно одни и тѣ же хриплые звуки: «уфъ, охъ, уфъ, охъ»! А свиньи не переставали дружно акомпанировать страдальцу... Бузиновичъ не ошибся, сказавъ, что деньги на выкупъ Нухима изъ острога найдутся. Дѣйствительно, не прошло и трехъ часовъ послѣ его заключенія въ тюрьму, какъ подлѣ барскаго дома стояла уже чуть ли не цѣлая сотня евреевъ, просящихъ принять отъ нихъ слѣдуемый съ Менделевича чиншъ и отпустить бѣдняка на свободу. Оказалось, что жена Нухима поспѣшила отправиться въ городъ и сообщила всему кагалу о постигшемъ ея мужа несчастіи. Услышавъ это, почти всѣ шилохвостовскіе евреи бросили дѣла и поспѣшили на выручку своего собрата, которому, въ противномъ случаѣ, угрожала опасность провести въ свиномъ хлѣву субботній день. Надо было видѣть, что́ сталось съ Нухимомъ, когда ему отворили дверь острога. Несчастный вылетѣлъ оттуда совершенно нагой, словно пыжъ изъ ружья, и пустился безъ оглядки бѣжать по улицѣ мѣстечка, не взирая на крики бросившихся вслѣдъ за нимъ дѣтей, жены и прочихъ евреевъ. Сначала всѣ подумали, что онъ хочетъ съ отчаянія кинуться въ рѣку, и лишь тогда успокоились, когда увидѣли, что Нухимъ, повернувъ въ первый проулокъ, бросился бѣжать по направленію къ своему дому... Много и долго послѣ этого случая говорили наши шилохвостовцы по поводу неслыханной жестокости, учиненной помѣщикомъ Бузиновичемъ надъ Менделевичемъ,

Digitized by Google

и старались исправно уплачивать чиншъ даже раньше истеченія условленнаго срока...

IV.

Немало также приходилось Нухиму терпѣть и отъ другихъ помѣщиковъ, съ которыми онъ имѣлъ дѣла по поводу покупки у нихъ разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Сколько разъ его травили собаками, обрѣзывали хвостъ и гриву его лошаденкѣ, бросали самого купца въ полуразрушенные старые погреба, гдѣ ему приходилось голодать по цѣлымъ суткамъ и болѣе. Однажды, напр., спасаясь отъ преслѣдованій какого-то самодура-барина, Менделевичъ попалъ въ «пашѣнную» яму (такъ называются въ Малороссіи и Новороссіи подземныя зернохранилища съ крайне узкими выходными отверстіями); въ ней онъ просидѣлъ три дня и три ночи, словно Іона во чревѣ китовомъ, такъ какъ устройство этой ямы положительно мѣшало нашему герою выбраться изъ нея на свѣтъ божій безъ посторонней помощи; единственнымъ средствомъ для утоленія голода въ продолженіе этого времени служило ему хранившееся въ ямѣ просо. Въ другой разъ Нухиму случилось имѣть дѣло съ извѣстнымъ въ нашемъ уѣздѣ чудакомъ и насмѣшникомъ, паномъ Степовицкимъ. Этотъ господинъ, пригласивъ къ себѣ въ кабинетъ Менделевича вмѣстѣ съ его компаньономъ Беркомъ Миклеромъ, угостилъ ихъ виномъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то рвотнымъ порошкомъ; когда послѣ этого оба еврея закусили хорошо, Степовицкій велѣлъ связать «купцовъ» вмѣстѣ ихъ же собственными бородами и въ такомъ видѣ запереть въ особую комнату, связавъ имъ, конечно, и руки; тамъ Нухимъ и Берко находились до тѣхъ поръ, пока принятое ими снадобье не произвело желаемаго дѣйствія... О, много, много натерпѣлся на своемъ вѣку Менделевичъ! И еслибы записать всѣ его похожденія и приключенія, то вышла бы не только интересная, но и весьма поучительная въ историческомъ отношеніи книга! Не смотря, однако, на всѣ эти мытарства, онъ за все время своего бѣдственнаго существованія старался жить, строго соблюдая принципъ «непротивленія злу». И, по всей вѣроятности, только этому правилу и строгому соблюденію экономіи Менделевичъ былъ обязанъ своимъ послѣдующимъ богатствомъ и независимымъ положеніемъ. Надобно вамъ сказать, что Нухимъ обладалъ чисто-баснословною терпимостью въ отношеніи послѣдняго мужика и даже деревенскихъ мальчишекъ, если только они начинали глумиться надъ нимъ или причиняли ему какую бы то ни было непріятность. Еще будучи ребенкомъ, я самъ былъ однажды свидѣтелемъ слѣдующей

Digitized by Google

сцены. Ѣдетъ чрезъ нашу деревню въ своей старенькой одноколочкѣ Нухимъ, а вслѣдъ за нимъ бѣжитъ толпа крестьянскихъ ребятишекъ и выкрикиваетъ хоромъ: «жидъ-халамей, зарѣзалъ козу, повѣсилъ на діжу» (кадку)! Слушая эти дикіе возгласы, еврей, повидимому, нисколько ими не обижался и по прежнему прехладнокровно погонялъ длиннымъ кнутомъ свою лошадку. Когда и на слѣдующій разъ, при проѣздѣ чрезъ ту же деревню, дѣти встрѣтили его такимъ же пѣніемъ, то Менделевичъ, вмѣсто угрозъ, сталъ бросать въ бѣгущихъ за нимъ ребятишекъ орѣхами. Такой образъ дѣйствій Нухима до того поразилъ уличныхъ шалуновъ, что они моментально смолкли и лишь тогда принялись собирать разбросанные по дорогѣ орѣхи, когда еврей былъ уже далеко за околицей. Въ третій разъ дѣти уже не преслѣдовали криками знакомой имъ одноколки, а только съ недоумѣніемъ посматривали, заложивъ по пяти пальцевъ въ ротъ, на сидящаго въ ней Нухима. Когда же Менделевичъ спросилъ ихъ:—«А почему вы, хлопци, не кричите: «жидъ халамей»?—то одинъ изъ болѣе смѣлыхъ мальчугановъ спросилъ:—«А за что ты бросаешь въ насъ орѣхами»?.. Гораздо труднѣе было Нухиму справляться съ недоброжелательствомъ къ нему со стороны взрослыхъ обывателей и даже нерѣдко самихъ помѣщиковъ; но и тутъ хитрый жидъ всегда умудрялся выходить сухимъ изъ воды или же отдѣлывался самыми незначительными убытками. Жизнь всѣхъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, обитающихъ верстъ на сто вокругъ Шилохвостовки, была извѣстна Нухиму до мельчайшихъ подробностей. И кому изъ нихъ ни предскажетъ, бывало, Менделевичъ скорое разореніе, то ужь какъ тотъ ни выкручивайся, а рано или поздно не минуетъ роковаго банкротства. Въ то же время нельзя сказать, чтобы Нухимъ былъ слишкомъ дурнаго мнѣнія о нашихъ помѣщикахъ дореформенной эпохи, такъ какъ при каждомъ удобномъ случаѣ онъ старался оправдывать ихъ недостатки, обвиняя во всемъ наслѣдственность, а главнымъ образомъ—поверхностное воспитаніе юношества, слѣдствіемъ чего являлось отсутствіе истиннаго образованія среди русскихъ баръ первой половины текущаго столѣтія.—Знаете,—говорилъ мнѣ однажды Менделевичъ:—хорошаго барина можно было встрѣтить и въ прежнее время; и чѣмъ выше стоялъ онъ по своему положенію, чѣмъ большею отличался образованностью,—тѣмъ легче было имѣть съ нимъ дѣло, такъ какъ онъ отличался всегда доступностью и самою рѣдкою вѣжливостью въ обращеніи съ послѣднимъ бѣднякомъ. Въ доказательство этого я приведу вамъ одинъ примѣръ, имѣвшій мѣсто уже въ недавнее время. Пріѣзжаю я какъ-то въ одно изъ обширныхъ имѣній крупной особы, являюсь по обыкновенію въ контору и тамъ на-

Digitized by Google

чинаю торговаться съ управляющимъ по поводу покупки овчинъ, которыя мнѣ приходилось тамъ покупать чуть ли не 15 или 20 лѣтъ подъ рядъ. Прошло у насъ въ этихъ переговорахъ что-то около получаса, если не болѣе; мы не сходились съ управляющимъ въ цѣнѣ копѣекъ на тридцать за каждую штуку. Я хотѣлъ было уже выйти изъ конторы, какъ вдругъ отворилась дверь, ведущая въ сосѣднюю комнату, и на порогѣ ея появился какой-то высокій, плотный мужчина среднихъ лѣтъ, въ военной формѣ. При входѣ его, управляющій быстро поднялся съ кресла и принялъ почтительную позу. Я, конечно, поклонился вошедшему господину, на что онъ мнѣ въ свою очередь отвѣтилъ вѣжливымъ поклономъ и, обратившись къ управляющему, спросилъ: — А что это за человѣкъ, Семенъ Андреевичъ?— Это—еврей,—отвѣчалъ управляющій.—Что же ему надо здѣсь?— Онъ покупаетъ у насъ овчины.—Какія же могутъ быть у насъ овчины, если мы не рѣжемъ своихъ овецъ?—спросила съ удивленіемъ значительная особа.—А это кожи съ павшихъ отъ разныхъ болѣзней овецъ,—пояснилъ управляющій. — Неужели съ нихъ снимаютъ овчины?—Снимаютъ и затѣмъ продаютъ подобнымъ артистамъ, какъ этотъ еврей... —Какъ ни былъ я пораженъ неожиданной встрѣчей, но все таки не могъ не удивиться тому обстоятельству, что особа даже и не подозрѣвала о существованіи въ его хозяйствѣ такого товара, какъ овечьи шкуры, которыхъ въ его экономіи продавалось ежегодно на десятки тысячъ.—Ну, что же, старичокъ,—обратился ко мнѣ сановникъ съ привѣтливой улыбкой:— покупай эти кожи, покупай, авось, что нибудь заработаешь.—Тутъ я набрался смѣлости да и говорю:—«Съ радостью бы купилъ, ваше—ство, да слишкомъ ужь дорого просятъ съ меня за нихъ»!— А сколько?—«Да на 30 коп. дороже за каждую штуку, чѣмъ я даю ваше—ство»...—Ну, уважьте, уважьте ужь ему эти 30 копѣекъ Семенъ Андреевичъ,—пусть забираетъ овчины!..—Съ этими словами сановникъ повернулся и удалился опять въ ту комнату, изъ которой вышелъ, такъ что я, вслѣдствіе крайняго изумленія, не успѣлъ даже поблагодарить за оказанную мнѣ милость.—«Счастье твое, Нухимъ, большое счастье,—промолвилъ, какъ мнѣ показалось, съ неудовольствіемъ управляющій:—я бы самъ ни за что не уступилъ тебѣ столько на овчинахъ; впрочемъ, и теперь я нахожу, что 30 коп. будетъ ужь слишкомъ жирно для тебя; по моему, тебѣ и двадцать коп. уступки будетъ за глаза достаточно, а»?—Но помилуйте, Семенъ Андреевичъ,—попытался было я возразить,—вѣдь вы сами слышали...—«Довольно, довольно,—прервалъ меня управляющій,—то онъ, а то я! Хочешь—бери овчины по этой цѣнѣ, а нѣтъ,—убирайся изъ экономіи и чтобы духу твоего не было здѣсь никогда! слы-

Digitized by Google

шишь»?.. Подумалъ, подумалъ я, да и согласился съ предложеніемъ управляющаго, такъ какъ гдѣ ужь было мнѣ, маленькому человѣку, жаловаться на него сановнику!..

V.

Тяжелое экономическое положеніе шилохвостовцевъ и непосильные поборы, которымъ они подвергались не только со стороны своего помѣщика, но даже со стороны всевозможнаго начальства, начиная волостнымъ писаремъ и оканчивая исправникомъ,—по неволѣ должны были выработать изъ здѣшнихъ евреевъ первостатейныхъ плутовъ по всѣмъ отраслямъ комерціи, тѣмъ болѣе, что ихъ «шулханъ-арухъ» уже заранѣе подготовилъ къ этому благопріятную почву. Наиболѣе же захудалые изъ нихъ не стѣснялись, разумѣется, промышлять конокрадствомъ, фальсификаціей различныхъ жизненныхъ продуктовъ, укрывательствомъ подозрительныхъ лицъ и сбытомъ краденыхъ вещей... А такъ какъ все это совершалось отчасти съ вѣдома и съ благословенія кагальныхъ заправилъ, то и нашъ Менделевичъ, конечно, былъ причастенъ подобнаго рода темнымъ дѣлишкамъ, хотя всегда старался показывать видъ, что ничего общаго не имѣетъ съ шилохвостовскими плутами... Замѣчу здѣсь, кстати, что ловкость и вообще изворотливость этихъ мелкихъ мошенниковъ была доведена до высшей степени совершенства. И удивительное, право, дѣло, что, даже при наличности неопровержимыхъ уликъ, на слѣдствіи какъ-то всегда выходило, что шилохвостовцы оставались кругомъ правы и чисты, яко голуби! Сначала это казалось мнѣ совершенно непонятнымъ, но когда я, съ теченіемъ времени, лучше присмотрѣлся къ тѣмъ пружинамъ, которыя приводили въ движеніе весь мѣстный механизмъ мошенничества, то для меня все стало вполнѣ ясно. А дѣло, видите ли, было здѣсь въ томъ, что главную роль въ данномъ случаѣ играла во-первыхъ присущая евреямъ сплоченность, круговая порука; а, во-вторыхъ, подкупъ начальства, практиковавшійся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Бывало, какъ только пріѣдетъ по какому нибудь дѣлу въ Шилохвостовку становой приставъ или даже «самъ» исправникъ,—къ нему тотчасъ же является тайнымъ образомъ еврейская депутація съ покорнѣйшей просьбой, подкрѣпленной, разумѣется, посильнымъ приношеніемъ; послѣ этого «власть», обыкновенно, быстро смягчается и дѣло, къ обоюдному удовольствію, разрѣшается «преданіемъ волѣ божьей», за недостаткомъ основательныхъ уликъ. Въ болѣе же серьезныхъ и запутанныхъ случаяхъ, когда въ дѣло приходилось, по какимъ либо причинамъ, вмѣшиваться уже и судебному слѣдователю или кому нибудь другому въ этомъ родѣ,—шилохвостовцы принуждены были обращаться за содѣйствіемъ къ знаменитой

Digitized by Google

еврейкѣ Хайкѣ, проживавшей въ г. А. и пользовавшейся необыкновенной популярностью по части обдѣлыванія всевозможныхъ секретныхъ исторій, въ особенности — на романической подкладкѣ. Главная сила ея заключалась въ томъ, что она дѣйствовала при посредствѣ жившихъ у нея на полномъ «пансіонѣ» представительницъ прекраснаго пола. Имѣя у себя цѣлый гаремъ такихъ особъ легкаго поведенія, Хайка достигала нерѣдко поразительныхъ результатовъ, вступая въ сдѣлки даже съ плутами высшей формаціи. И тамъ, гдѣ не дѣйствовалъ «презрѣнный» металлъ, почти всегда одерживали побѣду волшебныя ласки прелестныхъ «одалисокъ». Мы не говоримъ уже о томъ, что, проживая въ городѣ, переполненномъ войсками, Хайка вела свои «домашнія» дѣла на самыхъ широкихъ основаніяхъ, получая такимъ образомъ баснословные барыши. Будучи, кромѣ того, знакома отчасти съ акушерствомъ, она усердно занималась также вытравленіемъ плода. Понятно, что послѣдняго рода операціи не только дѣлали эту еврейку необходимой принадлежностью А., но даже способствовали до нѣкоторой степени тому обстоятельству, что и сами городскія власти, нуждавшіяся подчасъ въ секретной помощи Хайки, смотрѣли сквозь пальцы на ея многочисленныя беззаконія. Вотъ къ этой-то волшебницѣ и приходилось иногда обращаться нашимъ шилохвостовцамъ въ самыхъ экстренныхъ случаяхъ, въ особенности, если дѣло касалось не въ мѣру уже ретиваго слѣдователя. И, какъ я уже сказалъ выше, Хайка всегда успѣшно достигала намѣченной цѣли. Конечно, за свой трудъ она всегда взимала изрядный гонораръ, не взирая даже на то, что кагалъ неоднократно выражалъ ей свое неудовольствіе по поводу чрезмѣрныхъ поборовъ въ отношеніи своихъ же единовѣрцевъ. Какъ иллюстрацію къ характеристикѣ «косвенныхъ налоговъ», которымъ подвергались въ то время мѣстные евреи даже со стороны самаго низшаго начальства, привожу, между прочимъ, нижеслѣдующій фактъ. Во время ревизіи 1857 г. каждый обыватель долженъ былъ представить въ соотвѣтствующее учрежденіе извѣстнаго рода посемейный списокъ, или такъ называемую ревизскую сказку. Въ виду почти всеобщей безграмотности деревенскаго населенія, составленіе такихъ списковъ въ Шилохвостовкѣ, какъ и повсюду, принялъ на себя волостной писарь, которому евреи обязаны были уплачивать за каждую ревизскую сказку 25 р. А власть волостнаго писаря въ ту отдаленную эпоху была такъ велика, что, не смотря на эту высокую «дань», ни одинъ изъ шилохвостовскихъ евреевъ не дерзнулъ жаловаться начальству на своего вампира. Послѣ этого, нечего удивляться, что бо́льшая часть шилохвостовцевъ стремилась всякими правдами и неправдами наверстать уплачиваемыя на всѣ

Digitized by Google

стороны взятки, организуя нерѣдко съ этою цѣлью настоящія воровскія шайки. Такъ какъ главные вожаки подобныхъ шаекъ проживали обыкновенно въ Шилохвостовкѣ, то весьма естественно, что не только у мѣстныхъ крестьянъ, но и въ барской усадьбѣ почти никогда не случалось сколько нибудь выдающихся покражъ. Самъ Бузиновичъ тоже хладнокровно смотрѣлъ на существующій въ его мѣстечкѣ воровской притонъ, руководясь правиломъ, что воры избѣгаютъ производить свои операціи въ той мѣстности, гдѣ находятся ихъ жилища и семьи. Если, бывало, доморощенные любители чужой собственности и схватятъ ночью гдѣ нибудь въ степи, по ошибкѣ, экономическую корову, лошадь или что либо другое, то, по требованію барина или его управляющаго, немедленно возвратятъ украденное животное или вещь, разумѣется, сдѣлавъ это самымъ незамѣтнымъ образомъ. За все время, сколько мнѣ припомнится, былъ тамъ при Бузиновичѣ только одинъ случай сенсаціоннаго воровства, когда похитители не пожелали возвратить украденныхъ въ барской усадьбѣ лошадей; но, надобно замѣтить, что ворами въ данномъ дѣлѣ руководило чувство личной мести, предметомъ которой былъ управляющій Бузиновича, нѣкто г. Симоновичъ. Исторія эта возникла слѣдующимъ образомъ. Разъ какъ-то, незадолго до праздника кущей, одинъ изъ шилохвостовскихъ мясниковъ взялъ со двора у кого-то изъ служащихъ въ экономіи корову за долгъ и въ тотъ же день зарѣзалъ ее. Хотя все это было сдѣлано съ обоюднаго согласія кредитора и должника, однако, послѣдній пожаловался при случаѣ управляющему на мясника, оставившаго семью безъ молока. Возмущенный Симоновичъ, не разобравъ толкомъ дѣла, велѣлъ высѣчь самовольно поступившаго еврея на барской конюшнѣ; при этомъ заявилъ, что если наказанный вздумаетъ кому либо жаловаться, то будетъ выброшенъ въ двадцать четыре часа со всѣмъ своихъ семействомъ и имуществомъ за межу. Крѣпко обезкуражила подобная несправедливость весь шилохвостовскій кагалъ; однако, сообразивъ, что всякая жалоба можетъ повлечь за собою еще горшія бѣды, евреи рѣшили отмстить управляющему инымъ и притомъ довольно оригинальнымъ способомъ.

VI.

Была у Симоновича пара прелестныхъ гнѣдыхъ лошадей, за которыхъ ему уже не одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ предлагалъ болѣе тысячи рублей; однако, управляющій не согласился бы ихъ продать и за болѣе высокую цѣну. О достоинствѣ этихъ лошадей можно судять по тому, что онѣ дѣлали свободно по 20 верстъ въ

Digitized by Google

часъ, ничуть не утомляясь. Быцало, Симоновичъ выѣдетъ изъ Шилохвостовки въ Одессу около 7 часовъ утра, а въ 5—6 часовъ вечера уже находится на мѣстѣ, совершивъ такимъ образомъ болѣе 150 верстъ, не позабывъ, конечно, и отдохнуть въ дорогѣ часа 2—3. Въ городѣ онъ стоялъ обыкновенно часовъ 5 и выѣзжалъ обратно съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ 12 часамъ слѣдующаго дня быть дома. Что же касается ѣзды по шилохвостовскимъ полямъ, то въ этомъ отношеніи управляющій обходился безъ всякаго кучера и могъ спать въ своей бричонкѣ всю дорогу спокойно, такъ какъ умныя лошадки сами останавливались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Симоновичу надо было выходить изъ экипажа. Такъ вотъ этихъ-то лошадей обиженные евреи и вздумали украсть. Не прошло и недѣли послѣ экзекуціи мясника, какъ однажды раннимъ утромъ нашъ управляющій, проснувшись въ своей бричкѣ гдѣ-то на днѣ глубокаго оврага, къ крайнему удивленію и ужасу увидѣлъ, что его «Вихря» и «Бури» нѣтъ и слѣда... Сонъ мигомъ соскочилъ съ Симоновича, и онъ, оставивъ экипажъ въ степи, пустился на розыски своихъ лошадей. Исколесивъ пѣшкомъ болѣе двадцати верстъ, управляющій вернулся ни съ чѣмъ домой и тотчасъ же отдалъ приказаніе позвать къ себѣ Менделевича. Когда тотъ явился, то Симоновичъ велѣлъ ему доставить къ утру самыя точныя свѣдѣнія относительно пропавшихъ лошадей.—«Я знаю,—прибавилъ онъ,—что это дѣло вашихъ артистовъ, и если ты не найдешь мнѣ коней,—со всего кагала взыщу двѣ тысячи «карбованцевъ»!—Нухимъ обѣщалъ сдѣлать все возможное; но чрезъ нѣсколько часовъ онъ возвратился къ управляющему съ заявленіемъ, что лошади украдены не мѣстными ворами, а какими-то посторонними лицами, проѣзжавшими наканунѣ чрезъ Шилохвостовку на ярмарку и ночевавшими въ корчмѣ у Янкеля Зильбермана.—Знать ничего не хочу!—заоралъ Симоновичъ, топая ногами.—Чтобъ были мнѣ лошади—и конецъ!—Однако, сколько управляющій ни кипятился, чѣмъ ни грозилъ Нухиму,—все было напрасно: лошади канули, словно въ воду. Менделевичъ могъ только обѣщать, что употребитъ всѣ мѣры для отысканія «Вихря» и «Бури» чрезъ посредство своихъ многочисленныхъ агентовъ.

Прошло около полугода. Симоновичъ ѣздилъ уже на другихъ лошадяхъ, купленныхъ у Бузиновича и далеко уступавшихъ уворованнымъ конямъ. Случилось какъ-то управляющему быть весною на ярмаркѣ въ городѣ Балтѣ, подольской губерніи. Зная, что здѣсь можно иногда встрѣтить прекрасныхъ лошадей, приводимыхъ сюда не только со всѣхъ концовъ Россіи, но даже изъ-за границы, Симоновичъ, на другой же день по прибытіи въ городъ, отправился на

Digitized by Google

конную площадь. Не успѣлъ онъ тамъ очутиться, какъ вдругъ видитъ, что навстрѣчу ему какой-то мужичокъ ведетъ пару отличнѣйшихъ вороныхъ лошадей, по росту и всѣмъ статьямъ совершенно похожихъ на «Вихря» и «Бурю»—Стой,—обращается къ нему управляющій: — продаешь коней? — Продаю. — А что хочешь за нихъ?—Тысячу рублей.—Ничего не уступишь?—Отчего же не уступить,—хорошему барину всегда можно уступить.—Ну, ладно; веди-ка ихъ за мной къ постоялому двору: тамъ находится моя бричка, и мнѣ было бы желательно испробовать лошадей, какъ слѣдуетъ.—Что жь, поведемъ, коли вашей милости угодно,—отвѣчаетъ мужичокъ. Дорогою управляющій узналъ, что лошади эти были проданы наканунѣ графомъ С. и принадлежали его знаменитому заводу, въ доказательство чего барышникъ показалъ и формальное свидѣтельство. Подойдя къ постоялому двору, сейчасъ же запрягли лошадей въ бричку; Симоновичъ усѣлся въ экипажъ, самъ взялъ въ руки возжи и пустилъ коней полною рысью вдоль улицы; они пошли отлично, а главное—ни дать, ни взять, какъ «Вихорь» и «Буря»; только и разницы, что одна масть! Диву дался нашъ управляющій и тутъ же порѣшилъ купить лошадей во что бы то ни стало. Поторговался онъ съ мужикомъ еще немного, и тотъ уступилъ коней за 700 р.—«Богъ съ ними, съ деньгами,—говорилъ Симоновичъ по возвращеніи домой знакомымъ; зато лошади—прелесть, чуть ли не лучше тѣхъ, которыхъ у меня украли; надо будетъ только смотрѣть ужь за ними въ оба»... На третій или на четвертый день послѣ возвращенія Симоновича изъ Балты, приходитъ къ нему рано утромъ конюхъ Остапъ и съ таинственнымъ видомъ говоритъ:—«Пане, а знаете, что́ я скажу вамъ? — А что такое? — Да насчетъ новыхъ коней...—Ужь не украли ли ихъ? не заболѣли ли они?—прервалъ Остапа управляющій, быстро вскакивая съ мѣста.—Нѣтъ,—отвѣчаетъ хладнокровно конюхъ-хохолъ,—ни то, ни другое, а только наши кони почему-то стали мѣнять свой цвѣтъ.—Какъ это—мѣнять? Не пьянъ ли ты еще, голубчикъ, послѣ вчерашняго праздника?—продолжалъ уже сердитымъ голосомъ Симоновичъ.—Да, ей богу же, пане, мѣняютъ масть: то были вороные, а теперь стали гнѣдые, ну, точь въ точь, какими были «Вихорь» и «Буря».—При этихъ словахъ, въ головѣ управляющаго съ быстротою молніи пронеслась ужасная мысль, и онъ стремглавъ бросился въ конюшню... Тамъ онъ имѣлъ полную возможность убѣдиться въ томъ, что предъ нимъ стоятъ его прежнія лошади... Итакъ, воры продали ему его же собственныхъ лошадей, выкрасивъ ихъ предварительно въ черный цвѣтъ. «Вотъ такъ штука»!—подумалъ Симоновичъ и тутъ же прибавилъ вслухъ:—«А вѣдь и это, навѣрное, работа нашихъ же

Digitized by Google

жуликовъ; безъ ихъ участія такой фокусъ не могъ обойтись»...— «Позови-ка ко мнѣ сейчасъ же Нухима,—обратился онъ къ стоявшему здѣсь Остапу:—я хочу сегодня же переговорить съ нимъ объ этой курьезной исторіи». Очевидно, Менделевича ожидало нѣчто ужасное, но, къ счастью еврея, онъ какъ разъ въ это время окончательно переселился изъ Шилохвостовки въ г. А., гдѣ держалъ питейное заведеніе и занимался маклерствомъ по большимъ экономіямъ. Находя совершенно излишнимъ являться къ Симоновичу для личнаго объясненія по поводу вернувшихся лошадей, Нухимъ передалъ ему только поклонъ и совѣтовалъ помягче обращаться съ шилохвостовцами, предупреждая, что въ противномъ случаѣ съ нимъ можетъ приключиться что нибудь похуже, чѣмъ воровство лошадей.

VII.

Перейдя на жительство въ городъ, Менделевичъ сталъ богатѣть не по днямъ, а по часамъ; причиною этого было, во-первыхъ, то обстоятельство, что, очутившіеся на свободѣ, крестьяне стали на радостяхъ весьма усердно посѣщать питейныя заведенія; а потому надо было только не зѣвать и дѣйствовать энергично. Сообразивъ это, нашъ предусмотрительный еврей съ большимъ успѣхомъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ. Во-вторыхъ, его быстрому обогащенію немало способствовали еще совершаемыя имъ маклерскія сдѣлки по части продажи и отдачи въ аренду земель дворянами, которые съ своей стороны не замедлили двинуться къ разоренію. Не разъ бывало даже такъ, что Нухимъ зарабатывалъ на одномъ и томъ же помѣстьѣ по 2 — 3 тысячи въ годъ, перепродавая его изъ однѣхъ рукъ въ другія и въ третьи. Нерѣдко же случалось и такъ, что, получивъ куртажъ за сдѣлку по поводу отдачи имѣнія въ аренду кѣмъ нибудь изъ помѣщиковъ, Менделевичъ получалъ затѣмъ чуть ли не вдвое бо́льшую сумму за умѣнье устроить расторженіе контракта или за передачу аренды третьему лицу. И надо отдать въ этомъ отношеніи полную справедливость ловкому и политичному Нухиму: онъ, дѣйствительно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ велъ себя съ такой осторожностью и тактомъ, что почти всегда достигалъ намѣченной цѣли, умудряясь въ то же время сохранить добрыя отношенія къ обѣимъ сторонамъ. Незамѣтнымъ для посторонняго глаза образомъ онъ умѣлъ, бывало, и поссорить землевладѣльца съ арендаторомъ, но тутъ же находилъ способъ и помирить ихъ, получивъ за то отъ перваго и втораго извѣстное вознагражденіе за свой трудъ. Когда у Менделевича накопилось уже около 20—30 тысячъ наличнаго капитала, тогда онъ, пользуясь прежними законами, взялъ

Digitized by Google

въ аренду на десятилѣтній срокъ имѣніе, принадлежавшее отставному генералу С. и заключавшее въ себѣ около 6,000 десятинъ земли превосходнѣйшаго качества съ рѣкою, богатѣйшимъ садомъ и отлично устроенной усадьбой. Уплачивая хозяину по два рубля въ годъ за десятину, Нухимъ умудрялся вырабатывать на этой же землѣ чуть ли не втрое больше, пользуясь, во-первыхъ, отсутствіемъ владѣльца, проживавшаго постоянно гдѣ-то за границей, а, во-вторыхъ,—малоземельемъ сосѣднихъ крестьянъ. Дѣйствуя подобно большинству арендаторовъ-хищниковъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, онъ за десять лѣтъ «поднялъ» почти всѣ цѣлинныя поля генеральскаго имѣнія, воздѣлывая на нихъ главнымъ образомъ ленъ и озимую пшеницу, и рѣдкій годъ не получая хорошаго урожая. Производя почти всѣ сельско-хозяйственныя работы мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ на основаніи особаго рода аграрныхъ условій, Менделевичъ загребалъ, какъ говорится, деньги лопатой; этому немало способствовало еще то обстоятельство, что въ ту пору (начало семидесятыхъ годовъ) продукты нашего земледѣлія играли первенствующую роль на европейскихъ рынкахъ, а объ американско-индійской конкурренціи не было и рѣчи. Наряду съ обширнымъ хлѣбопашествомъ, Нухимъ занимался успѣшно и другими дѣлами: онъ разводилъ десятки тысячъ мериносовъ, торговалъ бойко продуктами рогатаго скота и перерабатывалъ на собственномъ винокуренномъ заводѣ значительную часть произведеній своего земледѣлія. Однимъ словомъ, разбитной арендаторъ нашелъ настоящее золотое дно тамъ, гдѣ генералъ несъ лишь одни убытки, не зная, что дѣлать со своею огромною недвижимостью. Правда, богатѣйшая нѣкогда почва имѣнія быстро истощалась въ рукахъ энергичнаго арендатора; прочныя сельско-хозяйственныя строенія и даже барскій домъ приходили съ каждымъ годомъ все въ бо́льшую и бо́льшую ветхость, по причинѣ отсутствія всякаго ремонта; но какое было дѣло до всего этого Менделевичу? Вѣдь въ контрактѣ благоразумно были обойдены всѣ тѣ пункты, которые обязывали бы его къ сбереженію и поддержкѣ хозяйскаго имущества... Между тѣмъ, С., отдавъ имѣніе въ аренду и ведя широкую жизнь, сначала въ Римѣ, а затѣмъ въ Монако и Парижѣ, сталъ скоро требовать, чтобы Нухимъ высылалъ ему деньги уже не за одинъ, а за цѣлыхъ два года впередъ; спустя же нѣкоторое время, онъ попросилъ арендатора выслать деньги уже за всѣ пять лѣтъ, которыя оставались еще до окончанія арендnаго срока. Менделевичъ съ удовольствіемъ согласился исполнить просьбу своего хозяина, и даже самъ лично поспѣшилъ отвезти генералу эти деньги за границу, попросивъ лишь выдачи узаконеннаго документа, удостовѣряющаго уплату извѣстной

Digitized by Google

суммы. На радостяхъ, С. выдалъ требуемый вексель съ прибавленіемъ къ значащемуся въ немъ долгу небольшихъ процентовъ, послѣ чего разстался съ Нухимомъ самымъ задушевнымъ образомъ. За годъ или за полтора до окончанія срока аренды, генералу снова понадобилась довольно солидная сумма для уплаты долговъ по какимъ-то нетерпящимъ отлагательства векселямъ. Недолго думая, онъ опять обратился съ просьбою о кредитѣ къ своему арендатору, сообщая при этомъ, что деньги должны быть высланы съ первой же почтой въ Парижъ по приложенному при немъ адресу. Менделевичъ согласился и на этотъ разъ исполнить просьбу генерала, но опять таки съ условіемъ выдачи векселя, что С. поспѣшилъ сдѣлать съ прежнею предупредительностью, какъ только въ его рукахъ очутилась требуемая сумма денегъ.

VIII.

Окончилась десятилѣтняя аренда, истекъ и срокъ выданныхъ генераломъ Нухиму векселей; между тѣмъ, уплаты по нимъ и не предвидѣлось. Однако, Менделевичъ и не думалъ ждать; онъ тотчасъ же написалъ С. краткое письмо относительно погашенія векселей, если же это окажется почему либо невозможнымъ,—говорилось въ заключеніе письма,—то хитрый еврей уже требовалъ вторичной отдачи ему имѣнія въ аренду на тотъ же срокъ и на тѣхъ же условіяхъ. Извѣстіе объ этомъ сильно озадачило генерала; однако, дѣлать было нечего: приходилось по неволѣ покориться обстоятельствамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ Менделевичъ могъ предъявить ко взысканію векселя и приступить къ продажѣ имѣнія. Такимъ образомъ, земля С. снова была взята Нухимомъ въ аренду на десятилѣтній срокъ по прежней цѣнѣ, хотя къ этому времени арендная плата въ той мѣстности поднялась уже до трехъ рублей за десятину. Заключивъ новый контрактъ, Менделевичъ сталъ уже съ меньшей хищностью эксплуатировать арендуемую землю; напротивъ, онъ даже принялся заводить въ ней нѣкоторыя улучшенія: воздвигалъ на свой счетъ прочныя сельско-хозяйственныя зданія, соорудилъ новую громадную винокурню и свеклосахарный заводъ, сталъ меньше распахивать поля и больше пускалъ ихъ подъ выпасы овецъ и рогатаго скота; кромѣ того, устроилъ нѣсколько прекрасныхъ прудовъ и колодцевъ; однимъ словомъ, Нухимъ заботился о землѣ генерала, какъ о своей собственности. Сосѣди положительно диву давались — «Что, молъ, за оказія,—говорили нѣкоторые изъ нихъ,—отродясь еще не приходилось намъ видѣть, чтобы арендаторъ, да еще еврей, такъ пекся о чужомъ имѣніи»!.. Никому и въ голову,

Digitized by Google

разумѣется, не приходило, что Менделевичъ успѣлъ уже такъ опутать нашего генерала, что тотъ не сегодня - завтра долженъ будетъ по неволѣ уступить свое имѣніе предусмотрительному арендатору. Не прошло и половины новаго арендnаго срока, какъ Менделевичъ рѣшился дѣйствовать въ открытую. Съ этою цѣлью онъ немедленно отправился во Флоренцію, гдѣ въ то время проживалъ С., и предложилъ ему продать имѣніе. Сначала генералъ, выслушавъ еврея, положительно остолбенѣлъ отъ изумленія и, лишь спустя нѣсколько минутъ, гнѣвно воскликнулъ: «Ты, Нухимъ, кажется, съ ума спятилъ»? «Ничуть не бывало, ваше превосходительство», — отвѣтилъ спокойно Менделевичъ. «Тогда скажи на милость, какъ ты осмѣлился сдѣлать мнѣ подобнаго рода предложеніе»? «Да по очень простымъ причинамъ»... «А ну-ка, ну, сообщи мнѣ ихъ»! — прервалъ С. Нухима. «Во-первыхъ, ваше превосходительство, я уже выслалъ вамъ бо́льшую часть арендной платы за новое десятилѣтіе». «Совершенно вѣрно, но что же изъ этого слѣдуетъ»? «Во-вторыхъ, въ моихъ рукахъ есть еще вашихъ векселей болѣе, чѣмъ на пятьдесятъ тысячъ»,—продолжалъ, не отвѣчая на вопросы генерала, Менделевичъ. «Что же изъ этого слѣдуетъ»?—снова спросилъ С. дрогнувшимъ голосомъ. «А то, ваше превосходительство, что я могу не уплачивать вамъ остальной арендной платы за землю; но самое главное заключается въ томъ, что я могу предложить вамъ теперь за ваше имѣніе такую цѣну, какой рѣшительно никто не дастъ»... «Довольно, довольно»! — закричалъ неистовымъ голосомъ, окончательно сбитый съ толку, генералъ.—«Довольно, Нухимъ; дай мнѣ хоть немного сообразить кое-какія обстоятельства и подумать серьезно о своемъ положеніи... Заходи ко мнѣ черезъ часъ». — Съ этими словами С. ушелъ въ кабинетъ, а Менделевичъ отправился въ гостинницу обѣдать, будучи твердо убѣжденъ, что дѣло его идетъ отлично. Ровно черезъ часъ онъ былъ уже у генерала, который находился теперь въ совершенно иномъ настроеніи духа, благодаря чему судьба «Васильевки» (такъ называлось имѣніе) была рѣшена окончательно, Менделевичъ купилъ помѣстье по 36 руб. за десятину, что́ въ то время дѣйствительно считалось довольно выгодной платой въ п—ской губерніи. Такимъ образомъ, нашъ Нухимъ сталъ крупнымъ землевладѣльцемъ. Недолго, однако, пришлось ему послѣ этого наслаждаться плодами трудовъ своихъ: посѣтившая въ томъ году нашъ уѣздъ холера отправила и Менделевича на лоно авраамово; все же его богатство досталось по наслѣдству сыну Іосифу. Правда, Нухимъ, отличаясь крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, могъ бы прожить на бѣломъ свѣтѣ еще не одинъ десятокъ лѣтъ, еслибы наравнѣ съ увеличеніемъ своихъ богатствъ онъ отрѣшался и отъ пра-

Digitized by Google

дѣдовскихъ обычаевъ въ отношеніи образа жизни; къ сожалѣнію, старикъ по-прежнему не соблюдалъ должной осторожности ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ трудѣ...

Молодой Менделевичъ, хотя и получилъ «высшее образованіе» и былъ даже кандидатомъ сельскаго хозяйства, однако отличался тою же страстью къ наживѣ, какая составляла существенную черту въ характерѣ его отца; поэтому Іосифъ Наумовичъ, опираясь съ одной стороны на данныя науки, а съ другой — на унаслѣдованныя отъ стараго Нухима комерческія способности, повелъ свои дѣла блестящимъ образомъ, богатѣя, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Благодаря такому способу дѣйствій, въ рукахъ Іосифа Наумовича скоро были сосредоточены помѣстья чуть ли не всѣхъ сосѣднихъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Но этого ему было еще мало: Менделевичъ хотѣлъ во что бы то ни стало пріобрѣсти въ собственность еще и усадьбу Бузиновича со всѣми принадлежащими ей угодьями; владѣлецъ ея, двадцативосьмилѣтній корнетъ въ отставкѣ, находился уже по уши въ долгахъ и, благодаря своей наслѣдственной страсти къ дорогимъ рысакамъ, псовой охотѣ и хорошенькимъ актрисамъ, долженъ былъ въ самомъ недалекомъ будущемъ навѣки распроститься съ роднымъ пепелищемъ. Прочитавъ какъ-то въ одной изъ мѣстныхъ газетъ объявленіе о томъ, что имѣніе молодаго Бузиновича назначено къ продажѣ за невзносъ банковскихъ платежей, Іосифъ Наумовичъ поспѣшилъ явиться въ назначенный срокъ къ торгамъ—и Шилохвостовка осталась за нимъ.

IX.

Прошло еще десять лѣтъ. Менделевичъ жилъ уже въ богатомъ городѣ Приморскѣ, пользуясь популярностью не только какъ крупный, образованный землевладѣлецъ цѣлаго края, но и какъ одинъ изъ выдающихся «финансистовъ» торгово-промышленнаго міра во всей Россіи. Состоя во главѣ находящагося въ Приморскѣ солиднѣйшаго торговаго дома, извѣстнаго подъ фирмою «Менделевичъ-сынъ и Ко.», Іосифъ Наумовичъ владѣлъ шестью огромными пароходами, которые совершали рейсы въ лучшіе порты Европы, доставляя туда хлѣбъ, шерсть, сало, спиртъ и другіе продукты южной Россіи, по преимуществу изъ собственныхъ имѣній Менделевича. Всѣ эти торговыя дѣла Іосифъ Наумовичъ совершалъ, разумѣется, помимо участія въ нихъ какихъ-бы то ни было комисіонеровъ, безъ чего, какъ извѣстно, шагу не можетъ ступить русскій помѣщикъ-производитель. Въ послѣднее время, дѣти Іосифа Наумовича при-

Digitized by Google

няли протестантство, что и дало возможность одному изъ его сыновей занять довольно видный служебный постъ.

Пока Менделевичъ подымался такимъ образомъ въ матеріальномъ и соціальномъ отношеніяхъ, захудалый потомокъ Бузиновича, Сергѣй Виталіевичъ, сначала года два жировалъ гдѣ-то въ Москвѣ или Петербургѣ на деньги, оставшіяся послѣ уплаты банковскаго долга, а когда въ его кошелькѣ оказался нуль, то истрепавшійся физически и нравственно молодой человѣкъ рѣшилъ жениться. На бѣду выборъ его палъ на какую-то хорошенькую гризеточку, что окончательно погубило Бузиновича. Безъисходная нужда и неспособность Сергѣя Виталіевича къ какому бы то ни было серьезному и систематическому труду вскорѣ принудили его молоденькую жену разойтись со своимъ мужемъ и, взявъ съ собою двухъ маленькихъ дѣтей, переселиться на житье въ О... къ какимъ-то дальнимъ родственникамъ. Чѣмъ, гдѣ и какъ жилъ послѣ этого осиротѣвшій супругъ въ теченіе трехъ лѣтъ?—трудно сказать. Достовѣрно лишь то, что одно время Сергѣй Виталіевичъ, по протекціи кого-то изъ своихъ вліятельныхъ знакомыхъ, получилъ мѣсто секретаря въ д—скомъ по воинской повинности присутствіи; но прослужилъ онъ на этой должности не долѣе полугода, такъ какъ, помимо своей непригодности къ усидчивой канцелярской работѣ, Бузиновичъ скоро завелъ какія-то шашни съ мѣстными евреями, и, благодаря этому обстоятельству, неблагонадежному секретарю «предложили», чтобы онъ, во избѣжаніе бо́льшаго скандала, подалъ въ отставку. Тутъ ужь Сергѣю Виталіевичу приходилось, какъ говорится, хоть съ моста да въ воду. Однако, жажда жизни и недостатокъ характера заставили Бузиновича отложить на нѣкоторое время переселеніе къ праотцамъ и обратиться за помощью къ случившемуся на ту пору въ Д. Менделевичу. Явившись къ нему, нашъ авантюристъ откровенно описалъ Іосифу Наумовичу свое плачевное положеніе, напомнилъ, кстати, *о дружбѣ*, существовавшей нѣкогда между ихъ отцами, и въ заключеніе просилъ себѣ у Менделевича хоть какого нибудь мѣстечка въ одной изъ принадлежавшихъ ему обширныхъ экономій.—Какого же вы хотите себѣ мѣста?—спросилъ, пронизывая Сергѣя Виталіевича своимъ пытливымъ взглядомъ, хитрый жидъ.—Да какого нибудь, лишь бы не умереть съ голоду,—отвѣчалъ Бузиновичъ, потупивъ скромно голову.—Гмъ,—пробормоталъ тихо Менделевичъ, продолжая все таки какъ-то странно поглядывать на стоявшаго предъ нимъ нѣкогда гордаго, а теперь приниженнаго барича...—Знаете, что?—произнесъ послѣ нѣкотораго молчанія Іосифъ Наумовичъ:—если хотите, то я могу предложить вамъ мѣсто помощника управляющаго въ *моемъ*

Digitized by Google

имѣніи Шилохвостовкѣ. Согласны?—Это въ нашемъ бывшемъ мѣстечкѣ? — спросилъ Бузиновичъ. — Совершенно вѣрно.—Нѣсколько мгновеній Сергѣй Виталіевичъ молчалъ, опустивъ еще ниже голову; очевидно въ его душѣ происходила какая-то борьба, вызванная послѣдней, но безсильной вспышкой дворянской гордости...—Ну, такъ какъ же?—обратился къ нему снова Менделевичъ:—согласны вы получить эту должность или нѣтъ?—Согласенъ,—отвѣчалъ дрогнувшимъ голосомъ Бузиновичъ.—Вотъ и ладно; я бы, конечно, съ удовольствіемъ могъ предложить вамъ что нибудь въ этомъ же родѣ и въ другой экономіи, но, право, нѣтъ нигдѣ ни одного мѣста свободнаго... Когда же вы намѣрены отправиться въ Шилохвостовку?—Да хоть завтра.—Въ такомъ случаѣ зайдите ко мнѣ часа черезъ два, и я дамъ вамъ письмо къ моему тамошнему управляющему Рабиновичу, который устроитъ васъ на новомъ мѣстѣ и сообщитъ сущность вашей обязанности.—Съ этими словами Менделевичъ величественно поднялся съ мѣста, поклонился Бузиновичу, не подавая ему руки, и удалился въ свои апартаменты. Чрезъ нѣсколько дней, Сергѣй Виталіевичъ водворился уже въ родной Шилохвостовкѣ, гдѣ для его жительства былъ отведенъ одинъ изъ барскихъ флигелей, служившихъ во время оно для помѣщенія въ нихъ лакеевъ и горничныхъ стараго Бузиновича.

X.

Трудно сказать, чтобы Менделевичъ, принимая участіе въ дальнѣйшей судьбѣ Сергѣя Виталіевича, руководился въ данномъ случаѣ исключительно какими нибудь гуманными цѣлями; напротивъ, мы крѣпко убѣждены въ томъ, что Іосифъ Наумовичъ дѣйствовалъ здѣсь съ предвзятымъ намѣреніемъ, сущность котораго заключалась въ желаніи отмстить потомку самодура-Бузиновича: Менделевичъ хорошо, конечно, помнилъ тѣ униженія и оскорбленія, которымъ подвергался въ прежнее время его отецъ, живя въ той же Шилохвостовкѣ, а потому и онъ въ свою очередь захотѣлъ унизить теперь, предъ лицомъ всѣхъ шилохвостовцевъ, сына нѣкогда грознаго и своевольнаго помѣщика. Лучшимъ же способомъ для выраженія подобнаго рода мести только и могло быть назначеніе Сергѣя Виталіевича прикащикомъ къ управителю-еврею. Странное, однако, вышло дѣло: молодой Бузиновичъ до того измѣнился подъ давленіемъ суровой дѣйствительности, что, казалось, положительно не чувствовалъ ни малѣйшихъ уколовъ своему самолюбію, являясь по вечерамъ съ докладами къ Рабиновичу, который также принадлежалъ къ числу живыхъ свидѣтелей заключенія стараго Нухима

Digitized by Google

въ шилохвостовскомъ «острогѣ». Помимо того, Сергѣй Виталіевичъ, сверхъ всякаго ожиданія, оказался довольно таки сноснымъ приказчикомъ, исполняя добросовѣстно и акуратно возлагаемыя на него обязанности; въ то же время онъ держалъ себя особнякомъ, совершенно чуждаясь прочихъ лицъ, служащихъ въ экономіи, которые, кстати замѣчу, почти всѣ принадлежали къ числу евреевъ; единственное исключеніе представлялъ механикъ, завѣдывавшій сельско-хозяйственными машинами. Какъ бы ни было, но, откровенно говоря, Бузиновичъ казался спокойнымъ только по наружности, на самомъ же дѣлѣ печать глубокой меланхоліи, не сходившая съ его лица, краснорѣчивѣе всякихъ словъ доказывала, что въ душѣ этого обездоленнаго человѣка разыгрывается страшная драма. Только недостатокъ воли и растущее не по днямъ, а по часамъ отвращеніе къ жизни заставляли, очевидно, Бузиновича мириться со своимъ положеніемъ, вмѣсто того чтобы собраться съ духомъ и, сбросивъ съ себя жидовское иго, поступить куда нибудь на земскую или государственную службу. Сергѣй Виталіевичъ до того безучастно относился къ своему настоящему и будущему положенію, что не интересовался даже собственнымъ сыномъ и женой, которые по прежнему жили вдали отъ него. Такое душевное состояніе должно было рано или поздно дурно окончиться для Бузиновича. И, дѣйствительно, въ одно прекрасное утро Рабиновичу доложили, что его помощникъ сошелъ съ ума...

Если вамъ случится когда нибудь побывать въ о—скомъ психическомъ отдѣленіи, то въ числѣ прочихъ душевно-больныхъ вы, по всей вѣроятности, долго остановите ваше вниманіе на одномъ субъектѣ средняго возраста, довольно интеллигентной наружности, который непремѣнно обратится къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой принять на себя ходатайство въ окружномъ судѣ по дѣлу относительно незаконной продажи принадлежавшаго ему нѣкогда большаго имѣнія еврею Менделевичу; въ доказательство правильности и основательности своего иска, этотъ человѣкъ будетъ совать вамъ въ руки пачки какихъ-то старыхъ газетъ и журналовъ,—якобы самыхъ важныхъ и неопровержимыхъ документовъ. Паціентъ этотъ и есть— Сергѣй Виталіевичъ Бузиновичъ.

Д. Ѳедоровъ.

Digitized by Google

ГОДЪ ВЪ ФИНЛЯНДІИ.

I.

Въ 3 часа 189. отходилъ отъ пристани пароходъ «Adlercreuz», долженствовавшій отвезти меня изъ Гельсингфорса въ мѣстечко Бубекъ. Я спѣшилъ на пароходъ.

Вотъ уже показалась пристань, живая, шумная, испещренная густою толпою молчаливыхъ и однообразныхъ шведовъ и финновъ. Среди лѣса мачтъ я различалъ ясно переднюю мачту винтоваго парохода, на которомъ развивалась заостренная трехъугольная красная лента, съ надписью на шведскомъ языкѣ «Adlercreuz». Небольшой пароходъ дымился; изъ-подъ кормы его раздавалось шипѣнье и временами взбалтывалась морская вода — винтъ приводился въ пробное движеніе. Я уже расхаживалъ по палубѣ, съ нетерпѣніемъ поглядывая на подъѣзжавшихъ извощиковъ: я ждалъ товарища моего Л., который отданъ былъ въ мое распоряженіе на предстоящую командировку.

Познакомившись съ нимъ лишь за часъ передъ отъѣздомъ, я не зналъ, точно ли онъ меня понялъ, что намъ предстоитъ отправляться сегодня, и не зналъ, найдетъ ли онъ пароходъ, на которомъ намъ надлежитъ ѣхать, въ виду того, что гельсингфорскій рейдъ испещренъ пароходами, начиная съ самыхъ малыхъ и кончая океанскими. Оставалось еще нѣсколько минутъ; наконецъ, показался извощикъ съ моимъ будущимъ спутникомъ.

Раздался послѣдній свистокъ, а за нимъ подняли трапъ; пароходъ сталъ отчаливать и двинулся полнымъ ходомъ между Брунспаркомъ и островомъ Блекхольменомъ,—мѣстомъ стоянки здѣшняго яхтъ-клуба. Островъ этотъ представляетъ одну сплошную скалу, рядомъ съ которой выглядываютъ нѣсколько другихъ подводныхъ скалъ, съ которыми Блекхольменъ соединенъ мостами.

Вотъ все ближе и ближе крѣпость Свеаборгъ, тоже построенная на однѣхъ гранитныхъ скалахъ. Эта крѣпость состоитъ исключительно изъ верковъ и посреди нихъ кое-гдѣ казармы; а въ центрѣ возвышается православная церковь, въ которой остались незамурованными и понынѣ пробоины отъ англійскихъ бомбъ 1854—56 годовъ. Англичане, какъ извѣстно, въ эту войну ограничивались однѣми лишь карикатурными военными операціями въ Балтійскомъ морѣ, а дѣйствія противъ Свеаборга имѣли характеръ одного бомбардированія, слѣды котораго и остались въ видѣ дыръ. Нѣтъ города хуже

Digitized by Google

этого Свеаборга во всѣхъ отношеніяхъ! Увѣнчанные крѣпостными верками, голыя скалы торчатъ изъ безцвѣтнаго, вѣчно бурнаго моря. На этомъ ограниченномъ пространствѣ нѣтъ ничего, кромѣ казармъ и обтянутыхъ въ мундиръ субъектовъ. Развѣ попадется жена какого нибудь крѣпостнаго офицера. Правда, здѣсь есть лавка какого-то частнаго лица, но, чтобы заманить охотника, пришлось отступить отъ прекраснаго финляндскаго закона, въ силу котораго въ Финляндіи ни одному нижнему чину ни одинъ торговецъ спиртными напитками не имѣетъ права продать и рюмки водки; если же, по приказанію офицера, нижній чинъ и идетъ покупать ее, то солдата надо снабдить удостовѣреніемъ, на которомъ точно значится, для кого предназначается водка. Къ тому же водка не продается въ розницу. Торговцы не имѣютъ права продавать ее менѣе, чѣмъ одну канну (мѣра равная, приблизительно, двумъ съ половиною бутылкамъ). Эти ограниченія значительно сокращаютъ потребленіе алкоголя, тѣмъ болѣе, что простая водка обходится: одна канна около 2 руб. кредитными (5 финскихъ марокъ по курсу). Такъ вотъ отъ этого-то основательнаго закона пришлось въ Свеаборгѣ отступить, чтобы заманить хоть какого нибудь торговца. Послѣдній дѣлаетъ хорошіе обороты. Изъ Гельсингфорса ѣдутъ въ Свеаборгъ, чтобы купить этотъ напитокъ въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ то допускается финскимъ закономъ. Трудно рѣшить, что болѣе побуждаетъ ѣхать за водкою въ Свеаборгъ:—свойственное ли человѣку стремленіе сдѣлать поступокъ противозаконный, или же сама водка имѣетъ такую притягательную силу, что вынуждаетъ совершить противозаконный поступокъ? На нижнихъ чинахъ, во всякомъ случаѣ, это отражается особенно вредно: они являются одними изъ главныхъ отступниковъ отъ закона.

Свеаборгъ съ открытаго моря имѣетъ видъ совсѣмъ недоступной крѣпости, мрачность которой поражаетъ зрителя. Я неоднократно думалъ, что сдѣлался бы самымъ несчастнымъ человѣкомъ, еслибы меня судьба закинула туда. Единственнымъ мѣстомъ гулянья служитъ небольшой садикъ, въ которомъ поставленъ памятникъ основателю его (не помню фамиліи). Православная церковь византійскаго стиля представляетъ единственное отрадное для глаза зданіе. Просторная внутри, она довольно проста своимъ иконостасомъ. Даже домъ, гдѣ живетъ комендантъ крѣпости, передѣланъ изъ каземата, потолки котораго настолько низки, что производятъ тяжелое впечатлѣніе; стѣны несоразмѣрно толсты, а окна—бывшія пушечныя амбразуры—давятъ и щемятъ сердце. Можно себѣ представить, какъ сплетня — этотъ рычагъ провинціальной жизни вообще—можетъ развиваться на такой плодотворной почвѣ. У моихъ товарищей, которые жили въ Свеаборгѣ, я никогда не видалъ отраднаго, живаго выраженія лица; недаромъ окружающая среда такъ сильно дѣйствуетъ на людей. Правда, среди офицеровъ были и такіе, которые свыкались съ этою гарнизонною жизнью, но причина кроется не въ этой жизни, а совсѣмъ въ другомъ. Прелесть получаемаго содержанія золотомъ въ особенности ощутительна въ Свеаборгѣ, такъ какъ его некуда тратить; имѣть казенную квартиру при большой семьѣ также немаловажно, да, наконецъ, житье въ такой крѣпости, въ періодъ

Digitized by Google

7—10 лѣтъ, можетъ въ концѣ концовъ и заставить свыкнуться съ своимъ положеніемъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, два раза въ годъ, Свеаборгъ бываетъ отрѣзанъ отъ Гельсингфорса, а съ тѣмъ вмѣстѣ и отъ всякаго живаго центра; иначе говоря, это—временное заточеніе. Не могу упустить, чтобы не разсказать слѣдующаго курьезнаго явленія, происходящаго здѣсь вслѣдствіе своеобразной замкнутой жизни. На ближайшихъ къ Свеаборгу островахъ содержатся пѣхотные караулы, и офицеръ, отправляясь съ командою, попадаетъ на такой островъ. Весною иля осенью вдругъ открывается ледоходъ и бѣдный офицеръ съ командою прозябаетъ въ одиночествѣ на пустынномъ островѣ, въ виду столицы Финляндіи—Гельсингфорса. Конечно, команда эта снабжается въ достаточномъ количествѣ провіантомъ и прѣсною водою; кромѣ этого, офицеру разрѣшается, въ особо экстренныхъ случаяхъ, выкидывать красный флагъ—символъ опасности. Но это бываетъ лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ обстоятельствахъ, — въ родѣ болѣзни, внезапной смерти, пожара и т. п.,—и тогда высылается спасательная лодка, съ большимъ, однако, рискомъ для находящихся въ ней.

Однажды, въ серединѣ страстной недѣли, попалъ туда офицеръ. Ледъ еще былъ совершенно твердъ и команда съ офицеромъ добралась до одного изъ острововъ пѣшкомъ. Ночью поднялась буря. Вдругъ въ комнату офицера вбѣжалъ блѣдный унтеръ-офицеръ съ возгласіемъ: «ваше благородіе, ледъ обломало, мы отрѣзаны». Дѣйствительно, ночью съ открытаго моря вѣтромъ нагнало воду, которая, поднявъ ледъ, взломала его и унесла частью въ море, а оставшійся ледъ, вслѣдствіе внезапно наступившаго штиля, нагромоздясь другъ на друга, кольцомъ окружилъ островъ. Офицеръ былъ въ отчаяніи; да и было отчего. Днемъ вдругъ стало морозить и все море покрылось опять льдомъ; тонкая пленка соединяла большія глыбы и всякое сообщеніе было порвано. Приходилось ждать. Ждали день, другой, третій—все то же безвыходное положеніе. Днемъ все подтаивало, ночью подмораживало. Наконецъ, уже наступило и свѣтлое воскресеніе. У офицера въ Свеаборгѣ была молодая хорошенькая жена; тосковалъ онъ, бѣдняга, что проведетъ этотъ праздникъ безъ нея. Ночью колокольный звонъ возвѣстилъ о воскресеніи Христовомъ.

Офицеру, вѣроятно, были свойственны нѣкоторыя черты Отелло, и мысль, что жена его оставалась одна въ Свеаборгѣ, не давала ему покоя. Проведя безсонную ночь, онъ на разсвѣтѣ не выдержалъ и, долго борясь съ собою, наконецъ, въ 8 часовъ утра, выкинулъ красный флагъ. Въ Свеаборгѣ суматоха, — спустили спасательную лодку, и съ опасностью жизни для гребцовъ ботъ добрался до острова. Офицера спросили о причинахъ поднятой тревоги. Пойманный офицеръ растерялся, какъ школьникъ, заявивъ, что у него холерическіе припадки и что онъ не можетъ оставаться на островѣ. Его смѣнили; но за подобную тревогу, которая могла бы стоить нѣсколькихъ человѣческихъ жизней, офицеръ былъ посаженъ на гауптвахту на двѣ недѣли. Словомъ, для молодаго ревнивца получились результаты, діаметрально противоположные ожидаемымъ.

Вблизи Свеаборга, отдѣленный широкимъ проливомъ, стоитъ ма-

Digitized by Google

ленькій островокъ Лонгернъ, покрытый казематированной постройкой. Утверждаютъ, что на этомъ островѣ были заключены декабристы, среди которыхъ находился какой-то князь Долгорукій. Жена его,— гласитъ легенда,—купила кусокъ земли на материкѣ, находящійся противъ этого острова, и, построивъ домикъ, жила въ немъ, чтобы имѣть возможность, при помощи условныхъ знаковъ, переговариваться съ мужемъ, находившимся за желѣзными рѣшетками каземата.

Наконецъ, пароходъ поровнялся съ островомъ Рентаномъ, составляющимъ послѣднее звено въ ряду свеаборгскихъ фортовъ; пароходъ завернулъ налѣво и прошелъ такъ близко отъ отвѣсной скалы, что, казалось, можно было бы коснуться до нея рукою. Далѣе мы двигались то открытымъ моремъ, то шхерами. Промелькнули острова: Мёлькё, Друмсё, Карлё и многіе другіе, но все это представляетъ довольно однообразную картину: покрытыя хвоями скалы и, мѣстами, широкія отмели.

II.

На пароходѣ было довольно много народу; бо́льшую часть пассажировъ составляли дачники, живущіе на островахъ и по служебнымъ надобностямъ проводившіе день въ Гельсингфорсѣ. На пароходѣ отсутствовало оживленіе; не было обычнаго въ такихъ случаяхъ говора. Причина крылась въ томъ, что пароходъ переполненъ былъ молчаливыми шведами и финнами, и хотя они отличаются другъ отъ друга, но тѣмъ не менѣе, въ силу совмѣстной жизни и массы солидарныхъ интересовъ, переняли много общаго. Шведъ, по своему характеру, напоминаетъ нѣсколько англичанина. Спокойный, сдержанный, несловоохотливый, онъ больше способенъ слушать, чѣмъ говорить и задавать вопросы. Тщеславный до послѣдней степени, шведъ ради своего призрачнаго величія поставитъ послѣднюю копѣйку ребромъ. Себялюбивый, онъ все сдѣлаетъ для себя и ничего для другихъ. Не признавая никакой другой страны, кромѣ своей, онъ ею гордится и считаетъ, что весь міръ долженъ былъ бы распинаться для благополучнаго существованія одной его маленькой родины. Весьма акуратный въ отношеніи образа жизни, законности, порядка, онъ тѣмъ не менѣе любитъ тратить деньги и далеко не скупъ. Живя съ большимъ комфортомъ, онъ, однако, не похожъ на англичанина по части ѣды: питаться дома хуже, чѣмъ шведы, очень трудно. Зато внѣ дома шведъ ѣстъ обильно и хорошо, вынуждая семью кормиться, тѣмъ временемъ, салакою съ картофелемъ. И семья готова терпѣть, потому что глава семейства играетъ здѣсь большую роль. Насыщаясь сама салакою, семья смотритъ на своего главу, какъ на единственнаго работника, несущаго на своихъ плечахъ всю тяжесть трудовой жизни; вотъ почему она все дѣлаетъ, чтобы дать возможность этому труженику хорошо прокормиться.

И, дѣйствительно, въ Финляндіи масса кофеенъ, ресторановъ, гостинницъ, преимущественно наполненныхъ мужчинами. Тутъ за ѣдой и стаканомъ вина, шведы рѣшаютъ свои дѣла; пьютъ они много, рѣдко напиваясь до́ пьяна. Врядъ ли какая страна можетъ похвастать подобными представителями, которые могутъ уничтожить

Digitized by Google

заразъ такое количество спиртныхъ напитковъ. Поглощая свой традиціонный пуншъ, шведъ, хмѣлѣя, чувствуетъ, что живетъ. Но хмѣль не веселитъ этихъ мрачныхъ уроженцевъ сѣвера; подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, шведъ становится сумрачнѣе и угрюмѣе; и безъ того не разговорчивый, онъ замолкаетъ совсѣмъ. Бѣда въ эту минуту поспорить съ нимъ—сейчасъ же разгорячится и безъ дальнихъ разговоровъ способенъ взять въ руки, что попало, и не остановится передъ тѣмъ, чтобы пырнуть ножемъ своего противника.

Шведы въ большинствѣ очень красивы, стройны, высоки ростомъ. У мужчинъ всегда очень правильный профиль, но безжизненные глаза, подчасъ съ довольно безсмысленнымъ выраженіемъ. Всѣ движенія ихъ—спокойныя, сдержанныя и однообразныя. Женщины-шведки не отличаются красотою; напротивъ, легче найти красоту среди мужчинъ; зато женщины большею частью отлично сложены. Всѣ мужчины и женщины пышутъ здоровьемъ. Приходилось удивляться, что подъ такимъ сумрачнымъ небомъ, среди такой удручающей природы, скованной три четверти года ледянымъ покровомъ, на территоріи, гдѣ вѣчно дуютъ убійственные вѣтры, можетъ развиться такое сильное, рослое, здоровое тѣло.

Причину такого избытка здоровья надо искать въ воспитаніи дѣтей. Не всюду можно увидѣть такую раціональную педагогику, какъ въ Финляндіи. Пользуясь большою свободою, дѣти цѣлый день почти проводятъ на открытомъ воздухѣ. Физическимъ упражненіямъ отведено много мѣста. Съ изумленіемъ видишь, какъ мальчикъ или дѣвочка восьми лѣтъ отлично катаются на лыжахъ, на конькахъ, и это совершается въ большинствѣ безъ всякаго надзора со стороны старшихъ. Нерѣдко я замѣчалъ на морѣ лодку, переполненную дѣтьми (причемъ старшему изъ нихъ едва ли можно было бы дать девять лѣтъ) стремящимися водрузить парусъ въ маленькомъ ботѣ. Правда, ежегодно немалое количество ихъ поглощается морскою пучиною, но это тѣмъ болѣе развиваетъ въ нихъ отвагу и самостоятельность; со стороны же старшихъ они получаютъ одно только поощреніе. Зимою въ стужу всегда можно встрѣтить дѣтей на улицѣ, — это не уличныя дѣти, а изъ классовъ болѣе зажиточныхъ, всегда одѣтыхъ по спартански и выносящихъ любую погоду съ рѣдкою стойкостью.

Жалѣешь, что на лицахъ этого маленькаго народа никогда не видишь свойственнаго его возрасту оживленія. Они мрачны, угрюмы, какъ и родители, произведшіе ихъ на свѣтъ, какъ вся ихъ родина съ ея мрачнымъ и угрюмымъ колоритомъ. Не разъ въ вагонахъ конно-желѣзныхъ дорогъ Гельсингфорса мнѣ случалось видѣть дѣтей въ возрастѣ 5—6 лѣтъ, одиноко сидящихъ и расплачивающихся съ кондукторами, какъ взрослые люди. Такихъ не по лѣтамъ серьезныхъ дѣтей, самостоятельныхъ и независимыхъ, можно встрѣтить лишь въ англійскихъ семействахъ, но типъ маленькаго англичанина все же милѣе, симпатичнѣе маленькаго шведа.

Школьное воспитаніе дѣтей тоже ведется очень правильно. Обратилъ я на это вниманіе лишь впослѣдствіи. Характеръ учебныхъ заведеній болѣе профессіональный: шведы—практики и только въ практической жизни ихъ личность находитъ себѣ удовлетвореніе.

Digitized by Google

Ежедневно, около 10½ часовъ, я встрѣчалъ дѣтей, возвращавшихся изъ учебныхъ заведеній. Меня это крайне поразило. По наведеніи справокъ, оказалось, что уроки начинаются у нихъ въ 8 часовъ утра и продолжаются до 10 часовъ; затѣмъ имъ даютъ 2½ часа передышки, такъ что каждый ребенокъ можетъ спокойно зайти домой и поѣсть. Такимъ образомъ, выполняются разомъ слѣдующія основныя цѣли гигіены: ребенокъ пройдется до дому и обратно послѣ двухчасовой работы и потому произведетъ моціонъ; затѣмъ онъ можетъ дома поѣсть чего нибудь теплаго и вкуснаго, не питаясь ужасными бутербродами, не приносящими ничего, кромѣ вреда; за это время, въ теченіе 2½ часовъ, вентилируются всѣ классныя помѣщенія; наконецъ, вынужденный два раза въ день посѣщать учебное заведеніе, ребенокъ не обремененъ, какъ у насъ, носкою цѣлаго вороха книгъ въ своихъ маленькихъ ручкахъ или на едва начавшей развиваться спинѣ. Послѣ 2½ часоваго отдыха, возвратясь въ школу, дитя остается тамъ еще часа 2—3 въ зависимости отъ возраста и класса.

Неопытному глазу довольно трудно различить шведа Финляндіи отъ финна, но, побывъ въ ней нѣкоторое время, можно уже замѣтить большую разницу. По наружному виду, финнъ не красивъ, подчасъ безобразенъ, не такъ хорошо сложенъ, какъ шведъ, и часто сутуловатъ. Скулы на лицѣ выдаютъ его азіатское происхожденіе. Глаза у финна маленькіе и не составляютъ такого украшенія, какъ у шведовъ; женщины въ большинствѣ абсолютно некрасивы и нехорошо сложены.

Если лицо шведовъ мало отражаетъ явленія внѣшняго міра, то лицо финновъ производитъ впечатлѣніе полной тупости. Въ жизни тѣхъ и другихъ нѣтъ особой разницы. Болѣе культурные шведы наложили съ незапамятныхъ временъ свой отпечатокъ на финновъ, и послѣдніе, какъ менѣе культурное племя, переняли отъ шведовъ очень многое. Взаимная ненависть къ Россіи заставляетъ ихъ сплачиваться, но по образу мыслей они рѣзко отличаются другъ отъ друга. Шведы, благодаря своему происхожденію, всегда тяготѣютъ къ своимъ праотцамъ и ихъ наслѣдникамъ по ту сторону залива,—къ той странѣ, которая, по ихъ понятіямъ, должна стать освободительницею отъ «русскаго ига»; тогда какъ финны, помня историческіе уроки,—а именно не особенно привлекательное положеніе ихъ во время шведскаго владычества,—вовсе не думаютъ о соединеніи со страною, часть которой они такъ долго составляли. Ненавидя русскихъ, они въ то же время мечтаютъ о полномъ сепаратизмѣ и независимости отъ Швеціи и Россіи. Такимъ образомъ, въ силу разнохарактерности стремленій, въ самой Финляндіи создались двѣ партіи: одна—шведомановъ, другая—финномановъ. Обѣ эти партіи враждуютъ другъ съ другомъ и имѣютъ своихъ представителей, свои органы печати.

Шведы составляютъ дворянскій классъ населенія, но тѣмъ не менѣе не они исключительно образуютъ интеллигенцію, что принято почему-то за аксіому, такъ какъ и среди финновъ найдется немало образованныхъ людей. Шведы, при всемъ своемъ либерализмѣ, кичатся своимъ дворянствомъ, сіятельными и баронскими титулами и

Digitized by Google

гербами. Это чванство у нихъ принимаетъ даже комическій характеръ. При всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, они другъ друга величаютъ по титулу. Слѣдующій фактъ можетъ характеризовать ихъ взаимныя отношенія. Въ одномъ домѣ играли въ карты; сидѣли за столомъ какой-то полковникъ, жена капитана и коллежскій совѣтникъ. Разговоръ во время игры идетъ на шведскомъ языкѣ.

— Вы что назначили, госпожа капитанша, — обращается коллежскій совѣтникъ.

— Я назначила черви, господинъ коллежскій совѣтникъ; вашъ ходъ, господинъ статскій совѣтникъ,—говоритъ дама.

И это титулованіе не ограничивается одними мужчинами: титулуютъ другъ друга и дамы, въ родѣ вышеприведенной. Титулы выставляются на визитныхъ карточкахъ, произносятся прислугою при обращеніи ея къ своимъ господамъ, и чинопроизводство со всѣми его повышеніями видимо становится достояніемъ даже прекраснаго пола. Финны, наоборотъ, составляя не дворянскую часть населенія, имѣютъ мало представителей среди чиновничества, но зато составляютъ или интеллигентный классъ населенія, прошедшій университетскій курсъ; или классъ простыхъ тружениковъ, начиная отъ крестьянина до представителей крупныхъ фирмъ.

Финны всѣ почти говорятъ на шведскомъ языкѣ, который почти всюду господствуетъ, говорю: «почти всюду», потому что есть мѣстности, даже города, гдѣ шведскій языкъ мало употребителенъ среди простаго населенія. Но зато весьма немного можно найти шведовъ, говорящихъ по фински. Шведскій языкъ вообще легокъ; онъ представляетъ изъ себя смѣсь испорченнаго нѣмецкаго и англійскаго языковъ, съ нѣкоторою долею самостоятельныхъ словъ и звуковъ. По звуку и по произношенію, шведскій языкъ нѣсколько напоминаетъ англійскій, но, по словамъ, болѣе подходитъ къ нѣмецкому. Финскій же не поддается никакому описанію: изобиліе гласныхъ, безконечныя слова, трудно доступныя европейскому языку, и въ концѣ концовъ масса грамматическихъ формъ дѣлаютъ его съ трудомъ доступнымъ кому либо, кромѣ финновъ. Въ этомъ отчасти кроется причина, почему финноманы хлопочутъ, чтобы государственнымъ языкомъ былъ финскій; они разсчитываютъ, что, благодаря его малодоступности, русскимъ трудно будетъ выучиться ему, а потому съ большею вѣроятностью можно разсчитывать на усиленіе обособленности края. Впрочемъ, и тутъ не обходится безъ исключеній: такъ, мнѣ приходилось встрѣчать (въ особенности среди торговцевъ) русскихъ, отлично владѣющихъ финскимъ языкомъ.

Какъ шведы, такъ и финны вообще туго соображаютъ и, если имъ задать вопросъ, то не сразу можно получить отвѣтъ. Шведу или финну нужно много времени, чтобы полученное извнѣ переработать въ своей головѣ. Зато необдуманный, опрометчивый отвѣтъ они дадутъ рѣдко.

Финны всюду несловоохотливы, гдѣ бы они ни были. На пароходѣ ничто не возбуждало ихъ удивленія или удовольствія. Между тѣмъ, было чему удивляться, когда мы ѣхали этими узкими проливами среди скалъ и мелей. Шхеры представляютъ изъ себя рядъ скалистыхъ острововъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга узкими про-

Digitized by Google

ливами, и пароходъ нашъ, дѣлая постоянные повороты, еле пробирался между этими шхерами; проливчики до того узки, что поражаешься ловкостью шкипера (который, кстати сказать, былъ пьянъ) управляющаго съ такимъ спокойствіемъ пароходомъ въ самыхъ извилистыхъ проходахъ. Мы постоянно останавливались то у одного, то у другаго острова; иногда у одного и того же въ нѣсколькихъ пунктахъ. При этомъ, пароходъ ни разу не причаливалъ даромъ. У финляндцевъ это довольно правильно организовано: на каждой пристани есть флагштокъ, и пассажиръ, желающій взобраться на пароходъ, выкидываетъ на флагштокѣ указку, на основаніи которой пароходъ и останавливается; спускъ пассажировъ производится такимъ же порядкомъ:—по заявленію пассажира, его спускаютъ на любую пристань. Такимъ образомъ, соблюдается полная экономія въ ненужныхъ остановкахъ и въ количествѣ кассъ, такъ какъ расплата производится на самомъ пароходѣ. Любезность финляндцевъ, по отношенію къ пассажирамъ, всегда самая изысканная. Только что я задумался объ этомъ у борта парохода, какъ замѣтилъ, что онъ началъ сбавлять ходъ; осматриваясь кругомъ и ища причины такого замедленія, я наконецъ замѣтилъ вдали маленькую лодку, отдѣлившуюся отъ одного изъ островковъ. На этой лодкѣ кто-то усиленно махалъ платкомъ; пароходъ почти остановился, лодка подъѣхала и съ нея былъ принятъ пассажиръ. Оказалось, что на островѣ, съ котораго прибылъ пассажиръ, не было пристани; а въ подобныхъ случаяхъ пароходъ готовъ принять пассажира и съ лодки: пароходныя общества разъ навсегда обязали свои пароходы оказывать подобную любезность жителямъ. Подобная остановка къ тому же нисколько не вредитъ скорости передвиженія.

III.

Погода намъ благопріятствовала. Дулъ легкій юго-восточный вѣтеръ. Громадная рѣдкость въ Финляндіи, если погода обходится безъ сильнаго вѣтра; чаще же всего здѣсь дуютъ вѣтры, и настолько сильные, что въ подобную погоду,—напримѣръ, въ Гельсингфорсѣ,—съ трудомъ можно ходить по набережной. Очень часто у не живущихъ постоянно въ Финляндіи эти вѣтры развиваютъ воспаленіе глазъ и сильное обсыханіе губъ, а у многихъ производятъ глухоту. Вѣтры иногда переходятъ въ ураганы. Хотя въ шхерахъ, за скалистыми стѣнами, и не бываетъ такихъ урагановъ, но путешествіе въ бурю по шхерамъ является дѣломъ далеко не безопаснымъ, въ виду возможности наткнуться на подводныя скалы, такъ что большіе пароходы и суда избѣгаютъ движенія по этимъ узкимъ проливамъ, въ особенности при мало-мальски нетвердомъ знаніи фарватера. Самое ужасное и скверное—то, что въ Финляндіи эти вѣтры появляются невзначай, неожиданно, что̀ для моряковъ, конечно, весьма опасно. Нерѣдко случалось и со мною, что, выѣзжая при полномъ штилѣ изъ дому на гребной лодкѣ, черезъ полчаса, много часъ, я попадалъ подъ сильнѣйшій вѣтеръ. Изобиліе подводныхъ камней и отсутствіе хорошихъ морскихъ картъ настолько усугубляютъ опасность, что даже русскія морскія военныя суда,—по-

Digitized by Google

стоянно плавающія въ финскихъ водахъ, а потому и знакомыя съ фарватерами,—всегда, предосторожности ради, прибѣгаютъ къ помощи лоцмановъ. Изучивъ почти въ совершенствѣ заливъ передъ Гельсингфорсомъ, я тѣмъ не менѣе постоянно натыкался на подводные камни или мели.

Вотъ исчезли послѣдніе острова, и мы выѣзжаемъ въ бухту. Живя въ Финляндіи въ прибрежныхъ частяхъ, какъ-то отвыкаешь сознавать существованіе твердой земли не исключительно въ видѣ острововъ и полуострововъ.

Мелькнулъ послѣдній островокъ, еще нѣсколько поворотовъ винта, и пароходъ замедлилъ свой ходъ у конечной пристани рейса. Въ теченіе почти цѣлаго часа, мы видѣли два берега остроконечнаго залива «Esbovikеn», идущаго почти въ меридіональномъ направленіи. Финляндія изобилуетъ этими заливами (vikеn); это тѣ же скандинавскіе фіорды, такой же неправильной формы, весьма извилистые, съ массою мысковъ. Не всякимъ кораблямъ и судамъ доступны эти викены. По своему наружному виду, заливы эти весьма живописны; на окаймляющихъ ихъ берегахъ находятся рыбачьи деревушки, окруженныя сравнительно богатою растительностью.

Эсбовикенъ имѣетъ на своей вершинѣ незначительную деревушку Бубекъ, куда и присталъ пароходъ. Бубекъ отстоитъ,—если ѣхать моремъ,—всего въ $3^1/_2$ часахъ ѣзды отъ Гельсингфорса. Въ этотъ весьма живописный уголокъ нерѣдко пріѣзжаютъ жители финляндской столицы, устраивая «Lustreise», т. е. прогулки, имѣющія чисто заграничный характеръ. Дѣлается объявленіе, что въ такой-то день предполагается увеселительная прогулка; приблизительная цѣна съ одного лица возвѣщается заблаговременно. Если соберется достаточное количество туристовъ, то прогулка устраивается: нанимается пароходъ, музыка, и финляндцы ѣдутъ куда нибудь за городъ. Оживленія большею частью не бываетъ:—оно не свойственно этимъ сумрачнымъ обитателямъ скалъ, но, по своему, они тѣмъ не менѣе веселятся. Одно достоинство есть у этихъ прогулокъ—дешевизна и полное отсутствіе всякаго безобразія или безчинства. Финляндцы, правда, напиваются, но, какъ уже сказано, они становятся тогда мрачными и дебошъ отсутствуетъ при этомъ. Конечно, нельзя поручиться, чтобы русскій, попавшій въ эту компанію, не былъ оскорбленъ.

Удовольствія этой прогулки оплачиваются грошами въ полномъ смыслѣ слова; финляндцы ни за что не позволятъ себѣ веселья или развлеченія, которое обошлось бы имъ дорого. Это не было бы удовольствіемъ для нихъ, и всякій предприниматель увеселеній такого рода вылетѣлъ бы въ трубу, еслибы вздумалъ установить цѣны, въ родѣ практикуемыхъ у насъ. Проѣздъ до Бубека и обратно, съ ѣдою и музыкою, обходится во время этихъ увеселительныхъ прогулокъ до 8 марокъ, что составляетъ два рубля золотомъ, или около трехъ рублей двадцати копѣекъ кредитными съ одного лица. Не помню, что платятъ дѣти, но въ возрастѣ до 10 лѣтъ, въ большинствѣ случаевъ, они пользуются даровымъ проѣздомъ.

Сойдя съ парохода, мы направились на почтовую станцію, ко-

Digitized by Google

торая находилась здѣсь же. И тутъ-то со мной приключился курьезъ, о которомъ стоитъ разсказать, какъ о фактѣ, характеризующемъ финляндцевъ. Дѣло въ томъ, что мнѣ до вечера надо было добраться до одного мѣстечка; разсматривая карту еще на пароходѣ, я опредѣлилъ себѣ этотъ пунктъ. На шведской картѣ онъ былъ отмѣченъ подъ названіемъ: «Brōenda» и я, не показавъ карты, просилъ Л. нанять двѣ повозки въ «Брёнду»,—какъ я произносилъ названіе этого мѣстечка на русскомъ языкѣ, по общепринятому выговору иностранныхъ буквъ. Л., какъ шведъ, сталъ объясняться со старостою почтовой станціи. Присутствовало тутъ еще нѣсколько человѣкъ изъ мѣстныхъ жителей.—Брёнда, Брёнда—такого мѣстечка нѣтъ!—воскликнули они послѣ нѣкотораго раздумья. Л. перевелъ мнѣ это, хотя уже я достаточно понялъ ихъ отвѣтъ.—Какъ нѣтъ?—говорю я,—да вѣдь на картѣ значится это названіе.—Да далеко ли это?—спрашиваютъ у Л. финляндцы. Я сказалъ сколько, помня разстояніе въ миляхъ.—Нѣтъ!—категорически заявляютъ всѣ на почтовой станціи—такого мѣстечка нѣтъ.—Я въ отчаяніи. Всѣ мои планы рушились и приходилось бы ночевать въ Бубекѣ, а это повлекло бы за собою потерю времени. Я вытащилъ карту и показываю Л., который прочелъ вышеприведенное шведское названіе въ видѣ: «Броенда».—Броенда, Броенда! такая деревня есть,—воскликнули всѣ разомъ, какъ будто открыли нѣчто замѣчательное. Вотъ обращикъ того, насколько шведы и финны туги на пониманіе. Достаточно было измѣнить одну гласную въ названіи села, и, несмотря на точную долготу и широту, которую я опредѣлилъ, никто меня не понималъ; даже догадаться не могли, не смотря на присутствіе здѣсь многихъ, бывавшихъ въ этомъ сосѣднемъ мѣстечкѣ. Казалось бы, хоть одному изъ нихъ могло бы это прійти на умъ. Но нѣтъ, никто не догадался, если только не предположить, что не догадывались съ умысломъ.

Заказывая лошадей, мнѣ пришлось опять натолкнуться на медлительность финляндцевъ, которые стали призадумываться. Меня это страшно бѣсило, тѣмъ болѣе, что вопросъ казался мнѣ настолько простымъ, что и не могъ возбуждать сомнѣнія. Долго они раздумывали. Не вытерпѣвъ наконецъ, я показалъ указъ на шведскомъ языкѣ, данный мнѣ генералъ-губернаторомъ, разсчитывая этимъ,—какъ бывало на русскихъ почтовыхъ станціяхъ,—побудить ихъ къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ. Но этотъ указъ произвелъ мало впечатлѣнія, и они черезъ Л. отвѣчали, что если у нихъ найдутся лошади недалеко на полевыхъ работахъ, то они дадутъ и безъ этого указа; если же онѣ угнаны далеко, то пройдетъ часа три, пока ихъ разыщутъ.

Казалось непонятнымъ, какъ это почтовыя лошади могутъ быть угнаны на работы, да еще такъ далеко. А между тѣмъ въ Финляндіи это явленіе не рѣдкое и вотъ почему: почтовыя станціи отдаются на откупъ тому, кто желаетъ взять ихъ на извѣстный срокъ. Контрактъ заключается правительствомъ, и въ этомъ контрактѣ содержатель почтовой станціи выговариваетъ себѣ право, въ свободное время, употреблять лошадей куда и какъ угодно, что объяснилъ намъ хозяинъ станціи. Ежегодно, такимъ образомъ, поч-

Digitized by Google

товыя станціи мѣняютъ свое мѣсто расположенія вдоль тракта, что представляетъ немаловажныя неудобства для человѣка, нехорошо ориентировавшагося, такъ какъ прогонная плата измѣняется въ зависимости отъ того, ѣхать ли изъ города въ село, или изъ села въ городъ. Во второмъ случаѣ прогонная плата за одно и то же разстояніе меньше первой, потому что содержаніе лошадей въ городѣ стоитъ дороже, чѣмъ въ селѣ. Послѣ долгихъ ожиданій, намъ дали двѣ одноконныя двухколесныя таратайки. Мы размѣстились и выѣхали около 6½ часовъ. До Броенды было около 40 верстъ, и надо было проѣхать это разстояніе засвѣтло. Быстро покатили насъ по отличному шоссе. Въ Финляндіи всѣ дороги въ блестящемъ состояніи; правда, онѣ не поражаютъ своею шириною, но какой толкъ въ широкихъ дорогахъ, отвратительно содержимыхъ?

Не могу не разсказать объ одномъ фактѣ, о которомъ мнѣ не разъ доводилось слышать въ Финляндіи. Въ виду узкости дорогъ, въ Финляндіи запрещена ѣзда на тройкахъ по почтовымъ трактамъ и проселочнымъ дорогамъ. Но одинъ русскій, во имя прихоти, желая этимъ способомъ поднять въ Финляндіи русское знамя, рѣшился игнорировать финляндскій законъ и поѣхалъ на тройкѣ. По дорогѣ ему встрѣтилась баба, ѣхавшая въ городъ продавать молоко. Онъ нисколько не постѣснился задѣть ее своею тройкою, опрокинуть ея возокъ, а кучеръ счелъ за лучшее погнать лошадей и избавиться такимъ образомъ отъ погони. Въ Финляндіи, однако, не такъ легко отдѣлаться отъ законнаго преслѣдованія. Господина этого сыскали; принудили заплатить штрафъ за ѣзду на тройкѣ,—такъ какъ закономъ это воспрещается,—да, кромѣ того, возмѣстить бабѣ убытки за пролитое молоко и поломанную телѣжку, за судебныя издержки и за потерянное бабою время. И такъ какъ въ Финляндіи всякіе штрафы весьма велики, то,—какъ разсказываютъ,—этотъ русскій патріотъ особаго рода потерялъ всякую охоту кататься на тройкѣ.

Въ Финляндіи мнѣ ни разу не приходилось жаловаться на боль въ бокахъ и въ спинѣ во время ѣзды; можно смѣло ѣхать и спать, не смотря на сумашедшую ѣзду этихъ «шведокъ», происхожденіе которыхъ довольно интересно. Оказывается, что шведки эти представляютъ собой наслѣдіе текинской лошади, что теперь положительно доказано. Попавъ въ Финляндію, она акклиматизировалась и превратилась въ эту быструю, выносливую лошадку. Дѣйствительно, вглядываясь въ нее, можно найти нѣкоторое сходство съ текинскими лошадьми.

Быстро несясь по полотну шоссе, мы скоро потеряли изъ виду море и въѣхали въ лѣсъ, а затѣмъ выбрались на открытое мѣсто.

Въ Финляндіи открытое мѣсто—понятіе условное, потому что, благодаря массѣ скалъ и лѣса, открытыя пространства крайне ограниченны, и если только они хоть каплю поддаются культурѣ, то всегда великолѣпно воздѣланы: ни одной пяди земли не пропадаетъ даромъ. Направо и налѣво мелькали деревни, въ большинствѣ довольно зажиточныя. Надо сказать вообще, что эта прибрежная часть—одна изъ самыхъ богатѣйшихъ въ Финляндіи и самыхъ живописныхъ.

Почти всюду, по всему нашему пути, шоссе было огорожено.

Digitized by Google

Загородки вездѣ основательныя. Неоднократно намъ пересѣкали дорогу заборы и приходилось отворять ворота. Въ Финляндіи заборъ неприкосновенъ и охраняется закономъ, на что указываетъ столбъ съ надписью: «40 марокъ штрафа за переходъ»; рѣдко штрафъ бываетъ ниже 20 марокъ, а очень часто и свыше сорока. Всякій собственникъ въ Финляндіи имѣетъ право, въ предѣлахъ своей собственности, издавать какія ему угодно правила и на судѣ эти правила имѣютъ законную силу, если только они были вывѣшены. На этомъ основаніи, всюду на заборахъ пишется эта надпись о штрафѣ за нарушеніе правилъ. И это не пустой звукъ, не нѣмая буква: ни одинъ иностранецъ въ Финляндіи (среди этихъ «иностранцевъ» очутились и мы, русскіе) уже испыталъ всѣ невзгоды отъ несоблюденія подобныхъ правилъ. Одинъ знакомый мнѣ русскій профессоръ, пріѣхавъ на пароходѣ въ Гельсингфорсъ, добрался до полотна желѣзной дороги и шелъ по нему, разсчитывая этимъ путемъ дойти до станціи, гдѣ намѣревался купить русскую газету. При этомъ ему пришлось перешагнуть заборъ. Немедленно же его притянули къ отвѣту; онъ былъ вынужденъ заплатить 40 марокъ, а на станціи не нашелъ русской газеты. И, конечно, только тотъ, кому выпадетъ охота платить штрафъ, предпріметъ экскурсіи черезъ эти заборы.

По пріѣздѣ въ Гельсингфорсъ, нанимая квартиру, я замѣтилъ хозяину дома, что одно изъ неудобствъ ея заключается въ проходномъ садѣ; проходъ при этомъ былъ настолько соблазнителенъ, что всякій будетъ имъ пользоваться. Но хозяинъ заявилъ мнѣ, что объ этомъ нечего безпокоиться; и немедленно, къ неудовольствію многихъ, былъ водруженъ шестъ съ дощечкою, на которой были написаны традиціонныя 40 марокъ штрафа за проходъ. Дѣйствительно, садъ сталъ недоступенъ ни для кого, и никто не показывался въ немъ. И это было достигнуто безъ всякихъ замковъ, засововъ и желѣзныхъ цѣпей. Такъ это все просто.

Дорогою стало темнѣть, и возница заявилъ, что къ самой Броёндѣ онъ насъ не подвезетъ, такъ какъ почтовая станція переведена на нѣсколько миль ближе, въ деревню Овербю. Мнѣ это было все равно, и часовъ около $9^1/_2$ вечера мы подкатили къ почтовой станціи, гдѣ и предполагали переночевать. Л. захлопоталъ насчетъ помѣщенія. Но оказалось, что хлопоты были излишни. Прекрасное помѣщеніе, изъ двухъ комнатъ съ постелями и со всѣми принадлежностями,—словомъ комнатъ, по своей чистотѣ, опрятности и акуратности могущихъ составить украшеніе любой гостинницы,—были въ нашемъ распоряженіи. Вспомнились мнѣ при этомъ наши россійскія почтовыя станціи. Какая огромная разница! У насъ остерегаешься и войти въ комнату, изъ боязни быть съѣденнымъ заживо ползающими и скачущими животными.

Мы взяли съ собою провизію, а потому, спросивъ для себя молока, кипятку, нѣсколько тарелокъ, ножей, вилокъ и чашекъ, мы принялись за ѣду. Тѣмъ не менѣе, необходимо было позаботиться о лошадяхъ на завтрашній день. Надо было рано собираться въ путь, такъ какъ предстояло много ѣздить внѣ почтоваго тракта и приходилось сговариваться на весь день. Дѣло это скоро уладилось;

Digitized by Google

нашли опять двѣ таратайки за баснословно дешевую цѣну: первый день съ насъ брали по 10 марокъ (около четырехъ рублей кредитными), а за послѣдующіе—по 20-ти; при этомъ уговоръ былъ—ѣхать, куда угодно, въ теченіе дня. Все время нашего пути возницы ни разу не уменьшали скорость передвиженія, а когда впослѣдствіи мы расплачивались и дали предварительно слѣдуемое имъ, они насъ глубоко благодарили; когда же послѣ этого получили на чай, то благодарности ихъ не было предѣла. Ни одного слова упрека мы за все время отъ нихъ не слыхали, а приходилось въ день дѣлать иногда до 70 верстъ; причемъ сплошь и рядомъ ѣздили мы безъ дорогъ, такъ что лошадямъ бывало подчасъ очень тяжело. Вѣдь во время пути неоцѣнимое качество составляетъ отсутствіе ропота возницы, не выклянчивающаго на чаекъ.

IV.

Мы поднялись на другой день рано, около четырехъ часовъ. Было чудное утро, солнце уже взошло и заливало своимъ свѣтомъ склоны скалистыхъ вершинъ, освѣщая верхушки елей и сосенъ и придавая имъ оттѣнокъ, который бываетъ особенно хорошъ раннимъ утромъ.

Позавтракавши и выпивши утренній кофе, мы живо собрались и стали расплачиваться. Каково же было мое удивленіе, когда за посуду, несмѣтное количество выпитаго молока, за помѣщеніе и ночлегъ мы заплатили всего 2 марки, т. е. около 80 коп. кредитными. Дешевизна эта поразила меня, но чѣмъ дальше мы уѣзжали отъ Гельсингфорса, тѣмъ все менѣе и менѣе съ насъ брали, и я мысленно вычислялъ, сколько мы должны были бы проѣхать, чтобы низвести цѣну за ночлегъ до нуля, если брать ту же самую убывающую прогрессію.

Въ началѣ шестаго, мы тронулись. Передъ отъѣздомъ, въ стеклянной передней почтовой станціи я увидѣлъ два дамскихъ сѣдла. Конечно, удивленный при видѣ такихъ предметовъ и въ такой глуши, я полюбопытствовалъ узнать, кому они принадлежатъ. Оказывается, что двѣ дамы ѣдутъ изъ Гельсингфорса верхомъ въ Гангё, однѣ, безъ сопровожденія мужчинъ и конюховъ. Въ Финляндіи, вообще говоря, можно поручиться, что никто никого не тронетъ по дорогѣ, въ особенности же дамъ. Пріятно было ѣхать раннимъ утромъ. Свѣжесть утренней росы еще не успѣла исчезнуть. Дышалось свободно и легко. Мы въѣзжали въ густой лѣсъ; еще одинъ поворотъ—и Овербю скрылся отъ насъ. Взбираясь по крутизнѣ, мы скоро добрались до вершинки горы, и у подошвы ея, у самыхъ нашихъ ногъ, увидѣли Броёнду, на берегу рѣки Пикколы, которая однимъ концомъ упиралась въ заливъ того же имени, другимъ же концомъ—въ озеро Виктрескъ, изъ котораго она и вытекала. Озеро Виктрескъ представляетъ изъ себя одно изъ тѣхъ водохранилищъ, которыми такъ богата Финляндія. Окруженное со всѣхъ сторонъ неприступными отвѣсными скалами, озеро это, по первому впечатлѣнію, кажется какъ бы сдавленнымъ горными массивами. Въ своей бездонной глубинѣ оно черпаетъ неистощимый запасъ

Digitized by Google

воды, которую и отдаетъ морю при помощи природныхъ каналовъ. Такимъ каналомъ является въ данномъ случаѣ р. Пиккола. Озеро и рѣка, благодаря ярко-голубому небу и солнцу, имѣли красный отблескъ. Скалистыя вершины, украшенныя елями, фантастически отражаясь на зеркальной поверхности, придавали всему ландшафту какой-то волшебный видъ. Озеро—само по себѣ большое, около версты. Рѣка же не особенно длинна, около двухъ верстъ. Рѣка, по первому взгляду, казалась настолько ничтожною—въ ней едва 4 сажени ширины,—что не заслуживала бы и названія рѣки. Это впечатлѣніе, однако, оказалось весьма ошибочнымъ впослѣдствіи. Прямой нашъ путь лежалъ черезъ рѣку, черезъ которую по тракту былъ построенъ каменный мостъ. Но, тѣмъ не менѣе, нужно было разслѣдовать рѣку вдоль теченія вплоть до устья включительно. Поэтому, не переѣзжая черезъ мостъ, мы поѣхали вдоль береговой дороги. У устья былъ другой мостъ, деревянный; мы переѣхали его и едва только перебрались, какъ мостъ былъ поднятъ. Обернувшись, мы замѣтили, что съ моря медленно и плавно въѣзжалъ въ рѣку и двигался по ней большой трехпалубный винтовой пароходъ. Удивленію моему не было границъ, такъ какъ съ парохода можно было бы смѣло перепрыгнуть на землю: пространство немногимъ болѣе 2—3 футовъ отдѣляло борты парохода отъ отвѣсно окаймлявшихъ рѣку береговъ. Какова глубина рѣки! По разспросамъ у мѣстныхъ жителей, оказалось, что глубина эта достигаетъ мѣстами до 7 сажень. Вотъ явленіе, которое можно встрѣтить лишь въ одной Финляндіи. Стѣсненная гранитными берегами, эта промыла себѣ вѣками глубокое русло, безъ отмелей. Но любопытнѣе всего было то, что пароходъ привезъ пассажировъ до каменнаго моста, гдѣ стояла пристань; но такъ какъ длина парохода въ нѣсколько разъ превосходила ширину рѣки, то повернуться онъ уже не могъ, а потому, чтобы выѣхать обратно въ море, двигался, на протяженіи около двухъ верстъ, задомъ. Зрѣлище это было, дѣйствительно, своеобразно.

Добравшись по проселку до берега моря, мы полюбовались его гладкою поверхностью и проселкомъ же выбрались на шоссе, по которому и продолжали свой путь далѣе. Два раза еще мы сворачивали съ шоссе на дорогу, ведущую къ морю, и потому весьма медленно пробирались на западъ.

Двигаясь по одному изъ такихъ проселковъ, по страшной лѣсной чащѣ, мы у самаго почти морскаго берега наткнулись на полянку, на которой была воздвигнута каѳедра изъ дерна, а около нея возвышался шестъ, весь обвитый мохомъ и зеленью. У пахавшаго здѣсь мужика мы освѣдомились о значеніи этой каѳедры. Онъ пояснилъ, что сюда неоднократно приходили проповѣдники, но объ чемъ проповѣдывалось здѣсь,—такъ и осталось для насъ неизвѣстнымъ. Оказывается, что съ наступленіемъ весны и лѣта Финляндія наводняется такими проповѣдниками, которые по воскресеньямъ говорятъ поученія. Бо́льшею частію, проповѣди ихъ носятъ характеръ религіозный или же имѣютъ цѣлью искорененіе пьянства. Говорятъ, что иногда рѣчи эти носятъ и политическій характеръ, но не могу судить, насколько онѣ имѣютъ политическую подкладку, да и кто про-

Digitized by Google

вѣрялъ ихъ или можетъ ихъ провѣрить въ такой глуши? Не попади я и самъ туда случайно, то не наткнулся бы, вѣроятно, даже и на фактъ существованія подобныхъ проповѣдей.

Неоднократно мы слѣзали, чтобы отойти въ сторону, взобраться на какую нибудь скалу и увидѣть какой нибудь горизонтъ, но въ большинствѣ труды наши были напрасны:—нигдѣ далѣе сосѣдней вершинки, тоже лѣсистой, мы ничего не видѣли. Измучившись и ѣздой, и ходьбой, мы наконецъ добрались до Дегербю около 8 часовъ вечера. Въ мѣстечкѣ Дегербю мы ночевали; вечеромъ еще пришлось немало и поработать. Почтовая станція въ здѣсь была также чиста и опрятна, какъ и предъидущая.

Рано утромъ на слѣдующій день мы были опять на ногахъ и двинулись далѣе на западъ, по одной изъ самыхъ богатыхъ мѣстностей всего нашего пути. Природа представляла уже большое разнообразіе, благодаря встрѣчавшимся рѣчкамъ. Море не покидало насъ почти во все время нашего путешествія, чѣмъ и оживляло окружающую мѣстность. На одномъ изъ поворотовъ къ морю, на полуостровъ Дегерё, мы опять встрѣтили зеленую каѳедру на полянкѣ въ страшной глуши. Наконецъ, мы добрались до живописнаго Инго. Мѣстечко это, расположенное у впаденіи рѣки въ море, весьма богато обиліемъ растительности и довольно обширными полями. Тутъ уже мы въѣзжали въ житницу Финляндіи. Воздѣланныя поля, обширные луга, обиліе листвы сильно отличаютъ эту прибрежную полосу Финляндіи отъ остальной ея части. Ужасная жара томила насъ въ этотъ день, и пришлось пріостановить свое путешествіе трехчасовымъ отдыхомъ, чтобы не ѣхать по солнцепеку. Около трехъ часовъ пополудни, мы двинулись дальше. Пришлось свернуть опять съ шоссе, и я наткнулся на два весьма интересныхъ предмета: сначала на остатки полевыхъ укрѣпленій для батареи со времени войны 1854—55 годовъ. Батарея эта видимо устроена была противъ десанта. Мѣсто благопріятствуетъ здѣсь десанту, впрочемъ, весьма незначительныхъ силъ. Затѣмъ второй предметъ, который обратилъ наше вниманіе, былъ цѣлый рядъ кургановъ. По разсказамъ помѣщика, котораго мы навѣстили, курганы эти обозначали могилу древнихъ викинговъ. По наружному виду, это были конусообразные холмы, и квилифицировать ихъ могъ только опытный глазъ археолога. Конечно, присутствіе кургановъ, какъ памятниковъ древности, насъ поражало, но опредѣлить въ нихъ могилы морскихъ предводителей было бы довольно рискованно.

Объѣхавъ Инго вдоль и поперекъ, мы покинули его. При въѣздѣ въ лѣсъ, нашимъ взорамъ открылось одно изъ великолѣпнѣйшихъ озеръ Финляндіи. Въ лѣсной глуши, у самой дороги, блестѣла зеркальная поверхность озера Маршетрескъ. Ни одна деревня, ни одна избушка не украшали собою его береговъ. Дорога вилась у самаго озера по пустынному лѣсу, въ видѣ карниза надъ бездонной глубиною. Высокія горы исчезали куда-то вверхъ и своею неправильною конфигураціею и направленіемъ давали крайне оригинальное очертаніе поверхности этой водной массы. Было что-то величественное въ этомъ озерѣ. Какова глубина его—неизвѣстно даже сосѣднимъ крестьянамъ. Не любя вообще сѣверной природы, я тѣмъ не менѣе

Digitized by Google

не могъ не восторгаться озеромъ Маршетрескъ. Сквозь густую листву мы долго смотрѣли на волшебную декорацію природы.

Однако, надо было спѣшить, чтобы засвѣтло добраться до Фагервика, новой почтовой станціи, лежащей на нашемъ пути, а въ сторону еще много разъ приходилось отъѣзжать. Сдѣлавъ необходимыя изслѣдованія, мы замѣтили, что погода разомъ стала хмуриться, и мы подъ дождемъ, хотя и не большимъ, почти въ потемкахъ добрались до Фагервика, — новаго пункта нашего ночлега. Завтрашнимъ днемъ мы думали съ Л. завершить наши изслѣдованія, если погода будетъ благопріятствовать. Фагервикъ—богатое помѣстье какого-то финляндца. Къ сожалѣнію, изъ-за дождя мнѣ удалось лишь весьма поверхностно разсмотрѣть здѣшній паркъ, сквозь который мы и проѣхали. Впослѣдствіи я очень сожалѣлъ, что не удалось познакомиться ближе и подробнѣе съ хозяйствомъ фагервикской усадьбы, тѣмъ болѣе, что она считается образцовой. У самаго Фагервика находится большое озеро, затѣмъ рядомъ другое, третье; но они значительно уступали двумъ предшествующимъ и по красотѣ, и по величинѣ.

Покинувъ Фагервикъ, мы свернули на одну изъ дорожекъ, ведущихъ къ морю. Цѣль была — попасть на одинъ изъ острововъ, имѣвшихъ для моихъ изслѣдованій важное значеніе. Добравшись до берега, мы нашли рыбака, но на всѣ наши просьбы онъ положительно отказывался перевезти насъ на островъ Ореландетъ, такъ какъ начиналась буря, а парусная его лодка была мало надежна. Дѣлать было нечего, — пришлось на время отказаться отъ морской экспедиціи, тѣмъ болѣе, что на островъ можно было попасть на пароходѣ. Въ этотъ день надо было торопиться добраться еще засвѣтло до Экенеса. Хотя и немного оставалось до него, но приходилось принять во вниманіе, что нужно было свернуть съ главнаго пути. Наконецъ, мы попали на косу, съ которой уже незачѣмъ было сворачивать; мы видѣли оба берега этой косы, по которой поѣхали прямо въ Экенесъ Странно было ѣхать по этой узкой полосѣ: съ трехъ сторонъ видна была вода. Около пяти часовъ пополудни, мы въѣзжали въ маленькій, уютный и чистенькій городокъ Экенесъ.

Попавъ въ Экенесъ, мы стали разспрашивать о дорогѣ на станцію. Л., какъ всегда, былъ и здѣсь толмачемъ. Но его никто не понималъ на шведскомъ языкѣ, потому что эта полоса побережья уже преимущественно населялась финнами, которые не признавали шведскаго языка. Л. объяснялся и по фински, но, конечно, какъ шведъ, не съ тою бойкостью и свободой.

Экенесъ, окруженный съ трехъ сторонъ водою, съ красивою набережною, какъ будто нѣсколько стѣсненъ въ своемъ пространствѣ. Занимая крайне небольшую площадь, соотвѣтствующую по величинѣ скорѣе селу, онъ весь украшенъ каменными зданіями. Посрединѣ площади красуется ратуша, здѣсь же по близости главная гостинница. Экенесъ прославился своею чистотою. Улицы подметаются такъ тщательно, что кажется правдоподобнымъ разсказъ, будто каждый брошенный окурокъ немедленно поднимается. Внѣ городской черты находится станція желѣзной дороги, куда мы спѣшили. Пропусти мы поѣздъ, намъ пришлось бы оставаться лишнія сутки. Сѣвъ въ

Digitized by Google

вагонъ, я невольно посылалъ прощальный привѣтъ полямъ, лугамъ, лѣсамъ и горамъ, среди которыхъ находился во время путешествія. Трое сутокъ, за исключеніемъ помѣщика, мы не видали ни одного интеллигентнаго лица и не будь со мною Л., я, вѣроятно, часто былъ бы поставленъ втупикъ по незнанію шведскаго языка. По желѣзной дорогѣ былъ совершонъ интересный переѣздъ черезъ заливъ по длиннѣйшему мосту, перекинутому черезъ него отъ косы, на оконечности которой стоялъ Экенесъ. По прошествіи незначительнаго времени, мы уже были въ Ганге.

Ганге, также какъ и Экенесъ, расположенъ на оконечности полуострова Гангеудскаго, значительно выдвинувшагося въ море. Города собственно нѣтъ, это—дачное мѣсто, курортъ, какъ его называютъ шведы, мѣсто сборища всего финляндскаго «High life'a» и, хотя онъ и слыветъ курортомъ, тѣмъ не менѣе, въ строгомъ смыслѣ слова, это все же не курортъ:—минеральныхъ источниковъ здѣсь нѣтъ, купаться въ открытомъ морѣ неудобно, потому что вода почти все лѣто холодная, да еще къ тому же «plage» не защищенъ отъ убійственныхъ вѣтровъ. Правда, что въ Ганге сооружено громадное помѣщеніе для купанья въ бассейнѣ, куда вода нагоняется изъ моря и затѣмъ нагрѣвается до желаемой температуры, но это можно было бы сдѣлать всюду и помимо Ганге. Польза этого мѣстечка заключается развѣ только въ пескѣ и сосновомъ лѣсѣ. Въ Ганге есть прекрасный паркъ, гдѣ раскинуты дачи, великолѣпный кургаузъ съ музыкою, балами, концертами. Этотъ уголокъ Финляндіи служитъ наглядною характеристикою того громаднаго чванства, которымъ объяты финляндцы. Они словно стремятся доказать всему свѣту, что и у нихъ, финляндцевъ, есть свой курортъ, куда стекается весь «beau monde» ихъ страны; что они не нуждаются ни въ чемъ и вполнѣ самостоятельны; что, вопреки климату и природѣ, ихъ «Finland»—обѣтованная страна. Трудно, однако, представить себѣ мѣсто, которое меньше удовлетворяло бы дачному мѣстопребыванію. Узкая коса не даетъ возможности прогуляться подальше. Мы сунулись на оконечность косы, на мысъ Гангеудъ (онъ всего въ двухъ верстахъ), и, не смотря на то, что мы были въ телѣжкѣ, тѣмъ не менѣе мы не добрались до самой южной оконечности Финляндіи изъ-за сыпучихъ песковъ; о ходьбѣ же пѣшкомъ не могло быть и рѣчи. Сунулись мы въ другомъ направленіи, къ селу Ганге, но и эту прогулку пришлось совершать въ таратайкѣ. Правда, паркъ въ Ганге довольно обширенъ и хорошо содержится; въ немъ есть павильончики, дорожки, прихотливые мостики и лѣсенки по скаламъ. Но что заслуживаетъ особеннаго вниманія,—это углубленія въ скалахъ, происшедшія отъ вращенія камней водою. Они имѣютъ видъ правильныхъ цилиндрическихъ впадинъ, хорошо выточенныхъ, но глубиною не превосходящихъ $1^1/_2$—2 саженей. Называются онѣ «исполинскими котлами».

Единственнымъ мѣстомъ времяпровожденія является такимъ образомъ море съ яхтами и кургаузъ, да еще, на крайне ограниченномъ пространствѣ, верховая ѣзда. Кургаузъ составляетъ все. Всѣ проводятъ тамъ время съ утра до вечера, никто даже изъ дачниковъ не обѣдаетъ дома, соблюдая экономію въ прислугѣ, такъ

Digitized by Google

какъ ѣда обходится въ кургаузѣ очень дешево: за 2 марки (около 80 копѣекъ) можно получить обѣдъ изъ пяти блюдъ съ кофе и закускою. Зато дачи очень дороги (по тамошнимъ цѣнамъ); мы съ трудомъ достали себѣ на окраинѣ двѣ комнаты за 10 марокъ въ сутки, т. е. около четырехъ рублей. Ганге производитъ впечатлѣніе маленькой бомбоньерки; всѣ дачки очень изящны и живописно расположены; паркъ содержится въ идеальномъ порядкѣ и чистотѣ; улицъ немного, и тѣ чисты и хорошо освѣщены. Вся жизнь проводится на улицѣ, т. е. въ кургаузѣ, въ которомъ съ утра до вечера идетъ толчея, но шведская, спокойная, разсчитанная, а не заграничная—шумная и веселая. Всѣ обѣдаютъ почти въ одно и то же время, всѣ знаютъ другъ друга. Русскихъ очень немного; ихъ почти не видать. Пробывъ тамъ около двухъ сутокъ, я долженъ былъ уѣхать обратно въ Гельсингфорсъ. Поручивъ Л. добраться до острова Орландетъ, я разстался съ нимъ и рѣшилъ возвратиться моремъ, чтобы осмотрѣть съ парохода тѣ острова, которые не удалось обозрѣть съ суши. Хотя пароходъ и уходилъ лишь въ четыре часа ночи, но надо было сейчасъ же туда собраться, чтобы успѣть заснуть какъ слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что разсчитывать на извощиковъ, при ограниченномъ ихъ числѣ, а въ особенности ночью, было рискованно.

Вскорѣ я лежалъ въ каютѣ большаго парохода.

Пароходы, крейсирующіе между Стокгольмомъ и Петербургомъ, отлично устроены. Каюты удобны, убраны отлично, даже нарядно, и помѣстительны. На всемъ пароходѣ вообще много мѣста, на верхнихъ палубахъ обыкновенно устроены читальни, но, конечно, не встрѣтишь ни одного русскаго изданія, хотя эти пароходы ходятъ исключительно подъ русскимъ флагомъ. На нѣкоторыхъ новѣйшихъ пароходахъ заведено даже электрическое освѣщеніе.

V.

Въ четыре часа утра легкая качка возвѣстила, что пароходъ «Доббельнъ» покинулъ Ганге. Я хотѣлъ пораньше встать, чтобы осмотрѣть острова и живописнѣйшія шхеры Финляндіи, и спѣшилъ выйти изъ каюты, тѣмъ болѣе, что качка стала усиливаться. А лучшее средство противъ нея—это выйти на открытую палубу. Взобравшись на палубу, я сталъ любоваться дѣйствительно красивыми шхерами. Качка тѣмъ временемъ все усиливалась и усиливалась. Въ каютахъ раздавались уже зловѣщіе звуки, возвѣщавшіе о послѣдствіяхъ качки.

Но близокъ уже былъ и конецъ. Промелькнулъ Паркалаудскій маякъ, еще нѣсколько острововъ, и на горизонтѣ показался маякъ Грохара. Наконецъ, проѣхали и Грохару, и стали направляться на Лонгернскій проливъ; издали уже были видны соборы русскій и шведскій, такъ выдѣляющіеся на горизонтѣ Гельсингфорса. Въ особенности первый, стоящій совсѣмъ отдѣльно на островѣ съ бѣлою крышею своихъ куполовъ.

Красивый видъ представляетъ изъ себя гельсингфорскій рейдъ. Суда и пароходы всѣхъ націй заполнили собою гавань и, казалось бы, яблоку негдѣ упасть, но пароходы и парусныя лайбы все при-

Digitized by Google

бываютъ и прибываютъ, и все еще имъ находится мѣсто. Вотъ уже мы стали приближаться къ стоянкѣ гельсингфорскаго яхтъ-клуба. Этого рода спорты въ Финляндіи сильно развиты; гонки устраиваются постоянно; масса людей принимаетъ участіе въ этихъ гонкахъ, которыя, благодаря шхерамъ и подводнымъ камнямъ, являются удовольствіемъ головоломнымъ. Всякій мальчикъ, достигшій шестнадцатилѣтняго возраста, норовитъ пріобрѣсти себѣ парусную лодку. Катанье на парусахъ составляетъ природную страсть, да оно и понятно, при ограниченномъ пространствѣ земли, при вѣчно разстилающейся передъ глазами водѣ. Въ видѣ ли моря, озера, рѣкъ, каналовъ,—водная стихія является весьма заманчивою для финляндцевъ по тому широкому простору, который она даетъ.

По воскресеньямъ можно наблюдать на заливѣ и даже въ открытомъ морѣ массу яхтъ самыхъ причудливыхъ и разнообразныхъ формъ, несущихся по волнамъ. Финляндцевъ надо считать природными мореплавателями, поэтому, не смотря на массу катающихся, несчастныхъ случаевъ среди взрослыхъ бываетъ мало. Чаще всего несчастія случаются съ байдарками. Этому роду лодокъ финляндцы отдаютъ наибольшое предпочтеніе послѣ парусныхъ яхтъ и гибнутъ, благодаря этой же байдаркѣ. Разъ какъ-то, при переѣздѣ съ острова Хегхольменъ въ Гельсингфорсъ, такая байдарка на нашихъ глазахъ перекувырнулась при полномъ штилѣ. Пароходъ пошелъ сейчасъ же навстрѣчу барахтавшемуся. Подъѣхали, взяли его на пароходъ, но «чухна» упорно оставался молчаливымъ, не выпуская изъ-за борта парохода своей байдарки. При паденіи въ воду, онъ не издалъ ни одного звука, не звалъ на помощь, не молилъ о спасеніи; когда же онъ былъ спасенъ пароходомъ, то не изъявилъ даже благодарности, а рулевой парохода даже не взялъ съ него ничего за проѣздъ. Словомъ, какъ будто все это было совершенно естественнымъ дѣломъ. Нельзя не порадоваться внутренно подобному явленію. Человѣкъ тонулъ въ водѣ и почти погибалъ; его спасли, хотя онъ и не просилъ о помощи; но вѣдь спасти утопающаго есть человѣческій долгъ, за исполненіе котораго не берутъ денегъ. Согласно строго систематическому финляндскому уму, не слѣдуетъ брать съ того, кто совершалъ не весь рейсъ, а только часть пути, да къ тому же попалъ на пароходъ не по своей волѣ.

Все спасеніе этого человѣка было совершено при полномъ почти безмолвіи публики, и, если замѣтно было кое-какое волненіе, удивленіе или вскрикиваніе, то только среди русскихъ. Явленіе это вполнѣ характеризируетъ финляндцевъ. Всегда невозмутимо-спокойные, они отнеслись и къ этому факту хладнокровно: разъ человѣкъ былъ спасенъ, то не о чомъ больше и хлопотать. Но нужно было видѣть тѣхъ же финляндцевъ, когда произошло столкновеніе пароходовъ: «Рунеберга» и «Аякса», недалеко отъ одного изъ острововъ,—а именно Сандхомпа. Несчастіе произошло въ одинъ изъ праздничныхъ дней, во время «лустрейза». Пароходъ «Рунебергъ» наѣхалъ, благодаря пьяному шкиперу, на пароходъ «Аяксъ», разрѣзалъ его, и «Аяксъ» со всѣми пассажирами пошелъ, какъ ключъ, ко дну. Нѣкоторые увеличивали цифру погибшихъ до 90, другіе уменьшали эту цифру до 70, но, такъ или иначе, погибло нѣсколько

Digitized by Google

десятковъ человѣческихъ жизней, благодаря небрежности шкипера. Нужно было читать въ это время финляндскія газеты; въ нихъ встрѣчались статьи, написанныя кровью, въ полномъ смыслѣ слова. Общество, взывая къ правосудію, требовало немедленнаго слѣдствія и суда надъ шкиперами и пароходными компаніями, призывало всѣхъ къ тому, чтобы были приняты мѣры для огражденія личности каждаго отъ подобнаго безобразнаго явленія. Я былъ на пристани на слѣдующій день и видѣлъ толпу, которая съ проклятіями бранила безпечность шкиперовъ. Самъ шкиперъ «Рунеберга» едва уберегся отъ жестокой расправы, и только вмѣшательство полиціи спасло ему жизнь. Дѣйствительно, не смотря на медлительность финляндцевъ вообще, слѣдствіе и судъ открыли скоро свои дѣйствія. Можно почти съ увѣренностью сказать, что пароходъ «Рунебергъ» никогда не будетъ пользоваться популярностью финляндцевъ, какъ и то пароходное общество, къ которому «Рунебергъ» принадлежитъ. Рѣдко можно встрѣтить болѣе солидарную націю, болѣе солидарное въ искорененіи зла общество, чѣмъ въ Финляндіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, всѣ извощики въ Гельсингфорсѣ ѣздили безъ резиновыхъ шинъ; затѣмъ они завели шины и, вслѣдствіе этого, удвоили таксу. Газеты,—всегдашній органъ общественнаго мнѣнія въ Финляндіи,—подняли шумъ. Написано было не одно воззваніе къ обществу, въ надеждѣ на то, что всѣ члены его прекратятъ пользоваться извощиками. И финляндцы, въ теченіе трехъ недѣль солидарные, какъ одинъ человѣкъ, такъ и не ѣздили на извощикахъ. Наконецъ, загородныя увеселительныя мѣста, потерпѣвшія отъ этого весьма большой уронъ, стали сами производить давленіе на извощиковъ, и, видя полное единомысліе общества, извощики наконецъ сдались: не смотря на свои шины, они стали возить по прежней таксѣ. Все это происходило безъ всякаго участія полиціи, безъ репрессалій, безъ шума и дракъ. Удивляешься только этому осмысленному единодушію общества.

Общество, общественное мнѣніе въ Финляндіи—это бичи, съ которыми приходится считаться, но бичъ этотъ хлещетъ только тогда и тамъ, гдѣ видится явный вредъ,—зло, грозящее обществу. Борьба въ подобныхъ случаяхъ неминуема, и она носитъ ожесточенный характеръ.

Всѣ увеселенія въ родѣ театровъ, концертовъ и прогулокъ, всѣ рестораны, гостинницы, всѣ учебныя заведенія, книги—все это очень дешево въ Финляндіи. Театры въ Гельсингфорсѣ составляютъ одно изъ самыхъ доступныхъ удовольствій. Первый рядъ креселъ въ оперѣ стоитъ 4—6 марокъ, т. е. около 2 рублей по курсу. Въ Гельсингфорсѣ три театра: русскій театръ, гдѣ играютъ русскую драму и оперетку (первая не посѣщается финляндцами); большой, или шведскій театръ, гдѣ даютъ оперу и шведскую драму; и—наконецъ—финскій театръ, съ драмою на финскомъ языкѣ.

Городъ, имѣющій только 60 тысячъ жителей, обладая тремя отдѣльными театрами, кажется мнѣ, свидѣтельствуетъ этимъ о высокой культурѣ столицы Финляндіи, а столицы всегда до нѣкоторой степени служатъ мѣриломъ культуры и всей страны. Концерты — одно изъ любимыхъ развлеченій въ Гельсингфорсѣ. На берегу моря

Digitized by Google

есть отличнѣйшая гостинница «Societetshus», въ которой устроена великолѣпная зала, гдѣ еженедѣльно, раза два-три, даются концерты и играетъ отличнѣйшій оркестръ съ хорошими солистами. Всегда можно услышать два-три отдѣленія,—отъ 12—15 пьесъ,—и за это удовольствіе всякій платитъ одну марку, т. е. около сорока копѣекъ кредитными. Интересна и самая обстановка этихъ концертовъ. Всѣ входятъ въ большую, залитую электричествомъ, залу и располагаются за круглыми столами. Нѣкоторые пьютъ, другіе ѣдятъ, а третьи ничего не требуютъ; дамы приходятъ обыкновенно съ работою. До перваго отдѣленія никто изъ мужчинъ не куритъ, но послѣ перваго отдѣленія всѣ съ яростью набрасываются на папироски и сигары.

Концертъ всегда бываетъ очень хорошъ; иногда въ немъ принимаютъ участіе европейскіе солисты, но при этомъ плата подымается только до 2 марокъ и ни о какихъ другихъ сумашедшихъ цѣнахъ здѣсь и рѣчи быть не можетъ. Всегда на этихъ концертахъ все биткомъ набито, всегда они удачно проходятъ.

Своеобразною характеристикою игры финляндцевъ является то, что на всякіе «bis» солисты или оркестръ будутъ всегда играть только то, что̀ слѣдуетъ по программѣ, этимъ, конечно, расхолаживаютъ пылъ публики, желающей услышать повтореніе. Финляндцы—хорошіе музыканты; они знаютъ и любятъ музыку, но какъ все, что̀ они дѣлаютъ, отличается методичностью,—такъ и музыка ихъ отличается отдѣлкою до мелочей. Музыкантъ-финляндецъ вложитъ въ музыку столько души, сколько требуется, ни больше, ни меньше; своего онъ не прибавитъ ничего; поэтому исполненіе отличается замѣчательною точностью и чистотою, но при этомъ душа самого исполнителя остается совершенно безучастною.

Не забуду одного концерта, даннаго при участіи финляндцевъ, съ благотворительною цѣлью, въ русскомъ собраніи. Гельсингфорскія знаменитости играли тріо: на фортепіано, на скрипкѣ и на віолончели. Выбрали они какой-то классическій «саргіссіо». Зала, въ которой давался концертъ, была небольшая, биткомъ набитая, благотворительности ради. Температура сильно поднялась къ концу вечера; тріо было послѣднимъ нумеромъ. Но что это было за тріо! Вначалѣ все шло еще, какъ слѣдуетъ, но духота залы со спертымъ воздухомъ и, вслѣдствіе плохой вентиляціи, удушливымъ запахомъ смѣшанныхъ духовъ—все это томило публику; да еще не всѣмъ понятные звуки этого капризнаго «саргіссо» довершали нетерпѣливое ожиданіе конца. Вотъ звуки льются и льются все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ обрываются. Все вздрогнуло, начинаютъ аплодировать, у всѣхъ стало легко на душѣ въ виду вожделѣннаго конца. Но—увы!—артисты, не вставъ на аплодисменты, начинаютъ снова свое фортиссимо и всякія «*иссимо*»:—оказывается, что это только «начало конца». Публика здѣсь всегда терпѣлива, въ особенности на концертахъ съ благотворительною цѣлью, причемъ знаменитости играютъ даромъ. На бѣду, знаменитый пьянистъ, должно быть, отъ жары и отъ артистическихъ кудрей, повисшихъ ему на лицо, позабылъ о существованіи двухъ своихъ струнныхъ сотоварищей и сталъ такъ сильно колотить по инструменту, что звуки скрипки и віолон-

Digitized by Google

чели совершенно изчезали въ общихъ звуковыхъ волнахъ рояля. Это стало довершать агонію терпѣливой публики. Духота, полуторачасовое сидѣніе, непонятные звуки заставили слушателей страдать; съ нѣкоторыми дамами сдѣлалось дурно. Два сановитыхъ лица, сидѣвшихъ въ первомъ ряду, склонили свои головы на грудь и предались Морфею; только фортиссимо заставляло ихъ вздрагивать, послѣ чего они отдавались снова тому же безмятежному сну. Лица всѣхъ были красны, потъ текъ градомъ; всѣ обтирались платками. Но финляндскіе артисты не унывали и невозмутимо, спокойно продолжали, точно по наряду, играть свою, измучившую всѣхъ, фантазію. Когда же, послѣ двухчасовой игры, наступилъ финалъ, то публика вся встала, какъ одинъ человѣкъ, и при радостномъ вздохѣ: ахъ! поспѣшила покинуть залу. Такъ завершился памятный не мнѣ одному концертъ, при участіи трехъ финляндскихъ «знаменитостей». Правда, не всѣ концерты въ Финляндіи и не всѣ, тамъ игранные, «саргіссіо» имѣли ту же злосчастную участь,—и все же приходится повторить, что любовь къ музыкѣ и пониманіе ея сильно развиты у финляндцевъ, а это тоже можетъ служить мѣриломъ ихъ культурности.

Учебныя заведенія обставлены здѣсь великолѣпно, при крайней дешевизнѣ. Достаточно сказать, что почти всякое учебное заведеніе имѣетъ дворъ, а не то и садъ; что всѣ новѣйшія усовершенствованія техники примѣнены въ учебныхъ заведеніяхъ (въ родѣ электричества съ рефлекторами снизу вверхъ) причемъ учащіеся пользуются отраженнымъ отъ потолка свѣтомъ, и т. п. Дешевизна образованія поразительна; платятъ за приходящаго, начиная отъ 40 руб. по курсу въ годъ, въ зависимости отъ образовательнаго курса учебнаго заведенія. При своей дешевизнѣ, такой же хорошей обстановки не лишены и самыя низшія городскія училища.

В. Мошнинъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

РОЖДЕСТВЕНСКІЯ ДѢТИ.

Разсказъ миссъ Брэддонъ (съ англійскаго).

III.

Время: — вечеръ наканунѣ рождества; мѣсто дѣйствія: — библіотека въ Пэнлайонъ-Кэстлѣ; а единственный человѣкъ, присутствующій тамъ — сэръ Джонъ Пенлайонъ, который сидитъ при сгущающихся сумеркахъ у камина, немного недодовольный всѣмъ міромъ, вообще, и самимъ собой въ особенности. Утро онъ провелъ въ безпокойствѣ, въ хозяйственныхъ разговорахъ съ управителемъ, который явился къ нему съ различными просьбами отъ арендаторовъ и фермеровъ. Сэру Джону недоставало его стараго друга Дэнби, который умѣлъ относиться философски къ легкимъ шипамъ, таящимся подъ цвѣтами, устилающими жизненный путь богатыхъ людей, и обладалъ искусствомъ разгонять веселой улыбкой мрачныя думы сэра Джона.

М-ръ Дэнби находился въ отсутствіи уже четыре дня. Онъ уѣхалъ, съ банковымъ билетомъ сэра Джона въ карманѣ, чтобы привезти «рождественскихъ дѣтей»; маленькіе гости пріѣдутъ въ скучный старый замокъ и развеселятъ его одинокаго владѣльца.

Чѣмъ болѣе размышлялъ сэръ Джонъ Пенлайонъ надъ этой затѣей,—въ особенности теперь, сидя у камина,—тѣмъ нелѣпѣе она ему казалась.

«Я былъ настоящимъ дуракомъ, что согласился на такую нелѣпость»!—думалъ онъ.

Адель Гауберкъ входитъ, раскраснѣвшаяся и возбужденная.

Адель (хлопая въ ладоши). Мы уже кончили. Это самая

Digitized by Google

красивая елка, какую когда либо видѣли. Воображаю, въ какомъ восторгѣ будутъ милыя дѣти!

Сэръ Джонъ (раздражительно). Милыя дѣти, конечно! Почему вы не можете предположить, что они — отвратительныя дѣти, избалованныя, капризныя, или, напротивъ, запуганныя, забитыя глупымъ воспитаніемъ, пріученныя сидѣть на краю стула и всѣхъ дичиться?

Адель (съ убѣжденіемъ). Они навѣрное окажутся премилыми дѣтьми. Дэнби не возьметъ капризныхъ.

Сэръ Джонъ. Что можетъ понимать въ дѣтяхъ старый холостякъ?

Адель. Ахъ, еслибы вы видѣли его въ обществѣ дѣтей, вы не сказали бы этого. Онъ — всегдашній любимецъ дѣтей въ тѣхъ домахъ, гдѣ бываетъ. Можетъ быть, это одна изъ причинъ, почему его такъ любятъ всѣ семейные люди. Тише! Они, кажется, ѣдутъ. Карета послана въ Викторію часъ тому назадъ, чтобы встрѣтить дилижансъ. Прошлую ночь они должны были провести въ Плимутѣ. М-ръ Дэнби находилъ, что для дѣтей будетъ слишкомъ утомительно сдѣлать такое путешествіе въ одинъ день. Онъ такъ предусмотрителенъ и заботливъ.

Сэръ Джонъ. Онъ просто глупъ; а я еще глупѣе его, потому что согласился на эту нелѣпую затѣю. Что можетъ быть глупѣе этого: везти сюда дѣтей съ другаго конца свѣта? Вы не знаете, Адель, изъ какой части свѣта привезутъ этихъ созданій?

Адель. Не имѣю ни малѣйшаго понятія. Все, что сказалъ мнѣ м-ръ Дэнби, заключалось въ томъ, что они живутъ по ту сторону Лондона и что ему необходима почти цѣлая недѣля, чтобы перевезти дѣтей сюда. Вы должны помнить, что сами ничего не хотѣли о нихъ знать. По вашему желанію, они должны были пріѣхать на время, а затѣмъ уѣхать, и вы не должны слышать о нихъ болѣе. Они не должны были имѣть никакихъ претензій на васъ въ будущемъ.

Сэръ Джонъ. Я помню это. Имѣть на меня претензіи! Но простой долгъ вѣжливости обязываетъ сказать мнѣ, откуда привезутъ этихъ дѣтей, и кто такіе ихъ родители.

Адель. Онъ, конечно, все это скажетъ вамъ, если вы спросите у него.

Digitized by Google

Сэръ Джонъ. Онъ долженъ сказать мнѣ самъ. Я не намѣренъ его спрашивать.

Адель всегда умолкала, если видѣла, что Джонъ былъ въ дурномъ настроеніи. Она относилась къ нему деликатно и почтительно, когда онъ бывалъ раздраженъ.

Она подошла къ большому окну съ глубокой амбразурой, изъ котораго видна была дорога, ведущая къ подъѣзду. Еще не было четырехъ часовъ, но зимнія сумерки уже затуманили пейзажъ. Погода была мягкая и тихая, совсѣмъ не похожая на рождественскіе морозы, а скорѣе напоминавшая конецъ октября. Адель могла слышать слабый шорохъ вѣтра въ деревьяхъ и шумъ отдаленнаго моря,—не тотъ грозный, усиливающійся шумъ, какой слышится при началѣ бури, но музыкальный, ритмическій шумъ волны, взбѣгающей на каменистый берегъ.

Все было готово для встрѣчи маленькихъ гостей. На верху, въ двухъ просторныхъ спальняхъ, сообщавшихся между собой, ярко пылали камины. Въ одной изъ этихъ спаленъ еще стояли двѣ маленькія бѣлыя кроватки, въ которыхъ спали Сибилла и Лиліанъ, когда были дѣтьми. Бѣдная Лиліанъ! Она покоится теперь на англійскомъ кладбищѣ во Флоренціи, подъ бѣлымъ мраморнымъ памятникомъ, который воздвигнулъ ей неутѣшный супругъ, пять лѣтъ тому назадъ женившійся во второй разъ. Каждый зналъ, гдѣ покоилась Лиліанъ. Но никому не было извѣстно, гдѣ сложила свою голову Сибилла. Знали только, что мужъ этой непокорной дочери умеръ черезъ три или четыре года послѣ свадьбы, измученный службою въ какой-то отдаленной чужестранной миссіи. Объ его несчастной вдовѣ въ Пенлайонѣ ничего не слыхали, но каждый былъ увѣренъ, что отецъ выдаетъ ей пенсію. «Едва ли онъ допуститъ умереть съ голоду свою единственную дочь, какъ бы она ни была передъ нимъ виновата»,—говорили люди. Ранняя смерть леди Лоргрэвъ была жестокимъ ударомъ для его отеческой любви и гордости. Она умерла бездѣтной.

Комнаты были готовы. Адель побѣжала на верхъ—сдѣлать послѣднюю ревизію. Одна изъ горничныхъ была назначена прислуживать маленькимъ гостямъ, а служанка Адели должна была раздѣлять съ ней этотъ трудъ. Но ни одна изъ дѣвушекъ не возражала противъ новыхъ обязанностей. Онѣ были рады пріѣзду дѣтей.

Digitized by Google

— Эти бѣдняжки хоть немного развеселятъ нашъ домъ,— говорила Джонстонъ, считавшая Пенлайонъ самымъ скучнымъ мѣстомъ въ мірѣ; и Сара, горничная, вполнѣ соглашалась съ ней.

Джонстонъ было приказано спать во второй, болѣе просторной комнатѣ, и на той самой постели, на которой безмятежно спала миссъ Петерсонъ въ теченіе пяти лѣтъ. Сара приготовила себѣ постель въ той спальнѣ, которая была поменьше, и гдѣ долженъ былъ спать ея будущій питомецъ.

Тише! На дорогѣ, по крупному гравію, зашуршали колеса, и этотъ звукъ былъ ближе, чѣмъ вздохи отдаленнаго моря и шелесть вѣтра. Адель кинулась внизъ, въ прихожую, въ сопровожденіи Джонстонъ, между тѣмъ какъ Сара осталась на верху и принялась энергично ворочать полѣнья въ каминѣ, чтобы огонь разгорѣлся еще ярче.

Сэръ Джонъ слышалъ, какъ подъѣхала карета и какъ отворилась дверь въ сѣняхъ, и хотя онъ дѣлалъ видъ, что читаетъ газету при свѣтѣ лампы, стоявшей у его локтя, эти жалкія усилія не приводили ни къ чему, и каждый могъ бы замѣтить, что сэръ Джонъ весь превратился въ слухъ. Лакей распахнулъ настежъ дверь прихожей, заслышавъ стукъ кареты. Яркій свѣтъ изъ прихожей упалъ на темный подъѣздъ и три дѣтскихъ серебристыхъ голоска воскликнули:

— Ахъ, какой красивый домъ!

— Ахъ, какой огромный домъ!

Самый тоненькій ихъ трехъ голосковъ произнесъ съ очаровательной ясностью:

— Какой необыкновенно красивый огонь!

Дверцы кареты распахнулись; двѣ маленькія дѣвочки,— всѣ въ красномъ съ ногъ до головы,—и маленькій мальчикъ въ сѣромъ костюмѣ выпрыгнули оттуда, точно куклы изъ волшебнаго ящика, и взбѣжали на ступеньки подъѣзда, въ сопровожденіи Дэнби, который слѣдовалъ за ними, веселый и подвижный, какъ всегда.

— Великій Боже, какіе они маленькіе!—воскликнула Адель, наклоняясь, чтобы поцѣловать меньшую дѣвочку—миньятюрное существо съ круглымъ личикомъ и большими темно-сѣрыми глазами, сіявшими при свѣтѣ огня.

Крошечное существо приняло поцѣлуй съ нѣкоторой ро-

Digitized by Google

бостью и боязливо озиралось вокругъ, пораженное величиною громадной прихожей, высокимъ каминомъ, ярко горящими дровами и людьми въ доспѣхахъ, или, лучше сказать, доспѣхами, поставленными такъ, что они казались людьми.

— Я не люблю ихъ, — сказала крошечная дѣвочка, прижимаясь къ Дэнби и указывая ручонкой на одного изъ рыцарей.—Они не живые, вѣдь правда, не живые, дядя Томъ?

— Да, да, да, Моппе́тъ! они также мертвы, какъ камень.

— Правда? Я не люблю мертвыхъ людей.

— А что, Моппетъ, если они вовсе не люди, какъ игрушечныя лошади—вовсе не настоящія лошади? Вотъ мы завтра ковалимъ одного изъ этихъ желѣзныхъ людей и посмотримъ, что у него внутри; тогда наше любопытство будетъ удовлетворено.

Старшая изъ красныхъ дѣвочекъ, которая была выше на вершокъ и старше на одинъ годъ, стояла между тѣмъ передъ каминомъ и съ важнымъ видомъ грѣла свои руки, растопыривая ихъ передъ огнемъ, насколько позволяли это дѣлать ея миньятюрные пальчики. Мальчикъ бѣгалъ по комнатѣ, разглядывая каждую вещь, въ особенности рыцарей въ доспѣхахъ, которые его нисколько не пугали.

— Это солдаты, не правда ли?—спросилъ онъ.

— Да, Лэдди.

— Я буду также одѣваться, какъ они, когда стану большой, и пойду на войну и убью много людей. Вѣдь меня не могутъ убить, если я надѣну такое желѣзное платье, правда, вѣдь не могутъ?

— Вѣроятно, не могутъ, Лэдди; но теперь уже не носятъ такихъ платьевъ. Въ этихъ доспѣхахъ вы были бы анахронизмомъ.

— Я готовъ надѣть ихъ, если они спасутъ меня отъ смерти,—благоразумно отвѣтилъ Лэдди.

— Пойдемте, дѣти, я представлю васъ хозяину дома, — сказалъ Дэнби, когда лакей распахнулъ дверь библіотеки.

И они вошли всѣ: Дэнби, Адель и дѣти, причемъ самая маленькая дѣвочка вбѣжала первой, а ея сестра съ мальчикомъ слѣдовали за ней впереди старшихъ. Моппетъ выбѣжала прямо на середину комнаты, съ такой быстротой, какъ только могли бѣжать ея маленькія ножки въ красныхъ чулкахъ, но,

Digitized by Google

увидѣвъ сэра Джона, сидѣвшаго возлѣ лампы, — яркій свѣтъ которой падалъ на его блѣдное пожилое лицо, съ рѣзкими чертами и черными бровями, яркій контрастъ съ которыми составляли серебристые волосы, — она внезапно остановилась, какъ будто увидѣла Горгону, и стала медленно пятиться назадъ, пока не ухватилась за шолковое платье Адели Гауберкъ, и не спряталась боязливо въ его складкахъ, такъ что отъ ея маленькой хорошенькой фигурки не осталось ничего, кромѣ красной шапочки и маленькихъ ножекъ въ красныхъ чулкахъ.

Старшая дѣвочка приблизилась не такъ смѣло, но зато и не отступила съ такой позорной трусостью. Она была такъ близко къ Дэнби, что могла ухватиться за его руку, и съ этой поддержкой почти не чувствовала страха.

Мальчикъ, самый старшій изъ трехъ, былъ смѣлѣе и не такъ деликатенъ, какъ дѣвочки; онъ сталъ прыгать по комнатѣ, какъ прыгалъ въ прихожей, и разглядывать каждую вещь, не обращая вниманія на сэра Джона.

— Какъ поживаете, Дэнби?—спросилъ сэръ Джонъ, протягивая руку своему старому другу, когда тотъ подошелъ къ огню вмѣстѣ со старшей дѣвочкой, которая продолжала держаться за его руку.—Я, право, уже начиналъ думать, что вы никогда не возвратитесь. Ваше отсутствіе было ужасно продолжительно. Можно подумать, что вы везли этихъ дѣтей съ другаго конца свѣта.

— Пожалуй, вы правы. Боскэстль не очень близокъ къ Лондону; намъ пришлось ѣхать больше сутокъ, и притомъ зимой.

— И вотъ это дѣти, о которыхъ вы говорили? Праведное небо, Дэнби! Для чего намъ нужны такія крошки?

— Намъ нужны были дѣти, а не подростки,—возразилъ Дэнби.

— Не подростки, но и не такія жалкія малютки. Взгляните на это крохотное существо, которое запряталось въ складкахъ платья Адели. Это просто ужасно! Они будутъ попадать мнѣ подъ ноги. Я могу наступить и нечаянно раздавить ихъ.

— Этого не случится, Джекъ,—я ручаюсь.

— А почему это, позвольте узнать?

— Потому что у нихъ развита индивидуальность. Они малы, но они уже люди. Когда Моппетъ входитъ въ комнату,

Digitized by Google

каждый чувствуетъ, что она тамъ. Она теперь немного испугана, но черезъ четверть часа къ ней вернется ея смѣлость.

Сэръ Джонъ надѣлъ очки и сталъ критически разглядывать маленькихъ гостей. Ихъ младенческій возрастъ и миньятюрность поразили его. Онъ ожидалъ видѣть здоровыхъ, дебелыхъ ребятишекъ съ розовыми лицами, золотистыми волосами и толстыми, крѣпкими ногами. Послѣ такихъ ожиданій, малютки, стоявшія передъ нимъ, показались ему микроскопическими. Ихъ щечки были скорѣе блѣдны, чѣмъ румяны. Волосы не были ни золотистыми, ни длинными. Они были темные, и такъ низко острижены, что не закрывали широкихъ, выпуклыхъ дѣтскихъ лбовъ. Недовольный взглядъ сэра Джона тотчасъ же подмѣтилъ, что дѣти были гораздо интеллигентнѣе большинства дѣтей этого возраста, но въ настоящую минуту сэръ Джонъ предпочелъ бы видѣть дѣтей менѣе интеллигентныхъ, но болѣе рослыхъ и здоровыхъ.

— Они чрезвычайно миньятюрны,—сказалъ сэръ Джонъ,—я не ожидалъ видѣть такихъ крошекъ. Они будутъ вѣчно попадать подъ стулья или прятаться въ корзинку для рваной бумаги. Я умываю свои руки въ этомъ дѣлѣ. Уведите ихъ прочь, Адель. Пусть ихъ накормятъ и уложатъ спать.—Затѣмъ сэръ Джонъ обратился къ м-ру Денби, и, какъ бы считая вопросъ о дѣтяхъ покончennымъ, спросилъ у него:—Что дѣлается въ Лондонѣ, Томъ?

Но, прежде чѣмъ Дэнби успѣлъ отвѣтить, Моппетъ высвободилась изъ складокъ платья Адели, отважно приблизилась къ сэру Джону и, остановившись передъ нимъ, посмотрѣла ему прямо въ лицо.

— Очень жаль, что мы не понравились вамъ, м-ръ старый джентльменъ,—произнесла она.

Эти дѣтскія губки выговаривали съ удивительной ясностью каждое слово. Ясность произношенія была отличительнымъ свойствомъ Моппетъ. Это крошечное существо произносило свои фразы твердо, смѣло и правильно. Для Моппетъ не существовало трудныхъ многосложныхъ словъ. Лишь изрѣдка ее смущали нѣкоторыя согласныя.

— А кто же говоритъ, что вы не понравились мнѣ?—спросилъ сэръ Джонъ, немного смущенный, и, приподнявъ малютку съ пола, посадилъ ее къ себѣ на колѣни.

Digitized by Google

Онъ почувствовалъ теперь, что подъ складками краснаго платьица скрывается нѣчто существенное: двѣ круглыя полненькія ручки, двѣ маленькія крѣпкія ножки, и плотная крошечная фигурка, твердо усѣвшаяся на его колѣнѣ.

— Вы говорите это, — отвѣчала Моппетъ, устремляя на него свои большіе, сѣрые, широко-раскрытые глаза.—Вы не любите насъ, потому что мы такъ ужасно малы. Всѣ говорятъ, что мы малы, но никто не бранитъ насъ за это. А вы почему не любите насъ?

— Я не говорилъ, что не люблю васъ, малютка. Я только находилъ васъ слишкомъ маленькими, чтобы ѣздить въ гости.

— Однако же я ѣздила въ гости пить чай, когда мнѣ было только два года, и никто не говорилъ, что я слишкомъ маленькая. И я пила въ гостяхъ настоящій чай, а не молоко съ водой, какъ маленькія дѣти. И меня приглашали на чай очень, очень часто,—не правда ли, Лэсси?

— Не такъ часто, какъ меня,—отвѣчала старшая дѣвочка съ важностью.

Она стояла передъ большимъ стариннымъ каминомъ и грѣла у огня свои маленькія ручки.

— Ну, конечно, потому что ты старше меня, — замѣтила Моппетъ, возмущенная излишней самоувѣренностью сестры.— Я всегда хорошо веду себя въ гостяхъ; вѣдь правда, дядя Томъ?—обратилась она за поддержкой къ Дэнби.

— Такъ эти лиллипуты—ваши племянницы, Дэнби?—воскликнулъ сэръ Джонъ.

— Несовсѣмъ, хотя они близки и дороги мнѣ, какъ родные. Я для нихъ временный дядя.

— Временный дядя!—вскричала Моппетъ, закинувъ голову назадъ и смѣясь незнакомому слову.

— Временный дядя! — повторили двое остальныхъ дѣтей, и всѣ трое стали смѣяться, не потому, что они находили это слово смѣшнымъ, но потому, что не понимали его значенія— въ этомъ и заключался весь комизмъ.

— Какъ вамъ извѣстно, въ Корнваллѣ и въ Сициліи, всѣ пожилые мужчины—дяди и всѣ пожилыя женщины—тетки; всѣ взрослые люди непремѣнно или дяди, или тетки,—сказалъ Дэнби, въ видѣ поясненія.

Моппетъ все еще сидѣла на колѣняхъ у сэра Джона. Она

Digitized by Google

какъ бы чувствовала, что это самое почетное мѣсто, и не хотѣла его лишиться. Ея крохотные пальчики ухватились за часовую цѣпочку сэра Джона.

— Покажите мнѣ, пожалуйста, ваши часы,—сказала она.

Сэръ Джонъ вынулъ изъ кармана свои большіе охотничьи часы.

Моппетъ приблизила къ часамъ свой маленькій розовый ротикъ и стала дуть на нихъ изо всѣхъ силъ.

— Почему они не открываются, какъ часы дяди Тома, когда я на нихъ дую?—спросила она.—Они испортились?

— Подуй снова, и тогда мы увидимъ, что будетъ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ, догадавшись, въ чемъ заключается маневръ Дэнби.

Какъ только Моппетъ дунула еще разъ, большая блестящая крышка часовъ мигомъ открылась.

— Смотри, какъ бы она не откусила тебѣ носъ.

— Ахъ, какіе они большіе и свѣтлые! гораздо больше и свѣтлѣе, чѣмъ у дяди Тома.

— У дяди Тома дамскіе часы, и самъ дядя Томъ дамскій кавалеръ,—отвѣчалъ сэръ Джонъ, и тройной взрывъ дѣтскаго смѣха привѣтствовалъ его шутку.

«Этихъ малютокъ нетрудно будетъ, по крайней мѣрѣ, забавлять»,—подумалъ онъ съ нѣкоторымъ облегченіемъ.

— Чай поданъ въ столовой,—объявила Адель.

— Чай въ столовой! Ахъ, какъ весело!—и дѣти снова радостно засмѣялись. Во всякомъ случаѣ они не были скучными, болѣзненными дѣтьми, которыя смотрятъ на всѣхъ уныло и страдаютъ вѣчнымъ насморкомъ.

«Они еще успѣютъ схватить корь или коклюшъ прежде чѣмъ мы отдѣлаемся отъ нихъ»,—думалъ сэръ Джонъ, рѣшившій не поддаваться обманчивымъ надеждамъ.

— О! такъ мы отправимся пить чай, да, Моппетъ?—весело сказалъ сэръ Джонъ, и понесъ ее на рукахъ въ столовую, находившуюся почти на другомъ концѣ дома, гдѣ и посадилъ въ кресло возлѣ себя за чайнымъ столомъ. Она прижалась къ нему.

— Вы теперь полюбили насъ?—спросила она.

— Да—тебя.

— Но вы полюбите и ее,—Моппетъ указала крошечнымъ пальчикомъ на сестру,—и его,—она указала на брата.—Вы насъ всѣхъ полюбите завтра утромъ.

Digitized by Google

— Завтра будетъ рождество!—объяснилъ Лэдди такимъ тономъ, какъ будто сообщалъ всѣмъ присутствующимъ важную новость.

— Рождество!—вскричалъ Дэнби,—да, это правда. Я не забуду повѣсить свой чулокъ.

Эта шутка возбудила новое веселье. Чулокъ дяди Тома! Дядя Томъ воображаетъ, что получитъ что нибудь отъ святаго Николая!

— Не смѣйтесь,—произнесъ м-ръ Дэнби серьезно.—Я повѣшу самый громадный изъ своихъ чулковъ. Онъ можетъ вмѣстить цѣлую кучу вещей.

— А что вы хотѣли бы получить?—спросилъ Лэдди, окончательно развеселившись.—Игрушки?

— Нѣтъ, я хочу шеколаду, пирожнаго, леденцовъ, эликёмпэну.

— А что значитъ эликёмпэнъ?

Названіе этого старомоднаго лакомства было принято съ насмѣшкой.

— Ахъ, какой вы, должно быть, старый сластёнка!—вскричала Моппетъ,—но я ни крошечки не вѣрю вамъ. Я приду ночью посмотрѣть, дѣйствительно ли вы повѣсили свой чулокъ.

— Ты не найдешь моей комнаты. Ты попадешь въ другую комнату, и тамъ увидишь страшнаго медвѣдя.

Моппетъ засмѣялась при мысли объ этомъ излюбленномъ сказочномъ звѣрѣ.

— Медвѣди не живутъ въ домахъ, — сказала она, — не спятъ на постеляхъ, не сидятъ въ креслахъ, не ѣдятъ ножами и вилками, какъ люди. Я прежде вѣрила этимъ сказкамъ, когда была очень маленькая; но теперь я знаю, что это неправда.

Она окинула столъ торжествующимъ взглядомъ и сжала губки съ вызывающимъ видомъ, какъ бы готовясь встрѣтить возраженія. Ея оригинальное маленькое личико, бо́льшую половину котораго занималъ широкій лобъ, заставлявшій казаться еще болѣе мелкими дѣтскія черты лица, свѣтилось умомъ. Трудно было предположить, чтобы въ такомъ крошечномъ человѣческомъ существѣ могло заключаться столько ума. Сэръ Джонъ слѣдилъ за нею съ любопытствомъ. Онъ не имѣлъ случая наблюдать дѣтей въ такомъ раннемъ возрастѣ. Его дочери

Digitized by Google

были на нѣсколько лѣтъ старше Моппетъ, когда онъ началъ обращать на нихъ вниманіе. Его изумлялъ этотъ живой и пылкій умъ, обитавшій въ такомъ миньятюрномъ созданіи.

Моппетъ окинула столъ взглядомъ; и что это былъ за столъ! Она никогда не видѣла ничего подобнаго. Лэдди и Лэсси уже принялись за дѣло, сидя по обѣ стороны миссъ Гауберкъ, разливавшей чай. Моппетъ, какъ менѣе пристрастная къ лакомствамъ, имѣла время удивляться и наблюдать. Ея большой умъ былъ гораздо голоднѣе ея маленькаго тѣла.

— О, какое множество свѣчей! — вскричала она. — Вы, должно быть, очень богаты, м-ръ старый джентльмэнъ?

Восемь высокихъ свѣчей въ двухъ тяжелыхъ, старинныхъ серебряныхъ канделябрахъ освѣщали большой круглый столъ, и на ослѣпительно бѣлой скатерти были разставлены такія блюда, которыя наиболѣе милы дѣтскому сердцу: пирожныя всѣхъ сортовъ, варенье, мармеладъ, пирожки, булочки, сахарные бисквиты, только что вынутые изъ печи, и блѣдно-желтый сливочный кремъ, въ приготовленіи котораго Корнвалль перещеголялъ своего сосѣда, Девонъ, какъ перещеголялъ его своимъ сидромъ, грушевой наливкой и копченными окороками. Кромѣ пирожнаго, варенья и крема, тамъ были еще цвѣты, рождественскія розы, настоящія розы, желтыя и красныя,— такіе цвѣты, какіе растутъ только въ оранжереяхъ у богачей. Тамъ же была еще большая серебряная ваза, въ которой Лэдди и Лэсси могли видѣть отраженіе своихъ рожицъ, красныхъ, сіяющихъ и смѣшно растянутыхъ въ ширину.

— О, дядя Томъ!—вскричала Лэсси въ восторгѣ,—мы никогда бы здѣсь не умерли.

— Во всякомъ случаѣ, не отъ голода, Лэсси.

Дѣти ничего не ѣли со времени ранняго обѣда въ Плимутѣ и, когда миссъ Гауберкъ и м-ръ Дэнби стали угощать ихъ, они съ жадностью принялись за ѣду. Сэръ Джонъ только молча глядѣлъ на нихъ и удивлялся. Они представляли для него незнакомый фазисъ человѣческаго развитія. Неужели сознаніе пробуждается такъ рано въ дѣтской душѣ? Можетъ ли разумъ быть такимъ сильнымъ, когда его тѣлесная оболочка такъ слаба и миньятюрна?

— Сколько вамъ лѣтъ, мистриссъ Моппетъ?—спросилъ

Digitized by Google

онъ, когда Моппетъ докончила свой первый ломтикъ шафраннаго кэка.

— Четыре года и три мѣсяца.

Менѣе пяти лѣтъ! Она прожила на свѣтѣ только четыре года. Но она уже разсуждала о томъ, что думала и чему вѣрила въ то время, когда была маленькой, и казалось, что она знаетъ жизнь не хуже, чѣмъ онъ въ свои шестьдесятъ пять лѣтъ.

— Скажите мнѣ, удивительная маленькая женщина, вамъ не страшно было ѣхать въ гости безъ няни?

— Безъ няни?—какъ эхо, повторила Моппетъ, широко раскрывая на сэра Джона свои большіе сѣрые глаза,—что это такое:—няня?

— Она не знаетъ,—вмѣшался Лэдди.—У насъ никогда не было няни. Это женщина въ родѣ Жюли, Моппетъ,—пояснилъ онъ,—которая ходитъ за дѣтьми. Мы зовемъ ее бонной. Только у насъ никогда не было бонны,—добавилъ онъ съ важнымъ видомъ.

— Неужели?—воскликнулъ сэръ Джонъ,—но тогда кто же, скажите, ухаживалъ за вами, укладывалъ васъ въ постель вечеромъ, одѣвалъ и умывалъ утромъ, водилъ васъ гулять или каталъ въ колясочкѣ?

— Мама,—отвѣчалъ мальчикъ.—Мама ухаживаетъ за всѣми, кромѣ меня. Я самъ одѣваюсь. Мнѣ позволяютъ самому умываться. Мама говоритъ, что я дѣлаюсь совершенно само... само...

— Стоятельнымъ!—крикнула ему Моппетъ черезъ весь столъ.—Какой ты глупый мальчикъ! Ты всегда забываешь длинныя слова.

Моппетъ становилась возбужденной. Ея щечки разгорѣлись, большіе глаза стали еще больше, а когда Моппетъ начинала говорить съ увлеченіемъ, она имѣла привычку жестикулировать и теребить скатерть обѣими ручонками, чтобы придать болѣе выраженія своей рѣчи.

— Моппетъ,—сказалъ м-ръ Дэнби,—горячій кэкъ ударилъ тебѣ въ голову. Я думаю, что пора отправиться въ постель.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, дядя Томъ! Вѣдь намъ еще рано идти спать, не правда ли?—съ мольбой спросила дѣвочка, плотно прижимаясь къ жилету сэра Джона, въ полной увѣ-

Digitized by Google

ренности, что старый джентльмэнъ представляетъ самый высшій авторитетъ въ домѣ.

— Я думаю, что ты утомлена послѣ такой длинной дороги,—отвѣчалъ баронетъ.

— Но это вовсе не длинная дорога. Мы сначала пообѣдали, а потомъ отправились гулять на берегъ. И мы видѣли море и дядя Томъ разсказывалъ намъ про...

— ...Испанскую Аркадію,—перебилъ Лэдди, который чувствовалъ, что теперь насталъ его чередъ, — и про то, какъ Дрэкъ и другіе капитаны играли въ шары на берегу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояли мы, и какъ пришла вѣсть объ испанскихъ корабляхъ, и капитаны поспѣшили къ нимъ на встрѣчу; потомъ началась буря, и кораблямъ не пришлось сражаться, потому что буря совсѣмъ разбила ихъ и они вернулись къ королю Филиппу безъ мачтъ, а королева Елизавета уѣхала верхомъ въ Тильбюри и тутъ кончилась вся Аркадія.

— Для краткаго историческаго очерка это недурно,—сказалъ м-ръ Дэнби,—но я снова повторяю, что пора идти въ постель, если только наши маленькіе друзья кончили пить чай.

— Я кончила,—отвѣтила Лэсси, зѣвая съ наслажденіемъ.

Моппетъ не желала идти въ постель. Она съѣла меньше, чѣмъ ея братъ и сестра, но болтала зато гораздо больше, хлопала ручонками по столу и дѣлала гримасы, въ то время какъ Лэсси и Лэдди могли служить образцомъ благовоспитанности.

— Я не хочу, чтобы вы дѣлали намеки и посылали меня въ постель,—говорила она Дэнби, сердито покачивая на него головкой.—Еще скучнѣе ложиться спать, когда люди подшучиваютъ надъ этимъ.

М-ръ Дэнби подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ она сидѣла, и взялъ ее на руки, какъ будто она была большой куклой, а не маленькой дѣвочкой.

— Пожелай доброй ночи сэру Джону,—сказалъ онъ.

Моппетъ наклонила къ баронету свое личико и очаровательно протянула розовыя губки, давая сэру Джону свой поцѣлуй, на который онъ отвѣтилъ отъ всего сердца.

— Унесите ее скорѣе, Дэнби; она слишкомъ возбуждена, и я никогда еще не видалъ такого забавнаго маленькаго созданія. Доброй ночи, мои дорогіе,—сказалъ онъ остальнымъ,

Digitized by Google

вставая съ кресла и направляясь къ двери.—Надѣюсь, что вы счастливо проведете рождество въ Пенлайонъ-Кэстлѣ. Адель, позаботьтесь, чтобы дѣти были устроены какъ можно удобнѣе, и чтобы распоряженія нянюшки Дэнби исполнялись безпрекословно.

Дѣти засмѣялись при этой новой шуткѣ насчетъ Дэнби и ушли спать, весело повторяя:—«няня Дэнби, няня Дэнби»!

IV.

— Ну, что же, Джекъ,—началъ м-ръ Дэнби, когда миссъ Гауберкъ покинула столовую и они съ сэромъ Джономъ остались одни, въ своихъ покойныхъ креслахъ у камина, съ сигарами въ зубахъ и бутылкой шато-лафита на столѣ.—Прощаете ли вы дѣтямъ то, что они оказались меньше, чѣмъ вы ожидали?

— Я готовъ простить все, что̀ угодно, этой младшей малюткѣ—даже еслибы она разбила мнѣ самую драгоцѣнную вазу. Въ ней много оригинальности и веселья.

— Въ ней много любви и прелести. Надо хорошо узнать этого ребенка, чтобы оцѣнить его.

— Вы, очевидно, чувствуете къ ней слабость—можетъ быть, и ко всѣмъ троимъ?

— Да, я люблю ихъ всѣхъ. Лэсси обѣщаетъ сдѣлаться настоящей красавицей. Я буду гордиться ею черезъ двѣнадцать лѣтъ, если проживу такъ долго.

— Вы говорите, что онѣ вамъ не родныя племянницы?

— Да,—несовсѣмъ родныя.

— Но,—какъ я понялъ,—они все же находятся съ вами въ нѣкоторомъ родствѣ?

— Да, они такъ близки моему сердцу, какъ только могутъ быть!

— Вашъ отвѣтъ ничего не объясняетъ.

— Вы правы, Джекъ; но вы сами не хотѣли объясненій. Дѣти должны были и пріѣхать, и уѣхать неизвѣстными для васъ. Вы требовали только, чтобы они были хорошаго происхожденія, прилично держали себя и не надоѣдали вамъ. Они не должны были возлагать на васъ какихъ нибудь надеждъ, предъявлять вамъ какія нибудь требованія. Ваше знакомство

Digitized by Google

съ ними должно было окончиться вмѣстѣ съ рождественскими праздниками.

— Незачѣмъ повторять мои слова, Дэнби. Сознаюсь, что я былъ тогда немного раздражителенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Джекъ, вы были, какъ всегда, великодушны и щедры; но, конечно, вамъ не хотѣлось давать какимъ-то бѣднымъ родственникамъ вашего друга особыхъ правъ надоѣдать вамъ просьбами и надѣяться на вашу щедрость. Возвратимся къ нашей первоначальной идеѣ, милый другъ. Эти малютки взяты на время, чтобы позабавить васъ и придать семейный отпечатокъ рождественскому празднеству. Они будутъ наслаждаться вашимъ ласковымъ гостепріимствомъ; ихъ непритворное счастье и веселье оживитъ этотъ старый уединенный домъ, а черезъ двѣ недѣли они пожелаютъ вамъ доброй ночи, съ тѣмъ чтобы никогда не появляться болѣе въ Пенлайонъ-Кэстлѣ.

— Поступайте, какъ знаете,—отвѣчалъ сэръ Джонъ съ легкимъ вздохомъ.

Онъ думалъ о своей дочери Лиліанъ—своей старшей дочери, которая всегда была послушна и своимъ замужствомъ удовлетворила его отеческую гордость. Еслибы она осталась жива и сдѣлалась матерью, какъ счастливъ онъ былъ бы видѣть молодое поколѣніе выростающимъ вокругъ него; съ какою радостью привѣтствовалъ бы онъ здоровыхъ внуковъ и цвѣтущихъ внучекъ въ домѣ своихъ предковъ, съ какою гордостью видѣлъ бы онъ, что потомки Пенлайоновъ обѣщаютъ этому имени новыя почести и новыя богатства!

Утромъ, въ половинѣ девятаго, прозвонилъ колоколъ для молитвы,—большой колоколъ, висѣвшій подъ куполомъ надъ входной дверью. Сэръ Джонъ сидѣлъ въ креслѣ у камина; передъ нимъ на столѣ лежала раскрытая библія, и онъ ожидалъ, пока соберутся домочадцы. Колоколъ еще продолжалъ звонить, когда послышался топотъ маленькихъ ножекъ въ прихожей; дверь шумно распахнулась и въ комнату ворвался Лэдди съ обѣими дѣвочками. Глаза дѣтей сверкали и щечки разгорѣлись отъ холоднаго утренняго воздуха. Моппетъ прямо подбѣжала къ сэру Джону, протянула для поцѣлуя свой свѣжій ротикъ, похожій на розовый бутонъ, и была тотчасъ же посажена на колѣни. Казалось, что это маленькое существо

Digitized by Google

было затѣмъ и создано, чтобы его сажать на колѣни,—такое оно было кругленькое, ласковое, розовое и свѣжее отъ утренняго воздуха и утренняго солнца.

— Какой хорошій садъ у васъ,—сказала Моппетъ одобрительно.

— Ты уже видѣла садъ? Какая ранняя птичка!

— Да, но только я не ѣмъ червей. Я не люблю ихъ. Они очень безобразны. *Теперь* я ихъ уже не боюсь, даже самыхъ большихъ, но я не люблю ихъ!

И, чтобы усилить послѣднія слова, она хлопала по рукаву сэра Джона своей изящной, крошечной ручкой. Всѣ движенія ея были характерны. Между тѣмъ, Лэдди и Лэсси расхаживали вокругъ накрытаго стола, гдѣ уже стояли разныя вкусныя вещи: большой корнваллійскій окорокъ, сладкій пирогъ, холодные фазаны, хрустальныя вазы съ вареньемъ, сливочный кремъ, такой, какъ подавали наканунѣ вечеромъ къ чаю,—все это обильно покрывало большой круглый столъ.

Лэдди остановился неподвижно, съ широко раскрытыми глазами, и у него вырвался глубокій вздохъ довольства.

— Бѣдная мама!—сказалъ онъ почти со слезами.

— Что такое съ мамой?—спросила Моппетъ со своего возвышеннаго мѣста на колѣнѣ сэра Джона.

— Она никогда не завтракаетъ такъ хорошо.

— Она ѣстъ то, что ей нравится. Мама не такая обжора, какъ ты. Она не станетъ радоваться ни пирожному, ни даже варенью,—сказала Моппетъ съ философскимъ видомъ.—Каждое утро она ѣстъ яйца. Ихъ кладетъ для нея иногда моя курочка.

— Такъ вы держите куръ, Моппетъ? — спросилъ сэръ Джонъ, противъ воли заинтересованный подробностями жизни своихъ маленькихъ гостей.

— Я держу курицу: пѣтухи гораздо красивѣе, но они такіе сердитые и не кладутъ яицъ. У меня есть одна курочка и у нея одна, и у него тоже одна,—продолжала Моппетъ,—и онѣ всѣ кладутъ яйца, когда могутъ, для мамина завтрака.

— Тише, моя милочка, я буду теперь читать молитвы.

— Читать молитвы?—спросила Моппетъ, глядя на него удивленными глазами.—Почему вы не читаете молитвъ утромъ, когда только что одѣлись?

Digitized by Google

— Это семейныя молитвы—за всѣхъ домашнихъ.

— А,—произнесла Моппетъ многозначительно, и ея личико вытянулось—это, должно быть, какъ въ церкви.

Въ время этой бесѣды, въ комнату вошли Адель Гауберкъ и м-ръ Дэнби. Адель тотчасъ же взяла на свое попеченіе Моппетъ, а м-ръ Дэнби—остальныхъ двухъ дѣтей. Дѣти сидѣли скромно, спокойно сложивъ ручки, но ихъ глаза съ любопытствомъ слѣдили за тѣмъ, какъ собирались слуги на молитву и занимали свои мѣста у дверей:—буфетчикъ, тучный и важный; лакей, высокій и тонкій, съ видомъ сонливой элегантности; кухарка колоссальныхъ размѣровъ; горничныя, свѣжія и нарядныя, въ своихъ ситцевыхъ платьяхъ и кокетливыхъ бѣлыхъ чепчикахъ; а позади всѣхъ собственная камеристка миссъ Гауберкъ, въ опрятномъ черномъ платьѣ и наколкѣ изъ кружевъ и лентъ, не имѣвшей даже отдаленнаго сходства съ чепчикомъ служанки.

Моппетъ, съ широко открытымъ ртомъ, громкимъ шопотомъ считала прислугу, и вдругъ, когда сэръ Джонъ только что приступилъ къ чтенію молитвъ, она обернулась къ Адели Гауберкъ и, не имѣя силъ сдержать своего удивленія, громко вскричала:

— Двѣнадцать слугъ! А у мамы только одна.

Но она тотчасъ же опечалилась, когда замѣтила, что ея звонкій дѣтскій голосокъ на минуту заглушилъ глубокое, прочувствованное чтеніе сэра Джона, и до самаго конца молитвъ она или стояла на колѣняхъ, или оставалась неподвижной, какъ статуя. Молитвы были не слишкомъ длинны. Слуги покинули комнату также тихо, какъ вошли въ нее; камеристка миссъ Гауберкъ удалилась съ неподражаемой граціей, и восхищенный лакей почтительно отворилъ ей дверь. Затѣмъ распространился нѣжный запахъ кофе; начались дѣятельныя приготовленія къ завтраку, и дѣти,—вставшія съ ранняго утра въ нетерпѣливомъ ожиданіи найти игрушки въ своихъ чулкахъ и, между прочимъ, скромные подарки отъ «мамы»,—съ удовольствіемъ принялись за ѣду. М-ръ Дэнби угощалъ ихъ и слѣдилъ, чтобы они не ѣли ничего вреднаго и тяжелаго.

Буфетчикъ, стоявшій на своемъ посту у буфета, приблизился къ Лэдди съ такимъ торжественнымъ видомъ, какъ будто тотъ былъ взрослымъ человѣкомъ, и поднесъ ему блюдо

Digitized by Google

съ фазанами и ветчиной. Лэдди бросилъ на дядю Тома умоляющій взглядъ.

— Объ этомъ нечего и думать, Лэдди! Хлѣбъ съ масломъ и яйца,—вотъ какой завтракъ полагается дѣтямъ.

Моппетъ, завтракавшая молокомъ съ хлѣбомъ, укоризненно покачала на брата головой черезъ столъ.

— Вѣдь ты знаешь, Лэдди, что у насъ никогда не подаютъ мяса къ завтраку,—сказала она,—и даже не всегда къ обѣду. Иногда у насъ подаютъ рисовый пуддингъ, иногда мучной пуддингъ,—пояснила она, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ,—такъ что мы не нуждаемся въ мясныхъ блюдахъ. Для насъ это пріятнѣе, а для мамы дешевле.

Она чувствовала себя также легко въ столовой Пенлайона, какъ въ своей дѣтской. Она придвинула свое кресло къ самому локтю сэра Джона и такимъ образомъ отвоевала себѣ право сидѣть возлѣ него. Моппетъ чувствовала склонность къ болѣе грубому полу, быть можетъ, потому что ея первымъ другомъ былъ Дэнби, баловавшій ее, какъ никто. Она восхищалась Аделью, ей нравились платье Адели и ея прическа; но сидѣть она хотѣла непремѣнно возлѣ милаго стараго джентльмэна съ черными бровями и серебряными волосами, который бралъ ее на колѣни и разговаривалъ съ нею своимъ глубокимъ, мужественнымъ голосомъ.

Церковь находилась у самыхъ воротъ Пенлайона, и они всѣ отправились туда въ это прекрасное рождественское утро. Въ этомъ году рождество было, какъ говорятъ, «зеленое»; воздухъ былъ нѣжный и теплый, небо голубое, и солнце ярко освѣщало безлиственные дубы, буки и зеленыя заросли.

— На рождество всегда долженъ быть снѣгъ,—сказала Лэсси.—Это ужъ не настоящее рождество, если нельзя играть въ снѣжки.

Дѣти вели себя очень скромно въ церкви; было замѣтно, что церковная служба знакома имъ, хотя только одинъ Лэдди заглядывалъ въ свой молитвенникъ, причемъ читалъ всегда не то, что̀ слѣдовало. Моппетъ не сказала ни слова въ теченіе долгой деревенской обѣдни, хотя ея глаза и подвижный ротикъ краснорѣчиво говорили о томъ, какое удивленіе возбуждалъ въ ней памятникъ, находившійся противъ нея у стѣны и изображавшій джентльмэна, стоявшаго на колѣняхъ рядомъ

Digitized by Google

съ величественной лэди, между тѣмъ какъ позади нихъ виднѣлись два ряда также колѣнопреклоненныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, по шести на каждой сторонѣ.

— Дѣйствительно, у нихъ было по шести штукъ?—спросила Моппетъ сэра Джона, когда они возвращались домой и она сѣменила за нимъ своими маленькими ножками, ухватившись крошечной ручкой за его сильные пальцы.

— Чего по шести штукъ, и у кого?

— Было ли у этого джентльмэна шесть маленькихъ мальчиковъ, а у этой лэди шесть маленькихъ дѣвочекъ?

— Да, Моппетъ, но и мальчики, и дѣвочки принадлежали имъ поровну.

— А почему же мальчики стоятъ отдѣльно?

— Я думаю, это распредѣленіе произошло случайно.

— И они всѣ уже умерли тогда, когда дѣлали имъ этотъ памятникъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ; иначе я былъ бы плохаго мнѣнія о корнвалліискомъ климатѣ, за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

— Такъ эти маленькіе мальчики жили такъ давно назадъ?—спросила Моппетъ.

— О, да; почти триста лѣтъ назадъ.

— Триста лѣтъ... Какъ жаль! хотѣла бы я имѣть шесть маленькихъ мальчиковъ, чтобы играть съ ними!

— Ну, что ты стала бы дѣлать съ ними?

— Мало ли что? Мы играли бы въ войну. Втроемъ нельзя играть въ войну. Троихъ слишкомъ мало.

— И, кромѣ того, Моппетъ, пришлось бы двумъ нападать на одного, а это не годится.

— Да, но Лэдди такъ больно дерется. Мы съ Лэсси стараемся его повалить и сѣсть на него; и когда онъ не можетъ подняться, мы побѣдили!—объясняла Моппетъ съ торжествующимъ видомъ.

Лэсси, которая шла впереди съ Аделью, подбѣжала къ нимъ и пошла по другую сторону возлѣ сэра Джона, тоже вложивши въ его руку свою ручку, почти такую же маленькую, какъ ручка Моппетъ.

— Надѣюсь, что вы и меня любите также, хоть немного,— сказала она съ забавной важностью.

Digitized by Google

— Конечно, Лэсси. Я нахожу тебя очень милой маленькой дѣвочкой.

— Но вы любите ее больше меня,—она указала на Моппетъ.

— Нѣтъ, я только ближе съ нею познакомился. Она такая смѣлая молодая лэди, что мы съ ней уже старые друзья.

— А это нехорошо—быть смѣлой?—спросила Моппетъ задумчиво.

— Въ четыре года не бѣда. Но не вздумай прыгать къ старому джентльмэну на колѣни и обнимать его за шею, когда тебѣ будетъ двадцать четыре года.

— Я тогда буду слишкомъ велика, и не стану цѣловать джентльмена, если только не полюблю его, какъ васъ. Маленькія дѣвочки сидятъ на колѣняхъ у папы, вѣдь правда?

— Иногда.

— Конечно, послушныя маленькія дѣвочки. И въ этомъ нѣтъ ничего нехорошаго?

— Да, Моппетъ, ничего. Отцы затѣмъ и созданы, чтобы у нихъ сидѣли на колѣняхъ.

— Я бы хотѣла, чтобъ вы были моимъ отцомъ.

— Почему, Моппетъ?

— Потому что у меня никогда не было отца. Никогда. Это странно, вѣдь правда, странно? Другія маленькія дѣвочки находили это также страннымъ, когда я разсказывала имъ объ этомъ. Моя мама...—Моппетъ остановилась въ замѣшательствѣ,—она такая женщина, у которой умеръ мужъ...

— Вдова,—подсказалъ сэръ Джонъ, вздрогнувшій при такомъ оборотѣ разговора.

— Да, вдова. И я родилась послѣ того, какъ папа умеръ. Это было такъ давно, что я не помню, и мама была такая грустная, ужасно грустная, и такая больная, что совсѣмъ не заботилась обо мнѣ. Она даже не знала, что я была на свѣтѣ. Только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она узнала обо мнѣ; и когда узнала, то очень полюбила меня, и вотъ почему я теперь ея любимое дитя,—объяснила Моппетъ.

— Не надо говорить про любимыхъ дѣтей. Мать любитъ всѣхъ дѣтей одинаково.

— Это не правда,—возразила Моппетъ.—Но вы—не мать и ничего въ этомъ не понимаете, а потому лучше и не спорьте.

Digitized by Google

Сэръ Джонъ принялъ очень смиренно это возраженіе, и такъ какъ они тѣмъ временемъ уже подошли къ дому, то онъ объявилъ своей молодой дамѣ, что ему необходимо написать нѣсколько писемъ, а потому онъ долженъ проститься съ нею на нѣкоторое время. Маленькая женщина подняла къ нему опечаленное личико. Она была привязчивымъ ребенкомъ и успѣла почувствовать симпатію къ сэру Джону.

— А мнѣ можно идти съ вами?—спросила она умоляющимъ тономъ.—Я буду очень смирной. Я сижу возлѣ мамы, когда она пишетъ письма, и она позволяетъ мнѣ иногда вытирать перо.

Сэръ Джонъ былъ вѣжливъ, но твердъ. Онъ былъ очарованъ Моппетъ, но предпочиталъ писать свои письма не въ ея присутствіи.

— Мы встрѣтимся за обѣдомъ,—сказалъ онъ, низко нагибаясь, чтобы поцѣловать крошечную ручку.

— И я буду сидѣть возлѣ васъ?—спросила Моппетъ.

— Возлѣ меня, съ правой стороны, какъ самая почетная гостья.

V.

Первый день рождества въ Пенлайонѣ былъ, по мнѣнію сэра Джона, днемъ искупленія. Обѣдали въ этотъ день въ пять часовъ вмѣсто восьми, чтобы прислуга могла на свободѣ попировать вечеромъ.

— Да, попировать! — съ сокрушеніемъ повторилъ сэръ Джонъ, когда ему изложили это дѣло во всѣхъ подробностяхъ, и онъ увидѣлъ, что ему необходимо принести жертву, которую ежегодно приноситъ каждый почтенный глава британской семьи. — Они должны насладиться своимъ вечеромъ, чортъ возьми! Какъ будто они не имѣютъ триста шестьдесятъ пять вечеровъ въ году, когда могутъ веселиться, сколько душѣ угодно, отъ девяти до одиннадцати. Нѣтъ! имъ надо еще отравить нашъ праздничный вечеръ воспоминаніемъ о такомъ нелѣпо-раннемъ обѣдѣ, между тѣмъ какъ сами они въ это время будутъ хохотать или играть въ фанты въ своей залѣ. Все это ужасно глупо.—Тѣмъ не менѣе, сэръ Джонъ далъ свое согласіе. Онъ примирился съ пятичасовымъ обѣдомъ, и забавлялся ра-

Digitized by Google

достью своихъ маленькихъ гостей, которые въ восторгѣ хлопали ручонками и прыгали и скакали, точно кузнечики.

— Мы будемъ сегодня поздно обѣдать!—кричали они цѣлымъ хоромъ тоненькихъ, серебристыхъ голосковъ.

— Ахъ, вы бѣдняжки!—воскликнула миссъ Гауберкъ.—Развѣ вы никогда не обѣдали поздно дома, даже на рождество?

— Никогда,—отвѣчалъ мальчикъ.—У насъ нѣтъ никакихъ позднихъ обѣдовъ. Мама обѣдаетъ съ нами очень рано, а вечеромъ, когда зажигаютъ свѣчи, мы пьемъ чай, и мама, и всѣ мы, и ѣдимъ сандвичи съ вареньемъ, а я учу свой урокъ при огнѣ, пока мама укладываетъ спать Лэсси и Моппетъ.

— Онъ сидитъ такъ поздно, потому что онъ старшій,—пояснила Моппетъ, обращавшая всѣ свои маленькія рѣчи исключительно къ сэру Джону,—и мы не учимъ складовъ, потому что мы еще очень малы. Но я знаю почти всѣ склады, которые учитъ Лэдди,—прибавила она съ лукавымъ торжествомъ.—Лэдди такой медленный, я гораздо быстрѣе его.

— Ты ужь слишкомъ быстра, Моппетъ,—сказалъ Денби, взявъ на руки крошечную женщину и вглядываясь въ нее съ нѣкоторой грустью.—Еслибы мои часы шли также быстро, какъ работаетъ твой мозгъ, я сталъ бы бояться, что механизмъ не выдержитъ такой работы.

Дѣти отправились бродить по утесамъ, въ сопровожденіи миссъ Гауберкъ и Дэнби, котораго они называли дядей Томомъ. Въ то время какъ они любовались серебристыми чайками,—которыя съ крикомъ носились надъ водой или опускались на прибрежныя скалы,—и черными бакланами, нырявшими за рыбой, къ нимъ присоединился сэръ Джонъ.

— Вы написали всѣ свои письма?—строго спросила Моппетъ.

— Написалъ ровно столько, сколько было нужно, малютка. Теплый день соблазнилъ меня, и я вышелъ прогуляться.

Моппетъ, не ожидая приглашенія, ухватилась за указательный палецъ сэра Джона и не выпускала его изъ своей твердой маленькой ручки. Онъ могъ только удивляться, что такіе пальчики могли держать такъ крѣпко.

— А что думаетъ Моппетъ о морѣ?—спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Ваше море лучше, чѣмъ наше—дома. Тутъ такія большія, большія скалы, и такъ много черныхъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ птицъ. Дядя Томъ сейчасъ показывалъ намъ скалу, которая вся была покрыта птицами. Совсѣмъ не видно было земли—все только однѣ птицы. И когда дядя Томъ бросилъ камень,—всѣ онѣ поднялись, захлопали крыльями и стали кричать, какъ будто люди. Это было такъ весело!

— Такъ, значитъ, дома ты живешь у моря, Моппетъ?

— Да, но когда настаетъ сезонъ, мама сдаетъ нашъ домъ англійскому семейству, а мы переѣзжаемъ на ферму, гдѣ коровы, и свиньи, и утки, и куры, и гдѣ мы всѣ носимъ деревянные башмаки и бѣгаемъ по грязи. Это было такъ весело!

— Итакъ, Моппетъ, ты только на половину англійская дѣвочка. Ты живешь на той сторонѣ пролива?—сказалъ сэръ Джонъ.

— Я не знаю, что̀ значитъ проливъ. Мы живемъ во Франціи, но мы не французы,—буква *р* представляла затрудненіе, которое не всегда могла побѣдить даже Моппетъ со своимъ необыкновенно яснымъ произношеніемъ.—Мама—англичанка, и папа англичанинъ, мы всѣ англичане.

— Твой отецъ *былъ* англичанинъ,—поправилъ ее сэръ Джонъ.—Ты сказала мнѣ, что твой отецъ умеръ.

— Ахъ, мы никогда не говоримъ про отца, что онъ *былъ*. Мама хочетъ, чтобъ мы думали, что онъ всегда съ нами, хотя мы и не можемъ его видѣть. Его духъ, видите ли, всегда возлѣ насъ, и онъ радъ, когда мы добрые, и ему очень, очень грустно, когда мы злые—особенно когда мы ссоримся и обижаемъ другъ друга. Лэдди и не подумалъ объ этомъ, когда ударилъ меня такъ больно,—продолжала Моппетъ, какъ бы говоря о какомъ нибудь историческомъ событіи, въ родѣ возстанія въ Индіи,—а то онъ не сдѣлалъ бы этого. Но онъ вспомнилъ объ этомъ послѣ, и ему было ужасно грустно, что онъ огорчилъ отца.

— Какъ это случилось, Моппетъ, что вы не говорите по французски, хотя живете во Франціи?

— Это потому, что мама всегда говоритъ съ нами по англійски. Мама не хочетъ, чтобы мы учились французскому языку у прислуги и простыхъ людей; и мы знаемъ только необходимыя слова, названія разныхъ предметовъ—пищи, одежды и

Digitized by Google

такъ далѣе;—знаемъ, какъ спросить дорогу или объяснить людямъ, гдѣ мы живемъ, на тотъ случай если когда нибудь потеряемся. И мы кое-что знаемъ. Мы по неволѣ учимъ французскія слова на берегу моря, гдѣ мы слышимъ, какъ болтаютъ маленькія французскія дѣти, хотя мама не позволяетъ намъ играть съ ними. И мама скоро начнетъ насъ учить французской грамматикѣ, какъ только мы подростемъ и станемъ учиться какъ слѣдуетъ. Но я—заключила Моппетъ, принимая важный видъ,—еще не скоро буду учиться.

— Какими привилегіями пользуется эта маленькая особа! Почему это, скажи пожалуйста?

— Потому что я слишкомъ умна, говоритъ м-ръ Мишель. Я слишкомъ много понимаю для своихъ лѣтъ. И если меня станутъ утомлять уроками, у меня сдѣлается водянка въ мозгу!

— М-ръ Мишель, вѣроятно, вашъ докторъ?

— Да; онъ гомеопатъ.

— Только дуракъ могъ сказать такую вещь въ присутствіи этой милой крошки!—проворчалъ сэръ Джонъ.

— Нѣтъ, онъ, въ сущности, не дуракъ,—отвѣчала Моппетъ важнымъ тономъ.—Онъ не зналъ, что я могу услышать. Я играла въ саду, а въ гостинной было открыто окно, и я взяла свой маленькій стулъ, поставила его подъ окно и все время сидѣла на немъ тихонько и слушала.

— Это было нехорошо, Моппетъ.

— Такъ и мама сказала, когда я сообщила ей. Но почему нехорошо слушать? Они все время говорили обо мнѣ.

— Можетъ быть; но ты все таки не должна была слушать.

— Я терпѣть не могу секретовъ насчетъ *меня*. Я не люблю докторовъ, которые шепчутся въ углу насчетъ лѣкарства, и мама на другое утро заставляетъ меня пить что нибудь очень гадкое, все изъ-за этихъ противныхъ докторовъ. Но м-ръ Мишель не похожъ на нихъ. Онъ прописываетъ намъ только пилюли и мятныя лепешечки. А вы можете глотать пилюли и не раскусить ихъ?

— Не знаю, Моппетъ; я никогда ихъ не пробовалъ. Противъ злой подагры такія нѣжныя средства не помогаютъ.

Обѣдъ въ Пеплайонъ-Кэстлѣ, на этотъ знаменательный рож-

Digitized by Google

дественскій день, представлялъ очень важную функцію. Кухарка превзошла саму себя въ приготовленіи плумпуддинга, мясныхъ пироговъ, кремовъ, желэ и пирожныхъ, поощряемая въ своихъ усиліяхъ мыслью о дѣтяхъ. Что̀ пользы готовить торты и желэ для стола сэра Джона, когда хозяинъ дома рѣдко отвѣдываетъ эти вещи и не удостоиваетъ взглядомъ самыя лучшія кушанья и самый превосходный кэкъ съ ромомъ? Но пріятно готовить эти лакомыя блюда для дѣтей, даже если малютки захвораютъ, наѣвшись слишкомъ много сластей. Рождество бываетъ только разъ въ году; незачѣмъ портить себѣ удовольствіе размышленіями о дѣтскихъ болѣзняхъ и докторахъ.

Такимъ образомъ, кремы и желэ, и пирожныя были размѣщены на обѣденномъ столѣ въ такомъ порядкѣ, чтобы дѣти могли любоваться ими. Радостны и шумны были восклицанія дѣтей при видѣ этого пиршественнаго стола, озареннаго блескомъ высокихъ свѣчей, горѣвшихъ въ старинныхъ серебряныхъ канделябрахъ; при видѣ хрустальныхъ вазъ, наполненныхъ конфектами и фруктами, красивыхъ корзинъ съ крупнымъ виноградомъ, цвѣтовъ, ослѣпительной скатерти и сверкающаго, какъ алмазъ, граненаго хрусталя.

— Я никогда не обѣдала такъ поздно,—сказала Моппетъ и прибавила, вздохнувъ отъ удовольствія:—это такъ прекрасно!

Дѣти одѣлись къ обѣду, и въ ихъ нарядахъ не было ничего жалкаго и претенціознаго. На Лэдди былъ черный бархатный костюмъ, а дѣвочки были въ бѣлыхъ кашемировыхъ платьяхъ, которыя дѣлали ихъ болѣе прежняго. похожими на двухъ прелестныхъ куколокъ. Торжествомъ обѣда былъ пуддингъ. По старинному правилу, въ комнатѣ погасили огонь и тогда уже внесли огромный плумпуддингъ, окруженный пламенемъ, и всѣ присутствующіе казались призраками въ голубомъ фантастическомъ свѣтѣ. Эта церемонія, повторявшаяся во всей Англіи, въ каждомъ домѣ, гдѣ были дѣти, можетъ быть, немного надоѣдала старшимъ, но была очень интересна для дѣтей, въ особенности для самыхъ маленькихъ, которыя сначала немного пугались при видѣ пылающаго демона-пуддинга, а потомъ, когда проходилъ первый испугъ, приходили въ неистовый истерическій восторгъ.

Пуддингъ привѣтствовали страшнымъ хлопаньемъ крошеч—

Digitized by Google

ныхъ ручекъ, похожимъ на аплодисменты эльфовъ и маленькихъ фей. Всѣ пришли въ восторгъ, особенно когда оказалось, что въ пуддингѣ было нѣсколько новыхъ сикспэнсовъ. Возбужденіе достигло крайней степени, когда м-ръ Дэнби нашелъ сикспэнсъ въ своей порціи пуддинга и сталъ вслухъ перечислять, сколько прекрасныхъ вещей онъ можетъ купить на эту сумму, чѣмъ совершенно поразилъ Моппетъ.

— Вы, конечно, отдадите мнѣ свой сикспэнсъ,—сказала она, протягивая свою крошечную ручку,—онъ вамъ ни на что не нуженъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—воскликнулъ м-ръ Дэнби.—Напротивъ, онъ мнѣ очень нуженъ. Сикспэнсъ всегда и всюду остается сикспэнсомъ.

— Но такой старый человѣкъ, какъ вы, не можетъ нуждаться въ сикспенсѣ,—возразила Моппетъ съ важностью.

— Почему же не можетъ? Есть множество вещей, которыя можетъ пріобрѣсти за сикспэнсъ человѣкъ моихъ лѣтъ. Сигару, напримѣръ.

— Но *этотъ* сикспэнсъ вамъ не нуженъ. У васъ всегда куча денегъ. Я видѣла, какъ вы вынимали шиллинги—полную горсть шиллинговъ—изъ жилетнаго кармана, когда платили за наши бріоши или покупали намъ игрушки. Вамъ не нуженъ этотъ сикспэнсъ.

— Онъ мнѣ нуженъ не для того, чтобы его истратить. Я буду беречь его на счастье. Я проверчу въ немъ дырочку и буду носить близь сердца въ воспоминаніе объ этомъ рождественскомъ обѣдѣ съ вами—о вашемъ первомъ позднемъ обѣдѣ.

— Я рада этому,—сказала Моппетъ съ великимъ облегченіемъ.—Я боялась, что вы окажетесь скрягой.

Лэдди и Лэсси привѣтствовали это замѣчаніе громкимъ смѣхомъ.

— Скряга! Дядя Томъ—скряга? Но вѣдь ты же знаешь, что онъ всегда приноситъ намъ подарки. Мама иногда просто ссорится съ нимъ, чтобы онъ не тратилъ на насъ такъ много денегъ,—сказалъ Лэдди.

— Дядя Томъ купилъ намъ шолковые чулки,—объявила Лэсси.—Настоящіе шолковые, какъ у взрослыхъ. Ихъ прислали въ письмѣ изъ магазина. Забавное письмо, не правда ли? Мама сказала дядѣ Тому, что онъ ужасно расточительный

Digitized by Google

человѣкъ, но онъ только засмѣялся. Онъ ни крошечки не скряга; онъ не дѣлаетъ такъ, какъ Моппетъ, которая кладетъ всѣ свои полуфранки въ копилку, а потомъ выпрашиваетъ у мамы су на лакомства.

Въ пуддингѣ оказались и еще сикспэнсы. Каждый изъ дѣтей находилъ въ своей порціи новенькую блестящую монету, а Моппетъ нашла даже двѣ. Полный и солидный буфетчикъ, разрѣзывавшій пуддингъ при свѣтѣ единственной свѣчи, былъ, вѣроятно, причастенъ къ этимъ чудеснымъ находкамъ.

Если пуддингъ, съ его таинственнымъ, голубымъ сіяніемъ, произвелъ такое сильное впечатлѣніе, то елка, стоявшая въ старинной тюдоровской залѣ и освѣщенная множествомъ восковыхъ свѣчей,—которыя ярко отражались на старинномъ вооруженіи знаменитыхъ старыхъ воиновъ, — произвела еще болѣе поразительное дѣйствіе. Миссъ Гауберкъ наскоро разослала приглашенія, и явилось нѣсколько штукъ маленькихъ гостей: хорошенькія дѣвочки, дочери священника, и дѣти двухъ единственныхъ благородныхъ семействъ, которыя жили недалеко отъ Пенлайона; м-ръ Никльсъ, старый холостякъ-докторъ, также былъ приглашенъ, быть можетъ, съ тайнымъ умысломъ, что онъ не позволитъ маленькому обществу черезчуръ объѣдаться сладкимъ. Всѣ эти маленькія дѣвочки носили длинные, тщательно причесанные и завитые волосы, и недовѣрчиво посматривали на коротко-остриженныя головки Лэсси и Моппетъ.

— У васъ и у нея былъ тифъ?—спросила у Моппетъ одна изъ дѣвочекъ, указывая на Лэсси.

— Нѣтъ!

— Такъ зачѣмъ же у васъ острижены волосы?

— Это французская мода,—важно пояснила Моппетъ.—Мы не французы, но живемъ во Франціи, и мама стрижетъ намъ волосы по французски.

— А! — произнесла длинноволосая дѣвочка съ облегченіемъ.—Но это очень безобразно. Грэсъ, однажды, тоже обстригли волосы, но у нея былъ тифъ. Ваша мама, должно быть, странная особа.

— Нѣтъ, вовсе не странная!—крикнула Моппетъ, тотчасъ же вспыхнувъ.—Она и на половину не такая странная, какъ ваша мама,—продолжала она, указывая на толстую красно-

Digitized by Google

лицую даму въ черномъ бархатѣ.—Я бы не хотѣла, чтобы моя мама была такая же толстая и красная, какъ ваша!—И, выпаливъ этотъ послѣдній выстрѣлъ, Моппетъ величественно удалилась, оставивъ длинноволосую, акуратно причесанную дѣвочку въ сильномъ смущеніи, изъ котораго та не умѣла выйти, потому что наслѣдовала отъ матери расположеніе къ полнотѣ, но не обладала находчивостью.

Сэръ Джонъ, исполнивъ довольно неохотно обязанности гостепріимнаго хозяина, только что усѣлся въ кресло, стоявшее въ уютномъ уголкѣ, близъ камина. Моппетъ направилась прямо къ нему, вскарабкалась на колѣни, положила головку къ нему на грудь и стала смотрѣть на него тѣмъ взглядомъ нѣмаго обожанія, какой онъ замѣчалъ въ темно-карихъ глазахъ своей любимой испанской собаки.

— Тебѣ наскучили, Моппетъ, твои новые маленькіе друзья?—спросилъ онъ ласково.

— Я не люблю дѣтей. Они такія глупыя,—отвѣчала Моппетъ съ убѣжденіемъ:—я люблю васъ гораздо больше.

— Въ самомъ дѣлѣ, ты любишь меня? Хотѣлъ бы я знать, какъ велика твоя любовь. Ты любишь меня также, какъ пирожное?

— О, какой глупый вопросъ! Развѣ можно любить пирожное такъ, какъ любятъ живаго человѣка?

— Ты считаешь это невозможнымъ? А я увѣренъ, что въ Боскэстлѣ найдется много маленькихъ мальчиковъ, для которыхъ плумпуддингъ гораздо дороже, чѣмъ всѣ ихъ родные.

— Это, должно быть, злые маленькіе мальчики. Лэдди—обжора, но онъ не такой злой и жадный. Еслибы онъ былъ такой, я не согласилась бы жить съ нимъ въ одномъ домѣ.

— Изъ боязни, что онъ сдѣлается каннибаломъ и съѣстъ тебя?

— Что это такое — каннибалъ? Каннибалъ развѣ ѣстъ людей?

— Не думай объ этомъ, Моппетъ; каннибалы живутъ не въ нашихъ странахъ,—поспѣшно сказалъ сэръ Джонъ, испугавшись, что сдѣлалъ промахъ и что, пожалуй, если объяснить Моппетъ значеніе этого слова, у нея сдѣлается кошмаръ, и ей будутъ сниться всю ночь страшные каннибалы, пожирающіе дѣтей.

Digitized by Google

Его предупреждалъ Дэнби, что Моппетъ обыкновенно видала во снѣ то, что̀ испугало или поразило ее днемъ, и что послѣ такихъ страшныхъ сновъ она пробуждалась, покрытая холоднымъ по̀томъ, съ дико-расширенными глазками и судорожно-сжатыми ручками. Ей снились лѣшіе, фантастическіе страшные люди, которые продали свою тѣнь; голодные волки, которые хотѣли съѣсть маленькихъ дѣвочекъ въ красныхъ шапочкахъ. Ей было опасно разсказывать старыя сказки, которыя такъ нравятся дѣтямъ и такъ разстраиваютъ имъ нервы и дѣлаютъ ихъ трусливыми.

Сэръ Джонъ посмотрѣлъ внизъ на темную головку, такъ любовно прижимавшуюся къ его жилету, и на длинныя темныя рѣсницы, полузакрывшія глубокіе темно-сѣрые глаза.

— Итакъ, ты дѣйствительно любишь меня?—спросилъ онъ.

— Я, дѣйствительно, люблю васъ. Не такъ крѣпко, какъ маму, но очень, очень много люблю.

— Также много, какъ Дэнби—какъ дядю Тома?

— Больше, чѣмъ дядю Тома; но, пожалуйста, не говорите ему объ этомъ. Онъ будетъ огорченъ.

— Конечно, будетъ. Дядя Томъ ревнивъ. Онъ можетъ запереть тебя въ желѣзной башнѣ.

Второй промахъ! Моппетъ будутъ сниться желѣзныя башни. Воображеніе, подогрѣтое плумпуддингомъ, можетъ создать самый ужасный кошмаръ. По счастью, Моппетъ не обратила вниманія на желѣзную башню. Она задумалась—задумалась глубоко, и вдругъ, поднявъ на сэра Джона серьезные темно-сѣрые глаза, сказала:

— Я люблю васъ больше дяди Тома, потому что вы важнѣе его, и потому что у васъ такой красивый большой домъ. Вѣдь это вашъ домъ, не правда ли—вашъ самый собственный?

— Мой самый собственный. Итакъ, тебѣ нравится мой домъ, Моппетъ? И тебѣ жаль будетъ уѣхать отсюда?

— О, нѣтъ! вѣдь я уѣду къ мамѣ.

— Такъ ты любишь свой собственный домъ лучше, чѣмъ этотъ большой домъ?

— Нѣтъ, не лучше. Я не такая глупая. Нашъ домъ—маленькій веселый домикъ, и онъ стоитъ въ маленькомъ веселомъ садикѣ, который спускается внизъ, по горѣ. Дядя Томъ говоритъ, что тамъ очень здоровая мѣстность. У насъ есть

Digitized by Google

маленькій салонъ, маленькая столовая и хорошенькая маленькая кухня, гдѣ живетъ наша служанка, и четыре маленькія спальни. Это былъ прежде рыбачій коттэджъ, а потомъ англійская леди,—старая леди—купила его, построила новыя комнаты и сдѣлала все красивымъ, а потомъ умерла; и тогда дядя Томъ увидѣлъ этотъ коттэджъ и нанялъ его для мамы.

— И тамъ родилась моя маленькая Моппетъ?

— Нѣтъ, я родилась далеко, далеко оттуда—въ горахъ.

— Въ какихъ горахъ?

— Въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ. Это ужасно далеко оттуда, но я не умѣю вамъ разсказать, гдѣ,—добавила Моппетъ, торжественно потрясая своей стриженой головкой,—потому что, когда я родилась, я не могла еще ничего помнить. Лэдди говоритъ, что мы ѣхали черезъ море, но мы не должны спрашивать у мамы объ этомъ времени, а Лэдди такой глупый,—онъ могъ солгать мнѣ.

— А Лэсси не помнитъ, чтобы вы ѣхали на кораблѣ?

— Она помнитъ джентльмэна, который давалъ ей конфекты.

— А корабля не помнитъ?

— Нѣтъ, не помнитъ; но она говоритъ, что, должно быть, это было на кораблѣ, потому что дулъ такой сильный вѣтеръ и джентльмэнъ то подымался, то опускался, какъ будто его качало! Лэдди увѣряетъ, что онъ помнитъ имена всѣхъ матросовъ, но я думаю, что онъ не можетъ этого помнить.

— И единственный домъ, который ты помнишь, это вашъ теперешній домъ на горѣ?

— Гдѣ теперь мама,—да, только этотъ, и я очень люблю его. А вы любите свой домъ?

— Да, Моппетъ; каждый человѣкъ любитъ тотъ домъ, въ которомъ онъ родился. Я родился здѣсь.

Моппетъ взглянула на него съ удивленіемъ.

— Развѣ это такъ странно?—улыбаясь, спросилъ сэръ Джонъ.

— Да, странно, что вы тоже родились,—простодушно отвѣчала Моппетъ,—вы такой старый.

— Да, но каждый человѣкъ долженъ когда нибудь родиться.

— Это было, вѣроятно, ужасно давно, когда родились вы и дядя Томъ?

Digitized by Google

Громкій трескъ хлопушки прервалъ философскія разсужденія Моппетъ. Это было сигналомъ для сокрушеніи елки. Хлопушки—золотыя, серебряныя, голубыя, красныя и зеленыя — были розданы гостямъ и съ трескомъ хлопали повсюду, прежде чѣмъ Моппетъ успѣла подбѣжать къ елкѣ и протянуть маленькія ручки съ крикомъ: «И мнѣ! И мнѣ! И мнѣ»!

Было рѣшено не трогать елки до тѣхъ поръ, пока дѣти не кончатъ пить чай. Лэдди и Лэсси, въ качествѣ друзей дома, выражали неудовольствіе и нетерпѣніе, что чай тянется такъ долго. Но вдругъ появился дядя Томъ, въ длинномъ бархатномъ халатѣ сэра Джона, съ чернымъ бархатнымъ колпакомъ на головѣ, изображая собой таинственнаго волшебника, и сталъ раздавать хлопушки дѣтямъ, прыгающимъ и кричащимъ въ восторгѣ:—И мнѣ! И мнѣ!

М-ру Дэнби стоило большихъ хлопотъ перерядиться такимъ образомъ. Онъ сдѣлалъ себѣ длинную бороду изъ бѣлыхъ лошадиныхъ волосъ—бороду, которую могло носить само престарѣлое время и которая достигала м-ру Дэнби до самаго пояса. Но дѣти едва взглянули на него и не выразили никакого изумленія. Все, чего они желали, это было—хлопушки и подарки съ елки.

— Мнѣ, мнѣ! Еще хлопушку, пожалуйста! Дайте еще одну, пожалуйста, пожалуйста!—Это былъ всеобщій крикъ, среди котораго звенѣли еще болѣе младенческіе голоски:— Дайте мнѣ куколку! Дайте мнѣ эту хорошенькую игрушку.— И маленькія ручки указывали на золоченые блестящіе часики или на куклу въ газовомъ платьѣ, усыпанномъ серебряными звѣздами.

Но игрушки, висѣвшія на елкѣ, были сдѣланы только для виду и должны были служить лишь украшеніемъ. Настоящія игрушки заключались въ огромной бѣльевой корзинѣ, которую внесли въ залу двое людей, сгибаясь подъ ея тяжестью. Тамъ было достаточно игрушекъ для всѣхъ, и м-ръ Дэнби сталъ раздавать ихъ съ удивительнымъ безпристрастіемъ. Онъ вручилъ даже миссъ Гауберкъ одинъ пакетъ, перевязанный голубой лентой, изъ котораго выглядывала пара длинныхъ перчатокъ, какія любятъ носить молодыя дѣвушки. Адель вскрикнула отъ радости при видѣ перчатокъ, точь въ точь какъ кричали дѣти, получая игрушечные поѣзда и кукольные до-

Digitized by Google

мики. Когда дѣти получили подарки по своему вкусу и настало всеобщее довольство, корзина оказалась пустой только до половины. Лэдди съ любопытствомъ заглянулъ въ нее, продолжая держать въ рукахъ свой подарокъ, превосходный маленькій поѣздъ желѣзной дороги, сдѣланный по образцу настоящихъ вагоновъ.

— Тамъ еще цѣлая куча игрушекъ!—сказалъ онъ м-ру Дэнби по свойственной дѣтямъ настойчивой жадности.—Намъ дадутъ также и эти игрушки, также?

— Нѣтъ, Лэдди. Ты получилъ свою долю. Остальное предназначено другимъ дѣтямъ.

— Какимъ дѣтямъ?

— Ты узнаешь это, Лэдди, въ свое время.

Но Лэдди думалъ, что было бы гораздо лучше раздѣлить теперь же между дѣтьми и остальныя игрушки.

Для Моппетъ волшебникъ выбралъ куклу — прелестную куклу съ длинными волосами и вытаращенными голубыми глазами, которые занимали добрую треть ея лица. Природа выказала необыкновенную щедрость, надѣливъ куклу такими чудовищно-огромными глазами. Но для впечатлительной Моппетъ кукла сдѣлалась живымъ существомъ, какъ только очутилась у нея въ рукахъ.

— Моя милочка, я придумаю тебѣ имя!—нѣжно шептала она куклѣ.—Тебя надо звать Мэри, также какъ меня.

Она подбѣжала къ сэру Джону со своимъ сокровищемъ.

— Не правда ли, вѣдь она прехорошенькая?—и, не ожидая отвѣта, Моппетъ прибавила:—Ее зовутъ Мэри.

Имя его покойной жены! Сэръ Джонъ слегка вздрогнулъ при звукѣ этого имени, столь знакомаго когда-то и столь чуждаго теперь.

— Почему Мэри?

— Ее назвали также, какъ меня. Я ей крестная мать. Я научу ее катехизису. Лэдди будетъ скоро учить катехизисъ.

— Итакъ, у тебя есть тёзка. Я думалъ, что тебя зовутъ Моппетъ,—сказалъ сэръ Джонъ, въ то время какъ Моппетъ, положивъ куклу на его колѣни, осторожно и боязливо разглядывала это чудное созданіе, наряженное въ кружевную юбочку и голубые атласные башмачки.

— Мое настоящее имя не Моппетъ,—отвѣчала она.—Ну

Digitized by Google

развѣ можно кого нибудь назвать Моппетъ! Это у мамы привычка давать намъ въ шутку разныя имена,—все равно какъ Лэдди и Лэсси.

— Такъ у васъ по нѣскольку именъ:—одни для будней, другія—для праздниковъ? А какъ же зовутъ Лэдди, скажи мнѣ, пожалуйста?

— Также, какъ васъ.

— А, такъ его имя Джонъ—да?

— Да, Джонъ—но не сэръ Джонъ. Онъ не баронетъ,—сказала малютка, съ усиліемъ выговаривая трудное слово, которому ее учила прислуга, какъ необходимому прибавленію къ имени добраго стараго джентльмэна, такъ ласково обращавшагося съ Моппетъ. — Станетъ ли онъ *баронетомъ*, когда выростетъ?

— Это будетъ зависѣть отъ его успѣха. Я думаю, что онъ съумѣетъ выиграть баронетскій титулъ.

— Выиграть? Въ карты?

— Но что же знаетъ о картахъ моя маленькая Моппетъ?

— Очень много. Мы играемъ съ дядей Томомъ въ восемьдесятъ одинъ и онъ говоритъ, что это почти такая же хорошая игра, какъ въ бак-бак-бак-карà!—Она споткнулась нѣсколько разъ надъ этимъ словомъ, но наконецъ таки выговорила его съ торжествомъ.

— Я начинаю бояться, что дядя Томъ—опасный товарищъ для дѣтей.

— Онъ опасный. Такъ и мама говоритъ. Онъ водитъ насъ гулять на площадь, позволяетъ ѣздить на ослахъ; одинъ разъ я упала съ сѣдла—Моппетъ приняла самый важный видъ—и ушибла себѣ локоть. Кровь прошла сквозь рукавъ платья. Лэсси никогда не падала съ сѣдла. Лэдди падалъ. Онъ почти каждый разъ валится на землю. Онъ слишкомъ сильно колотитъ осла ногами. Ослы могутъ выносить много толчковъ, потому что у нихъ очень толста кожа, но Лэдди уже слишкомъ сильно погоняетъ. Онъ бываетъ нехорошій мальчикъ... иногда,—прибавила Моппетъ задумчиво.

Ей нравилось стоять возлѣ колѣнъ сэра Джона, съ куклой въ рукахъ, между тѣмъ какъ остальныя дѣти играли въ «почту», собравшись шумнымъ кругомъ возлѣ Дэнби и Адели на другомъ концѣ комнаты. Разноцвѣтныя свѣчи на елкѣ

Digitized by Google

были потушены не догорѣвшими до конца, и елка стояла еще въ своемъ уборѣ, обвѣшанная золотыми шарами, яркими апельсинами, блестяще-зелеными и красными рыбками, и воздушными куклами, которыя прыгали и трепетали среди вѣтвей.

— Развѣ ты не хочешь, Моппетъ, поиграть съ дѣтьми? У нихъ, кажется, началась такая веселая игра.

— Я не люблю играть. Мнѣ хочется остаться здѣсь, съ вами и съ Мэри. Вы не сердитесь, что я стою возлѣ васъ?

— Нѣтъ, моя милочка. Я готовъ пробыть съ тобой, пока тебѣ пора будетъ спать.

Намекъ на спанье всегда кажется непріятнымъ для дѣтей. Въ этомъ приказаніи идти спать, которое выслушиваютъ дѣти каждый вечеръ, есть что-то унизительное для нихъ—они чувствуютъ себя какъ бы изгнанными и лишенными послѣднихъ удовольствій вечера. Въ то время какъ старшія сестры садятся въ карету, чтобы ѣхать въ оперу или на балъ, маленькихъ укладываютъ спать и для нихъ начинается безконечная скучная ночь, между тѣмъ какъ старшіе, въ это время, веселятся и наслаждаются. Какое ужасное неравенство допускаетъ судьба!

— Вѣдь, правда, это красивое дерево?—тотчасъ же спросила Моппетъ, обращая глаза на волшебную елку, которая возвышалась посреди залы до самаго потолка, простирая во всѣ стороны свои горизонтальныя вѣтви, обвѣшанныя блестящими украшеніями.

— Да, это прекрасный образецъ хвойной породы.

— Меня только одно печалитъ,—начала Моппетъ со вздохомъ.

— А что именно?

— Что не у всѣхъ дѣтей бываетъ елка.

— Ахъ ты, маленькая соціалистка! Ты хочешь, чтобы всѣ дѣти также весело проводили рождество, какъ ты?

— А почему этого нельзя? Вѣдь они такія же хорошія, какъ я; правда, вѣдь, такія же?

— Я думаю, что такія же, Моппетъ; только тебѣ пришлось встрѣчать рождество здѣсь, а тѣ дѣти встрѣчаютъ его въ другомъ мѣстѣ. Но не печалься, моя крошка; сегодня повсюду зажжено множество рождественскихъ елокъ, украшенныхъ игрушками и золотыми цвѣтами, и тысячи дѣтей танцуютъ

Digitized by Google

вокругъ нихъ такія же счастливыя и радостныя, какъ ты и Лэсси и Лэдди.

— А какихъ дѣтей больше на свѣтѣ—тѣхъ, у которыхъ есть елка, или тѣхъ, у которыхъ нѣтъ?—спросила Моппетъ черезъ минуту, по свойственной дѣтямъ любви къ точнымъ цифрамъ.

— Боюсь, что тѣхъ дѣтей, у которыхъ нѣтъ елки, гораздо больше, чѣмъ ихъ счастливыхъ братьевъ.

— И развѣ это не жалко? Еслибъ еще безъ елки остались гадкія, капризныя дѣти,—начала Моппетъ тономъ строгаго судьи;—но я вѣдь знаю, что злые мальчики и дѣвочки получаютъ игрушки, между тѣмъ какъ бѣдныя добрыя дѣти не имѣютъ ничего, потому что у ихъ мамы нѣтъ денегъ. Наша мама не богата, но у насъ всегда была елка на рождество, съ тѣхъ поръ какъ я стала помнить—а я помню два рождества. Это была маленькая елочка, но такая хорошенькая Дядя Томъ прислалъ намъ всѣ игрушки и украшенія, и разноцвѣтныя свѣчи въ большомъ деревянномъ ящикѣ; и мы всѣ помогали мамѣ убирать елку. Это гораздо интереснѣе, чѣмъ не знать ничего про елку и стоять въ темнотѣ передъ закрытой дверью, а потомъ войти въ залу и удивиться. Нѣтъ, намъ было гораздо интереснѣе, и мы потомъ тоже удивились, когда зажгли на елкѣ всѣ свѣчи. Елка стала совсѣмъ другая.

— И ты не узнала бы куколъ, еслибъ встрѣтила ихъ на улицѣ?—сказалъ сэръ Джонъ, улыбаясь взволнованной малюткѣ.

Настала роковая минута идти спать и положила конецъ этой бесѣдѣ. Длинноволосыя дѣвочки и другіе маленькіе люди стали прощаться; дѣвочекъ закутали въ розовые и голубые капоры и плащи; мальчики съ мужественнымъ усиліемъ стали натягивать рукава своихъ зимнихъ пальто.

Холодный вѣтеръ подулъ изъ вестибюля, когда открыли наружную дверь—рѣзкій морозный вѣтеръ.

— Погода измѣнилась,—сказалъ м-ръ Дэнби.—Въ Брайтонѣ и Портсмутѣ выпалъ снѣгъ. Я не буду удивленъ, если наше «зеленое» рождество сдѣлается бѣлымъ.

— О, какъ это будетъ хорошо!—вскричалъ Лэдди, хлопая въ ладоши.

— Ты не желаешь ли, чтобы тебя засыпало снѣгомъ въ

Digitized by Google

Пенлайонѣ? Что жь—хоть нашъ Корнвалль и не славится обиліемъ снѣга, но, можетъ быть, намъ удастся исполнить твое желаніе,—весело сказалъ сэръ Джонъ.

VI.

Когда Моппетъ, на слѣдующее утро, посмотрѣла въ окно, она увидѣла, что все кругомъ побѣлѣло отъ снѣга, деревья стояли покрытыя инеемъ, тонкія вѣтви казались серебрянымъ кружевомъ и сверкали на солнцѣ. Подъ голубымъ безоблачнымъ небомъ дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Снѣгъ долженъ былъ идти очень долго, чтобы закрыть паркъ и сады пышнымъ бѣлымъ покровомъ. Но утро было яркое и солнечное, и Моппетъ радовалась ясной погодѣ.

За завтракомъ ее ожидалъ пріятный сюрпризъ. Она получила маленькій подарокъ отъ матери—мягкую шаль изъ шотландской шерсти, связанную материнскими руками и бѣлую, какъ снѣгъ, только что выпавшій на дворѣ. Эта шаль была предназначена для того, чтобы закутывать головку и плечи Моппетъ, когда она будетъ бѣгать въ саду. Лэсси получила точно такую же шаль, а Лэдди — большой плотный бѣлый шарфъ. Все это было прислано по почтѣ на имя м-ра Дэнби.

— Развѣ мама знала, что станетъ холодно? — удивлялась Лэсси.

— Мама всегда знаетъ то, что̀ будетъ, — важно отвѣчала Моппетъ.

Кромѣ того, сдѣлалось извѣстнымъ, что опять будетъ балъ—второй дѣтскій балъ, инициатива котораго принадлежала м-ру Дэнби и миссъ Гауберкъ, и что надо было только спросить одобренія у сэра Джона.

Не возразитъ ли онъ что нибудь противъ того, чтобы устроить сегодня елку и маленькій дѣтскій вечеръ въ школѣ для деревенскихъ дѣтей? Украшеній для елки и хлопушекъ осталось еще много въ корзинѣ.

— Ахъ, милыя хлопушки!—вздохнула Моппетъ.—Такъ вы согласны? — спросила она сэра Джона, придвигая немного свой стулъ, чтобы сидѣть поближе къ «старому джентльмэну».—Вы согласны, чтобы деревенскія дѣти немного повесе-

Digitized by Google

лились? Они казались такими миленькими вчера въ церкви, въ своихъ красныхъ плащахъ.

— Эти красные плащи подарилъ имъ сэръ Джонъ, — замѣтила миссъ Гауберкъ.

— Какой вы добрый! Но вы, въ самомъ дѣлѣ, согласны, да? Они такія славныя дѣти. Я увѣрена, что они станутъ беречь свои игрушки.

На колѣняхъ у Моппетъ была ея кукла, затиснутая между передникомъ малютки и столомъ, и Моппетъ дѣлала видъ, что кукла глотаетъ полныя ложки хлѣба съ молокомъ.

Сэръ Джонъ ничего не возразилъ противъ дѣтскаго вечера. Пусть устраиваютъ елки, хоть для всѣхъ корнвалійскихъ дѣтей, при помощи доброй феи.

— Что такое добрая фея?

Пришлось объяснить Моппетъ, что̀ значитъ фея, чтобы она могла успокоиться и докончить свое молоко съ хлѣбомъ. Въ своемъ возбужденіи она стучала ложкой по краю блюдечка, и ея большіе темносѣрые глаза, казалось, стали еще больше, когда она слушала объясненіе.

Днемъ нѣсколько разъ принимался идти снѣгъ, поддерживая свѣжесть обширнаго бѣлаго ковра, закутавшаго паркъ. Сѣверо-восточный вѣтеръ продолжалъ дуть съ пронзительной свирѣпостью, незнакомой этому западному берегу, и разносилъ малѣйшіе признаки облаковъ на яркомъ голубомъ небѣ. Дѣти надѣвали теплые плащи, выбѣгая на террасу, которую садовники очистили отъ снѣга, сложивъ его большой кучей возлѣ террасы; это былъ запасной матеріалъ для снѣжнаго болвана, котораго принялись сооружать дѣти, при помощи м-ра Дэнби, на другомъ концѣ террасы, подальше отъ оконъ, чтобы этотъ превосходный образчикъ скульптуры не мозолилъ ничьихъ глазъ.

Этотъ безобразный снѣжный болванъ былъ оконченъ лишь къ раннему дѣтскому обѣду, хотя дѣти трудились изо всѣхъ силъ, бѣгали за снѣгомъ раскраснѣвшіяся, возбужденныя, и цѣлыми грудами таскали матерьялъ для своего геніальнаго скульптора—дяди Тома, который до тѣхъ поръ не отрывался отъ работы, пока не докончилъ снѣжнаго чудовища, имѣвшаго также мало сходства съ человѣческой фигурой, какъ верстовой столбъ. Сходство это достигалось лишь посредствомъ ста-

Digitized by Google

раго бумажнаго колпака дяди Тома, коротенькой трубки, двухъ кусочковъ угля, замѣнявшихъ глаза, и двухъ обломковъ палки, служившихъ вмѣсто носа и рта.

— Я думаю, что теперь онъ готовъ,—сказалъ скульпторъ съ довольнымъ видомъ.

— Онъ немного кривой, — замѣтилъ критически Лэдди, между тѣмъ какъ дѣвочки стояли раскраснѣвшіяся, задыхающіяся, исполненныя восторга передъ этимъ великимъ произведеніемъ искусства.

— Не говори этого, Лэдди!—вскричалъ скульпторъ.—Кривизна въ этомъ случаѣ была бы гибельна. Снѣжный болванъ долженъ держаться прямо или онъ погибъ. Лучше принеси мнѣ еще снѣгу.

Дѣти устремились за снѣгомъ съ лопаточками и корзинками, которыя когда-то служили маленькимъ дочерямъ сэра Джона и которыя нашла теперь, среди хлама въ кладовой, служанка Сара. Появился новый запасъ снѣга; дядя Томъ укрѣпилъ фундаментъ снѣжнаго чудовища, которое сдѣлалось теперь похожимъ на древній друидскій памятникъ и было, наконецъ, предоставлено своей судьбѣ.

— Теперь великанъ будетъ стоять до самой оттепели, — сказалъ дядя Томъ.

— Оттепель его испортитъ?

— Да, какъ только настанетъ оттепель, онъ молчаливо испарится и исчезнетъ въ пространствѣ, подобно видѣнію. Отъ него останется только большая лужа на томъ концѣ террасы.

Дядя Томъ отправилъ дѣтей перемѣнить чулки и башмаки передъ обѣдомъ. Онъ заботился о дѣтяхъ, какъ добрая старая няня.

Сэръ Джонъ отправился на охоту по снѣжнымъ полямъ, и ранній дѣтскій обѣдъ былъ очень шумнымъ и непринужденнымъ. М-ръ Дэнби и миссъ Гауберкъ позволяли дѣтямъ дѣлать что угодно. Дэнби объявилъ, что сегодня такой праздникъ, когда и большіе, и маленькіе пользуются полной свободой. Никогда еще не было такъ весело за обѣдомъ въ Пенлайонъ-Кэстлѣ, насколько помнила Адель.

— Рождество обыкновенно проходило ужасно скучно въ этомъ домѣ,—говорила она.—Каждый ждетъ особеннаго веселья на рождество, и потому Пенлайонъ казался въ это

Digitized by Google

время еще болѣе скучнымъ. Вамъ хорошо было, м-ръ Дэнби, охотиться по цѣлымъ днямъ съ сэромъ Джономъ и проводить вечера за игрой на бильярдѣ, а мнѣ, бѣдной, ничего болѣе не оставалось, какъ заниматься чтеніемъ.

Бѣдную Адель уже столько лѣтъ отправляли, въ качествѣ плѣнницы, встрѣчать рождество въ Пенлайонѣ, что она потеряла счетъ. Отецъ и мать увѣряли ее, что она обязана ѣздить на праздники къ своему дядѣ и развлекать его въ благодарность за то, что онъ такъ любитъ ее. Эта увѣренность въ томъ, что сэръ Джонъ чувствуетъ привязанность къ дочери своей сестры, не имѣла, въ сущности, никакого основанія, но мистриссъ Гауберкъ, мать Адели, была убѣждена, что ея дочь будетъ законной наслѣдницей своего дяди.

— Долженъ же онъ кому нибудь оставить свои деньги,— говорила она мужу,—отчего же не Адели, въ такомъ случаѣ Послѣ столькихъ лѣтъ отчужденія, онъ никогда не согласится простить Сибиллу.

— Легче всего случается неожиданное,—сентенціозно замѣтилъ м-ръ Гауберкъ.—Цыплятъ считаютъ по осени, а не тогда, когда они еще не вылупились изъ яйца. Вашъ братъ не обязанъ оставлять свои деньги кому бы то ни было. Онъ можетъ пожертвовать ихъ на больницу, какъ дѣлаютъ многіе старые скряги.

— Вы не имѣете никакого основанія называть моего брата скрягой.

— Но я не имѣю также основанія считать его чѣмъ нибудь инымъ.

— Вы съ нимъ никогда не понимали другъ друга. Что же касается Адели, онъ любитъ видѣть ее въ Пенлайонѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что очень привязанъ къ ней.

Вечеръ для деревенскихъ дѣтей былъ также удаченъ, какъ вечеръ для дѣтей высшаго сословія, и Моппетъ играла на школьной елкѣ гораздо болѣе важную роль, чѣмъ наканунѣ, въ залѣ Пенлайона. Она участвовала всѣмъ сердцемъ въ этомъ деревенскомъ празднествѣ. Ея глазки сіяли, какъ звѣзды; ея щечки горѣли отъ радости. Хорошенькій, маленькій школьный домикъ, къ которому примыкала квартира учителя, былъ построенъ тридцать лѣтъ назадъ сэромъ Джономъ, когда онъ только что вступилъ во владѣніе своимъ наслѣдствомъ, и все

Digitized by Google

въ этомъ зданіи было ново, чисто и красиво. Елка была поставлена въ классной комнатѣ мальчиковъ, а чай пили въ комнатѣ для дѣвочекъ. Дѣти не должны были ничего знать про елку и про богатыя игрушки, пока не кончатъ чай, послѣ котораго огонь долженъ быть погашенъ, дверь между обѣими классными комнатами открыта—и дѣти внезапно увидятъ передъ собой чудную елку во всемъ блескѣ зажженныхъ свѣчей.

Это будетъ торжественный моментъ, и сердечко Моппетъ билось съ ужасающей быстротой, когда она думала о восторгѣ дѣтей.

— Они, дѣйствительно, никогда не видали елки?—спросила она Адель,—никогда, никогда, никогда?

— Да, они никогда не видали елки. По близости, такъ мало богатыхъ семействъ, гдѣ устраиваютъ елку, а въ Пенлайонѣ, за послѣдніе годы, совсѣмъ не было дѣтей. Эти бѣдныя маленькія существа не знаютъ никакихъ удовольствій, кромѣ лѣтнихъ угощеній у священника.

— Но вѣдь лѣтомъ для нихъ не могли устраивать елку?—въ раздумьѣ спросила Моппетъ.—Это было бы просто глупо.

Моппетъ взяла на себя офиціальныя обязанности. Она должна была раздавать презенты при помощи школьнаго учителя, который долженъ былъ называть ей имена дѣтей и руководить ею по части выбора игрушекъ. Длиннобородый волшебникъ не появлялся въ этотъ вечеръ. М-ръ Дэнби считалъ излишнимъ переряжаться на этотъ разъ, помня, какъ мало обратили на него вниманія дѣти въ Пенлайонъ-Кэстлѣ, и какъ всѣ ихъ мысли были сосредоточены на елкѣ и подаркахъ. Сельскія дѣти, конечно, должны были оказаться еще менѣе впечатлительными.

Дѣти сидѣли за чайнымъ столомъ, скромно прожевывая торты, скромно протягивая пустыя чашки, чтобы ихъ вновь наполнили горячимъ чаемъ, который былъ заранѣе приготовленъ, съ молокомъ и сахаромъ, въ большой вазѣ. Никому не приходилось подбавлять сахару, или выбирать торты по вкусу; для всѣхъ былъ приготовленъ одинаковый горячій, сладкій чай съ молокомъ. Кромѣ тостовъ, были также свѣжія булки. Не забыли наполнить блюда и ярко-желтыми кэками. Но булки понравились болѣе всего. Моппетъ никогда бы не повѣрила, что такое множество булокъ можетъ быть прогло-

Digitized by Google

чено за такой короткій срокъ. Это было почти также интересно, какъ представленіе фокусника, глотающаго живыхъ кроликовъ. Кэковъ оставалось еще на половину, когда было кончено чаепитіе, но булки оказались всѣ съѣденными.

Вдругъ наступила темнота, послышались радостныя восклицанія: Ахъ! Ахъ! Дверь распахнулась—и елка предстала передъ восхищенными взорами дѣтей, которыя въ восторгѣ захлопали руками и шумно устремились къ елкѣ.

О, это было чудное дерево! Оно казалось здѣсь гораздо больше, чѣмъ въ обширной залѣ Пенлайонъ-Кэстля. Фея, въ газовомъ платьѣ, укрѣпленная на вершинѣ елки, прикасалась головой къ потолку школьной комнаты.

Хлопушки были источникомъ величайшаго восторга, и Томъ Смитъ, приготовлявшій эти издѣлія, сдѣлался героемъ вечера. Лэдди былъ совершенно въ своей сферѣ, разрывая хлопушки передъ носомъ деревенскихъ ребятишекъ, которые никогда не видали такихъ штукъ и каждый разъ вскрикивали, когда хлопушка съ трескомъ разрывалась. Лэдди не ожидалъ получить игрушекъ, но зато рѣшилъ вдоволь насладиться хлопушками. Лэсси, какъ настоящая маленькая леди, оставалась возлѣ Адели Гауберкъ, въ то время какъ продолжался этотъ простонародный дѣтскій балъ, и не чувствовала склонности вдыхать запахъ крашенаго бумажнаго бархата и кожаныхъ сапоговъ, столь неизбѣжный въ такомъ обществѣ. Но Моппетъ расхаживала среди дѣтей, переходя отъ одного къ другому, раздавала игрушки, заранѣе предназначенныя для каждаго, поясняла, ободряла, и была настоящей хозяйкой вечера, крошечной «доброй феей», раскраснѣвшейся и пылавшей отъ удовольствія.

Въ то время, когда всеобщее веселье достигло высшей точки, въ дверяхъ залы появился сэръ Джонъ. Моппетъ тотчасъ же кинулась къ нему. Повидимому, онъ всегда составлялъ какую-то притягательную силу для этой юной особы. Она стремилась къ нему, какъ яблоко, падая, стремится на землю.

— Развѣ это не весело?—спросила она.—Развѣ они не счастливы? Развѣ у нихъ не раскраснѣлись лица отъ радости?

— И твое личико тоже красное, Моппетъ! У тебя лихорадка отъ волненія. Не лучше ли сѣсть ко мнѣ на плечо и

Digitized by Google

сверху любоваться зрѣлищемъ, вмѣсто того чтобы задыхаться въ этой жаркой и тѣсной толпѣ.

Послѣ рѣзкаго морознаго воздуха, атмосфера классной комнаты казалась похожей на жарко натопленную печь. Игрушки всѣ были розданы, ящикъ опустѣлъ, блестящія куклы и украшенія были сняты съ зеленыхъ вѣтокъ елки. Только неестественные золоченые фрукты, серебряныя и золотыя рыбки, и пестрые флаги еще оставались среди зелени, да разноцвѣтныя свѣчи, догорая, потухали и курились легкимъ дымкомъ.

Моппетъ, сидя на плечѣ сэра Джона, разглядывала толпу дѣтей, изъ которыхъ каждый былъ счастливъ и доволенъ и съ восторгомъ любовался своими игрушками.

— А теперь, дѣти,—началъ школьный учитель,—прокричите три раза ура въ честь сэра Джона!

— Нѣтъ, нѣтъ!—протестовалъ сэръ Джонъ.—Я тутъ непричемъ.

Но протесты были напрасны—дѣти прокричали три раза оглушительное ура.

— Теперь ура для миссъ Гауберкъ?

Снова оглушительно завопили дисканты и басы.

— Теперь ура м-ру Дэнби, который всегда такъ добръ къ вамъ!

Новый крикъ, еще болѣе громкій и пронзительный—крикъ сердецъ, переполненныхъ горячей благодарностью.

— Теперь ура маленькой дѣвочкѣ, которая раздавала вамъ игрушки!

Еще привѣтствіе, на этотъ разъ послѣднее — для пенлайонскихъ гостей, по крайней мѣрѣ,—потому что сэръ Джонъ обратился въ бѣгство, унося на своемъ плечѣ Моппетъ. Но долго еще, сквозь темноту зимней ночи, доносились къ нему веселые крики изъ школы, когда онъ спѣшилъ домой по скрипучей, засыпанный снѣгомъ, аллеѣ, черезъ паркъ.

— О, какой это былъ счастливый вечеръ!—сказала Моппетъ съ высоты своего сидѣнья на плечѣ сэра Джона.

— А теперь вамъ пора въ постель,—отозвался м-ръ Дэнби.

— Нѣтъ, дядя Томъ, я ни крошечки не хочу спать.

Digitized by Google

Вопреки этому энергическому увѣренію, Мошетъ заснула, прежде чѣмъ они добрались до дому; ее раздѣли спящую и уложили въ постель, и она ничего не знала до слѣдующаго утра, когда проснулась веселая и свѣжая, и была поражена, увидавъ, что теперь уже утро, а не вечеръ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

На югѣ.

Садъ роскошный скученъ зимнею порою,
Въ дни, пока деревья инеемъ одѣты
И таятся всѣ знакомыя примѣты
Подъ пушистой, мягкой снѣжной пеленою:
Пусть еще вездѣ однообразно-бѣло,
И напрасно ищешь отдыха для взора;
Но весна должна сюда вернуться скоро,—
Въ воздухѣ февральскомъ сразу потеплѣло...
Хоть и хуже станетъ на двѣ-три недѣли,
Какъ земля, оттаявъ, превратится въ слякоть;
Да начнетъ природа оттепелью плакать,
Чтобъ на вѣткахъ почки вдругъ зазеленѣли...
Въ мартѣ жь старый Днѣпръ подъ нашими горами,
Сбросивъ цѣпи льда, забудетъ злую вьюгу
И въ апрѣлѣ вновь свободными волнами
Бодро устремится къ золотому югу...
Отзовется въ маѣ пѣсней соловьиной
Уголки родные дорогаго сада
Тамъ, гдѣ,—бѣдной жизни высшая отрада,—
Юность промелькнула чудною картиной...
Только нѣтъ возврата ни любви, ни счастью:
Все, что краситъ жизнь, навѣки отлетѣло,—
Мы впередъ плетемся вяло и несмѣло,
Отданные въ жертву вѣчному ненастью...
Такъ зачѣмъ—весна намъ? Схваченъ чувствомъ злобы,
И въ сознаньѣ горькомъ доли неизбѣжной,
Съ крикомъ обращаюсь я къ мятели снѣжной:
Пусть меня зароетъ въ снѣжные сугробы!

С. Кіевскій.

Digitized by Google

ЧТО НАСЪ ИНТЕРЕСУЕТЪ ВЪ ЖУРНАЛАХЪ?

(Письмо въ редакцію).

Въ декабрьской книгѣ «Русскаго Вѣстника» появилось письмо *Читателя*: «О скучномъ и веселомъ» въ нашей прессѣ. Это—очень хорошее и во всѣхъ отношеніяхъ благонамѣренное письмо, въ которомъ г. Читатель съ похвальной храбростью отстаиваетъ толстые журналы, горячо протестуя противъ изреченія какой-то газетки, что въ толстыхъ журналахъ «сплошная тоска»,—и, наконецъ, патетически восклицаетъ:

«Скука, тоска! Но кому и что? Не значитъ ли скука, въ переводѣ на обыкновенный языкъ—обстоятельное изложеніе, болѣе значительный размѣръ, отсутствіе зубоскальства и скандала, отсутствіе пикантныхъ оглавленій? Можетъ быть, потому газетные писатели и считаютъ себя «веселыми» и «интересными», что пишутъ по самымъ серьезнымъ вопросамъ сотню-другую строкъ и стараются играть «бойкими словечками»?

Какъ видите, г. Читатель не любитъ газетной поверхностности. Не любитъ онъ и тѣхъ журнальчиковъ, которые выѣзжаютъ на разныхъ преміяхъ и, по его словамъ, подносятъ своимъ читателямъ «цѣлую массу *совершенно безплатнаго* вздора, атласныя подтяжки, билеты лотереи въ пользу голодающихъ» и т. п. Не любитъ онъ, наконецъ, и самого себя, т. е. современнаго читателя, который, по его мнѣнію, сталъ легкомысленъ, скупъ и нетерпѣливъ.

«Все говорятъ, что нынче нѣтъ хорошихъ писателей», — продолжаетъ онъ съ замѣтнымъ, отнюдь не читательскимъ, огорченіемъ,— «а я бы спросилъ: много ли нынче хорошихъ читателей? Количество ихъ увеличилось, но качество? Какъ нынче читаютъ, какъ смотрятъ на книгу? Одинъ мой пріятель былъ просто пораженъ, найдя въ письмахъ своего дѣда къ своему отцу извѣщеніе о высылкѣ ему журналовъ на 36 рублей въ годъ. Отецъ его, служившій въ то время въ глуши, получалъ годоваго жалованья всего 560 рублей и никакихъ другихъ средствъ не имѣлъ. Изъ 560 руб. отдать 36 за журналы—поищите нынче такихъ читателей! А это примѣръ не только

Digitized by Google

не исключительный, но прямо заурядный — конечно, по отношенію къ тогдашнимъ образованнымъ людямъ. Въ полную противоположность прежнему читателю, нынѣшній не любитъ тратиться на книги и журналы»...

Что и говорить, хорошо, горячо пишетъ г. Читатель «Русскаго Вѣстника»! При этомъ же онъ, очевидно, не молодъ—старину любитъ — и въ мѣру консервативенъ. Вѣдь, какъ никакъ, а съумѣлъ же онъ, кстати, слезу пролить въ память родителей своего пріятеля, да и всѣхъ прежнихъ людей приласкать... Короче: хорошій читатель!

Одно неладно: благородства у него хоть отбавляй, а разсужденіе мѣстами какъ-то хромаетъ. Никакъ не разберешь, о чемъ, по совѣсти говоря, душа его тоскуетъ. Началъ онъ съ выговора газетамъ и легковѣснымъ журнальчикамъ съ преміями, какъ бы давая понять, что заправскіе читатели (вѣдь онъ самъ читатель) предпочитаютъ солидные журналы. Но тутъ же онъ поворачивается налѣво кругомъ и начинаетъ задавать трепку своей братьѣ, читателямъ, изъ чего видно, что въ его глазахъ и они по меньшей мѣрѣ ненадежны. Въ концѣ своего письма онъ даже впадаетъ въ меланхолію и говоритъ: «Мои соображенія, вѣроятно, тоже не интересны. Пусть такъ. Сущность ихъ—надѣюсь, однако—ясна»!

Съ этимъ ужь никакъ нельзя согласиться. Въ томъ-то и горе, что письмо г. Читателя написано не безъ горячности, но сущность его такъ и не выяснилась. Точно онъ разсердился на что-то и не договорилъ. Началъ онъ хорошо, мы было и уши развѣсили... А онъ вдругъ вспомнилъ что-то, обидѣлся, смялъ все въ комокъ, да такъ и не договорилъ, что̀ намъ надо читать и что̀ слѣдуетъ считать интереснымъ. Даже досадно.

Подозрѣваю я, впрочемъ, что г. Читатель самъ замѣтилъ, что запутался въ своихъ разсужденіяхъ—оттого и забастовалъ на полусловѣ. Сами, молъ, разбирайтесь! А запутался онъ только потому, что имѣетъ слабость къ *обобщеніямъ*. Онъ обобщилъ толстые журналы, обобщилъ газеты, обобщилъ даже всѣхъ читателей. На этомъ онъ и срѣзался, потому что такихъ обобщеній дѣлать нельзя.

Прежде всего, о читателяхъ. При всемъ моемъ уваженіи къ покойнымъ предкамъ моихъ пріятелей, я никакъ не могу согласиться, что наши отцы и дѣды больше интересовались литературой и что они тратили больше денегъ на книги. Это не согласуется съ тѣмъ, что̀ намъ повѣствуетъ исторія литературы, и совершенно опровергается журнальной и библіотечной статистикой [1]). За послѣднее пятидесятилѣтіе, серьезныхъ читателей у насъ стало въ двадцать разъ

[1]) См. статьи г. Рубакина въ «Русскомъ Богатствѣ».

Digitized by Google

больше, да и качествомъ современные читатели стоятъ неизмѣримо выше дореформенныхъ, хотя бы только потому, что они гораздо образованнѣе. Въ этомъ и заключается вся трудность нынѣшняго журнальнаго дѣла, ибо удовлетворять умственнымъ потребностямъ помѣщиковъ, получившихъ «домашнее образованіе при французѣ», несравненно легче, чѣмъ писать для людей дѣйствительно интеллигентныхъ. Усложнилось дѣло еще тѣмъ, что вмѣсто дореформенныхъ читателей самаго однообразнаго качества—исключительно помѣщиковъ и служилыхъ людей изъ помѣщиковъ или ихъ подражателей—явились всевозможныя категоріи чатателей разнаго уровня, изъ всѣхъ общественныхъ классовъ и съ очень сложными умственными потребностями.

Въ зависимости отъ разнообразія читателей, должны существовать и различные органы печати, что́ и осуществляется сообразно спросу. То, что́ интересуетъ академика, врядъ ли интересно для повивальной бабки, а то, что́ можетъ приковать вниманіе кисейной барышни, не всегда любопытно прокурору судебной палаты. Каждый слой нашего общества имѣетъ свои потребности, свои интересы и, въ зависимости ото всего этого,—свои требованія отъ литературы. Пренебрегать кѣмъ бы то ни было журналистъ и писатель не имѣютъ права. Поэтому, невполнѣ справедливо и пренебреженіе г. Читателя къ мелкой прессѣ. Сотни тысячъ дьячковъ, писцовъ, мелкихъ чиновниковъ, лавочниковъ и т. д. выписываютъ теперь дешевенькіе журнальчики, а прежде ничего не читали. Слѣдуетъ ли изъ этого, что мы пошли назадъ, хотя бы дешевые журнальчики и были въ самомъ дѣлѣ легковѣсны? Разумѣется, очень желательно, чтобы и мелкая пресса,—въ особенности народная,—поднялась до такого уровня, чтобы ее можно было считать вполнѣ серьезнымъ органомъ общественной мысли. Но это достигается лишь постепенно и въ свое время осуществится. Уже теперь, на нашихъ глазахъ, худшіе газеты и журналы этого типа рушатся и гибнутъ, тогда какъ удержавшіеся совершенствуются. Какъ хотите, а это добрый признакъ.

Что касается газетъ, то сравнивать ихъ съ «толстыми журналами» не приходится, потому что интересъ къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ газетами,—совершенно другаго порядка, чѣмъ интересъ къ толстымъ журналамъ и книгамъ. Отъ газеты требуется лишь то же самое, что́ отъ собесѣдника средней руки или, вѣрнѣе, отъ цѣлаго ряда собесѣдниковъ, достаточно знакомыхъ съ текущими событіями, умѣющихъ разсказывать сжато и въ общихъ чертахъ, а—главное—чуткихъ ко всему, что́ можетъ составить злобу дня. Самый ярый поклонникъ толстыхъ журналовъ съ удовольствіемъ просматриваетъ по утрамъ «свою» газету, и это нисколько ему не вредитъ.

Digitized by Google

Остается поговорить о «толстыхъ журналахъ». Въ основной своей мысли г. Читатель, разумѣется, правъ: только въ толстыхъ журналахъ можно найти такой же цѣнный матерьялъ для чтенія, какъ въ отдѣльныхъ книгахъ; только въ нихъ могутъ появляться вполнѣ обработанныя статьи, какъ научныя, такъ и по текущимъ вопросамъ; наконецъ, только въ нихъ печатаются содержательныя и выдающіяся беллетристическія произведенія. Но это мы знаемъ и безъ г. Читателя. Что бы онъ ни думалъ о насъ, а мы не ищемъ научныхъ статей въ «Петербургскомъ Листкѣ», какъ не подписываемся на толстые журналы ради прорывающихся и въ нихъ скандальчиковъ. (Что такое, какъ не сплошной скандалъ, всѣ безграмотныя писанія г. Волынскаго?). Вообще, не мѣшаетъ здѣсь напомнить, что въ большинствѣ случаевъ нынѣшній читатель отнюдь не глупѣе и не менѣе образованъ, чѣмъ многіе изъ сотрудниковъ нѣкоторыхъ журналовъ, вслѣдствіе чего говорить о читателѣ свысока—неумѣстно и несправедливо, а назойливо браться руководить его вкусами и мыслями—даже наивно. Водили когда-то читателей на помочахъ; но это было въ то время, когда покойный дѣдушка нашего пріятеля выписывалъ журналовъ на 36 рублей и когда читатели имѣли лишь цензъ «домашняго воспитанія», тогда какъ журналистъ иногда могъ похвастаться образованіемъ, полученнымъ въ дворянскомъ полку или въ пансіонѣ при московскомъ университетѣ. Прошло это хорошее время! Теперь положенія, въ главныхъ чертахъ, сравнялись и писатель (если это не европейскій мыслитель) вліяетъ на своихъ читателей не знаніями и начитанностью, а, главнымъ образомъ, талантомъ, который даетъ ему возможность воспринимать и ярко выражать господствующія мысли и чувства своихъ современниковъ. Умѣстно ли зеркалу хорохориться передъ отражаемыми въ немъ предметами?

Я вполнѣ увѣренъ, что нынче стало труднѣе составлять книги журналовъ. Новый подписчикъ не капризенъ и вовсе не легкомысленъ; но онъ знаетъ толкъ въ томъ, что ему предлагаютъ; онъ требователенъ и довольно несговорчивъ, когда ему суютъ камень вмѣсто хлѣба,—т. е. макулатуру вмѣсто отвѣтовъ на запросы времени,—а прогрессивное направленіе подмѣниваютъ наглымъ и продажнымъ юдофильствомъ, имѣющимъ столько же общаго съ соціальнымъ прогрессомъ, сколько имѣетъ сродства мрачный средневѣковый талмудъ съ завѣтами новѣйшей цивилизаціи. Главное дѣло въ томъ, что толстые журналы вовсе не похожи одинъ на другой, и есть между ними такіе, которымъ хвастаться занимательностью отнюдь не приходится.

Есть, напримѣръ, одинъ толстый журналъ, чрезвычайно почтен-

Digitized by Google

ный и увѣсистый, но мертвый, какъ кирпичъ. Къ почтенному журналу даже относятся, какъ къ покойнику, и говорятъ о немъ aut bene, aut nihil. Не было еще примѣра, чтобы этотъ журналъ далъ что нибудь животрепещущее, горячее, насущное или захватывающее. Въ то время, какъ вся Россія съ напряженіемъ ждала объясненій по вопросамъ начинавшейся новой эпохи и можно было бы дать цѣлый рядъ соотвѣтственныхъ научныхъ справокъ по исторіи, по экономическимъ знаніямъ, по законовѣдѣнію и т. п.,—почтенный журналъ печаталъ длиннѣйшія и обстоятельнѣйшія изслѣдованія о Кромвелѣ, о современной беллетристикѣ въ американскихъ періодическихъ изданіяхъ, и объ отношеніяхъ Екатерины II къ принцу Нассау-Зигенскому. Точно также, когда обострился «еврейскій вопросъ», этотъ журналъ отмалчивался, какъ рыба, а впослѣдствіи, точно съ просонья, изрекъ, что еврейскіе ростовщики—народъ въ сущности хорошій, хотя, разумѣется, «съ другой стороны», и т. д.—т. е. выпустилъ изъ себя нѣчто въ родѣ предсмертной икоты. Беллетристика журнала соотвѣтствуетъ всему остальному, а, пожалуй, даже еще больше обличаетъ старческую немощь и начинающееся уже разложеніе журнальнаго организма.

Неужели такой журналъ прикажете считать «интереснымъ» и «занимательнымъ» только потому, что онъ *толстъ*, считается «либеральнымъ» (между евреями) и мертвецки-корректенъ въ своемъ гробу?

Есть у насъ другой толстый журналъ, не менѣе «почтенный», хотя и другаго лагеря. Этотъ журналъ немного живѣе и трупнымъ запахомъ отъ него не пахнетъ. Произведенія изящной словесности и научныя статьи въ немъ попадаются даже изъ ряда вонъ хорошія, да и отзывчивости въ немъ больше. Но вотъ въ чемъ бѣда: помѣщаемыя въ этомъ журналѣ «сочиненія» до такой степени случайны и плохо вяжутся между собою, что, не смотря на несомнѣнныя достоинства нѣкоторыхъ изъ нихъ, они совсѣмъ обезцѣниваются въ глазахъ читателей именно по отсутствію всякой опредѣленной тенденціи въ ихъ выборѣ. Этотъ журналъ напоминаетъ собой карманъ гимназистки, которая никакъ не можетъ вынуть носоваго платка, не выронивъ при этомъ горсти чернослива, двухъ-трехъ тетрадокъ, часовой цѣпочки и флакончика съ окуркомъ папиросы, хранящимся въ воспоминаніе о «немъ». Рядомъ съ такимъ пестрымъ и, пожалуй, любопытнымъ, но отнюдь не журнальнымъ конгломератомъ, имѣется отдѣлъ,—вѣрнѣе «сосудъ», въ который журналъ систематически собираетъ слезы современниковъ, пролитыя въ воспоминаніе прежнихъ дней, когда и люди были добрѣе, и птицы голосистѣе, и читатели тароватѣе. Разумѣется, все это чрезвычайно

Digitized by Google

интересно! Но не у всѣхъ читателей крѣпкіе нервы, а потому не всѣмъ это нравится.

Есть у насъ еще два журнала—одинъ постарше, другой еще въ пеленкахъ,—которые, не вредя другъ другу, могли бы съ успѣхомъ слиться въ одинъ и которые поставили себѣ задачей: возродить движеніе, имѣвшее однажды историческій смыслъ, но отжившее свой вѣкъ и переродившееся въ иныя формы. Они хотятъ воскресить покойника и съ непонятнымъ терпѣніемъ согрѣваютъ маскараднаго (отнюдь не реальнаго) «мужичка» въ своихъ объятіяхъ. У нихъ нѣтъ даже художественной литературы,—до такой степени все заполнено предвзятостью и дидактичностью. Въ романахъ, въ статьяхъ, даже на обложкѣ — гальванизируютъ покойничка, и все тутъ!

Воля ваша, это мало интересно.

О московскихъ «альманахахъ», именующихъ себя журналами, и говорить трудно. Все у нихъ дѣлается какъ-то стихійно и неожиданно. Москвичи—въ особенности богатѣи-мануфактуристы и лабазники—народъ упрямый. Захотятъ «выпущать» журналъ—и ихъ нраву не препятствуй. Есть ли смыслъ въ ихъ изданіяхъ и имѣются ли соотвѣтственные сотрудники, на это они не смотрятъ. Ежели нѣтъ живаго матерьяла, они сочинятъ восемь печатныхъ листовъ библіографіи да что нибудь изъ старыхъ фельетончиковъ скомпануютъ, и книжка выдетъ въ срокъ—объ этомъ не извольте безпокоиться. И на такіе альманахи находятся свои подписчики, но я увѣренъ, что г. Читатель, при всемъ своемъ пристрастіи къ толстымъ журналамъ, не поставитъ этихъ альманаховъ выше «приложеній къ иллюстрированнымъ изданіямъ», а потому вопросъ о ихъ занимательности я оставляю открытымъ.

Вотъ и всѣ наши журналы... Впрочемъ, виноватъ, есть еще одно специфически-еврейское изданіе, которое печатаетъ переводныя повѣсти подъ видомъ оригинальныхъ сочиненій знаменитаго русскаго писателя, которое настойчиво подкапывается подо все, что дорого русскимъ людямъ, но зато съ «привышкакиваньемъ» говоритъ о «національномъ чувствѣ» жидовъ, и отъ котораго,—сколько бы оно ни виляло хвостомъ въ разныя стороны,—съ одинаковымъ отвращеніемъ бѣгутъ даже мало-мальски порядочные евреи. Это не журналъ и даже не альманахъ, а настоящее гноище, порожденное нашей крайней терпимостью и недостаточной опрятностью...

Какъ видите, общаго между всѣми нашими «толстыми журналами» очень мало, а скучнаго во многихъ изъ нихъ весьма достаточно. Прибавьте къ этому крайнюю партійную разрозненность, отсутствіе живой и авторитетной критики, а также все то, на что жалуется самъ г. Читатель,—и согласитесь, что надо пожалѣть и

Digitized by Google

нашу современную публику, которая невольно обижается и съ досады заговариваетъ о «сплошной тоскѣ».

Въ заключеніе,—въ качествѣ одного изъ обиженныхъ читателей,—позволю себѣ сказать, что именно мы, современная читающая публика, считаемъ интереснымъ въ журналахъ. Во всякомъ случаѣ, мое мнѣніе будетъ—надѣюсь—мнѣніемъ многихъ заурядныхъ читателей.

Интересуетъ насъ все, что приковываетъ къ себѣ наше вниманіе, соотвѣтствуя запросамъ времени и давая удовлетвореніе умственнымъ и эстетическимъ потребностямъ. «Скучными» же мы считаемъ хотя бы и дѣльныя, но несовременныя, неталантливыя и слишкомъ громоздкія или узко-спеціальныя «сочиненія», не говоря уже о всякомъ мусорѣ, которымъ редакціи сознательно снабжаютъ свои журналы въ видѣ балласта. Обширное изслѣдованіе о принцѣ Нассау-Зигенскомъ, само по себѣ, могло бы быть очень цѣннымъ вкладомъ въ историческую литературу, но въ современномъ журналѣ оно представляется и неумѣстнымъ, и неинтереснымъ, потому что мы ищемъ тутъ кое-чего другаго. Раздражаютъ насъ всякое замалчиванье текущихъ вопросовъ, (какъ напр., еврейскаго), педантизмъ въ отношеніи къ литературнымъ формамъ, попытки вести насъ на помочахъ, а также все, что отдаетъ старческой дряхлостью и литературной трусостью. Въ беллетристикѣ насъ больше всего отталкиваютъ холодность и безсодержательность. Какъ бы красива ни была форма, но если у автора нѣтъ душевнаго *огня*, которымъ онъ могъ бы согрѣть наши чувства, и если онъ выѣзжаетъ только на старательномъ описаніи разнаго вздора, въ сущности не имѣя что сказать—его творенія наводятъ удручающую тоску. Таковы разные литературные «перевалы», черезъ которые мы можемъ *перевалить*, лишь пропуская цѣлыя главы. Таковы и красивые стишки, которыми сильно злоупотребляютъ наши журналы и въ которыхъ есть только слова, а нѣтъ ни чувства, ни мысли.

Намъ нуженъ журналъ, который чутко слѣдилъ бы за вопросами дня и давалъ отвѣты на все, что ставитъ насъ втупикъ въ текущей жизни, но не съ газетной поверхностностью, и не измышляя «вопросовъ», которыхъ дѣйствительная жизнь не предъявляетъ. Намъ нуженъ *смѣлый, честно-патріотическій журналъ*, который не боялся бы щекотливыхъ вопросовъ и не замалчивалъ бы того, что ему не нравится. Резонерство, либеральное или консервативное, въ такомъ журналѣ неумѣстно; а въ особенности плачевно, когда начинается переливанье изъ пустаго въ порожнее по поводу важнаго назрѣвшаго вопроса. Писать должны только тѣ, *кому есть что сказать*, а присяжные болтуны могутъ лишь разогнать читателей.

Digitized by Google

Въ научномъ отдѣлѣ намъ нужны популярныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, но въ разумныхъ размѣрахъ, въ хорошемъ изложеніи, а—главное—въ соотвѣтствіи съ запросами времени и не въ зависимости отъ того, что пожелаютъ доставить въ редакцію господа «ученые». Что же касается наиболѣе интересующихъ насъ предметовъ, то ясно, что чѣмъ уже спеціальность, тѣмъ меньшее число людей ею интересуется, и наоборотъ. Этнографическія, экономическія и историческія статьи,—когда объемъ соотвѣтствуетъ содержанію,—интересуютъ почти всякаго читателя, тогда какъ самое добросовѣстное сочиненіе: «о храненіи шелковичныхъ червей въ Сіамѣ» можетъ заинтересовать лишь сіамскихъ близнецовъ.

О беллетристикѣ сказано уже достаточно. Когда «отъ избытка чувствъ уста глаголятъ», а не наполняются только печатные листы (ради гонорара)—художественное сочиненіе, даже второстепеннаго писателя, захватываетъ вниманіе всей публики. Но когда самый записной художникъ начинаетъ «бормотать» красиво округленныя фразы, повторяя въ сотый разъ себя самого — «нехай его бисъ читае».

Одинъ изъ публики.

Digitized by Google

ИНОСТРАННЫЙ ЖУРНАЛЪ НОВАГО ТИПА.

Нѣкто г. Фишеръ Унвипъ, англичанинъ, съ перваго января нынѣшняго года, началъ издавать международный журналъ совершенно особаго типа. Журналъ называется «Cosmopolis»; онъ печатается на трехъ языкахъ,—англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ,—и выходитъ одновременно въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Амстердамѣ и Нью-Іоркѣ. Каждому языку предоставлено равное количество страницъ. Взамѣнъ этого, журналъ ни подъ какимъ видомъ не допускаетъ переводовъ: всѣ статьи оригинальныя и написаны авторами на томъ самомъ языкѣ, на которомъ напечатаны. Однако, это условіе не заключаетъ того, чтобы авторъ непремѣнно обязанъ былъ писать на своемъ родномъ языкѣ; онъ можетъ выбирать одинъ изъ трехъ языковъ, на которыхъ печатается журналъ, и написать свою статью на этомъ языкѣ. Такъ, въ первой же книжкѣ «Космополиса» извѣстный датскій критикъ г. Георгъ Брандесъ напечаталъ статью на французскомъ языкѣ о шекспировскомъ «Отелло». Такимъ образомъ, г. Брандесъ является въ новомъ международномъ журналѣ французскимъ авторомъ, хотя онъ родомъ датчанинъ и до сихъ поръ не писалъ ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ датскаго. Тѣмъ не менѣе, мы вправѣ заключить, что и эта статья, хотя и доставленная въ редакцію самимъ г. Брандесомъ, есть не болѣе, какъ переводъ (конечно, сдѣланный самимъ авторомъ) одной главы изъ его датской книги о Шекспирѣ. Это условіе, чтобъ иностранный авторъ, желая помѣстить свою статью въ «Космополисѣ», писалъ ее не на своемъ родномъ, а на чужомъ ему французскомъ, нѣмецкомъ или англійскомъ,—и не ново, и не остроумно, и не достигаетъ ровно никакой цѣли. Оно не ново, потому что и теперь есть (да и всегда были) писатели, которые пишутъ и писали свои произведенія на чужомъ имъ языкѣ (напр., Л. Н. Толстой охотно пишетъ по англійски; онъ же еще въ прошломъ году помѣстилъ статью въ журналѣ «Revue encyclopedique», написанную имъ по французски). Съ другой стороны, какъ бы ни былъ талантливъ писатель, въ какомъ бы совершенствѣ ни владѣлъ чужими ему языками, его произведеніе, переодѣтое въ иностранное платье, непремѣнно потеряетъ свою ори-

Digitized by Google

гинальность; заставляя себя думать и выражаться на несвойственномъ ему діалектѣ, онъ будетъ думать вяло и выражаться слабо, чему лучшимъ доказательствомъ можетъ служить тотъ же г. Брандесъ:— его французская статья объ «Отелло», по достоинству мысли и своеобразности рѣчи, неизмѣримо ниже всего того, что онъ когда либо писалъ по датски. Редакція, однако, заявляетъ, что въ случаѣ особой важности она будетъ изрѣдка печатать итальянскія и испанскія статьи. Вся новизна журнала заключается въ этой его «международности». Издатель избралъ три наиболѣе распространенныхъ въ мірѣ языка; печатая свой журналъ на этихъ трехъ языкахъ, онъ какъ бы даетъ одновременно три журнала,—французскій, нѣмецкій и англійскій,—и такимъ образомъ обращается къ публикѣ не только тѣхъ трехъ народностей, на языкахъ которыхъ печатается его журналъ, но и къ итальянцамъ, испанцамъ, голландцамъ, скандинавамъ, русскимъ, полякамъ, сербамъ, болгарамъ и даже туркамъ, потому что три международныхъ языка хорошо извѣстны образованному обществу всѣхъ европейскихъ народовъ. Выходитъ такъ, что ловкій издатель, у котораго, повидимому, губа не дура, старается поймать за хвостъ не одного зайца, а нѣсколько десятковъ, и такимъ образомъ получить денежную дань со всего міра, чего до сихъ поръ не могъ достичь ни одинъ издатель. На первый взглядъ—затѣя остроумная, по крайней мѣрѣ, въ чисто издательскомъ смыслѣ, но, при ближайшемъ разсмотрѣніи, ея внутренняя пустота раскрывается безъ особенныхъ затрудненій.

Планъ журнала разсчитанъ такъ, что изъ него исключаются всѣ другія литературы, напримѣръ, итальянская, русская, голландская, польская. Журналъ не будетъ знакомить своихъ читателей съ новѣйшими явленіями въ этихъ литературахъ, потому что онъ лишилъ себя одного изъ самыхъ существенныхъ средствъ этого знакомства,— отказался отъ переводовъ. А между тѣмъ, въ настоящее время, эти литературы часто представляютъ явленія высокаго интереса, которыхъ не даетъ ни англійская, ни французская, ни нѣмецкая литературы (по преимуществу, въ области такъ называемой изящной словесности). Несомнѣнная международная важность нѣмецкаго, англійскаго и французскаго языковъ далеко, въ настоящее время, не соотвѣтствуетъ ихъ литературной важности. Эти литературы находятся въ видимомъ упадкѣ; и лишь французская литература сохраняетъ въ извѣстной степени свое значеніе, благодаря такимъ писателямъ, какъ Золя и нѣкоторые другіе; но ни Англія, ни Германія не имѣютъ въ настоящее время крупнаго представителя въ романѣ. Напротивъ того, другія литературы, исключаемыя изъ «Космополиса», какъ разъ теперь находятся въ прогрессивномъ движе-

Digitized by Google

ніи. Въ Россіи мы имѣемъ Л. Н. Толстаго, художественныя произведенія котораго интересуютъ весь міръ; польская литература имѣетъ такого крупнаго писателя, какъ Сенкевичъ; въ Италіи огромной и вполнѣ заслуженной популярностью пользуются д'Аннунціо и Фагаццаро; наконецъ, въ Испаніи Пардо Базанъ представляетъ собою восходящую звѣзду первой величины. Всѣхъ этихъ явленій умственной жизни современной Европы «Космополисъ» будетъ лишенъ. Такимъ образомъ, этотъ странный журналъ, претендующій на международную роль въ литературѣ, именно и лишенъ этой роли; вся его «международность» ограничивается сферой трехъ литературъ, несомнѣнно богатыхъ въ прошломъ, но теперь находящихся въ упадкѣ, между тѣмъ какъ другія литературы, исключенныя изъ журнала, обнаруживаютъ жизненность, по временамъ поразительную. Всякій толстый русскій журналъ—гораздо международнѣе «Космополиса», потому что онъ стремится знакомить своихъ читателей съ новѣйшими явленіями всѣхъ европейскихъ литературъ.

Но бѣда на этомъ не кончается. Относительно беллетристики еще можно примириться, потому что журналъ будетъ давать произведенія извѣстныхъ авторовъ трехъ литературъ. Такъ, въ первомъ нумерѣ помѣщенъ разсказъ Бурже; затѣмъ, на англійскомъ языкѣ, разсказъ покойнаго Стевенсона и на нѣмецкомъ — Вильденбруха. Это—куда еще ни шло. Но дѣло принимаетъ уже совсѣмъ плохой оборотъ, когда касается такъ называемыхъ текущихъ обозрѣній. «Космополисъ» обязательно помѣщаетъ въ каждой своей книжкѣ обозрѣнія: политики, театра и литературы. Такъ, г. Андрью Лэнгъ взялъ на себя обозрѣніе текущихъ явленій англійской литературы «съ точки зрѣнія иностранныхъ читателей»; съ тѣми же читателями г. Уалькли будетъ бесѣдовать о театрѣ, а Норманъ, «съ англійской точки зрѣнія», будетъ бесѣдовать о политикѣ. Во французскомъ отдѣлѣ, Фагэ взялъ на себя литературную хронику, Прессансэ — политическую, Леметръ — драматическую. Наконецъ, въ нѣмецкомъ отдѣлѣ, Беттельгеймъ бесѣдуетъ о нѣмецкой литературѣ, «Игнотусъ» о политикѣ, Нейманъ-Гоферъ—о театрѣ. И все это «съ точки зрѣнія иностранныхъ читателей» (foreign readers), т. е. г. Леметръ, напр., бесѣдуя о текущихъ явленіяхъ французской литературы, будетъ имѣть въ виду не француза-читателя, а англичанина, испанца, или русскаго, — кого хотите, только не француза. Это ужь ни съ чѣмъ не сообразно! Первый опытъ, сдѣланный въ первой книжкѣ, какъ нельзя лучше доказываетъ нелѣпость этой мысли. Всѣ эти «хроники» вышли слабы и безсодержательны въ высшей степени, не смотря на то, что авторы ихъ — люди, по большей части, очень талантливые. Но иначе и быть не можетъ. Какой нибудь Фагэ или

Digitized by Google

Лэнгъ, принужденные писать свою литературную хронику не для людей своей національности, а для какихъ-то неизвѣстныхъ имъ иностранцевъ, чувствуютъ себя стѣсненными; они стараются подлаживаться подъ какіе-то взгляды и точки зрѣнія, которыя имъ совершенно неизвѣстны, и вслѣдствіе этого, вмѣсто яркаго критическаго очерка, даютъ нѣчто блѣдное и безсодержательное. Выходитъ что-то не только не международное, но и совершенно безсмысленное. Представляю себѣ печальное и жалкое положеніе читателя, который подписался на «Космополисъ», съ единственной цѣлью быть au courant всего, что дѣлается въ умственной жизни міра; а между тѣмъ онъ ничего этого не получаетъ. Въ минимальной степени онъ, конечно, знакомится съ беллетристикой трехъ литературъ; но всѣ остальныя литературы для него совершенно закрыты: объ нихъ онъ даже ничего не слышитъ. По части текущихъ явленій—французъ, англичанинъ, нѣмецъ даютъ ему не свою искреннюю мысль, окрашенную въ національный цвѣтъ, а какое-то безформенное «нѣчто», причемъ авторы этого «нѣчто» всѣми силами стараются быть не людьми своей національности, а какими-то «знатными иностранцами».

Едва ли такой журналъ можетъ имѣть какой либо успѣхъ.

В. Чуйко.

Digitized by Google

У моря.

Море сумрачно и гнѣвно;
Море хлещетъ и шумитъ;
Надъ его просторомъ—чаекъ
Стая бѣлая летитъ...

Вся душа моя изныла,
Грудь томится глубоко;
Словно чайка, къ свѣтлой волѣ
Сердце рвется далеко.

Смутно сердце рвется въ море,
На просторъ кипучихъ водъ,
Гдѣ толпой мятежной волны
Встали въ гулѣ непогодъ;

Гдѣ могучей силы полный
Въ мглистой сумрачной дали
Валъ сердитый, валъ девятый
Гнѣвно топитъ корабли;

Гдѣ къ несчастнымъ для спасенья
Поспѣшаютъ челноки,
Гдѣ съ грозой, съ ненастной бурей
Стойко бьются моряки!..

Ахъ, туда бъ мнѣ въ битву, въ бурю,
Въ ширь привольную морей,
Чтобъ не видѣть этихъ скучныхъ,
Лживыхъ, суетныхъ людей;

Digitized by Google

Тѣхъ людей, что́ для наживы
Губятъ краткой жизни дни,
Не прося у Бога свѣта,
Умирая безъ любви!..

И. Никулинъ.

Digitized by Google

НА РУБЕЖѢ ИСКУССТВА.

I.

Тогда *онъ* былъ актеромъ.

Это было лѣтомъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, на дачѣ близь Москвы.

Въ сельцѣ Архирейскомъ обыкновенно проживали маленькіе актеры казеннаго театра. Суфлеръ, завѣдующій освѣщеніемъ и водевильный куплетистъ ловили удочками рыбу въ небольшой, но глубокой рѣчкѣ Синявкѣ; другіе актеры пили на берегахъ водку и пиво. Однимъ словомъ, каждый наслаждался по своему и проводилъ время, какъ ему было пріятно. Актеры были семейные. Ихъ жены и дочери по вечерамъ грызли подсолнухи.

Жилось тихо, мирно; ссоръ не было.

Сельцо было расположено неправильно, по высокому берегу Синявки. Эта неправильность и разбросанность построекъ, окруженныхъ небольшими садиками, придавали мѣстности нѣкоторую своеобразную картинность. Березовая роща окаймляла горизонтъ съ одной стороны, а съ другой, среди старыхъ березъ и сосенъ кладбища, на высокомъ бугрѣ возвышалась бѣдная сельская церковь съ полуразвалившейся часовней. Недалеко отъ церкви виднѣлись скромныя постройки церковнаго причта. Деревню отъ церкви и церковныхъ построекъ раздѣляла рѣчка, чрезъ которую повисъ «живой» мостъ.

Въ лѣвую сторону отъ моста были видны развалины мельницы, а по правую, по отлогому, заросшему травой, берегу, были расположены овины и сараи.

Черновъ жилъ на этомъ берегу, занимая небольшой, съ крѣпкой крышей, сарай.

Повторяю, жизнь дачниковъ текла мирно; жили безъ стѣсненій, по домашнему, одѣвались просто: мужчины въ рубахахъ и блузахъ, женщины—въ ситцевыхъ платьяхъ. Тѣмъ не менѣе, Черновъ рѣзко выдѣлялся своимъ внѣшнимъ видомъ. Онъ ходилъ то въ рубахѣ

Digitized by Google

шолковой, но яркаго цвѣта, то въ необыкновенной курткѣ; то походилъ на Фра-дьяволо, то на форейтора. Этотъ человѣкъ жилъ всегда внѣшней жизнью. Онъ былъ актеръ, актеръ по натурѣ, актеръ въ жизни, актеръ въ домашнемъ быту и на улицѣ, когда онъ ѣхалъ по городу, рѣзко выдѣляясь своимъ костюмомъ и позой.

Скоро Москва стала замѣчать оригинала. Москва любитъ и покровительствуетъ всему оригинальному, даже когда это оригинальное нелѣпо. Сколько юродивыхъ дала и воспитала наша первопрестольная столица! Какіе типы, какіе характеры! Одно знаменитое имя Ивана Яковлевича Корейши,—этого полоумнаго фельдшера,—характеризуетъ нравы и симпатіи москвичей. Доктора, адвокаты, квартальные только тогда дѣлались извѣстными и любимыми, когда ихъ оригинальность рѣзала глаза, щекотала уши, била по карману. Но это ничего. Москвичъ-комерсантъ, человѣкъ богатый, не пожалѣетъ денегъ, если ему угодятъ. Но угодить нужно умѣючи, нужно попасть ему *въ точку*. Попасть же въ точку, въ самое «нутро», нелегко и для этого нужна способность, чутье. Коренной москвичъ все проститъ своему любимцу, лишь бы этотъ любимецъ держалъ себя на высотѣ своего призванія, т. е. творилъ съ нимъ такія дѣла, такіе «поступки», отъ которыхъ онъ таращилъ бы глаза и въ животномъ восторгѣ восклицалъ: «ишь ты, материнъ сынъ, ловко отдѣлалъ! Вотъ такъ штука»!..

Заболѣлъ купецъ. Зовутъ «знаменитаго» доктора. Пріѣзжаетъ. Велитъ остановить всѣ часы въ домѣ, кричитъ, шумитъ и требуетъ огромныхъ денегъ.

«Ишь, песъ его!.. какой прыткій»!..—бормочетъ испуганный купецъ, вынимая радужную.

И слава о самодурѣ-докторѣ разносится среди самодуровъ, которые, видя въ немъ нѣчто себѣ близкое по духу, говорятъ: «во такъ дохтуръ! эвона каки колѣна выкидываетъ... нашему брату куды!.. ему въ подметки не годимся».

— Дорогонько деретъ!—возражаютъ обыватели.

— Дорого?!.. ишь ты! да рази онъ обнакновенный что ли дохтуръ!?.. да рази ему пріятно съ нами дураками возиться!.. нѣтъ, ужь извините...

— Помилуй, Иванъ Ивановичъ! Скущевъ далъ ему четвертной билетъ, такъ онъ, значитъ, взялъ бумажку-то, глянулъ на нее, плюнулъ да плевкомъ къ стѣнѣ и приклеилъ... Крикнулъ: «мерзавцы»!.. да и былъ таковъ... Опосля двѣ радужныхъ отдали, чтобы забылъ, значитъ.

Слушатель въ восторгѣ и дрожащимъ голосомъ спрашиваетъ: «приклеилъ!.. какъ? по первоначалу плюнулъ, а апосля на стѣнку приклеилъ»?

Digitized by Google

— Плюнулъ, а потомъ, знамо, на стѣну...

— Ловко!.. не лѣзь съ четвертной!.. не зови, когда сотельную жалѣешь!.. Зови другаго лѣкаря... ихъ, братецъ, много въ Москвѣ, оченно даже много, хоть отбавляй. Не зови особеннаго... Вотъ и осрамился!..

И разговоръ о бумажкѣ, приклеенной плевкомъ къ стѣнѣ, широкой волной несется по Замоскворѣчью, гдѣ всѣ, въ восторгѣ отъ находчивости доктора, смѣются надъ посрамленнымъ паціентомъ. Тамъ, въ «темномъ царствѣ», не доросли еще до понятія, что срамъ, даже позоръ, долженъ падать на врача, на его жадность, а не на больнаго, который не умѣлъ угодить ему платой. Логика, на которой воспитываются и развиваются московскіе оригиналы!

— Это точно, онъ съ тебя сдеретъ, да дѣло сдѣлаетъ. Будь покоенъ!.. черное на бѣлое перевернетъ... Свой человѣкъ, извѣстный!..

Этотъ свой, «извѣстный» человѣкъ близокъ по духу толстокожей и богатой Москвѣ. Здѣшній дѣлецъ тоже оригиналъ и любимецъ. Вчера въ «Яру» перебилъ зеркала, а въ «Стрѣльнѣ» такого трепака откололъ, что даже цыгане ротъ разинули! Въ присядку съ бокаломъ на головѣ...—попробуй кто?

И идетъ по «амбарамъ» и ресторанамъ говоръ о молодечествѣ своего знаменитаго врача, и валятъ къ нему кліенты, богатые, толстопузые, и не жалѣютъ денегъ, зная и понимая, что и ему надо разбить дюжину зеркалъ, чтобы быть на высотѣ своего оригинальнаго призванія. «Свои отъ своихъ», эти любимцы-оригиналы — коренной продуктъ невѣжественной, сытой и богатой Москвы.

Оригиналы поняли Москву, узнали, гдѣ «зимуютъ раки», и, разбогатѣвъ и отойдя въ сторону отъ дѣлъ, любятъ на досугѣ вспоминать о своихъ подвигахъ.

Черновъ съ наслажденіемъ слушалъ ихъ воспоминанія и «моталъ себѣ на усъ». Маленькая квартира, небольшое жалованье, вторыя роли—развѣ могли удовлетворить его безпокойную цыганскую натуру? Онъ горѣлъ желаніемъ творить дѣла и показать себя. Но какъ?! Съ рублемъ въ карманѣ, да съ долгами на шеѣ, куда сунешься? съ чего начнешь?.. Но надо, надо искать, надо показызывать себя, а тамъ... посмотримъ.

Черновъ былъ правъ. Онъ чуялъ наживу, чуялъ другія вѣянія. Онъ былъ неразвитой человѣкъ, но чутьемъ обладалъ превосходнымъ: онъ умѣлъ подмѣтить настроеніе и вкусъ толпы. Время шло; нравы и самые вкусы становились вольнѣй, откровеннѣй. Область чистаго драматическаго искусства отходила на задній планъ, тенденціозность и реализмъ пускали глубокіе корни, а въ воздухѣ слышались легкіе мотивы оперетки. Все хотѣло жить легко и свободно.

Digitized by Google

И вотъ Черновъ, гуляя и мечтая въ Архирейскомъ, задумывалъ грандіозное предпріятіе,—задумывалъ взять Москву въ свои руки, увлечь ее новизной, блескомъ и легкимъ жанромъ... Онъ рѣшилъ «популяризировать искусство», свести его на улицу, одѣть въ мишурную позолоту и подъ звуки тру-ля-ля составить себѣ имя и популярность. Для Москвы, гдѣ такъ свѣжо было преданіе идейной школы М. С. Щепкина—это было смѣлое и дерзкое предпріятіе. Въ самомъ дѣлѣ, взамѣнъ народнаго театра—оперетка и феерія!.. Пересадить въ Москву то, что̀ создалъ Парижъ въ гнилое, развращенное время наполеоновскаго режима. Въ только что начинавшую жить, послѣ крѣпостнаго права, Россію, вмѣсто строго-художественной драмы и комедіи, пустить на всѣхъ парахъ канканъ и тру-ля-ля!—вотъ какое дѣло задумалъ Черновъ. Задумалъ вѣрно, и ловко потрафилъ сытой толстокожей Москвѣ,—Москвѣ, которую такъ жестоко и такъ правдиво изобразилъ А. Н. Островскій. Теперь это «темное царство» хотѣло жить и смѣяться, хотѣло животнаго смѣха, животныхъ наслажденій. Вотъ эти-то внѣшнія чувства, а не потребность души, рѣшилъ удовлетворить Черновъ, рѣшилъ сдѣлаться московскимъ увеселителемъ и антрепренеромъ. Роскошныя декораціи, блескъ, искры, фейерверкъ, канканъ, изящные костюмы, однимъ словомъ все то, что̀ можетъ ослѣпить, изумить, ошеломить зрителя, — все рѣшилъ пустить въ ходъ молодой и предпріимчивый актеръ.

Въ это время, въ Москвѣ тихо и незамѣтно умиралъ народный театръ. Въ сельцѣ же Архирейскомъ возрождался смѣлый частный антрепренеръ. Черновъ часто покидалъ сельцо. Сарай пустовалъ иногда по цѣлой недѣлѣ, и другъ Чернова, актеръ Степановъ, въ это время ловилъ рыбу съ отцомъ-дьякономъ. Кабакъ въ сельцѣ содержалъ очень осторожный міроѣдъ и Степанову и отцу дьякону кредитъ былъ безграничный, тѣмъ болѣе, что хозяинъ уважалъ Чернова, не пившаго водки и пива, а привозившаго съ собой изъ Москвы красное вино и фисташки. Черновъ держалъ себя бариномъ и кавалеромъ. Это понималъ кабачикъ и чувствовали барышни, когда вмѣсто подсолнуховъ ѣли фисташки. Однимъ словомъ, каждый понималъ другъ друга, но, впрочемъ, не всѣ чувствовали себя хорошо. Недовольны были дьяконъ и Черновъ. Первый—потому что жена его, смущенная дружбой мужа съ актеромъ, грозилась пожаловаться батюшкѣ, а Черновъ былъ влюбленъ, и при этомъ несовсѣмъ удачно.

Самое пребываніе его въ Архирейскомъ имѣло ближайшимъ основаніемъ все болѣе и болѣе развивавшееся чувство къ молодой, только что выступившей на сцену, драматической артисткѣ. Это была

Digitized by Google

восемнадцатилѣтняя дѣвушка, робкая, чистая, мечтательная и съ религіознымъ оттѣнкомъ.

Странное дѣло! но бываетъ, и не рѣдко, что противоположные по существу люди и влюбляются, и любятъ искренно.

Чувство любви охватываетъ иногда своими волшебными силами такого человѣка, въ которомъ нѣтъ ни глубины, и ничего идеальнаго, вся жизнь котораго—рядъ грубыхъ практическихъ сдѣлокъ.

Черновъ все болѣе и болѣе увлекался дѣвушкой, которая имъ интересовалась, но боялась его, смѣлаго, рѣшительнаго.

Въ своемъ увлеченіи Черновъ не спѣшилъ разстаться съ казеннымъ театромъ и вступить на новое поприще антрепренерской дѣятельности. Между тѣмъ, находились люди и капиталы. Черновъ одно время заговорилъ о частной антрепризѣ,—такой антрепризѣ, которая преслѣдовала бы исключительно художественныя цѣли. Необходимость народнаго театра и организація этого дѣла казалась ему своевременной. Дѣвушка признавала только одну художественную правду; сцена для нея была храмомъ высокихъ чувствъ, идеальныхъ побужденій. Съ мистическимъ благоговѣніемъ она относилась къ великимъ творцамъ драматическихъ произведеній. Она вѣрила въ добро, правду; вѣрила въ Бога. Чистая талантливая натура дѣвушки-ребенка подѣйствовала на Чернова, относившагося вообще къ женщинамъ поверхностно. Одновременно съ дѣловыми переговорами объ основаніи въ Москвѣ оперетки, онъ все больше и больше прислушивался къ біенію своего сердца и мечталъ, и грезилъ, но только не объ опереткѣ.

Онъ мечталъ сдѣлаться мужемъ молодой артистки и вмѣстѣ съ ней отдаться на служеніе чистому искусству.

Да, это было хорошее время, котораго Черновъ никогда не забывалъ и которое грознымъ кошмаромъ вставало передъ нимъ, мучило и терзало его впослѣдствіи. Образы пережитаго проносились передъ ними во время его кутежей, во время его славной антрепренерской дѣятельности. Въ то недавнее время, въ его душѣ проснулись всѣ лучшія, тонкія и благородныя чувства. Порой онъ удивлялся. Откуда все это? неужели онъ не пустой, не внѣшній, а настоящій человѣкъ съ искрой божіей, съ вѣрой?.. Въ то время, когда онъ любилъ, онъ былъ дѣйствительно такимъ: хорошимъ, искреннимъ человѣкомъ.

Переговоры объ открытіи новаго театра затягивались, Черновъ все болѣе и болѣе колебался; въ свою очередь капиталисты становились податливѣе, сговорчивѣе. Черновъ ставилъ новыя и новыя требованія, желая полной самостоятельности и не признавая никакого вмѣшательства въ свою дѣятельность, въ свои планы. Онъ

Digitized by Google

говорилъ, что ихъ дѣло—дать деньги, а его—устроить предпріятіе такъ, что всѣ москвичи будутъ ихъ данниками, ихъ плательщиками.

На компромиссы онъ не шелъ и ждалъ,—ждалъ чего-то, что должно случиться и устроить его судьбу. Онъ былъ неразвитъ и суевѣренъ. Тѣмъ болѣе тяжелыя минуты неизвѣстности и сомнѣній онъ переживалъ въ это лѣто. Смѣлый и рѣшительный до дерзости, онъ страдалъ и мучился въ своемъ положеніи.

Въ деревнѣ было хорошо. Лѣто подходило къ концу. Въ поляхъ дожинали хлѣбъ и вѣтеръ въ лѣсу срывалъ кое-гдѣ на землю пожелтѣвшіе листья. Воздухъ становился прозрачнѣй. Вечеромъ и утромъ дѣлалось свѣжѣй. Дачники переставали купаться и дьяконъ рѣже ловилъ раковъ и рыбу, но продолжалъ со Степановымъ купаться «по особенному». Вообще, къ концу лѣта дачники тѣснѣе сблизились другъ съ другомъ, а между дьякономъ и Степановымъ установилась такая дружба, что они не могли и часу пробыть одинъ безъ другаго.

Однажды Черновъ увидѣлъ на берегу такую картину: дьяконъ и актеръ, совершенно голые, сидѣли другъ противъ друга, ихъ раздѣляла рѣчка. Издали видно было, что они, дѣлая одинъ другому знаки, переплывали рѣчку, сходились, опять разъединялись и снова подплывали другъ къ другу. Когда Черновъ подошелъ, то понялъ, что это была игра, а игрушками были: находящіяся на одномъ берегу водка и на другомъ—закуска. Спустя нѣкоторое время, пьеса измѣнилась: было принесено пиво и расположено по ровному числу бутылокъ по обоимъ берегамъ. Тогда друзья визитировали: то одинъ переплыветъ рѣчку и съ церемоніей и прибаутками выпьетъ пива, то другой—и такъ до тѣхъ поръ, пока, кое-какъ надѣвъ платье, не заснутъ тутъ же на мѣстѣ. Ихъ не смущала даже свѣжесть воды.

Такая забава, и притомъ опасная (можно было, вѣдь, и утонуть во хмѣлю) не понравилась дьяконицѣ, и она, наконецъ, рѣшилась пожаловаться батюшкѣ, прося разлучить мужа съ актеромъ. Батюшка, конечно, сдѣлалъ выговоръ дьякону и просилъ прекратить легкомысленное поведеніе, несогласное съ саномъ. Что же случилось далѣе? Въ этотъ вечеръ Черновъ разсказывалъ дачному обществу:

— Удружили пріятели, нечего сказать!.. ха! ха!.. Не знаете?.. Дьяконица пожаловалась священнику, что мужъ отбился отъ дома и все пьянствуетъ со Степановымъ. Батюшка, конечно, сдѣлалъ дьякону нотацію... Друзья обозлились, да еще какъ!?. начали придумывать мщеніе... ну, и выдумали же, я вамъ доложу...

Черновъ хохоталъ. Слушатели ждали конца.

Digitized by Google

— Рѣшили,—продолжалъ Черновъ,—произвести погромъ... это въ своемъ-то домѣ! Рѣшили поступить по военному: разбить посуду, горшки, однимъ словомъ, сдѣлать полный дебошъ! Но когда подошли съ этими намѣреніями къ дому и увидѣли, что хозяйки нѣтъ—ихъ озарила блестящая мысль!.. Топилась печка, въ которой варилось кушанье. Друзья, схвативъ ухваты, повалили и разбили горшки со щами и кашей, а потомъ въ припадкѣ мщенія начали срывать занавѣски, хватать полотенца—и все это въ печку. Просто обалдѣли, хотѣли даже сжечь костюмы дьяконицы... и непремѣнно сожгли бы, еслибы она не пришла во́ время. Взвыла бѣдная женщина, а они запаслись водочкой, да и пошли на рыбную ловлю. Вонъ видите на берегу огонекъ? Это они, голубчики, разложили костеръ, да и блаженствуютъ, а дьяконица безъ обѣда и ужина сидитъ!..

— Свое, да въ печку!..—проговорилъ кто-то,—собственное добро жечь!.. вотъ до чего доводитъ водка... Охъ, Господи!..

— Бѣдная дьяконица!—жалѣли дѣвицы.

— Не жалуйся... не выноси изъ избы сора!..—добавилъ Черновъ и снова засмѣялся, глядя на колеблющееся вдалекѣ пламя костра.

Такія выдающіяся происшествія происходили въ сельцѣ рѣдко. Это былъ скандалъ, о которомъ говорили, не одобряя друзей.

Впрочемъ, эти друзья, кромѣ себя, никому не дѣлали зла и если даже и напивались, то были скромны и тихи, сторонились общества, пребывая на берегахъ рѣчки, въ порослякъ и въ березовой рощѣ. Хороша была березовая рощица, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она склонялась къ рѣчкѣ глубокими выемками и оврагами. Хорошо было, очень хорошо друзьямъ въ этой рощѣ, да оставили они ее и не заглядывали туда съ тѣхъ поръ, какъ очутились свидѣтелями странной сцены. Дѣло было такъ. Захвативъ съ собой бутылку водки, печеныхъ яицъ, огурцовъ, соли и хлѣба, друзья усѣлись подъ широкими вѣтвями гостепріимной елочки, которая словно чудомъ забрела въ березовую рощицу.

Выпили, закусили. Тихо и хорошо! водка прошла «по жиламъ», огурцы отдавали свѣжестью, черный хлѣбъ казался вкуснымъ, пахучимъ. На сосѣдней березѣ щебетала малиновка, недалеко куковала кукушка; близко, близко въ травѣ стрекоталъ кузнечикъ. Было тихо, радостно. Казалось, всѣ эти звуки не нарушали тишины, и пріятели вели дружескій разговоръ, въ тонъ окружающей ихъ природѣ. Вдругъ раздался говоръ, шаги. Пріятели вздрогнули и притаились. Ближе и ближе. Кто-то говорилъ быстро и порывисто.

— Что же?.. надо жить своимъ умомъ!.. не вѣкъ съ папенькой да маменькой!..

Digitized by Google

Другой голосъ отвѣчалъ тихо, какъ бы вторя умолкнувшей малиновкѣ.

— Словами да желаніями ничего не сдѣлаешь!.. нужно работать, бороться...

— Труда я не боюсь! мнѣ страшно только огорчить отца и мать...

— Не можете полюбить безъ родительскаго на то соизволенія!— послышался громкій, рѣшительный голосъ.

Отъ этого окрика вспорхнула малиновка и перестала пѣть кукушка. Пріятели узнали голосъ Чернова и еще больше притаились подъ елочкой. Вдругъ дѣвушка (это была молодая артистка) заговорила смѣло и внятно:

— Не обижайте, что̀ я вамъ сдѣлала?.. Я боюсь васъ.

— А, а! вотъ оно что... Скажите, пожалуйста!

Они вышли на поляну встревоженные, взволнованные. Друзья застыли въ живописномъ положеніи: одинъ съ рюмкой, другой съ огурцомъ въ рукахъ.

— Слышали, отецъ дьяконъ?!.

— Н... н... да-съ!.. хлопайте!—передалъ онъ другу опорожненную рюмку.

Въ лѣсу, по прежнему, стало тихо. Вдали куковала кукушка. Друзья молча закусывали. Когда они возвратились въ Архирейское, Чернова не было. Въ сараѣ былъ страшный безпорядокъ, костюмы разбросаны, полъ усѣянъ клочками разорванной, мелко-исписанной бумаги.

— Не сказалъ, когда вернется? — спросилъ Степановъ хозяйку.

— Не сказывалъ, родимый, ничего не сказывалъ... Сердитъ нонѣ... не сказывалъ!

Степановъ задумался.

Проходили дни, Черновъ не показывался. Говорили, что видѣли его въ веселыхъ мѣстахъ, что онъ кутилъ. Наконецъ, въ Архирейское пришло письмо и Степановъ отправился въ Москву. Онъ нашелъ Чернова въ постели, измученнаго кутежами и наступившей затѣмъ безсонницей. Черновъ страдалъ,—страдалъ и нравственно, и физически. Въ его глазахъ по временамъ пробѣгало что-то недоброе, руки поминутно двигались, концы пальцевъ дрожали.

— Ну, что тамъ, на дачѣ?—спросилъ онъ Степанова.

— Ничего,—отвѣчалъ тотъ,—мы съ отцомъ-дьякономъ...

— Напились до положенія ризъ!—сердито докончилъ Черновъ.— Какое мнѣ дѣло до вашего пьянства?.. Видѣлъ Ефимову?

При имени молодой артистки, Степановъ сконфузился и, глядя въ сторону, поспѣшно отвѣтилъ:

Digitized by Google

— Нѣтъ, мы съ отцомъ-дьякономъ...

— Знаю, знаю,—перебилъ Черновъ,—не продолжайте... Я васъ вызвалъ затѣмъ, чтобы вы заплатили за дачу и приказали перевезти мои вещи. Слышите?..

— Слушаю. Хорошо.

— Только не пропейте денегъ. Вещи пусть перевезетъ Иванъ, я ему заплачу. Вотъ вамъ десять рублей и одинъ рубль еще для прощанья съ дьякономъ. Вотъ и все!..

Степановъ ушелъ. Черновъ всталъ съ постели и сѣлъ къ окну. Передъ нимъ открывалась площадь. Народъ сновалъ по ней въ разныхъ направленіяхъ. Изъ стороны въ сторону ѣхали экипажи, въ припрыжку ковыляли извощичьи клячи и плавно проносились рысаки. Только городовой спокойно стоялъ у фонаря, безучастно глядя вокругъ. Черновъ ни о чемъ не думалъ. Онъ прислушивался къ біенію своего сердца и ему казалось, что сердце не билось, а ныло тихо и жалобно. Онъ сталъ растирать ладонью свою грудь. Постучали въ дверь.

— Сейчасъ!—крикнулъ Черновъ и сталъ надѣвать первое попавшееся подъ руку платье.

Въ комнату вошла молодая, стройная брюнетка. Это была пѣвица Аверина, дачница изъ Архирейскаго. Аверина давно была неравнодушна къ Чернову, который, впрочемъ, не обращалъ на нее вниманія. Теперь, въ первый разъ внимательно оглядѣвъ свою гостью, актеръ нашелъ ее и изящной, и красивой. Матовый цвѣтъ лица, черные живые глаза, граціозность, робко влюбленный взглядъ,— все это произвело на Чернова впечатлѣніе. При сравненіи съ Ефимовой, Аверина казалась красавицей. Ефимова—шатенка съ неправильными чертами лица, чертами крупными, и небольшими карими глазами.

«Нѣтъ, не то»!—подумалъ Черновъ, и его сердце болѣзненно заныло.

Аверина, робко взглядывая на Чернова, подала ему письмо и двѣ, перевязанныя яркой тесемкой, книги.

— Отъ Ефимовой?—вздрогнулъ Черновъ и жадно сталъ читать записку. Ефимова писала:

«Простите меня и не поминайте лихомъ! Объ васъ у меня останется хорошее воспоминаніе... А я всѣ свои силы отдамъ искусству, безъ котораго не могу прожить ни одного дня, ни одной минуты».

Черновъ хотѣлъ зло засмѣяться, но это не вышло: смѣхъ его былъ жалкій, неестественный. Аверина молчала, склонивъ голову. Странно! Она жалѣла Чернова и въ то же время ненавидѣла Ефи-

Digitized by Google

мову, ненавидѣла за то, что она доставляла страданіе любимому человѣку.

— Отвѣта отъ васъ не будетъ? Вы ей не напишете?—тихо спросила Аверина.

Черновъ снова заволновался.

— Отвѣта? какой тутъ отвѣтъ!—проговорилъ онъ и вдругъ таинственно прибавилъ:—а, знаете, она хитрая, очень хитрая дѣвушка! Я давно замѣтилъ... она кокетка!..

Аверина не подозрѣвала въ Ефимовой ни хитрости, ни кокетства, но ей хотѣлось согласиться съ Черновымъ. Тѣмъ не менѣе, правдивая дѣвушка отвѣтила:—Я не замѣчала... можетъ быть!

— Вѣрно!.. я въ этомъ убѣдился,—грубо проговорилъ Черновъ.

Аверина встала, чтобы уйти. Черновъ удержалъ ее, предложивъ кофе. Ему было пріятно говорить съ ней объ Ефимовой. Они говорили много и Черновъ оживился. Аверина была довольна и на предложеніе актера бывать у него, заходить по дорогѣ, она, немного сконфузившись, проговорила:

— Хорошо... до спектакля, часовъ въ 5, въ 6, я свободна, и зайду на минутку. Но только у васъ встрѣтишься съ кѣмъ нибудь...

Черновъ увѣрилъ дѣвушку, что онъ почти постоянно одинъ. Провожая свою гостью по коридору и пожимая ей руку, Черновъ сказалъ:—Вотъ, скоро начну большое дѣло, переходите ко мнѣ... голосъ у васъ есть!.. сдѣлаете карьеру, а на казенной сценѣ вамъ нечего ждать.

Дѣвушка вспыхнула и пытливо посмотрѣла въ глаза Чернову. Онъ улыбался загадочно.

«Славная бабенка!.. красивая, и на сценѣ, если ее пріодѣть, эффектная будетъ», думалъ Черновъ, проводивъ дѣвушку, но, взглянувъ на книги, перевязанныя цвѣтной лентой, снова вспомнилъ о *той* и снова, взявъ въ руки маленькую записочку, долго, долго всматривался въ дорогія строчки.

«Не поминайте лихомъ»... проговорилъ онъ чуть не со слезами. «Эхъ!.. судьба!.. Тоска... тоска!.. Скорѣй бы дѣло... забыться... забыть»!.

Черновъ позвалъ человѣка и послалъ его за виномъ. Долго потомъ онъ сидѣлъ у окна съ бутылкой и пилъ стаканъ за стаканомъ, нервно растирая грудь и путая свои густые волосы.

Наконецъ, хмѣль взялъ свое, Черновъ легъ и, вынувъ изъ кармана записочку, силился опять прочесть написанное, но мелкія буквы сливались, разобрать словъ онъ не могъ и скоро записочка выпала изъ его рукъ. Черновъ заснулъ тяжелымъ сномъ. Лакей, тихо подметая его комнату, вымелъ вмѣстѣ съ соромъ, валявшуюся около постели на полу, маленькую записку.

Digitized by Google

II.

За Воспитательнымъ домомъ, близь рѣки Яузы, въ кривомъ полумощеномъ переулкѣ, стоитъ мрачный двухъ-этажный домъ, принадлежащій отставному интендантскому чиновнику Недотыкину, человѣку одинокому и странному.

Недотыкинъ имѣлъ средства и былъ жаденъ. Его скупость доходила до того, что онъ не держалъ дворника и справлялся съ хозяйствомъ самъ, при помощи кухарки. Раннимъ утромъ обыватели кривого переулка видѣли фигуру чиновника въ халатѣ, подпоясанномъ тонкой бичевкой. Недотыкинъ сметалъ съ тротуара грязь или снѣгъ, смотря, конечно, по времени года. Кухарка, худая, болѣзненная женщина, помогала ему въ этомъ занятіи, неловко дѣйствуя старой износившейся метлой. Хозяинъ обыкновенно работалъ свѣжей, густой метлой съ тонкими гибкими вѣтками.

Владѣльцу собственнаго дома было лѣтъ подъ 50. Его фигура, нѣсколько сутуловатая, съ посѣдѣвшей небольшой бородой и сѣрыми бѣгающими глазами, была прилична и даже благообразна. Одѣвался Недотыкинъ скромно, но не бѣдно, а фуражка съ кокардой и краснымъ околышемъ выдѣляла его изъ среды мѣстныхъ обывателей, преимущественно ремесленниковъ, мелкихъ купцовъ и женщинъ въ салопахъ, мантильяхъ, съ блѣдными лицами и испуганными взорами. Запачканныя дѣти переулка боялись Недотыкина, который не любилъ дѣтей и, къ слову сказать, собакъ. Тѣхъ и другихъ онъ гналъ безпощадно отъ своихъ владѣній.

Переходя теперь къ внутренней жизни Недотыкина, я долженъ остановить вниманіе читателя на его квартирѣ, которая помѣщалась въ нижнемъ этажѣ съ постоянно завѣшанными окнами въ переулокъ. Квартира состояла изъ трехъ небольшихъ комнатъ и кухни съ окномъ, выходящимъ на дворъ. Комнаты были положительно завалены разнокалиберной мебелью, большею частью огромными уродливыми креслами, закутанными въ грязные, съ желтыми пятнами, чехлы. По столамъ, по окнамъ, среди горшковъ чахлой герани, были разбросаны всевозможные предметы: ржавые замки, связка ключей, коробка съ гвоздями, старая, старая фуражка съ краснымъ околышемъ, ножны отъ шпаги, нѣсколько пыльныхъ коробокъ, сломанные часы съ простымъ деревяннымъ циферблатомъ и почернѣвшіе галуны мундира.

Въ послѣдней комнатѣ, гдѣ стояла кровать Недотыкина, безпорядокъ принималъ еще бо́льшіе размѣры. Множество стараго носильнаго платья заполняло углы, лежало по стульямъ; рыжая по-

Digitized by Google

тертая енотовая шуба уродливо выпячивалась и, освѣщенная мигающимъ блескомъ лампы, казалась еще безобразнѣй; разной формы сапоги, съ чищенными и нечищенными голенищами, торчали изъ-подъ кровати, валялись около комода, тоже стараго и криво наклонившагося къ темнымъ ликамъ святыхъ, заслоненнымъ вѣтками высохшей вербы. Въ этой комнатѣ былъ особенно удушливъ воздухъ камфара съ перегорѣлымъ деревяннымъ масломъ, пыль и еще какой-то особенно тяжелый запахъ производили на свѣжаго человѣка прямо ошеломляющее впечатлѣніе.

Нужна была привычка, чтобы дышать такимъ воздухомъ. Въ первыхъ двухъ комнатахъ тоже было тяжко, но не такъ,—вѣроятно потому, что временами сюда проникалъ изъ дверей передней свѣжій воздухъ. Вообще въ этихъ комнатахъ было неуютно и сумрачно...

Невольно приходила на умъ ссудная касса и кладовая еврея-ростовщика.

Было часовъ двѣнадцать. Кухарка хлопотала около печки. Недотыкинъ стоялъ въ кухнѣ и не переставалъ пилить женщину.

— Ишь навалила дровъ!. хозяйскаго не жаль... не свое, жги, благо есть.

— Чаво навалила... нѣбось пять полѣнъ! каша, поди, не упрѣетъ!.. рази можно менѣ!?. и то ужь!..

— Знаемъ, знаемъ!—бормоталъ Недотыкинъ...—вамъ что?.. все ровно!. Дрова-то—сунься-ка—дорогіе.

— Знамо не дешевые!. на то городъ,—соглашалась кухарка, чѣмъ еще болѣе раздражала Недотыкина.

— Палитъ безъ счету, давно ль полсажени привезли?

— Полсажени!.. да много ли въ полсажени? ишь!. Сказалъ... а ты мотри печь какая—звона! цѣльная комната, а мы пять полѣньевъ... да и то...—разсердилась кухарка.

— Перестань кудахтать, мокрая курица...

Кухарка оперлась на ухватъ и съ нескрываемымъ презрѣніемъ смотрѣла на Недотыкина.

— Селедку принесла? колбасы купила?—спросилъ хозяинъ.

— Утресь все купила, какъ сказывалъ; двухъ копѣекъ не достало. Въ лавкѣ повѣрили...

— Ишь, подлая, вѣдь говорилъ, что больше не надо... ты задолжала... сама и плати!..

— Чаво плати!.. Лавочникъ отъ колбасы отрѣзать не хотѣлъ... Скажи, говоритъ, барину, что, значитъ, на двѣ копѣйки лишнее...

— Подлецъ, мошенникъ твой лавочникъ, а ты дура!—кричалъ Недотыкинъ, уходя изъ кухни.

Недотыкинъ ждалъ гостей, ждалъ ихъ по дѣлу, къ которому онъ

Digitized by Google

и жаждалъ, и боялся приступить. Въ человѣческой натурѣ много неразгаданнаго и удивительнаго. Бываютъ обстоятельства, при которыхъ трусъ становится храбрымъ, эгоистъ великодушнымъ и скупой щедрымъ. Скупой до послѣдней степени, Недотыкинъ рѣшился вмѣстѣ съ Черновымъ организовать новое театральное дѣло. Недотыкинъ и купецъ Пузыревъ давали Чернову деньги и вступали съ нимъ въ товарищество по открытію въ Москвѣ оперетки.

Странно, люди другой среды, на склонѣ лѣтъ, не имѣя понятія о театральномъ дѣлѣ, рисковали деньгами и были заинтересованы еще небывалой въ Москвѣ частной антрепризой. Тѣмъ болѣе странно, что свои капиталы они всегда могли пустить въ оборотъ безъ особеннаго риска и на вполнѣ понятное для нихъ дѣло. Очаровалъ ли ихъ Черновъ, посуливъ въ будущемъ большую наживу, или другія соображенія побудили Недотыкина тронуть свои капиталы,—того Недотыкина, который дрожалъ надъ двугривеннымъ, — право, не знаю.

Недотыкинъ ждалъ Чернова и волновался. Нынѣ былъ день послѣдняго рѣшенія. Черновъ долженъ привезти съ собой смѣту расходовъ, чтобы приступить окончательно къ дѣлу. Пузыревъ давалъ 20,000 рублей подъ вексель. Недотыкинъ ходилъ по комнатѣ, стараясь привести ее въ нѣкоторый порядокъ; очистилъ отъ вещей три кресла, снялъ со стола старыя газеты, большую книгу и деревянную дощечку, и всѣ эти вещи положилъ тоже на кресло, стоявшее въ углу около окна. Затѣмъ, вынувъ изъ кармана засаленный замшевый кошелекъ, онъ высыпалъ на ладонь мелочь, мѣдныя и серебряныя монеты, и сталъ о чемъ-то медленно соображать. Въ это время, въ кухнѣ произошло какое-то шипѣніе и послѣдовалъ трескъ. Недотыкинъ вздрогнулъ, лицо его приняло свирѣпое выраженіе и онъ шагнулъ изъ комнаты... Въ передней показалась видная фигура Чернова, изъ-за плечъ котораго выглядывали живые черные глаза другаго гостя—Филимонова.

Черновъ, вмѣсто привѣтствія, сталъ кашлять и плеваться.

— Что у тебя за вонь, старина! Тьфу! кошкой пахнетъ...

— Какой кошкой? У меня и нѣтъ этой дряни...—сердито отвѣчалъ Недотыкинъ...

— Чортъ знаетъ чѣмъ!.. эдакая вонь!..—плевался Черновъ, входя въ комнату.—Отвори форточку, старый хрѣнъ.

— Нельзя, нельзя... Забиты форточки!.. какъ можно!.. Гляди, мошенники влѣзутъ... оберутъ!!.

— Оберутъ!.. да, вѣдь, здѣсь задохнуться можно!.. Отвори хоть дверь во дворъ... а вы, Петръ Ивановичъ, закурите папиросу что ли!..

*

Digitized by Google

— Сейчасъ, Павелъ Ивановичъ,—полѣзъ въ карманъ Филимоновъ и повелъ по комнатѣ носомъ.—Дѣйствительно, припахиваетъ тѣмъ-то въ родѣ дохлятины, тьфу!..

Недотыкинъ въ это время кричалъ на кухарку. Черновъ сѣлъ въ кресло, облокотился, подвинулся и покачнулся. Гнилыя ножки не выдержали богатырской фигуры и сломались. Черновъ вскочилъ и съ крикомъ оттолкнулъ раненое кресло, которое покатилось къ двери.

— Что же вы, разбойники?.. что же вы у меня мебель-то ломаете!—чуть не плакалъ Недотыкинъ, поднимая кресло и прилаживая, но безуспѣшно, сломанныя ножки.

— Давай, старый хрычъ, путное, на чемъ можно сидѣть... а то у тебя, на твоей мебели, шею сломаешь...

— Вотъ оглашенные! На диванъ садитесь... диванъ у меня на полѣньяхъ... крѣпко стоитъ!.. Тише, тише, осторожнѣй со столами,—шепталъ Недотыкинъ, отодвигая отъ дивана очевидно ненадежный столъ.

Гости усѣлись. Недотыкинъ, продолжая враждебно относиться къ нимъ, пошелъ изъ комнаты.

— Ты куда?—крикнулъ Черновъ.

— Сказать, чтобы закуску подала, — отвѣтилъ Недотыкинъ, исчезая въ кухнѣ, изъ которой снова послышались крики и брань.

— Однако, и воняетъ же у хрыча на квартирѣ!.. — повторилъ Черновъ.—Курите больше!.. Жаль, не захватилъ я съ собой сигары!..

Филимоновъ жегъ папиросу за папиросой.

Кухарка, поклонившись гостямъ, поставила на столъ селедку, мелко нарѣзанную, копченую колбасу и тоненькіе ломтики бѣлаго хлѣба. Водку и рюмки Недотыкинъ принесъ самъ и, бережно усѣвшись въ ненадежное кресло, попросилъ гостей закусить. Черновъ отказался. Филимоновъ выпилъ, крякнулъ и налилъ еще рюмку.

— Чѣмъ вздумалъ угощать?!—засмѣялся Черновъ.—Я отъ роду не пилъ водки.

— Что же?... это хорошо!—согласился Недотыкинъ.—Трезвые люди никогда въ убыткѣ не останутся...

— Ишь, заговорилъ о трезвости!.. Я водки не пью, а отъ шампанскаго не откажусь,—перебилъ его Черновъ.

— Шампанскаго? Господи Іисусе, чего захотѣлъ!

— Ну, ладно... у тебя и не просятъ!.. давай-ка дѣло рѣшать, а тамъ я и самъ себя угостить съумѣю...

— Выкушай еще рюмочку, Петръ Ивановичъ, да селедочкой закуси... Королевская... янтарь!..

Филимоновъ едва прожевывалъ родственную съ резиной селедку.

Digitized by Google

Черновъ вытащилъ изъ кармана бумаги, взялъ карандашъ и началъ съ жаромъ объяснять Недотыкину необходимые расходы, чтобы открытіе театра было блестящимъ. Недотыкинъ надѣлъ очки и внимательно, стараясь не проронить ни одного слова, слушалъ Чернова. Филимоновъ курилъ, по временамъ зажмуривая глаза при особенно убѣдительныхъ фразахъ Чернова. Черновъ говорилъ сильно и убѣдительно. Его голосъ, жесты, глаза—все свидѣтельствовало о той крѣпкой вѣрѣ, той энергіи, которыя онъ дѣйствительно можетъ вложить въ будущее предпріятіе. Богатая фантазія и иниціатива увлекала слушателей помимо дѣловыхъ и матеріальныхъ соображеній. Все, что говорилъ Черновъ, было такъ ново и такъ заманчиво. У Недотыкина разгорѣлись глаза, словно у стараго волка. Временами онъ прерывалъ Чернова: «что жь... что жь... согласенъ... начнемъ, начнемъ»!

— Начинать надо... скорѣй. Довольно лясы точить!.. Пора контракты подписывать, приступать къ стройкѣ, искать артистовъ. На новое дѣло не легко найти актеровъ... Нужны голоса, сценичныя фигуры... Надо сообразить, заняться всѣмъ до мелочей самому.

— Сценичныхъ пульпульчиковъ заведемъ!—сладострастно осклабился Недотыкинъ.

— Ишь, старый!.. Слышите, Петръ Ивановичъ? А! каковъ?

— Хе, хе, хе!.. старичку можно и побаловаться, если онъ денегъ не жалѣетъ.

— Будетъ довольно такого товара. Только я не допущу переходить границы... Чтобы все въ мѣру, прилично... Я желаю, чтобы у меня семейная публика была, чтобы купцы остались довольны. Наружу чтобы ни!.. ни!.. Будутъ отдѣльные кабинеты въ саду.

— Мы въ сторонкѣ съ мамурчиками, въ сторонкѣ...

— Пузыревъ когда хотѣлъ дать денегъ?—перемѣнилъ разговоръ Черновъ.

— Когда нужно... хоть сейчасъ.

— Ну, вотъ... Ты возьми у него деньги, да вексель дай отъ своего имени...

— Какъ отъ своего?—вскричалъ Недотыкинъ,—ну, нѣтъ, голубчикъ... миленькій!..

— Не согласенъ?—нахмурился Черновъ.—Слышите, Петръ Ивановичъ?.. О чемъ же мы толкуемъ!.. Тогда съ Ѳеоктистовымъ покончимъ... онъ у меня пороги обилъ... денегъ сколько угодно!.. Еще и этотъ армянинъ... какъ его, Петръ Ивановичъ?

— Мородьянъ!..

— Какого же чорта ты канитель тянулъ?..—продолжалъ Черновъ—зналъ бы я... не пошелъ бы въ такую даль и на такую вонь..

Digitized by Google

— Постой, постой!—остановилъ Недотыкинъ встающаго изъ-за стола Чернова...—погоди!.. Какъ же я теперь вексель выдамъ? проценты вѣдь... а вдругъ ничего не выдетъ. Меня-то ты чѣмъ обезпечишь?!.

— Да, вѣдь, ты полнымъ хозяиномъ будешь... и управляющимъ, и кассиромъ... у тебя, чортова крыса, всѣ деньги будутъ...

— Штучекъ такихъ найдемъ, что пальчики оближете,—ухмыльнулся Филимоновъ.

Недотыкинъ осклабился. Черновъ задумался. На его губахъ играла лукавая улыбка.

— Значитъ, по рукамъ,—проговорилъ онъ.

Недотыкинъ подалъ руку. Филимоновъ налилъ двѣ рюмки водки.

— Много, пожалуй, старику-то, — усмѣхался Недотыкинъ, чокаясь съ Филимоновымъ и смотря на Чернова, который отчеканилъ:

— Привози завтра деньги... шампанскаго выпьемъ... надо спрыснуть дѣло!

— Завтра? почему завтра?—недоумѣвалъ Недотыкинъ.

— Опять сначала! — отрѣзалъ Черновъ, расправляя могучія плечи.—Сказано ужъ!.. Наконецъ, я долженъ оставить казенную сцену!.. не могу я служить, когда беру на себя большое вольное дѣло. Ты какъ объ этомъ думаешь? или я шутки шучу? Даромъ что ли, я буду работать?..

— Постой. Прежде начнемъ, поставимъ все на линію...

Черновъ громко разсмѣялся.

— Поставимъ на линію!.. скажите, пожалуйста... посмотрите на стараго колпака... Да, что же, ваше благородіе, голодный я буду сидѣть, да хлопотать, сочинять и организовать?

— На расходы, конечно...

— Не дѣло, не дѣло говорите, Иванъ Емельяновичъ... какъ можно!.. Мы сразу хотимъ, а вы задерживаете...

Филимоновъ волновался. Странный былъ человѣкъ этотъ Петръ Ивановичъ, ловкій, хитрый, шустрый и привязанный къ Чернову, какъ кровная охотничья собака. Филимоновъ вѣрилъ въ счастливую звѣзду Чернова, вѣрилъ безусловно, какъ фаталистъ, и охотно подчинялся актеру.

Филимоновъ тоже былъ артистъ казенной сцены и уже давно рѣшилъ бросить свою службу по выходѣ Чернова.

При своей пронырливости, онъ былъ какой-то неопредѣленный мечтатель... писалъ даже стихи!..

Гости взялись за шляпы.

— На расходы, само собой... что надо,—дѣловито сказалъ Чер-

Digitized by Google

новъ, и его лицо сдѣлалось серьезно, даже сурово,—но что касается меня и вотъ его (онъ показалъ на Филимонова), моего помощника, мы желаемъ опредѣленнаго мѣсячнаго жалованья: мнѣ 500 р., а ему 200, что ли... Довольно будетъ, Петръ Ивановичъ?

— Если вы находите, я согласенъ,—проговорилъ Филимоновъ, внимательно глядя на Недотыкина.

Хозяинъ мрачной квартиры былъ мраченъ. Молча погладилъ онъ себя по животу, посмотрѣлъ на обоихъ актеровъ, крякнулъ и сказалъ:

— Ждите меня завтра до 12 часовъ. Ничего съ вами, разбойниками, не подѣлаешь!

III.

Московскій Малый театръ, со времени Щепкина, занялъ видное мѣсто въ нравственно-воспитательномъ значеніи нашего общества. Высокіе порывы чувствъ, хорошія слова слышали съ подмостковъ сцены зрители, сердца которыхъ бились и трепетали теплымъ чувствомъ примиренія и благородныхъ мыслей.

Въ то время театръ былъ школой жизни, и не только для молодежи, но и для пожилыхъ, опытныхъ людей.

Искусство стояло высоко. Съ благоговѣйнымъ страхомъ и любовью относились къ нему актеры, которыхъ уважала публика, чувствуя свою непосредственную связь съ ними. Искренность была твердымъ фундаментомъ этой вѣры, свѣта и свободы, которые широкими, мягкими лучами наполняли зрительную залу Малаго театра.

Особой атмосферой дышалъ тогда драматическій театръ, въ которомъ не было мѣста внѣшнему успѣху, сценичной наружности и костюмамъ, но гдѣ требовались талантъ и то непосредственное чувство, которое невидимой нитью соединяло зрителя съ артистомъ. Талантъ Островскаго былъ въ полномъ блескѣ. «Темное царство» колебалось и трепетало. Дѣти этого царства, воспитываясь на комедіяхъ Островскаго и лучшихъ драматическихъ писателяхъ, приходили въ ужасъ отъ тьмы и дикаго самодурства своихъ родителей, и охотно шли по пути гуманности и общечеловѣческихъ интересовъ.

Свѣтлая волна эпохи освобожденія и художественная правда дѣлали свое дѣло твердо и основательно. Основой дальнѣйшаго умственнаго переворота, благодаря литературѣ и театру, въ неинтеллигентныхъ классахъ московскаго купечества и мѣщанства, являлись тронутое сердце и потребность духовной жизни. Матеріальная сторона жизни мало по малу уступала свое мѣсто моральнымъ и умствен-

Digitized by Google

нымъ интересамъ. Анализъ, критика соединили проснувшіеся умы, сближая ихъ на почвѣ человѣческихъ отношеній, настойчивой желанія борьбы съ суевѣріемъ, ложью, и постепеннаго движенія въ область идеала.

Хорошее было время. Его свѣтлая полоса коснулась и темнаго Замоскорѣчья.

Дѣти «темнаго царства» оказали протестъ самодурству отцовъ. Это былъ въ высшей степени интересный моментъ въ московской полукультурной средѣ, въ которую властно вторгнулся лучь любви и просвѣщенія.

Первые шаги протеста и человѣческаго сознанія появились въ своеобразной, полуазіатской семьѣ. Дѣти стали оказывать сопротивленіе несокрушимому по сіе время авторитету родителя. Критика, анализъ, вмѣсто принципа «чего моя нога хочетъ», произвели должную сенсацію въ темномъ царствѣ. Происходили удивительныя событія. Отцы, внѣ себя, рвали и метали; плакали и молились матери, боязливо сочувствовали сестры, и смѣло стояли на своемъ молодые люди, вкусившіе новой жизни, новыхъ идей.

Болѣе смѣлые и рѣшительные разставались съ родительскими домами, искали и находили посторонніе заработки; другіе вели борьбу глухо, изо дня въ день, оставаясь въ семьяхъ, но, въ сущности, какъ оторванные отъ нея члены, интересы и жизнь которыхъ были на сторонѣ, въ кружкахъ людей имъ подобныхъ, стремящихся къ гуманной, полной человѣческаго достоинства, жизни.

Повторяю, театръ въ это время игралъ огромную роль. Вліяніе сцены на упомянутыхъ молодыхъ людей было плодотворно и неотразимо. Общность интересовъ и живыя симпатіи естественно соединяли молодежь въ кружки для самообразованія и обмѣна мыслей. Такой кружокъ изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, дѣтей первой гильдіи купцовъ, образовался и въ Замоскворѣчьѣ. У самостоятельно устроившагося протестанта изъ темнаго царства собирались молодые люди, читали, дѣлились впечатлѣніями и чувствовали себя очень хорошо. Въ ихъ тихой компаніи бывали студенты, тоже дѣти купцовъ, вносившіе сюда элементы свѣжести и новизны. Обладая денежными средствами, замоскворѣцкій кружокъ сталъ заводить свою библіотеку. Русскіе и иностранные классики, извѣстные критики и публицисты—вотъ какія книги преимущественно покупались членами кружка. Драматическія произведенія занимали тоже видное мѣсто въ ихъ библіотекѣ.

Театръ увлекалъ ихъ чрезвычайно. Рѣдкій день, если кто либо изъ нихъ не былъ въ Маломъ театрѣ и не передавалъ своихъ впе-

Digitized by Google

чатлѣній товарищамъ. Пьесы Островскаго они знали почти всѣ наизусть. Шекспира изучали внимательно и терпѣливо.

Въ то время, о которомъ я разсказываю, весь кружокъ замоскворѣцкихъ новаторовъ былъ увлеченъ молодой артисткой Ефимовой, стяжавшей на сценѣ московскаго Малаго театра большіе успѣхи и обратившей на себя всеобщее вниманіе.

Ефимову, главнымъ образомъ, поддерживала молодежь. Необыкновенно впечатлительная, она силой своего чувства дѣйствовала непосредственно и неотразимо на юныя,—такія же, какъ и она,—натуры.

Но партеръ и «тонкіе знатоки» тогда еще не признавали ея, находя неизящной и грубой.

Далекое отъ всякаго чутья и пониманія, театральное начальство смотрѣло на Ефимову, какъ на будущую полезность, и, выпустивъ ее случайно, еще воспитанницей, въ бенефисный день, по настоянію бенефиціантки, въ серьезной пьесѣ, оставило на драматической сценѣ на 15-ти рубляхъ въ мѣсяцъ. Ефимова была счастлива, работала усердно и часто выступала въ отвѣтственныхъ роляхъ. Благодаря своему прирожденному художественному чутью и незатѣйливой, даже бѣдной обстановкѣ родительскаго дома, артистка обнаружила явно склонность изображать страданіе и зависимое положеніе русской женщины. Мало по малу артистка становилась замѣтнѣй. Прихотливые знатоки невольно начали обращать на нее вниманіе, впрочемъ, указывая при всякомъ случаѣ, и даже съ нескрываемымъ раздраженіемъ, на грубость и демократичность,—качества, которыя, по ихъ мнѣнію, выражались въ голосѣ и костюмахъ Ефимовой. Дѣйствительно, плохіе, дешевые костюмы, отсутствіе тонкихъ аристократическихъ пріемовъ били въ глаза, вооружая ихъ традиціонную внѣшнюю благовоспитанность.

Время шло. Успѣхъ Ефимовой росъ. Дирекція, наконецъ, назначила ей 50 рублей въ мѣсяцъ. Къ этому времени, вскорѣ послѣ ея дебюта въ роли Катерины въ «Грозѣ» Островскаго, относится знакомство артистки съ однимъ изъ членовъ замоскворѣцкаго кружка, Пѣшеходовымъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это было событіе, о которомъ передъ спектаклемъ, во время вечерняго чая, разсказывалъ Пѣшеходовъ:

— Въ родѣ монашенки, скромная такая... глаза опущены, говоритъ тихо... не узнать, да и только, актрисы... А въ «Грозѣ»-то какъ?!. и голосъ, и все!.. такъ за сердце и беретъ... силы этой душевной—страсть сколько!

— Вѣрно говоришь, что за сердце хватаетъ!—соглашались слушатели.—Смирная!.. ишь ты!.. о чемъ же у васъ разговоръ былъ?

Digitized by Google

— Да, такъ... ничего особеннаго... Больно она конфузлива... Молчитъ больше... а то взглянетъ изподлобья, ровно волчкомъ посмотритъ... Я, право, не зналъ, какъ и съ чего начать... Говорилъ ей, что мы постоянно ходимъ въ театръ, когда она играетъ, смотримъ,—нравитесь, молъ, всѣмъ нашимъ...

— А она что?—перебилъ кто-то нетерпѣливо.

— Да, ничего,—продолжалъ Пѣшеходовъ,—все конфузится, да и я тоже робѣлъ все время... Хотѣлось ей касательно Катерины маленькую поправочку сдѣлать, да не вышло... лучше подробно напишу объ этомъ.

— Напишешь?!.

— Да, напишу, и самъ ей отдамъ для вѣрности, при свиданіи.

— Развѣ видаться будете?

— Согласилась... у всенощной. Каждую субботу она бываетъ въ церкви.

— Завидую я тебѣ, братецъ,—задумчиво проговорилъ Шамшуринъ, нервный и мечтательный юноша.—Какъ бы мнѣ хотѣлось поговорить съ ней, посмотрѣть на нее, такъ, запросто!..

— Что жь, пойдемъ вмѣстѣ, будемъ разговаривать,—пригласилъ Пѣшеходовъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—заволновался Шашмуринъ,—неловко, совѣстно!.. лучше я такъ, издали погляжу...

— И я тоже тогда,—присоединился и Черноусовъ.

Скромная компанія была чрезвычайно довольна знакомствомъ Пѣшеходова съ Ефимовой и торопливо собиралась въ театръ смотрѣть пьесу А. А. Потѣхина: «Шуба овечья, да душа человѣчья». Очень имъ нравилась эта пьеса, которая дышала такимъ тепломъ и сердечностью.

Въ то время зрительная зала Малаго театра представляла нѣчто иное, нежели въ наше время. Не говоря о настроеніи и интересѣ, съ которымъ зрители относились къ сценѣ, было что-то торжественное и осмысленное на всѣхъ почти лицахъ. Пресыщенія, вялости и скуки, которыя въ настоящее время царятъ почти во всѣхъ театрахъ, тогда не было, не смотря на то, что семейный характеръ преобладалъ въ театрѣ. Ложи всегда бывали заняты семьями или людьми близкими между собою. Отцы и дѣти часто поддавались общему настроенію, переживая одни и тѣ же впечатлѣнія. Невидимая сила царила въ атмосферѣ и давала себя чувствовать зрителямъ, къ какому бы сословію и возрасту они ни принадлежали. Правда и искреннее чувство очень скоро увлекали даже безшабашныхъ людей, которые подходили, сами того не замѣчая, подъ общій тонъ, общее настроеніе. Кокотокъ, разряженныхъ, какъ

Digitized by Google

куклы, тогда не было видно; напротивъ, встрѣчались оригинальныя фигуры интеллигентовъ и типичныя лица купечества. Слушали молча, со вниманіемъ, и не стыдились плакать. Правда, трудно, да и почти невозможно было удержать навертывающіяся слезы при такой игрѣ, какъ Садовскаго въ «Любимѣ Торцовѣ» и Шумскаго—въ роли Жадова въ «Доходномъ мѣстѣ». Антракты были одушевленные и шумные. Буфетъ торговалъ мало. Собирались въ кружки, спорили, восторгались, выражали недовольство. Но, повторяю, все было искренно. Искренность на сценѣ вызывала и поддерживала такую же искренность и въ публикѣ. Ложь и фальшь не свили еще гнѣзда въ храмѣ благороднаго искусства. Шантажныхъ газетъ еще не было, продажные рецензенты только что нарождались вмѣстѣ съ опереткой, и ихъ грязныя душонки и ядовитое дыханіе не отравляли воздуха, въ которомъ раздавался задушевный смѣхъ или вздохи страданія. Молодежь и болѣе впечатлительные люди выходили изъ театра, словно въ туманѣ, подъ вліяніемъ высокихъ чувствъ и побужденій къ благороднымъ рыцарскимъ подвигамъ, къ широкой любви и прощенію...

Грезы и мечты не оставляли многихъ и въ постели. Нерѣдко первый ударъ колокола къ заутренѣ заставлялъ не спавшую, всю трепетавшую отъ впечатлѣній, дѣвушку—подолгу и горячо молиться передъ темными ликами святыхъ о ниспосланіи силъ и побѣды всему честному и всѣмъ угнетеннымъ на свѣтѣ.

Когда молилась дочь, въ комнатѣ рядомъ, за стѣной, ея родитель съ крутымъ нравомъ не спалъ тоже и думалъ о прошломъ, о своемъ самодурствѣ и о томъ, какъ прошибла его слеза при просьбѣ Любима Торцова—не губить Любы.

Вотъ впечатлѣнія, вотъ ихъ результаты и вліяніе тогдашняго Малаго театра! Вліяніе было общее, сильное и жизненное. Оружіе было острое, неотразимое: горячая правда соединилась съ неумолимой критикой.

Я не знаю, кому больше обязана гуманизмомъ молодежь:—литературѣ, наукѣ или театру? Высоко стояли всѣ эти двигатели человѣческаго развитія, но образы художественнаго творчества были ближе и понятнѣй начинавшей только развиваться натурѣ славянина. Бѣлинскій понималъ это. Понималъ первый великій рецензентъ и театральный критикъ, ставившій такъ высоко театральное дѣло и такъ вѣрившій въ натуру человѣка и въ развитіе человѣческаго духа. Блестящая эпоха московскаго Малаго театра въ настоящее время отошла уже въ область исторіи, но живы еще тѣ люди, которые сами переживали эти счастливые, хорошіе часы.

Сколько разсказовъ, сколько воспоминаній!..

Digitized by Google

— Крутой былъ человѣкъ Михаилъ Семеновичъ!.. очень крутой, когда дѣло шло о театрѣ, объ искусствѣ,—разсказывалъ, по возвращеніи изъ спектакля, Пѣшеходовъ.

— Ну?!.—съ интересомъ подталкивали разсказчика молодые люди.

— Да, разсказывалъ мнѣ одинъ вѣрный человѣкъ... Щепкинъ былъ главнымъ лицомъ, всѣми распоряжался... да еще какъ!.. Съ Шумскимъ вотъ что было...

Пѣшеходовъ засмѣялся.

— Ну, ну, разсказывай!—оживилась компанія, которая до сихъ поръ не могла еще опомниться отъ блестящей и въ высшей степени талантливой игры артиста въ комедіи Потѣхина.

— Молодымъ былъ тогда Шумскій и влюбленъ, значитъ, былъ въ какую-то барышню... Нужно было ему изображать хлыщеватаго барина и притомъ обличіемъ некрасиваго... Ну, однимъ словомъ, въ родѣ чорта!.. А «предметъ» тутъ въ театрѣ... сидитъ въ ложѣ... Это Шумскій зналъ... Больно ему ужь не хотѣлось въ дьявольской образинѣ передъ прекрасной дѣвицей показаться. Какъ тутъ быть?!. Вотъ онъ и загримировался, эдакъ, середка на половинку... значитъ, ни то, ни сё... чтобы «предмету» не сдѣлать отвращенія... Однимъ словомъ, не по роли вышло. А Щепкинъ, братцы, за всѣмъ слѣдилъ, всякую мелочь замѣчалъ. Все зналъ, зналъ даже, что у Шумскаго «предметъ» имѣлся... И вотъ, какъ глянулъ онъ на сцену, да какъ увидалъ, вмѣсто чучела гороховаго, эдакого франтика изъ Ножевой линіи... такъ и обомлѣлъ!.. Вышелъ старикъ изъ себя, и при всѣхъ артистахъ закричалъ:—Какъ ты смѣлъ?.. святое искусство!.. Мальчишка... негодяй!.. Да за это, знаешь, тебѣ свиней пасти, а не артистомъ быть!—И что же вы думаете? Хоть бы слово сказалъ Шумскій... блѣдный стоитъ передъ Щепкинымъ и молчитъ, опустивъ руки. Всѣ понимали, что правъ старикъ, и никто не сочувствовалъ Шумскому... А послѣ и такая оказія случилась съ Шумскимъ же. Михаилъ Семеновичъ сидѣлъ во время спектакля въ зрительной залѣ... Не знаю, какая шла пьеса, но Шумскій такъ игралъ въ этотъ вечеръ, что заполонилъ весь театръ, всѣхъ зрителей... Однимъ словомъ, трескъ, стонъ стоялъ въ публикѣ... Говорили, что художественно... лучше и нельзя!.. Что же тогда Щепкинъ?!. Какъ сумашедшій, бросился за кулисы, поймалъ Шумскаго и поцѣловалъ у него руку! Да, поцѣловалъ у молодаго человѣка самъ Михаилъ Семеновичъ, передъ которымъ тогда всѣ трепетали. Вотъ, что бывало... какъ чтили эти люди искусство!

Молодежь задумалась. Свѣчи догорали. Самоваръ давно погасъ и часы пробили четыре. Никто не хотѣлъ еще спать. Каждому хо-

Digitized by Google

тѣлось слушать о людяхъ, которые своими интересами и личными чувствами жертвовали для общества, для чистаго, прекраснаго дѣла. Хорошо было молодымъ людямъ,—также хорошо, какъ бываетъ дѣтямъ, когда въ комнаткѣ, освѣщенной мерцающимъ блескомъ лампады, старушка-няня разсказываетъ хорошую сказку и своей морщинистой рукой гладитъ головку своего любимца... Тихо, хорошо, и свѣтлыя грезы носятся въ воображеніи.

— Порядокъ въ тѣ времена, при Щепкинѣ, былъ строгій,— продолжалъ Пѣшеходовъ.—Все для искусства! Покойный артистъ говорилъ: «мать, жену брось, если хочешь быть истиннымъ артистомъ, отдай всего себя святому дѣлу»... Въ то время и въ мелочахъ нельзя было отступить отъ заведеннаго Щепкинымъ порядка. Въ шесть часовъ вечера всѣ участвующіе въ пьесѣ артисты и артистки должны были быть на мѣстахъ, въ своихъ уборныхъ, даже тѣ, которые выходятъ въ концѣ пьесы. Бѣда было опоздать!.. Но случалось, что и не поспѣвалъ кто!.. Одинъ разъ, послѣ шести часовъ, Щепкину доложили, что артистъ, исполнявшій въ тотъ вечеръ отвѣтственную роль, не явился... Какъ! что это значитъ?!. Заболѣлъ?.. тогда бы прислалъ извѣщеніе. Щепкинъ приказалъ принести кресло, поставилъ его противъ двери, и сѣлъ. Прошло минутъ пять-десять; дверь отворяется, и запыхавшаяся фигура опоздавшаго, увидавъ передъ собой сидящаго Щепкина, быстро хлопаетъ дверью и убѣгаетъ. Щепкинъ тоже вскакиваетъ, бѣжитъ; за нимъ несутъ кресло, въ которое онъ снова садится уже передъ другой дверью, передъ другимъ входомъ. Артистъ не миновалъ распеканціи...

Но близится утро. Загудѣли по Замоскорѣчью колокола, и молодые люди лѣниво разошлись до завтра.

С. Васюковъ.

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

НАША ЖУРНАЛИСТИКА.

(Еврейскія притязанія въ русской печати).

Мы уже говорили много разъ въ «Наблюдателѣ» о томъ фатальномъ вліяніи, которое пріобрѣлъ кагалъ въ русской печати, превративъ ее, на бо́льшую долю, въ какую-то лейбъ-гвардію еврейства, ради спеціальной защиты его «интересовъ», начиная съ замалчиванья или обѣленія всѣхъ гнусныхъ сторонъ жидовскаго нашествія и кончая отмѣною «черты еврейской осѣдлости». При этомъ, мы всегда указывали, что въ лучшій періодъ развитія русской журнилистики ни «Русскій Вѣстникъ»—Каткова, ни «Современникъ» и «Отечественныя Записки» Некрасова, ни «Время» Достоевскаго, ни «Дѣло» Благосвѣтлова, ни «Русь» Аксакова никогда не позволяли себѣ — ставить интересы еврейской банды выше интересовъ кореннаго русскаго населенія, ни превозносить мораль талмуда и шулханъ-аруха превыше евангельской проповѣди (какъ это сдѣлала юдофильская «Русская Мысль»).

Русскіе либералы, консерваторы, радикалы и народники не были еще заражены юдофильствомъ, не подчинялись игу кагала и если не нападали прямо и рѣзко на послѣдствія еврейской эксплуатаціи, то только потому, что это зло, въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ, только накоплялось подъ сурдинкою, не било въ глаза открыто и всенародно, и не привлекало къ себѣ такого жгучаго вниманія общества и правительства.

Евреи, съ наглостью,—такъ свойственной всѣмъ ограниченнымъ, но непомѣрно претенціознымъ людямъ,—рѣшаются утверждать теперь, что юдофильство есть символъ гуманности, любви къ просвѣщенію и всякаго соціально-политическаго развитія, а направленіе антиеврейское или, точнѣе, антиталмудическое, антиэксплуататорское и искренно-народолюбивое—тожественно съ обскурантизмомъ, религіозной нетерпимостью и даже человѣконенавистничествомъ. Вотъ ужь, точно, съ больной головы на здоровую!!. Шулханъ-арухъ—эта квинтъ-эссенція юдаизма—*предписываетъ* евреямъ ненавидѣть и душить всякаго, не принадлежащаго къ ихъ племени; шулханъ-

Digitized by Google

арухъ одобряетъ даже клятвопреступленіе и убійство, разъ только они ведутъ къ выгодамъ еврейства; шулханъ-арухъ *запрещаетъ* еврейской кормилицѣ кормить своею грудью христіанскаго младенца; шулханъ-арухъ, въ классификаціи «*животныхъ*», ставитъ *гоя* (христіанина) ниже осла и собаки; шулханъ-арухъ одобряетъ наружное отступленіе отъ вѣры іудейской, если только ренегатъ будетъ тайнымъ образомъ исповѣдывать прежнее, дѣйствительно человѣконенавистническое, ученіе; шулханъ-арухъ, наконецъ, *поощряетъ* всякое надувательство, направленное *въ обходъ законовъ*, стѣснительныхъ для правовѣрнаго еврея. Конечный идеалъ шулханъ-аруха—это полное рабство гоя, всецѣлое закрѣпощеніе его въ еврейскихъ лапахъ,—закрѣпощеніе экономическое и нравственное. Самое имущество христіанъ—по теоріи этого любвеобильнаго гражданскаго и политическаго кодекса—считается *de jure* принадлежащимъ еврейству и только de facto находится *во временномъ пользованіи* иновѣрцевъ. Часъ придетъ—и все это имущество будетъ возвращено себѣ по праву евреями. Извѣстный еврейскій ростовщикъ Димантъ, оцѣпившій своими землевладѣльческими операціями весь бессарабскій край, такъ и говорилъ, что близко время, «*когда бывшіе русскіе помѣщики станутъ пахать на своихъ евреевъ-господъ*».

Натурально, что ни одинъ *честный* журналистъ—прогрессистъ онъ или консерваторъ—если только знакомъ съ подлиннымъ ученіемъ талмуда и шулханъ-аруха, не станетъ защищать его ни съ либеральной, ни съ консервативной точки зрѣнія, и не пожелаетъ сознательно навязать Россіи новое иноплеменное иго, горше татарскаго. Къ числу такихъ честныхъ русскихъ журналистовъ принадлежалъ, между прочимъ, Г. З. Елисеевъ, стоявшій, при Некрасовѣ и Салтыковѣ, во главѣ внутренняго отдѣла въ «Отечественныхъ Запискахъ». Подъ его прямымъ вліяніемъ и руководствомъ, журналъ этотъ, уже въ осьмидесятыхъ годахъ, незадолго до своего прекращенія, высказывался по еврейскому вопросу въ томъ же самомъ отрицательномъ смыслѣ, какъ высказывается теперь «Наблюдатель». Елисеевъ, какъ баккалавръ казанской духовной академіи, зналъ не по наслышкѣ талмудъ и шулханъ-арухъ, а какъ искренній народникъ, выше всего ставилъ интересы русскаго народа.

Чтобы не говорить голословно, мы должны повторить (repetitio est mater studiorum!) тѣ самыя цитаты изъ «Отечественныхъ Записокъ», которыя уже приводились нами раньше по тѣмъ же поводамъ.

Такъ напр., взглядъ «Отечественныхъ Записокъ» на самую сущность еврейскаго вопроса высказанъ былъ очень опредѣленно, и даже рѣзко, въ редакціонномъ отдѣлѣ журнала, въ критической

Digitized by Google

статьѣ объ извѣстной книгѣ юдофила Хвольсона: «О нѣкоторыхъ средневѣковыхъ обвиненіяхъ противъ евреевъ». Здѣсь рецензентъ прямо глумится надъ *«патріотическими очками»* евреевъ, которыя мѣшаютъ видѣть и понимать, какъ слѣдуетъ, причины всеобщей ненависти къ этому племени. «Разсудокъ безсиленъ—говоритъ онъ—*доводы безполезны тамъ, гдѣ ихъ, такъ сказать, органически не могутъ воспринять. Всѣ черны, одни евреи бѣлы; всѣ неправы, одни евреи правы;* ихъ «грабятъ», передъ ними «лицемѣрятъ»; ихъ ненавидятъ, потому что имъ завидуютъ; а завидуютъ имъ потому что *они лучше, сильнѣе другихъ* (это подлинныя слова нашихъ юдофиловъ). Передъ этою *неспособностью къ самокритикѣ* стѣнъ, конечно, остановиться, какъ передъ любопытнымъ фактомъ *національной патологіи* (вотъ какъ назывался «еврейскій патріотизмъ» на языкѣ Елисеева!) но бороться съ нею мы не видимъ средствъ» (т. е., другими словами, рецензентъ отчаивается въ возможности логическаго вразумленія евреевъ). Допуская затѣмъ, что г. Хвольсонъ достигаетъ своей цѣли — убѣдить читателей въ несуществованіи у евреевъ обычая употребленія христіанской крови (хотя, прибавимъ отъ себя, *убѣдиться* въ этомъ можно будетъ только тогда, когда *все саратовское дѣло о еврейскихъ фанатикахъ, доходившее до государственнаго совѣта, сдѣлается доступнымъ историческому суду,* чего тщетно домогались многіе изслѣдователи) рецензентъ ехидно замѣчаетъ: «*Чувство, диктовавшее это обвиненіе, останется во всей своей силѣ*, потому что останется неприкосновенною вся та сумма политическихъ, экономическихъ, религіозныхъ, бытовыхъ и національныхъ факторовъ, которая порождаетъ это чувство. Измѣнится форма обвиненій, но формальное измѣненіе—плохой прогрессъ. Посмотрите на современную Германію. Вы не услышите тамъ обвиненія евреевъ въ употребленіи христіанской крови, но *вы услышите массу другихъ болѣе осмысленныхъ* (замѣтьте: «осмысленныхъ»!) *болѣе, такъ сказать, культурныхъ, но въ сущности не менѣе тяжелыхъ обвиненій.* У насъ обвиняютъ евреевъ въ буквальномъ кровопійствѣ (и, повторяемъ, обвиняютъ далеко не безъ основанія, такъ какъ евреи напрягли всѣ свои силы, чтобы затормозить *документальное изслѣдованіе* этого вопроса); *на западѣ обвиняютъ ихъ въ томъ же, но аллегорически.* Великъ ли, спросимъ мы, барышъ для евреевъ»? («Отеч. Зап.» 1880 г., т. CCL, отд. II). Мы тоже полагаемъ, что барышъ не великъ и что евреи продолжаютъ являться одинаково ненавистнымъ элементомъ и въ Россіи, и на западѣ Европы, и въ сѣверной Америкѣ, что доказано обстоятельно въ статьѣ нашего сотрудника, г. Липранди (см. № 1 «Наблюдателя» за текущій годъ).

Digitized by Google

Два года спустя послѣ этой редакціонной замѣтки о книгѣ г. Хвольсона, «Отечественныя Записки» посвятили цѣлую статью («Еврейскій вопросъ въ Россіи») разъясненію причинъ особенной успѣшности еврейской эксплуатаціи. Авторъ статьи, *г. Южаковъ*, находитъ, что этотъ успѣхъ *не можетъ быть объясненъ* (какъ объясняютъ его юдофилы) *ни особеннымъ искусствомъ, ни умственнымъ превосходствомъ евреевъ надъ русскими*. «Залогъ этого успѣха—говоритъ онъ—лежитъ въ ихъ общественной солидарности, въ ихъ *еврейскомъ союзѣ*» (мы выражаемся нѣсколько сильнѣе: «въ еврейскомъ заговорѣ»). Далѣе онъ признаётъ за *кагалами* значеніе высшей и абсолютной власти, утверждая, что «они бдятъ надъ общественными интересами, *карающе виновныхъ въ отступничествѣ или несолидарности* (въ недавнее время гг. Слонимскій и Волынскій были подвергнуты *херему*, т. е. проклятію, за непочтительные отзывы о шулханъ-арухѣ и талмудѣ), управляютъ дѣйствіями и предпріятіями въ общихъ интересахъ». «Мнѣ указывали—продолжаетъ г. Южаковъ—въ Одессѣ на домъ одного лица, которое возбудило чѣмъ-то неудовольствіе евреевъ и на которое кагаломъ наложено было запрещеніе («херемъ»). Дѣйствительно, въ этомъ домѣ, стоявшемъ на бойкомъ торговомъ мѣстѣ, *не было ни одного еврейскаго магазина*. Тамъ же *мнѣ указывали газету* («Новороссійскій Телеграфъ», вѣроятно) *которая подверглась будто бы такому же запрещенію кагала, и которая не имѣла евреевъ-подписчиковъ*» (такія же точно продѣлки практикуются теперь по отношенію къ «Наблюдателю», противъ котораго «Астраханскій Листокъ» предлагалъ читателямъ *стакнуться* и отказаться отъ подписки на него, и въ которомъ, по недавнему удостовѣренію «Петербургской Газеты», одинъ редакторъ-еврей запретилъ участвовать своему русскому сотруднику). Установивъ такимъ образомъ несомнѣнные факты, свидѣтельствующіе о безспорной власти еврейскаго кагала и объ его попыткахъ устраивать репрессаліи противъ антиталмудической дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, г. Южаковъ справедливо заключаетъ: «...*Еврейскій союзъ*, организованный или неорганизованный, *несомнѣнно существуетъ и не есть мивъ, созданный фантазіей еврейскихъ недоброжелателей* (какъ утверждаютъ, опять таки, наши юдофилы, прикидывающіеся невинными агнцами). Этотъ *союзъ несомнѣнно выражается въ общей поддержкѣ*, которую всегда и всюду оказываетъ еврей еврею, въ ихъ союзѣ *противъ нееврейскихъ конкурренговъ*, въ стачкахъ промышленниковъ и торговцевъ одного рода (какъ напр., новѣйшихъ еврейскихъ редакторовъ, прибавимъ къ этому) *въ умѣньѣ складываться для подкупа* (объ этомъ *умѣньѣ* свидѣтельствуетъ въ своихъ «Запискахъ» Державинъ, смѣщенный, по проис-

Digitized by Google

камъ жидовъ, съ должности министра юстиціи). Эти факты междуеврейской солидарности общеизвѣстны и *никто отрицать ихъ не станетъ*». («Отечеств. Зап.», № 5, 1882 г.).

Освѣщая правильно еврейскій вопросъ въ его общемъ—экономическомъ и нравственномъ—значеніи, «Отечественныя Записки» не обошли молчаніемъ и частнаго вопроса о еврейскомъ землевладѣніи въ Россіи. Этотъ вопросъ былъ разсмотрѣнъ въ статьѣ г. *Варзера*: «Евреи-арендаторы въ черниговской губерніи» (въ этой губерніи, какъ извѣстно, произошелъ и знаменитый стародубскій погромъ: очевидно, что вся губернія просто изнемогаетъ подъ гнетомъ якобы «гонимаго» племени).

«Въ нашей мѣстности—говоритъ этотъ свѣдущій авторъ—среди градовъ и засухъ, пьянства и пр., есть еще одна спеціальная, *сильнѣе засухъ дѣйствующая, причина упадка помѣщичьихъ хозяйствъ:* это—*еврейская аренда*... Поѣзжайте вдоль и поперекъ по нашей черниговщинѣ (такъ называютъ у насъ свой край) и если вы встрѣтите гдѣ нибудь то зрѣлище хозяйственной неряшливости и запустѣнія, отъ котораго *невольно болитъ душа каждаго хозяина*, не спрашивайте—вамъ навѣрное скажутъ: «это еврейская аренда». Если вы встрѣтите, напр., печальную картину поруба, чахлаго кустарника или уже распаханнаго и запаханнаго лѣса, по которому кружатся песчаные вихри, засыпая окружныя поля, не спрашивайте, *кто сразу вычерпалъ это лѣсное богатство*, накопленное природою, быть можетъ, столѣтіями: это навѣрно арендаторъ-еврей. Если вы встрѣтите помѣщичью усадьбу, еще, повидимому, жилую, но уже носящую всѣ признаки смерти; иногда даже новый домъ, но безъ нѣсколькихъ ставень и съ разбитыми стеклами; иногда еще новый, но уже полурастасканный сарай, обломанный заборъ, раздерганный плетень, сгорѣвшую клуню (ригу) и садъ съ тополями вокругъ, въ которомъ нѣкоторыя прекрасныя, стоившія такого ухода, деревья поломаны, другія подрублены—не спрашивайте, кто растаскалъ на топливо сарай и заборъ, кто подрубилъ фруктовыя деревья, по чьей винѣ «подпалена» клуня: это все еврейская аренда. Если вы встрѣтите ниву съ неровной стрижкой сжатаго хлѣба или увидите запаханныя поля съ неправильно, рѣдко проведенными сохой бороздами—не спрашивайте, почему это такъ дурно сжато, а это плохо запахано: все это сдѣлано за отработки (по еврейскимъ «пурцентамъ») лишь бы сдѣлать какъ нибудь; это еврейская аренда».

Останавливаясь на причинахъ такого хищническаго отношенія къ землѣ, г. Варзеръ указываетъ на то, что *еврей смотритъ на землю съ точки зрѣнія торговой спекуляціи*, а не хозяйственнаго

Digitized by Google

предпріятія. «Какое дѣло еврею—спрашиваетъ авторъ—до хозяйства, до унавоживанья, поддержки плодородія, порядка сохраненія лѣсовъ и пр.? Онъ не землевладѣлецъ, а торговецъ [1]). *Земля для него не «мать-кормилица»*, предъ которой благоговѣетъ крестьянинъ, съ которой онъ чувствуетъ себя связаннымъ въ настоящемъ и будущемъ:—она для него не болѣе какъ *доходная статья*, купленная на рынкѣ на извѣстное число лѣтъ. *Онъ будетъ расхищать въ ней все, что̀ можетъ*, лишь бы за это хорошо заплатили и лишь бы это не грозило штрафомъ по заключенному съ владѣльцемъ арендному контракту. Онъ дѣлаетъ, и будетъ дѣлать всегда старательно это расхищеніе богатствъ почвы; онъ нисколько не заинтересованъ въ ихъ сохраненіи, потому что онъ не мѣстный житель. Что̀ ему въ томъ, что сберегутся лѣса, что не выпашутся поля, что не истощатся луга?—сегодня онъ здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ. Еще не такъ давно,—по общему мнѣнію,—евреевъ было меньше у насъ; *теперь число ихъ въ селахъ быстро растетъ*. Подобно тучѣ, надвигается съ запада, черезъ обѣднѣвшую Бѣлоруссію, изъ-за Днѣпра,—опустошая поля, рубя лѣса, выжигая хутора и усадьбы,—*эта стая новѣйшихъ вандаловъ*. Чѣмъ она связана съ нашей почвой и народомъ?—ровно ничѣмъ. *Опустошивши и разоривши насъ, она двинется дальше*, куда нибудь въ Ташкентъ или на Кавказъ, *гдѣ еще есть что̀ расхищать, гдѣ низкій уровень развитія народа, его придавленность и невѣжество еще дозволятъ евреямъ заниматься ихъ выгоднымъ занятіемъ»*.

Читатели, знакомые со статьями «Наблюдателя» по еврейскому вопросу, могутъ отлично видѣть, до какой степени совпадаютъ наши взгляды на этотъ вопросъ со взглядами, выраженными въ «Отечественныхъ Запискахъ» много лѣтъ тому назадъ. Но такъ какъ время идетъ недаромъ и зловредность еврейскаго вторженія (особенно въ деревни) даетъ себя знать все чувствительнѣе и чувствительнѣе, то и «Наблюдателю» чаще и чаще приходится говорить о пришлыхъ паразитахъ, заѣдающихъ всю нашу внутреннюю жизнь, отъ избы пахаря до кабинета редактора. Кромѣ того, «Наблюдатель» догадался сдѣлать то, чего не сдѣлали «Отечественныя Записки»: онъ обратился къ *самымъ источникамъ юдаизма*—талмуду и шулханъ-аруху—и привелъ изъ нихъ, въ точномъ переводѣ, наиболѣе характерныя и существенныя предписанія, прекрасно обрисовывающія подлинную, а не прикрашенную юдофилами, физіономію еврейства [2]). Въ цѣломъ рядѣ статей проф. Ѳ. И. Леон-

[1]) Талмудъ выражаетъ даже полное презрѣніе къ земледѣльческому труду и предпочитаетъ ему торгашескую профессію.

[2]) См. «Наблюдатель» 1891 г., №№ 4, 5 и 6.

Digitized by Google

товича, Н. А. Туганъ-Барановскаго (Тембе), М. В. Неручева, А. Н. Котельникова и др., «Наблюдатель» не только намѣтилъ, но разработалъ вопросы: о различіи между талмудомъ и моисеевымъ ученіемъ, о казенномъ раввинатѣ и религіозной обрядности у евреевъ, о положеніи массы народа по древнему и новому еврейскому законодательству, объ участіи евреевъ въ торговлѣ и промышленности, о вліяніи ихъ на русскую печать и пр., и пр. Параллельно съ этимъ, «Наблюдатель» пристально и неуклонно слѣдилъ за движеніемъ еврейскаго вопроса въ западной Европѣ и въ Новомъ Свѣтѣ. Выводы и обобщенія всегда дѣлались имъ на основаніи самыхъ точныхъ и неопровержимыхъ данныхъ.

Рядъ этихъ, весьма непріятныхъ для еврейства, статей начался съ перваго же года изданія нашего журнала—съ серьезнаго и основательнаго изслѣдованія г. Леонтовича: «Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ»? («Наблюд.» 1882 г., №№ 5 и 6). Такимъ образомъ, отношеніе «Наблюдателя» къ еврейскому вопросу было очень хорошо извѣстно М. Е. Салтыкову, по настоянію котораго значительная часть подписчиковъ «Отечествен. Записокъ» перешла къ нашему журналу. Очевидно, что всѣ подлые толки завѣдомо продажныхъ людей о какомъ-то ренегатствѣ «Наблюдателя», о какомъ-то якобы лавированіи его между старыми добрыми традиціями и новыми вѣяніями—пустая трата словъ, лишенныхъ всякаго смысла. Девизъ нашего журнала—«прогрессивное движеніе государственной и общественной жизни, *въ сторону свѣта, правды, нравственнаго и экономическаго благосостоянія*»,—остается для насъ по прежнему обязательнымъ, но мы никогда не будемъ фальсифицировать понятій и, подъ видомъ благосостоянія, свѣта и правды, приподносить ложь, средневѣковый мракъ и экономическое разореніе русскаго народа, вмѣстѣ съ нравственнымъ упадкомъ...

Процессъ ожидовленія нашей провинціальной печати идетъ все быстрѣе и успѣшнѣе. Намъ неоднократно случалось приводить весьма характерные образчики отношенія провинціальной прессы къ кореннымъ русскимъ интересамъ, какъ ограниченнаго района, такъ и всей имперіи вообще. Столичная печать очень хвалитъ за такіе подвиги печать провинціальную и сочинила даже особое названіе для усвоеннаго ею космополитическаго направленія. Это космополитическое направленіе теперь называется «общечеловѣческимъ». Журналъ «Міръ Божій», расточая комплименты провинціальной прессѣ удостовѣряетъ, что она «по общему нравственному облику, несравненно выше, чѣмъ ея старшая столичная сестра, что не мѣшало послѣдней относиться къ ней съ непонятнымъ высокомѣріемъ. Мы

Digitized by Google

не знаемъ, напримѣръ, ни одной провинціальной газеты (одесская пресса въ этомъ случаѣ занимаетъ особое положеніе), въ которой велась бы систематическая травля инородцевъ и иновѣрцевъ,—эта излюбленная тема огромной части столичной прессы. Общечеловѣческое направленіе такъ прочно установилось въ мѣстной печати, что выходки противъ народностей въ ней немыслимы, какъ немыслимо отрицательное отношеніе къ принципамъ мѣстнаго самоуправленія или народнаго просвѣщенія. Любопытенъ, между прочимъ, и крайне характеренъ фактъ, что въ провинціи нѣтъ ни одного сословнаго органа, и общимъ направленіемъ, преобладающимъ надъ разными временными и случайными, остается неизмѣнно просвѣтительное, прогрессивное и гуманное. Это отчасти зависитъ отъ слабаго развитія общественной жизни, вслѣдствіе чего интересы отдѣльныхъ общественныхъ группъ не могутъ проявиться съ полной опредѣленностью. Но несомнѣнно, что въ большей степени это зависитъ отъ общаго настроенія провинціальной жизни, которой чужда пока національная, религіозная и сословная нетерпимость. На прессѣ это и отражается въ видѣ ея общегуманитарнаго направленія, и отражается далеко не въ такой степени, какъ могло бы, такъ какъ многое обходится ею молчаніемъ. И въ этомъ отношеніи поведеніе провинціальной печати тактичнѣе, чѣмъ столичной, которая часто грѣшитъ противъ истины своимъ неопредѣленнымъ къ ней отношеніемъ. Провинціальная печать въ такихъ случаяхъ упорно молчитъ, и такое отношеніе къ нѣкоторымъ явленіямъ жизни оказываетъ болѣе воспитательное значеніе, чѣмъ хожденіе вокругъ да около. Если не всегда печать можетъ просвѣщать читателя, она не должна, по крайней мѣрѣ, развращать его, и провинціальная печать освобождена отъ этого упрека».

Такое «общечеловѣческое» направленіе правильнѣе было бы назвать предательскимъ. Говорятъ, что провинціальная пресса у насъ недостаточно самостоятельна, что со всѣхъ сторонъ ее стѣсняютъ и вообще не даютъ ей возможности договаривать до конца. А мы вотъ что скажемъ на это. Главный смыслъ существованія провинціальной печати заключается въ томъ, чтобы она занималась разработкой мѣстныхъ вопросовъ. Въ ряду этихъ вопросовъ немало такихъ, по которымъ газеты не имѣютъ права высказываться. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что этого права онѣ никогда не получатъ. Имъ только слѣдовало бы доказать свою способность работать на общую пользу. Доказываютъ ли онѣ ее? По всѣмъ признакамъ, очень мало. Въ большинствѣ провинціальныхъ газетъ не встрѣчаешь статей, посвященныхъ серьезному изученію мѣстныхъ особенностей промышленности, торговли, всякихъ производствъ, естественныхъ богатствъ и

Digitized by Google

т. п. Сплетнямъ же и пересудамъ провинціальныя газеты удѣляютъ очень много вниманія. Затѣмъ онѣ изъ кожи лѣзутъ вонъ, подражая столичной печати, внимательно слѣдящей за европейской политикой и интересующейся разнообразными вопросами, не имѣющими никакого отношенія къ частнымъ нуждамъ провинціи. Это обезьянство доходитъ иногда до удивительныхъ курьезовъ. Какая нибудь микроскопическая газета «Волынь» оповѣщаетъ на всю Россію, что въ декабрьскихъ нумерахъ ея будутъ напечатаны разсказы гг. Немировича-Данченко и Мачтета. Разумѣется, ни г. Немировичъ-Данченко, ни г. Мачтетъ нимало не посодѣйствуютъ улучшенію газеты, задача которой состоитъ вовсе не въ конкурренціи съ петербургскими иллюстрированными журналами. Гораздо интереснѣе было бы знать, что́ предприняла «Волынь» для расширенія мѣстной хроники; заручилась ли она достаточнымъ количествомъ сколько нибудь грамотныхъ и сколько нибудь надежныхъ корреспондентовъ; увеличился ли составъ ея сотрудниковъ, могущихъ писать не по однимъ только «общимъ» вопросамъ и т. д.

Громадное большинство провинціальныхъ газетъ именно на это-то любопытные вопросы и не отвѣчаетъ. Если же мы припомнимъ, что она сама аттестуетъ себя прессою «общечеловѣческаго направленія», то станетъ совершенно понятно, отчего ея мѣстное значеніе такъ ничтожно. Чтобы добросовѣстно заниматься вопросами даннаго края, хоть сколько нибудь любя его, надо быть знакомымъ съ его прошлымъ, надо имѣть хоть какой нибудь идеалъ по отношенію къ его будущему... Далѣе, во множествѣ губерній интересы кореннаго русскаго населенія сталкиваются съ интересами инородцевъ. Сохранять нейтральное положеніе и въ то же время работать съ надеждою на осязательные результаты, очевидно, нельзя. Мѣстная газета, при столкновеніи русскихъ и инородческихъ интересовъ, неминуемо должна взять чью либо сторону. «Общечеловѣческое направленіе» не позволяетъ ей обнаружить надлежащаго патріотизма. Рѣзко стать на сторону инородцевъ тоже иногда бываетъ неудобно, такъ какъ, въ переводѣ на болѣе понятный языкъ, «общечеловѣческое направленіе» чаще всего означаетъ направленіе юдофильское, прячущееся только подъ фиговый листокъ. А это направленіе претитъ русской публикѣ. Мы неоднократно цитировали провинціальныя газеты, нападавшія на «Наблюдатель» за его «человѣконенавистничество», именно по поводу нашего недружелюбнаго отношенія къ евреямъ-талмудистамъ. Эти нападки продолжаются и теперь, и лучше всего доказываютъ, какое направленіе прикрывается громкими словами: «космополитизмъ» и «общечеловѣчность». Но, прежде чѣмъ

Digitized by Google

перейти къ частностямъ, разберемъ вопросъ объ «общечеловѣческомъ направленіи» принципіально.

Съ перваго января текущаго года, «Петербургскія Вѣдомости» начали выходить подъ новой редакціей. «Гражданинъ» встрѣтилъ кн. Ухтомскаго благословеніями и даже торжественно завѣщалъ ему свое знамя съ характерною надписью: «розга идетъ впереди права». Покуда новая редакція еще не оправдала этихъ надеждъ, но со втораго же нумера она повела странныя и неожиданныя рѣчи. Въ выраженіяхъ довольно туманныхъ, но, однако, не оставляющихъ сомнѣнія относительно ихъ подлиннаго смысла, — «Петербургскія Вѣдомости» взываютъ къ гуманности и терпимости, приглашаютъ и администрацію, и общество одинаково относиться какъ къ русскому населенію, такъ и къ различнымъ инородцамъ. Здѣсь, очевидно, выступаетъ на сцену то же пресловутое «общечеловѣческое направленіе», которымъ такъ прочно прониклась провинціальная печать. Въ то же время «Петербургскія Вѣдомости» толкуютъ о нашей исторической миссіи на дальнемъ востокѣ. Любопытно, какъ будутъ осуществлять эту миссію правительство, общество и народъ, изъ которыхъ хотятъ вытравить все національно-своеобразное и замѣнить его пошлымъ, безсодержательнымъ, безразличнымъ космополитизмомъ. Не укажутъ ли намъ «Петербургскія Вѣдомости» хотя бы одинъ примѣръ изъ всемірной исторіи, когда великая культурная миссія исполнялась бы народомъ, утратившимъ національное своеобразіе? Тутъ, слѣдовательно, явное недоразумѣніе:—или великая культурная миссія непричемъ, или надо разъ навсегда бросить болтовню о безграничной терпимости и псевдо-гуманности, обличающихъ только полную безличность и безсиліе націи. Кромѣ того, «Петербургскимъ Вѣдомостямъ» слѣдовало бы подумать: есть ли у насъ хоть одна газета или одинъ журналъ, издающіеся въ чисто *космополитическомъ* направленіи? Въ томъ-то и дѣло, что ихъ нѣтъ! Мы уже видѣли, что «космополитизмъ» провинціальной прессы является фиговымъ листкомъ, прикрывающимъ различныя инородческія вожделѣнія. Самый же типичный космополитическій журналъ, «Вѣстникъ Европы», служитъ органомъ польско-еврейской интеллигенціи. Хорошъ космополитизмъ, нечего сказать! Мы не боимся впасть даже въ незначительное преувеличеніе, утверждая, что космополитизмомъ у насъ всегда маскируются самыя дрянныя, безусловно предательскія, по отношенію къ Россіи, инородческія цѣли. Еще можно себѣ представить *искренняго* космополита въ лицѣ философа, совершенно оторвавшагося отъ жизни и разсматривающаго всѣ явленія внѣ времени и пространства. Люди же, имѣющіе дѣло съ практическими вопросами и толкующіе о злобахъ дня, могутъ быть космополитами

Digitized by Google

лишь по крайнему недомыслію, граничащему съ идіотизмомъ, или же по разсчету. Затрудняемся отдать предпочтеніе которой нибудь изъ этихъ категорій. Онѣ, повидимому,—«обѣ лучше».

Прогрессируя въ смыслѣ экстенсивности, «общечеловѣческое направленіе» прогрессируетъ и въ смыслѣ интенсивности. Говоря проще, юдофильствующая пресса удивительно обнаглѣла. Мы желали бы знать, что̀ «ей силу придаетъ»? Вѣдь не произошло еще рѣшительно ничего, что̀ могло бы подстегнуть ея надежды. Между тѣмъ, запѣвало жидовской прессы, «Сѣверный Вѣстникъ», перемѣняетъ фронтъ, отказывается отъ усвоенной имъ манеры замалчивать статьи «Наблюдателя», направленныя противъ евреевъ, и въ защитѣ интересовъ «гонимаго племени» договаривается до конца. Въ декабрьской книгѣ за прошлый годъ, въ отдѣлѣ, носящемъ,—надо признаться,—довольно нелѣпое названіе: «Дѣла и дни», цѣлыхъ десять страницъ посвящены полемикѣ съ «Наблюдателемъ». Тонъ статьи «Сѣвернаго Вѣстника» замѣчателенъ по своей наглости и самоувѣренности. Прежде всего журналъ и не думаетъ отрицать констатируемыхъ нами безобразныхъ фактовъ, а только обзываетъ насъ «провокаторами» за то, что мы не гладимъ по головкѣ стародубскихъ жидовъ, вызвавшихъ крутую расправу съ ними со стороны мѣстнаго населенія [1]). Также точно соглашается «Сѣверный Вѣстникъ», что еврейскій вопросъ—«принадлежитъ къ числу первостепенныхъ вопросовъ нашей внутренней жизни». Что касается ожидовленія многихъ сферъ общественной и государственной дѣятельности на западѣ, то и здѣсь «Сѣверный Вѣстникъ» съ нами не споритъ. Онъ, напримѣръ, въ восторгѣ отъ вторженія евреевъ въ европейскую прессу. «У европейской прессы,—говоритъ «Наблюдатель»,—совсѣмъ выпали двѣ существенныхъ буквы и она превратилась чуть не поголовно въ еврейскую». «Сѣверный Вѣстникъ» находитъ, что «Наблюдатель» въ данномъ случаѣ «нѣсколько преувеличиваетъ», ибо—«еслибы вся современная европейская *печать издавалась* евреями, то любое перо оказалось бы безсильнымъ описать заслуги евреевъ передъ культурой и прогрессомъ западной Европы». «Но,—меланхолически продолжаетъ жидолюбивый авторъ,—евреи еще не оказали такихъ великихъ услугъ дѣлу прогресса. Мы не склонны преувеличивать заслуги евреевъ въ исторіи развитія западно-европейской печати и науки. Печать несомнѣнно является

[1]) Любопытно, что, когда французская революція истребляла съ корнемъ туземную аристократію, евреи надрывались отъ восторга, но когда такое же стихійное движеніе сметаетъ съ лица земли пришлое іерусалимское дворянство—аристократію капитала — евреи ропщутъ и призываютъ къ порядку. Двѣ мѣры и двое вѣсовъ:—одни для евреевъ, другіе—для христіанъ.

Digitized by Google

первымъ орудіемъ культуры и прогресса, и вотъ на развитіе этой печати (не еврейской, а французской, нѣмецкой и т. п.), многіе евреи затрачивали и затрачиваютъ свои матеріальныя и умственныя силы».

Замѣчательно, что подобный вздоръ пишется не на смѣхъ, а совершенно серьезно!

Признавая фактъ быстраго ожидовленія европейской печати, «Сѣверный Вѣстникъ», забываетъ, что каждый день приноситъ новое доказательство того, что̀ именно дѣлаютъ евреи для «прогресса и культуры». Число прославленныхъ евреевъ-шантажистовъ увеличивается съ часу на часъ, а о добрыхъ дѣлахъ еврейскихъ, о самоотверженныхъ подвигахъ на пользу человѣчества—ничего не слыхать. И въ послѣднемъ, напримѣръ, громкомъ дѣлѣ Макса Лебоди главнѣйшую роль игралъ видный сотрудникъ «Figaro», Сенъ-Сэръ, оказавшійся нѣмецкимъ жидомъ Розенталемъ. *Буквально, ни одинъ крупный скандалъ, ни одно литературное мошенничество не обходятся безъ участія евреевъ.* Мало того, евреи выступаютъ вдохновителями и создателями разнообразныхъ газетныхъ плутней, и если европейская пресса заслужила нынѣ весьма нелестную репутацію, то, главнымъ образомъ благодаря широкому притоку къ ней «матеріальныхъ и умственныхъ силъ еврейства». «Сѣверный Вѣстникъ» все это, конечно, знаетъ, но съ его точки зрѣнія подобныя явленія *не прискорбны, а желательны, не гнусны, а великолѣпны.* Этотъ откровенный до цинизма журналъ совершенно категорически заявляетъ, что *еврейскій патріотизмъ имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и патріотизмъ русскій, нѣмецкій* и т. п. Вотъ за эту откровенность мы хвалимъ «Сѣверный Вѣстникъ». Теперь, по крайней мѣрѣ, ясно, что замалчиваніе статей «Наблюдателя», и вообще всякихъ статей, направленныхъ противъ еврейства, истекаетъ изъ болѣе серьезнаго источника, нежели невозможность опровергать факты данной категоріи. Евреи эти факты *признаютъ*, но въ томъ, что̀ съ точки зрѣнія христіанской морали, кажется преступнымъ,—видятъ «торжество юдаизма», вполнѣ надлежащее проявленіе еврейскаго духа. Вопросъ, слѣдовательно, переходитъ на новую почву. Откровенность «Сѣвернаго Вѣстника», разумѣется, причинитъ немало хлопотъ еврейству. Мы же должны воспользоваться ею немедленно и въ полномъ объемѣ.

Итакъ, существуютъ въ Россіи, и даже узаконяются «Сѣвернымъ Вѣстникомъ», *два патріотизма: патріотизмъ русскій и патріотизмъ еврейскій.* Русскій патріотизмъ носитъ названіе кваснаго, невѣжественнаго, ретроградnаго. Патріотизмъ еврейскій—воплощеніе благородства, прогресса, гуманности и прочихъ добродѣтелей, по-

Digitized by Google

дробно коментируемыхъ шулханъ-арухомъ. Русскій патріотизмъ ни въ чемъ не долженъ проявляться; патріотизму же еврейскому надо открыть широкую дорогу!

Право, стыдно даже говорить объ этихъ еврейскихъ притязаніяхъ, — до такой степени они наглы и надменно-глупы. До сихъ поръ юдофилы строили свою защиту еврейства на мнимомъ стремленіи жидовъ *ассимилироваться* съ кореннымъ населеніемъ. Разумѣется, такая теорія на практикѣ опровергалась постоянно. Съ появленіемъ же откровеннаго признанія «Сѣвернаго Вѣстника», прежнее оружіе выбито изъ рукъ юдофиловъ. Гдѣ же ассимиляція, когда торжественно провозглашается еврейскій патріотизмъ? Но разъ оно такъ, спрашивается, какъ нужно понимать, напримѣръ, слѣдующую фразу статьи «Сѣвернаго Вѣстника»: «*Евреи остались евреями*, и за всѣ гоненія отвѣчаютъ своей вѣрной службой дѣлу прогресса тѣхъ народовъ и странъ, среди которыхъ они живутъ». Очевидно, эта фраза совершенно безсмысленна; а между тѣмъ въ ней, какъ въ фокусѣ, собрано все, что̀ друзья еврейства имѣютъ сказать въ его пользу. Съ какой же статьи евреи, не сливаясь съ кореннымъ населеніемъ, будутъ работать на его пользу? Производить такой трудъ безкорыстно они, конечно, не могутъ. Стало быть, у нихъ есть личныя крупныя выгоды. Но мы уже знаемъ, ради чего несутъ евреи свою якобы «безкорыстную службу» на пользу всего человѣчества. На этотъ вопросъ намъ отвѣчаетъ такой искренній поклонникъ еврейства. какъ Анатоль Леруа-Больё. Объ его книгѣ мы подробно говорили въ «Наблюдателѣ» (1895 г., № 12) и повторять сказаннаго нѣтъ надобности.

Напомнимъ только еще разъ, что во враждѣ къ евреямъ-талмудистамъ (именно: *талмудистамъ*, такъ какъ евреи-караимы стоятъ въ сторонѣ) религіозная нетерпимость и расовый антагонизмъ рѣшительно непричемъ: рѣчь идетъ не о религіозномъ культѣ,—котораго совсѣмъ нѣтъ у талмудистовъ,—не о расовыхъ отличіяхъ «семитовъ» вообще (къ которымъ принадлежатъ, напр., и арабы), а о той возмутительной соціально-экономической роли, которую играетъ антиобщественный *заговоръ талмудистовъ*, сомкнутыхъ въ одну рать своимъ человѣконенавистническимъ средневѣковымъ кодексомъ и не желающихъ разомкнуться во имя *прогресса* и *цивилизаціи*, хотя и то, и другое слово у нихъ постоянно на языкѣ.

—скій.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Внутренняя политика европейскихъ державъ въ 1895 году. — Колоніальная политика Англіи.—Венецуэльскій вопросъ.—Вмѣшательство въ этотъ вопросъ Соединенныхъ Штатовъ.—Доктрина Монроэ.—Какъ она возникла?—Ея сущность.—«Америка для американцевъ».—Посланіе президента Соединенныхъ Штатовъ.—Предложеніе рѣшить дѣло третейскимъ судомъ.—Отвѣтъ Англіи.—Второе посланіе.—Какое отношеніе имѣетъ доктрина Монроэ къ венецуэльскому вопросу?—Трансваальскій вопросъ.—Телеграмма императора Вильгельма. — Разоблаченія, касающіяся англійской политики въ южной Африкѣ. — Отзывы французской печати.—Затруднительное положеніе министерства Салисбюри въ виду скораго открытія сессіи англійскаго парламента.

Во всей Европѣ укоренилось убѣжденіе, что нигдѣ не бываютъ такъ часты министерскіе кризисы, какъ во Франціи,—не говоря уже, конечно, объ Испаніи; однако, 1895 годъ въ этомъ отношеніи составляетъ довольно замѣтное исключеніе. Правда, и во Франціи въ прошломъ году министерства мѣнялись довольно часто, о чемъ намъ случилось довольно обстоятельно бесѣдовать въ нашей послѣдней хроникѣ; но, повидимому, частые министерскіе кризисы не составляютъ привилегіи одной лишь французской республики, что̀ лучше всего доказала Австро-Венгрія. Ровно годъ тому назадъ, въ этой имперіи возникъ двойной министерскій кризисъ,—въ самой Австріи и въ Венгріи. Въ Австріи, коалиція, поддерживавшая князя Виндишгреца, распалась и императоръ поручилъ образованіе новаго временнаго министерства графу Кильмансеггу. Въ Венгріи, либеральная партія, находившаяся во власти со временъ компромисса 1867 года, до сихъ поръ управляетъ страной, съ графомъ Банфи во главѣ, который по прежнему энергично продолжаетъ политику мадьяризаціи, введенную еще его предшественниками, и, за послѣднее время, нашелъ возможнымъ в ойти въ открытую борьбу съ клерикальными вліяніями. Это послѣднее обстоятельство отразилось также и на общей политикѣ имперіи. Графъ Кальноки, не оставлявшій своего поста министра иностранныхъ дѣлъ въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ, теперь не избѣжалъ упрека въ томъ, что не съумѣлъ

Digitized by Google

или не могъ воспротивиться вмѣшательству папскаго нунція Аліарди во внутреннія дѣла Венгріи и, вслѣдствіе этого, принужденъ былъ выйти въ отставку, а его мѣсто занялъ графъ Голуховскій, полякъ по происхожденію. Другому поляку, графу Бадени, поручено было образовать окончательное министерство въ Австріи. Это преобладаніе и вліяніе польскаго элемента, повидимому, зависитъ отъ того, что польская партія дѣйствуетъ чрезвычайно дружно и искренно предана габсбургской династіи. Графъ Бадени вознамѣрился воскресить политику графа Таафе и управлять, не опираясь ни на партіи, ни на національности. Этотъ любопытный опытъ внѣпарламентскаго режима въ парламентскомъ государствѣ еще не далъ, повидимому, никакихъ осязательныхъ результатовъ, за исключеніемъ развѣ того, что младо-чехи, доставлявшіе прежнимъ кабинетамъ множество безпокойствъ своей систематической оппозиціей, въ настоящую минуту, какъ кажется, готовы поддерживать новое министерство. Но зато партія антисемитовъ, еще такъ недавно почти совершенно не существующая, теперь, подъ предводительствомъ смѣлаго и энергическаго доктора Люгера, получила за послѣднее время значительный перевѣсъ въ имперіи. Все населеніе Вѣны, въ этомъ отношеніи, находится въ открытой борьбѣ съ министерствомъ, которое съ этой стороны можетъ встрѣтить немалыя затрудненія въ своей дѣятельности.

Въ Англіи, кабинетъ лорда Розбери, ослабленный и окончательно потерявшій всякій авторитетъ, вслѣдствіе крайней неустойчивости и измѣнчивости большинства, поддерживавшаго его, потерпѣлъ пораженіе въ палатѣ общинъ по незначительному и не имѣющему политическаго значенія вопросу. Его мѣсто занялъ консервативный, уніонистскій кабинетъ маркиза Салисбюри. Само собой разумѣется, что въ новомъ консервативномъ министерствѣ консерваторы преобладаютъ; тѣмъ не менѣе уніонистскіе либералы, предводительствуемые герцогомъ Девонширскимъ, Гошеномъ и Чемберленомъ, захватили важнѣйшіе посты, если не считать постъ президента совѣта и министра иностранныхъ дѣлъ, занимаемаго лордомъ Салисбюри, и поста перваго лорда казначейства, довѣреннаго сэру Бальфуру, который несомнѣнно будетъ оказывать на кабинетъ значительное вліяніе, вслѣдствіе своихъ выдающихся государственныхъ способностей. Выборы, послѣдовавшіе за распущеніемъ палаты, дали консервативному уніонистскому министерству огромное и прочное большинство.

Въ Испаніи, этой классической странѣ чуть ли не ежедневныхъ министерскихъ кризисовъ, тоже не обошлось безъ перемѣны кабинета. На этотъ разъ министерство изъ рукъ либераловъ перешло въ руки консерваторовъ безъ малѣйшихъ затрудненій: кабинетъ Сагасты вышелъ въ отставку и замѣненъ былъ кабинетомъ Кановаса дель-Кастильо. Но этотъ послѣдній, озабоченный возстаніемъ на островѣ Кубѣ, не успѣлъ залучить въ свою пользу всѣхъ консерваторовъ и войти въ соглашеніе съ диссидентской

Digitized by Google

группой, во главѣ которой стоитъ Сильвела. Скандалъ, возникшій въ средѣ мадридскаго муниципалитета, заставилъ его, кромѣ того, распроститься съ Ромеро-Роблеро и Бошемъ, по поводу которыхъ онъ, однако, поссорился съ Сильвелой и нѣкоторыми другими, самыми выдающимися членами молодой консервативной партіи.

Всѣ усилія внутренней политики германской имперіи направлены были въ 1895 году на борьбу съ соціалистами. Императоръ Вильгельмъ, стараясь сдѣлать изъ открытія Кильскаго канала величественную политическую манифестацію, долженствовавшую показать всю силу и весь престижъ Германіи, воспользовался двадцатипятилѣтней годовщиной побѣдъ, одержанныхъ нѣмцами во Франціи, и въ напыщенной рѣчи восхвалялъ патріотизмъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ, возставая въ то же время, въ самыхъ энергическихъ выраженіяхъ, противъ соціалистовъ, которые были объявлены имъ врагами имперіи и отечества. Къ несчастію, императоръ далеко не всегда встрѣчаетъ поддержку со стороны рейхстага, который, между прочимъ, отказался присоединиться къ торжественнымъ привѣтствіямъ, устроеннымъ князю Бисмарку, по поводу восьмидесятилѣтней годовщины дня его рожденія.

Въ Италіи, вопреки почти поголовному неудовольствію внутренней политикой кабинета, прошлый годъ обошелся безъ министерскаго кризиса, не потому однако, чтобы король и вся Италія—были особенно довольны дѣятельностью итальянскаго премьера Криспи, а лишь потому, что его некѣмъ замѣнить. Изъ двухъ золъ выбираютъ обыкновенно меньшее, а негодность управленія Криспи—несомнѣнно меньшее зло въ настоящую минуту въ Италіи, чѣмъ отсутствіе всякаго управленія. Не смотря, однако же, на всю опытность и на всю неутомимую энергію этого старѣйшаго изъ гарибальдійцевъ, стоящаго нынѣ во главѣ итальянскаго королевства, его вліянію, какъ кажется, приходитъ конецъ. Абиссинская экспедиція, начатая такъ легкомысленно и веденная такъ неискусно, вѣроятно, окончится полнымъ пораженіемъ итальянскихъ войскъ въ Африкѣ; по крайней мѣрѣ, послѣднія извѣстія заставляютъ предполагать такой исходъ экспедиціи.

Чтобы покончить съ итогами внутренней политики европейскихъ государствъ въ прошломъ году, намъ слѣдовало бы еще упомянуть о настоящемъ положеніи армянскаго вопроса, который хотя и затихъ на время, но не получилъ еще до сихъ поръ никакого разрѣшенія, хотя, повидимому, политика Россіи окончательно торжествуетъ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ къ концу года рѣшительно отступилъ на задній планъ, въ виду возникшихъ новыхъ затрудненій для колоніальной политики Англіи, имѣющихъ преобладающее и первостепенное значеніе. Мы говоримъ, во-первыхъ, о столкновеніи Англіи съ Сѣверо-Американскими Штатами по поводу Венецуэлы, и, во-вторыхъ, о трансваальскомъ вопросѣ, возникшемъ

Digitized by Google

какъ разъ передъ самымъ новымъ годомъ. Этимъ двумъ первостепеннымъ политическимъ вопросамъ, имѣющимъ большую важность для болѣе или менѣе недалекаго будущаго, мы посвятимъ нашу настоящую хронику.

Начнемъ съ Венецуэлы. Извѣстно, что англійскія владѣнія въ Гвіанѣ находятся рядомъ съ Венецуэльской республикой. Между обоими правительствами идетъ давнишній споръ относительно нѣкоторыхъ мѣстностей, которыя Англія считаетъ своими, а Венецуэла—своими. Задача Англіи въ этомъ вопросѣ заключается въ томъ, чтобы образовать изъ Венецуэлы нѣчто въ родѣ американскихъ Дарданелль съ южно-африканскимъ Гибралтаромъ. Англійскіе государственные люди давно уже сознали огромное значеніе устьевъ Ориноко и употребляютъ всевозможныя законныя и незаконныя средства, чтобъ овладѣть ими. Начало этого спора относится еще къ концу прошлаго вѣка, когда въ Америкѣ нынѣшняя территорія Венецуэлы принадлежала Испаніи, а Англія не имѣла владѣній въ Гвіанѣ; тогдашняя Гвіана принадлежала голландцамъ. Такимъ образомъ, пограничный споръ первоначально возникъ между голландцами и испанцами. Когда, въ 1814 году, Англіи, вслѣдствіе лондонскаго договора, удалось завладѣть голландскими колоніями Эссекибо и Домерара, разграниченными отъ испанскихъ колоній, т. е. отъ нынѣшней Венецуэлы, рѣкой Эссекибо, Англія стала домогаться того же самаго, чего раньше домогались голландцы. Затѣмъ, и Венецуэла въ свою очередь отпала отъ Испаніи и организовалась въ республику. Такимъ образомъ, первоначальный споръ между голландцами и испанцами перешелъ по праву наслѣдства къ англичанамъ и венецуэльской республикѣ. Въ 1835 году этотъ вопросъ былъ почти оконченъ полюбовно, потому что Англія уже готова была признать рѣку Эссекибо пограничной линіей; однако, убѣдившись въ важности устьевъ Ориноко,—тѣмъ болѣе, что по ту сторону Эссекибо были открыты чрезвычайно богатые золотые рудники и желѣзныя залежи,—Англія рѣшила завладѣть этой мѣстностью. Для урегулированія границы, въ 1840 г. былъ отправленъ Робертъ Шомбуркъ, который установилъ совершенно новый въ международномъ правѣ принципъ, изъ котораго оказалось, что не только рѣка Эссекибо, но и весь большой бассейнъ ея приходится внутри границъ англійской Гвіаны. На этомъ основаніи Англія прямо присоединила къ себѣ всѣ земли вплоть до Амакуры, притока Эссекибо, и расширила англійскую Гвіану на счетъ Венецуэлы и Бразиліи. Само собой разумѣется, что Венецуэла протестовала. Дипломатическая переписка возобновилась и длилась до тѣхъ поръ, пока наконецъ лордъ Абердинъ не распорядился снова снять столбы Шомбурка. Съ тѣхъ поръ спорная территорія считалась ничьей, но фактически въ ней распоряжались англичане. Въ 1881 году, въ видахъ окончательнаго прекращенія пограничныхъ споровъ, лордъ Гренвиль предложилъ проложить границу въ 35 километрахъ къ востоку отъ рѣки Барима, устье же Ориноко окончательно

Digitized by Google

признать принадлежащимъ Венецуэлѣ. Само собой разумѣется, что Венецуэла не пошла и на эту сдѣлку; она отправила въ Лондонъ бывшаго своего президента Гуцмана Бланко съ предложеніемъ назначить третейскій судъ, но тогдашній глава министерства, лордъ Салисбюри, не только отклонилъ третейскій судъ, но распорядился возстановить прежнюю пограничную линію. Открытіе новыхъ золотыхъ рудниковъ побудило его включить въ англійскія владѣнія еще дальнѣйшія области, такъ что западная граница Гвіаны, на какую въ настоящее время претендуетъ Англія, отстоитъ отъ первоначальной слишкомъ на 400 километровъ, а въ общей сложности простирается на 300,000 квадратныхъ километровъ, т. е. обнимаетъ приблизительно вдесятеро большее пространство противъ того, которое было отмежевано первоначально на долю Англіи. Насколько этотъ споръ имѣетъ важное экономическое и торговое значеніе, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго. Между самымъ южнымъ изъ острововъ дельты Ориноко, Баримой, и материкомъ лежитъ Бока де-Навіосъ, самое глубокое и важнѣйшее устье Ориноко. Будущій владѣлецъ Бока де-Навіосъ будетъ располагать также и торговлей съ огромнымъ бассейномъ этого воднаго пути южной Америки. Кромѣ того, слѣдуя вверхъ по теченію Ориноко, нѣсколько ниже города Эсмеральды, въ южной Америкѣ замѣчаемъ широкую, глубокую и многоводную рѣку Кассикіаре, соединяющую судоходную Ориноко съ не менѣе судоходнымъ большимъ притокомъ рѣки Амазонской—Ріо-Негро. Такимъ образомъ, связывается съ Ориноко бассейнъ Мараніона и рѣчные пароходы могутъ проникать изъ устья Ориноко, пересѣкая весь континентъ, до самаго центра Боливіи и въ южную Бразилію, совершенно независимо отъ устья и нижняго теченія рѣки Амазонской. Многочисленные судоходные притоки рѣки Ориноко и Мараніона, кромѣ того, открываютъ путь въ плодоносныя провинціи Перу, Эквадора, Колумбіи и Венецуэлы.

Споръ этотъ и понынѣ не оконченъ. Въ прошломъ году, на этой спорной территоріи венецуэльскіе чиновники поколотили англійскаго чиновника. Споръ снова возгорѣлся. Въ него вмѣшалось на этотъ разъ и правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. На какомъ основаніи? На основаніи такъ называемой доктрины Монроэ, которая, казалось, была совершенно забыта и только теперь, черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ ея возникновенія, къ ней возобновился интересъ, вслѣдствіе посланія Клевеланда. Поэтому, для удобства читателей, мы принуждены коснуться болѣе обстоятельно этой доктрины, ея исторіи и ея содержанія.

Одно обстоятельство въ исторіи этой доктрины особенно любопытно; оно заключается въ томъ, что Англія, противъ которой теперь выдвигается эта доктрина, первоначально какъ бы поддерживала ее. Въ то время англичанамъ не приходило въ голову, что это орудіе, которое похваливалъ Каннингъ, обратится со временемъ противъ нихъ. Дѣло въ

Digitized by Google

томъ, что въ концѣ 1823 года попытка креола донъ - Августина Итурбиды образовать въ Мексикѣ имперію потерпѣла крушеніе и тамъ возникла республика. Симонъ Боливаръ выгналъ испанцевъ изъ Венецуэлы и Новой Гренады; онъ провозгласилъ независимость Перу и основалъ независимую Боливію. Точно также Чили и Аргентинская республика отвоевали себѣ независимость и постоянно колотили испанцевъ. Во власти испанскаго правительства остались только Куба и Порто-Рико. Въ то время англичане, французы и голландцы владѣли въ Америкѣ приблизительно тѣми же самыми территоріями, какими владѣютъ и до сихъ поръ. Наконецъ, возвращеніе Браганцскаго дома въ Лиссабонъ было причиной того, что Португалія потеряла Бразилію. Бразилія провозгласила свою независимость въ 1822 году и черезъ два года послѣ этого избрала императоромъ Педро I-го.

Само собой разумѣется, что Сѣверная Америка съ безпокойствомъ и тревогой слѣдила за образованіемъ всѣхъ этихъ новыхъ государствъ на южно-американской почвѣ. Джемсъ Монроэ, тогдашній президентъ штатовъ, въ 1822 году обратился въ конгрессъ съ посланіемъ, въ которомъ испрашивалъ спеціальнаго кредита для установленія постоянныхъ дипломатическихъ сношеній съ вновь возникшими независимыми республиками. Кредитъ былъ разрѣшенъ и вновь назначенные политическіе агенты отправились къ своимъ мѣстамъ. Таково было положеніе Америки въ 1823 году. Но какія политическія условія въ тогдашней Европѣ заставили Джемса Монроэ помѣстить въ своемъ посланіи два параграфа, заключающіе въ себѣ всю знаменитую «доктрину»? Извѣстно, что еще раньше Россія, Австрія и Пруссія образовали между собой такъ называемый «священный союзъ», съ цѣлью защиты законныхъ монарховъ. Лайбахскій манифестъ 1821 года провозгласилъ, что всякія перемѣны, полезныя или необходимыя, въ законодательствѣ и въ администраціи государствъ должны впредь истекать «отъ свободной воли и убѣжденія тѣхъ, которыхъ Богъ надѣлилъ властью». Прусскій государь отказался ввести въ своемъ государствѣ представительное правительство, которое, однако, онъ обѣщалъ дать своему народу. Возстанія въ Неаполѣ и Піемонтѣ были подавлены съ помощію австрійскихъ войскъ. Такимъ образомъ, священный союзъ игралъ роль европейской международной полиціи. Насталъ, наконецъ, моментъ подумать также и объ Испаніи, гдѣ народъ взбунтовался противъ Фердинанда VII. За защиту Фердинанда отъ его подданныхъ взялось французское правительство. На испанскую границу была отправлена цѣлая армія. На Веронскомъ конгрессѣ союзныя державы поручили французскому правительству возстановить въ Испаніи легитимную монархію. Людовикъ XVIII, при открытіи палатъ въ январѣ 1823 года, объявилъ открытой кампанію. Сто тысячъ человѣкъ, подъ предводительствомъ герцога Ангулемскаго, перешло границу и заняло Мадридъ.

Digitized by Google

Каннингъ, тогдашній англійскій премьеръ, въ своихъ разговорахъ съ Рушемъ, американскимъ посланникомъ, намекалъ, что, быть можетъ, наступило время для Англіи и для Сѣверо-Американскихъ Штатовъ войти въ соглашеніе относительно вопроса объ испанской Америкѣ. Еслибы былъ созванъ конгрессъ, то Сѣверо-Американскіе Штаты могли бы потребовать допущенія ихъ представителя на конгрессъ; Англія поддержала бы ихъ въ этомъ дѣлѣ. Рушъ однако отвѣчалъ, что онъ подождетъ инструкцій отъ своего правительства, но при этомъ прибавилъ, что не полагаетъ, чтобы его правительство захотѣло участвовать въ конгрессѣ европейскихъ державъ, такъ какъ традиціонная политика штатовъ заключается въ томъ, чтобы держаться въ сторонѣ отъ всякихъ вмѣшательствъ. Сообщенія Руша о положеніи европейскаго континента и о предложеніяхъ Каннинга очень интересовали Монроэ. Въ виду возможности вмѣшательства Европы въ дѣла испанской Америки, Джонъ Адамсъ предложилъ установить одну общую американскую систему, которая бы положила конецъ всякимъ европейскимъ вмѣшательствамъ въ американскія дѣла. Тогда-то Монроэ и выпустилъ свое посланіе, гдѣ находятся различныя мѣста относительно политики, которой должно держаться правительство Сѣверо-Американскихъ Штатовъ по вопросу о возможномъ вмѣшательствѣ Европы въ американскія дѣла. «Доктрина» Монроэ главнымъ образомъ заключается въ двухъ параграфахъ. Первый гласитъ: «Всякую попытку европейскихъ державъ расширить ихъ вліяніе на какую либо часть этого полушарія (Америки) мы должны считать опасной для нашего спокойствія и для нашей безопасности». Въ другомъ параграфѣ сказано: «Американскіе континенты, вслѣдствіе независимаго и свободнаго положенія, которое они себѣ завоевали и которое поддерживаютъ, не должны быть разсматриваемы европейскими державами, какъ территоріи для будущей колонизаціи».

Такова сущность доктрины Монроэ. Однако, интересно взглянуть, какимъ образомъ введены эти принципы въ самый текстъ посланія, чѣмъ они мотивированы. Говоря о сношеніяхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ различными державами, Монроэ, между прочимъ, касается переговоровъ, которые какъ разъ въ это время велись съ Россіей, владѣтельницей Аляски, «относительно взаимныхъ правъ и интересовъ двухъ народностей на сѣверо-западѣ континента». Параграфъ, посвященный этому вопросу, оканчивается слѣдующимъ образомъ:

«Въ переговорахъ, возбужденныхъ этими интересами, и въ соглашеніяхъ, къ которымъ они могутъ прійти, было найдено своевременнымъ и удобнымъ теперь же объявить, *какъ принципъ*, въ которомъ заключаются права и интересы Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что *американскіе континенты, вслѣдствіе независимаго и свободнаго положенія, которое они себѣ завоевали и которое поддерживаютъ, не должны*

Digitized by Google

быть разсматриваемы европейскими державами, какъ территоріи для будущей колонизаціи».

Затѣмъ, Монроэ говоритъ о морскихъ разбойничествахъ, объ усиліяхъ уничтожить торговлю африканскими неграми, о дипломатическихъ сношеніяхъ, установленныхъ между Сѣверо-Американскими Штатами и новыми республиками южной Америки. Потомъ распространяется о внутреннемъ прекрасномъ состояніи, въ которомъ находятся штаты. Наконецъ, послѣ этого длиннаго перечня фактовъ, президентъ, упомянувъ о борьбѣ Греціи за свою независимость, возвращается къ вопросу объ американскихъ республикахъ и о послѣднихъ усиліяхъ Испаніи снова овладѣть ими. Въ этомъ именно мѣстѣ и находится второе заявленіе, составляющее сущность доктрины. Вотъ оно: «Въ войнахъ между европейскими державами, возникшихъ вслѣдствіе интересовъ, которые касаются только этихъ державъ, мы до сихъ поръ не принимали никакого участія и наша политика всегда заключалась въ самомъ безусловномъ невмѣшательствѣ. Только тогда, когда наши права затронуты и находятся въ опасности, мы дѣлаемъ приготовленія къ нашей защиты. По сущей необходимости мы самымъ непосредственнымъ образомъ заинтересованы въ событіяхъ, возникающихъ въ этомъ полушаріи, по причинамъ, которыя должны быть очевидны для всякаго просвѣщеннаго и безпристрастнаго наблюдателя. Политическая система союзныхъ государствъ совершенно и существенно отлична отъ американской системы, и это различіе происходитъ отъ различія, существующаго въ самомъ характерѣ управленія... Поэтому, вслѣдствіе дружескихъ сношеній, существующихъ между Сѣверо-Американскими Штатами и этими державами, мы принуждены заявить, что должны *разсматривать всякую попытку европейскихъ державъ расширить ихъ вліяніе на какую либо часть этого полушарія, какъ опасную для нашего спокойствія и для нашей безопасности.* Что касается настоящихъ владѣній той или иной европейской державы въ Америкѣ, то въ эти дѣла мы и прежде не вмѣшивались и впредь вмѣшиваться не будемъ. Но что касается правительствъ, провозгласившихъ свою независимость и поддерживающихъ ее, и которыхъ независимость мы признали, послѣ зрѣлаго размышленія и согласно справедливости, мы будемъ разсматривать всякое вмѣшательство со стороны какой либо европейской державы, съ цѣлью подчинить ихъ себѣ или такъ или иначе вліять на ихъ судьбы, какъ проявленіе враждебнаго расположенія по отношеніи къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ».

Однако, это еще не все. Въ слѣдующемъ параграфѣ посланія мы находимъ нѣчто въ родѣ коментарія доктрины, не лишеннаго интереса. «Союзныя державы—говоритъ Монроэ—вмѣшивались во внутреннія дѣла Испаніи, на основаніи принципа, относительно котораго онѣ были согласны. До какой степени такое вмѣшательство можетъ простираться,—

Digitized by Google

вотъ вопросъ, на который должно быть обращено вниманіе государствъ, не участвующихъ въ союзѣ, напримѣръ, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Но штаты не думаютъ уклоняться отъ поведенія, которое они себѣ усвоили съ самаго начала войнъ, столь долгое время волновавшихъ Европу. Ихъ принципы остаются все тѣ же: невмѣшательство во внутреннія дѣла европейскихъ державъ; признаніе фактически существующихъ правительствъ, какъ правительствъ законныхъ, дружескія сношенія со всѣми державами. Но что касается этихъ континентовъ (сѣверной и южной Америки), то обстоятельства, по самому существу своему, совершенно различны. Невозможно предположить, *чтобы союзныя державы могли распространить свою политическую систему на какую либо часть того или другаго континента, не угрожая нашему спокойствію и нашей безопасности*... и никто ни можетъ думать, чтобы наши братья южной Америки, еслибы они были предоставлены самимъ себѣ, согласились добровольно на эту политическую систему. Точно также невозможно предполагать, слѣдовательно, чтобы мы смотрѣли равнодушно на такое расширеніе, въ какой бы формѣ оно ни возникло. Если мы будемъ разсматривать относительныя силы и источники Испаніи и этихъ новыхъ правительствъ, и разстояніе, отдѣляющее обѣ эти стороны, то очевидно, что Испанія никогда не будетъ въ состояніи подчинить себѣ снова свои прежнія колоніи. Истинная политика Сѣверо-Американскихъ Штатовъ состоитъ въ томъ, чтобы предоставить обѣ стороны самимъ себѣ, въ надеждѣ, что и другія державы примутъ такое же положеніе». Такимъ образомъ, политическая система, провозглашенная Монроэ въ 1823 году, есть не болѣе, какъ развитіе принципа нейтралитета, провозглашеннаго Вашингтономъ. Первый президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ заботился лишь объ интересахъ государства, которымъ онъ управлялъ,—пятый заботился о всѣхъ государствахъ, возникшихъ на американской территоріи. Одинъ не хотѣлъ, чтобы Сѣверо-Американскіе Штаты вмѣшивались въ европейскія ссоры, другой не хотѣлъ, чтобы Европа вмѣшивалась въ американскія дѣла. Между политикой нейтралитета и доктриной Монроэ прошло тридцать лѣтъ; въ это время Штаты пріобрѣли Луізіану и поколотили англичанъ на морѣ, а испанскія колоніи новаго континента пріобрѣли независимость. Основная мысль «доктрины» во всякомъ случаѣ заключалась въ томъ, чтобы образовать въ Америкѣ self-government и оградить ее навсегда отъ монархическаго принципа или, по крайней мѣрѣ, помѣшать, чтобы этотъ принципъ пустилъ въ Америкѣ болѣе глубокіе корни.

Дѣйствительно ли Монроэ есть авторъ этой знаменитой «доктрины»? Или, можетъ быть, «доктрина» была написана государственнымъ секретаремъ Адамсомъ, и только подписана президентомъ? Вопросъ этотъ и до сихъ поръ не рѣшенъ. Одинъ изъ самыхъ компетентныхъ изслѣдователей

*

Digitized by Google

этого вопроса, Шулеръ, полагаетъ, что Адамсъ, конечно, участвовалъ въ составленіи посланія, настаивалъ на томъ или иномъ терминѣ, но несомнѣнно, что тяжелая фразеологія и даже основная мысль обличаютъ Монроэ. Во всякомъ случаѣ его заслуга—въ томъ, что онъ не поколебался взять на себя отвѣтственность въ провозглашеніи политическаго акта такой важности. Его декларація, въ ея сжатой, холодной формѣ, явилась, какъ вызовъ, брошенный старому міру. Конечно, Сѣверо-Американскіе Штаты обезпечили себѣ какъ бы одобреніе Англіи, но разсчитывать на Англію въ это время едва ли было можно...

Вотъ эта-то именно доктрина и послужила орудіемъ, съ которымъ правительство Соединенныхъ Штатовъ выступило противъ Англіи въ вопросѣ о Венецуэлѣ. Смыслъ перваго заявленія президента Клевеленда совершенно точенъ и ясенъ: въ венецуэльскомъ вопросѣ Англія дѣйствуетъ на одну изъ американскихъ республикъ принудительно, значитъ, вмѣшивается во внутреннія дѣла Америки, что противорѣчитъ доктринѣ Монроэ. Отвѣтъ англійскаго министерства довольно характеренъ. Оно заявляетъ, что не признаётъ за доктриной Монроэ обязательнаго международнаго значенія. Въ международномъ правѣ нѣтъ такого принципа, такъ какъ для того, чтобы какое либо начало могло пріобрѣсти обязательное значеніе для всѣхъ государствъ, необходимо, чтобы оно было признано всѣми государствами. Но кто призналъ претензію Соединенныхъ Штатовъ на гегемонію въ Америкѣ? Никто. Президентъ Клевелендъ, въ стремленіи возвести доктрину Монроэ на степень принципа международнаго права, придумалъ даже особый способъ созданія новыхъ международныхъ правъ путемъ простаго заявленія со стороны заинтересованной державы. Такимъ образомъ можно все, что угодно, подвести подъ понятіе международнаго права. Но такого значенія доктрина Монроэ никогда не имѣла. Она была не больше, какъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія Соединенныхъ Штатовъ въ области иностранной политики.

На это заявленіе англійскаго правительства Клевелендъ отвѣчалъ вторымъ посланіемъ конгрессу. Такъ какъ этотъ документъ имѣетъ особенную важность, не только въ дѣлѣ Венецуэльской республики, но и вообще, то мы приводимъ его цѣликомъ въ переводѣ одной газеты: «Въ моемъ ежегодномъ посланіи конгрессу отъ 3-го декабря, я обратилъ вниманіе на существующія между Великобританіей и республикой Венецуэлой несогласія, и сообщилъ сущность представленій, сдѣланныхъ нашимъ правительствомъ правительству ея британскаго величества. Въ этомъ представленіи были указаны причины, въ силу которыхъ этотъ споръ долженъ подвергнуться разсмотрѣнію третейскаго суда. Отвѣтъ англійскаго правительства, котораго въ то время мы еще ожидали, теперь полученъ и приложенъ къ настоящему посланію вмѣстѣ съ депешей, посланной нашимъ правительствомъ. Отвѣтъ этотъ состоитъ изъ двухъ

Digitized by Google

сообщеній, сдѣланныхъ британскимъ первымъ министромъ британскому послу въ нашей столицѣ, сэру Юліану Понцефуту. Одно изъ этихъ сообщеній цѣликомъ посвящено замѣчаніямъ на доктрину Монроэ. Въ немъ выражается жалоба на то, что эта доктрина получила у насъ новое и странное развитіе, и что доводы, на которыхъ основано ученіе президента Монроэ, вообще не примѣнимы къ настоящему положенію дѣла, въ особенности же не примѣнимы къ пограничному спору между Великобританіей и Венецуэлой. Не пускаясь въ подробности опроверженія этихъ положеній, мы не можемъ не замѣтить, что ученіе, о которомъ идетъ рѣчь, сильное и здоровое. Его развитіе важно для нашего мира и благосостоянія страны. Оно—существенное условіе неприкосновенности нашихъ свободныхъ учрежденій. Оно необходимо для спокойнаго поддержанія свойственной намъ формы правленія. Оно сопровождало всякую стадію нашей національной жизни и, пока наша республика существуетъ, не можетъ быть упразднено. Если правительства стараго свѣта такъ безпокоятся о поддержаніи политическаго равновѣсія, и если мы абсолютно воздерживаемся отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла, то, въ свою очередь, для нашего народа и правительства поддержка ученія Монроэ—необходимое жизненное условіе. Настаивая на обязательности доктрины Монроэ, не смотря «на положеніе дѣла, при которомъ мы живемъ», мы не понимаемъ, какъ можно въ настоящемъ спорѣ обойти эту доктрину. Если одна изъ европейскихъ державъ, путемъ расширенія своихъ границъ, захватываетъ территоріи, принадлежащія одной изъ сосѣднихъ съ нами республикъ, противъ ея воли и вопреки ея законнымъ правамъ, то кто помѣшаетъ ей продѣлать то же самое и съ другими территоріями этого порядка? Это-то дѣйствіе президентъ Монроэ и назвалъ «опаснымъ для нашего мира и безопасности», и для насъ не все равно, на какую территорію распространится власть европейской державы. Въ отвѣтѣ британскаго правительства говорится, что мы не должны опираться на ученіе Монроэ при разсмотрѣніи этого спора, такъ какъ оно не признано международнымъ правомъ, которое «основано на общемъ согласіи націй», и такъ какъ ни одно правительство и ни одно государство не могутъ вносить въ кодексъ международнаго права новый принципъ, который раньше не былъ признанъ и никогда не былъ принятъ правительствомъ какой либо другой страны. На практикѣ этотъ принципъ касается только насъ. Онъ могъ не войти въ содержаніе кодекса международнаго права, но въ международныхъ совѣщаніяхъ каждое государство можетъ объявлять права, которыя считаетъ своими. Потому, мы вправѣ считать доктрину Монроэ какъ бы составляющею часть международнаго права. Еслибъ Соединеннымъ Штатамъ пришлось явиться предъ высшимъ судомъ, то они непремѣнно стали бы опираться на этотъ принципъ, какъ на принципъ международнаго права. Доктрина Монроэ находитъ себѣ признаніе въ тѣхъ

Digitized by Google

принципахъ международнаго права, которые основаны на теоріи о томъ, что каждому государству принадлежитъ право требовать защиты его неоспоримыхъ и законныхъ правъ и интересовъ. Но британскій отвѣтъ не обращаетъ на это вниманія. Первый британскій министръ объявляетъ, что доктрина Монроэ не примѣнима къ нынѣшнему положенію націй. Но наше правительство полагаетъ, что она вполнѣ примѣнима къ настоящему спору, и потому предложило Великобританіи прибѣгнуть къ третейскому суду для изложенія этого вопроса. Изъ прилагаемой записки видно, что британское правительство отклонило это предложеніе на основаніи соображеній, которыя, при настоящихъ обстоятельствахъ, кажутся мнѣ далеко не удовлетворительными... Въ высшей степени прискорбно, что подобное предложеніе, сдѣланное во имя дружественныхъ чувствъ, существующихъ между обоими государствами, проникнутое духомъ справедливости и великодушія, не привело къ лучшимъ результатамъ. При такихъ условіяхъ, образъ дѣйствій, какого намѣрено держаться наше правительство, не подлежитъ никакимъ серьезнымъ сомнѣніямъ. Мы старались склонить Великобританію къ принятію третейскаго суда. Теперь, узнавъ объ ея отказѣ, мы вынуждены принять предложеніе такимъ, каково оно есть, со всѣми его послѣдствіями, и поступать сообразно съ нимъ. Венецуэла никогда не соглашалась на требованія Великобританіи. Соединеннымъ Штатамъ, поэтому, надлежитъ взяться за это дѣло и указать на пограничную линію между Венецуэлой и территоріей англійской Гвіаны. Разслѣдованіе этого вопроса должно быть произведено со всевозможной тщательностью и безпристрастіемъ, причемъ должны быть разсмотрѣны доводы обѣихъ сторонъ. Поэтому, я предлагаю конгрессу назначить кредитъ на издержки комисіи, которая будетъ назначена исполнительной властью для производства необходимыхъ изысканій и представленія доклада въ возможно непродолжительный срокъ. По принятіи этого доклада, Соединеннымъ Штатамъ, по моему мнѣнію, необходимо будетъ всѣми силами противодѣйствовать нарушенію ихъ правъ и интересовъ, и не допускать, чтобъ Англія присоединила къ своимъ владѣніямъ территоріи, которыя мы признаемъ законнымъ достояніемъ Венецуэлы. Высказывая эти совѣты, я вполнѣ готовъ принять на себя всю отвѣтственность за нихъ и хладнокровно осуществить всѣ ихъ послѣдствія. Я, тѣмъ не менѣе, твердо убѣжденъ, что, какъ ни печально видѣть столкновеніе двухъ великихъ народовъ, говорящихъ однимъ языкомъ и стоящихъ на одинаково высокой степени цивилизаціи, однако, нѣтъ такого бѣдствія, на которое не согласился бы великій народъ, лишь бы не подчиниться несправедливости».

Вся европейская печать, и наша въ томъ числѣ, раздѣлилась по поводу этого спора на два лагеря. Одни безусловно стали на сторону Соединенныхъ Штатовъ и доктрины Монроэ; другіе, напротивъ, столь же

Digitized by Google

безусловно, защищаютъ Англію и ея притязанія въ Венецуэлѣ. Какъ кажется, въ этомъ спорѣ существуетъ недоразумѣніе, въ которомъ не отдаетъ себѣ отчета европейская печать. Англія отрицаетъ за доктриной Монроэ принципъ международнаго права, утверждая, что эта доктрина не вошла въ кодексъ этой науки. Но такой взглядъ односторонненъ и неправиленъ. Конечно, доктрина не вошла въ кодексъ международнаго права, но она цѣликомъ основана на одномъ изъ самыхъ несомнѣнныхъ принциповъ этого права,—на принципѣ невмѣшательства одного государства во внутреннія дѣла другаго. Этотъ принципъ признанъ всѣми государствами, и если онъ въ Европѣ не всегда съ одинаковой строгостію примѣняется, то это зависитъ отъ особыхъ условій, въ которыхъ находится Европа. Слѣдовательно и доктрина Монроэ должна быть обязательна для всѣхъ государствъ. Въ этомъ отношеніи правительство Соединенныхъ Штатовъ право. Другое дѣло—примѣненіе доктрины; доктрина можетъ быть примѣнима правильно или неправильно; все зависитъ отъ того частнаго случая, къ которому пытаются примѣнить доктрину. Въ венецуэльскомъ вопросѣ, въ дѣйствительности, дѣло стоитъ такъ, что примѣненіе доктрины Монроэ мы находимъ неправильнымъ. Доктрина Монроэ, основанная на принципѣ невмѣшательства, не отрицаетъ права американскихъ государствъ вѣдаться, какъ они знаютъ, въ своихъ дѣлахъ; и вмѣшательства Соединенныхъ Штатовъ въ такія дѣла доктрина не одобряетъ. Англія въ южной Америкѣ имѣетъ свои владѣнія, признанныя и Соединенными Штатами; на этомъ основаніи, во всѣхъ вопросахъ, касающихся Гвіаны, Англія должна быть разсматриваема не какъ европейское государство, а какъ американское, и съ этой точки зрѣнія къ ней не можетъ быть примѣнена доктрина Монроэ, имѣющая своимъ объектомъ совершенно другія политическія явленія. Такимъ образомъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ должно предоставить право Англіи вѣдаться съ Венецуэлой, какъ она знаетъ.

Къ сожалѣнію, вслѣдствіе понятныхъ практическихъ интересовъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ не только не вошло въ холодное разсмотрѣніе дѣла, но во второмъ посланіи президента взяло такую ноту, которая въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстна. Посланіе Клевеленда имѣетъ въ извѣстномъ смыслѣ характеръ ультиматума, обращеннаго къ Англіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, было понято дѣло въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ немедленно началась самая оживленная агитація въ пользу приготовленій къ вооруженной борьбѣ съ великою европейскою державою, старающейся оттягать отъ маленькой Венецуэльской республики территоріи, богатыя золотыми розсыпями. Были минуты, когда казалось, что война между Англіею и Соединенными Штатами представлялась совершенно неизбѣжною. Нѣсколько позднѣе, дѣло приняло менѣе острый характеръ. Въ Соединенныхъ Штатахъ началась новая агитація, на этотъ

Digitized by Google

разъ противъ воинственныхъ намѣреній президента этой республики, а въ Англіи за маской притворнаго равнодушнаго отношенія къ образу дѣйствій Клевеленда стала чувствоваться склонность не доводить дѣла до вооруженнаго столкновенія. Такъ пока стоитъ дѣло. Къ этому необходимо еще присоединить два слуха, о которыхъ мы считаемъ необходимымъ упомянуть, но которые тѣмъ не менѣе едва ли заслуживаютъ довѣрія. Во-первыхъ, была высказана догадка, что не одно только патріотическое чувство руководитъ президентомъ великой заатлантической республики, но что, кромѣ того, въ дѣло замѣшаны запутанные финансовые вопросы, имѣющіе связь съ возстановленіемъ въ Сѣверной Америкѣ чеканки серебряной монеты. Второй слухъ связываетъ черезчуръ приподнятый тонъ втораго посланія Клевеленда съ предстоящими президентскими выборами. Въ Америкѣ (какъ, впрочемъ, и въ другихъ странахъ, гдѣ съ вопросами общественными связаны вопросы частнаго характера) передъ каждыми выборами, кандидаты на президентскій постъ стараются щеголять своими патріотическими выходками, которыя обыкновенно направляются противъ Англіи, какъ главнаго препятствія ко включенію Канады въ число Американскихъ Штатовъ. Для этихъ американскихъ избирательныхъ маневровъ, американцы изобрѣли даже особый терминъ: «немножко потаскать британскаго льва за хвостъ». Этотъ своеобразный политическій спортъ неоднократно практиковался, и, между прочимъ, въ 1888 году дѣло дошло до того, что британскому посланнику въ Вашингтонѣ выданы были паспорты. Полагаютъ (по преимуществу, конечно, въ Англіи), что и посланіе Клевеленда есть не болѣе, какъ такого рода избирательный маневръ.

Вообще, необходимо прибавить, что за послѣднее время англійской политикѣ очень не посчастливилось. Въ вопросѣ о спорной пограничной линіи между англійской Гвіаной и Венецуэлой, Англія встрѣтилась съ рѣшительнымъ и, можетъ быть, даже черезчуръ энергичнымъ протестомъ Соединенныхъ Штатовъ, который ставитъ Англію въ очень неловкое положеніе. Еще въ болѣе неловкое положеніе Англія была поставлена въ такъ называемомъ трансваальскомъ вопросѣ. Если не ошибаемся, этотъ вопросъ впервые появляется въ международной политикѣ. Первоначально вопросъ этотъ имѣлъ исключительно мѣстный характеръ и никому не приходило въ голову, чтобы онъ могъ сдѣлаться международнымъ и потревожить общественное мнѣніе Европы. Однако, это случилось. Полнѣйшая неудача разбойническаго набѣга бывшаго администратора Магоноленда, (такъ называется часто территорія Трансваальской республики, занятой англійской колоніей), Джемсона, вызвала чрезвычайно многознаменательную манифестацію со стороны германскаго императора. Вильгельмъ II, узнавъ о разгромѣ боэрами разбойничьей шайки Джемсона,

Digitized by Google

вторгнувшейся въ предѣлы Трансваальской республики, послалъ поздравительную телеграмму президенту Трансваальской республики, г. Крюгеру, прямо заявляя о готовности Германіи взять на себя защиту независимости Трансвааля, на которую будто бы покушаются англичане. Эта телеграмма вызвала настоящій взрывъ негодованія въ Англіи, и лондонская офиціозная печать, съ газетою «Times» во главѣ, вдругъ заговорила такимъ вызывающимъ тономъ, что можно было ожидать дипломатическаго разрыва между Лондономъ и Берлиномъ. Однако, до этого дѣло не дошло, потому что въ скоромъ времени обнаружилось, что по отношеніи къ этому трансваальскому вопросу почти всѣ европейскія государства, съ Франціей во главѣ, раздѣляютъ болѣе или менѣе взгляды германскаго императора. Это обстоятельство сразу охладило слишкомъ быстро вспыхнувшую обидчивость англійскихъ журналистовъ и заставило англійское правительство отказаться отъ всякой солидарности съ авантюристами, дѣйствовавшими, по всей вѣроятности, на свой страхъ, безъ всякихъ порученій со стороны правительства. Кромѣ того, президентъ Трансваальской республики имѣлъ благоразуміе согласиться на выдачу Англіи Джемсона и нѣкоторыхъ изъ его сообщниковъ, оказавшихся офицерами британской арміи.

Тѣмъ не менѣе, если этотъ трансваальскій вопросъ «отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть», то шумъ, вызванный имъ, еще не утихъ и до сихъ поръ сильно волнуетъ европейское общественное мнѣніе. Событіемъ дня, въ этомъ отношеніи, явилась телеграмма германскаго императора президенту Трансвааля. На эту телеграмму во всякомъ случаѣ приходится смотрѣть, какъ на косвенный протестъ Германіи противъ англійской колоніальной политики. Джемсонъ, котораго боэры такъ жестоко покололотили—не только англичанинъ, но и агентъ англійской африканской компаніи. Онъ дѣйствовалъ, какъ мы уже замѣтили, по всей вѣроятности, по внушеніямъ свыше, напримѣръ, по соглашенію съ генералъ-губернаторомъ Капской колоніи. Можно предполагать, что неудавшаяся попытка Джемсона находится въ связи съ желаніемъ Англіи присоединить въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ Трансвааль къ англійскимъ владѣніямъ. Трансваальская республика переживаетъ тяжелые дни; опасность главнымъ образомъ грозитъ ей со стороны Капской колоніи, министръ которой Родсъ задумалъ широкій планъ объединенія всѣхъ южно-африканскихъ государствъ подъ властью Англіи. Какъ теперь оказывается, телеграмма германскаго императора не была актомъ личнаго усмотрѣнія Вильгельма; она была отправлена только послѣ совѣщанія императора съ имперскимъ канцлеромъ и съ министромъ Маршалемъ. Такимъ образомъ, она имѣетъ почти такое же значеніе, какъ и посланіе президента Клевеленда.

Нельзя также не обратить вниманія на сужденія, высказываемыя

Digitized by Google

французской печатью въ этомъ дѣлѣ. Всѣ французскія газеты въ большей или меньшей степени одобряютъ образъ дѣйствій германскаго императора; всѣ утверждаютъ болѣе или менѣе единодушно, что до сихъ поръ вмѣшательство германскаго императора въ различные международные вопросы имѣло цѣлью сохраненіе мира, и не скрываютъ удовольствія по поводу того, что, благодаря отчасти такому вмѣшательству, престижъ Великобританіи значительно ослабѣлъ. Французскія газеты не отрицаютъ также и тотъ фактъ, что въ настоящемъ случаѣ интересы Франціи совершенно совпадаютъ съ интересами Германіи. Однако, ихъ смущаетъ мысль, что сила вещей какъ будто заставляетъ Францію идти рука объ руку съ державою, съ которою еще не сведены счеты за 1871 годъ, и которая не только не высказываетъ ни малѣйшаго намѣренія возвратить Эльзасъ и Лотарингію, но даже и слышать не хочетъ о нейтрализаціи этой территоріи. «Мы оказываемся въ странномъ положеніи,—говоритъ, между прочимъ, «Radical»,—такъ какъ мало по малу, вслѣдствіе изумительнаго стеченія самыхъ различныхъ обстоятельствъ, намъ приходится или вступить въ ненавистный союзъ или возстановить противъ себя весь образованный міръ». Другія газеты и въ томъ числѣ «Figaro» приписываютъ германскому императору планъ парализовать франко-русское соглашеніе. «Необходимо сознаться,—говоритъ «Gaulois»,—что моментъ выбранъ для этого очень удачно. Депеша императора вполнѣ гармонируетъ съ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, какъ въ Россіи, такъ и во Франціи. Императоръ держится такой политики, что Германія, Россія и Франція оказываются связанными чѣмъ-то въ родѣ соглашенія. Франко-русскій союзъ утратилъ свой первоначальный характеръ. Мѣсто противника, котораго союзъ этотъ имѣлъ въ виду держать на чеку, занялъ другой и за послѣдніе мѣсяцы анти-нѣмецкое настроеніе слабѣетъ, тогда какъ анти-англійское усиливается. Императоръ нейтрализировалъ установившуюся между Россіей и Франціею связь, и теченіе, которое грозило Германіи столкновеніями въ будущемъ, онъ направилъ въ сторону Англіи». Не смотря, однако, на все это, во Франціи, какъ кажется, преобладаетъ убѣжденіе, что французской республикѣ не слѣдовало бы упускать случая для охраны своихъ интересовъ въ колоніальной области и это тѣмъ болѣе, что Франція вовсе не обязана отрекаться для этого отъ своей завѣтной мечты возвратить утраченныя провинціи. Эта идея проводится, между прочимъ, газетою «Temps», которая находится въ близкихъ сношеніяхъ съ нынѣшнимъ министерствомъ. «Франція—говоритъ эта газета—не желаетъ ни содѣйствовать униженію Англіи, не смотря на то, что въ годину нашихъ бѣдствій она относилась къ намъ не особенно дружелюбно, ни держаться выработаннаго германскимъ императоромъ маршрута. Франція ни на волосъ не отступитъ отъ своей собственной политики и она вовсе не намѣрена вторгаться и вступать въ искусственныя

Digitized by Google

и противоестественныя комбинаціи; но съ другой стороны—необходимо, чтобы въ Лондонѣ знали, что и въ Африкѣ Англія принуждена считаться съ Европой». Нѣкоторыя газеты въ болѣе опредѣленныхъ возраженіяхъ совѣтуютъ правительству республики постараться извлечь возможно бо́льшую пользу изъ нынѣшней группировки державъ. Такъ какъ въ настоящую минуту четыре державы ополчились противъ Англіи, то не мѣшало бы поставить ребромъ египетскій вопросъ. «Фигаро» намекаетъ даже на возможность примириться съ Германіей, если такое примиреніе поможетъ Франціи вытѣснить англичанъ изъ Египта. Одинъ изъ талантливѣйшихъ французскихъ публицистовъ, Прессансэ, слѣдующимъ образомъ резюмируетъ нынѣшнее положеніе вещей въ Европѣ: «Англія разсчитываетъ на неизмѣнный антагонизмъ между Германіей и Франціей. Конечно, не только о союзѣ между этими двумя державами, но даже и о долговременномъ соглашеніи не можетъ быть и рѣчи; съ другой стороны, имѣются многочисленные пункты, гдѣ интересы Германіи и Франціи отожествляются или тѣсно связаны между собой. Это въ особенности относится къ англійской политикѣ и ея высокомѣрнымъ притязаніямъ. Въ крестовомъ походѣ противъ Англіи, Франція безспорно участвовать не будетъ, зато всегда и вездѣ, гдѣ только ей придется имѣть дѣло съ соперничествомъ и противодѣйствіемъ Англіи, она, дѣйствуя совмѣстно съ Европою, слѣдовательно и съ Германіей, будетъ прибѣгать къ надлежащимъ мѣрамъ».

И дѣйствительно, нельзя не видѣть, что положеніе Англіи въ настоящее время очень затруднительно. Вся Европа, за исключеніемъ, можетъ быть, одной лишь Италіи, возстановлена противъ нея. По поводу трансваальской исторіи, даже австрійская печать открыто и рѣзко порицаетъ образъ дѣйствій англійскаго министерства. Національному самолюбію англичанъ нанесенъ цѣлый рядъ тяжелыхъ униженій. Все это вмѣстѣ взятое можетъ отразиться и на положеніи министерства. Приближается открытіе сесіи англійскаго парламента, а министерство Салисбюри до сихъ поръ не имѣетъ подъ рукой рѣшительно ничего, что́ могло бы ослабить впечатлѣніе цѣлаго ряда неудачъ его внѣшней политики. Либеральная оппозиція палаты общинъ, конечно, постарается воспользоваться этимъ и нельзя сказать съ увѣренностью, что консервативное большинство окажетъ ему безусловную поддержку. Все это можетъ серьезно поколебать положеніе министерства Салисбюри.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ.

Румынія и тройственный союзъ. *А. П. Липранди* (А. Волынецъ). С.-Пб. 1896 г.

Въ послѣднее время,—объясняетъ г. Липранди въ началѣ своей брошюры,—вся европейская, въ томъ числѣ и русская, печать немало занималась Румыніей, точнѣе—ея отношеніемъ къ тройственному союзу. Поводомъ для этого послужила поѣздка румынской королевской четы въ Ишль, для посѣщенія австрійскаго императора и свиданія короля Карла съ графомъ Голуховскимъ и княземъ Гогенлоэ—руководителями внѣшней политики австро-венгерской и германской монархій. «Но въ данномъ случаѣ,—прибавляетъ г. Липранди,—общее вниманіе было возбуждено не столько самыми похожденіями иноземнаго властителя румынскаго королевства, сколько тономъ и толками по поводу ихъ германской и особенно австрійской печати. Послѣдняя заговорила вдругъ такимъ восторженнымъ тономъ, какъ будто австрійскій дворъ удостоился посѣщенія какого либо великаго и могущественнаго монарха, а не случайнаго правителя малозначительнаго и не играющаго сколько нибудь замѣтной роли въ европейскомъ концертѣ—королевства. Даже офиціозные органы австрійской печати совсѣмъ не двусмысленно дали понять, что въ Ишлѣ происходили весьма важные политическіе переговоры, послѣдствіемъ которыхъ было,—какъ объ этомъ тоже вполнѣ откровенно заявлялось,—формальное присоединеніе Румыніи къ тройственному союзу». Намъ кажется, что г. Липранди впадаетъ здѣсь въ ту самую ошибку, въ которой обвиняетъ австрійскую печать. Онъ придаетъ толкамъ этой печати такое значеніе, котораго она не могла имѣть; но еслибы даже и было основательно мнѣніе, что Румынія присоединилась или находится наканунѣ присоединенія къ тройственному союзу, то это все таки—настолько маловажное для насъ событіе, что по поводу его не стоитъ особенно волноваться. Присоединеніе Румыніи къ тройственному союзу не можетъ сильно интересовать Россію или Францію; особенной помощи Румынія не окажетъ тройственному союзу а личныя чувства и мнѣнія короля Карла никого не касаются. Тѣмъ не менѣе, почтенный авторъ брошюры придаетъ особенную важность именно этимъ мнѣніямъ румынскаго короля. Онъ думаетъ, что политика короля Карла «противонародна», клонится къ очевидному вреду Румыніи и находится въ принципіальномъ противорѣчіи съ истиннымъ настроеніемъ румынскаго народа, тѣмъ болѣе, что «рѣшительно не можетъ быть ничего общаго между православнымъ румынскимъ народомъ и нѣмцемъ-католикомъ Карломъ Гогенцолерномъ».

Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи этого вопроса, г. Липранди

Digitized by Google

даетъ довольно яркій очеркъ вступленія на престолъ короля Карла и послѣдующихъ затѣмъ событій. Основной тезисъ г. Липранди заключается въ слѣдующемъ: «Румынія—страна православная и естественно должна примыкать къ востоку; историческое призваніе ея—раздѣлять судьбы православнаго востока и жить съ нимъ одною общею жизнью. Это ея естественный путь и, только слѣдуя ему, Румынія можетъ бодро и безбоязненно смотрѣть въ глаза будущему». Съ этимъ тезисомъ, конечно, слѣдуетъ согласиться. Точно также можно согласиться и съ тѣмъ, что румынскіе «патріоты», отдающіе или, по крайней мѣрѣ, собирающіеся отдать Румынію въ кабалу тройственнаго союза, къ сожалѣнію, не понимаютъ этого историческаго назначенія румынскаго народа. «Теперь,—говоритъ г. Липранди, — Румынія отдаетъ себя въ политическую кабалу тройственному союзу, вступивъ въ число членовъ его и принявъ на себя обязательства, выполненіе которыхъ потребуетъ отъ румынскаго народа новыхъ жертвъ, на гибель себѣ, на прихоть его враговъ и на удовлетвореніе честолюбія гогенцолернскаго принца, давно уже заявившаго себя ревностнымъ сторонникомъ онѣмеченія Балканскаго полуострова». Въ виду всего этого, г. Липранди находитъ, что лучшимъ отвѣтомъ румынскимъ «патріотамъ» на ихъ вызывающую, по отношенію къ намъ, политику,—было бы систематическое и рѣшительное обрусеніе Бессарабіи. «Къ этому давно уже слѣдовало приступить, въ настоящее же время это является уже государственною необходимостью, въ видахъ какъ огражденія пограничной нашей области отъ возможныхъ замѣшательствъ, такъ и устраненія вздорныхъ мечтаній румынской интеллигенціи объ отторженіи ея отъ насъ». Однако, г-ну Липранди можно было бы отвѣтить, что всѣ его тревоги слишкомъ преждевременны. Едва ли представляется необходимымъ вѣрить какимъ-то случайнымъ газетнымъ сплетнямъ о томъ, что будто бы Румынія уже вступила формально въ тройственный союзъ. Г. Липранди началъ свою брошюру въ августѣ мѣсяцѣ, а теперь у насъ скоро февраль на дворѣ, и не только нѣтъ подтвержденія этихъ слуховъ, но, по всей видимости, и самый тройственный союзъ трескается по всѣмъ швамъ. Поэтому тревоги автора, покуда, напрасны, хотя не безполезно направить наше вниманіе и въ эту сторону.

Отверженный. Романъ въ двухъ частяхъ, *Д. С. Мережковскаго.* С.-Петербургъ, 1896 г.

Вышедшій теперь отдѣльнымъ изданіемъ романъ г. Мережковскаго обратилъ на себя вниманіе читающей публики еще въ то время, когда печатался въ журналѣ. Авторъ взялъ для своего романа фигуру римскаго императора Юліана Отступника и вообще борьбу язычества съ христіанствомъ въ IV вѣкѣ. На эту благодарную и богатую тему въ европейскихъ литературахъ найдется много болѣе или менѣе талантливыхъ произведеній. Но это обстоятельство, невыгодное для г. Мережковскаго,

Digitized by Google

не повредило ему; съ этимъ труднымъ сюжетомъ онъ съумѣлъ справиться весьма удачно. Повидимому, онъ прекрасно и вполнѣ обстоятельно изучилъ описываемую имъ эпоху, но сухое, научное изученіе предмета не отразилось невыгодно въ его разсказѣ. Авторъ съумѣлъ скрыть свою эрудицію и на первый планъ выдвинулъ характеристику быта, нравовъ, стремленій эпохи и дѣйствующихъ въ нихъ лицъ. Талантъ автора сказался во многихъ сценахъ, живо и ярко написанныхъ, дающихъ прекрасную и живую картину умирающаго античнаго міра. Несомнѣнно, романъ прочитается съ интересомъ, тѣмъ болѣе, что авторъ обѣщаетъ со временемъ дать два другихъ романа, какъ бы въ pendant къ «Отверженному». Объ этомъ онъ предупреждаетъ читателя въ своемъ предисловіи. «Отверженный» есть только первая часть беллетристической трилогіи, всѣ три части которой будутъ связаны внутреннимъ единствомъ. Единство это заключается, по мысли автора, въ борьбѣ христіанскаго и языческаго начала. Первая часть (т. е. «Отверженный») изображаетъ конецъ древняго міра, смерть олимпійскихъ боговъ. Вторая часть будетъ озаглавлена: «Воскресеніе боговъ» и героемъ ея будетъ Леонардо-да-Винчи, слѣдовательно, эпоха итальянскаго возрожденія. «Здѣсь возникаетъ,—говоритъ авторъ,—вновь красота древняго олимпійскаго многобожія—въ поэзіи, жизни, искусствѣ и философіи. Воскресаетъ то, что, по мнѣнію галилеянъ, окончательно было побѣждено въ лицѣ Юліана Отступника, Отверженнаго. Опять начинается борьба христіанства и эллинизма, Голгоѳы и Олимпа, древняя борьба съ новыми героями; опять, на этотъ разъ еще яснѣе, открывается людямъ двойственность духа, двойственность міра. Въ послѣдней заключительной сценѣ второй части трилогіи, любитель старыхъ византійскихъ иконописцевъ, русскій юноша, пріѣхавшій съ посольствомъ въ Римъ къ папскому двору изъ далекой Московіи, съ предчувствіемъ новаго воззрѣнія, таящагося въ его сердцѣ, смотритъ на только что оконченныя фрески Микель-Анжело Буонароти на потолкѣ сикстинской капеллы, на древнихъ сибиллъ и пророковъ, утомленныхъ тысячелѣтіями». Въ третьей части трилогіи дѣйствіе переносится г. Мережковскимъ въ Россію, и героемъ ея будетъ царевичъ Алексѣй; другими словами, онъ будетъ изображать эпизодъ изъ жизни Петра Великаго,—трагедію съ царевичемъ Алексѣемъ. «Если Петръ — безсознательный представитель новаго язычества, то Алексѣй—еще болѣе безсознательный, хотя, по своему положенію, могущественный представитель древняго, подавленнаго, но не побѣжденнаго, темнаго, но неизмѣримо-глубокаго народнаго христіанства (?). Это человѣкъ слабый и немудрый. Но, по ученію галилеянъ, слабымъ и немудрымъ принадлежитъ царствіе божіе, отнимаемое у сильныхъ и мудрыхъ. Царевичъ-мученикъ, который плачетъ и молится за душу отца своего передъ ликами старыхъ русскихъ иконъ, всегда казался автору прообразомъ новыхъ галилеянъ, народныхъ героевъ Льва Толстаго и До-

Digitized by Google

стоевскаго, нерѣдко такихъ же темныхъ, слабыхъ и немудрыхъ, но открывающихъ божественную тайну міра въ страданіяхъ и любви» (?!). Не смотря, однако, на объясненія автора, довольно трудно понять, въ чемъ именно будетъ заключаться единство его трилогіи. Если оно будетъ заключаться въ вѣчно возникающей *борьбѣ христіанства съ язычествомъ*, то едва ли эта борьба будетъ съ достаточной художественной отчетливостью изображать единство трилогіи. Три эпизода этой борьбы,— взятые изъ совершенно различныхъ эпохъ, различныхъ народовъ, различныхъ странъ,—слишкомъ разрознены между собой по своимъ причинамъ и слѣдствіямъ, и поэтому не могутъ составить единства. Къ тому же, авторъ, какъ кажется, слишкомъ преувеличиваетъ значеніе этой борьбы и той вѣчной, будто бы, двойственности міра, о которой онъ говоритъ. Это систематическое сопоставленіе двухъ началъ, — христіанства и язычества,—напоминаетъ собой отчасти взглядъ Ницше и едва ли не этотъ взглядъ возбудилъ въ авторѣ желаніе написать свою трилогію. Впрочемъ, это обстоятельство не мѣшаетъ интересу всѣхъ частей трилогіи, интересу, который въ значительной степени существуетъ и въ ея первой части, въ «Отверженномъ», которымъ авторъ зарекомендовалъ себя съ выгодной стороны.

Повный сборникъ творивъ, *М. Л. Кропивницького*. Выданя трете. Харьковъ, 1895 г.

Книги на малороссійскомъ языкѣ—большая рѣдкость у насъ, въ особенности въ настоящее время; поэтому, когда, паче чаянія, онѣ являются, журналистика обязана заниматься ими по преимуществу. Эта обязанность въ настоящую минуту тѣмъ болѣе пріятна, что г. Кропивницкій давно уже извѣстенъ во всей Россіи, какъ первоклассный актеръ и талантливый драматическій писатель. По всей вѣроятности, и его писательская дѣятельность была обусловлена его артистической карьерой. Сдѣлавшись актеромъ и почувствовавъ въ себѣ большой артистическій талантъ, г. Кропивницкій естественно не могъ удовлетвориться обычнымъ малороссійскимъ репертуаромъ, бывшимъ въ ходу на югѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ; онъ естественно желалъ создать свой собственный репертуаръ, болѣе приноровленный къ условіямъ современной малороссійской жизни и болѣе отвѣчающій сценическому таланту самого г. Кропивницкаго и наиболѣе талантливыхъ его товарищей по сценѣ. Таково въ общихъ чертахъ происхожденіе настоящаго сборника, въ которомъ авторъ соединилъ всѣ свои драматическіе труды. Въ сборникѣ помѣщены три драмы, четыре комедіи, затѣмъ мелодрама, драматическая картина, шутка-оперетка, драматическій этюдъ, траги-комическій этюдъ, и даже куплеты, которые, по всей вѣроятности, г. Кропивницкій поетъ со сцены. Багажъ, какъ видитъ читатель, довольно обширный и очень разнообразный.

Digitized by Google

Г. Кропивницкому, даже съ придирчивой точки зрѣнія, нельзя отказать въ талантѣ; лучшее достоинство его пьесъ—ихъ сценичность; авторъ превосходно знаетъ сцену и пользуется этимъ знаніемъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Г. Кропивницкому нельзя также отказать и въ литературности; нѣкоторыя дѣйствующія лица его пьесъ, хотя слегка, но талантливо обрисованы и живутъ,—по крайней мѣрѣ, на сценѣ; есть также наблюдательность, которая сквозитъ сквозь чисто-малороссійскій юморъ, и, по временамъ, довольно грубый колоритъ. Эти качества могли бы доставить ему далеко не послѣднее мѣсто даже среди великорусскихъ драматическихъ писателей, которыхъ такъ много и которые такъ рѣдко... талантливы. Но слѣдуетъ прибавить, что и драматическая литература г. Кропивницкаго не отличается особенно высокими достоинствами, и едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что г. Кропивницкій не только никогда не будетъ малороссійскимъ Шекспиромъ, но не возвысится даже до великорусскаго Крылова. Всѣ его драмы, комедіи, этюды и мелодрамы принадлежатъ къ роду пьесъ изъ народнаго быта, для которыхъ существуетъ давно уже выработанный шаблонъ, и отъ этого шаблона наши драматическіе писатели никакъ не могутъ освободиться. Тѣмъ же недостаткомъ страдаютъ и пьесы г. Кропивницкаго, хотя, въ нѣкоторой степени, его спасаетъ малороссійскій своеобразный юморъ, придающій сценѣ нѣчто живое и милое. Среди оригинальныхъ произведеній, въ сборникѣ г. Кропивницкаго есть передѣлка съ галицкаго и одна передѣлка повѣсти Стороженка. Едва ли не лучшимъ произведеніемъ автора слѣдуетъ считать драму «Зайды голова», благодаря нѣкоторымъ чертамъ дѣйствительнаго сценическаго реализма. Въ этомъ смыслѣ, можно также указать на комедію или, вѣрнѣе, фарсъ, подъ заглавіемъ: «По ревизіи». Общій недостатокъ г. Кропивницкаго—его слащавость, съ сильнымъ оттѣнкомъ старомоднаго сантиментализма въ обрисовкѣ и сценическихъ положеніяхъ простолюдиновъ. Едва ли можно оправдывать этотъ сантиментализмъ ссылкой на то, будто бы и по самой натурѣ своей малороссъ—сантименталенъ. Духъ сантиментализма вовсе не присущъ истинному малороссу; его характеръ скорѣе страдаетъ излишнимъ юморомъ съ оттѣнкомъ добродушія. Нельзя также сказать, чтобы и самая народная жизнь южанина вырабатывала въ немъ сантиментальное отношеніе къ народному быту. Писатель, не желающій ограничиться изученіемъ только внутренняго состоянія человѣка, но захватывающій въ своихъ произведеніяхъ и соціальную сторону жизни, имѣетъ, конечно, право относиться съ симпатіей къ народному горю, но, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ относиться къ нему художественно-правдиво. Сантиментализмъ не есть особенность индивидуальности украинца, а просто литературный пріемъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія господствовавшій въ западной Европѣ и до извѣстной степени утвердившійся у насъ въ сороковыхъ годахъ. Мы давнымъ давно

Digitized by Google

освободились отъ этой школы; малороссійская же литература, напротивъ того, все еще живетъ устарѣвшими формами, вѣроятно, потому, что и самый языкъ или, вѣрнѣе, народный говоръ еще не возвысился въ дѣйствительности до истинно-литературной высоты.

Жоржъ Пелисье. **Литературное движеніе въ XIX столѣтіи.** Переводъ *Ю. В. Доппельмайеръ.* Москва, 1895 г.

Книга Жоржа Пелисье, превосходно и съ знаніемъ дѣла переведенная г-жею Доппельмайеръ, представляетъ талантливую картину литературнаго движенія во Франціи въ XIX столѣтіи. Давъ довольно обширную характеристику французскаго классицизма, указавъ на провозвѣстниковъ XIX вѣка,—на г-жу Сталь, Шатобріана и псевдо-классиковъ послѣдняго періода,—Пелисье приступаетъ къ исторіи романтизма, который онъ считаетъ самымъ выдающимся явленіемъ XIX вѣка. По мнѣнію автора,—которое, однако, можно оспаривать,—эпоха французской исторіи литературы, извѣстная подъ общимъ названіемъ классической, простирается съ половины XVI столѣтія до начала XIX-го. Въ этотъ долгій періодъ, обнимающій около двухсотъ пятидесяти лѣтъ, искусство и литература, въ какія бы формы они ни облекались, постоянно руководствуются извѣстными принципами, достаточно растяжимыми, чтобы примѣняться къ послѣдовательному чередованію различныхъ фазисовъ и налагать на нихъ печать того сродства, которое способствуетъ преобладанію одной и той же доктрины. Пелисье считаетъ главной основой міросозерцанія классиковъ—сочетаніе разума и вѣры. Самодовлѣющая вѣра вездѣ, во всѣхъ областяхъ, выступала главной характерной чертой интеллектуальной жизни тѣхъ временъ. Религія, философія, политика, искусство, даже самая мораль, опирались на твердые устои, и въ какую бы сторону ни обратился умъ, онъ никогда не испытывалъ ни смущенія, ни колебанія, а сразу подходилъ къ готовой истинѣ и утверждался въ ней съ несокрушимой увѣренностью. Такой взглядъ можно принять только съ большими ограниченіями. Сочетаніе разума и вѣры, конечно, характеризуетъ французскую литературу до XIX вѣка, но развѣ этимъ исчерпывается понятіе классицизма, даже во французскомъ значеніи этого слова? И Тэнъ считалъ французскую литературу классическою, но, не ограничивая это понятіе только до-романтическимъ движеніемъ, вводилъ въ него и литературу XIX вѣка. Со стороны Тэна это было вполнѣ послѣдовательно и ясно, потому что классицизмъ онъ опредѣляетъ не содержаніемъ, а формой: не сочетаніе разумы и вѣры кажется ему характерной особенностью классицизма, а ораторскій пріемъ рѣчи, логическая послѣдовательность въ развитіи идеи, трезвость и правильность въ выраженіи мысли. Пелисье, перенося вопросъ съ формы на содержаніе, придалъ слову классицизмъ слишкомъ произвольное толкованіе.

Глубже и правильнѣе разсматриваетъ Пелисье романтизмъ. Вообще,

Digitized by Google

понятіе романтизма смутно и понимается это явленіе различно. Одни разумѣютъ подъ этимъ терминомъ только извѣстную партію, враждебную классическому направленію, причемъ и самое понятіе о классицизмѣ остается по прежнему неопредѣленнымъ. Придавая романтизму лишь отрицательное значеніе, они, конечно, не въ состояніи объяснить ни его плодотворной силы, обновившей всѣ роды французской литературы, ни того глубокаго, прочнаго вліянія, которое не ослабѣваетъ и понынѣ, отражаясь даже и на новой натуралистической школѣ. Другіе представляютъ себѣ романтизмъ какимъ-то внезапнымъ вторженіемъ во Францію англійскаго и нѣмецкаго духа, но это значитъ игнорировать факты: не допускать никакой самобытности въ основѣ этого движенія и не видѣть ничего національнаго въ происходящей отъ него литературѣ. Третьи, наконецъ, основываясь на остроумномъ каламбурѣ Стендаля, изображаютъ всѣхъ писателей XVII вѣка въ видѣ старыхъ романтиковъ, которымъ только время будто бы придаетъ въ нашихъ глазахъ классическую окраску. На нашъ взглядъ, совершенно вѣрнымъ кажется опредѣленіе романтизма, сдѣланное Пелисье. Онъ думаетъ, что главный фактъ, преобладающій, какъ въ началѣ романтизма, такъ и въ пору его наибольшаго процвѣтанія, — это возрожденіе въ тогдашнемъ извѣрившемся обществѣ спиритуалистическихъ идей, соединенныхъ естественнымъ сродствомъ съ христіанскимъ чувствомъ. Придерживаясь этой точки зрѣнія, Пелисье даетъ мастерскую картину французской романтической литературы.

Затѣмъ, приступая къ реалистическому направленію, онъ объясняетъ торжество реализма надъ романтизмомъ торжествомъ науки надъ воображеніемъ и чувствомъ. Вѣрнѣе было бы сказать, по нашему мнѣнію, что торжество реализма надъ романтизмомъ не есть торжество науки, а лишь торжество прозы, вседневности, пониженія идеаловъ. Развѣ новое идеалистическое и даже мистическое направленіе, которое теперь одерживаетъ побѣду повсюду (не только во Франціи) надъ реализмомъ,—не есть необходимая реакція противъ этого пониженія идеаловъ, которымъ характеризуется реализмъ. Даже такія уродливыя явленія, какъ современное декадентство, и такіе болѣзненные порывы, какъ символизмъ, не составляютъ ли той же реакціи, хотя, можетъ быть, возникающей на патологической почвѣ? Это до такой степени справедливо, что и Пелисье какъ бы невольно приходитъ къ этому заключенію, по крайней мѣрѣ, отчасти. Однако, въ концѣ книги, оставивъ роль историка и превратившись въ публициста, Пелисье громитъ новую идеалистическую школу, во имя трезваго реализма. На болѣзненной почвѣ самоанализа, говоритъ онъ, «гдѣ не могъ укорениться ни единый принципъ, являются новые ростки и побѣги, казалось бы, давно заглохшаго мистицизма; но онъ то же «выродился» и уже нисколько не противорѣчитъ общему состоя-

Digitized by Google

нію породившихъ его умовъ, утомленныхъ и обезсиленныхъ кропотливой работой; въ немъ чувствуется какое-то искусственное, наркотическое возбужденіе утраченной способности вѣрить, выражается душевная немощь подъ прикрытіемъ крикливаго дэндизма. Однако, всѣ эти выродившіеся дэнди насквозь проникнуты самодовольнымъ сознаніемъ, что они не только постигли глубоко, но и осуществили въ самихъ себѣ тотъ истинный моральный идеалъ, до котораго еще не доросло современное человѣчество».

Книга Пелисье не есть, конечно, исторія французской литературы XIX вѣка, но тѣмъ не менѣе она даетъ блестящую и, во многомъ, глубокую картину развитія литературныхъ идей въ XIX столѣтіи, освѣщенную яркимъ колоритомъ своеобразной мысли автора.

Къ вопросу о сельско-хозяйственномъ кризисѣ. *В. Е. Варзара.* С.-Петербургъ, 1895 г.

Брошюра г. Варзара, заглавіе которой мы только что выписали, заключаетъ въ себѣ докладъ, читанный авторомъ въ Вольномъ экономическомъ обществѣ. Въ противоположность многимъ изслѣдователямъ причинъ сельско-хозяйственнаго кризиса въ Россіи, г. Варзаръ, подходя къ вопросу совершенно съ новой стороны, не ограничивается указаніемъ частныхъ и спорныхъ причинъ явленія, но выдвигаетъ безспорные факты русской жизни. Счастливой особенностью нашего автора служитъ то, что онъ ищетъ причины кризиса въ условіяхъ самаго производства цѣнностей, а не ихъ обращенія, какъ дѣлаютъ чаще всего наши изслѣдователи кризиса. И въ дѣйствительности, прежде чѣмъ говорить о желѣзнодорожныхъ тарифахъ, о таможенныхъ пошлинахъ. объ удешевленіи кредита, уменьшеніи налоговъ съ заложенныхъ наслѣдствъ, крѣпостныхъ пошлинъ при продажѣ заложенныхъ земель, о покупкѣ хлѣба казной и пр., необходимо строго проанализировать экономическій процессъ производства зерновыхъ хлѣбовъ. Прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть, изъ какихъ частей состоятъ обыкновенныя издержки производства. Онѣ заключаютъ въ себѣ на земляхъ естественнаго плодородія: обработку и стоимость сѣмянъ, составляющія не менѣе $^1/_2$ всѣхъ издержекъ; уборку, составляющую $^1/_5$ ихъ часть, и обмолотъ—также $^1/_5$ часть. Такимъ образомъ, обработка и посѣвъ со стоимостью сѣмянъ составляютъ больше $^1/_2$ общей суммы издержекъ производства зерновыхъ хлѣбовъ, а уборка и обмолотъ меньше половины. Еще больше издержки на подготовленіе почвы на земляхъ искусственнаго плодородія, требующихъ или ежегодныхъ, или единовременныхъ затратъ для поддержанія производительности. Эти два положенія даютъ основаніе заключить, во-1-хъ, что такъ какъ въ земледѣліи ручной трудъ и трудъ животныхъ имѣютъ преимущественное значеніе при производствѣ зерновыхъ хлѣбовъ, то возможна конкурренція и отсталыхъ въ культурѣ странъ съ высококультурными, гдѣ трудъ человѣка и животныхъ стоитъ

Digitized by Google

дороже, чѣмъ въ странахъ бѣдныхъ и малокультурныхъ; и, во-2-хъ, что издержки на поддержаніе искусственнаго плодородія весьма различны, вслѣдствіе чего шансы конкурренціи по пшеницѣ оказываются одинаковыми для земель, дающихъ средній урожай съ десятины: 130 п. (Англія), 90 пуд. (Германія), 80 (Франція) и 45 (Россія). Установивъ эти общія положенія, г. Варзаръ переходитъ затѣмъ къ разсмотрѣнію явленій русской экономической жизни. Тутъ авторъ доказываетъ намъ, что интересы мелкаго землевладѣнія крестьянскаго типа охватываютъ приблизительно около $^3/_4$ всего количества культурныхъ земель европейской Россіи. Останавливаясь затѣмъ на распредѣленіи земель по ихъ хозяйственной годности, г. Варзаръ показываетъ, что переживаемый нынѣ кризисъ обязанъ своимъ происхожденіемъ огромнымъ успѣхамъ парового транспорта, настолько удешевившаго перевозку сырыхъ земледѣльческихъ продуктовъ; что отдаленныя [земли высокаго естественнаго плодородія получили возможность поставлять свои болѣе дешевые продукты на міровой рынокъ. Подъ давленіемъ этихъ условій, послѣдовало паденіе цѣны на земледѣльческіе продукты, паденіе и уменьшеніе доходности старыхъ земель искусственнаго плодородія въ Европѣ, сокращеніе запашекъ и общій кризисъ. Какъ выходъ изъ тяжелаго положенія, г. Варзаръ рекомендуетъ мѣры 3-хъ родовъ: 1) Привлеченіе къ выдѣлыванію зерновыхъ продуктовъ земель съ наибольшимъ естественнымъ плодородіемъ, потому что на этихъ земляхъ, съ наименьшимъ количествомъ труда, можно получить наибольшее количество дешеваго хлѣба. 2) Соединеніе этихъ земель съ рынками сбыта наиболѣе дешевыми путями сообщенія, на основаніи послѣдняго слова современной транспортной техники и 3) увеличеніе производительности труда въ самомъ процессѣ производства, а также удешевленіе продукта, путемъ расширенія площади выгодныхъ запашекъ, потому что для уборки и обмолота современная техника даетъ весьма облегченные способы при помощи орудій и машинъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, содержаніе интересной работы г. Варзара, которая является цѣннымъ вкладомъ въ нашу экономическую литературу.

Библіографическій обзоръ изданій Центральнаго статистическаго комитета, вышедшихъ по 1-ое августа 1895 года.

Недавно изданная комитетомъ работа представляетъ большой интересъ. До настоящаго времени лица, занимавшіяся статистическими вопросами, встрѣчали массу трудностей, желая ознакомиться съ изданіями различныхъ статистическихъ учрежденій. Потребность въ библіографическомъ обзорѣ статистическихъ трудовъ чувствовалась на каждомъ шагу. Центральный статистическій комитетъ взялъ на себя иниціативу въ составленіи библіографическихъ обзоровъ всѣхъ статистическихъ изданій. Въ вышедшей работѣ представленъ обзоръ изда-

Digitized by Google

ній самого комитета, который обѣщаетъ, однако, впослѣдствіи охватить статистическія изданія другихъ вѣдомствъ, учрежденій и даже частныхъ лицъ. Работа, изданная уже комитетомъ, составлена В. В. Степановымъ, который, не ограничившись простымъ перечнемъ изданій комитета, снабдилъ заглавіе каждой работы краткимъ изложеніемъ ея содержанія, съ указаніемъ цѣлей и поводовъ, вызвавшихъ выполненіе работы. Библіографическому обзору предпосланъ историческій очеркъ организаціи статистики при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; въ концѣ же работы приводится предметный указатель. Библіографическій обзоръ разбитъ на 11 отдѣловъ: 1) сборники и другія подобныя имъ изданія смѣшаннаго характера; 2) территорія, административное дѣленіе, населенныя мѣста и управленіе; 3) населеніе; 4) народное образованіе и религія; 5) землевладѣніе, земледѣліе и народное продовольствіе; 6) скотоводство; 7) промышленность, торговля и кредитъ; 8) пути сообщенія; 9) финансы; 10) пожары и страхованіе и 11) прочія изданія комитета и труды международныхъ конгрессовъ. Такая классификація изданій комитета представляется вполнѣ правильной, облегчая въ значительной мѣрѣ пользованіе указателемъ. Привѣтствуя появленіе перваго обзора, мы надѣемся, что это полезное дѣло не ограничится изданнымъ уже выпускомъ и что вскорѣ появится продолженіе работы. Правда, въ настоящее время Центральный статистическій комитетъ болѣе всего занятъ подготовкой переписи, но мы надѣемся, что не будутъ забыты и столь интересныя изданія, какимъ является разсматриваемый библіографическій обзоръ.

Э. Лависсъ и *А. Рамбо:* «Культура и цивилизація западной Европы въ эпоху крестовыхъ походовъ». Москва, 1895 года.

Желая удовлетворить потребностямъ современнаго культурнаго французскаго общества, фирма Армана Колена предприняла изданіе весьма полной всеобщей исторіи отъ IV вѣка до нашихъ дней, подъ редакціей извѣстныхъ ученыхъ: Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо. Этотъ громадный трудъ обниметъ цѣлую серію томовъ, причемъ отдѣльные вопросы будутъ изложены вполнѣ компетентными спеціалистами. Въ русскомъ переводѣ вышла часть одного изъ трехъ томовъ, посвященныхъ среднимъ вѣкамъ; въ этомъ томѣ дается всесторонняя характеристика государственной и общественной жизни, культуры и цивилизаціи одного изъ интереснѣйшихъ историческихъ моментовъ, но изъ 16 главъ означеннаго тома русскій переводъ содержитъ въ себѣ лишь 5: а) феодальную систему, в) церковь и папскую власть, с) освобожденіе городовъ, д) торговлю и промышленность, и е) западно-европейскую цивилизацію въ XII и XIII вѣкахъ.

Работа, изданная въ русскомъ переводѣ, начинается съ эпохи образованія феодальной системы—съ конца XI вѣка,—и кончается XIII-мъ.

Digitized by Google

Въ концѣ каждой главы приводится богатая литература на разныхъ языкахъ, причемъ, кромѣ книгъ, перечислены и подлинные документы. Изъ выше перечисленныхъ главъ русскаго перевода видно, что онъ заключаетъ въ себѣ описаніе самыхъ типичныхъ формъ средневѣковой жизни, самыхъ выпуклыхъ и характерныхъ ея явленій. Переводъ сдѣланъ тщательно и снабженъ примѣчаніями русскаго переводчика.

Digitized by Google

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Высочайшія отмѣтки на «Краткомъ обзорѣ дѣятельности министерства земледѣлія».—Какія части «обзора» удостоились высочайшаго вниманія?—О чемъ главнымъ образомъ должно заботиться наше министерство земледѣлія?—Программа вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ.—Практическіе результаты съѣзда.—Государственная роспись на 1896 годъ.—Экономическіе идеалы С. Ю. Витте.—Высочайшій указъ о присоединеніи тюремнаго управленія къ составу министерства юстиціи.—Сложность задачъ министерства внутреннихъ дѣлъ.—Безпорядки въ нашихъ тюрьмахъ.—Ходатайство императорскаго Вольнаго экономическаго общества объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для крестьянскаго населенія.—Въ чемъ заключаются основные мотивы этого ходатайства? — Двадцатипятилѣтіе профессорской дѣятельности А. И. Чупрова.

Государь Императоръ имѣлъ уже случай прямо высказать свой взглядъ на необходимость распространенія у насъ народнаго просвѣщенія вообще. Какъ извѣстно, его императорскому величеству угодно было сдѣлать нѣсколько отмѣтокъ на всеподданнѣйшихъ докладахъ нѣкоторыхъ губернаторовъ, которыя несомнѣнно указываютъ на важную роль просвѣщенія въ жизни народа.

Кромѣ того, явился вскорѣ и другой поводъ — высказать мысли государя о желательности распространенія спеціальнаго сельскохозяйственнаго образованія.

Въ концѣ прошлаго года, министръ земледѣлія и государственныхъ имуществъ имѣлъ счастіе повергнуть на благовоззрѣніе его императорскаго величества «Краткій обзоръ дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ за первый годъ его существованія», на страницахъ котораго государю императору и благоугодно было начертать собственноручныя отмѣтки. Распубликованіе во всеобщее свѣдѣніе этихъ отмѣтокъ, которыя должны послужить основаніемъ для дальнѣйшей дѣятельности министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ, имѣютъ несомнѣнно огромный интересъ и высокое значеніе. Общій духъ высочайшихъ отмѣтокъ не оставляетъ сомнѣнія, что преуспѣяніе сельско-хозяйственной промышленности составляетъ предметъ постоянныхъ и неустанныхъ заботъ нашего государя. Такъ, нашему монарху угодно было вполнѣ подтвердить ту мысль «Обзора», что ***первенствующее значеніе въ дѣлѣ улучшенія сельскаго хозяйства должно принадлежать мѣстной иниціативѣ***, по отношенію къ которой правительству надлежитъ играть роль ***могущественнаго покровителя***, заступника и объединителя разрозненныхъ дѣйствій отдѣльныхъ учрежде-

Digitized by Google

ній и лицъ. Затѣмъ, особаго высочайшаго вниманія удостоилось то положеніе «Обзора», что *казенныя земли должны быть использованы въ цѣляхъ разселенія скученнаго крестьянскаго населенія* и огражденія его отъ вынужденнаго переселенія. Далѣе, государю угодно было признать *полный недостатокъ среднихъ сельско-хозяйственныхъ училищъ*, о которыхъ говорится на 33 стр. «обзора», а увеличеніе въ теченіе года числа низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, подвѣдомственныхъ министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, съ 65 до 80, государь призналъ *«все таки недостаточнымъ»*. Далѣе, государь императоръ вполнѣ одобрительно отнесся къ дѣятельности министерства земледѣлія, направленной къ лучшему устройству оброчныхъ статей, къ устраненію нѣкоторыхъ условій, стѣснявшихъ ихъ заарендованіе крестьянами, и къ улучшенію экономическаго быта крестьянскаго населенія, путемъ расширенія крестьянскаго землепользованія насчетъ свободныхъ казенныхъ земель. Далѣе, такого же одобренія удостоилась и дѣятельность министерства, направленная къ устройству на земляхъ казенныхъ и частныхъ (съ согласія землевладѣльцевъ) ивовыхъ (шелюговыхъ) плантацій для подготовки посадочнаго матеріала, необходимаго въ будущемъ при работахъ по укрѣпленію сыпучихъ песковъ въ различныхъ губерніяхъ Россіи. Послѣ же словъ «обзора», что «въ отношеніи другихъ способовъ борьбы съ сыпучими песками министерствомъ выработанъ законопроэктъ, разсмотрѣнный уже въ сельско-хозяйственномъ совѣтѣ и имѣющій въ скоромъ времени быть представленнымъ на уваженіе государственнаго совѣта», государю угодно было прибавить: *«Нельзя медлить съ этимъ вопросомъ чрезвычайной важности»*. Всѣхъ высочайшихъ отмѣтокъ на страницахъ «Обзора дѣятельности министерства земледѣлія»—15, причемъ эти отмѣтки выдѣляютъ, какъ главнѣйшія, слѣдующія части министерской программы: 1) Распространеніе сельско-хозяйственнаго образованія, *въ особенности же—низшаго*, предназначеннаго для крестьянъ. 2) Поддержка и развитіе мѣстной иниціативы и самодѣятельности, которыя однѣ могутъ поднять хозяйство страны, при «могущественномъ покровительствѣ, заступничествѣ и объединеніи правительствомъ дѣятельности отдѣльныхъ учрежденій и лицъ». 3) Содѣйствіе крестьянскому хозяйству — сдачей въ аренду свободныхъ казенныхъ земель (законъ объ этомъ уже опубликованъ). 4) Осушеніе, орошеніе, лѣсоразведеніе, укрѣпленіе песковъ—на государственный счетъ, гдѣ по мѣстнымъ условіямъ имѣется въ томъ необходимость. 5) Увеличеніе разнообразія въ сельско-хозяйственныхъ культурахъ (вмѣсто исключительно зернового хозяйства); развитіе отраслей хозяйства (мяснаго и молочнаго скотоводства, маслодѣлія, сыроваренія и т. д.); распространеніе среди крестьянъ улучшенныхъ орудій, сѣмянъ и породъ скота.

Три первыя части программы касаются условій развитія хозяйства, насколько оно зависитъ отъ образованія народа, общественныхъ и экономическихъ условій. Два послѣднихъ отдѣла, подчеркнутыхъ высочайшими отмѣтками, относятся до техники хозяйства.

Широкое развитіе народнаго образованія выдѣлено, какъ главнѣйшее дѣло, съ первыхъ шаговъ новаго царствованія. Необходи-

Digitized by Google

мость быстраго увеличенія числа сельско-хозяйственныхъ школъ вытекаетъ сама собой изъ основнаго взгляда на значеніе образованія. Сельское хозяйство — основа нашего благосостоянія. Сельскохозяйственный прогрессъ невозможенъ безъ знаній. Министерство обязано сосредоточить всѣ свои силы на развитіи школъ; никакіе расходы на это главнѣйшее дѣло министерства не будутъ велики... Чтобы создавать школы и поддерживать ихъ, больше чѣмъ деньги— нужны люди. Только при участіи мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, связанныхъ духовно и матеріально съ населеніемъ, имѣющихъ авторитетъ, школа получитъ должное значеніе и силу. Эта именно необходимость общественной самодѣятельности и мѣстной иниціативы для поднятія хозяйства страны указана въ министерскомъ обзорѣ и высочайше отмѣчена. Школа воспитаетъ вооруженное знаніями поколѣніе, болѣе сильное, культурное, умѣющее производить больше сельско-хозяйственныхъ цѣнностей и лучшаго качества, но зато и болѣе требовательное къ обстановкѣ и условіямъ жизни. Считаться съ этимъ и подготовлять почву для дѣятельности этого, получившаго образованіе, крестьянства—надо теперь же.

10-го декабря 1895 года, съ большой торжественностью, состоялось открытіе 6-го всероссійскаго съѣзда сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ. На съѣздѣ прежде всего была прочитана телеграмма министра земледѣлія А. С. Ермолова, выражавшаго искреннее желаніе успѣха трудамъ съѣзда. Цѣль съѣзда министръ земледѣлія видитъ «*въ единеніи* и *обмѣнѣ мыслей* сельскихъ хозяевъ на почвѣ ихъ практической дѣятельности и знанія, долженствующихъ *укрѣпить ихъ силы и намѣтить вѣрные пути къ широкому, въ будущемъ, развитію и процвѣтанію нашего земледѣлія*». Затѣмъ, московскій губернскій предводитель дворянства, князь П. Н. Трубецкой, привѣтствуя съѣздъ отъ имени дворянства, указалъ на высокое значеніе земледѣлія, какъ основы благосостоянія нашего народа и залога его будущаго экономическаго процвѣтанія. «Не будетъ, поэтому, преувеличеніемъ,—говорилъ П. Н. Трубецкой,—если мы скажемъ, что каждый русскій, посвящающій свои труды и познанія земледѣлію, служитъ настоящую службу государству, дѣлаетъ общеполезное, общерусское дѣло». Далѣе, московскій губернскій предводитель дворянства, ссылаясь на тяжелый сельско-хозяйственный кризисъ, указалъ, что общество и правительство ждутъ отъ съѣзда опредѣленія наилучшихъ средствъ для борьбы съ кризисомъ и указанія вѣрныхъ путей для разрѣшенія этой трудной задачи.

Послѣ этого оратора, обширная рѣчь была произнесена княземъ А. Г. Щербатовымъ, опредѣлившимъ значеніе сельскаго хозяйства въ ряду другихъ отраслей промышленности, выяснившимъ причины переживаемаго кризиса и намѣтившимъ общія мѣры для его устраненія. По мнѣнію кн. Щербатова, выходъ изъ теперешняго тяжелаго положенія сельскаго хозяйства и обезпеченіе послѣдняго отъ будущихъ невзгодъ могутъ быть достигнуты слѣдующими мѣропріятіями. Во-первыхъ, слѣдуетъ упорядочить торговлю, улучшить условія сбыта и передвиженія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ; во-вторыхъ, слѣдуетъ возбудить въ сельскихъ хозяевахъ личную предпріимчи-

Digitized by Google

вость и общность дѣйствій; и, въ 3-хъ, необходимо, чтобы сельскохозяйственная наука имѣла въ виду примѣненіе къ практикѣ научныхъ теорій. Слѣдующая рѣчь была сказана И. А. Стебутомъ: «О пользѣ и значеніи всероссійскихъ съѣздовъ сельскихъ хозяевъ». Затѣмъ слѣдовала рѣчь профессора А. И. Чупрова: «О причинахъ сельско-хозяйственнаго кризиса». Первое засѣданіе закончилось изложеніемъ подготовительныхъ работъ по съѣзду и избраніемъ товарищей предсѣдателя съѣзда и секретаря.

Въ программу вопросовъ, подлежавшихъ обсужденію на всероссійскомъ съѣздѣ сельскихъ хозяевъ въ Москвѣ, вошли вопросы троякаго рода: I. *Вопросы общіе и вопросы сельско-хозяйственнаго образованія*: 1) Какова должна быть постановка высшаго, средняго и низшаго сельско-хозяйственнаго образованія для наилучшаго удовлетворенія потребностямъ русскаго сельскаго хозяйства? 2) объ организаціи сельско-хозяйственныхъ станцій и полей, соотвѣтственно мѣстнымъ условіямъ и потребностямъ хозяйства. 3) О значеніи сельско-хозяйственныхъ обществъ въ дѣлѣ развитія сельско-хозяйственной промышленности въ Россіи. II. *Вопросы сельско-хозяйственной экономіи и статистики*. 1) Какими мѣрами, при современномъ положеніи рынковъ, можно содѣйствовать поднятію доходности хозяйствъ? 2) О существующихъ условіяхъ сбыта мяснаго скота на внутреннихъ и заграничныхъ рынкахъ, и о мѣрахъ къ улучшенію этихъ условій. 3) О современномъ положеніи сбыта молочныхъ продуктовъ и мѣрахъ къ его развитію. 4) О современныхъ нуждахъ отечественнаго сельско-хозяйственнаго машиностроенія и о мѣрахъ къ его развитію. 5) О товариществахъ и союзахъ сельскихъ хозяевъ для сбыта продуктовъ, производимыхъ въ ихъ хозяйствахъ. 6) О мѣрахъ къ установленію правильныхъ отношеній между сельскими хозяевами и сельскими рабочими. III. *Вопросы техники сельскаго хозяйства*. 1) О способахъ массоваго улучшенія крупнаго рогатаго скота молочнаго, мяснаго и рабочаго. 2) О способахъ массоваго улучшенія отечественнаго рабочаго коневодства. 3) О способахъ улучшенія отечественнаго овцеводства, соотвѣтственно требованіямъ шерстяной фабричной промышленности и вывоза овецъ за границу. 4) О мѣрахъ къ развитію и улучшенію свиноводства. 5) О причинахъ неудовлетворительности современнаго состоянія садоводства и огородничества, какъ подсобныхъ отраслей сельскаго хозяйства, и о мѣрахъ къ улучшенію ихъ. 6) О способахъ обезпеченія водой и почвенной влагой мѣстностей, страдающихъ отъ засухи (орошеніе, обводненіе, облѣсеніе и закрѣпленіе овраговъ. обсадка полей, устройство колодцевъ, прудовъ и проч.). 7) Какое значеніе имѣютъ различныя искусственныя удобренія для русскаго хозяйства и какія мѣры могутъ содѣйствовать къ ихъ распространенію въ интересахъ русскаго сельскаго хозяйства?

Подводя общій итогъ всему, надъ чѣмъ работалъ съѣздъ и что онъ сдѣлалъ, приходится отмѣтить тотъ основной результатъ занятій съѣзда, что онъ поставилъ много вопросовъ для правительственныхъ сферъ, вѣдающихъ пользы и нужды сельскаго хозяйства, но, въ сущности говоря, не поставилъ и не разрѣшилъ ни одного вопроса, который былъ бы обращенъ непосредственно къ сельско-

Digitized by Google

хозяйственной средѣ и подлежалъ бы практическому разрѣшенію трудами и усиліями самихъ хозяевъ.

Изъ этого нельзя не сдѣлать того вывода, что занятія съѣзда были направлены односторонне. Съѣздъ какъ бы задался мыслью начертать общую программу для правительственныхъ органовъ, вѣдающихъ сельско-хозяйственную область. Что программа эта во многихъ частяхъ разработана серьезно и, во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ вниманія, съ этимъ, кажется, всѣ согласны, и это обстоятельство наводитъ на мысль, что министерству земледѣлія, къ которому по преимуществу обращаются резолюціи нынѣшняго съѣзда, было бы не безполезно привлечь въ составъ своего сельско-хозяйственнаго совѣта нѣсколькихъ уполномоченныхъ отъ съѣзда, по выбору послѣдняго. Затѣмъ, будущимъ сельско-хозяйственнымъ съѣздамъ остается всецѣло детальная разработка той программы, которая могла бы служить руководствомъ для самихъ хозяевъ въ ихъ практической дѣятельности, какъ единичной, такъ и въ особенности коллективной.

Въ общемъ, недавно закрытый съѣздъ русскихъ хозяевъ слѣдуетъ признать вполнѣ удавшимся, такъ какъ онъ далъ возможность представителямъ русскаго сельскаго хозяйства намѣтить свои наболѣвшія нужды. Основной потребностью русской сельско-хозяйственной промышленности, какъ это выяснилось на съѣздѣ, является желаніе поскорѣе избавиться отъ натуральной и денежной повинностей, которыя земледѣльцы выплачиваютъ въ пользу нашихъ промышленниковъ и торговцевъ, создающихъ себѣ, путемъ покровительства, колоссальные доходы.

Въ самомъ дѣлѣ, цѣна каждаго продукта, какъ земледѣлія, такъ и промышленности, есть оцѣнка того труда, который затратила нація для созданія этого продукта. Если цѣны на хлѣбъ понизились, то значитъ, что трудъ земледѣльца сталъ дешевле оплачиваться; если цѣны на фабричные товары поднялись, то значитъ трудъ (капиталъ) промышленника сталъ дороже оплачиваться. Создавая путемъ покровительства дорогую оплату труда, помѣщеннаго въ обрабатывающую промышленность, мы понижаемъ, соотвѣтственно, у промышленныхъ націй, работавшихъ на нашъ рынокъ, оплату ихъ труда, ради конкурренціи съ нашей покровительствуемой промышленностью; это пониженіе оплаты европейскаго труда заставляетъ насъ, ради послѣдовательности въ поддержаніи нашей промышленности, усиливать таможенныя ставки, доводя ихъ до того размѣра, когда онѣ пріобрѣтаютъ уже запретительный характеръ. Доводя такой политикой оплату европейскаго труда до minimum'a,—мы создаемъ на западѣ промышленный кризисъ и толкаемъ сосѣднія страны на установленіе натуральнаго хозяйства, т. е. мѣстнаго созданія продуктовъ первой необходимости. Но въ производствѣ этихъ продуктовъ мы сильнѣе, благодаря земельному богатству и возможности затрачивать нашъ національный трудъ на большую площадь. У Европы, въ свою очередь, является уже необходимость оградить себя пошлинами на хлѣбъ отъ нашей конкурренціи, и она создаетъ у себя не только высшую оплату своего земледѣльческаго труда, но еще создаетъ возможность, соотвѣтственно пошлинамъ, удешевить

Digitized by Google

нашъ трудъ, въ видѣ покупаемыхъ у насъ, въ дополненіе къ своему производству, продуктовъ земледѣлія. Въ результатѣ всего этого получаются безконечныя публикаціи банковъ о продажѣ земель съ аукціона.

Вслѣдствіе всего этого, всероссійскій съѣздъ сельскихъ хозяевъ, въ составѣ болѣе тысячи человѣкъ, не смотря на то, что собрался въ стѣнахъ промышленной Москвы, не подчинился ея вліянію и единодушно ходатайствовалъ о направленіи нашей экономической политики въ интересахъ земледѣлія. Всѣ пренія съѣзда были иллюстраціей того, что уже не долго возможно будетъ промышленникамъ безнаказанно рубить у дерева тотъ сукъ, на которомъ сидитъ русскій земледѣлецъ.

По принятому обычаю, въ концѣ 1895 года, г. министръ финансовъ представилъ государю императору государственную роспись на слѣдующій годъ.

По отдѣльнымъ статьямъ расхода и дохода, роспись на 1896 г. имѣетъ слѣдующій видъ. Изъ обыкновенныхъ доходовъ, исчисленныхъ въ 1.239.471,695 руб., на долю прямыхъ налоговъ приходится 104.535,765 руб., косвенныхъ налоговъ—539.461,800 руб., пошлинъ—65.274,922 руб., правительственныхъ регалій—76.021,211 руб., казенныхъ имуществъ и капиталовъ—294.085,647 руб., отчужденія государственныхъ имуществъ—821,704 руб., выкупныхъ платежей—89.000,000 руб., возмѣщенія расходовъ государственнаго казначейства—63.896,275 руб. и доходовъ разнаго рода—6.374,371 рублей. Къ чрезвычайнымъ рессурсамъ отнесены вклады въ государственный банкъ на вѣчное время, исчисленные въ 2.200,000 р., а къ этой суммѣ присоединено изъ свободной наличности государственнаго казначейства 119.876,299 руб., такъ что всего чрезвычайныхъ рессурсовъ ожидается 1.361.547,994 рубля.

Обыкновенные расходы, исчисленные въ 1.231.088,414 рублей, состоятъ изъ слѣдующихъ статей: платежи по государственному долгу, которыхъ ожидается на 269.228,063 руб., высшія государственныя учрежденія—2.434,087 руб., вѣдомство святѣйшаго Синода — 17.487,903 руб., министерство императорскаго двора — 12.964,653 руб., министерство иностранныхъ дѣлъ—4.963,280 руб., военное министерство—288.521,969 руб., морское министерство—57.966,000 руб., министерства: финансовъ—186.811,134 руб., земледѣлія и государственныхъ имуществъ—32.180,197 руб., внутреннихъ дѣлъ—90.024,643 руб., народнаго просвѣщенія—24.863,061 р., путей сообщенія—196.411,583 руб., юстиціи—28.009,858 руб., государственный контроль—5.956,395 руб. и главное управленіе государственнаго коннозаводства—1.535,588 руб.

Такимъ образомъ, обыкновенные доходы превысили обыкновенные расходы на 8.383,281 руб.

Чрезвычайными расходами, исчисленными въ 130.459,580 руб., являются ассигнованія: на сооруженіе сибирской желѣзной дороги (82.248,170 руб.), на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою сибирской желѣзной дороги (2.485,410 руб.), на сооруженіе другихъ желѣзныхъ дорогъ общаго значенія (35.726,000 руб.)

Digitized by Google

и на сооруженіе мѣстныхъ желѣзныхъ дорогъ удешевленнаго типа (10.000,000 рублей).

Вмѣстѣ съ государственной росписью на 1896 г. былъ представленъ, по обыкновенію, и всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ. Общество съ большимъ интересомъ ожидало опубликованіе этого доклада, видя въ немъ изложеніе тѣхъ началъ и воззрѣній, которыхъ держится министръ финансовъ въ своихъ дѣйствіяхъ и планахъ. «Изъ этихъ докладовъ общество,—справедливо замѣчаетъ одна газета,—знакомится не только съ программой и стремленіями министра финансовъ, но до извѣстной степени *знакомится съ нимъ самимъ, съ его міровоззрѣніемъ, съ тѣми симпатіями и антипатіями, радостями и огорченіями, надеждами и разочарованіями,* въ атмосферѣ которыхъ зарождаются и складываются *опредѣленные планы и мѣропріятія министра финансовъ.* И общество настолько привыкло къ этому, что всегда ждетъ найти что нибудь особенное въ каждомъ новомъ докладѣ министра финансовъ о росписи».

Послѣдній всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ очень интересенъ именно въ томъ отношеніи, что въ немъ много мѣста отведено экономическимъ взглядамъ, которыхъ держится С. Ю. Витте. Мы приведемъ главныя положенія доклада. Прежде всего докладъ объясняетъ значеніе «свободныхъ остатковъ казначейства», которые долго со многихъ сторонъ встрѣчали недовѣріе. Сначала ихъ совсѣмъ отвергали, объясняя ихъ происхожденіе бухгалтерскимъ искусствомъ и произвольной группировкой цифръ. Когда же удостовѣрились затѣмъ, что, кромѣ министерства финансовъ, государственный совѣтъ и государственный контроль зорко стоятъ на стражѣ финансовой правды и искренности, тогда недовѣріе отыскало себѣ новую почву: бюджетные избытки стали приписывать вліянію случайнаго стеченія обстоятельствъ, исключительныхъ по своей благопріятности. Но тутъ за достоинство нашего бюджета дѣйствительно вступилась особая случайность: нужно было произойти стеченію обстоятельствъ, исключительныхъ по своей неблагопріятности, чтобы показать всю *внутреннюю мощь и высокую жизнеспособность нашего государства.* Когда финансовыя силы нашей государственной росписи побѣдоносно прошли чрезъ жестокое испытаніе народнаго голода, потребовавшаго большихъ финансовыхъ жертвъ, когда эти жертвы принесены были безъ того, чтобы *страна сколько нибудь почувствовала ихъ тяжесть, когда народный голодъ оказался поводомъ къ обнаруженію не финансовой слабости, а мощи и выносливости финансовыхъ силъ страны,*—тогда, и только тогда, съ бюджетными избытками начали свыкаться, какъ съ фактомъ очевиднымъ, несомнѣннымъ, *стоящимъ на высотѣ, недосягаемой для какихъ бы то ни было заподозриваній.* Но, вслѣдъ за явными недоброжелателями, нашъ государственный бюджетъ встрѣтился съ ихъ тайными союзниками — политическими пессимистами. По ихъ мнѣнію, бюджетное благосостояніе наше не имѣетъ основы въ благосостояніи народномъ и не соотвѣтствуетъ экономическому положенію страны. Изъ того, что даже голодъ *не въ состояніи былъ пошатнуть достигнутое нами благопріятное фи-*

Digitized by Google

нансовое положеніе, выводилось заключеніе, что казна обогащается даже тогда, когда страна бѣднѣетъ. Съ этимъ мнѣніемъ также не можетъ согласиться докладъ, въ виду тѣхъ *несомнѣнныхъ финансовыхъ успѣховъ, которые отмѣчены очевидными признаками регулярности и полной прочности*. Такіе успѣхи никогда и нигдѣ еще не достигались при народномъ обѣдненіи. Финансовое искусство— не магія; еще никто не изобрѣлъ средства чудодѣйственно возбуждать и поддерживать финансовую мощь въ разрушающемся экономическомъ организмѣ. Прочные финансовые успѣхи могутъ проистекать лишь при наличности условій, благопріятныхъ и для народнаго благосостоянія. Это — правило, которое должны признать всѣ, независимо отъ личныхъ настроеній; оно выше всякаго пессимизма и всякаго оптимизма, выше недоброжелательной воркотни перваго и неумѣренныхъ увлеченій втораго. Еще въ прошлогоднемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ о государственной росписи были приведены многочисленныя данныя, свидѣтельствующія о чрезвычайныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ въ развитіи производительныхъ силъ страны за сравнительно непродолжительное время. Въ настоящемъ же докладѣ министръ финансовъ устанавливаетъ *несомнѣнный ростъ народнаго благосостоянія*. Такъ, въ прежнее время, существованіе цѣлыхъ зажиточныхъ селъ или даже лишь отдѣльныхъ зажиточныхъ крестьянскихъ дворовъ—отмѣчалось у насъ, какъ рѣдкое исключеніе. Въ настоящее же время, напротивъ, образованіе зажиточной части сельскаго населенія и *выдѣленіе ея изъ общей массы въ особую группу составляетъ повсемѣстное явленіе*. Самые мрачные пессимисты не отвергаютъ этого факта и лишь истолковываютъ его въ смыслѣ вторженія такъ называемаго капиталистическаго развитія и въ сельскую жизнь. *Но никакого иного распространенія благосостоянія, кромѣ происходящаго на почвѣ этого капиталистическаго развитія, экономическая жизнь еще нигдѣ не видѣла*. Успѣхи производства и накопленія богатствъ, по самому существу дѣла, всегда и вездѣ предшествуютъ успѣхамъ болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія между всѣми слоями населенія. На новые пути, открываемые для населенія общимъ улучшеніемъ экономическихъ условій, всегда выступаютъ сначала лишь наиболѣе предпріимчивыя хозяйственныя единицы, только люди смѣлаго почина, и только впослѣдствіи, когда эти пути становятся наѣзженными колеями, по нимъ начинаютъ двигаться робкія, инертныя народныя массы, достигая улучшенія своей жизненной обстановки медленнымъ, томительнымъ процессомъ освобожденія отъ стародавней рутины— этого наслѣдія многихъ и многихъ вѣковъ. *И если наша сельская жизнь начинаетъ двигаться по пути капиталистическаго развитія, то это доказываетъ только, что общее улучшеніе экономическихъ условій, благопріятствующее росту народнаго благосостоянія, получило явственное выраженіе свое и въ сельскомъ быту*.

Таковы экономическіе идеалы С. Ю. Витте, таковы его рѣшительные взгляды на экономическую будущность нашей страны.

Не мѣшаетъ, однако, замѣтить, что исключительно - капиталистическое развитіе имѣетъ свою оборотную, невыгодную для

Digitized by Google

народа сторону, и что правительству необходимо оберегать народную массу отъ эксплуатаціи капитализма (въ особенности еврейскаго).

Недавно опубликованъ именной высочайшій указъ правительствующему сенату о присоединеніи главнаго тюремнаго управленія къ составу министерства юстиціи. «Въ царственныхъ заботахъ о лучшемъ устроеніи всѣхъ отраслей государственнаго управленія,— говорится въ указѣ, — въ Бозѣ почившій дѣдъ нашъ императоръ Александръ Второй простеръ державное свое вниманіе и на тюремную часть, настоятельно нуждавшуюся въ усовершенствованіи. Для разработки и приведенія въ дѣйствіе необходимыхъ съ этою цѣлью мѣръ, въ 1879 году образовано было, по высочайшей волѣ, главное тюремное управленіе, въ которомъ сосредоточено завѣдываніе тюремнымъ дѣломъ гражданскаго вѣдомства и пересылкою арестантовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, учрежденіе сіе введено въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе того, что тюремная часть находилась уже въ вѣдѣніи этого министерства. Трудами преобразованнаго центральнаго управленія этою частью внесенъ въ нее рядъ улучшеній, способствовавшихъ упорядоченію различныхъ ея сторонъ. Но и засимъ предпринятое преобразованіе не можетъ почитаться завершеннымъ. Существующія условія содержанія заключенныхъ требуютъ во многомъ измѣненія, въ связи съ производимымъ нынѣ общимъ пересмотромъ уголовныхъ законовъ, *дабы лишеніе свободы во всѣхъ его видахъ успѣшнѣе достигало поставляемыхъ ему задачъ* — огражденія общества отъ порочныхъ и опасныхъ членовъ и нравственнаго исправленія преступниковъ. Для надлежащаго, съ этою цѣлью, сближенія тюремнаго дѣла, въ его законодательной постановкѣ и практическомъ осуществленіи, съ важнѣйшими интересами уголовнаго правосудія представляется благовременнымъ объединить завѣдываніе мѣстами заключенія съ управленіемъ судебнымъ. Посему, а также *въ виду крайней обширности и многообразія предметовъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ*, признавъ за благо *освободить это министерство отъ управленія тюремною частью* и ввѣрить попеченіе о ней министру юстиціи, какъ главѣ судебнаго вѣдомства, повелѣваемъ: I. Главное тюремное управленіе присоединить къ составу министерства юстиціи, подчинивъ это управленіе и начальника онаго, по всѣмъ предметамъ ихъ вѣдѣнія, министру юстиціи. II. Всѣ права и обязанности по частямъ: тюремной гражданскаго вѣдомства и арестантской пересыльной, присвоенныя министру внутреннихъ дѣлъ и совѣту сего министра, возложить на министра юстиціи вмѣстѣ съ званіемъ президента Общества попечительнаго о тюрьмахъ. III. Мѣстное завѣдываніе тюремною частью и пересылкою арестантовъ сохранить временно, впредь до пересмотра относящихся до этого предмета узаконеній, на основаніяхъ, опредѣленныхъ сими узаконеніями. IV. Министру юстиціи безотлагательно войти въ соображеніе тѣхъ измѣненій въ дѣйствующихъ законахъ о тюремной части гражданскаго вѣдомства и арестантской пересыльной части, которыя вызываются сосредоченіемъ главнаго завѣдыванія ими въ министерствѣ юстиціи, и предположенія свои

Digitized by Google

по этому предмету представить на утвержденіе наше въ установленномъ порядкѣ».

Только что приведенный указъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ первый и рѣшительный шагъ по пути правильнаго распредѣленія государственныхъ задачъ между нашими вѣдомствами. И, въ самомъ дѣлѣ, въ составѣ министерства внутреннихъ дѣлъ нетрудно замѣтить большое разнообразіе предметовъ вѣдомства, слишкомъ усложняющее задачи министерства. Такъ, останавливаясь хотя бы на простомъ перечисленіи предметовъ вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, мы укажемъ на то, что едва ли удобно совмѣщеніе въ одномъ вѣдомствѣ столь различныхъ предметовъ, какъ статистика и полиція, печать и тюрьма, почта и телеграфъ, эпизоотія и пр. Крайняя обширность и многообразіе предметовъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ отмѣчены и въ высочайшемъ указѣ, что̀ даетъ основаніе надѣяться на выдѣленіе изъ состава указаннаго вѣдомства и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ. Такъ, въ обществѣ и печати циркулируетъ слухъ о передачѣ ветеринарной части въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Все это рѣшительно указываетъ на желаніе министерства внутреннихъ дѣлъ сосредоточить свои силы для той работы, которая всего ближе относится къ естественному кругу его вѣдомства. Работы этой слишкомъ много, чтобы имѣть желаніе отвлекаться отъ нея въ пользу такихъ спеціальныхъ частей управленія, какъ тюрьма, печать или статистика, принадлежащія къ естественному кругу другихъ вѣдомствъ.

Сложность задачъ министерства внутреннихъ дѣлъ, можетъ быть, и была причиной, что ветеринарная часть у насъ такъ и осталась чѣмъ-то прибавочнымъ къ полицейскому вѣдомству, не сложившись въ административный органъ сельско-хозяйственнаго значенія, настоятельная необходимость къ которомъ не можетъ не чувствоваться въ странѣ, гдѣ громадное большинство населенія живетъ сельскохозяйственною промышленностью. Между тѣмъ, въ виду пріуроченія ветеринарной части къ министерству внутреннихъ дѣлъ, при сформированіи министерства земледѣлія, въ составѣ послѣдняго оказался существенный пробѣлъ, и хотя въ сельско-хозяйственномъ департаментѣ министерства земледѣлія отведено извѣстное мѣсто животноводству, но *безъ ветеринаріи*. Чрезвычайное разростаніе вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ не могло не отразиться вредно и на другихъ его областяхъ. Точно также несовсѣмъ нормальны были условія тюремнаго управленія и не рѣдки возмутительные случаи, имѣвшіе мѣсто въ стѣнахъ нашихъ тюремъ и краснорѣчиво указывавшіе на необходимость рѣшительныхъ мѣръ къ ихъ устраненію. Такъ, приведемъ для примѣра два случая.

Въ Ростовѣ не такъ давно разсматривалось дѣло, которое, начавшись, какъ всегда у насъ водится, изъ-за пустяковъ, только благодаря счастливой случайности, всплыло на свѣтъ божій. У какой-то арестантки, находившейся въ ростовской тюрьмѣ, украли 2—3 рубля. Баба пожаловалась, и тюремные надзиратели очень близко приняли къ сердцу это событіе. Заподозривъ въ кражѣ трехъ арестантокъ, надзиратели Нартовъ и Петровскій заперли ихъ въ отдѣльную камеру, раздѣли до-нага, производя обыскъ даже въ

Digitized by Google

скрытыхъ частяхъ тѣла,—какъ говорится въ обвинительномъ актѣ,—и колотили, колотили, колотили... Одна изъ пострадавшихъ, Воронцова, не выдержала пытки и черезъ нѣсколько дней умерла, по опредѣленію тюремнаго же врача, г. Красса, отъ воспаленія мозга. Всѣ арестанты были страшно подавлены этою исторіей и ожидали разслѣдованія, но дѣло рѣшено было предать забвенію. Стоитъ толковать о какой-то арестанткѣ? Только три недѣли спустя, и то на мужской половинѣ, осмѣлились арестанты заявить товарищу прокурора о случившемся. Какъ и арестанткамъ, имъ пригрозили наказаніемъ за «болтовню», но они все таки рѣшились. Началось слѣдствіе. Нужно было выкопать трупъ Воронцовой, но... трупъ исчезъ... Представителю обвинительной власти пришлось выкопать нѣсколько десятковъ труповъ, предъявляя каждый въ тюрьму для установленія тожественности, прежде чѣмъ нашелся трупъ Воронцовой. Правда восторжествовала, благодаря энергіи и настойчивости прокурорскаго надзора, и трупъ пострадавшей былъ найденъ. Не взирая на различныя измѣненія, происшедшія отъ гніенія, арестанты и арестантки единогласно признали свою товарку; а врачи, дѣлавшіе вскрытіе, рѣшили, что *смерть Воронцовой произошла отъ тяжкихъ побоевъ*. Тюремные надзиратели и врачъ, г. Крассъ, преданы суду. Первые—за истязанія, второй—за попустительство и за преступленіе по должности, выразившееся въ небрежности. Ту же безотрадную картину тюремныхъ порядковъ, или, лучше сказать, безпорядковъ, рисуетъ передъ нами дѣло о смертномъ избіеніи арестантовъ тюремнымъ смотрителемъ, разсмотрѣнное, въ выѣздной сессіи казанской судебной палаты, въ гор. Перми. Дѣло это заключалось въ слѣдующемъ. Въ концѣ прошлаго года, въ стѣнахъ тюремнаго замка гор. Кунгура, пермской губ., разыгралась кровавая, потрясающая своею дикостью и звѣрствомъ, исторія. Въ этой тюрьмѣ содержался тяжкій преступникъ, бѣжавшій съ каторги, осужденный на вѣчную работу, арестантъ Жилинъ (онъ же Молчановъ), который задумалъ бѣжать и отсюда. Доставъ неизвѣстными путями пилку и ножъ, Жилинъ подговорилъ къ участію въ побѣгѣ своего сосѣда по камерѣ, арестанта Бурцева, и хотѣлъ склонить къ тому же еще третьяго арестанта Сухоева; послѣдній, яко бы согласившись, на самомъ дѣлѣ предпочелъ донести о замышляемомъ побѣгѣ тюремному начальству. Въ камерахъ былъ устроенъ усиленный надзоръ, и когда Бурцевъ и Жилинъ спустились изъ окна жилинской камеры, то были задержаны карауломъ. Поднялась тревога. Неудачниковъ-бѣглецовъ отвели въ камеру. Пришелъ смотритель тюрьмы, канцелярскій служитель Левицкій.—Гдѣ пилка? Давай пилку!—громовымъ голосомъ обратился смотритель къ бѣглому каторжнику.—Не знаю... Нѣтъ у меня никакой пилки!—довольно грубо отрѣзалъ тотъ. Левицкій отвѣсилъ ему нѣсколько полновѣсныхъ ударовъ по лицу. Жилинъ молча сноситъ ихъ... Солдаты, въ свою очередь, прибавили. Арестанты и тутъ не протестовали. Но это была только прелюдія. Левицкій былъ страшно пьянъ. Выдя въ коридоръ, онъ снялъ пальто, сѣлъ въ одной рубахѣ на табуретъ и приказалъ караульнымъ солдатамъ привести сюда обоихъ бѣглецовъ. Привели.—Бей!—свирѣпо крикнулъ смотритель караульнымъ.—Ружьемъ бей!—И началась въ буквальномъ смыслѣ бойня...

Digitized by Google

На несчастныхъ арестантовъ, и главнымъ образомъ на Жилина, посыпался градъ страшныхъ ударовъ ружейными прикладами, руками, смотрительскими каблуками... Жилинъ свалился и съ глухими стонами сталъ молить о пощадѣ. Левицкій свирѣпѣлъ, продолжая кричать:—Бей на мою голову! Я самъ буду отвѣчать. Бей!!.— Жилина отвели въ карцеръ, опять тамъ били, опять вывели въ коридоръ и снова били... Но уже некого было бить: каторжникъ, обливаясь кровью, валялся въ глубокомъ обморокѣ... Его швырнули въ карцеръ, и только черезъ два дня Левицкій распорядился отправить его въ больницу. Недолго пробылъ Жилинъ въ больницѣ, и доктора ничѣмъ уже не могли ему помочь; черезъ двѣ недѣли истерзанный каторжникъ умеръ отъ гнойнаго воспаленія легкихъ, куда вонзились осколки отъ нѣсколькихъ—не то что поломанныхъ, но *просто искрошенныхъ реберъ*... Любопытно отмѣтить, что канцелярскій служитель Левицкій прослужилъ въ должности кунгурскаго тюремнаго смотрителя цѣлыхъ 5 лѣтъ до настоящей катастрофы, и до того служилъ урядникомъ тоже 5 лѣтъ.

Высочайшій указъ 13 декабря, видя задачу уголовнаго наказанія «въ огражденіи общества отъ порочныхъ и опасныхъ членовъ и въ нравственномъ исправленіи преступниковъ», передаетъ этихъ порочныхъ людей министерству юстиціи, какъ вѣдомству, близко стоящему къ дѣлу правосудія. Министерству же юстиціи, какъ намъ думается, слѣдуетъ прежде всего озаботиться объ улучшеніи персонала завѣдывающихъ тюрьмами, такъ какъ систематическій рецидивъ, прогрессивность въ преступности служатъ прекраснымъ указаніемъ, что въ тюрьмахъ главнѣйшее значеніе должно придаваться *нравственному исправленію преступниковъ*, дѣйствительно обезпечивающему безопасность общества. Огражденіе общественной безопасности далеко не достигается даже самыми высокими стѣнами, крѣпкими замками и бдительными стражниками тюремъ, такъ какъ преступники, озлобленные несправедливостью, грубостью тюремной администраціи, возвращаются въ общественную среду еще болѣе порочными, чѣмъ были до вступленія въ тюрьму.

Законность и *человѣчность*, вполнѣ свойственныя образованнымъ юристамъ, которыми въ изобиліи располагаетъ министерство юстиціи, должны служить порукою успѣшнаго разрѣшенія указанной задачи—ограждать общество отъ порочныхъ и опасныхъ членовъ. Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на ослабѣвающую все болѣе и болѣе,—со времени послѣдняго «преобразованія»,—дѣятельность «Попечительнаго о тюрьмахъ общества», историческая заслуга котораго была оцѣнена нашимъ журналомъ, въ статьѣ А. Н. Котельникова: «Общественный починъ въ тюремномъ дѣлѣ» («Наблюдатель» 1895 г., № 11). Этому «обществу» нужно было бы дать новую, лучшую организацію, которая привлекла бы къ нему людей, ищущихъ полезной и безкорыстной дѣятельности, а не числящихся только номинально въ рядахъ филантропической рати, въ чаяніи получить ни за что, про что такъ называемую «почетную награду». При этой новой организаціи, справедливо было бы возвратить «Попечительному о тюрьмахъ обществу» и право *надзора за тюремнымъ бытомъ*, отнятое у него съ учрежденіемъ главнаго тюремнаго

Digitized by Google

управленія. Это право надзора (т. е. безплатной инспекціи) устраняло изъ тюремъ добрую половину тѣхъ возмутительныхъ случаевъ самоуправства, которые приведены нами выше.

Императорское Вольное экономическое общество, въ общемъ собраніи, происходившемъ 28 сентября 1895 года, признавая отмѣну тѣлеснаго наказанія безусловно необходимою въ интересахъ сельскаго быта и экономическаго развитія страны, единогласно постановило: ходатайствовать объ освобожденіи всего крестьянскаго сословія отъ этого наказанія и подробно мотивировать свое ходатайство. Разработка этого ходатайства была поручена особой комисіи въ составѣ К. К. Арсеньева, В. И. Семевскаго и Н. Ф. Анненскаго.

Въ засѣданіи общества, 29 декабря, В. И. Семевскимъ былъ прочитанъ проэктъ ходатайства. Вотъ краткое содержаніе прекрасно составленной записки.

Вольное экономическое Общество, принимая дѣятельное участіе въ подготовкѣ паденія крѣпостнаго права, усердно доказывая въ теченіе всего своего существованія мысль о вредѣ крѣпостнаго права для развитія земледѣлія въ Россіи, остается вѣрнымъ своимъ преданіямъ и не можетъ сочувствовать сохраненію того позорнаго остатка крѣпостнаго права, какимъ является тѣлесное наказаніе, не можетъ не находить его вреднымъ для земледѣльцевъ въ экономическомъ, умственномъ, нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ. Подобно тому, какъ борьба общества съ крѣпостнымъ правомъ велась подъ высочайшимъ покровительствомъ и при матеріальномъ содѣйствіи императрицы Екатерины II и императора Александра I, дѣятельность его по народному образованію удостоилась высочайшаго одобренія въ рескриптѣ императора Александра III по случаю столѣтія общества. Все это, по убѣжденію комисіи, даетъ право обществу быть увѣреннымъ, что, и ходатайствуя объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, оно не выходитъ изъ предначертанныхъ ему уставомъ задачъ, и что его голосъ по этому важнѣйшему вопросу современной народной жизни не будетъ оставленъ безъ вниманія.

Далѣе, въ запискѣ излагаются мѣры смягченія и ограниченія тѣлесныхъ наказаній, опровергаются различные доводы защитниковъ тѣлесныхъ наказаній, указывается, когда и кто высказывался за отмѣну тѣлесныхъ наказаній и, наконецъ, подробно мотивируется, что тѣлесныя наказанія являются тормозомъ всякихъ агрономическихъ улучшеній. Записка приводитъ тотъ фактъ, что, при уничтоженіи крѣпостнаго права, редакціонныя комисіи, вырабатывая проэктъ общаго положенія о бывшихъ помѣщичьихъ крестьянахъ, большинствомъ всего одного голоса рѣшились предоставить волостному суду право присуждать виновныхъ къ наказанію розгами. Великій князь Константинъ Николаевичъ, оставившій по себѣ незабвенную память своей дѣятельностью по освобожденію крестьянъ, былъ противъ сохраненія тѣлеснаго наказанія. Впослѣдствіи правительство, въ цѣломъ рядѣ новыхъ распоряженій, смягчило формы тѣлеснаго наказанія; многія лица крестьянскаго сословія изъяты отъ этого наказанія, а также мѣщане и солдаты. Изъ работъ особой комисіи въ семидесятыхъ годахъ видно, что розги и въ наказаніи крестьянъ

*

Digitized by Google

преобладаютъ только при взысканіи податей. Мѣщанинъ, солдатъ и другіе представители не крестьянскихъ сословій ни за какіе проступки не могутъ быть наказаны розгами, тогда какъ крестьяне подвергаются розгамъ, вслѣдствіе своей податной неисправности, по причинѣ плохаго урожая или падежа и пожаровъ... Дурная система финансовыхъ сборовъ не можетъ служить оправданіемъ тѣлесныхъ наказаній,—говорится въ запискѣ,—какъ и невѣжество крестьянъ. Ихъ нужно просвѣщать.

Наше правительство никогда не видѣло необходимости въ розгахъ. Закономъ 12 іюля 1889 года оно пыталось ограничить дѣйствующее положеніе о розгахъ, но земскіе начальники въ большинствѣ случаевъ далеко не всегда дѣйствовали по духу ограничительнаго закона. Указавъ на тлетворное вліяніе розогъ въ интеллектуальномъ отношеніи, комисія, ссылаясь на мнѣнія компетентныхъ лицъ, требуетъ отмѣны тѣлеснаго наказанія для земледѣльцевъ и въ видахъ охраненія ихъ здоровья. Государство нуждается въ здоровыхъ членахъ; сельское хозяйство—въ здоровыхъ работникахъ. Только умственно, нравственно и физически здоровый человѣкъ можетъ свободно развиваться, усвоивать техническія улучшенія въ области сельскаго хозяйства. При существованіи тѣлеснаго наказанія, и самое просвѣщеніе народа не можетъ достигать цѣли. Просвѣщать безправнаго человѣка—это значитъ повторять нелѣпыя затѣи тѣхъ старыхъ крѣпостниковъ, которые помѣщали своихъ крѣпостныхъ даже въ заграничные университеты, а затѣмъ били ихъ по щекамъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи записки приводятся всѣ излюбленныя доказательства защитниковъ розогъ съ ихъ оцѣнкой, и, въ заключеніе мотивировки, ходатайство сводится къ слѣдующему: принимая во вниманіе, что тѣлесныя наказанія несправедливы, такъ какъ противорѣчатъ *принципу равенства наказаній для всѣхъ сословій*, что они нецѣлесообразны, такъ какъ не исправляютъ преступника; принимая далѣе во вниманіе вредныя послѣдствія тѣлесныхъ наказаній и именно то, что они вредятъ здоровью наказываемыхъ, развращаютъ ихъ и вызываютъ грубость нравовъ, опасную и для всего общества, и для представителей власти; что они развращаютъ тѣхъ, кто можетъ ихъ примѣнять; принимая также во вниманіе, что народъ не предпочитаетъ розги другимъ наказаніямъ, что тѣлесное наказаніе вовсе невыгодно для народа, какъ завѣряютъ иные; что крестьянскія семьи предпочитаютъ арестъ ихъ членовъ тѣлесному наказанію; что исполненіе приговора объ арестѣ всегда можетъ быть отсрочено въ рабочую пору до болѣе глухаго времени; что дешевизна тѣлеснаго наказанія не имѣетъ значенія, такъ какъ не избавляетъ отъ необходимости имѣть арестантскія помѣщенія, и, главное, принимая во вниманіе, что тѣлесныя наказанія, понижая культурный уровень народа, вообще препятствуютъ усовершенствованію сельскаго хозяйства и экономическаго развитія страны; принимая, наконецъ, во вниманіе, что въ большинствѣ государствъ западной Европы они уничтожены даже и для тяжкихъ уголовныхъ преступниковъ,—императорское Вольное экономическое общество ходатайствуетъ о совершенной отмѣнѣ тѣлесныхъ наказа-

Digitized by Google

ній для крестьянъ, какъ по суду, такъ и по усмотрѣнію администраціи.

Докладъ былъ одобренъ продолжительными рукоплесканіями. Мы отъ души присоединяемся къ этому ходатайству Вольнаго экономическаго общества и желаемъ ему достигнуть своей цѣли.

Какъ ни просто рѣшеніе вопроса о томъ: «бить или не бить»?, однако, къ стыду русской печати и общества, есть у насъ и ревностные заступники розги. Эти господа стараются свести вопросъ о сѣченіи на почву отеческихъ отношеній къ крестьянамъ. Между тѣмъ, въ нашемъ законодательствѣ существуетъ надлежащая оцѣнка тѣлеснаго наказанія, которая считаетъ его не проявленіемъ отеческой заботливости объ исправленіи наказуемаго, а прямо *шельмованіемъ*, и притомъ однимъ изъ самыхъ постыдныхъ. Тѣлесное наказаніе примѣняется къ людямъ, лишеннымъ всякихъ гражданскихъ и почти человѣческихъ правъ, да и то лишь тогда, если, послѣ обвиненія за уголовное преступленіе, отбывающій наказаніе преступникъ совершитъ какое нибудь новое преступленіе или важный проступокъ. Такой же взглядъ на тѣлесное наказаніе, какъ на орудіе шельмованія, глубоко вкорененъ во всемъ образованномъ мірѣ, гдѣ высшею мѣрою оскорбленія считается нарушеніе тѣлесной неприкосновенности человѣка — даже однимъ угрожающимъ движеніемъ руки. Розга же, примѣненіе которой производится въ нарочито позорящей человѣка обстановкѣ, — это одинъ изъ самыхъ жестокихъ видовъ моральнаго истязанія людей, если только человѣкъ вышелъ изъ положенія рабочей скотины, доступной лишь ощущеніямъ физической боли и не податливой къ чувству стыда и оскорбленія. Съ этой точки зрѣнія, вопросъ о томъ: сѣчь или не сѣчь лицъ крестьянскаго званія?—представляется такимъ вопросомъ, самая возможность котораго составляетъ стыдъ и позоръ современной Россіи. «Подумайте:— говоритъ одна газета, — девять десятыхъ русскихъ гражданъ еще лишены основнаго гражданскаго и человѣческаго права—тѣлесной неприкосновенности! Да что же они, эти девять десятыхъ русскихъ гражданъ: дикари, быдло, чувствительное только къ ударамъ хлыста? Хороши граждане, хороша и страна, состоящая изъ такихъ гражданъ! Но вѣдь это же вздоръ и неправда: не дикари, не быдло толстокожее нашъ крестьянинъ. Онъ христіанинъ и гражданинъ, вполнѣ доступный голосу совѣсти, и, быть можетъ, не всегда уступитъ привилегированнымъ людямъ въ чувствительности къ позорному шельмованію. Но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, примѣняется къ нему мѣрка дикаря и толстокожей скотины? Что свидѣтельствуетъ собой остающаяся въ законѣ розга, какъ привилегія крестьянскаго званія наравнѣ съ каторжниками и острожниками, лишенными гражданскихъ правъ и изгнанными изъ общества? Не значитъ ли это, что лица крестьянскаго званія усиленно удерживаются на низшемъ уровнѣ нравственнаго развитія и правоваго сознанія; что имъ какъ бы внушается мысль о правѣ жить и дѣйствовать по образу звѣриному»?

Такимъ образомъ, возбужденный Вольнымъ экономическимъ обществомъ вопросъ о томъ: сѣчь или не сѣчь? и единогласное постановленіе ходатайствовать объ освобожденіи крестьянскаго на-

Digitized by Google

селенія отъ тѣлесныхъ наказаній отвѣчаетъ живѣйшей потребности всей здоровой и честной части русскаго общества, которая и скажетъ сердечное спасибо Вольному экономическому обществу за то, что оно явилось выразителемъ ея искреннѣйшаго желанія.

Минувшимъ лѣтомъ исполнилось двадцатипятилѣтіе научной дѣятельности почтеннаго профессора политической экономіи и статистики въ московскомъ университетѣ, *Александра Ивановича Чупрова*. Профессоръ не собирался справлять юбилея, тѣмъ не менѣе юбилей устроился самъ собою въ ноябрѣ мѣсяцѣ и привлекъ всѣ лучшія силы Москвы. Александръ Ивановичъ—безспорно, самое популярное лицо въ средѣ московской интеллигенціи, что объясняется особенными свойствами его натуры. Отзывчивый на все доброе, честное и живое, онъ охотно оказываетъ помощь всѣмъ обращающимся къ нему—дѣломъ, словомъ, деньгами... «Я не знаю,—говоритъ г. Амфитеатровъ,—жизни болѣе послѣдовательной, чѣмъ жизнь А. И. Чупрова, болѣе гармонической въ словѣ и въ дѣлѣ. Въ теоріи и въ практикѣ, на каѳедрѣ и въ живой прикладной дѣйствительности, въ газетной статьѣ и дома, въ книгѣ и на улицѣ—онъ всегда является усердною сестрою милосердія, добровольно трудящеюся при общественныхъ недугахъ. Ни одно искренне-благотворительное или просвѣтительное начинаніе, за послѣднія 25 лѣтъ московской жизни, не обошлось безъ непосредственнаго или косвеннаго участія Александра Ивановича». Особенно сильно и благотворно вліяніе Чупрова на учащуюся молодежь, у которой за истекшія 25 лѣтъ было много любимцевъ, но не было болѣе прочныхъ и вѣрныхъ симпатій, чѣмъ ея чувство къ А. И. Въ противоположность большинству современныхъ профессоровъ-чиновниковъ, лекціи Чупрова согрѣты любовью къ знанію и къ слушателямъ, которые привыкли уважать и любить своего дорогаго профессора за его слово, всегда строго взвѣшенное и научно обоснованное. Научность, безпристрастіе и честность взглядовъ Чупрова составляютъ его отличительную черту, и эти счастливыя особенности его натуры даютъ ему возможность вліять на общество и молодежь, будить ея мысль, такъ какъ Александръ Ивановичъ старается прививать не мертвую «науку для науки», но практическую программу жизни и дѣятельности на пользу цивилизаціи, родины и человѣчества.

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Наша «домашняя фонтанель», именуемая домашней прислугой.—Вопли обывателей и газетная литература по этому предмету.—Общая характеристика нашихъ «личардъ» и «локустъ».—Отсутствіе всякихъ гарантій при наймѣ прислуги и ея полнѣйшая безнаказанность.—Жалобныя письма хозяекъ.—Безвыходное положеніе нанимателей.—Дуга «крѣпостнаго права», перегнутая въ противоположную сторону.—Карикатура, переставшая быть карикатурой и стоящая даже ниже дѣйствительнаго безобразія.—Бродяжничество, возведенное на степень профессіи.

I.

Долго, очень долго «назрѣвалъ» у насъ вопросъ о домашней прислугѣ,—назрѣвалъ, какъ тяжелый нарывъ или скопленіе гноя подъ дѣйствіемъ фонтанели... Сначала на него не обращали должнаго вниманія, да и прислуга у насъ не сразу испортилась, а шла постепенно, этапами, къ своей полнѣйшей деморализаціи. Лѣтъ 10—15 тому назадъ, еще можно было найти и въ Петербургѣ, и въ провинціи, хоть сколько нибудь домовитую, трудолюбивую и приличную домашнюю прислугу, но это время—увы!—миновало безвозвратно, и на первомъ планѣ въ нашихъ совершенно беззащитныхъ квартирахъ фигурируетъ теперь такой сортъ челяди, которому наиболѣе подходящее мѣсто было бы — на скотномъ дворѣ, въ «черной харчевнѣ» или, пожалуй, и въ исправительной тюрьмѣ...

Digitized by Google

Тутъ только мы спохватились и заговорили, — заговорили горячо и, по временамъ, не безосновательно. Отвлекшись на минуту отъ безцѣльныхъ ежедневныхъ пережевываній второстепенныхъ и третьестепенныхъ вопросовъ внѣшней политики, наши газеты стали удѣлять нѣкоторую долю вниманія и этому наболѣвшему домашнему вопросу, и нашли, что онъ вовсе не такъ маловаженъ, какъ это казалось имъ сначала съ необыкновенно-возвышенной точки зрѣнія. Вспомнили слова Карлейля: «хорошая кухарка—основаніе домашняго очага»; стали цитировать и изреченіе Руссо: «гдѣ добрая кухня помѣщена во главѣ квартиры, тамъ тихое счастіе царитъ на всемъ ея пространствѣ». Столбцы газетъ, провинціальныхъ и столичныхъ, запестрѣли любопытными характеристиками нынѣшней прислуги, клонящимися далеко не къ ея похвалѣ, а также проэктами о томъ, какъ можно было бы водворить порядокъ и благоустройство въ деликатной области нашего домашняго быта. Если Руссо и увлекся нѣсколько, поставивъ достопочтенную «куфарку» во главу домашней жизни; то суть его мысли все таки не лишена основанія: какой же семейный очагъ возможенъ, если вашей кухней распоряжается грязное, грубое и невѣжественное созданіе, которое не только кормитъ васъ отвратительно, нагло воруя часть вашего заработка, но свободно открываетъ двери въ вашу квартиру разнымъ проходимцамъ и чуть-чуть не бѣглымъ каторжникамъ, подвергая васъ нерѣдко прямой физической опасности?

И вотъ, мало по малу, въ теченіе десяти лѣтъ, образовалась цѣлая литература по интересующему насъ вопросу, въ которую внесли обильные вклады: и «Новороссійскій Телеграфъ», и «Одесскій Листокъ», и «Югъ», и «Тифлисскій Вѣстникъ», и «Саратовскій Дневникъ», и «Астраханскій Листокъ», и «Виленскій Вѣстникъ», и «Бессарабскій Вѣстникъ». Къ хору провинціальныхъ голосовъ присоединился, наконецъ, и basso profundo столичной печати: «Московскія Вѣдомости», «Новое Время», «Новости», «Биржевыя Вѣдомости», «Петербургская Газета» и пр., и пр. Словомъ, въ дебатахъ о нашихъ неудобозабываемыхъ «личардахъ» и «локустахъ» приняли горячее участіе и сѣверъ, и югъ, и востокъ, и западъ нашего обширнаго отечества. Даже «Правительственный Вѣстникъ» не удержался отъ вмѣшательства въ распрю и, года три тому назадъ,

Digitized by Google

признавъ «много правды въ сѣтованіяхъ хозяевъ на прислугу», повернулъ медаль и другою стороною, указывая на то, что у насъ «положеніе домашней прислуги особенно печально въ силу полной ея безпомощности», такъ такъ мы не имѣемъ еще никакихъ обществъ покровительства и помощи домашней прислугѣ, которыя,—какъ напр., въ Даніи,—заботились бы о пріисканіи для нея мѣстъ, о доставленіи ей необходимаго отдыха, о призрѣніи неспособныхъ къ труду и, наконецъ, объ извѣстномъ поощреніи трудолюбивыхъ, честныхъ и бережливыхъ слугъ. По мнѣнію «Правительственнаго Вѣстника», основаніе подобныхъ обществъ—дѣло вовсе не особенно трудное и не требующее ни особенныхъ капиталовъ, ни какихъ либо мудреныхъ затѣй: добрая воля и участіе *сердечныхъ людей* могутъ совершить многое и съ небольшими средствами.

II.

Но «сердечность» вызывается сердечностью и участливость къ судьбѣ ближняго привлекается его трудолюбіемъ, добросовѣстностью и умѣлостью въ исполненіи принятыхъ имъ на себя обязанностей. О какой же сердечности въ отношеніяхъ между обѣими сторонами можетъ идти рѣчь, когда наниматели прислуги даютъ ей въ настоящее время все то, что̀ позволяютъ имъ средства, а съ ея стороны получаютъ—открытое, безцеремонное воровство, съ видомъ якобы «права», непозволительную грубость, грязную нечистоплотность, и не только неумѣнье, но и нежеланье исполнять какъ слѣдуетъ свою службу? Отношенія эти, благодаря полной безнаказанности прислуги и отсутствію всякихъ гарантій при ея выборѣ, такъ уже обострились въ послѣднее время, что въ нашихъ квартирахъ водворился, въ буквальномъ смыслѣ, враждебный намъ бродяжническій лагерь.

Большинство голосовъ, раздающихся по этому поводу и въ столицахъ, и въ провинціи, настроены въ самомъ пессимистическомъ тонѣ и, конечно, для этого имѣются весьма серьезныя основанія. «Къ числу *величайшихъ золъ*, присущихъ нашей столицѣ—говоритъ «Новое Время»—безспорно слѣдуетъ причислить петербургскую прислугу. Найти среди нея субъекта, знающаго свое дѣло и добросовѣстно относящагося къ нему,

Digitized by Google

болѣе чѣмъ трудно и таковые почитаются за рѣдкость. Обыкновенный же типъ нашей женской прислуги (о мужской мы пока умолчимъ) вырабатывается слѣдующимъ образомъ: пріѣдетъ изъ деревни баба, пристроится куда нибудь «одной прислугой», затѣмъ *въ теченіе года перемѣнитъ двадцать-тридцать мѣстъ*, причемъ нигдѣ, конечно, за это время ничему путному не научится, но зато деморализуется совершенно. Придя изъ деревни и нанимаясь въ услуженіе, она заявляетъ, что ничего не знаетъ и проситъ указать ей, что̀ и ка̀къ дѣлать, а черезъ годъ она на словахъ все знаетъ, смотря по тому, что̀ вамъ нужно, и требуетъ за это уже двойнаго жалованья. Нужна вамъ кухарка—она выдаетъ себя за таковую, она же сойдетъ за горничную и—что всего хуже — за «опытную няньку». И вы, не подозрѣвая, что она *никогда не ходила за дѣтьми*, смѣло довѣряете ей вашего ребенка».

Итакъ, полная случайность въ выборѣ прислуги, полная ея неподготовленность къ исполненію своихъ обязанностей—вотъ первая, правильно констатированная, болячка нашей домашней жизни. Для всякой профессіи у насъ есть свои цехи, наблюдающіе за дѣятельностью коллегъ; съ петровскихъ временъ существуютъ даже «кишечныхъ дѣлъ мастера», процвѣтаетъ «чернильное мастерство» и благоденствуетъ «гильзовое производство»; но ремесло кухарки—этой неизбѣжной домашней «локусты», доводящей наши желудки до убійственнаго катарра,—или профессія няни, которой вручается судьба подростающаго поколѣнія, не заслуживаютъ у насъ никакой регламентаціи и считаются «плевымъ дѣломъ», доступнымъ всякой обительницѣ пресловутой вяземской лавры!

«Если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія отвлеченной, философской—иронизируетъ по вопросу о домашней прислугѣ фельетонистъ «Юга»—то это такой же вздоръ, какъ и «жизнь» противъ «вѣчности», а вѣчность противъ «соленыхъ огурцовъ». Но если взглянуть на него безъ философскихъ очковъ, а простыми житейскими глазами, то тутъ получается цѣлая соціально-экономическая дилемма, передъ которою городской обыватель стоитъ уже столько десятковъ лѣтъ и никакъ ее разрѣшить не можетъ. Въ самомъ дѣлѣ, вы только подумайте о томъ важномъ значеніи и той выдающейся роли, которую играютъ въ нашей повседневной жизни кухарка, горничная, нянька!

Digitized by Google

Если судьбы народовъ зависятъ отъ состоянія желудковъ дипломатовъ, то миръ и спокойствіе въ семьѣ, здоровье, а нерѣдко и сама жизнь, зависятъ отъ горничной, отъ кухарки—и это вовсе не парадоксъ. Начнемъ съ экономіи. Кухарка воруетъ или, выражаясь мягче, «снимаетъ» съ денегъ, отпускаемыхъ хозяйкой на покупку провизіи, *добрыхъ 10 — 15%*, и это настолько уже вошло въ обычай, получило у насъ право гражданства, что даже не считается воровствомъ и его уже не скрываютъ; многія кухарки, поступая на мѣсто, такъ таки прямо и справляются, ходитъ ли сама барыня на базаръ, и если да, то въ этихъ случаяхъ запрашивается больше жалованья, а нѣкоторыя отказываются и поступать на службу. Это открытое, завѣдомое обкрадыванье хозяевъ извѣстно только у насъ въ Россіи—за границей оно не практикуется. Но что ужаснѣе всего въ этомъ обкрадываньѣ—это то, что оно совершается за счетъ качества продуктовъ, ибо кухарка, чтобы выгадать, напр., 10 коп. на говядинѣ, покупаетъ вмѣсто перваго сорта второй, и т. п. Далѣе возьмемъ домашнюю семейную жизнь: кухарка скверно готовитъ; обѣды не вкусные; супъ пересоленый, жаркое не дожарено или пережарено; горничная неряха, лѣнива, небрежно относится къ своимъ обязанностямъ; всюду грязь, безпорядокъ—и въ домѣ вѣчный содомъ, ибо первой и непосредственной отвѣтчицей является жена».

Затѣмъ г. фельетонистъ, не безъ остроумія, рисуетъ цѣлую картину, которая начинается съ пререканій между мужемъ и женой по поводу испорченнаго кушанья, а оканчивается грохотомъ тарелокъ, бросаемыхъ на полъ, бѣшенствомъ мужа и истерикой жены... Авторъ умалчиваетъ еще о дѣтяхъ, роль которыхъ въ этой домашней траги-комедіи—совсѣмъ плачевная, такъ какъ имъ приходится «платить за разбитые горшки», получая на свой пай щипки и толчки ото всѣхъ, участвующихъ въ распрѣ, сторонъ.

До какой степени доходитъ разнузданность нашей прислуги по отношенію къ нанимателямъ,—которыхъ странно теперь и называть, по старой классификаціи, «господами»,—объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ писемъ бѣдныхъ хозяекъ, опубликованный, десятокъ лѣтъ назадъ, въ одной петербургской газетѣ. Первая хозяйка пишетъ: «въ теченіе января мнѣ

Digitized by Google

пришлось перемѣнить трехъ кухарокъ. Одна прожила день, другая пять дней, третья—восемь. Первая отказалась, оттого что я не выговорила ей раньше о чисткѣ сапогъ, моихъ и моего маленькаго сына; вторая потому, что я не позволила «куму» оставаться ночевать (я живу одна съ ребенкомъ); третья каждый вечеръ жаловалась на головную боль, которая оказалась чрезмѣрнымъ выпиваніемъ».

Другая хозяйка плачется: «Да вотъ вчера прогнала я горничную. Пошла она дѣлать постель, да поперекъ кровати и заснула. Оказалось, что она ночью выходила изъ дому, выпущенная кухаркой, а утромъ возвратилась съ настолько тяжелою головою, что заснула на моей кровати». Третья хозяйка недоумѣваетъ: «научите, какъ устроить, чтобы прачки бѣлья не воровали? Захочешь вычесть—плачетъ. Не высчитать—расхищеніе идетъ безсовѣстное».

«Я уже рукой махнула на приписки въ счетахъ—негодуетъ четвертая хозяйка,—но вотъ еще открывается штука. Въ нашемъ домѣ живетъ прачка, *содержащая притонъ безмѣстныхъ кухарокъ*. Кухарокъ же, живущихъ на мѣстахъ, она «припаиваетъ» кофеемъ и водкой, устраиваетъ свиданія съ ихъ возлюбленными, а *тѣ ей платятъ за это нашими дровами*». Пятая хозяйка разсказываетъ обстоятельства «разсчета», потребованнаго у нея прислугою: «Ушли у меня горничная и кухарка, потому что я имъ подарила на праздникъ ситцу, тогда какъ онѣ, изволите видѣть, *ждали непремѣнно шерстяныхъ матерій*. Мужъ у меня на службѣ и получаетъ всего 65 рублей, да я практикою (акушерскою) прирабатываю въ мѣсяцъ рублей 30. У насъ трое дѣтей (дочь въ гимназіи) и моя и мужнина матушки (послѣдняя больная). Судите сами: при этой обстановкѣ (квартира съ дровами стоитъ 25 рублей)—могу ли я дарить шерстяныя матеріи? Между тѣмъ, *я осталась сразу безъ прислуги и поставлена была въ самое критическое положеніе*. Онѣ объ взяли и ушли, *и некуда на нихъ жаловаться*, и ничѣмъ нельзя ихъ заставить оставаться на мѣстахъ до найма новой прислуги».

Мы часто слышимъ со стороны—все рѣдѣющихъ, впрочемъ—заступниковъ домашней прислуги, что наши «господа» очень капризны, требуя отъ бѣдныхъ Матренъ и Агаѳоновъ какихъ-то непосильныхъ трудовъ, что они, наконецъ, сами го-

Digitized by Google

няютъ прислугу безъ всякаго предваренія. Но во всѣхъ разсказанныхъ случаяхъ,—а они, очевидно, не выдуманы и носятъ печать полной достовѣрности,—ни о какихъ капризахъ и «барственныхъ замашкахъ» не можетъ быть и рѣчи: наниматели защищаютъ только свою шкуру, свое домашнее спокойствіе отъ вторженія пьяныхъ кумовьевъ и крестниковъ, а свой карманъ—отъ наглаго выворачиванья какими-то невмѣняемыми, привилегированными воровками. Въ послѣднемъ же «инцидентѣ» дѣйствіе происходитъ въ несомнѣнно интеллигентной средѣ честныхъ тружениковъ, которые не только не предъявляютъ никакихъ чрезмѣрныхъ требованій, но дрожатъ ежеминутно отъ опасенія, что вотъ-вотъ имъ самимъ придется ставить самовары и чистить сапоги. Да и надо правду сказать: чрезмѣрной требовательностью и строгостью, на языкѣ нашей домашней прислуги, считается такая элементарная, обязательная для всякаго культурнаго человѣка, чистоплотность и любовь къ порядку, что спускаться ниже этой ступени — значитъ прямо очутиться среди грязи и всякаго дебоша. Отъ своей пищи нашъ средній интеллигентный человѣкъ тоже не ждетъ никакихъ деликатесовъ; но неужели онъ не вправѣ требовать, чтобы его не кормили говядиной втораго сорта вмѣсто перваго, протухлою дичью вмѣсто свѣжей и «сонною» рыбой вмѣсто живой, причемъ за дурную провизію онъ платитъ ту же цѣну, что и за хорошую, оставляя излишекъ въ рукахъ своей «локусты»? Нѣтъ сомнѣнія, что защитники нашей прислуги, въ ея теперешнемъ невозможномъ состояніи, опоздали со своими упоминаніями о барственныхъ замашкахъ на цѣлую четверть вѣка. «Не до жиру, быть бы живу»! — и наши хозяева хлопочутъ только о томъ, чтобы въ ихъ квартирахъ торчали какіе нибудь «услужающіе», мужскаго и женскаго пола, хотя бы они были грязнули изъ грязнуль и грубіяны изъ грубіяновъ. Обыкновенно *гонятъ* прислугу (въ большинствѣ, она сама отказывается отъ мѣста) только тогда, когда, становясь въ упоръ передъ хозяиномъ или хозяйкою, она честитъ ихъ непечатными словами и даже угрожаетъ прибѣгнуть къ «оскорбленію дѣйствіемъ». Германскій законъ, въ случаѣ явной, наглой дерзости со стороны домашней прислуги, дозволяетъ нанимателю выпроводить ее вонъ изъ квартиры даже съ «легкимъ насиліемъ»; а у насъ хозяева не

Digitized by Google

всегда обезпечены даже въ своей личной неприкосновенности. Я нисколько не удивлюсь, если въ скоромъ времени прочту въ какой нибудь газетной хроникѣ, что хозяинъ квартиры, взбѣшенный возмутительной дерзостью, отпущенной прямо въ лицо ему, хозяйкѣ дома или дѣвушкѣ-дочери, испробуетъ крѣпость черепа у какой нибудь пьяной и развратной Лукерьи. Но можно ли доводить дѣло до такого обостреннаго положенія и вынуждать мирныхъ обывателей къ незаконному самосуду, за отсутствіемъ всякихъ законныхъ мѣръ къ обузданію дикой распущенности? Крѣпостное право «господъ» давнымъ давно отошло въ исторію, но теперь они очутились уже сами подъ крѣпостнымъ игомъ у своей домашней прислуги. Ссылки на угнетенное состояніе нашей домашней прислуги, въ большинствѣ случаевъ, также фальшивы и не искренни, какъ и надоѣвшія всѣмъ ламентаціи о гоненіяхъ, воздвигаемыхъ на бѣдныхъ евреевъ. «Въ процентномъ отношеніи—справедливо говоритъ одна газета—на *двѣ* плохихъ хозяйки приходится *восемь* плохихъ слугъ».

III.

Вопросъ о домашней прислугѣ давно уже разрабатывается у насъ и съ юмористической точки зрѣнія, хотя несчастнымъ обывателямъ совсѣмъ ужь не до смѣху, и они могутъ только «смѣяться сквозь слезы».

«Будильникъ», въ одномъ фельетонѣ, подъ названіемъ: «Хозяинъ своей горничной», даетъ очень забавную картинку—исторію найма *четырнадцати* горничныхъ къ одному снисходительному хозяину. «Гвоздь» остроумія заключается въ томъ, что злополучный хозяинъ разсчиталъ свою горничную Акулину за то только, что она назвала его *пентюхомъ*, а жену—*дурой*. Но, испытавъ нашествіе 14-ти горничныхъ, одна лучше другой, онъ уже съ печалью и умиленіемъ въ сердцѣ вспоминаетъ «добрую, милую, кроткую и незлобивую Акулину» и даже посвящаетъ ей свой дневникъ. «Она была очень добра—пишетъ авторъ дневника.—Трудно повѣрить, но въ теченіе тѣхъ трехъ лѣтъ, которыя она служила, она *не переломила ни руки, ни ноги ни одному изъ нашихъ младенцевъ!* Затѣмъ она была терпѣлива. Если у насъ былъ обѣдъ изъ шести блюдъ, она

Digitized by Google

никогда ни кидала пирожнаго на полъ. Наконецъ, она была бережлива и *разбивала въ день не больше шести тарелокъ*. Словомъ, это было кроткое существо, съ которымъ я разстался, единственно благодаря своей глупой вспыльчивости. Испытавши службу нѣсколькихъ горничныхъ, хозяинъ вписываетъ въ дневникъ слѣдующія замѣтки:

«*25 января*. Аграфена отказывается служить. Говоритъ, что мой маленькій Петя «дѣйствуетъ ей на нервы». Замѣчательно, что это уже третья горничная. Положительно, слѣдуетъ отдать Петьку въ Воспитательный Домъ. Жаль только: никакъ не могу побороть въ себѣ этихъ глупыхъ родительскихъ чувствъ! *30 января*. Сегодня приходила наниматься новая горничная. *Представилъ* ей жену и дѣтей. Жена ей, кажется, понравилась. Дѣти—не особенно. Предупредилъ я, однако, что дѣти не будутъ выходить изъ дѣтской. Согласилась. Условились... двадцать семь рублей въ мѣсяцъ: три раза въ день чай. Утромъ—кофе, хлѣбъ, масло, сыръ. Обѣдъ не меньше какъ изъ четырехъ блюдъ. Насчетъ чаю она предупредила, что меньше, какъ въ шесть рублей фунтъ, она и не пьетъ. Господи, да я хоть въ восемь—только служи! *4 февраля*. Пренепріятная исторія! Жена сказала вчера горничной «ты»! Та вскипѣла, позвала полицію, отправила жену въ участокъ и составила протоколъ. Теперь жену будутъ судить у мироваго. *Ходилъ совѣтоваться къ адвокату*. Говоритъ: «*пожалуй, посадятъ*». (Нѣчто подобное произошло, дѣйствительно, въ Москвѣ съ аптекаршей Энкенъ). Нынѣ на этотъ счетъ очень строго и съ прислугой велятъ обращаться вѣжливо. Чортъ знаетъ, какъ непріятно! Ругалъ жену. Та разсвирѣпѣла. — Что вы,—говоритъ, — на меня кричите? Какъ вы смѣете?—Но я ее живо успокоилъ.—Ну, ну, матушка! Ты носъ-то не задирай. Ты не горничная. Разсчета небось не попросишь.—Рѣшили отыскать другую».

Послѣдовала новая смѣна «нервныхъ» горничныхъ и, въ концѣ цѣлаго ряда приключеній, нашъ «хозяинъ» вноситъ въ свой дневникъ слѣдующія лаконическія замѣтки:

«*4 марта*. Слава богу, нашли новую горничную. Очень приличная и милая дѣвушка. Чрезвычайно любитъ свою семью. Вчера къ ней переѣхали: ея мамаша, три тетушки и бабушка. Завтра ожидаетъ двоюродныхъ сестеръ. Думаемъ помѣстить

Digitized by Google

ихъ въ гостиной. *6 марта.* Большая радость! Къ нашей горничной пріѣхала золовка и разрѣшилась у насъ отъ бремени. Золовку помѣстили въ спальнѣ. Сами пріютились пока въ дѣтской. *8 марта.* Вчера вернулся домой въ два часа ночи. *Горничная не отперла* и сказала черезъ дверь, что я только безпокою ея мамашу. Дѣйствительно, деревенская старушка любитъ, чтобы всѣ ложились въ восемь часовъ вечера. *Ночевалъ на лѣстницѣ*»!

Какъ это ни удивительно и какъ ни старался, повидимому, авторъ «дневника» сгустить краски, доводя ихъ до карикатурнаго безобразія, но дѣйствительность—надо сказать правду—не только не отходитъ у насъ отъ этой завѣдомой карикатуры, а, пожалуй, еще усугубляетъ ее. Что прислуга нынче *выбираетъ хозяевъ*, а не хозяева прислугу—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; что хозяева вынуждены (особенно при большой семьѣ) танцовать по дудкѣ своихъ Аграфенъ и Акулинъ; что они не смѣютъ воспретить входъ въ свои квартиры даже буйнымъ бродягамъ; что въ выборѣ подарковъ они должны сообразоваться не съ состояніемъ своего кармана, а съ раздразненными апетитами своей прислуги; что «слово за слово» и «зубъ за зубъ» стали обычной разговорной манерой нашихъ личардъ и локустъ—это подтверждается ежедневно многочисленными доказательствами. И удивляться этому нечего! Какой культурности, благопристойности и трудолюбія можно ожидать отъ профессіоналовъ и профессіоналокъ домашняго прислужничества, ведущихъ совершенно кочевую, бродяжническую жизнь и таскающихся изъ квартиры въ квартиру по двадцати и болѣе разъ въ году?! Вѣдь нынче прислуга, прожившая па одномъ мѣстѣ два-три мѣсяца, должна считаться необычайной любительницей осѣдлой жизни; а г. Нотовичъ обязанъ печатать ея портреты въ своей «Петербургской Жизни». Господствующій же типъ нынѣшней прислуги—это номады, у которыхъ просто свербитъ въ ногахъ и которымъ жутко оставаться въ одной и той же квартирѣ свыше двухъ-трехъ дней.

Въ «Петербургской Газетѣ» мы прочитали въ 1894 году, вскорѣ послѣ рождественскихъ праздниковъ (№ 10), слѣдующія выразительныя строки: «Вчера мы насчитали въ нашей газетѣ 73 объявленія отъ лицъ, ищущихъ мѣста «кухарки»; 70—ищущихъ мѣстъ «горничной»; 21—няни, 51—одной при-

Digitized by Google

слугой, 10—прачки, 12—повара, 23—лакея, 14—швейцара и 3—старшаго дворника,—всего 277 прислугъ разныхъ наименованій. Въ другихъ газетахъ то же обиліе объявленій: количество этихъ объявленій всегда усиливается послѣ праздниковъ. А такъ какъ каждая кухарка, горничная, поваръ и др. отдаютъ объявленія на *одинъ* разъ, и количество объявленій вотъ уже шестой день не уменьшается, а увеличивается и доходитъ въ день *до 600*,—то легко себѣ можно представить, какое «переселеніе народовъ» представляетъ изъ себя въ настоящее время Петербургъ, въ лицѣ своей прислуги. 3,600 объявленій въ шесть дней, да столько же, если не въ три раза больше народу ищетъ мѣста прислуги безъ объявленій, а черезъ дворниковъ, лавочниковъ, мясниковъ и булочниковъ; наконецъ, чрезъ конторы для найма прислуги, а равно чрезъ Никольскій рынокъ. Можно смѣло сказать, что послѣ праздниковъ *тысячъ десять-двѣнадцать прислуги* (!!) оставили свои мѣста, получивъ праздничные подарки».

Изъ этой выразительной цифровой таблички нельзя не сдѣлать заключенія, что профессія домашней прислуги давно уже превратилась у насъ,—по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ,—въ опасное и безнаказанное *бродяжничество*, потерявъ всѣ признаки домовитой осѣдлости.

Но такъ какъ фельетонъ нашъ уже достигнулъ обычныхъ своихъ предѣловъ, то о мѣрахъ къ обузданію этого бродяжничества и къ урегулированію обязанностей домашней прислуги мы поговоримъ уже въ слѣдующій разъ. Вопросъ этотъ,—такъ тѣсно связанный съ благополучіемъ и даже съ самой возможностью существованія домашняго очага,—право, стоитъ того, чтобы поговоритъ о немъ съ толкомъ и добраться до какого нибудь практическаго разрѣшенія.

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Эпиграммы.

I.

Старцу-критику.

Инымъ ему теперь нельзя и быть:
Отъ старости едва уже онъ дышетъ;
И то, что онъ въ одинъ четвергъ напишетъ,
Въ другой—успѣетъ позабыть.

2.

Ему ли числиться въ журнальныхъ главаряхъ,
И разсыпать хвалы собратьямъ, какъ подачку?
Уже давнымъ давно жуетъ отъ только жвачку
И въ жизни, и въ своихъ критическихъ статьяхъ.

II.

Другому Аристарху.

На колокольнѣ, безъ заботы,
Онъ забавлялся звономъ встарь,
Но вотъ попалъ онъ въ протопопы,
И правитъ службу, какъ звонарь.

III.

Г. Волынскому.

Онъ любитъ вычурный языкъ,
Какъ грекъ—халву, еврей—червонецъ;
Онъ мыслитъ, словно ученикъ,
По русски пишетъ, какъ чухонецъ.

Digitized by Google

IV.

Публицисту Сыръ-Бри.

Ему бы поступить въ кварталъ
И предугадывать опасность,
А онъ въ писатели попалъ
И защищаетъ даже... гласность.

Скептикъ.

Digitized by Google

Въ сумракѣ.

Бѣдная родина! Дни невеселые
Выпали въ жизни твоей:
Кражи, убійства, да крахи тяжелые,—
Только и слышно рѣчей!
Въ прессѣ не встрѣтишь и слова отраднаго,
Только мелькаютъ порой
Тамъ описанья обѣда параднаго
Рядомъ съ ужасной нуждой!
Весело только героямъ стяжанія,
Любо, какъ рыбамъ въ водѣ.
Что́ имъ въ подавленномъ воплѣ страданія,
Что́ имъ въ голодной нуждѣ?!
Труженикъ, спину покорно сгибая,
Льсти имъ, склоняйся во прахъ:—
Этихъ волковъ кровожадная стая
Жизнь твою держитъ въ рукахъ!
Гдѣ же вы, честные, гдѣ же вы, сильные,
Рыцари правды святой,
Къ страждущей братьѣ любовью обильныя,
Съ чистой и смѣлой душой?
Гдѣ вы? Явитесь, чтобъ рѣчью громовою
Спящихъ отъ сна пробудить
И на борьбу ихъ съ недолей суровою
Крикомъ своимъ ободрить!..

Сфинксъ.

Digitized by Google

Онѣ.

I.

Жилъ мудрецъ. Онъ, по охотѣ,
Вздумавъ женщинъ изучать,
Много лѣтъ провелъ въ работѣ,
Много долженъ былъ читать.
Онъ читалъ пустыя книжки
И солидные труды,
Заводилъ не разъ интрижки,
Чтобъ провѣрить думъ плоды.
«Вопросительнаго Знака»
Книгу зналъ онъ наизусть;
На себя оковы брака
Онъ надѣлъ, отбросивъ грусть...
Былъ наградою увѣнчанъ
Трудъ упорный долгихъ дней:
Изучилъ характеръ женщинъ
Онъ до самыхъ мелочей.
Сталъ онъ всюду хвастать съ жаромъ,
Что характеръ ихъ узналъ,—
И... жену свою съ гусаромъ
En flagrant délit засталъ...

Digitized by Google

II.

Любви отвѣдавъ всѣ тревоги,
Сгарая страстью безъ конца,
Онъ долго обивалъ пороги
«Ея» роскошнаго *крыльца*.
На чай истративъ рубль послѣдній,
Потомъ онъ сдѣлался смѣлѣй
И не гнушался плесть въ *передней*
Бесѣду съ горничной о «ней».
Держась пословицы старинной,
Въ любви настойчивъ, но не крутъ,
Онъ «ею» принятъ былъ въ *гостинной*,
Положимъ, на пять лишь минутъ.

Digitized by Google

III.

Замѣчаемъ, господа, мы,
Что, сходясь во всемъ нарядомъ,
«Дамы тѣ» и «эти дамы»
Различаются по взглядамъ.
Обо всемъ забывъ на свѣтѣ
Въ наслажденіяхъ безъ мѣры,
Вѣрно служатъ «дамы эти»
Культу страстному Венеры.
Беззащитны всѣ «тѣ дамы»,
Отдаваясь увлеченью:
Ихъ стыдомъ клеймятъ упрямо
За такое преступленье...
Жизнь у «этихъ»,—въ полной власти,
Ширь натуры обнаружа;
«Тѣ», свои скрывая страсти,
Ждутъ (подчасъ напрасно) мужа...
«Этихъ дамъ» поблекли краски
На подмазанныхъ ланитахъ,
А у «тѣхъ» пылаютъ глазки
Отъ огня желаній скрытыхъ...
Съ постоянствомъ неустаннымъ,—
Какъ нерѣдко мы замѣтимъ,—
Холостыхъ влечетъ къ «тѣмъ дамамъ»,
А женатыхъ—къ «дамамъ этимъ»...

Невскій Житель.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 2-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Грѣхи отцовъ. Романъ А. Михайлова 7
II. Голубой цвѣтокъ. (Изъ Рудольфа Баумбаха). Стих. Л. Н. Трефолева 46
III. Народныя повѣрья въ южной Германіи. (Сказанья о свѣтлыхъ дѣвахъ и великанахъ). В. Э. Фирсова. 48
IV. Совѣсть. Стих. К. М. Фофанова 60
V. Кровь. (Изъ записокъ человѣка безъ убѣжденій). Романъ І. І. Ясинскаго 61
VI. Наши государственные крестьяне. (18 января 1866 года). Н. П. Дружинина 99
VII. Прометеево потомство. Романъ изъ исторіи послѣднихъ дней независимости Абхазіи. Д. Л. Мордовцева 112
VIII. Лиліи. (Изъ А. Аспыка. Съ польскаго). Стих. И. Бунина. 146
IX. Принцесса крови. Романъ Ярро (Джуліо Пичино). Переводъ съ итальянскаго 148
X. Цвѣты на могилу К. Д. Ушинскаго. (По поводу двадцатипятилѣтія со дня его кончины). М. В. Родевича. . . . 209
XI. Метаморфоза. (Очеркъ изъ жизни южно-русскаго еврейства). Д. В. Ѳедорова 224
XII. Годъ въ Финляндіи. В. Мошнина 247
XIII. Рождественскія дѣти. Разсказъ миссъ Брэддонъ (съ англійскаго). 269
XIV. На югѣ. Стих. С. Кіевскаго 312
XV. Что насъ интересуетъ въ журналахъ? (Письмо въ редакцію). Одного изъ публики 313
XVI. Иностранный журналъ новаго типа. В. В. Чуйко. . . . 321
XVII. У моря. Стих. И. Никулина 325
XVIII. На рубежѣ искусства. С. Васюкова 327
XIX. Наша журналистика. (Еврейскія притязанія въ русской печати). —скаго 350

Современное обозрѣніе.

XX. Политическая хроника. 1
XXI. Новыя книги 18
XXII. Наши внутреннія дѣла 29
XXIII. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»). 1) «И смѣхъ, и горе». (Литературныя и общественныя замѣтки). Ефима Простосердова 45
2) Стихотворенія: Скептика, Сфинкса и Невскаго Жителя 56

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику за 1 руб. 50 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ и, при каждомъ заявленіи, прилагать *пять семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ* за напечатаніе новаго адреса. Перемѣна адреса должна быть получена въ Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается 2 руб., при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ потребованы обратно,—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 100 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи. Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. 7) Контора открыта съ 1-го октября по 1-е мая—отъ 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 часовъ, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу—25 руб., за ½ стр.—13 руб., и за ¼ стр.—7 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія:* иначе теряется возможность контроля надъ правильностью уплаты. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: **5-го числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА **1896** Г., НА ЛИТЕРАТ.-ПОЛИТИЧ. ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XV. # „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XV.

Вступивъ въ пятнадцатый годъ своего существованія, **журналъ** издается подъ прежней редакціей, въ томъ же *прогрессивно-національномъ* направленіи.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, 1-го числа, **безъ предварительной цензуры**, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: **за годъ** безъ доставки **12** руб.; съ доставкою въ С.-Петербургѣ **13** руб.; съ пересылкою внутри Россіи **14** р.; **за границу—17** руб. **За полгода**: безъ доставки—**6** руб.; съ доставкою—**6** руб. **50** коп.; съ пересылкою въ Россіи—**7** руб.; съ пересылкою за границу—**9** руб. **За три мѣсяца**: безъ доставки—**3** руб.; съ доставкою и пересылкой въ Россіи—**3** руб. **50** коп.; за границу—**5** руб.

Вслѣдствіе допущенія редакціею подписки на полгода и **на три** мѣсяца безъ возвышенія платы, **разсрочка подписной суммы сохраняется только для гг. служащихъ** (по мѣсяцамъ и третямъ года) за поручительствомъ гг. казначеевъ. Книгопродавцамъ уступка: 50 коп. съ **годоваго** экземпляра. При подпискѣ полугодовой и трехмѣсячной, уступки не полагается.

Для сельскаго духовенства, учителей и учительницъ народныхъ школъ, для студентовъ и слушательницъ высшихъ учебныхъ заведеній, для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній и для офицеровъ **арміи** подписная цѣна: за **годъ** съ пересылкой 12 руб.; за **полгода—6 руб.**; за **три мѣсяца** — 3 руб. Этою скидкою съ подписной цѣны **пользуются** только тѣ лица, которыя *дѣйствительно принадлежатъ къ указаннымъ категоріямъ подписчиковъ* и выписываютъ журналъ на *свое имя, по мѣсту службы или ученія*, не болѣе одного экземпляра на **каждое** лицо. Подписка съ разсрочкой и уступкой адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

Въ первой книгѣ журнала начаты романы: **«Грѣхи отцовъ»**, *А. К. Шеллера* (А. Михайлова), **«Кровь»**, *І. І. Ясинскаго*, **«Прометеево потомство»** (изъ исторіи завоеванія Абхазіи) *Д. Л. Мордовцева* и пр.

Фельетоны *Ефима Простосердова* будутъ помѣщаться по **прежнему** въ каждой книгѣ журнала, кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ С.-Петербургѣ, въ **Главной** Конторѣ редакціи (Пушкинская ул., близъ Невскаго просп., № 11), **въ конторѣ** «Новаго Времени» и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ (**Фену**, Вольфа, Цинзерлинга, Риккера, Стасюлевича и др.); въ *Москвѣ*—**въ конторѣ** Печковской (Петровскія линіи), въ книжн. магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ университета) и въ отдѣленіи конторы «Новаго Времени»; въ *Одессѣ*—въ книжныхъ магазинахъ Распопова и «Нов. Времени», и въ конторѣ «Новороссійскаго Телеграфа»; въ *Кіевѣ*—въ кн. магазинахъ Оглоблина, Идзиковскаго и Литова; въ *Харьковѣ* и *Саратовѣ*—въ кн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ *Тифлисѣ*—въ «Центральной **книжн.** торговлѣ» и въ кн. магазинахъ Евангулова и Сузанаджана; въ *Томскѣ*—въ кн. магазинѣ Макушина; въ *Вильнѣ*—въ кн. магазинахъ Сыркина и Стракуна; въ *Смоленскѣ*—въ кн. магазинѣ Клестова; въ *Тулѣ*—въ **кн.** магазинѣ Протасова; въ *Житомирѣ*—въ кн. магазинѣ Савчука; въ *Казани*—въ кн. магазинахъ: Дубровиной, Башмаковыхъ и «Восточная Лира».

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала на почту **только** передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Типографія Главнаго Управленія Уѣздовъ, Моховая, 40.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google